

СИНИЙ МИР

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ДЖЕК ВЭНС

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

JACK
VANCE

ДЖЕК ВЭНС

Синий мир

ас*
ИЗДАТЕЛЬСТВО **ЕРМАК**
Москва
2004

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
В97

Серия основана в 2001 году

Перевод с английского

Серийное оформление и компьютерный дизайн А.С. Сергеева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского*

Подписано в печать 19.04.2004. Формат 84х108 1/32
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 5 000 экз. Заказ № 2020

Вэнс Д.

В97 Синий мир: Сб.: Пер. с англ. / Д. Вэнс. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 698, [6] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-024205-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-1362-7 (ЗАО НПП «Ермак»)

Джек Вэнс (родился в 1916 г.) — один из ярких представителей американской фантастики XX в., лауреат премий «Хьюго», «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези за «общий вклад в развитие жанра».

Талант Джека Вэнса удивительно многогранен; ибо перу его в равной степени подвластны фантастика классическая, фантастика приключенческая, фэнтези во всех возможных ее проявлениях — и самые невероятные, но всегда удачные гибриды вышеперечисленных жанров.

В сборник включены следующие произведения: «Синий мир», «Хозяева драконов», «Сын Деревя», «Дом Иззоома», «Последний замок», «Пыль далеких солнц».

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Перевод. С. Фроленок, 2004
© Перевод. А. Лидин, 2004
© Перевод. К. Фенлар, 2004
© Перевод О. Додонова, 2004
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2004

СИНИЙ МИР

ГЛАВА 1

Кастовые различия среди народа Плотов быстро теряли былое значение. Анархисты и Грабители исчезли полностью, межкастовые браки стали нередким явлением, особенно среди каст, имеющих примерно одинаковый социальный статус. Это, конечно, не означало, что в обществе воцарился хаос: Казнокрады и Расхитители по-прежнему сохраняли свое высокое положение, а Зазывалы по-прежнему не могли избежать завуалированного, но разделяемого всеми презрения. Кидалы состояли преимущественно из рыбаков, удивших и ставивших сети с кораклов — рыбацких лодок, сплетенных из ивняка и обтянутых кожей, — а некогда многочисленные Пакостники, ныне сократившиеся до жалкой горстки, заправляли красивыми работами на плоту Фэй. Контрабандисты варили лак, Костоломы дергали зубы. Мошенники обустривали в лагунах заводы для губок, а Поджигатели полностью прибрали к рукам сигнальные маяки. Последнее всегда возбуждало любопытство молодежи, которая задавалась вопросом: что же появилось раньше — маяки или Поджигатели, на что старшие разъясняли: «Когда Корабль из космоса высадил Первых на благословенные Плоты, среди Двухсот было всего четверо Поджигателей. Потом, когда появились маяки и на них были установлены лампы, потребовались и те, кто будет поджигать их, и вполне естественно, что этим делом занялись Поджигатели. Возможно, именно это и было их занятием во Внешнем Хаосе, еще до того, как был

предпринят Побег. Там наверняка тоже существовали маяки и лампы на них, которые нужно было зажигать, чтобы подавать сигналы. Разумеется, мы многого о них не знаем, — есть такие вещи, о которых Мемориумы умалчивают или говорят двусмысленно».

Во всяком случае, сыграла ли здесь роль наследственная память или что-нибудь другое, но ныне редкий из Поджигателей не находил своего призвания на башне маяка — в качестве ли сборщика, ламповщика, ответственного за поджиг или Мастера-Поджигателя, сидящего за рычагами.

Еще одна каста, Лепилы, занималась строительством вышек для маяков, возводя сооружения от шестидесяти до девяноста футов высотой. Располагались они в центре плота и строились на четырех балках из клееных ивовых прутьев, которые пропускались сквозь отверстия в плетеном материале и связывались в прочные основы, уходившие на двадцать-тридцать футов в глубину. На самом верху башни находился купол с тростниковым сводом. Рей, простертые по сторонам, уравнивали конструкцию. На каждой из сторон висела рама с девятью лампами, расположенными квадратом, а также колпаками и механизмом, обеспечивающим их закрывание. Из окон купола были видны соседние плоты: наибольшее расстояние между ними составляло две мили, между Зеленой Лампой и Адельвином; наименьшее — четверть мили, между Люмаром и Народным Равенством.

Мастер-Поджигатель сидел за пультом управления. По левую руку от него находились девять рычагов, приводивших в действие механизмы открывания колпаков справа. Соответственно, рычагами, расположенными справа, он открывал левые колпаки. Благодаря этому, принимая сообщение, он мог тут же набирать его и передавать дальше, и ему не надо было разворачиваться. В дневное время фонари не зажигались, а заменялись белыми кружками-табличками, видными издали. Каждая комбинация означала определенное слово, и Мастера владели искусством передачи сигналов со скоростью разговорной речи. Им было известно не менее пяти тысяч сочетаний, а некоторые владели лексиконом и в семь, восемь и даже девять тысяч комбинаций. Остальные жители плотов тоже в той или иной степени умели читать сигналы, которые использовались при составлении архивов (несмотря на пламен-

ные протесты со стороны Писцов), а также для передачи другой информации — в публичных объявлениях и частных сообщениях¹.

На плоту Спокойствия, самом крайнем во флотилии, Мастером-Поджигателем был Зандер Рохан, суровый взыскательный старик, владевший искусством передачи семи тысяч знаков — таких называли «семитысячниками». Его первый помощник, Склар Хаст, знал более пяти тысяч комбинаций и вполне мог заменить Мастера на его рабочем посту. С ними была еще пара помощников, а также трое подмастерьев, двое заплетчиков, фонарщик и один обслуживающий Лепила. Зандер Рохан нес вахту в вечернее время — это были самые загруженные часы, когда текущие новости, слухи и сплетни, объявления Зазывал, а также извещения, касающиеся Царя-Крагена, так и мелькали взад-вперед, облетая пятидесятимильную линию плотов.

Склар Хаст стоял вахту в дневные часы; затем в куполе появлялся Зандер Рохан, а он отправлялся проследить за состоянием дел и проверить работу учеников. Довольно молодой годами, Склар Хаст добился своего положения с помощью самой нехитрой политики, какую только можно себе представить: с упорством доводя до совершенства приема работы и добиваясь того же от учеников. Зандер Рохан был человеком прямым и суровым, требовательным и безжалостным. Ученики порой негодовали, но тем не менее уважали Мастера. Склар Хаст считал его педантом и придирой, недооценивающим его способности. Впрочем, все это ничуть не заботило ни наставника, ни его подопечного. Скоро Мастеру предстояло уйти на почетный и заслуженный отдых, и тогда его место займет Склар Хаст. Поэтому первый помощник лениво и праздно размышлял о неизбежном будущем. В этом безмятежном, спокойном, ясном, не знавшем волнений и перемен мире, где время скорее тянулось, чем спешило вперед, не было необходимости торопиться.

¹ Азбука сигналов была разработана издревле. Сигналы с левой стороны означали общую идею, а комбинация справа уточняла предмет сообщения. Например, набранный слева знак [СМ ТЕКСТ ОРИГИНАЛА, СНОСКА] подразумевал понятие «цвет», и тогда комбинация справа означала: белый, черный, красный, розовый, темно-красный и так далее.

Склару Хасту принадлежал небольшой островок в форме сердца, ста футов в диаметре, плававший в северной части лагуны. Его хижина была вполне стандартной: она была сделана из выгнутых и связанных вместе пучков ивняка, покрытых сверху дубленой кожей. Вся конструкция была промазана хорошо выдержанным лаком, который делали, вываривая водоросли до тех пор, пока вода не выкипала и отвар не становился вязким.

Губчатая почва островка была покрыта растительностью: здесь были заросли ивняка, прутья наподобие бамбука, из которых было хорошо плести, ползучие морские вьюны. Жители плотов высаживали растения, сообразуясь с эстетическими принципами, однако Склар Хаст слабо разбирался в этих делах, и его участок представлял собой запущенный, дикий и глухой сад с торчащими во все стороны стеблями, ветками, листьями и вьюнами, образующими дикие сочетания черного, зеленого и рыжевато-красного.

Склар Хаст считал себя счастливчиком. Но, увы, как раз те качества, которые позволили ему добиться завидного положения, отнюдь не помогали ему уживаться в обществе. Только за одно это утро он успел раскритиковать всех жителей соседних плотов. А теперь, сидя на скамейке перед своей лачугой, потягивая из чаши вино и глядя, как сиреневый сумрак опускается на поверхность океана, он мрачно размышлял об упрямстве и безрассудстве Мэрил, дочери Зандера Рохана. Легкий ветерок шевелил воду и колыхал листву. Глубоко вздохнув, молодой человек отбросил тяжелые мысли. Пусть Мэрил поступает, как ей заблагорассудится; глупо мучить себя из-за нее, Семма Войдервега или кого другого. Что без толку убиваться? Склар Хаст даже улыбнулся: в конце концов, таков был Завет, — хотя сам он ни за что не поставил бы свою подпись под таким сводом человеческих законов...

Но вечер уже вступал в свои права, и напряжение понемногу отступало. Вглядываясь в горизонт, он с неожиданной ясностью вдруг постиг собственное будущее, такое же светлое и бескрайнее, как это водное пространство, растилающееся перед ним, срастаясь с небом. Он мог обручиться с любой из девушек, которых успел опробовать в недавнем прошлом, и навсегда покончить с холостяцкой жизнью. Однако торопиться не следовало. Холостяцкая

жизнь — вовсе не самое плохое состояние на свете, чтобы стремиться покончить с ней так уж решительно и бесповоротно. Девушки, конечно, придерживались иного мнения и торопили с выбором. Что ж, если это будет Мэрил Рохан...

Склар Хаст осушил чашу. Глупо торопиться, еще глупее досадовать на то, что жизнь развивается не по твоим планам. Жизнь — прекрасная штука. В лагуне произрастали съедобные водоросли, которые, если их промыть пресной водой и приготовить как следует, представляли собой основную пищу населения, живущего на плотках. К тому же в лагуне было полно рыбы, которая под защитой людей, отделенная от океанских хищников сетью, плодилась с невероятной быстротой. На выбор были и другие лакомства: пыльца морских кувшинок, их нежные завязи, а также рыба, выловленная Кидалами и Острожниками из океана.

Склар Хаст нацедил себе вторую чашу и, откинувшись на спину, устремил взгляд вверх, где уже пылали созвездия. Там над океаном висело скопление из двадцати пяти звезд, из которого, как гласило предание, явились его предки, убежавшие от преследования тиранов. Двести человек из разных каст успели обосноваться на поверхности, прежде чем космический корабль опустился на дно покрывавшего поверхность планеты океана. Ныне, двенадцать поколений спустя, эти две сотни беглецов превратились в колонию из двух тысяч человек, рассеянных на пятьдесят миль по плавучим островам из морских водорослей. Касты, между которыми в первые годы еще соблюдались строгие различия, через несколько поколений почти уравнились: стерлись межкастовые различия, все привыкли друг к другу и уже ничем особенным, кроме названия, не выделялись. Само название касты стало чем-то вроде родового имени. Ничто не тревожило этой мирной безмятежной жизни — кроме Царя-Крагена.

Склар Хаст встал и подошел к краю плота, где всего пару дней назад Царь-Краген выгреб подчистую его заводи. Аппетит животного рос с каждым годом вместе с его размерами, и трудно было представить, во что это выльется в будущем. Есть ли границы его прожорливости? Всю свою жизнь организм, известный под названием Царь-Краген, неуклонно рос и развивался, достигнув на настоящий

момент шестидесяти футов в длину. Склар Хаст прищурился, вглядываясь в океан в западном направлении — оттуда обычно приплывало чудище, рассекая глубины дюжими плавниками, издавая напоминая четырехвесельную галеру на полном ходу. Но вблизи сходство с чем-либо привычным окончательно пропадало. Громадная черная туша Царя-Крагена открывалась зияющей глоткой, окаймленной четырьмя челюстями и восемью ротовыми щупальцами. Из верхней части туловища торчал горб, в котором располагались две пары глаз; одна пара смотрела вперед, другая назад. Царь-Краген таил в себе грандиозную разрушительную силу, но, к счастью, его удавалось задобрить. Он поглощал целые массивы морской губки, выращиваемой колонистами, и когда его аппетит бывал удовлетворен, не оставлял за собой жертв и разрушений. Он даже охранял зону плотов от других алчных крагенов, преследуя их, как только они появлялись в зоне видимости, и отгоняя в глубины океана.

Склар Хаст вновь опустился на скамью, обернувшись к башне Спокойствия, откуда подавались сигналы. На вахте стоял Зандер Рохан — по тому, как оживленно перемигивались фонари, он узнавал почерк наставника. Однако в последние годы рука все больше изменяла тому, как, впрочем, и глаз — чего нельзя было не заметить даже с такого расстояния. Ритм был уже не тот. Склар Хаст понимал, что мог бы перегнать его в любое время, если бы решился нанести старику такое оскорбление. Однако, несмотря на всю свою грубость и отсутствие такта, это было последней вещью, которой хотел Склар Хаст. Но как долго старик еще сможет выполнять свои обязанности? Даже сейчас Зандер Рохан, не имея на то особых причин, откладывал свою отставку — из зависти и враждебного отношения к своему помощнику, как подозревал Склар Хаст.

Зависть могла быть вызвана несколькими обстоятельствами: прямоотой и категоричностью самого Склара Хаста, его самоуверенностью и, наконец, профессиональной компетентностью, в которой многим виделась заносчивость молодого выскочки. Но главной причиной была Мэрил Рохан, дочь старика. Пять лет назад Рохан прозрачно намекнул ученику на то, что у него подрастает дочь на выданье. Отчего-то старику тогда не терпелось посватать ее именно за своего помощника. Мэрил принадлежала к той же

касте, что и он, и была дочерью Гильдмастера. К тому же они были представителями одного поколения — Одиннадцатым родом с начал Поселения.

Но в то время Мэрил походила на неказистого подростка с мальчишескими замашками, и Склар Хаст не торопился под венец. Как и большая часть населения плотов, Мэрил была грамотной — то есть могла читать и распознавать сигналы с маяков, но при этом она умела еще и читать письма Первых. Склара Хаста, преданного световой азбуке фонарщиков, очарованного ее изяществом и осмысленностью, раздражали эти загадочные каракули. Как-то раз он стал допытываться, что привлекает ее в этих значках.

— Я хочу прочитать Мемориумы от начала до конца, — спокойно ответила она. — И вообще собираюсь в будущем стать Писцом.

Склар Хаст не отрицал, что каждый человек имеет право стремиться к исполнению своих мечтаний, но все же был озадачен.

— Но зачем? Те же Аналекты из Мемориумов каждый день передаются сигналами с маяка. Причем там в них излагается сама суть, не то что в этих запутанных крючках.

Мэрил Рохан рассмеялась — совсем как ее отец над невежественным учеником.

— Но как раз эта многозначность и привлекает меня! В ней и заключено все значение Мемориумов. Именно нелепости, противоречия, намеки — они и составляют самую суть. Мне интересно, что кроется в них — и за ними!

— За ними кроется то, что первые поселенцы были мужчинами и женщинами, совершенно сбитыми с толку, оказавшись в новом и незнакомом им мире.

— Поэтому я и хочу как следует изучить Мемориумы — чтобы наконец разобраться, что там у них происходило. Сопоставляя одну нелепость с другой, чтобы понять все остальные недоразумения. Я просто не могу поверить, что человек, старавшийся передать память на века, умышленно делал записи запутанными и невразумительными. Возможно, они только кажутся нам такими.

Склар Хаст пожал плечами:

— Вообще-то, твой папаша считает, что тебя пора опробовать. Если хочешь, приходи ко мне на плот, в любое время, хоть завтра утром — я отпускаю Корали Возель.

Мэрил Рохан досадливо надула губы:

— Мой отец торопится выдать меня замуж, но я вовсе не спешу выскочить за первого встречного. Благодарю, Склар Хаст, я не нуждаюсь в пробах. Так что Корали может пожить у тебя еще с неделю. Или месяц, а то и год. Можешь не торопиться выгонять ее.

— Ну, как знаешь, — отвечал Склар Хаст. — Да и все равно это будет напрасная трата времени, потому что у нас с тобой нет единства душ.

Вскоре после этого разговора Мэрил Рохан покинула плот Спокойствия, собравшись поступать в Академию Писцов Четырехлистника. Склар Хаст понятия не имел, передала ли Мэрил отцу этот разговор, но их отношения с тех пор остыли.

В надлежащее время Мэрил Рохан вернулась домой со списками Мемориумов, переписанными собственной рукой — что и составляло суть обучения в Академии Писцов. За несколько лет, проведенных в Академии, она совершенно переменилась — ее нельзя было узнать. Она стала серьезнее, как-то похудела и осунулась, стала намного сдержаннее выражать свои мысли и мнения и вообще изменилась к лучшему. Теперь она превратилась из девочки-переростка в настоящую красавицу, хотя прежние замашки все же давали о себе знать. Склар Хаст предлагал опробовать ее еще дважды. В первый раз она ответила категорическим отказом, во второй же — что случилось через пару дней после первого — сообщила, что Семм Войдервег собирается сделать ей предложение без пробы.

Склар Хаст принял эту новость как совершенно невероятную, возмутительную и неприемлемую. В лучшем случае все это казалось неудачной шуткой или розыгрышем, в худшем — настоящим бунтом против устоев. Семм Войдервег из касты Хулиганов служил Сводником на Спокойствии, то есть был вторым после Иксона Мирекса, Арбитра плота. Тем не менее Склар Хаст нашел с десятков причин, по которым Мэрил Рохан не могла выйти за него замуж:

— Да он же старик! Небось из поколения Девярых, если не Восьмых!

— Вовсе он не так уж и стар. Всего на десять лет старше тебя. И вообще он из Десярых.

— Но ты же, ты-то из Одиннадцатых! И я из Одиннадцатых!

Мэрил Рохан посмотрела на него, склонив голову набок — и тут Склару Хасту вдруг бросилось в глаза то, на что он не обращал внимания прежде: насколько она красива, какая у нее белая кожа, насколько густы ее смоляные кудри, и даже в ее вызывающем поведении, которое он сперва принимал за детские причуды, он уловил теперь дурман кокетства и что-то еще — глубокое, тайное и непостижимое.

— Вот еще, — пробормотал Склар Хаст, — да вы просто безумцы. Один женится без пробы, а другая собирается войти в дом кормильщика крагена. Ты хоть знаешь, какой он касты? Ведь это простой Хулиган!

— Выбирай слова! — повысила она голос. — Что это еще за обращение! Семм Войдервег не простой Хулиган, он — Сводник!

Склар Хаст хмуро уставился на нее, пытаясь понять, шутит она или говорит всерьез. Была в голосе Мэрил какая-то игривость, и он никак не мог взять в толк, чем она вызвана.

— Ну так и что? — спросил он. — В таком случае, можно сказать, что и краген, в общем-то, просто рыба. Большая рыба, чем он и является на самом деле, — вот и все. В таком случае, глупо столько церемониться с рыбой.

— Если бы он был обыкновенной рыбой, твои слова имели бы смысл, — возразила Мэрил Рохан. — Но краген — не рыба, он нечто большее.

Склар Хаст хмыкнул:

— И это мне говорит выпускник Академии Четырехлистника! Это случайно не Войдервег внушил тебе такие идеи?

— Не знаю, — легкомысленно мотнула головой Мэрил Рохан. — Отец хочет, чтобы я вышла замуж. А замужем за Сводником у меня хотя бы будет время для моих исследований.

— Какая гадость, — пробормотал Склар Хаст и пошел прочь. Мэрил Рохан лишь пожала плечами и отправилась своей дорогой.

Склар Хаст ломал голову над этим разговором все утро и в полдень явился к Зандеру Рохану. Это был человек одного с ним роста, с пышной седой шевелюрой, аккуратной белой бородой и парой пронизательных серых глаз, обладающий довольно увесистой комплекцией и желчным

характером. Тонкая гибкая Мэрил Рохан была ничуть не похожа не отца, не считая разве что цвета глаз.

— Я тут разговаривал с Мэрил,— осторожно начал помощник смотрителя маяка.— Она говорит, будто ее выдают за Войдервега.

— Да,— сказал Зандер Рохан,— ну и что?

— Это же неравный брак. Что за пара получится? Вы же знаете Войдервега: этот надутый, чванный, самодовольный, невежественный, тупой...

— Стоп, стоп,— воскликнул Рохан.— Попридержи язык, парень. Он Сводник плота Спокойствия! Он оказал великую честь моей дочери, согласившись взять ее на пробу! Склар Хаст хмыкнул:

— А мне она сказала, что ее берут без пробы.

— Что ж, даже если так — тем выше честь.

Вздыхнув, Склар Хаст принял нелегкое решение.

— Я беру ее замуж,— пробормотал он.— И без пробы.

— Ты?

— Да. Я составляю для нее равную пару.

Рохан отступил на шаг, словно для того, чтобы лучше рассмотреть новоявленного зятя. На лице его возникла саркастическая усмешка.

— А с чего это ты решил, что я предпочту подмастерье, когда она может выбрать Сводника? Тем более что этот подмастерье дерет нос, считая, что делает мне одолжение?

Склар Хаст прикусил язык, сдерживая гнев.

— Я Поджигатель, мы с ней одной касты. Вы что, хотите, чтобы она перешла в Хулиганы?

— А какая, собственно, разница? Он же Сводник — вот что главное. А Хулиган он или еще кто — это дело второе.

— Я объясню вам, в чем разница,— терпеливо заговорил Склар Хаст.— Он не умеет ничего, кроме как собирать налог в пользу рыбы. А я помощник Мастера-Поджигателя, а не заурядный подмастерье, как вы меня называли. И вы знаете мои способности.

Зандер Рохан поджал губы и поморщился, коротко кивнув.

— Знаю, знаю твои способности — однако это еще далеко не все, что требуется, чтобы занять мое место. Ты еще не освоил ритм передачи: надо четче работать рычагами и не отвлекаться на описательные выражения, чем ты иногда злоупотребляешь. В твоей работе не хватает ритмично-

сти. И спасает тебя пока только то, что мы живем в относительно мирные времена. Твое поколение еще не знает настоящих бедствий.

«Можно подумать, твое поколение их знает», — подумал Склар Хаст. Но он подавил гнев, закипавший в нем. Несмотря на свойственную молодости порывистость, он умел себя сдерживать, когда того требовали обстоятельства. Стоя лицом к лицу перед Зандером Роханом, он взвешивал ситуацию. Если он будет нажимать на клановое неравенство, упрямый самодур Рохан нарочно бросит вызов традициям и поступит так уже из принципа, а не для того, чтобы сделать дочь счастливой. Возможно, старик сейчас вообще отдал бы ее за первого встречного — только чтобы уязвить его посильнее.

Он мог потребовать от Зандера Рохана поединка для защиты своего положения, и старик, скорее всего, принял бы вызов. Такие поединки, ныне редкие, некогда были основным средством утвердиться на плотах. Вот только Склар Хаст не имел желания смещать старика с его места — он не торопился принимать на себя ответственность.

Поэтому он лишь безмолвно отвернулся и пошел прочь, стараясь не обращать внимания на смешки старика за спиной.

У подножия башни он уставился пустым невидящим взором в листву. Там, за воротами, высился роскошный особняк Зандера Рохана с тремя куполами. В беседке, увитой диким морским виноградом, Мэрил Рохан ткала белое полотно, что составляло основное занятие каждой женщины плотов с детства до старости. Склар Хаст приблизился к ивовому плетню, отделявшему владения смотрителя маяка от дороги. Мэрил почувствовала, что он рядом, но не подняла глаз, а лишь тихо улыбнулась, не отрываясь от ткацкого станка.

Склар Хаст заговорил, старательно выбирая слова и сохраняя почтение в голосе:

— Я только что разговаривал с твоим отцом. Сказал, что я против твоей женитьбы на Войдерверге и предложил вместо него себя. — Он отвернулся лицом к лагуне. — Без пробы.

— Вот как? И что же он тебе сказал?

— Он отказал.

Мэрил молча продолжала трудиться над полотном.

— Ситуация становится смешной, — продолжал Склар Хаст. — Впрочем, она типична для этого отсталого плота.

Вас поднимут на смех не только на Уведомляющем, но и на Самбере.

— Если тебе здесь не нравится, отчего бы не податься в другие места? — язвительно спросила Мэрил.

— Если бы я только мог, меня бы вообще на этих скучных плотях не было! Я бы отправился в другие миры! Не везде же, в конце концов, такой бедлам, как здесь.

— Почитай Мемориумы, там все узнаешь.

Сklar Хаст хмыкнул:

— За двенадцать поколений многое могло измениться. Мемориумы сохранили мнения современников. Да и зачем копаться в золе прошлого? От Писцов не больше пользы, чем от Сводников. К тому же, я тут, подумав, решил, что вы с Семмом Войдервегом составите прекрасную пару. Пока он будет читать молитвы Царю-Крагену, ты сможешь составить новую потрясающую подборку Аналектов.

Мэрил прекратила ткать и, нахмурившись, стала рассматривать свои руки.

— Думаешь? — она встала и приблизилась к разделявшей их изгороди. — Спасибо на добром слове.

Несколько опешив, он посмотрел на нее с подозрением:

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. Серьезнее некуда. Ты же меня знаешь.

— Шут тебя разберет. Думаешь, от новых Аналектов будет прок? А со старыми-то что не так?

— Представь себе, сколько теряется полезной информации, когда шестьдесят одна книга собирается в три тома.

— Есть ли во всем этом смысл — копаться в темных и запутанных местах старинных фолиантов?

Мэрил Рохан сложила губы бантиком.

— Несовместимости интересны. Несмотря на все преследования, которые пришлось претерпеть Первым, они с сожалением покидали Отчие Миры.

— Должен же быть хоть один разумный народ среди безумцев, — задумчиво пробормотал Сklar Хаст. — Ну так и что? Миновало двенадцать поколений — за такой срок все могло измениться. Мы сами изменились. Причем не в лучшую сторону. Теперь всех волнует лишь собственный комфорт и спокойствие. Думаешь, Предки плясали перед тварями из океанских глубин те пляски, которые будут на вашей предстоящей свадьбе?

Вместо ответа Мэрил посмотрела куда-то через его плечо. Склар Хаст обернулся и увидел Семма Войдервега, Сводника, стоявшего, сцепив руки за спиной и наклонив голову. Это был крепко сбитый, полный мужчина средних лет с округлым румяным лицом. Его кожа была гладкой и чистой, а карие глаза излучали гипнотический блеск.

— Я слышал, здесь что-то говорили о Своднике, причем в непочтительном тоне, — начал он, приближаясь. — Неважно, что вы думаете о нем как о человеке, но звание заслуживает уважения.

— Что еще за звание? О чем это ты?

— Я олицетворяю собой весь народ. И забочусь о нашей сохранности перед лицом самого Царя-Крагена.

Склар Хаст пренебрежительно рассмеялся.

— Я иногда думаю — сам-то ты веришь в свои безумные идеи? Читать молитвы перед рыбой...

— Идеи — неверное слово, — заявил Семм Войдервег. — Правильнее назвать это «наукой» или «теологией». — Он продолжал ледяным тоном: — Царь-Краген правит океаном и дарует нам свою защиту, а мы воздаем ему должное. Так гласит Завет.

Эта дискуссия привлекла внимание прохожих; уже с десяток человек столпилось вокруг, прислушиваясь к спору.

— Просто мы стали трусами и бесхребетниками, — говорил Склар Хаст, — недостойными славы предков. Вместо того чтобы защищать себя, мы поклоняемся и служим твари из морских глубин.

— Довольно! — с холодной ненавистью воскликнул Семм Войдервег. Он повернулся к Мэрил, указывая на особняка ее отца. — Ступай домой и не слушай этого безумца. А еще Помощник Мастера-Поджигателя! Удивительно, как он умудрился дорасти до столь высокой должности в своей гильдии.

Мэрил удалилась с неопределенной улыбкой на лице. Такое беспрекословное подчинение уязвило Склара Хаста в самое сердце.

Бросив на него последний предостерегающий взгляд, полный негодования, Семм Войдервег последовал за ней.

Склар Хаст отвернулся и стал смотреть в сторону своей лагуны. Один из тех прохожих, что остановились послушать разговор, обратился к нему:

— Погоди, Склар Хаст! Ты в самом деле веришь, что мы сможем защитить себя от морских чудовищ без Царя-Крагена?

— Совершенно уверен, — буркнул Склар Хаст. — Во всяком случае, стоило хотя бы сделать такую попытку. Конечно, Сводники не хотят перемен — зачем они им?

— Да ты просто смутьян, Склар Хаст! — взвизгнула какая-то особа женского пола. — И с детства таким был. Всегда шел против.

Склар Хаст прошел сквозь толпу, направляясь к лагуне, над которой сгущались сумерки. Там у него был привязан рыбацкий коракл.

В хижине он наполнил чашу вином и снова уселся на скамейку перед домом. Безмятежное небо и тихая вода понемногу успокоили его. Теперь и гнев постепенно перерос в простую досаду — а после и вовсе показался смешным весь этот сыр-бор, возникший на пустом месте, — но стоило его глазам остановиться на заводе, опустошенной Царем-Крагеном, как прежнее негодование нахлынуло с новой силой.

И тут он увидел, как у самого края сетей закипела вода. Океанская гладь взорвалась пенными брызгами — поблескивая в сумерках, из глубин поднималась глянцева́я туша огромного животного.

Подойдя к самому краю плота, он стал всматриваться в темноту. Сомнений не было — какой-то краген, размерами поменьше Царя, пытался прорваться сквозь сеть, окружавшую лагуну Спокойствия!

ГЛАВА 2

Склар Хаст вихрем пронесся по островку, вскочил в свой коракл и погреб к центральному плоту. Задержавшись лишь для того, чтобы привязать коракл к шесту, он что было сил припустил к маяку. Впереди на расстоянии мили мигали фонари Трашнека, и по почерку безошибочно узнавалась рука Дардана Фарра, Мастера-Поджигателя этого плота:

«... тринадцать ... бушелей... соли... погибло... на... барже... давшей... течь... между... Самбером... и... Адельвином...»

Склар Хаст вскарабкался по лестнице и ворвался в купол. Зандер Рохан удивленно обернулся к нему, и удивле-

ние сменилось гневом, когда он увидел перед собой Склара Хаста. Старик насупился и побагровел, борода встопорщилась, а пышные седины встали дыбом, как бывало всякий раз в минуты крайнего раздражения. Весть о разговоре с Семмом Войдервегом мгновенно облетела округу — и о нем уже успели сказать многое. Симпатии народа были отнюдь не на его стороне.

Вместо объяснений он показал в сторону лагуны:

— Чужой рвет сети! Я видел его своими глазами. Зовите Царя-Крагена!

Зандер Рохан мигом забыл про свои нелады с молодым помощником; он зажег огонь и отрывистыми сигналами стал передавать сообщение. Пальцы его плясали по рычагам.

«Зовите... Царя ... Крагена,— сигналил он.— Чужой... в... лагуне... Спокойствия!»

Приняв сообщение на плоту Трашнека, Дардан Фарр тотчас же передал его на плот Бикля; оно моментально облетело всю линию плотов, вплоть до Сционы далеко на западе, откуда вскоре пришел обратный сигнал:

«Царя... Крагена... нигде... не... найти.»

Сообщение прокатилось обратно по всей линии, от башни к башне, возвратившись к плоту Спокойствия минут через двенадцать.

Сklar Хаст не стал дожидаться ответного послания. Мигом спустившись по ступенькам, он кинулся обратно в сторону лагуны. Краген уже проделал рылом брешь в сети и теперь прорывался сквозь нее в ближайшую заводь. Сklar Хаст растолкал толпу, собравшуюся у берега и стоявшую в немом оцепенении, и закричал, размахивая руками над головой:

— Ха! Хо! Убирайся прочь, проклятая тварь!

Краген не обратил внимания на его призывы: сохраняя оскорбительное спокойствие, он продолжал обрывать губки и засовывать их себе в пасть. Тогда, схватив узловатый шест из стебля морского бамбука, Сklar Хаст метнул его в черный горб — туда, где выпукло блестели глаза. Краген отпрянул, испуская сердитые фонтаны и орошая собравшуюся толпу. Люди шарахнулись в сторону, однако нашлись и такие, кто был доволен.

— Вот как с ними нужно обращаться! — крикнул Ирвин Белрод, известный всем старый Зазывала. — Давай, угости его еще!

Склар Хаст схватил второй шест, но его руку перехватили. Это был Семм Войдервег.

— Ты что себе позволяешь? — злобно прошипел он.

Склар Хаст только отмахнулся:

— Сейчас увидишь.

Он снова метнулся было к лагуне, но Семм Войдервег встал на его пути.

— Это наглость! Или ты забыл Завет? Только Царь-Краген может разбираться с равными ему. Это его сородичи — такие же боги, как он сам. Что будет, если он узнает, что в его дело вмешался простой смертный?

— И я, по-твоему, буду стоять и смотреть, как эта тварь рвет наши сети? Смотри! — Склар Хаст указал на водное пространство, отделявшее их от башни Трашнека, откуда маячил сигнал за сигналом:

«Царя... Крагена... нигде... не... видно».

Семм Войдервег недовольно кивнул:

— Я передам Сводникам сообщение, и они вызовут Царя-Крагена.

— И как они его вызовут? Станут махать над морем фонарями?

— Занимайся своим делом, Поджигатель, — произнес Семм Войдервег ледяным тоном. — С Крагенами же пусть общаются Сводники.

Склар Хаст вместо ответа метнул вторую острогу, угодившую чудовищу прямоком в пасть. Животное испустило недовольное шипение и захлопало по воде плавниками; затем, одним мощным рывком разорвав сети, оно вошло в лагуну. Зверь был пятнадцати футов в длину — раза в четыре меньше Царя-Крагена.

— Доволен? — зазвенел голос Семма Войдервега. — Теперь он порвал сети!

Толпа обернулась к лагуне, где разгневанный краген восстал из воды, колотя плавниками. Звездный свет блеснул на глянцево-черной шкуре гиганта. Склар Хаст в ярости закричал: чудище двинулось к его заводи, и так уже опустошенной Царем-Крагеном. Склар Хаст бросился в хижину в поисках чего-нибудь, что могло послужить оружием. Но что могло попасться под руку в его убогой лачуге? Лишь несколько инструментов, связанных из Человеческих и рыбьих костей, деревянный ушат да плетеная подстилка.

С одной стороны к хижине была прислонена острога десяти футов длиной, с прикрепленным к ней заточенным человеческим ребром, служившим вместо крюка. Схватив ее наперевес, он услышал крик Семма Войдервега:

— Остановись, безумец!

Но Склар Хаст не обратил на него внимания. Вот он уже снова на краю лагуны; прицелившись, метнул он острогу в пучеглазый горб, но промахнулся — копье лишь скользнуло по упругому хрящу. Одним небрежным движением корпуса краген отразил снаряд, отбросив его в сторону. Схватившись за шест, Склар Хаст изо всех сил ударил сверху, стараясь попасть в наиболее уязвимое место — мягкий участок, расположенный прямо над пастью чудовища. За спиной его звучал яростный вопль Семма Войдервега:

— Не делай этого! Прекрати! Прекрати!

Краген содрогнулся, почувствовав удар, и его массивная туша развернулась к противнику, уставив на него яростно сверкающий глаз. Он взмахнул плавником, целясь в Склара Хаста — тот едва успел отскочить назад, удар просвистел лишь в нескольких дюймах от его лица. Тем временем Семм Войдервег продолжал реветь сзади:

— Не смей трогать добычу Царя! Это неуважение к Его Величеству Крагену!

Отступив назад, Склар Хаст с ненавистью посмотрел на животное, которое с новым усердием набросилось на скудные остатки его урожая. словно наказывая Склара Хаста за нападение, тварь все глубже вгрызалась именно в его заводь, минуя остальные, как будто здесь губка была слаще.

Склар Хаст застонал.

— Ты это заслужил, — злорадствовал Семм Войдервег. — Ты вмешался в дело Царя-Крагена, и несешь наказание. Это только справедливо.

— Справедливо? — взвыл Склар Хаст. — А где же хваленый Царь-Краген? Мы кормим его до отвала — почему же он бездействует?

— погоди, погоди, — пророчествовал Семм Войдервег, — сейчас еще и он тебя накажет за то, что ты в непочтительном тоне беседуешь о его достоинствах!

Склар Хаст вытянул острогу и обнаружил, что крюк отломился, оставив лишь отточенное острие. В отчаянии он изо всех сил швырнул ее прямо в глаз крагена. Острие

скользнуло по выпуклой поверхности, вонзившись в оттопыренное веко. Возможно, для чудовища это была не более чем заноза, но заноза болезненная. Краген чуть не выпрыгнул из воды и рухнул вниз, подняв фонтан брызг. После этого, издав продолжительный рев, он ушел под воду, скрывшись из виду. Волны сомкнулись над его телом, закачав окружающие плоты, и все стихло. В лагуне воцарилось спокойствие.

— Он мертв? — благоговейным шепотом спросил Морган Ресли, знаменитый Кидала, в наступившей тишине.

— Если бы, — вздохнул Склар Хаст. — Придется ждать следующего раза...

— И что в следующий раз? — вмешался Семм Войдервег.

— В следующий раз я его прикончу.

— А как же Царь-Краген?

— От него никакого толку — и больше он от меня ничего не получит. А если мы начнем охотиться на крагенов, то из богов они моментально превратятся в добычу. Из которой можно получить немало полезных вещей — тех же костей, например.

Семм Войдервег даже поперхнулся от возмущения, всплеснул руками и, развернувшись, быстрым шагом направился прочь.

По Белрод, номинальный Старейшина клана Белродов (несмотря на то что брат Ирвин превосходил его годами), обратился к Склару Хасту, стоявшему на берегу с видом победителя и проигравшего одновременно — победа оставалась за ним, потому что крагена он все-таки прогнал, но заводь его была пуста и гола, словно морская пустыня.

— Ты что, — выдавил По Белрод, — в самом деле собираешься убить крагена?

— Не знаю, — отрезал Склар Хаст.

— Это же такой зверь, — закрутил большой кудлатой головой По Белрод, лицом выражая сомнение. — И вообще, мне кажется, мы навлекаем на себя гнев богов.

— Каких богов, о чем ты?

— Царя-Крагена и его приближенных, — был ответ.

— Иди и подумай над этим как следует, — бросил ему Склар Хаст.

Вымогатель Тиммонс Вэлби вступился за Склара Хаста:

— А откуда Царь-Краген узнает? — резонно заметил он. — Он же не может быть везде одновременно.

— Он знает! Он все знает,— закликушествовал какой-то старый Пакостник.— На наши плоты обрушится проклятие: помните, что сказано Килборном в Аналектах? «Гордость приходит перед падением»!

— Да, но есть еще изречение Бакстера: «Отважный спасется от зла, а малодушный ему послужит».

Мужчины продолжали праздно стоять на берегу, глядя на сомкнувшиеся и уже спокойные воды лагуны. Промокшие выжимали одежду и переодевались, кляня на чем свет стоит привычки морских животных. Краген больше не появлялся.

— Наверное, прорвал дно в сетях и смылся,— прокомментировал его исчезновение Кидала Морган Ресли.

Постепенно толпа на берегу разошлась: иные направились по своим хижинам, другие в таверну — длинный барак, заставленный столами и скамейками вдоль стойки с винами и крепкими напитками, пряниками и перченой рыбой. Склар Хаст присоединился к последним, но во время обсуждения недавних событий угрюмо сидел за дальним столом, как будто все это его не касалось и не он был героем дня. Все горячо обсуждали поведение злополучного крагена, бесцеремонно посягнувшего на урожай, заодно высказывая мнения и о методе Склара Хаста, который тот применил для изгнания нахала. Джонас Сербано, Казнокрад, считал что Склар Хаст поступил неразумно:

— В делах касательно Царя-Крагена надо советоваться с мудрыми. И искать ответа в Аналектах и Завете, прежде чем предпринимать решительные шаги.

Взгляды устремились в сторону Хаста, но тот не откликнулся, похоже, не обращая на них внимания.

Тогда встрял один из младших братьев Белродов:

— Все это прекрасно, но, пока мы будем обсуждать и наводить справки, тварь пожрет все, и мы останемся подыхать с голоду.

— Лучше лишиться урожая, чем разгневать Царя-Крагена,— отозвался Джонас.— Ведь океан — это его вотчина, и рыба, которую мы ловим и разводим, принадлежит ему. Если он будет недоволен, он может в щепки разметать наши плоты, и это будет почище любого шторма! Помните — мы постоянно живем над бездонной пучиной. Мы всего лишь гости в этом мире — вот уже двенадцатое поколение.

Молодой Гарт Гассельтон, тоже из Вымогателей, хотя и занимался лозоплетением, заговорил с идеалистическим пылом юности:

— Жизнь заставит — всему научишься. Если мы освоили ловлю рыбы, научимся и ловить крагенов. Мы должны стать хозяевами всего океана! И все, что в нем есть: губки, рыба и морские чудовища — должно принадлежать нам! Мы не перед кем не должны склонять голову!

За столом как раз напротив него сидел Иксон Мирекс, Арбитр плота Спокойствия, дюжий Казнокрад, мужчина не только крепкого физического сложения, но и решительного характера. Долгое время он не принимал участия в беседе, повернув свою могучую голову в сторону, словно бы давая понять, что ему безразличен разговор, и он желает одного — побыть в покое. Но вот он медленно оборотился и остановил угрюмый взгляд на молодом Гарте Гассельтоне.

— Слова срываются у тебя с языка как листья под напором ветра. Ты рассуждаешь безответственно. Может, ты считаешь, что мы в самом деле настолько всемогущи, что можем править бесконечным океаном? Пора бы понять, что наш покой и благополучие зависят вовсе не от нас, а от стечения обстоятельств высшего порядка. Мы существуем милостью Царя-Крагена, и от этого никуда не денешься!

Молодой Гассельтон растерянно заморгал над своей чашей, однако старого Ирвина Белрода, старшего из братьев, смутить оказалось не так просто:

— Я скажу тебе одну вещь, о которой ты, наверное, забыл, Арбитр Мирекс. Царем Крагена сделали мы. Вначале он был обыкновенным крагеном, может, чуть больше и умнее остальных собратьев. То, что он стал существом, пред которым благоговеют люди, — заслуга таких, как ты или этот Семм Войдервег. Но мы же можем и положить этому конец!

Уолл Банс, старый Лепила-ветеран, искалеченный падением с башни маяка, предупреждающе воздел указательный палец:

— Не забывайте изречение Кардинала из Аналектов: «Кто бы ни захотел дать, не найдется недостатка в тех, кто готов взять».

В этот момент в таверну зашел Семм Войдервег в сопровождении Зандера Рохана. Они сели рядом с Иксоном Мирексом, составляя триумвират; таким образом здесь оказались рядом три самых влиятельных человека на плоту.

Поприветствовав Войдервега и Рохана, Иксон Мирекс повернулся к Уоллу Бансу:

— Не надо зачитывать мне Аналекты; я могу напомнить тебе другое изречение: «Самый опасный глупец — это человек, не умеющий вовремя остановиться!»

— А я скажу тебе так: «Когда ты боишься отморозить руки в драке, останешься с расквашенным носом!» — парировал Уолл Банс.

Иксон Мирекс выпятил челюсть вперед:

— Не думай, что я собираюсь весь вечер тягаться с тобой в красноречии, Уолл Банс.

— Не лучший аргумент для того, чтобы выиграть спор, — заметил Ирвин Белрод.

— А я и не собираюсь перебрасываться изречениями, — гордо ответил Иксон Мирекс. — Тем более, когда речь идет о спасении плота и всего флота.

— Вот именно! — воспрянул молодой человек. — Именно об этом мы и говорим. Проблема лишь в том, что мы видим это спасение по-разному!

Взгляд Иксона Мирекса стал жестким:

— Спасение в неукоснительном следовании традициям. Только это помогло уцелеть нашим предкам на протяжении веков!

Заговорил Семм Войдервег — тем вкрадчивым пасторским голосом, который впоследствии перерастает обычно в гневные призывы к покаянию:

— Сегодня произошел случай из ряда вон выходящий. Я не знаю, как определить случившееся. Преступление? Пожалуй, это сказано слишком мягко. Святотатство — вот слово, которым можно назвать поступок одного из молодых членов нашей общины. Подумать только, как среди нас мог появиться подобный человек? Кем он был воспитан, и, если уж на то пошло, как он вообще сумел родиться среди нас? Он подставил под удар весь флот, что чревато непредсказуемыми последствиями!

Тут уже Склар Хаст усидеть не мог. Эти слова были явно рассчитаны на него, и жало Семма Войдервега его все-таки достало.

Он саркастически рассмеялся:

— Я понимаю, что у тебя на уме, Семм Войдервег. Только ты стараешься не для общины, а для Царя-Крагена. Ведь это же синекура — прислуживать ему; так ты осво-

бождаешься от грязной работы. Жрецы Крагена давно стали белоручками, которые только и делают, что учат нас морали и нравственности. Для вас невыгодно, чтобы изменилось положение дел, вы просто боитесь этого, боитесь потерять насиженные места.

Склар Хаст допустил ошибку — не следовало вступать в спор с человеком, который добывал себе пропитание языком.

— Так ты хочешь сказать, что если мы с Арбитром Мирексом не выращиваем губку, не ловим рыбу и так далее — не занимаемся работой, которую ты считаешь грязной, — то это значит, что мы тунеядцы? Или ты хочешь таким образом оскорбить своих товарищей, которые сейчас сидят перед тобой, — Семм Войдервег обвел рукой сидящих, — и сказать, что они всю жизнь копаются как свиньи в навозе?

— Я этого не говорил...

— Зато ты выступил против священных традиций.

— Все традиции когда-то меняются.

— Но не основы, которые дали нам предки.

— Ну, конечно, — усмехнулся Склар Хаст. — У вас на все припасено изречение. Но только отцовские башмаки носят, пока они не жмут.

Тут, не выдержав, вспылил его бывший учитель, Зандер Рохан:

— Склар Хаст! Ты опозорил свою касту и собственное призвание! И пусть я не в силах переменить место и условия твоего рождения, но ты все же мой ученик! А я Мастер гильдии. И смею тебя заверить, что твоя карьера подошла к скорому и бесславному концу!

— Вот как? — откликнулся Склар Хаст. — И на каких же основаниях?

— На основании порочности твоего характера! — воскликнул Зандер. — И это предусмотрено законом, как тебе не хуже моего известно!

Склар Хаст медленно осмотрел Зандера Рохана с ног до головы. Вдохнув, он принял решение.

— В таком случае и тебе должно быть хорошо известно, что право Гильдмастера может оспариваться. Я бросаю тебе вызов.

— Ты — мне? — задохнулся Зандер Рохан.

— Да. Судить меня ты можешь только в должности Гильдмастера, но, проиграв в поединке, ты потеряешь право занимать этот пост.

Воцарилась тишина.

— Ты что, всерьез думаешь победить меня? — поразился его несостоявшийся тесть.

— В любое время дня и ночи.

Это была формула поединка. Что означало, что ученик чувствует себя готовым отстаивать свое право в какое угодно время суток, ощущая себя полноценным профессионалом-сигнальщиком.

— Что-то прежде ты не хвастал своими знаниями.

— Не хотел тебя позорить.

Зандер Рохан ударил кулаком по столу.

— Мы еще посмотрим, кто из нас будет опозорен. Пошли на маяк!

Склар Хаст удивленно поднял брови:

— Спешить?

— Ты же сам сказал: «в любое время дня и ночи».

— Как пожелаешь. Кто будет судить?

— Арбитр Мирекс, само собой. Кто же еще?

— Арбитр Мирекс — справедливый выбор, но нужны и другие люди, чтобы засекать время и учитывать ошибки.

— В таком случае, предлагаю Семма Войдервега: он превосходно читает сигналы и прекрасно в них разбирается.

Склар Хаст заметил, как Семм Войдервег благодарно посмотрел на своего будущего родственника.

— Я со своей стороны предлагаю секундантов: Рубала Галлахера, Фрихарта Ноэ и Херлингера Шоуволтера.

Зандер Рохан не возражал. Все поднялись с мест и устремились к выходу. Площадка перед башней была огорожена плетнем, покрытым рыбьей кожей. На первом этаже башни располагались механизмы, на которых ученики обрабатывали сигналы, на втором — склад с запасными колпаками для фонарей, маслом для ламп, бечевой и справочниками-алфавитами, в которых можно было при необходимости разыскать любое редкое слово и соответствующую ему последовательность сигналов. На третьем и четвертом этажах проживали ученики, отдыхали помощники смотрителя, находившиеся на дежурстве, и обслуга башни из Лепил.

Помещение на первом этаже было достаточно просторным, чтобы вместить поединщиков и еще с десятков судей и зрителей. Светильники были зажжены, скамейки сдви-

нуты, а окна распахнуты, чтобы обеспечить приток свежего воздуха.

Зандер Рохан приблизился к первой из двух тренировочных машин, пробежал пальцами по рычагам, проверяя исправность механизма. Насупившись, он прикусил губу, затем подошел к старой машине — здесь рычаги были лучше разработаны, но и отдача была значительно сильнее. Первая машина требовала большей силы удара, зато позволяла развить большую скорость. Он махнул рукой ученикам, которые со второго этажа наблюдали за происходящим.

— Масла сюда. Смазать узлы. В каком состоянии у вас механизмы?!

Ученики поторопились исполнить приказ.

Склар Хаст пробежал пальцами по рычагам обеих машин и решил выбрать ту, что поновее, если, конечно, выбор будет предоставлен ему. Зандер Рохан прошел в дальний конец помещения, где вполголоса посоветовался с Иксоном Мирексом и Семмом Войдервегом. Все трое посмотрели на Склара Хаста, стоявшего в бесстрастном ожидании, изображая равнодушие. В комнате повисла атмосфера противостояния. Напряжение почувствовали все.

Иксон Мирекс и Семм Войдервег направились к Склару Хасту.

— Ты согласен с условиями поединка, или есть какие-то возражения?

— Сначала скажите ваши условия, — ответил Склар Хаст. — Тогда я смогу сказать, есть ли у меня возражения.

— Все как обычно — экзаменационное испытание, по традиции турнира Омержа в год прибытия Вольдемара.

«И здесь они не могут обойтись без своей замшелой истории», — подумал ученик сигнальщика.

Склар Хаст коротко кивнул, выражая согласие:

— Четыре отрывка из Аналектов?

— Совершенно верно.

— Какие же именно?

— Те, что набирают ученики. Мастер Рохан (было подчеркнуто слово «Мастер») не возражает.

— Я тоже. Экзаменационные тексты будут в самый раз.

— Система зачета оценок следующая: лучшая оценка умножается на пятьдесят, следующая на тридцать, следующая на двадцать, и худшая — на десять. В таком случае лучшее выступление набирает решающий балл.

Подобная система давала шанс при сильном волнении испытуемого. В то же время она лишала этого шанса обстоятельного, но медлительного наборщика. И все же сейчас для Склара Хаста это не имело особого значения:

— Согласен. Как насчет ошибок?

— Каждая ошибка прибавляет три секунды.

Были выработаны и другие условия поединка, выбраны тексты за номерами 61, 62, 63 и 64 — выдержки из Аналектов, почерпнутые из шестидесяти одного тома воспоминаний предков.

Прежде чем разложить тексты в надлежащей очередности, Зандер Рохан надел очки с линзами, вываренными из рыбьего клея, в плетеной тростниковой оправе. Склар Хаст последовал его примеру, также просмотрев тексты перед началом поединка.

Выбор обоих поединщиков пал на новую машину. Решено было набирать поочередно, и Зандер Рохан уступил первую очередь ученику.

Склар Хаст подошел к машине, поставил перед собой текст под номером 61, размял пальцы и еще раз попробовал рычаги. Расселись судьи, Арбитр Мирекс засек время. И в этот самый момент распахнулась дверь и на пороге возникла Мэрил Рохан.

Зандер Рохан повелительно махнул ей рукой, но она проигнорировала его жест. Сводник Войдервег нахмурился и предостерегающе поднял палец, на что она обратила еще меньше внимания. Склар Хаст бросил взгляд в ее сторону, на миг встретившись с ней взором, и не смог определить, что было в ее глазах: жалость, злорадство или смущение. Впрочем, теперь это не представляло особой разницы.

— На старт! — объявил Иксон Мирекс.

Склар Хаст чуть подался вперед, нависая над рычагами и ощущая стопой педаль.

— Внимание! Марш!

Руки Склара Хаста сжали рычаги, нога нажала на педаль. Одна комбинация, другая, третья... Он работал свободно, постепенно расслабляясь и позволяя своей мускулатуре естественным путем наращивать скорость.

«Даже если бы мы имели возможность связаться с Отчими Мирами, сомневаюсь, чтобы мы теперь стали делать это. Не говоря уже о неизбежном наказании, гро-

заящем нам, принимая во внимание наше специфическое прошлое, — даже не принимая во внимание это, говорю я, — мы нашли здесь то, о чем никто из нас прежде даже не подозревал: чувство удовлетворения, завершенности — на совершенно ином уровне, нежели тот, который достигался нашими «социальными манипуляциями». Мы, в целом, довольны своей жизнью на плотях. Разумеется, нам не удастся обойтись без тоски по родине, грусти, тщетных сожалений — как можно избежать их? Возможно, на Новой Оссинии эти чувства были бы не так резки. Мы часто обсуждали этот вопрос, но не пришли к какому-либо выводу. Но как бы то ни было, мы, по-видимому, смогли встретить реалии своей новой жизни с присутствием духа и хладнокровием, каких сами в себе не подозревали».

— Готово! — объявил Склар Хаст.

Иксон Мирекс остановил часы.

— Сто сорок шесть секунд.

Склар Хаст отошел от машины. Неплохой результат, хотя и не сногсшибательный. И уж точно — для него это не рекорд.

— Ошибки? — спросил он.

— Ошибок нет, — ответил Рубал Галлахер.

Нормой по этому тексту считалось сто пятьдесят две секунды. Стало быть, он получал оценку 6/162, или минус 3,95.

Зандер Рохан уселся за рычаги и, дождавшись сигнала, стал набирать в своем обычном отрывистом стиле профессионала. Склар Хаст наблюдал за ним; ему показалось, что все-таки торопливость в движениях Мастера заметна.

Время Зандера Рохана было сто сорок пять секунд. При этом он не допустил ни одной ошибки, и его оценка составила минус 4,21. Он отошел от станка, с трудом скрывая снисходительную усмешку. Склар Хаст искоса посмотрел на Мэрил Рохан — без всякого значения, просто из чистого любопытства, как пытался убедить себя сам. На ее лице не отражалось ничего. Ни интереса к происходящему, ни каких-либо других эмоций.

Он поставил перед собой текст под номером 62. Иксон Мирекс дал сигнал к началу, и руки забежали по рычагам уже с привычной скоростью. Первое упражнение было просто разминкой.

62-й текст был извлечением из Мемориума Элеанор Морз:

«Сотни раз мы обсуждали то, что, на мой взгляд, наиболее удивительно в нашем новом сообществе на плотях: это чувство доверия, общности и ответственности друг за друга. Кто мог ожидать, что люди с таким разным прошлым, с такими задатками, как у нас (врожденными или приобретенными — не берусь судить), смогут образовать столь мирное, столь организованное и столь радостное сообщество. Избранный нами лидер, как и я, Казнокрад. Некоторые из наших самых самоотверженных, самых неутомимых тружеников некогда были расхитителями, пакостниками, хулиганами, головорезами. Никогда нельзя судить о человеке по его прошлому. Разумеется, не все здесь единодушны, но в целом можно только удивляться, насколько старые привычки и прежний образ жизни отошли, уступив место новому чувству — чувству причастности к жизни, основанной на чем-то большем, нежели простой эгоизм. Для большинства из нас это выглядит так, словно мы снова вернули себе потерянную когда-то юность — а точнее, юность, которой у нас никогда не было».

— Стоп! — воскликнул Склар Хаст.

Иксон Мирекс засек время:

— Сто восемьдесят две секунды. Норма: двести секунд. Ошибки — ни одной.

Оценка Склара Хаста составила минус 9. Поэтому Зандер Рохан чуть нервничал, в очередной раз садясь за рычаги. Он форсировал набор, добившись результата в сто семьдесят девять секунд, но при этом совершил как минимум две ошибки. Рубал Галлахер и Херлинггер Шоуволтер заметили со своей позиции и третью ошибку — но ее не признал Фрихарт Ноэ, и Семм Войдервег вместе с Иксоном Мирексом отказались ее учитывать. Тем не менее, учитывая штрафные шесть секунд, время было определено в сто восемьдесят пять секунд с оценкой 15/200, или минус 7,50.

Склар Хаст приблизился к аппарату для третьей попытки. Если он добьется лучшего результата с третьего захода, у Зандера Рохана останется мало шансов, учитывая овладевшее им напряжение.

Он расположился удобнее, устраиваясь за станком для набора.

— Марш! — скомандовал Иксон Мирекс. И снова замелькали рычаги. Это упражнение было из Мемориума Вильсона Снайдера, человека неуставленной касты:

«Прошло почти два года, и мы, бесспорно, представляем собой крепко сколоченный коллектив. Готовность к любым неожиданностям, способность найти выход из самого безнадежного положения и при этом всегда прийти друг другу на помощь — таковы наши достоинства. Недоброжелатели могут назвать это обезьяньей цепкостью и выживаемостью — что ж, пусть так. Другая важная черта, в той или иной степени присущая всем нам, — это развившееся в нас за эти годы чувство смирения (возможно, фатализм — более уместное здесь слово) по отношению к тем обстоятельствам, которых мы не можем изменить. Таким образом, наше сообщество гораздо более счастливо, чем могла бы быть равная по численности группа, скажем, музыкантов или ученых, или даже военных. Я не хочу сказать, что в нашей маленькой компании нет представителей этих профессий. Жора Альван — замечательный флейтист. Джеймс Брюне — профессор физики Юго-западного университета. Говард Галлахер — высокопоставленный полицейский чиновник. А сам я... впрочем, нет! Я буду верен своему решению и не скажу ни слова о своей прошлой жизни. Это скромность? Если бы я мог претендовать на столь многое!»

— Все! — выдохнул Склар Хаст, отступая от наборного станка. Он старался не смотреть в сторону Зандера Рохана: было бы недопустимым злорадством, если бы он сделал это. Потому что в этот раз он набирал на пределах, доступных механизму. Нет человека, способного гнать текст быстрее, чем поднимаются колпаки, чем предусматривают технические характеристики станка.

Иксон Мирекс посмотрел на часы:

— Время: сто семьдесят две секунды, — неохотно объявил он. — Норма... не может быть — двести восемь. Неужели это так?

— Двести восемь, все верно, — сухо подтвердил Рубал Галлахер. — Ошибок не было.

Иксон Мирекс и Семм Войдервег, закусив губу, насупились. Фрихарт Ноз подсчитал баллы: получалось 36/208, что составляло минус 17,3.

Зандер Рохан решительно подошел к станку и устроился за рычагами, готовый продолжать соревнование. Теперь настал его черед — он должен был совершить ответный ход и принять поражение. Видимо, невзирая на потрясающий результат, он не терял надежды «перебить» ученика.

— Пошел! — воскликнул Иксон Мирекс срывающим-ся голосом.

Пальцы Зандера Рохана окоченели от страха и неуверенности; его знаменитый ритм стал давать сбой. Наблюдатели застыли, глядя, как развивается поединок.

Наконец он объявил:

— Vcel

Иксон Мирекс сверился с часами: результат был неутешительным.

— Двести одна секунда.

— И две ошибки,— присовокупил Семм Войдервег. Рубал Галлахер попытался было возразить, но осекся, встретив на себе предупреждающие взгляды. Он заметил как минимум пять моментов, которые квалифицированным наблюдателем — таким, как сам Зандер Рохан, — могли быть расценены как ошибки. Впрочем, и так было ясно, на чьей стороне победа — для этого не было необходимости учитывать баллы. Двести одна секунда и еще шесть штрафных составляли оценку $1/208$, или минус 0,48,— ничтожно низкий балл по сравнению с тем, что получил Склар Хаст.

Четвертый текст был выдержкой из Мемориума Хедвиги Суин, которая, как и Вильсон Снайдер, отчего-то не раскрывала своей кастовой принадлежности.

Иксон Мирекс засек время негнувшимися пальцами, дав команду к началу. Склар Хаст снова застрекотал рычагами, легко, без напряжения; комбинации складывались сплошным стремительным потоком:

«Прекрасный, гостеприимный мир! Мир, в котором ни с чем не сравнимый климат соседствует с неописуемой красотой; мир, состоящий лишь из воды и неба,— насколько мне известно, здесь нет ни дюйма твердой земли. Вдоль экватора, покрытого водной растительностью, океан должен быть сравнительно неглубок, но никто не измерял здесь дна. Этот мир уж точно никогда не будет осквернен индустриальной цивилизацией, что, разумеет-

ся, только к лучшему. Но все же, со своей стороны, я был бы рад, если бы здесь был хотя бы клочок какой-нибудь земли: старая добрая гора с торчащими выходами скал и деревьями, вцепившимися корнями в почву; узкая полоска прибрежного пляжа; кусочек луга, поросшего травой и цветами; хоть несколько акров полей или садов. Но бродяги не выбирают, и в сравнении с тем миром, который был нам уготован, этот — настоящий рай.

— Конец!

Иксон Мирекс проговорил сквозь зубы:

— Время: сто сорок одна. Норма — сто шестьдесят.

Это было поражением Зандера Рохана. Теперь, чтобы выиграть, ему нужно было набрать двадцать пятьтридцать очков, а возможно, и больше, что было физически невозможно, тем более для старика.

Зандер Рохан знал это и поэтому к последней части поединка подошел уже без всякого напряжения и надежды, что позволило ему разогнаться и набрать высший балл за все время испытания: твердые минус 12,05. Тем не менее он проиграл, и теперь по законам гильдии должен был уступить место Склару Хасту.

Старый смотритель не находил в себе сил, чтобы объявить о своем поражении. Мэрил развернулась и вышла, так и не сказав ни слова.

Наконец Зандер Рохан повернулся к Склару Хасту. Он только было раскрыл рот, севшим голосом собираясь известить ученика о его победе, как того требовал обычай, когда вперед выступил Семм Войдервег, останавливая старика:

— Поединок объявляется недействительным!

— В чем дело? — саркастически поднял брови Склар Хаст.

Иксон Мирекс только озадаченно потирал подбородок, прислушиваясь к дискуссии.

— Ты набирал хорошо знакомые тебе школярские тексты, на которых набил руку. По дуэльному кодексу такой поединок не может быть признан честным.

— Но вы сами выбрали эти тексты!

— Все равно. Ты должен был предупредить.

— Могу заверить тебя и всех присутствующих, — сказал Склар Хаст, — что именно этих текстов я уже давно не набирал — никто не может сказать, что я лгу.

Семм Войдервег покачал головой.

— В это трудно поверить. И проверить тебя тоже никак нельзя. Поединок несправедлив, и поэтому результаты его недействительны. Думаю, Арбитр Мирекс также может выразить тебе свое презрение.

— В чем?

— В том, что ты подтасовкой пытался добиться высоких результатов и опустить в грязь собственного — подумать только! — учителя. За этот в высшей степени неблагородный поступок ты подвергаешься моему, — он обвел глазами присутствующих, — и, надеюсь, всеобщему презрению!

Сklar Хаст сжал кулаки:

— Хорошо. Давайте сейчас же, не сходя с этого места, проведем поединок на новых условиях!

— Ни в коем случае! — объявил Семм Войдервег, стараясь, чтобы его услышали даже за дверью, на улице, если там собралась толпа или довелось появиться кому-либо из прохожих. — После того, что случилось, ты потерял право на поединок. С бесчестными учениками — только плетка! Как гласит изречение...

Сklar Хаст сдержал себя, понимая, что его вынуждают к неосмотрительным поступкам. Вместо того чтобы наброситься на обидчика с кулаками, он миролюбиво произнес:

— Следи за своими словами, Сводник. За клевету полагается суровое наказание, это тебе может объяснить Арбитр Мирекс.

— Клевета присутствует там, где есть зависть и худой умысел. Я же беспокоюсь лишь об интересах плотов и сохранении моральных устоев. И будет ли являться клеветой, если я объявлю тебя мошенником?

Сklar Хаст сделал шаг вперед, намереваясь схватить его за горло, но Рубал Галлахер перехватил его руку.

— А ты что скажешь, — ты, Арбитр? — обернулся Сklar Хаст к Мирексу.

Лоб Арбитра Мирекса взмок от пота. Видно было, что решение дается ему с трудом.

— Наверное, нам следовало выбрать другие тексты для состязания, — неуверенно выдавил он. — Хотя их в самом деле выбирал не ты.

Неподалеку стояли два-три человека из клана Белрода, ныряльщики за стеблями и тростником из касты Зазывал,

известные задиры и грубияны. Глава этой касты, По Белрод, приземистый человек с крупными чертами лица, негодуя хлопнул руками по бедрам:

— Послушай-ка, Арбитр Мирекс! — возопил он. — Ты же не станешь подписываться под такой явной подтасовкой?! Помни, тебя выбирали, чтобы ты судил по справедливости, а не поддерживал тех, кто сильнее!

Тут Иксон Мирекс, не выдержав, разразился гневом:

— Ты спрашиваешь о справедливости? Так вот — замечание Сводника считаю справедливым и объявляю поединок недействительным! Это все. Зандер Рохан остается Мастером-Поджигателем.

Сklar Хаст заикнулся было что-то сказать, но в этот момент от дверей донесся крик:

— Краген вернулся! Краген вошел в лагуну!

ГЛАВА 3

Сklar Хаст бросился за дверь и со всех ног помчался к лагуне, обгоняя стремившуюся туда толпу. В центре лагуны издалека была видна черная туша крагена. Его плавники неутомно взбивали воду; выпуклые глаза на миг остановились на толпе, собравшейся на краю плота. Он сделал неторопливый рыбок вперед, со значением щелкнув челюстями. На миг Склару Хасту показалось, что краген узнал его в толпе. Краген сердито плеснул волной на берег. Длинное щупальце вынырнуло из воды и ударило его в грудь. Сklar Хаст невольно попятился и, запнувшись, упал.

Рядом раздался смех Семма Войдервега:

— Это, кажется, тот самый краген, которого ты обещал убить?

Сklar Хаст встал и молча уставился на крагена. Звездный свет играл на масляно-черном боку монстра. Метнувшись в сторону, он начал проворно загребать в пасть массивы губок — на этот раз уничтожая собственность клана Белродов. По Белрод разразился многоэтажными проклятиями.

Сklar Хаст огляделся вокруг. На берегу стояло не менее сотни здоровых, дееспособных мужчин. Сklar Хаст сказал:

— Смотрите, опять эта морская сволочь грабит нас. Я обещал, что мы убьем его и всех прочих прожорливых крагенов, которые явятся сюда уничтожать наш урожай. И я это сделаю!

Из толпы закудахтал Семм Войдервег:

— Совсем спятил? Эй, кто-нибудь, принесите воды, облить этого сумасшедшего, чтобы хоть немного пришел в чувство. У него помрачение мозга от фонарных вспышек. Слишком долго смотрел на сигнальные лампы.

Между тем краген в лагуне целиком посвятил себя любимому занятию, истребляя морскую губку, принадлежавшую Белродам, с быстротой огня, пожирающего тростниковую хижину. От криков Белродов шум на берегу стоял просто невыносимый.

— Убьем его, и дело с концом! — призвал к порядку Склар Хаст. — Хваленый Царь-Краген Войдервега предал нас, бросил на произвол своим жадным ненасытным сородичам. Что же нам теперь, кормить всю эту прорву, сколько их обитает в океане? Убить тварь!

— Убить тварь! — подхватили молодые Белроды.

Семм Войдервег яростно зажестикублировал, но По Белрод бесцеремонно отодвинул его в сторону.

— Спокойно. Дай послушать, что скажет фонарщик. Как мы сможем убить крагена? Как ты думаешь, это вообще возможно?

— Нет, конечно! — вопил Семм Войдервег. — Конечно же, невозможно! А как же наш Завет с великим Крагеном?

— Да пошел он к черту, твой краген! — довольно грубо оборвал его По Белрод. — Итак, что скажет фонарщик? Слушаем фонарщика!

Склар Хаст неуверенно взгляделся в темную лагуну, где маячил блестящий силуэт.

— Думаю, это вполне возможно, — произнес он. — Но мне нужна помощь.

— Не вопрос!

— Нужно несколько человек.

— А то!

— Здоровых мужчин.

По Белрод махнул рукой на своих ребят:

— Выбирай.

— Тогда пошли, — сказал Склар Хаст.

К нему присоединились три-четыре десятка дюжих молодцов из клана и другие наблюдатели. Среди них были Кидалы, Зазывалы, Пакостники, Вымогатели и Лепилы. Остальные предусмотрительно попятились назад, подальше от берега. Склар Хаст подвел их к лесам из крепких стеблей,

связанных лианами, которые были приготовлены для постройки нового дома. Двадцатифутовые жерди были покрыты специальным лаком, что придавало им особую прочность и в то же время оставляло достаточно легкости, чтобы каждую можно было поднять в одиночку. Склар Хаст выбрал самый толстый шест, на котором держалась вся конструкция.

— Вытаскивайте и тащите его на козлы!

Пока исполнялось его поручение, он огляделся и махнул рукой Рудольфу Снайдеру. Хотя тот и принадлежал к девятому поколению колонистов, по годам он был не старше него — он принадлежал к старой касте Подстрекателей, отвечавшей за производство веревки, волокна и плетений.

— Теперь мне нужно сто футов крепкого троса. Если не найдется троса, берите веревку, какая есть, и сплетите в два-три раза.

Рудольф Снайдер отправил четверых исполнять это поручение. Вскоре все необходимое было доставлено со склада.

Склар Хаст работал неумоимо, весь во власти своего замысла, — вот только пока было неясно, что именно он задумал.

— Теперь поднимайте! — объявил он. — И несите все на край плота.

Четверо взяли шест, больше напоминавший сваю, и поднесли его к самому берегу лагуны, по указанию Склара Хаста водрузив на козлы. Длинный конец нависал над водой, точно гигантское удилище.

— А вот теперь, — сказал Склар Хаст, — мы поймает крагена.

На конце каната он соорудил петлю и стал подбираться к крагену, который наблюдал за происходящим своими неподвижными глазами. Склар Хаст приближался медленно, чтобы не вспугнуть зверя, который продолжал с прежним аппетитом пожирать губку.

Склар Хаст был уже на самом краю плота, в нескольких дюймах от воды.

— Ну, иди же сюда, — звал он, — иди, окаянная тварь! Давай поближе!

Он нагнулся к самой воде, плеща водой и привлекая крагена. Тот решительно двинулся к человеку, словно увидел в нем претендента на свою пищу. Склар Хаст выжидал, и как только краген оказался достаточно близко, набросил веревку на горб в верхней части тела чудовища.

— Тяните! — махнул он рукой остальным.

Все дружно навалились на шест. В сутолоке и темноте веревка соскочила, но Склар Хаст вовремя подоспел и обвил остаток свободно болтавшегося каната вокруг горба, после чего отпрянул в сторону.

— Тащите! Осталось чуть-чуть!

На каждый из канатов приходилось по два десятка человек, они с натугой вытягивали зверя из воды. Постепенно шест поднимался все выше, а петля на теле крагена затягивалась все туже. Кто-то уже подгонял его костяной острой к берегу, угощая болезненными тычками. Наконец тело крагена было выдернуто из воды и заболталось в воздухе, размахивая щупальцами. Толпа ахнула от страха и удивления. Семм Войдервег в ужасе заломил руки над головой и торопливо ушел, чтобы не видеть этого святошества.

Арбитра Иксона Мирекса по каким-то причинам не было видно; отсутствовал и Зандер Рохан.

Краген извивался, издавая страшные булькающие звуки, но вырваться не мог. Склар Хаст рассматривал чудовище, размышляя, что с ним делать дальше. Помощники не решались подойти, в ужасе глаза со стороны и выжидая, что будет дальше — видимо, они сами испугались того, что совершили. Они нервно поглядывали в сторону океана, на спокойной поверхности которого плясали со звезды.

— Сети! — вспомнил наконец Склар Хаст. — Где Хулиганы? Пусть быстрее починят сеть, пока вся наша рыба не уплыла в океан! Что вы стоите, как беспомощные дети?

Несколько Хулиганов, ответственных за состояние ограживающих лагуну сетей, бросились выполнять приказание. Пока что гавань была пуста, но с минуты на минуту в ней мог появиться краген.

Склар Хаст тем временем искал у крагена уязвимое место, куда можно было нанести смертельный удар. По его приказу тушу оттащили от берега. Осмелев, люди стали приближаться и давать советы. Со стороны казалось, что краген уже мертв. Подбадриваемый возгласами из толпы, один из Белродов решил проверить это предположение и, подобравшись поближе, ткнул крагена дубиной в глаз, но был немедленно отброшен ударом щупальца, раздробившим ему ключицу.

Склар Хаст стоял в стороне, наблюдая за животным и размышляя. Шкура толстая, ее не пробить; хрящи у зверюги еще крепче. Послав одного помощника за гарпуном, а другого за остройгой, он соорудил из этих предметов грозное оружие, достаточно длинное, чтобы управиться с крагеном, не приближаясь на опасное расстояние.

Краген меж тем обмяк и снова принял безжизненную позу, изредка содрогаясь, что можно было принять за предсмертные конвульсии. Склар Хаст осторожно приблизился, нацелив гарпун туда, где по его предположению располагался мозг, — промеж выпуклых глаз, торчащих из горба в центре тела, — и нанес удар, всем весом навалившись на древко.

Копье вошло на полдюйма и треснуло, сломавшись пополам. Краген дернулся, фыркнул и взмахнул плавником. Склар Хаст едва успел отпрянуть, ощутив движение воздуха на своем лице. Обломок копья взлетел над заводью и с плеском рухнул в воду.

— Что за неутомонная тварь! — пробормотал Склар Хаст. — Принесите еще веревок — надо связать его получше!

Но тут раздался хриплый повелительный голос:

— Ты с ума сошел! Решил навлечь на нас гнев Крагена? Не смей его убивать, не то нам всем не поздоровится!

Это был внезапно выступивший на сцену Иксон Мирекс. Его Склар Хаст не мог проигнорировать, как Семма Войдервега. Он посмотрел на крагена, болтающегося на веревке, затем на лица товарищей. Те пребывали в нерешительности: Арбитр был не тем человеком, с которым можно было шутить. Склар Хаст заговорил, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно и уверенно:

— Этот живоглот губит наши заводы, съедает на корню наш урожай. Если Царь-Краген не собирается выполнять свои обязанности, то почему мы должны позволять...

— Как ты можешь говорить в таком тоне! — Голос Иксона Мирекса дрожал от гнева. — Ты нарушил Завет!

Склар Хаст заговорил еще убедительнее:

— Как мы видим, Царя-Крагена до сих пор нет и в помине. Сводники, которые заявляют, что имеют над ним власть, все пошли на попятный. Где они? Как только припекло, все разбежались. Нам остается только действовать по собственному усмотрению. В конце концов, разве не это — та самая свобода воли и независимость, которые явля-

ются основным правом человека? Так присоединяйся же к нам и помоги прикончить это докучливое животное!

Иксон Мирекс воздел трясущиеся руки:

— Верните крагена в лагуну, чтобы...

— Чтобы он спокойно доел наш урожай? — съязвил Склар Хаст. — Но мы вовсе не этого добиваемся. На чьей стороне ты выступаешь, Арбитр? Кто важнее: крагены или люди?

Последние слова несколько подбодрили его соратников. Те закричали в один голос:

— Да, в самом деле, что важнее — люди или краген?

— Люди правят плотами, а Царь-Краген — океаном, — заявил Иксон Мирекс. — Здесь нельзя сравнивать.

— Но лагуна принадлежит людям, — заметил Склар Хаст, — и этот незванный гость проник на чужую территорию. Где веревка?

Тогда Арбитр возвысил голос, зазвеневший негодованием и угрозой:

— Вот как я толкую обычай плота Спокойствия: крагена надлежит вернуть в воду как можно скорее. Любые другие действия не согласуются с обычаем!

По рядам прошел ропот. Склар Хаст ничего не ответил; вместо этого он взял веревку и смастерил петлю. Ловко скрутив обвисшие, болтающиеся в воздухе щупальца монстра, он несколько раз обмотал веревку вокруг его туловища. Краген попробовал вырваться, но было уже поздно — веревка плотно охватывала его тело, и теперь он мог лишь слабо содрогаться в своем коконе. Склар Хаст приблизился, предусмотрительно держась в стороне от челюстей, и проверил, надежно ли стянуты путы.

— Теперь извивайся сколько угодно, — процедил он. — Это тебе не поможет. Опускайте! — махнул он своей командой. — Теперь посмотрим, как его добить.

Туловище крагена шлепнулось о плот, бессильно вздрагивая связанными щупальцами. Возможно, он уже ничего не чувствовал, и это были просто конвульсии. Никто не знал, что ощущает краген, вытянутый на сушу, и сколько он вообще может прожить без воды.

Тем временем небо на востоке светлело — там восходили синие и белые солнца Тюленьего Котла. Океан засверкал тусклым свинцовым блеском, и сгрудившийся на берегу народ стал беспокойно озира́ться на далекий горизонт,

утопавший в дымке. Люди роптали, слышались беспокойные возгласы, опасливые предположения и жалобы. Были и такие, кто поддерживал Склара Хаста, давая советы, как поскорее истребить неутомного монстра. Между теми и другими начались яростные пререкания. Зандер Рохан появился рядом с Иксоном Мирексом, и они в два голоса принялись обсуждать недостойное поведение Склара Хаста, навлекающего гнев богов на общину. Из Старейших лишь По Белрод, глава касты Зазывал, и Элмар Пронейв, Мастер-Заплетчик, защищали возмутительные действия Склара Хаста, преступившего Завет.

Герой дня не обращал на все это внимания. Он с отвращением изучал тело простертого перед ним великана, негодуя на себя за то, что позволил себе затеять такое опасное дело. Чего он, в конце концов, смог добиться? Краген порвал его сети; он отомстил непрошеному гостю и предотвратил дальнейшие разрушения; но вместе с тем он навлек на себя неудовольствие наиболее влиятельных людей на плотях. Более того, он подставил под удар других — тех, кто доверился ему как лидеру, и за кого он теперь чувствовал себя ответственным.

Наконец он поднялся на ноги. Другого выбора не было — чем скорее они покончат с крагеном, тем скорее жизнь вернется в нормальное русло. Он приблизился к черной туше; в этот момент щупальца крагена зашевелились, словно желая схватить его, и Склар Хаст проворно отступил в сторону. Как же прикончить это проклятое создание?

Рядом появился Элмар Пронейв, присоединяясь к его исследованиям. Он также стал осматривать крагена, выбирая место, куда сподручнее нанести удар. Это был высокий человек с горбатым перебитым носом и черными волосами, завязанными возле ушей в две косички, что говорило о принадлежности к старинной касте Поставщиков. Эта каста давно уже не существовала, не считая нескольких агрессивно настроенных одиночек, разбросанных по разным плотам, которые продолжали гордо носить знаки принадлежности к своему вымершему клану.

Пронейв обошел тушу крагена, пнул один из плавников и нагнулся, заглядывая в обращенный вверх глаз чудовища.

— Вообще-то, если его порезать на части, можно надевать массу полезных вещей, — заметил он.

— Попробуй его разрежь — об эту шкуру мы все ножи поломаем, — ответил Склар Хаст. — И шеи у него нет, чтобы придушить как следует.

— Ну, найдутся и другие способы, как его извести.

Склар Хаст кивнул:

— Например, утопить в глубинах океана. Только что использовать в качестве груза? Кости? Это слишком ценный материал, чтобы им разбрасываться. Можно привязать к щупальцам мешки с золой, но где найти столько золы? Даже если сжечь все постройки на плотках, включая маяки, нам не набрать столько пепла. А чтобы сжечь самого крагена, понадобится целая гора древесины.

Какой-то молодой Лепила, выказавший особый энтузиазм при поимке крагена, вступил в разговор:

— Существуют же яды! — воскликнул он. — Надо просто привязать яд к шести и сунуть ему в зубы!

Элмар Пронейв саркастически расхохотался:

— Яды, разумеется, существуют, — есть сотни различных ядов из различных водорослей и животных, — но кто знает, какой силы должна быть отравка, чтобы она подействовала на этого монстра? К тому же за ядом надо посылать далеко — аж на Ламповый Плот.

Тюлений Котел, вставая в небо, осветил тушу крагена в мельчайших подробностях. Глаза зверя подернулись мутной поволокой. Склар Хаст заглянул в пасть, где желтел частокол зубов, осмотрел присоски, которыми были до самых кончиков усеяны щупальца. Вид зверя с наступлением дня стал еще отвратительнее, возбуждая новый приступ тревоги и страха в толпе, облепившей берег.

Склар Хаст дотронулся до горба животного, взглянул на покрывавший его хитиновый панцирь. Он словно был покрыт глянцевым лаком, сверкающим при свете дня. Глаза выпирали из глазниц на твердых стебельчатых трубках.

Толпа вокруг них стала смыкаться. Люди понемому осмелели. Склар Хаст прыгнул вперед, отталкивая в сторону молодого зазевавшегося лодочника из касты Негодаев, но было слишком поздно — щупальце крагена метнулось, ухватив парня за шею. С проклятием навалившись на гибкую сильную конечность, Склар Хаст пытался оторвать ее от жертвы, но его сил не хватало. Краген двинул еще одним щупальцем — и нога самого спасателя оказалась в плену.

Чертыхаясь, он упал на паренька, отпустив щупальце монстра. Краген стал подтаскивать к себе добычу, собираясь ухватить ее покрепче. Хасту удалось высвободить ногу, но не успел он броситься на выручку, как чудовище, одним рывком подтянув молодого лодочника к мощным челюстям, с хрустом перекусило ему шею, отбросив бесчувственное тело в одну сторону, а голову — в другую.

Дрожь ужаса прошла по толпе. Вопли людей перекрыл рев Иксона Мирекса:

— Склар Хаст, смерть этого человека — на твоей совести! Все из-за твоего тупого упрямства! Тебе за многое придется ответить, да падет проклятие на твою голову!

Склар Хаст не ответил ни слова. Он поспешил на склад, где отыскал набор стамесок и молот из твердой, продубленной в соленых водах древесины корневищ тростника, которые добывают с глубины двух сотен футов¹. Стамески были изготовлены из тазовых костей, заточенных наждаком из мелко смолотых морских ракушек. Склар Хаст вернулся к туше крагена, выбрал место на панцире и принялся долбить. Вскоре горб треснул, и краген заворочался.

Постепенно ему удалось совершить трепанацию по периметру всего горба и снять крышку, с хрустом отодрав ее.

Люди сгрудились вокруг, заглядывая внутрь отверстия; любопытство превозмогло чувство страха.

Внутри находились свернутые в клубок и переплетенные изгибы серой склизкой массы — зрелище слишком отвратительное, чтобы его описывать.

Однако Склар Хаст рассматривал внутренности горба с интересом исследователя. В толпе ахали женщины, взвизгивали дети и кряхтели, сдерживая тошноту, наиболее впечатлительные мужчины.

— Очевидно, это мозг, — объявил Склар Хаст хладнокровно, словно лектор на уроке анатомии. — А возможно, какие-нибудь другие внутренности.

— Какие же? — поинтересовался Элмар Пронейв, принимая у него инструмент и стараясь не смотреть в ту сторону.

¹ Зазывалы вытаскивают такие корни с глубины лебедками, ныряя туда с пустыми ведрами на голове, хранящими запас кислорода. Они спускаются вниз по веревкам, достигая таким образом глубины в двести футов, где произрастают самые крупные и твердые корни тростника.

— Кишки или даже мышцы — кто его знает?

Элмар Пронейв ткнул наугад зубилом; краген дернул щупальцем.

— Нервный узел,— пояснил Склар Хаст.

— Да, интересно,— пробормотал Пронейв.— Очень интересно. В самом деле.

В толпе воцарилось молчание.

Исследователи повторили эксперимент еще несколько раз. И всякий раз при прикосновении зубила к внутренностям краген дергался.

Наконец Склар Хаст остановил коллегу, положив руку на плечо:

— Обрати внимание. Видишь: справа самые толстые петли?

— Ага. Похожи на колбасу...

— Мамочки, меня сейчас вырвет! — воскликнула какая-то женщина и убежала в сторону маяка. Но не успела. Ее вырвало по дороге.

— И слева две точно такие же...

На этот раз с места сорвался взрослый мужчина. Без лишних слов он отбежал в сторону и, опустившись на корточки перед лагуной, наклонился над водой.

— Эй, ты куда? На урожай?

Слабонервного пинками прогнали прочь.

— Итак, что мы видим? — менторским тоном продолжал Склар Хаст.— Справа и слева одно и то же: две серые кишки, покрытые слизью...

Толпа заметно поредела. У многих появились дела в стороне и они, согнувшись пополам, покинули эту увлекательную лекцию.

Тем временем любопытный Склар Хаст залез стамеской внутрь черепа и подцепил одну из кишок. После этого толпа сократилась как минимум человек на десять.

— Видишь? — Склар Хаст потыкал стамеской, и плавники чудовища задергались, словно у марионетки.— Вот что приводит их в движение.

— Ага! — воскликнул Элмар Пронейв.— Если постараться, можно научить крагена танцевать джигу!

— Лучше его сразу убить,— охладил его пыл Склар Хаст.— Скоро рассвет, и кто знает...

И тут со стороны океана послышался далекий рев. Кто-то невидимый и могучий испустил в воздух фонтан, боль-

ше напоминающий столб пара. Люди завизжали и попятись. Склар Хаст вскочил на тушу крагена и огляделся. Население плота обратило взгляды к океану; он посмотрел в ту же сторону — и увидел Царя-Крагена.

Громадный пучеглазый горб показался над водой. Сверкнули широко расставленные глаза, наливаясь голубым льдом. Царь-Краген выплыл по следу созвездия Тюленьего Котла, блестевшего на воде.

В пятидесяти футах от сетей, окружавших лагуну, он всплыл целиком: тридцать футов в ширину, шестьдесят в длину. По сторонам загребали воду ласты, каждую из которых с трудом могли бы обхватить трое взрослых мужчин. Заметив на берегу тело мертвого сородича, Царь-Краген ринулся в бухту, разрывая сети. Рядом с его громоздкой тушей убитый краген казался выброшенной на берег лягушкой.

Царь-Краген испустил негодующий свист, сопровождаемый его фонтаном, ударившим, казалось, в самое небо.

Все онемели, включая самого Склара Хаста. Люди застыли на берегу, одеревенев, как глубоководные корни.

— Назад,— вырвалось у Склара Хаста.— Назад,— прошептал он срывающимся голосом и, наконец, совладав с собой, закричал, оборачиваясь к толпе:

— Наза-а-ад!!!

И тут раздался крик Семма Войдервега:

— Пощади, Царь-Краген, этот народ, невиновный в том, что сделали несколько безумцев...

В глазах чудовища засверкали огни, похожие на сигналы далеких маяков. И все сразу поняли, что пощады не будет.

Царь-Краген высунулся на берег и сгреб бесчувственное тело собрата, сбросив его могучим плавником в воду. Затем он обвел берег своей головой-башней, похожей на турель подводной лодки, и безошибочно выбрал хижину Склара Хаста. Под ударом его щупальца она разлетелась в щепки. Мимоходом он задел и смел с плота еще несколько домов, в основном принадлежавших клану братьев Белродов. Затем он принялся метаться по гавани, сокрушая все, что было в пределах досягаемости его длинных могучих щупалец. Он рвал сети в лагуну, сносил целые дома и кварталы, топил рыбацьи лодки и терзал остатки урожая морских водорослей. На миг его бешеный взгляд остано-

вился на толпе, и оцепенение сразу спало. Все в панике бросились врассыпную. Царь-Краген выбросился на берег — и земля под ногами задрожала; плот заскрипел, ломаясь и рассыпаясь на куски. Покачнулся и рухнул со всеми своими фонарями маяк — самое высокое сооружение плота. Раздался скрежет ломающихся машин и стоны придавленных обломками учеников.

Сокрушив все, что можно было сокрушить, Царь-Краген подхватил бесчувственное тело сородича и покинул лагуну. Взмахнув плавниками, он скрылся вместе с убитым в глубинах океана.

Лагуны больше не было: теперь это была широкая гавань, распахнутая к океану, в которой могли швартоваться большие корабли. Остаток морских водорослей и губки — насущное пропитание жителей плота — унесло в океан. На самом плоту в буквальном смысле не оставалось живого места. Из четырехсот восьмидесяти жителей сорок три человека — десятая часть! — погибли, раненых же и покалеченных было не счесть. Те, кто уцелел, были в шоке. Такого потрясения им не приходилось испытывать за всю жизнь. Никто не был в силах оправиться от пережитого.

Наконец, с горем пополам, они собрались на уцелевшей западной части плота. Иксон Мирекс обвел всех взглядом, в котором читалась скорбь и гнев. Наконец он встретил лицо Склара Хаста, сидевшего на одном из многочисленных обломков башни.

Он указал на него обвиняющим перстом:

— Склар Хаст! Ты — виновник гибели наших близких! Урон, который ты нанес нашему плоту, невыразим никакими словами. Твое невежество и самонадеянность привели нас на край пропасти. Мы все могли уйти на дно. Тебе никогда не искупить этого преступления.

Склар Хаст ни о чем не отвечал. Сейчас его внимание было приковано к Мэрил Рохан. Она склонилась над телом отца. Седая шевелюра смотрителя маяка была окрашена кровью.

Иксон Мирекс повысил голос:

— Волей Арбитра плота я объявляю Склара Хаста преступником, а вместе с ним и всех его приспешников! В том числе — самого деятельного из них, Элмара Пронейва. Где ты, Пронейв, покажи свой бесстыжий лик! Куда ты спрятался?

Но Элмар Пронейв не отвечал: он утонул.

Иксон Мирекс повернулся к Склару Хасту.

— Мастер-Поджигатель мертв и потому не может разоблачить и обвинить тебя. Я сделаю это за него: ты больше не помощник Мастера-Поджигателя. Ты отвергнут от своей касты и профессии!

Склар Хаст обернул усталый взор к Иксону Мирексу.

— Хватит молоть вздор. Ниоткуда ты меня не исключишь. Теперь я — Мастер-Поджигатель. Я стал Мастером-Поджигателем, когда победил Зандера Рохана в поединке. А даже если бы и не победил, я в любом случае стал Мастером-Поджигателем после его смерти. Все, что ты можешь сделать, — это выдвигать напрасные обвинения: на большее у тебя нет права.

Тогда заговорил Семм Войдервег, Сводник:

— Одних обвинений недостаточно! Нечего тут дурить нам голову своей табелью о рангах! Царь-Краген вынес свой приговор — зачинщики должны умереть! Вы должны быть казнены через удушение или побивание дубиной! Такова воля Крагена!

— Не так быстро, — сказал Склар Хаст. — Сдается мне, тут кто-то чего-то недопонимает. Два крагена — большой и маленький — причиняли нам вред. Мы — я, Склар Хаст, и мои друзья — пытались защитить плот от разорения. Мы проиграли. Мы не преступники — просто мы не настолько сильны или не настолько жестоки, как Царь-Краген.

— Отдаешь ли ты себе отчет, — загремел Семм Войдервег, — в том, что Царь-Краген оставляет за собой привилегию защищать наши плоты от меньших крагенов? Отдаешь ли ты себе отчет в том, что, напав на маленького крагена, ты по существу напал на самого Царя-Крагена?

Склар Хаст задумчиво ответил:

— Я отдаю себе отчет в том, что для того, чтобы убить Царя-Крагена, нам понадобятся гораздо более мощные инструменты, нежели веревка и долото.

Семм Войдервег отвернулся — у него не было слов. Люди без энтузиазма смотрели на Склара Хаста. Некоторые из них, казалось, разделяли негодование Старейшин.

Иксон Мирекс почувствовал горечь и истощение, овладевшее людьми.

— Сейчас не время для воздаяния преступникам по заслугам, — он скорбно замолчал, опустив голову. — Как толь-

ко мы восстановим урон, который понесли, займемся остальными делами,— и воскликнул, не в силах сдержать душившей его ярости: — Преступление Склара Хаста не должно остаться безнаказанным. Я объявляю Большой Сбор на плоту Уведомляющем, который состоится через три дня. Пусть судьбу Склара Хаста и его сообщников решит Совет Старейшин.

Сklar Хаст тем временем подошел к Мэрил Рохан, сидевшей над трупом отца, уткнувшись лицом в ладони.

— Мне очень жаль твоего отца,— пробормотал он.— Мне жаль всех, которые погибли сегодня. И больше всего мне жаль, что я причинил тебе боль.

Мэрил посмотрела на него с выражением, которого он не смог понять.

— Когда-нибудь,— еле слышно пробормотал он непослушными губами,— страдания плота Спокойствия приведут к лучшим временам — для всех людей на всех плотах. Я вижу, что это моя судьба — сразиться с Царем-Крагеном. Больше меня ничто на свете не интересует.

Мэрил Рохан заговорила тихим ровным голосом.

— Желала бы я, чтобы мое будущее было столь же ясно и определено. У меня тоже есть свой долг, который я должна исполнить. Я должна выяснить, откуда взялось зло, с которым нам пришлось сегодня встретиться. Был ли его причиной Царь-Краген или Сklar Хаст? Или кто-то другой?

Сказав это, она уставилась невидящим взором перед собой, словно не замечая ни тела отца, ни стоявшего рядом Склара Хаста.

— Зло существует — это факт. У него есть источник. Моя задача — найти этот источник, изучить его природу. Только когда мы будем знать, кто наш враг, мы сможем победить его.

ГЛАВА 4

Никто и никогда не достигал дна океана. Двести футов были границей, которую не переступали даже самые отважные ныряльщики, срезавшие в этой пучине стебли тростника и добывавшие твердую древесину корня. Дальше начиналась неизвестность. Некто Бен Мармен, Шестой, из Зазывал, наполовину сорвиголова, наполовину безумец, опускался на

триста футов, и там в чернильном мраке разглядел стебли, поднимающиеся с еще большей глубины. Однако дальше ход был закрыт; не помогали ни грузы, привязываемые к ногам, ни ведра с воздухом, надеваемые на голову. Каким же образом морская растительность умудрялась прикрепляться корнями ко дну? Некоторые предполагали, что растения эти очень древние и растут с тех пор, когда уровень воды в океане был гораздо ниже. Другие считали, что, наоборот, опустилось океаническое дно.

Из всех плотов Уведомляющий был самым большим; это был первый плот, заселенный колонистами. Центральная его часть простиралась примерно на девять акров; лагуну окружали три-четыре десятка отдельных плотов-островков. Здесь, на Уведомляющем, примерно раз в год проходили традиционные сборы колонистов, в которых принимали участие все взрослые члены сообщества. Не считая этих сборов, люди редко оставляли свои плоты — существовало распространенное поверье, что Царь-Краген не одобряет путешествий. Он позволял утлым лодкам Кидал и самодельным плотам из ивы и тростника снова вдоль прибрежной зоны и между плотами, но на этом его снисходительность заканчивалась. Суда, выбирающиеся в океан без определенной цели, он безжалостно уничтожал.

Лодки, доставлявшие колонистов к месту сбора, Царь-Краген никогда не трогал, хотя, казалось, всегда знал о намечающемся собрании и даже наблюдал за происходящим со стороны, с расстояния примерно в четверть мили. Откуда он получал эту информацию, оставалось загадкой; бытовало мнение, что на каждом плоту есть такой человек, который только с виду похож на человека, а на самом деле воплощает в себе дух самого Царя-Крагена. Через него-то, согласно поверью, морскому животному и становится известно все, что происходит на плотях.

В течение трех дней перед Советом между плотами бесостановочно перемигивались маяки. История разрушения плота Спокойствия была передана во всех подробностях, вкупе с обвинениями Арбитра Мирекса против Склара Хаста и его сторонников. На плотях завязывались дискуссии, были даже разногласия. Однако, поскольку, как правило, Арбитр и Сводник каждого из плотов выступали против Склара Хаста, нашлось очень немного таких, кто поднимал голос в их защиту.

В утро Совета, когда небо еще не успело налиться си-невой, лодки-кораклы, нагруженные людьми, двинулись со всех сторон к Уведомляющему. Выжившие с плота Спокойствия, которые нашли прибежище на плотах Трашняка и Бикля, прибыли одними из первых, вместе с публикой с Альмака и Сционы, находившихся в крайней западной части флотилии.

Все утро лодки сновали между плотами, свозя народ к месту сбора. К полудню первые группы уже добрались до Уведомляющего. Каждая группа имела свою эмблему, указывавшую плот, с которого она прибыла. Кроме того, кое-кто носил также знаки, выражающие принадлежность к касте: традиционные прически, метки на лбу и ленты на груди. В остальном одежда была почти одинаковой: рубахи и панталоны из морского льна, сандалии из рыбьей кожи, церемониальные перчатки и эполеты, украшенные дробленным жемчугом моллюсков.

Новоприбывшие останавливались в предусмотренной для этого гостинице, где им предлагался обед, состоявший из пива, пирогов с морским горохом, заперченной рыбы, которая по особому рецепту консервировалась в пряностях, и маринованного лосося. После этого гости расходились по разным частям плота, в соответствии с традиционным кастовым делением.

В центре плота находился помост с трибуной. Вокруг него располагались скамьи, на которых сидели Старейшины каст, Мастера, Арбитры и Сводники. С трибуны мог выступить любой желающий, в порядке очередности. Как правило, все собрания открывали Старейшины, призывавшие молодежь к доблести и благородству, — так случилось и в этот раз. Час спустя после того, как солнце достигло зенита, к помосту пробился первый оратор «из толпы»: осанистый и дородный Пакостник с плота Моделинда, который подобным же образом открывал дискуссию на пяти предыдущих собраниях. Каждое его выступление было заранее одобрено Старейшинами, и сейчас его речи рассматривались уже как необходимое зло. Взгромоздившись на трибуну, он начал свою речь. Его голос был голосом рожденного оратора: звучным, хорошо поставленным, с мощными верхами и бархатными низами. Его речь лилась плавно и соразмерно; его периоды были длинны, сравнения — продуманны, описания — красочны.

— Ну вот, мы и снова вместе. Я рад вновь увидеть ваши лица, которые с каждым годом становятся для меня все более знакомыми и любимыми. Но увы! — многих я не вижу среди нас; они ушли за бесконечные Пределы! И сколь многие из них ушли безвременно, испытав на себе лишь несколько дней назад праведный гнев Царя-Крагена, перед которым мы все испытываем благоговейный страх. Ужасное стечение обстоятельств побудило эту Первозданную Сущность выказать свое величие. Это не должно было случиться; этого никогда не случилось бы, если бы мы свято придерживались наших древних традиций. Ибо кто мы такие, чтобы оспаривать мудрость предков? Эти благороднейшие и мужественнейшие из когда-либо живших людей, отважившиеся противостоять тирании обезумевших рабов, сумели захватить Корабль, уносивший их к жестокой судьбине, и нашли для себя убежище здесь, в этом благословенном мире! Наши предки хорошо знали необходимость дисциплины и неукоснительного следования законам; они определили касты и назначили для каждой из них свою задачу, согласно занятиям, которым они предавались в Отчем Мире. Кидалам привычнее было закидывать сети и удить рыбу, Поджигателям — заниматься маяками, Пакостникам, к которым я имею честь относить и себя, — варить смолу, в то время как каста Казнокрадков дала нам немало славных Сводников, которые смогли обеспечить нам милость и благосклонное покровительство великодушного Царя-Крагена... Подобное порождает подобное, — продолжал оратор. — Дети наследуют родителям, и навыки не исчезают, но сохраняются и оттачиваются до совершенства. Почему же в таком случае касты разрушаются и уступают место неразберихе и беспорядку? Я обращаюсь к нынешней молодежи: читайте Аналекты, изучайте артефакты в Музее, вернитесь к принципам, которые были выработаны вашими отцами! У вас нет наследства более драгоценного, чем ваша кастовая принадлежность!

В таком духе он вещал еще несколько минут, после чего его сменил другой из пожилых, тоже метивший со временем в Старейшины. Бывший фонарщик с неплохой репутацией, он работал на своем посту, пока глаза ему не заволочла пелена, и он не мог уже отличить одного сигнала от другого. Как и предыдущему оратору, ему было что сказать насчет старых ценностей.

— Увы! Что зрю перед собою? Достойна сожаления леньность нынешней молодежи. Во что мы превращаемся — в нацию бездельников и лежебок? Счастье еще, что Великий Краген защищает нас от алчности остальных своих сородичей! А что, если какой-нибудь тиран из Отчего Мира отыщет нашу мирную гавань и решит прибрать нас к рукам, пленить и сделать рабами, как в прежние времена? Чем мы будем защищаться? Отстреливаться рыбьими головами? Или заберемся под плоты в надежде, что противник не полезет туда, а если полезет — утонет?

— Ладно, не тани,— слышались из толпы утомленные возгласы.

— Так вот я и говорю,— поспешил выступающий.— Нам надо организовать народное ополчение. Пусть каждый плот выставит хорошо обученных воинов и снарядит их метательными ножами и копьями из самых прочных и надежных стеблей, какие только найдутся!

Старого фонарщика с бельмами на глазах сменил Сводник с плота Самбер, который в хорошо построенной речи прозрачно намекнул, что, появившись тиран из Отчего Мира — и Царь-Краген немедленно придет на помощь и обратит его в бегство. Так что в следующий раз тиран уже и не сунется. И все это благодаря скромному самоотверженному труду Сводников, к которым он с гордостью и смирением причисляет и себя...

— Царь-Краген велик; Царь-Краген всемогущ; он мудр и снисходителен; его достоинства неоспоримы! Однако его величие было оскорблено безобразной выходкой на плоту Спокойствия, где вольномыслие отдельных вырожденков стало причиной гибели многих наших сограждан.— На этих словах он скорбно поник головой.— Я не обладаю ни правом, ни полномочиями, чтобы предложить достойное наказание за столь чудовищное злодеяние. Но я хочу обратить ваше внимание на некоторые факторы, послужившие подспудной причиной случившегося — а именно, на самонадеянность отдельных лиц, поддержавших непосредственного виновника, и чрезмерное легкомыслие тех, кто, пусть не потакая им, не остановил их вовремя, проявив снисходительность и малодушие...

Наконец оратор спустился с трибуны. Его сменил хмурый крепыш в одеждах самых безыскусных.

— Меня зовут Склар Хаст,— сказал он.— Я тот самый злонамеренный вольнодумец, о котором сегодня уже гово-

рили. Я хотел бы сказать многое, вот только не знаю, как. Поэтому буду краток. Царь-Краген — вовсе не мудрый и самоотверженный защитник, каким нам его рисуют Сводники. Это громадная и прожорливая тварь, которая с каждым годом становится все громаднее и прожорливее. Я хотел убить другого крагена, поменьше, который пожирал мой урожай. И когда Царь-Краген каким-то образом узнал об этом, он отомстил за своего сородича.

— Что он городит! — закричали со своих скамей Сводники. — Какой позор! Неслыханно!

— А ведь я, в сущности, помогал Царю-Крагену делать его работу. С чего бы ему гневаться? Ведь это его задача — отбивать атаки своих жадных родственников. Это же очевидно! Царь-Краген просто боится, что, научившись убивать его родственников, люди постепенно доберутся и до него. Именно это я и предлагаю сделать. Сколько можно пресмыкаться перед какой-то морской тварью? Давайте оставим это подлое заискивание, давайте обратим свои усилия на то, чтобы найти способ прикончить Царя-Крагена!

— Что за безответственные высказывания! Да это просто сумасшедший! Глупец неблагодарный! — кричали Сводники.

Склар Хаст ждал, пока шум уляжется, но крики не прекращались. Наконец Фирал Бервик, Арбитр Уведомляющего, взобрался на помост и поднял вверх руки:

— Спокойствие! Пусть Склар Хаст договорит. Он стоит на трибуне, и это его право — высказать все, что он пожелает.

— А мы почему должны слушать этот вздор? — воззвал Семм Войдервег. — Этот человек, как нам известно, — виновник гибели целого плота. Теперь он собирается распространить свою ересь дальше — так он отправит на дно всю флотилию!

— И все же, — настаивал Фирал Бервик. — Мы должны блюсти наши обычаи.

Склар Хаст наконец смог продолжить:

— Само собой, Сводники не хотят этого. Царь-Краген — их пища, они такие же паразиты, как и он. Это очевидно: нельзя давать им общаться с Царем-Крагеном, которому они передают всю информацию о нас. Мы рабы Крагена, — мы просто боимся признать эту правду. А Сводники — наши надсмотрщики. Те, кто выступили передо мной, ссыла-

лись на традиции предков — людей, которые сумели отнять у тиранов Корабль. Вы считаете, эти мужественные люди стали бы подчиняться прожорливой твари? Очень сомневаюсь! Как нам убить Царя-Крагена — это другой вопрос. Он требует серьезных размышлений и всестороннего обсуждения; но ни в коем случае нельзя, чтобы эти планы дошли до Сводников. Если кто-нибудь здесь думает так же, как я, сейчас настало время им подняться с места и объявить об этом во всеуслышание.

С этими словами Склар Хаст сошел с помоста. На плоту воцарилась тишина. Лица людей застыли. Склар Хаст посмотрел направо, потом налево. Никто не смел встретиться с ним взглядом.

Тучный Семм Войдервег взгромоздился на помост.

— Вы все слышали, что сказал этот убийца. Он не имеет ни стыда, ни совести. На нашем плоту мы уже вынесли ему смертный приговор. Согласно обычаю, он имел право сказать свое слово перед собранием. И он его сказал. Как вы видите, он ничуть не раскаивается. Более того — он пытается распространить свою ересь, приплетая к тому же наших предков к своим гнусным замыслам. Да утвердит это справедливое собрание тот приговор, который был вынесен ему на плоту Спокойствия; пусть те, кто чтит Царя-Крагена и благодарен ему за милость и покровительство, поднимут вверх свои кулаки — и это будет означать смерть!

— Смерть! — возгласили Сводники, потрясая кулаками.

Однако другие не торопились поддержать их. Люди переглядывались, охваченные неуверенностью и беспокойством; некоторые опасливо посматривали в сторону океана.

Семм Войдервег растерянно поглядел на толпу:

— Я, конечно, понимаю, что вам трудно вынести столь суровый вердикт бывшему соплеменнику и согражданину, но в этом случае любое колебание неуместно.

Он указал длинным бледным пальцем на Склара Хаста.

— Понимаете ли вы, насколько злостным и бесчестным негодяем является этот человек? Я могу добавить и еще кое-что о его подвигах. До того, как совершить преступление, за которое мы сейчас его судим, он совершил еще и другое — против собственного благодетеля и учителя, Мастера-Поджигателя Зандера Рохана. К счастью, попытка обмануть благородного Рохана в бесчестном поединке, с тем чтобы сместить его с должности и самому стать

Мастером-Поджигателем, была вовремя пресечена Арбитром плота Иксоном Мирексом и мной самим.

— Но это же клевета! — воскликнул Склар Хаст. — Неужели я должен выслушивать, как меня поливают ядом?!

Фирал Бервик объяснил:

— Ты должен позволить ему высказаться до конца; потом, если ты сможешь доказать, что это клевета, клеветник понесет заслуженное наказание.

Семм Войдервег продолжал очень искренним тоном:

— Суровая правда — это не клевета. Чтобы клеветать, нужно испытывать ненависть, а у меня нет причин ненавидеть этого человека. Итак, я продолжу...

Склар Хаст обратился к Фиралу Бервику:

— Прежде чем он продолжит, необходимо пояснить, о какой клевете идет речь. Я могу доказать, что этот человек обвиняет меня из зависти.

— Ты можешь это доказать?

— Да.

— Хорошо. — Фирал Бервик обернулся к Семму Войдервегу: — Тебе придется подождать со своим обвинением, пока не будет прояснена суть клеветы.

— Вам достаточно спросить Арбитра Мирекса, — возмущенно отозвался Сводник. — Он подтвердит, что все сказанное мной — чистая правда.

Фирал Бервик кивнул Склару Хасту.

— Продолжим: докажи клевету, если можешь.

Склар Хаст указал на второго помощника фонарщика Вика Кэверби:

— Пусть он скажет.

Кэверби, небольшой человек с волосами песочного цвета и бледным перекошенным лицом — его нос был сдвинут в одну сторону, а рот в другую, — несколько неохотно выбрался из толпы.

— Войдервег утверждает, что я победил Мастера-Поджигателя Рохана благодаря длительным упражнениям с учебными текстами. Правда ли это?

— Нет, это не так. Это было просто невозможно. Подмастерья тренируются на упражнениях с первого по пятидесятое. Когда Арбитр Мирекс приказал принести тексты для состязания, я достал продвинутые упражнения, которые всегда хранятся под замком. Арбитр сам выбирал тексты, вместе со Сводником Войдервегом.

— Ну что,— обернулся Склар Хаст к Арбитру Мирексу,— это правда или ложь?

Тот вздохнул, борясь с досадой.

— В техническом смысле это так. И все же у тебя была возможность упражняться.

— Она была и у Мастера Рохана,— заметил Склар Хаст с угрюмой усмешкой.— Надо ли говорить, что я ничем подобным не занимался?

— Пока все ясно,— сухо прервал его Фирал Бервик,— но что до клеветы...

Склар Хаст кивнул на Кэверби:

— В этом он также может свидетельствовать.

Тот продолжал с еще большей неохотой:

— Сводник Войдервег делал предложение Мэрил Рохан, дочери Мастера-Поджигателя, но та ответила ему решительным отказом. Случайно я слышал их разговор. Она сказала, что хотела бы выйти за первого помощника Склара Хаста, если бы только он не относился к ней как к рычагу наборной машины. Сводник Войдервег показался мне чрезвычайно раздраженным.

— Да ну? — воскликнул Войдервег, побагровев.— И где здесь клевета?

Склар Хаст отыскал глазами в толпе Мэрил Рохан. Она не стала дожидаться приглашения и встала сама.

— Мерил Рохан — это я. Свидетельство второго помощника полностью правдиво. В то время я действительно собиралась замуж за Склара Хаста.

Склар Хаст обернулся к Фиралу Бервику.

— Вот мое свидетельство.

— Твое свидетельство достоверно,— отвечал тот.— Я признаю Сводника Семма Войдервега виновным в клевете. Какого наказания для него ты требуешь?

— Никакого. Это не столь важно. Я хочу лишь, чтобы те предложения, которые я выношу на суд, оценивались по достоинству, без искажений со стороны Сводника Войдервега.

Фирал Бервик повернулся к Своднику:

— Можешь продолжать, но предупреждаю — воздержись от дальнейшей клеветы.

— Я не скажу больше ни слова,— ответил тот тусклым голосом.— В конце концов вы убедитесь, что я был прав.— Он спустился с помоста и сел рядом с Арбитром Мирексом,

который подчеркнуто отвернулся, словно не замечая его присутствия.

Вперед выдвинулся высокий темноволосый мужчина в расшитой бело-ало-черной пелерине и попросил слова. Это был Баркан Блейсдел, служивший Сводником на Уведомляющем. Он держался спокойно, уверенно, со значением, что придавало его словам куда большую убедительность, чем мог добиться чересчур вспыльчивый Войдервег.

— Как признает сам обвиняемый, факт клеветы не имеет большого значения в рассматриваемом вопросе, и я предлагаю суду полностью выбросить из головы этот досадный инцидент. Не считая этого небольшого недоразумения, суть дела вполне ясна — я бы сказал, на удивление ясна. Заветом предусматривается, что Царь-Краген осуществляет справедливость в океанских просторах. Склар Хаст, будучи в здравом рассудке, полностью осознавая смысл своих деяний и их возможные последствия, нарушил Завет, что повлекло за собой гибель сорока трех мужчин и женщин. Здесь просто не о чем спорить!

Баркан Блейсдел пожал плечами, выражая крайнее недоумение.

— Хотя мне и крайне неприятно делать это, я вынужден потребовать для этого человека смертного приговора. Кулаки вверх! Смерть Склару Хасту!

— Смерть! — снова подхватили Сводники, вздымая кулаки и оборачиваясь к остальным в ожидании поддержки.

Размеренная речь Баркана Блейсдела вдохновила гораздо большее количество людей, чем яростные обвинения Войдервега, но толпа по-прежнему пребывала в нерешительности; все словно бы чувствовали, что здесь скрывается нечто большее и правда еще не до конца раскрыта.

Баркан Блейсдел склонился к народу, перегнувшись через трибуну, словно для того, чтобы лучше видеть лица сограждан:

— Как? Вы медлите? Разве доказательства не очевидны? Фирал Бервик, Арбитр Уведомляющего, поднялся с места:

— Вынужден напомнить Баркану Блейсделу, что он уже дважды призывал к смерти Склара Хаста. Если и в третий раз он не получит достаточной поддержки, Склар Хаст будет считаться оправданным.

Баркан Блейсдел усмехнулся толпе и, смерив Склара Хаста взором, спустился вниз.

Помост опустел. Больше никто не испытывал желания выступить. Наконец Фирал Бервик сам поднялся по ступеням, чтобы обратиться к собравшимся. Это был кряжистый человек с широким лицом, волосами, тронутыми сединой, с голубыми глазами и короткой бородкой. Он начал свою речь раздумчиво и неторопливо.

— Склар Хаст требует смерти Царя-Крагена. Семм Войдверг и Баркан Блейсдел требуют смерти Склара Хаста. Что я могу сказать? Первое требование вызывает у меня оторопь, второе тоже не представляется уместным. Не сказал бы, что имею отчетливое представление, что нам надлежит делать. Склар Хаст, прав он или не прав, вынуждает нас принять решение. Мы должны сделать это, но не стремглав, на скорую руку, а обдумав как следует и не торопясь с выводами.

Баркан Блейсдел вскочил с места:

— При всем уважении я вынужден настаивать, чтобы мы не отклонялись от сути рассматриваемого вопроса, каковой состоит в том, чтобы определить степень виновности Склара Хаста в трагедии, разыгравшейся на плоту Спокойствия.

Фирал Бервик коротко кивнул:

— Мы соберемся вновь через час и вынесем решение.

ГЛАВА 5

Склар Хаст прорвался сквозь толпу в ту сторону, где он только что видел Мэрил Рохан, но она уже успела исчезнуть. Сколько он не искал ее взглядом в толпе, среди женщин и мужчин различных плотов, из разных каст, гильдий, кланов и поколений, обступивших его со всех сторон и разглядывающих точно диковину, — все было напрасно. Некоторые шарахались от него, как от зачумленного, другие поглядывали с плохо скрытым страхом или раздражением. У некоторых, впрочем, хватало смелости заговаривать с ним. Какой-то рыжий верзила — из касты Подстрекателей, судя по пятицветной эмблеме, — высунул из толпы возбужденную физиономию:

— Что ты там говорил об убийстве Крагена? Слышанное ли это дело — совершить такое? Разве это возможно?

Склар Хаст спокойно отвечал ему, не переставая оглядываться по сторонам:

— Пока не знаю. Поживем — увидим.

— А ты не думаешь, что Краген может узнать об этом заранее и разметать всю нашу флотилию, потопив плоты поодиночке?

— Даже если нам и суждено пострадать, — твердо отвечал Склар Хаст, — мы делаем это ради будущего наших детей. А они уж как-нибудь залатают пробоины — и жизнь снова потечет. Зато они будут свободными людьми, в отличие от нас.

Вперед выступила невысокая женщина с поджатым ртом, походившая немного на рыбу:

— С чего это я должна страдать за чужую жизнь? Пусть уж все страдают поровну!

— Дело, конечно, личное, — вежливо согласился наш герой и попытался выскользнуть, но тут же был оттеснен другой дамой в бело-голубых лентах касты Хулиганов. Она потрясала пальцем под носом первой женщины:

— А что ты скажешь о тех Двухстах, что сбежали от тиранов? Им не приходилось рисковать, по-твоему? Думаешь, их это беспокоило? Нет! Они жертвовали всем ради того, чтобы избежать рабства, а кто получил от того выгоду? Мы! А теперь пришла наша очередь страдать и жертвовать собой!

— Я не боюсь страдания и жертвы, если они потребуются! — воскликнула первая. — Но зачем призывать беды на свою голову?

Тут вмешался один из Сводников с соседнего плота:

— К чему эти глупые разговоры о страданиях! Царь-Краген наш благодетель. Не страдать нам надо, а вознести ему хвалу и молить о снисхождении.

Огненно-рыжий Поставщик замахал на него руками, оттесняя Склара Хаста:

— Если уж вы, Сводники, так любите Крагена, отчего бы вам не сделать себе отдельный плот, не отплыть куда-нибудь подальше — и возносите ему хвалы сколько влезет! А остальных оставьте в покое, вместе со своим чудищем!

— Царь-Краген служит всем! — величественно объявил тот. — И было бы преступлением лишать людей его милостей.

В разговор вмешалась Наставница из сословия Хулиганов, и Склару Хасту удалось отойти в сторону, но тут...

Тут он наконец увидел Мэрил Рохан. Она стояла у ближайшей палатки с кружкой в руке и пила прохладный

чай. Минута — и он уже был рядом с ней. Она встретила его появление холодным кивком.

— Пошли, — он взял ее за руку.

— Куда?

— Отойдем куда-нибудь в сторону, где мы сможем спокойно поговорить. Мне надо многое сказать тебе.

— Я не хочу с тобой разговаривать. Может быть, это ребячество с моей стороны, но это так.

— Вот именно это я и хотел с тобой обсудить, — решительно объявил Склар Хаст.

Мэрил Рохан слабо улыбнулась.

— Лучше подумай, как ты будешь спасти свою голову. Возможно, ты очень недолго проживешь после этого собрания.

— Вот как? — Склар Хаст нахмурился. — А за что будешь голосовать ты?

— Я уже устала от всего этого. Может быть, я снова вернусь на Четырехлистник.

Почувствовав, что разговор становится опасным, Склар Хаст счел, что ему лучше будет удалиться. Вежливо откланявшись, он подошел к Рубалу Галлахеру, который сидел под навесом рядом с гостиницей.

— Ну что ж, плот погиб, у тебя появилась куча врагов, но жизнь твоя в безопасности, — приветствовал его Рубал Галлахер. — Так мне, во всяком случае, представляется твое нынешнее положение.

Склар Хаст печально хмыкнул.

— Временами я думаю: а стоило ли вообще начинать все это?.. Ну, да теперь деваться некуда — все уже завертелось, и дел по горло. В любом случае, маяк должен быть восстановлен. Да и место по закону осталось за мной.

Рубал Галлахер сухо рассмеялся:

— С одного боку — Семм Войдервег, с другого — Иксон Мирекс... Вряд ли тебе удастся спокойно работать.

— Как-нибудь справлюсь, — сказал Склар Хаст. — Если, разумеется, мне удастся пережить Совет.

— На это ты можешь рассчитывать, — произнес Рубал Галлахер несколько угрюмым тоном. — Здесь многие желают твоей смерти, но еще больше тех, кто с тобой согласен.

Склар Хаст с сомнением покачал головой:

— Вот уже двенадцать поколений мы живем в мире и согласии, и за это время дикостью считалось, даже если

один человек поднимет на другого руку. А теперь... Из-за меня люди разделяются на два лагеря. Неужели я останусь в памяти людей бунтовщиком, который принес на плоты смуту и разорение?

Рубал Галлахер озадаченно поглядел на него:

— Раньше ты что-то не был склонен философствовать.

— Не сказал бы, что мне это нравится, — возразил Склар Хаст. — Но мне все чаще и чаще приходится этим заниматься.

Он поискал глазами палатку с освежающими напитками, возле которой говорил с Мэрил Рохан. Девушка все еще была там; рядом с ней на скамейке сидел какой-то незнакомец, худощавый юноша с угловатыми, резкими чертами лица и нервическими жестами. На нем не было ни кастовых знаков, ни эмблем гильдии, однако по зеленой окантовке платя Склар Хаст определил в нем жителя плота Санкстона.

Тут его размышления были прерваны появлением на ораторском помосте Фирала Бервика.

— Давайте продолжим наше совещание. Боюсь, что многие из нас слишком поддались эмоциям; но ненависть, раздражение и страх — плохие советчики. Поэтому я призываю всех к спокойствию. Мы собрались здесь не для того, чтобы оскорблять друг друга. Кто желает выступить?

— У меня вопрос! — раздался голос из толпы.

Фирал Бервик указал пальцем в сторону говорившего:

— Выходи, назови свое имя, касту, занятие и задавай свой вопрос.

На помост вышел тот самый худощавый беспокойный молодой человек, с которым не так давно разговаривала Мэрил Рохан.

— Мое имя Роджер Келсо, — обратился незнакомец к собранию. — Я происхожу из Лепил, хотя давно оставил занятие своей касты и ныне являюсь Писцом. Мой вопрос заключается в следующем. Склар Хаст обвиняется в том, что послужил причиной трагедии на плоту Спокойствия, и мы собрались здесь, чтобы решить его судьбу. Но для того, чтобы оценить степень его ответственности, мы должны сначала выяснить, как именно произошло несчастье. Это очень важный момент в традиционной юриспруденции; если кто-то думает иначе, я могу сослаться на Мемо-риум Лестера Макмануса, в котором он описывает прин-

ципы законодательства в Отчем Мире. Этот отрывок не включен в Аналекты и не всем может быть известен. В нем говорится, что если человек создал ситуацию, повлекшую за собой преступление, он не может еще считаться виновным; чтобы объявить его преступником, необходимо, чтобы налицо было обдуманное, осознанное и преднамеренное злодеяние.

Баркан Блейсдел прервал его снисходительным тоном:

— Но ведь именно с таким случаем мы и имеем дело: Склар Хаст оскорбил Царя-Крагена, что повлекло за собой его ужасное возмездие.

Роджер Келсо терпеливо выслушал это замечание, что, очевидно, далось ему нелегко: он дернулся, и его черные глаза засверкали.

— Если высокочтимый Сводник позволит, я продолжу свое объяснение.

Баркан Блейсдел кивнул и опустил на место.

— В своем выступлении Склар Хаст выдвинул одно предположение, которое необходимо рассмотреть более внимательно, а именно: не вызвал ли Царя-Крагена Семм Войдервег, Сводник плота Спокойствия? Это очень скользкий момент. Дело не только в том, вызывал ли Семм Войдервег Царя-Крагена, но и в том, когда именно он это сделал? Если он сделал это сразу при появлении крагена-чужака, то вопрос снимается. Но если это произошло уже после попытки убить меньшего крагена, то Семм Войдервег становится в большей степени виновником происшествия, нежели Склар Хаст, поскольку он вполне мог предвидеть, чем это закончится. Каково же истинное положение дел? Действительно ли Сводники имеют свой способ общаться с Царем-Крагеном? И вот мой вопрос: не сделал ли это Семм Войдервег, чтобы покарать Склара Хаста и его помощников?

— Ничего себе! — гневно воскликнул Баркан Блейсдел. — Это провокация! Как можно так все переворачивать с ног на голову?!

Вмешался ведущий собрания, Фирал Бервик.

— Мне кажется, вопрос вполне уместен. Лично я не могу дать на него ответа, но все же, думаю, ответ должен быть дан. Семм Войдервег, что скажешь ты?

— Мне нечего сказать, — хмуро откликнулся тот.

— И все же, — настаивал Фирал Бервик. — Подумай сам: чем больше ты будешь замыкаться и уходить от ответа,

тем больше будет недоверие к тебе. Разумеется, это не то, чего ты хочешь добиться.

— Надеюсь, вы понимаете, — раздраженно сказал Семм Войдервег, обводя негодующим взглядом собравшихся, — что даже если я действительно вызвал Царя-Крагена — а я не могу позволить себе каких-либо заявлений относительно этого, не повредив своей гильдии, — то это было сделано исходя из самых высоких побуждений.

— Так ты действительно сделал это?

Семм Войдервег посмотрел в сторону Баркана Блейсдела в поисках поддержки, и Сводник Уведомляющего немедленно вскочил:

— Арбитр Бервик, должен предупредить, что мы вновь отклоняемся от нашей основной цели.

— Какова же наша основная цель? — спросил Фирал Бервик.

Баркан Блейсдел возмущенно всплеснул руками, выражая крайнюю степень удивления.

— Какие тут могут быть сомнения?! По собственному признанию Склара Хаста, он преступил закон Царя-Крагена и обычаи плотов. Все, что нам остается — и для чего мы, собственно, здесь собрались, — это определить достойное наказание виновному.

Фирал Бервик собрался было ответить, но его опередил Келсо:

— Не могу не указать на то, что досточтимый Сводник смешивает понятия. Законы Царя-Крагена — не законы людей, и с каких это пор изменение обычая считается преступлением? В таком случае следует судить очень многих, а не одного Склара Хаста.

Однако Баркан Блейсдел оставался незыблем.

— Закон, о котором я говорю, проистекает из Завета с Крагеном. И состоит он в том, что Царь-Краген защищает нас от опасностей и требует от нас взамен признания его владычества в океане. Что же касается обычаев, то здесь речь идет об уважении к Арбитрам и Сводникам, которые были специально обучены, чтобы судить, предвидеть и соблюдать обряды. И сейчас нам предстоит решить, насколько Склар Хаст преступил положенные для него пределы.

— Совершенно верно, — заметил Роджер Келсо. — А для этого нам необходимо узнать, вызвал ли Семм Войдервег Царя-Крагена или нет.

Голос Баркана Блейсдела взвился над толпой еще с большим негодованием.

— Поступки Сводника не разрешено обсуждать прилюдно, равно как и секреты его гильдии!

Фирал Бервик махнул рукой Баркану Блейсделу, призывая его к тишине.

— В такой ситуации, как эта, когда под вопросом находятся фундаментальные вопросы, секреты гильдий приобретают второстепенное значение. Мы все желаем знать правду. Утаивать сейчас что-либо я не позволю. Итак, Семм Войдервег, тебе задали вопрос: призывал ли ты Царя-Крагена на плот Спокойствия в тот день, о котором идет речь?

Казалось, воздух звенит от напряжения; все взоры обратились в сторону Семма Войдервега, который возвел глаза к небу и прокаплялся. Однако отвечал он без всякого видимого замешательства:

— Моя обязанность — вызывать Царя-Крагена при малейшем признаке опасности. Вот и все. Я просто выполнял свой долг.

Баркан Блейсдел одобрительно кивнул с видимым облегчением.

Фирал Бервик нервно постукивал пальцами по перилам помоста. Несколько раз он открывал рот, собираясь что-то сказать, но никак не мог собраться с духом. Наконец у него вырвалось:

— Существуют ли какие-либо другие случаи, для которых вызывается Царь-Краген?

— Что это за допрос? — негодуя спросил Семм Войдервег. — Я Сводник, а не преступник!

— Не надо так волноваться. Я задаю вопросы, чтобы пролить свет на то, что произошло. Позволь, я спрошу таким образом: вызывал ли ты когда-либо Крагена, чтобы кого-то наказать или навести страх на людей?

Семм Войдервег заморгал.

— Мудрость Царя-Крагена неизъяснима. Он чувствует, когда необходимо его присутствие, и в таком случае приплывает.

— Уточню свой вопрос: вызывал ли ты Царя-Крагена, когда Склар Хаст собирался убить чужого крагена?

— Мои действия здесь не имеют значения. Я не вижу смысла отвечать на этот вопрос.

Баркан Блейсдел величественно поднялся с места.

— То же самое хотел сказать и я.

— И я! И я! — раздалась негодующие возгласы Сводников.

Фирал Бервик обратился к толпе:

— Итак, мы не можем выяснить, когда именно Семм Войдервег вызвал Царя-Крагена. Если бы мы узнали, что он сделал это после попытки убить меньшего крагена, то, по моему мнению, ответственным за то, что произошло в дальнейшем, следует считать Семма Войдервега, и в таком случае бессмысленно обсуждать вопрос о наказании для Склара Хаста. Но, к сожалению, у нас нет возможности получить необходимую информацию.

По Белрод, Старейшина Зазывал, выставил руку в сторону Семма Войдервега

— Я могу прояснить ситуацию. Как только эта зверюга появилась в лагуне и принялась жрать нашу губку, Семм Войдервег побежал на это смотреть вместе с остальными. И я могу засвидетельствовать, что он никуда не уходил, пока Склар Хаст не начал расправу над животным. Думаю, это не я один видел — народу там было немало.

Раздалось несколько голосов, подтверждающих его слова.

Сводник Уведомляющего, Баркан Блейсдел, снова взобрался на помост.

— Арбитр Бервик, призываю вас придерживаться сути вопроса. Склар Хаст вместе со своей бандой совершили деяние, совершать которое им открыто запретил Арбитр Спокойствия Иксон Мирекс и Сводник Спокойствия Семм Войдервег. Все, что случилось потом, проистекало из этого деяния; следовательно, он без сомнения виновен.

— Баркан Блейсдел, — произнес Фирал Бервик. — Ты являешься Сводником Уведомляющего. Скажи, ты когда-либо вызывал Царя-Крагена на наш плот?

— Как мы со Сводником Войдервегом неоднократно указывали, преступником здесь является Склар Хаст, а не Сводники плотов. И Склар Хаст должен понести заслуженное наказание. Пусть собрание и не вынесло ему смертного приговора, я, со своей стороны, считаю, что он должен умереть. Положение наше весьма серьезно.

Фирал Бервик устремил взгляд бледно-голубых глаз на Баркана Блейсдела.

— Если собрание оправдает Склара Хаста, он умрет не раньше, чем умру я!

— И я! — Это был По Белрод.

— И я! И я! — подхватили Роджер Келсо и те, кто помогал убивать крагена; раздавались одобрительные возгласы и со стороны жителей других плотов. Один за другим они поднимались на помост и выражали готовность поддерживать Склара Хаста.

Потом поднялся Баркан Блейсдел, угрожающе потрясая пальцем:

— Прежде чем кто-нибудь еще выскажется — посмотрите на океан! Царь-Краген наблюдает за вами, он хочет знать, кто верен ему, а кто отступился!

Люди, все как один, развернулись в сторону океана. Неподалеку, буквально в сотне ярдов, над водой скользил гигантский крутой горб. Глаза холодно сверкнули — и через миг Царь-Краген ушел под воду. Синяя вода вскипела и затем успокоилась, вновь став тихой и безмятежной, как прежде.

Склар Хаст выступил вперед и стал взбираться на помост, но был остановлен Барканом Блейсделом:

— Помост — не место для митингов. Жди, пока тебя не позовут!

Однако тот оттолкнул его в сторону и обратился к толпе, указывая на океан:

— Вот он — наш враг! Сколько можно обманывать себя? Нам необходимо объединить усилия, всем кастам — Сводникам, Арбитрам, всем, — и вместе мы найдем, как избавиться от Царя-Крагена. Мы же мужчины — почему мы должны склоняться перед кем-то еще?!

— Вы слышите слова безумца! — закричал Баркан Блейсдел, вскочив на помост рядом с ним. — Вы все видели Царя-Крагена, вы все убедились, что он рядом и наблюдает за вами! Выбирайте же, за кем вы последуете — за сумасшедшим бунтовщиком, разрушающим все на своем пути, или за своими отцами, признававшими мощь Царя-Крагена и отдававшимися под его покровительство. Нам необходимо принять твердое решение! Теперь уже не может быть полумер! Склар Хаст должен умереть! Так поднимем же кулаки, все как один, и скажем: смерть Склару Хасту!

И он вскинул вверх сжатый кулак.

Его клич подхватили Сводники:

— Смерть Склару Хасту !

Нерешительно, с колебаниями, в воздух начали подниматься и другие кулаки. Кто-то, подняв было кулак, менял решение и тут же опускал его; кто-то хватал за руку соседа, не давая ему проголосовать. Начались споры, толпа загудела. Баркан Блейсдел, наклонившись с помоста, внимательно наблюдал.

Склар Хаст хотел было снова обратиться к людям, но не успел: совершенно внезапно, как по мановению волшебной палочки, мирное собрание превратилось в побоище. Началось нечто несусветное. Люди вопили, пинались, лягались, рвали друг на друге одежду. Эмоции, копившиеся с детства, тщательно подавлявшиеся и скрывавшиеся в глубине души, внезапно вырвались из-под контроля. К счастью, у людей почти не было никакого оружия: несколько дубин из корневищ морского камыша, пара костяных топоров, полдюжины тростниковых пик да столько же ножей. Битва кипела уже по всему плоту, продолжаясь и в воде. Степенные Халтурщики и достойные Костоломы пытались утопить друг друга. Зазывалы, забыв о своем низком звании, молотили кулаками высокомерных Казнокрадов. Расхитители, известные как ревностные блюстители обычаев, пихались, кусались и царапались, как какие-нибудь Контрабандисты. Царь-Краген опять показался над водой, на этот раз в четверти мили к северу, и оттуда холодно наблюдал за схваткой.

Наконец борьба стала понемногу стихать, частично из-за усталости сражающихся, частично благодаря усилиям наиболее спокойных и миролюбивых членов собрания. В лагуне плавало с полдюжины трупов, примерно столько же лежало на плоту. Теперь, когда люди разделились на два лагеря, стало очевидно, что на стороне Склара Хаста все же меньшинство — раза в два меньше, чем у его противников, — но зато здесь были наиболее энергичные и умелые из ремесленников, хотя среди них и не было ни одного Мастера.

Баркан Блейсдел продолжал вещать с помоста:

— Увы, что за скорбный день! Склар Хаст, ты ответишь за тот раздор, что принес в наш мир!

Склар Хаст оглянулся на него: лицо его было залито кровью — в драке его задела ножом, — одежда разорвана на груди.

— Да, сегодня действительно день скорби. Но хочу еще раз повторить: либо человек будет править океанским чу-

довищем, либо оно будет править человеком! Я возвращаюсь на плот Спокойствия, чтобы поднимать его из руин. Как сказал Сводник Блейсдел, обратного пути уже нет. Все, кто хочет жить свободно, — идемте с нами! Там решим, что делать дальше!

Баркан Блейсдел захлебывался от гнева. Его бывшее спокойствие и уверенность оставили его — теперь старшего из Сводников нельзя было узнать.

— Убирайтесь, идите на свой раздолбанный плотик! Скатертью дорога! И пусть имя плота Спокойствия будет проклято отныне и веки! Только не вызывайте к Царю-Крагену, когда ваш плот осадят другие крагены и начнут рвать вам сети, топить ваши кораклы и пожирать вашу губку!

— Ты уже и других призываешь на поживу, — процедил Склар Хаст. — Ничего, мы зашьем сети, мы сколотим новые лодки и мы дадим отпор любому из крагенов, включая и твоего хваленного Царя!

— А может, будет лучше, — подал голос рыжий Поставщик, — если Сводники возьмут свое чудовище и сами переселятся вместе с ним на какой-нибудь отдаленный плот?

Баркан Блейсдел без дальнейших слов спрыгнул с помоста и решительно запыхал в сторону своего дома.

ГЛАВА 6

Несмотря на побоище, — а возможно, потому, что оно казалось каким-то нереальным, — и невзирая на разор, почти все жители плота Спокойствия решили вернуться домой. Лишь немногие остались у своих кастовых родственников или друзей по гильдии, предпочтя спокойную жизнь. Остальные же, потирая ушибленные места и перевязав раны, пустились в обратный путь.

Это было безрадостное пасмурное путешествие сквозь серые фиолетовые сумерки. Лодки плыли вдоль линии плотов, — каждый из них имел свой характерный силуэт, свои неповторимые черты. Так по одной фразе без ошибки узнается житель Омержа, а увидев украшенный резьбой кусок дерева, сразу можно сказать, что это работа Люмара Нигглера. И вот впереди он — единственный, несчастный и многострадальный плот Спокойствия. Как он был непохож на то место, где они прожили столько лет! У многих

на глаза наворачивались слезы: прежние дни ушли навсегда, безвозвратно. Но все же это место было их домом.

Некогда идиллический плот Спокойствия представлял собой страшную картину разорения. Третью хижину лежала в руинах. Амбары и житницы были разорены, погибла мука, из заводов исчезли драгоценные кувшинки с питательной пылью, тычинками и пестиками. Н некогда гордо высившаяся над всем башня с маяком теперь представляла собой груды щепок и мусора. Везде, куда ни глянь, видны были следы присутствия Царя-Крагена.

Наутро обнаружилось, что к этой грустной экспедиции, как это ни странно, присоединился и Семм Войдервег, несмотря на то что его собственный дом был разрушен щупальцем его покровителя. Семм Войдервег рылся в оставшейся на месте хижины куче барахла, вытаскивая то ведро, то предметы одежды, то уцелевший горшок, то намокший том Аналектов. Заметив взгляд Склара Хаста, он сердито передернул плечами и зашагал в нетронутый дом Арбитра Мирекса, в котором нашел себе временное пристанище.

Мэрил Рохан отыскалась возле отцовского дома, который был не так сильно разрушен, как другие. Склар Хаст присоединился к ней, помогая вытаскивать полотно, дубленые кожи и прочее, что могло пригодиться в будущем.

В перевернутом шкафу обнаружилось то, что она искала: шестьдесят один томик, переплетенный в рыбью кожу. Склар Хаст отнес книги на скамью, над которой был сооружен шалашик на случай дождя. Потом он привел туда же и саму Мэрил. Она безмолвно подчинилась, сев на свободное место, и Склар Хаст опустился рядом.

— Давно хочу поговорить с тобой.

— Давай,— безучастно произнесла она.

В ее тоне было что-то странное, что озадачивало Хаста. Что это? Отчаянье любви? Усталость ненависти? Безразличие? Может быть, холодность — или даже страх перед ним, невольным виновником гибели отца?

Она сама заговорила об этом:

— Ты странный человек, Склар Хаст. Меня всегда восхищала твоя кипучая энергия, твоя решительность, в которой многие видят безрассудство — и это, с другой стороны, вызывает беспокойство.

Склар Хаст запротестовал:

— Перестань видеть во мне сумасброда!

Мэрил кивнула на руины:

— А что мне еще видеть во всем этом? Как ты это назовешь? Небольшая уборка к празднику?

— Не расстраивайся. Это еще не провал. Так, шаг назад, легкое отступление, каприз судьбы. Может быть, даже трагедия — но как могли мы ее избежать?

— Кто знал? — грустно произнесла она.

— Давай лучше подумаем, как истребить крагена.

— Об этом нужно думать сообща, не так, как ты, беря на себя всю ответственность.

— погоди, — возразил он. — Как ты себе это представляешь? Любое мое предложение забойкотируют Мирекс и Войдервег. Отец твой, кстати, тоже выступил бы на их стороне! Спорами мы ничего не добьемся, нужны решительные шаги.

— Какие тут шаги, Склар Хаст! Посмотри, на нашем плоту уже не осталось места для прогулок.

— Прости за все, что случилось. Я только хотел сказать — не всякий поступок морален, и не всякая мораль есть поступок.

— Что ты имеешь в виду?

— Иногда важнее действовать, чем находить себе все новые моральные оправдания.

— Подожди, подожди... что-то знакомое. Ты это почерпнул не из «принципа неуверенности» Джеймса Брюне? О нем упоминается в Аналектах, — совершенно загадочная фигура. Его высказывания до сих пор считаются одними из самых темных и труднодоступных мест Завета. Вероятно, ты прав — со своей точки зрения. Но не для Семма Войдервега.

— И не для Царя-Крагена.

Легкая улыбка коснулась ее губ. Сейчас, глядя на нее, Склар Хаст думал, каким же он был дураком, предлагая ей пройти пробу, как другим девушкам, которые время от времени жили в его хижине. В чем же причина такого обаяния? Как ей удавалось так воздействовать на него? Конечно, спору нет, у нее замечательная фигура. Ему приходилось видеть и более красивые лица, но это лицо, с его милыми неправильностями, с неожиданно мягкими очертаниями, с почти незаметными ямочками и изгибами, было для него самым очарованием.

Она сидела на фоне морского пейзажа, вдали простирались плоты, один за другим уходя в бесконечность — Траш-нек, Бикль, Самбер, Адельвин, Зеленая Лампа, Флерной, Омерж, Квинкункс, Фэй,— и растворялись в синих прядях океана.

— Прекрасный мир,— выдохнул Склар Хаст в затянувшемся молчании.— Если бы не Царь-Краген.

Она тут же обернулась к нему, взяв за руку, словно только и дожидалась этих слов.

— Там ведь есть и другие плоты, на западе и на востоке. Их просто отсюда не видно. Давай уйдем отсюда, а?

— Куда?

— Все равно куда. Подальше от Царя-Крагена.

Склар Хаст нахмурился:

— Он нас не отпустит.

— Мы можем подождать, когда он уйдет на запад, за Сциону, а сами поплыть на восток. И тогда он никогда не узнает о нашем исчезновении.

— В таком случае мы признаем его победу,— упрямо возразил Хаст.— И потом, разве это путь Первых?

— Не знаю,— Мэрил задумалась.— Но они все же бежали от тиранов, а не нападали на них, как ты на крагена.

— Но ведь у них не было выбора! Корабль потонул в океане. А так — кто знает, может быть, они бы и вернулись?

Мэрил покачала головой:

— Они не собирались ни на кого нападать, это совершенно ясно. Они были рады и тому, что удалось сбежать, навсегда покинув негостеприимные края... Честно говоря, в Мемориумах немало мест, приводящих меня в смущение... какие-то темные намеки, особенно про тиранов.

Склар Хаст открыл наугад один из томов, лежавших на скамейке. Всматриваясь в буквы — он был более привычен набирать слова на маяке, чем читать их в книге,— он разобрал название главы: «КРАГЕН».

Мэрил, посмотрев ему через плечо, заметила:

— Еще одно темное место.

Открыв том и быстро перелистнув страницы, она стала читать:

— Вот что на этот счет говорит Элеанор Морз: «Все мирно и спокойно, сплошная морская идиллия, за исключением одного: этого ужасного существа. Что это: рыба? Насекомое? Моллюск? Бессмысленно относить его к како-

му-то определенному роду, виду, семейству. Мы решили назвать его «крагеном»¹. А вот что пишет Поль ван Бли: «Единственное наше развлечение — это при виде крагена делать ставки на то, кого из нас он сожрет первым. Нам попадались экземпляры по двадцать футов в длину. Не очень-то вдохновляет заниматься водными видами спорта!». Далее, Джеймс Брюне, ученый, сообщает: «На следующий день Джо Кейми зацепил небольшого молодого самца — всего в четыре фута — самодельной острогой. Хлынула голубая кровь — такая же, как у некоторых земных омаров и крабов. Видимо, это говорит о схожей биохимии этих существ. Гемоглобин содержит железо, хлорофилл, магнезию; гемоцианин в голубой крови омаров содержит медь. Это очень мощное животное и, могу в том поклясться, обладающее разумом».

Она захлопнула книгу.

— Вот и все, что есть о крагене в Мемориумах.

Склар Хаст кивнул:

— Все же интересно, если Сводники умеют общаться с Крагеном и даже вызывать его, — как они это делают? — задумчиво пробормотал он. — Через Мастера-Поджигателя? Может быть, есть какой-то специальный сигнал? Но я никогда о таком не слышал.

— Я тоже, — сухо заметила Мэрил.

— Ты можешь и не знать — ты же не фонарщик.

— Я знаю, что мой отец никогда не вызывал Царя-Крагена на плот Спокойствия!

— Войджервег почти признался, что сделал это. Но как?.. Ладно, — он поднялся со скамьи. — Мне надо работать с остальными.

На миг он заколебался. Однако Мэрил Рохан не сделала попытки его задержать.

— Слушай, может быть, ты в чем-нибудь нуждаешься? Я ведь теперь Гильдмастер, и ты находишься в моем ведении. Если тебе что-нибудь понадобится, скажи об этом мне.

Мэрил ответила резким кивком.

— Ты выйдешь за меня без пробы? — запинаясь, спросил Склар Хаст.

¹ Кракен — морское чудовище в скандинавской мифологии. — прим. пер.

— Нет,— коротко и отчужденно ответила она.

Ее настроение изменилось, она вновь стала далекой и недоступной, и Склар Хаст не мог понять, почему.

— Мне ничего не нужно,— произнесла она.— Благодарю.

Склар Хаст развернулся и направился к разоренной башне маяка, где трудились подмастерья. Он мысленно проклинал себя за нерешительность. И за глупость — надо же было ему завести разговор о свадьбе, когда после гибели старого Зандера Рохана не прошло и нескольких дней!

Он присоединился к остальным, сосредоточившись на работе и выкинув ее из головы. Вместе с Лепилами и фонарщиками-подмастерьями он вытаскивал из развалин и раскладывал по кучкам все, что могло пригодиться при сооружении нового маяка. Хотя кто знает, нужен ли им будет маяк теперь, когда они стали изгоями?

Хулиганы между тем штопали сеть, поднятую из пучины. Заметив среди них Роджера Келсо, давеча защищавшего Склара Хаста на суде, он подошел к молодому Писцу:

— Послушай-ка...

— Что? — обернулся Роджер Келсо, несколько напуганный неожиданностью его появления.

— Представь себе, что такая же сеть подвешена над лагуной. Царь-Краген заплывает сюда, начинает жрать, и тут сеть падает. Краген запутывается в ней...

— А дальше?

— Дальше мы свяжем его покрепче, отбуксируем по-дальше в море и распрощаемся с ним навсегда.

Роджер Келсо кивнул:

— Это возможно при счастливом стечении обстоятельств, однако имеются два возражения. Первое — это его челюсти. Он преспокойно перекусит ими любую сеть, расширит щупальцами дыру — и был таков.

— Ну, а второе? — недовольно пробормотал Склар Хаст.

— Второе — это Сводники. Как только они увидят сеть и сообразят, для чего она повешена, — они тут же предупредят Царя-Крагена.

— Следовательно, что бы мы ни придумали, Сводники не должны об этом пронюхать, — согласился Склар Хаст.

В разговор вступил Ролло Барнак, Мастер-Лепила, который давно уже прислушивался к тому, что они говорили:

— Да и сам Царь-Краген не лыком шит — они же разумные твари. Я тут тоже кумекал по этому поводу — как

бы изобрести такое нехитрое устройство, которое не вызовет подозрений ни у Крагена, ни у Сводников,— ум-то у них одинаковый. Я тут набросал чертежик.

— Отлично,— поддержал его Склар Хаст.— Покажи.

Ролло Барнак достал из кармана замусоленный лоскуток бумаги и принялся было объяснять. Но тут все трое заметили, что к ним направляется Арбитр Иксон Мирекс в сопровождении Семма Войдервега и еще нескольких человек, разделявших их взгляды. Лепила поспешил спрятать свой чертеж.

Арбитр Мирекс, который был лидером группы, заговорил сухо и без эмоций:

— Склар Хаст! Мы не ищем с тобой дружбы или примирения, но хотели бы прийти к разумному компромиссу.

— Я тебя слушаю,— кивнул тот.

— Ты не можешь не согласиться, что хаосу и беспорядку, которые воцарились на нашем плоту, необходимо положить предел. Плот Спокойствия должен восстановить свое былое величие и достойную репутацию.

Он выжидательно уставился на Хаста.

— Продолжай.

— Ты ничего не ответил.

— Ты ничего и не спрашивал,— резонно возразил Склар Хаст.— Ты просто констатировал факты.

Иксон Мирекс нетерпеливо взмахнул рукой.

— Так ты согласен?

— Вполне,— пожал плечами Склар Хаст.— Ты думал, я буду спорить?

— Нам нужно действовать сообща, стараясь понимать друг друга и уступать друг другу, если возникнет необходимость,— заявил Арбитр и снова остановился. Никакой реакции со стороны Склара Хаста не последовало.

— Возникла непостижимая, парадоксальная ситуация — человек с такими взглядами, как у тебя, занял чрезвычайно ответственную должность, от которой зависит жизнь целого сообщества. Мы рассчитываем на то, что ты и твои сотоварищи больше не будете преступать традиций.

— А в противном случае?

Иксон Мирекс величественным жестом указал в сторону океана:

— В противном случае мы будем вынуждены просить тебя покинуть плот Спокойствия.

— И куда же я пойду?

— Куда угодно. Океан велик и огромен. Есть другие плоты, о них упоминается в Аналектах, — Древние видели их с Корабля, когда он спускался. Мы предлагаем тебе, забрав своих друзей, уйти на какой-нибудь из отдаленных плотов и позволить нам жить здесь той жизнью, к какой мы привыкли.

— А как же Царь-Краген? Что, если он не позволит мне идти через океан?

— Это ваше с ним дело. Мы не имеем к этому никакого отношения.

— А что, если Царь-Краген отправится за нами следом и покинет ваши плоты? Чем тогда будут заниматься Сводники?

Иксон Мирекс заморгал: такая мысль ему в голову не приходила.

— Не беспокойся, мы сможем придумать себе достойное занятие.

Склар Хаст повернулся к куче мусора, намереваясь продолжить работу.

— Я не стану отказываться от должности, которую честно заслужил, я не стану присягать на верность Царю-Крагену, и, наконец, я не собираюсь странствовать по океану.

Семм Войдервег хотел что-то сказать, но его опередил Иксон Мирекс.

— Что же ты собираешься делать? — осторожно спросил он.

Склар Хаст некоторое время не сводил с него пристального взгляда, в нем боролись противоречивые чувства. Конечно, он мог бы притвориться, что соглашается смириться, имитировать лояльность к Царю-Крагену, пока ему не представится возможность убить его. А если попытка провалится? Опять погибнут люди, опять плот будет разорен. Разумеется, успокоив Арбитра со Сводником, усыпив их бдительность, он сможет действовать свободнее. Но у него язык не поворачивался солгать; он обнаружил, что физически не может надеть на себя маску покорности.

— На вашем месте, — сказал он им, — я бы покинул этот плот и держался от него подальше. Сами знаете, может случиться еще одна «бунтарская выходка», как вы это называете.

— Да? И в чем она будет заключаться, разреши поинтересоваться? — прищурился Иксон Мирекс.

— Кто знает. У меня пока нет никаких планов. Да если бы и были — с вами уж точно не стал бы делиться. Во всяком случае, я вас предупредил.

Семм Войдервег сделал еще одну попытку заговорить, но его опять опередил Иксон Мирекс.

— Вижу, договариваться с тобой бесполезно. Что ж, ты предупредил меня, я предупреждаю тебя. Еще одна попытка оскорбить Царя-Крагена будет расценена как тягчайшее преступление. Я это говорю как Арбитр плота Спокойствия!

Тут заговорил Джиан Рикарго, Старейшина Казнокрадов, человек, известный своей сговорчивостью, мягким характером и сдержанностью в суждениях:

— Склар Хаст, тебе не кажется, что ты поступаешь безответственно?

— Я много размышлял над тем, что случилось. И я пришел к выводу, что пассивность и страх перемен являются иногда гораздо большим злом, чем рискованные действия. Люди, на которых лежит ответственность за людей — такие, как ты, — часто смиряются с этим злом: но кто-то должен взять на себя ответственность и за риск, пусть даже он повлечет за собой гибель людей. Это гораздо большая ответственность! Я не сумасброд, помешавшийся на своих безумных идеях, — множество достойных и умных людей на разных плотах думают так же, как я. Почему бы и вам не присоединиться к ним? Подумайте — нам нужно лишь найти способ и убить морскую тварь, и мы будем свободны навеки! Мы сможем плавать по океану, куда захотим! Конечно, Сводники, которые при этом будут вынуждены расстаться с теплым местечком и работать наравне с остальными, выступают против меня. Но это еще не значит, что я не прав!

Джиан Рикарго молчал. Иксон Мирекс раздосадованно чесал бороду. Наступила тягостная пауза. Семм Войдервег раздраженно спросил:

— Что же вы молчите? Почему не осадите этого зарвавшегося трибуна?

Джиан Рикарго задумчиво посмотрел в сторону лагуны.

— Мне необходимо серьезно подумать, — сказал он. — Еще никогда мне не бросали такой вызов, как сегодня.

— Ерунда! — нетерпеливо ответил Иксон Мирекс. — Мы вполне неплохо жили все эти годы. Кому нужно бороздить океаны? Да и прокорм Царя-Крагена лежит на нас не таким уж тяжким бременем.

Сводник рассек воздух сжатым кулаком:

— Это немыслимо! О чем вы говорите?! Здесь рассматривается вопрос лишь о вопиющей наглости этого фонарщика, его неуважении к традициям и оскорбительном поведении по отношению к нашему защитнику, великому Крагену!

Джиан Рикарго развернулся и тихо побрел в сторону своей хижины. Арбитр Мирекс тоже ушел, предварительно окинув взглядом Склара Хаста, его товарищей, стоящих поодаль и наблюдающих за разговором, останки маяка и лагуну. Семм Войдервег некоторое время стоял, гневно сжимая и разжимая кулаки; наконец, взмахнув рукой и фыркнув, ушел и он.

Поджигатели и Лепилы вернулись к работе. Склар Хаст с Роджером Келсо снова подошли к Ролло Барнаку, чтобы выслушать его предложения. Оба согласились, что если все условия будут соблюдены, если время будет правильно рассчитано, а материалы окажутся достаточно крепкими, то Царь-Краген действительно будет убит.

ГЛАВА 7

Постепенно исчезли последние следы былой катастрофы, и плот Спокойствия обрел былую красоту и благоустроенность. На специальном плоту-костровище были сожжены последние остатки разгромленных хижин, пепел которых заботливо сохранялся для дальнейшего производства мыла, извести, огнеупорного кирпича, отделки тканей, гирь для ныряльщиков и для осветления лака. Тела погибших, после двухнедельного содержания в специальных коконах-саркофагах, где в течение этого времени особые червячки счищали плоть с костей, были просушены на дальнем конце плота, отведенном для этой цели. Из больших костей делались необходимые инструменты, остальные шли на изготовление извести. Это занятие являлось епархией Зазывал.

Из свежесрезанного тростника и камыша были сплетены новые хижины, а потом покрыты отлакированной рыбь-

ей кожей, что делало их полностью неуязвимыми для сырости и самого сильного ливня и шторма. Новая губка была опущена на нитках в голубые воды лагуны, чтобы расти и обеспечивать урожай.

Маяк — самое крупное сооружение на плоту, строительство которого требовало наибольшего искусства, — был сооружен последним. Новая башня оказалась значительно выше прежней и была расположена ближе к лагуне. Она строилась новым способом, не так, как по традиции строились маяки. Мощные стебли тростника были пропущены сквозь отверстия в плоту, где прочно стягивались крепкими корнями. Кверху башня постепенно сужалась, сохраняя коническую форму.

Непривычные пропорции башни, тяжелые балки и непомерная длина вызвали много нареканий со стороны Старейшин. Иксон Мирекс обвинял Ролло Барнака, главного Лепилу, в отступлении от старинных традиций.

— Никогда еще не видел более нелепой башни! — возмущался он. — Зачем нужна такая каланча? У тебя шесты протягиваются под плотом чуть ли не настолько же, как и сверху, — зачем это?

— Это и придает ей устойчивость, — пояснил Ролло Барнак с хитрой усмешкой.

— С таким маленьким основанием будет достаточно крепкого порыва ветра, чтобы вся эта махина рухнула в лагуну.

— Вы уверены? — совершенно серьезным тоном спросил Ролло Барнак, отходя от башни в сторону, так, будто видел ее впервые, и словно прицениваясь к ней.

— Я, конечно, не Лепила, — продолжал Иксон Мирекс, — и мало понимаю в конструкциях, но это же очевидно! Да еще когда фонари с колпаками висят на перекрестьях! Подумай, насколько это неустойчиво!

— Чтобы придать башне устойчивость, мы предусмотрели специальные растяжки.

Арбитр в замешательстве покачал головой.

— Почему бы не строить, как заведено предками, расставив опоры по сторонам, как в шалаше? Слишком сложное у вас сооружение, на мой взгляд.

— Зато посмотрите, сколько мы сэкономили места на плоту, — обратил его внимание Ролло Барнак. — Разве это того не стоит?

Иксон Мирекс опять упрямо покачал головой, не желая признавать его правоту. Однако дальнейших возражений с его стороны не последовало.

Когда была воздвигнута верхняя часть башни и выставлен противовес балки, Иксон Мирекс снова явился посмотреть на конструкцию. Увидев придирчиво наблюдающего Арбитра, Ролло Барнак подошел к нему.

— Зачем вам такая массивная балка? Это же неразумно!

— Не беспокойтесь, у нас все рассчитано. Масса балки обеспечит меньшую вибрацию, и фонарщики смогут работать быстрее.

— А эти веревки зачем?

— Я же говорил — это растяжки. Они обеспечивают устойчивость.

— А как у вас крепятся опоры?! Просто привязаны веревками! Разве можно строить маячную башню таким легкомысленным образом?

— Мы надеемся, что она сможет служить для того, для чего она предназначена, а большего нам и не нужно.

И опять Арбитр Мирекс ушел, сокрушенно качая головой.

За все это время Царь-Краген ни разу не появился вблизи плота Спокойствия.

Между тем с башни Трашнека то и дело поступали сигналы о его появлении в округе: Крагена видели к югу от Санкстона, направляющимся на восток. Видимо, наладился на кормление к Народному Равенству, потом обжирал лагуны Парнаса, следующего плота в западном направлении. Потом пару дней о нем не было слышно.

Жизнь текла вполне нормально. Плот Спокойствия стал прежним местом, заслуживающим такого названия. Урожай губки был богатым, и башня, окруженная новоотстроенными хижинами, горделиво и величественно возвышалась над лагуной.

Больше всего времени заняло устройство кабины фонарщика. Три дня смолили лаком концы балки, обрабатывая их огнем, чтобы лак поскорее засох и затвердел. Затем ее подняли на вершину башни, с превеликой осторожностью установив на отведенном месте. Здесь она была добросовестно закреплена в предназначенных пазах, привязана и проклеена.

И снова Иксон Мирекс был недоволен.

— Башня стоит криво!

— Неужели? — откликнулся Ролло Барнак.

— Посмотри сам — с Трашнека наши сигналы будут видны не прямо, а под углом.

Ролло Барнак объяснил:

— Мы отдавали себе в этом отчет. Но на Трашнеке тоже собираются строить новую башню, и отведенное для нее место находится как раз напротив нашей.

Семм Войдервег тоже был недоволен:

— Такой уродливой башни я еще не видел. С таким длинным, нелепым противовесом и с такой узкой и неудобной каabinкой для фонарщика! Не маяк, а прямо подъемный кран!

Ролло Барнак терпеливо повторил свои доводы в защиту башни.

— Нас и так уже на других плотях считают отступниками и извращенцами! А с этой нелепой башней, торчащей над нашим плотом, они решат, что мы спятили!

— И, возможно, справедливо, — с усмешкой заметил Склар Хаст. — Зачем же вы остаетесь на этом плоту, где вам так не нравится?

— Не будем поминать того, что осталось в прошлом! — пробормотал Арбитр Мирекс. — Все это кажется дурным сном, словно и не случилось никогда.

— К сожалению, это случилось, — заметил Склар Хаст. — И Царь-Краген по-прежнему плавает в океане. Хоть бы он сдох сам собой — подавился бы губкой или обожрался бы и утонул!

Семм Войдервег смерил его взглядом:

— Что ты за человек? В тебе нет ни почтения к Крагену, ни уважения к окружающим!

На этом Сводник с Арбитром удалились. Склар Хаст посмотрел им вслед.

— Вот ведь ситуация! — пожаловался он Роджеру Келсо. — Мы не можем быть обычными, достойными гражданами плота; но не можем и открыто объявить о своих замыслах. Как меня утомило это увиливание, наполовину протест, наполовину согласие!

— Сейчас уже бесполезно жалеть, — ответил ему товарищ. — Мы сделали свой выбор уже давно, а сейчас осталось совсем немного до настоящего дела.

— А если у нас ничего не выйдет?

Роджер Келсо пожал плечами:

— Один к трем — вот реальный шанс нашего успеха. Все должно пройти настолько точно, нужно будет так вымерять каждую секунду, что излишний оптимизм здесь неуместен.

Сklar Хаст сказал:

— Мы должны предупредить людей. Это самое меньшее, что мы можем сделать для них.

Ролло Барнак и Роджер Келсо пытались протестовать, но безуспешно. Ранним вечером они созвали население плота, и Сklar Хаст вкратце объяснил, что они собираются попробовать убить Царя-Крагена, и предложил всем, кто не чувствует в себе уверенности, покинуть плот Спокойствия.

Иксон Мирекс вскочил с места:

— Ты не можешь вовлекать в такие дела других! Так нельзя поступать, это я говорю как Арбитр!

Сklar Хаст не отвечал. К Мирексу присоединился Войдервек:

— Я полностью согласен с уважаемым Арбитром! И позволь тебя спросить, каким это образом ты собираешься проводить в жизнь свои чудовищные замыслы?

— Мы собираемся скормить ему отравленную губку, — ответил ему Роджер Келсо. — Когда Краген съест ее, он разбухнет и потонет.

Сklar Хаст отошел к краю плота и стал смотреть в океан. За его спиной некоторое время еще продолжались споры и дискуссии, но постепенно народ разошелся по домам.

Мэрил Рохан подошла к нему, и некоторое время они смотрели друг на друга в наступающих сумерках.

— В трудное время мы живем, — сказала она. — В древности это называлось смутой. Смута — это не просто мятеж; смута — это когда неясно, кто прав, кто виноват, и непонятно, чью сторону держать. Эпоха гражданских войн.

— Счастливый Золотой Век подошел к концу, — сказал Сklar Хаст. — Эпоха Невинности кончилась. Ярость, ненависть и неразбериха ждут нас впереди. И мир уже никогда не станет таким, каким был прежде.

— Но ведь потом снова может возникнуть время мира, спокойствия и согласия?

Сklar Хаст покачал головой.

— Сомневаюсь. Даже если Краген завтра утонет, нажавшись нашей губки, перемен все равно не миновать. Такое ощущение, что мы созрели для перемен, и теперь нам остается только идти вперед — или поворачивать вспять.

Мэрил ничего не ответила, погрузившись в задумчивость. Потом показала на маяк Трашнека.

— Посмотри-ка на сигналы!

«...Царь... Краген... замечен... к... северу... от...Квинкункса... и... следует... в... восточном... направлении...»

— Еще не время,— сказал Склар Хаст.— Мы еще не готовы.

На следующий день Царь-Краген появился с северной стороны вблизи плота Спокойствия. Он лениво плыл, раскачивая боками воды океана, без всякой видимой цели. Так обманчиво вальяжен и нетороплив зверь, с напускным безразличием следящий за жертвой, давая ей время приблизиться. Целый час Краген оплывал плот, наблюдая за плотом во все четыре глаза.

Семм Войдервег выскочил из дому в церемониальных одеждах, вышел на берег и принялся принимать ритуальные позы, подзывая Крагена. Тот несколько минут взирал на него, затем, движимый какой-то неведомой эмоцией, резко развернулся, взмахнул плавниками и поплыл обратно на запад, клацая челюстями и хлеща по воде щупальцами.

Семм Войдервег в последний раз преклонил колена и посмотрел вслед своему кумиру.

Склар Хаст стоял неподалеку от него. Обернувшись, чтобы вернуться в свою хижину, Семм Войдервег встретился с ним взором. Некоторое время они безмолвно смотрели друг на друга с откровенной враждебностью. И в этот момент Склар Хаст понял, что испытывает к жрецу не просто презрение, какое он испытывал к Арбитру Мирексу. Ему вдруг показалось, что Войдервег и сам до какой-то степени краген, словно у него в жилах вместо красной человеческой крови течет густая темно-синяя жидкость.

Неделю спустя Царь-Краген появился в лагуне Бикля, на следующий день переместившись к Трашнеку. Еще через день он всплыл на поверхность в сотне ярдов от бухты Спокойствия, уставив холодный безжизненный взор на плот.

Пока Семм Войдервег спешил к берегу в церемониальных одеждах, Склар Хаст стал подниматься по лестнице

на маяк. Но пока он это делал, Царь-Краген взбаламутил воды и ушел в пучину.

— Проницательная тварь, — процедил Склар Хаст. Спустившись с лестницы, он встретил у подножия Семма Войдерега.

— Что ты собирался делать? — сквозь зубы произнес Сводник.

Склар Хаст пожал плечами:

— Я же не вмешиваюсь в твою работу.

— Вы что-то задумали, — убежденно сказал Семм Войдерег, с подозрением поглядывая на рычаг, нависавший над гаванью. — Вы и так уже выставили нас на смех перед всей линией плотов. Но чувствую, смехом тут дело не кончится.

— Для каждого оно чем-либо да закончится, — произнес Склар Хаст.

— Что ты имеешь в виду? — дернул головой Семм Войдерег. — Может быть, ты мне угрожаешь?

Его узкий рот раздвинулся в улыбке, показав кривые зубы.

— Я имею в виду, что конец у каждого свой. И больше ничего, — твердо проговорил Хаст.

Прошло еще четыре дня. Царь-Краген пообедал в Зеленой Лампе, потом кормился у Флерной и Адельвина, затем переместился к Грэнолту. На два дня он пропал, затем появился на горизонте к югу от Омержа. Следующие дни он опять обедал у Адельвина, обожрав начисто всю лагуну, потом настал черед Самбера, находившегося между Биклем и Трашнеком — всего через один плот от Спокойствия. Людьми стало овладевать напряжение. Постепенно всем становилось ясно, что они преждевременно вернули плоту старое название. Никаким спокойствием тут уже и не пахло. По городу ходили тревожные слухи, но вместе с тем поговаривали и о том, что три десятка заговорщиков готовят какой-то проект по обезвреживанию морского чудовища.

Пару дней спустя после того, как Царь-Краген плотно закусил у Самбера, он появился с северной стороны от плота Спокойствия и с полчаса лежал на воде, перебирая плавниками и пристально рассматривая берег. Тотчас же были приняты меры по эвакуации женщин и детей на Трашнек.

Семм Войдервег обрушился на Склара Хаста:

— Что происходит? Что ты задумал?

— Это я должен спросить тебя,— отвечал ему Склар Хаст,— что задумал ты. Недаром же он столько времени крутится возле нас.

— Я? — взревел Сводник. — Что я еще могу делать, как не охранять нравственные устои, на которые вы покусились?

— Успокойся, Войдервег,— посоветовал Уэлл Банс с безжалостной улыбкой. — Вон плоты, ограбленные Крагеном, которому ты так истово молишься. Но разве можно сказать, что Краген нанес им ущерб? Он ведь просто желал очистить гавани от лишней губки.

Тут раздался крик. Это был Рудольф Снайдер:

— Смотрите! Он идет сюда!

Семм Войдервег усмехнулся:

— Ладно. Смотри, Склар Хаст, я тебя предупреждал.

Склар Хаст не издал ни слова в ответ. В молчании Сводник переместился к краю плота и приступил к совершению своих обрядов.

Царь-Краген меж тем медленно подплывал, чуть шевеля плавниками. Его глаза торчали над водой, шевелясь на стеблях так чутко, словно он чувствовал малейшее движение на плоту. Вот он вдвинулся в устье лагуны; помощники Семмы Войдервега гостеприимно раздвинули перед ним сети, преграждавшие вход.

Громадная черная туша надвигалась. Заговорщики заняли заранее распределенные места. Склар Хаст знал всех, на кого он мог рассчитывать. Один из них, Джиан Рикарго, Старейшина Казнокрадов, опустился рядом с ним на скамью.

— Наступает опасный час. — Он сверкнул взором в сторону маячной башни. — Надеюсь на лучшее.

Склар Хаст, хмуро кивнув, произнес:

— И я.

Время тянулось мучительно медленно. Солнце сияло с небес, играя в ультрамариновых водах. Пышная растительность — оранжевая, зеленая, пурпурная, черная, желто-бурая — покачивалась под легчайшим теплым бризом. Наконец Царь-Краген вошел в лагуну.

Семм Войдервег подбежал к краю плота и принялся производить ритуальные жесты, означающие покорность, почтение и приглашение к трапезе.

Склар Хаст нахмурился, потирая подбородок. Джиян Рикарго искоса взглянул на него.

— Что будем делать с Войдервегом? — спросил он скрипучим голосом.

— Да, о нем я не подумал, — пробормотал Склар Хаст. — Это пробел в моем плане... Но я сделаю для него все, что смогу. — Он подошел к Ролло Барнаку, стоявшему за одной из тренировочных машин. За соседней машиной находился помощник Мастера-Поджигателя Бен Келл; оба стояли так, чтобы смотреть вдоль направляющих, прикрепленных к машинам.

— Сводник стоит на дороге, — буркнул им Склар Хаст. — Не обращайтесь на него внимания. Я попытаюсь вытащить его.

— Но тогда ты тоже окажешься на линии.

Склар Хаст кивнул.

— К сожалению. Ну, да все мы здесь сильно рискуем. Не обращайтесь внимания и на меня тоже. Делайте все как задумано, словно линия чиста. Мы оба уберемся вовремя.

— Делай как знаешь, — кивнул Ролло Барнак. — Это твое право. — Посмотрев вдоль направляющей, он увидел передний плавник Царя-Крагена, вздымающийся над водой.

Царь-Краген спокойно плыл к берегу, посматривая на Семма Войдервега. Последний взмах плавников — и вот он уже рядом с губками.

Царь-Краген принялся за еду.

Ролло Барнак, глядя вдоль направляющей, увидел, что горб монстра находится справа от линии. Он немного подождал. Наконец Царь-Краген сместился влево, и Ролло Барнак подал условный сигнал — подняв руку, провел ладонью по волосам. Он оглянулся: Бен Келл за соседней направляющей подавал тот же знак.

Позади башни По Белрод и Уолл Банс уже перерезали веревки, которыми две задние опоры были привязаны к плоту. Рудольф Снайдер и Гарт Гассельтон отвязали задние растяжки. У передних растяжек — тех, что были обращены к лагуне, — стояло по пять человек, они тянули их, стараясь, чтобы это выглядело как можно незаметнее со стороны.

Высокая башня маяка, с узким основанием и утяжеленной вершиной, балансировала лишь на двух передних опорах. Огромная заостренная балка-противовес начала двигаться по большой дуге, которая заканчивалась в точности на верхушке Крагенова горба.

Прямо на линии падения башни стоял Семм Войдервег, погруженный в свой ритуал. Склар Хаст быстрым шагом направлялся к нему, стараясь, с одной стороны, не привлекать к себе лишнего внимания, а с другой — успеть вовремя оттолкнуть Сводника. Но толпа уже заметила, что маяк падает. Раздались крики. Войдервег взглянул через плечо и с одного взгляда увидел обрушивающуюся конструкцию и бегущего к нему Склара Хаста. Испустив хриплый вопль, он рванулся в сторону, но споткнулся и упал, взмахнув руками. Тем не менее оба были уже в безопасности. Обеспокоенный криками, Царь-Краген шевельнул плавниками, и заостренный конец балки, просвистев рядом с горбом, вонзился в массивную черную тушу.

Люди в ужасе закричали; у Ролло Барнака и Роджера Келсо вырвались стоны разочарования. Царь-Краген испустил яростное шипение и ударил по воде плавниками. Балка отломилась от упавшей башни; двумя щупальцами Царь-Краген вырвал ее из своего тела и поднял в воздух. Семм Войдервег, пытаясь подняться на ноги, вызывал к нему дрожащим прерывающимся голосом:

— Пощади, о Великий Краген! Это была ошибка! Это была ужасная ошибка! Молю, пощади!

Царь-Краген, подобравшись к самому берегу, взмахнул балкой и обрушил ее на Сводника, вминая его в плот. Он ударил еще и еще раз, потом, взревев, метнул обломок в Склара Хаста. Он промахнулся; тогда, подавшись немного назад, чтобы взять разгон, он с возрастающей скоростью устремился к плоту.

— Спасайтесь! — хрипло закричал Ролло Барнак. — Уносите ноги, живо!

...Царь-Краген не удовлетворился разрушением плота Спокойствия. Он превратил в руины также соседние Траш-нек и Бикль, и лишь тогда — утомившись, или, возможно, не в силах совладать с болью, — развернулся к океану и скрылся в пучине.

ГЛАВА 8

Великий Совет был собран на плоту Уведомляющем. Первым выступил Сводник Баркан Блейсдел: он произнес панегирик Семму Войдервегу; он оплакивал гибель плотов; он рисовал картины смерти и разрушения; он изрекал

мрачные пророчества относительно последствий нарушенного Завета.

— Ярость Царя-Крагена вполне понятна, но страдают ли от нее виновные? Нет! Этим утром Царь-Краген уничтожил кораклы четырех Кидал с Видмара. И кто может винить его за это? Он пришел к нам с доверием, полагаясь на нерушимость Завета, пришел, чтобы получить то, что ему причитается, приглашенный и приветствуемый Сводником плота — и что он встретил? Подлое, вероломное нападение! Царь-Краген явил нам свое благоволение, уничтожив лишь три плота из всей цепи! Незачем и говорить, что подлые заговорщики, замыслившие это гнусное предательство, должны быть наказаны. Последнее наше собрание закончилось кровопролитием и смутой. Мы должны держать себя в руках, мы должны проявлять благоразумие; но это не значит, что мы не должны действовать решительно! Заговорщики должны умереть.

Баркан Блейсдел не стал требовать голосования, поскольку обвиняемые еще не высказались в свое оправдание.

Фирал Бервик, Арбитр Уведомляющего и, следовательно, главный Арбитр Собрания, обвел взглядом плот.

— Кто хочет высказаться?

— Я хочу, — Джиган Рикарго, Старейшина Казнокрадов плота Спокойствия, выступил вперед. — Я не был в числе заговорщиков. Изначально я придерживался противоположных взглядов, но теперь я изменил свое мнение. Так называемые заговорщики действительно послужили причиной гибели людей и плотов, и они скорбят об этом не меньше, чем мы. Но — здесь я согласен со Скларом Хастом — Царь-Краген должен умереть, а, пытаясь добиться этого, трудно избежать разрушений и смерти. Так не будем же осуждать этих храбрых людей, которые с небывалым упорством и изобретательностью почти добились успеха, решая эту нелегкую задачу. Они сделали, что смогли; Склар Хаст рисковал собственной жизнью, пытаясь спасти Семма Войдервега, но не сумел — Царь-Краген сам убил своего Сводника.

Баркан Блейсдел вскочил на ноги и разразился гневными протестами против попытки защищать то, что он называл «преступной безответственностью заговорщиков». После него говорил Арчибел Верак, Сводник Квинкункса; за ним Паренсис Моул, Арбитр Вайболта; потом выступа-

ли и другие Арбитры, Сводники, Старейшины и Гильдмастеры. Нетрудно было заметить, что единодушия среди них нет. Одни призывали наказать виновных; другие, сожалея о потерях, еще больше сожалели о том, что заговор не удался; третьи вообще не имели своего мнения и были готовы поддержать любого, кто произнесет более убедительную речь.

Склар Хаст, по совету Джиана Рикарго, выступать не лез, а молча слушал, как на него обрушиваются обвинения.

День кончался, и кончалось терпение собравшихся. Баркан Блейсдел наконец решил расставить точки над «i». Голосом, полным ледяного спокойствия, он еще раз перечислил грехи Склара Хаста и его товарищей, а затем, возвысив голос, потребовал поднять кулаки в знак смертного приговора виновным.

— Мир и Завет! Те, кому дорог мир, те, кто чтит Завет,— поднимите кулаки! Мы должны уничтожить зло, пока оно не уничтожило нас! И вот что я вам скажу,— он угрожающе склонился над толпой,— если собрание не сумеет дать достойный ответ этим мятежникам, то мы возьмем это дело в свои руки. Мы — те, кто верен обычаю, те, кто любит справедливость,— мы соберемся вместе и организуем дисциплинированную группу, которая сможет проследить за тем, чтобы правосудие исполнялось! Перед нами серьезная проблема, наиважнейшая проблема — преступление не должно остаться безнаказанным. До сих пор мы медлили — и посмотрите, во что это вылилось! Говорю вам, если вы не вынесете смертный приговор этим убийцам — его вынесут другие, те, кто исполнен праведного гнева. Еще раз: кулаки вверх! Смерть Склару Хасту и участникам его заговора!

Опять по толпе прокатился ропот; кто-то поднял кулак, кто-то нет, начались споры и столкновения. В воздухе снова запахло кровью, как на последнем собрании.

И тут на помост вышел Склар Хаст.

— Совершенно очевидно, что мнения разделились. Кто-то хочет служить Царю-Крагену, кто-то нет. Мы на пороге ужасного столкновения, которого необходимо избежать любой ценой. Эта проблема может быть решена очень просто. Существуют другие плоты, не менее изобильные, чем наши. Я предлагаю всем, кто разделяет мои взгляды, покинуть Отчие Плоты и найти себе новое пристанище. Я

буду приветствовать всех, кто присоединится, но никого не тащу силой. Мы будем жить свободно. Мы не будем поклоняться Крагену. Наша жизнь будет принадлежать только нам самим. Кто принимает мое предложение — поднимите руки!

Несколько рук поднялось в воздух, потом еще и еще; примерно треть присутствующих были готовы идти за Скларом Хастом.

— Это больше, чем я ожидал, — произнес Склар Хаст. — Отправляйтесь же на свои плоты, берите все, что вам понадобится на новом месте, грузите на кораклы и возвращайтесь сюда. Нам придется выждать, пока Краген не уплывет к Сционе или Спокойствию, в зависимости от того, решим ли мы отправиться на восток или на запад. Стоит ли говорить, что время и направление нашего отплытия должны храниться в тайне. Вы все знаете причину, — он кинул иронический взгляд на Блейсдела, который сидел бесстрастно, как изваяние. — Я понимаю, что многим будет тяжело покидать дом своих предков, но еще тяжелее оставаться, чтобы жить под пятой тирана. Перед Первыми тоже когда-то встал такой выбор. Надеюсь, что по крайней мере в некоторых из нас еще не угас дух наших предков.

Баркан Блейсдел произнес, не поднимаясь на ноги:

— Хватит говорить об идеалах. Собрались идти — так идите. Идите, не сомневайтесь. Мы не будем скучать по вам. Но не пытайтесь вернуться, когда океанские твари, лишившись надзора своего Царя, начнут пожирать вашу губку, рвать ваши сети и ломать ваши кораклы!

Склар Хаст продолжал, игнорируя его:

— Пусть все, кто решит покинуть эти несчастные Отчие Плоты, соберутся здесь через два дня, и мы обсудим между собой, когда нам отправляться.

Баркан Блейсдел рассмеялся.

— Не стоит бояться, что мы будем вам мешать. Уходите, когда вам будет удобно; мы, может быть, еще облегчим вам вашу задачу.

Склар Хаст приостановился:

— Вы не собираетесь уведомлять Царя-Крагена о нашем отплытии?

— Нет. Но, разумеется, он может догадаться об этом, исходя из собственных наблюдений.

— В таком случае я могу сказать прямо сейчас: мы отплываем через три дня, вечером, когда ветер будет дуть к западу — если, конечно, эта тварь соблаговолит удалиться на восток.

ГЛАВА 9

Баркан Блейсдел с женой и четырьмя дочерьми жил в северной части плота, которую редко кто посещал. Это было, наверное, самое уединенное место на плоту, откуда прекрасно просматривались сигналы соседних маяков. Увитая водорослями изгородь окружала его владения, охраняя их от посторонних взглядов. Лишь немногие участки могли соперничать в роскоши с обиталищем Баркана Блейсдела.

По берегам лагуны были привязаны свыше пяти сотен кораклов, нагруженных всем необходимым для жизни. Следующим утром они должны были отчалить — и больше о них никто никогда не услышит. Поэтому Блейсдел насвистывал, хотя и беззаботно, однако и несколько задумчиво. Его мало беспокоила жизнь Крагена, его беспокоил Склар Хаст.

Однако все шло к лучшему. В самом деле!

На скамье перед домом сидел человек. Сумерки скрывали его лицо. Блейсдел напряг зрение, всматриваясь. Здесь редко появлялись незваные гости — его дом, вместе с семьей хижинами других известных людей, был расположен на отшибе.

Блейсдел решительно шагнул вперед, и человек поднялся ему навстречу. Это был Фирал Бервик, Арбитр плота.

— Добрый вечер, — сказал Бервик. — Надеюсь, не напугал.

— Какое там, — сдержанно отозвался Блейсдел. Арбитр Бервик, равный ему по рангу, был достоин уважения, несмотря на последнюю свою выходку во время собрания.

— К сожалению, не могу предложить угощения, — сказал Блейсдел. — Я не ждал гостей.

— Я пришел не за этим, — откликнулся Бервик. — В хорошем месте живешь, Баркан Блейсдел. Многие тебе завидуют.

Блейсдел пожал плечами.

— Всякое место соответствует должности. Иначе нельзя уважать свое место и дело, которому посвятил жизнь. Что

привело тебя сюда? Боюсь, не смогу уделить тебе достаточно времени, Арбитр, — я только что вернулся с маяка, трубим общий сбор на плотях для разрешения наболевших проблем.

Бервик сделал вежливый жест:

— Мое дело не займет много времени. Но мне не хотелось бы излагать его на улице. Можно зайти?

Блейсдел откашлялся и распахнул перед ним дверь. Достав из буфета лучину и запалив, он вставил ее в щипцы-подсвечник.

— Должен признаться, твой визит — для меня неожиданность, — заметил он Бервику, искоса глянув на него. — Ведь ты, кажется, в оппозиции. Причем среди самых горячих сторонников молодежи.

— Пойми, — начал Бервик, — многое в нашей жизни продиктовано настоящей необходимостью.

Блейсдел кивнул:

— Верно. Кому суждено утонуть в океане, того уж не повесят. Пусть недовольные уходят на поиски приключений.

— Вот потому я и здесь. — Бервик обвел взглядом комнату. — Ишь ты, сколько здесь всего. Это, полагаю, артефакты?

— Именно, — кивнул Блейсдел. — Наследие предков. Это мой кабинет, здесь я работаю и предаюсь размышлениям.

— Славно, — скользнул взглядом по стенам Бервик. — Настоящая сокровищница!

— Справедливо замечено, — еще раз кивнул Блейсдел. — Вот эта пластина перед тобой называется «металл». Очень твердое вещество, с ним не сравнится никакая древесина: ни стебель, ни тростник, ни самое крепкое корневище. Этот «металл» способен резать все известные нам предметы, если его заточить как следует. Это мое наследие, — гордо сказал он. — Достанется моим детям. В отличие от многих, — он выразительно посмотрел на гостя, — мое богатство состоит не в подушках и корзинах сластей.

Бервик рассмеялся.

— Вижу, ты проехался на мой счет. Я действительно не очень-то строен. Но возможность утратить комфорт меня нисколько не пугает.

В ответ расхохотался и Блейсдел:

— Кажется, я начинаю понимать. Эти прохвосты, что начали строить новый плот и жить по новым порядкам, понемногу превращаются в дикарей. К тому же, после того

как они столь необдуманно отреклись от веры предков, на них наверняка уже были покушения со стороны младших крагенов. Так что вскоре, возможно...

Он выдержал многозначительную паузу.

— Что вскоре? — поторопил его Фирал Бервик. Ему показалось, что собеседник задумался. Или колеблется в нерешительности, боясь сказать то, что хотел.

Блейсдел рассмеялся, снимая напряжение момента.

— Так, ничего особенного. Просто в голову пришло. Я вот думаю — ведь Царь-Краген продолжает расти. И похоже, конца этому не видно. Иногда мне приходит еретическая мысль: может быть, он будет расти до бесконечности?

В этот момент пол под ногами завибрировал. Блейсдел испуганно посмотрел на дверь.

— Кажется, прибыл коракл, — неуверенно сказал он. — Пойду посмотрю.

— По-моему, просто порыв ветра, — удержал его Бервик. — Впрочем, как ты и сам, наверное, догадываешься, я пришел вовсе не затем, чтобы любоваться твоей коллекцией и жилищем. Никто из тех, кто покидает родные края, не хотел бы встречаться с Крагеном. Между тем, как тебе хорошо известно, Царь-Краген не любит, когда кто-то блуждает по его владениям. Сейчас он раздражен как никогда. Возможно, он опасается, что люди отдадутся под покровительство какого-нибудь другого Царя. Вечером ветер дул с запада, так что Крагена, скорее всего, отнесло к Трашнеку.

Блейсдел понимающе кивнул.

— Это вопрос удачи. Для них, эмигрантов. Возможно, Царь-Краген будет поджидать их завтра, встав у них поперек дороги. Или просто поплывет за флотилией и выместит свой гнев где-нибудь посреди океана.

— Кстати, где его видели последний раз?

Баркан Блейсдел сдвинул густые черные брови.

— Кажется, между Адельвином и Самбером.

— Превосходно. Значит, у них есть время уйти невредимыми. И даже оторваться. Если повезет.

— Вот именно что «если», — повторил Баркан Блейсдел. — Царь-Краген непредсказуем.

Бервик подмигнул:

— Ходят слухи, что он отвечает на сигналы, которые непостижимым образом передают Сводники. Но вы ведь не желаете говорить на эту тему, не так ли, уважаемый?

Встретив ответный взгляд, он закончил, поднимаясь:

— Впрочем, мне пора.

— Куда вы так спешите, любезный? — холодно спросил Баркан Блейсдел.

— На башню. Как бы эти бандиты во главе со Скларом Хастом чего не натворили перед уходом. Приходится, знаете ли, контролировать, быть одновременно и здесь и там.

— Не разорвитесь.

Фирал Бервик посмотрел на него.

— Царь-Краген уходит от Адельвина к западу.

— Понимаю, — сказал Баркан Блейсдел, сопровождая гостя к дверям. — Но я не отвечаю за действия остальных Сводников. Мы люди свободной профессии. Точнее, служители культа, как вы это называете. И нашими действиями руководит лишь необходимость сохранять обычаи.

Выпустив гостя за дверь, Блейсдел вышел в сад и остановился на берегу. Никакого коракла в пределах видимости не было. Простиравшиеся по сторонам зыби были бездвижны.

И тут он издал крик ярости.

По едва ощутимому движению воды можно было догадаться, что плот — его вотчина, место, где он родился и наследовал мудрости отцов, где прошла вся его жизнь, подчиненная старинному укладу — этот оплот надежности и спокойствия уплывал! Как былинку, сорванную ветром, его уносило в океанские просторы. Видимо, пока он разговаривал с Арбитром, кто-то перерезал тростниковые швартовы. Кто-то самовольно распорядился его судьбой — и Сводник уже догадывался, кто мог сыграть с ним эту злую шутку.

— Бервик!

Он оглянулся: Арбитр стоял рядом и задумчиво смотрел на морскую гладь.

— Похоже, это работа Зазывал.

Блейсдел выругался.

— Мне кажется, тут замешан еще кое-кто, — он посмотрел на Бервика сузившимися глазами. — Ты тоже с ними в сговоре. Вы еще пожалеете о своем бесчестном поступке.

Фирал Бервик развел руками:

— Кажется, ты не понял. Я говорил о нашей проблеме, общей для всех — о Царе-Крагене. И без Сводника нам ее не разрешить.

Ничего не ответив, Блейсдел развернулся и устремился в свой коттедж. Он прошел через гостиную, остановился

у стены и отодвинул переборку потайной комнаты. Прихватив светящуюся лучину, вошел, пригнув голову. За его спиной раздались шаги: даже не оглядываясь, он знал, что это Фирал Бервик и Склар Хаст. Они проследовали за ним в комнату. В полу был вырезан люк размером с колодец, в котором плескалась вода. Люк был оторочен декоративной губкой, покрытой лаком, чтобы предотвратить разрастание. В воду уходила труба, склеенная из отборного желтого камыша, четырех дюймов шириной.

— Вам не терпелось узнать, как мы общаемся с крагенами, — глухо произнес он. — Что ж, смотрите. Эта труба уходит в воду. В глубине она расширяется до четырех футов в диаметре. На раструб натянута мембрана из выделанной кожи. Если прижаться ухом к этой трубе, то в ней, как в раковине, слышно, что говорит океан.

— И Царь-Краген, — дополнил Фирал Бервик.

Вместо ответа Баркан Блейсдел прислушался, медленно поворачивая трубу.

— Ничего не слышать. Значит, Царь-Краген как минимум на расстоянии десяти миль. Как только он подойдет ближе, я услышу его. Сегодня он пошел к западу, возможно, решил поплавать где-нибудь между Видмаром, Люмаром и Народным Равенством.

Склар Хаст хмыкнул:

— Не иначе как понадобился кому-то из Сводников, пострадать народ.

Блейсдел передернул плечами.

— Я все показал. Чего вы еще хотите?

— погоди, — возразил Склар Хаст. — Ты еще не сказал, как вызываешь его.

Баркан Блейсдел показал на торчащий из воды стержень, загибавшийся в виде ручки.

— Эта штука раскручивается? — спросил знакомый с механикой Склар Хаст.

Баркан Блейсдел перехватил его руку, устремившуюся к рычагу.

— Там, под водой, расположен молот. Он бьет в большой барабан и звуки разносятся по океану.

— Теперь понятно, как Семм Войдервег накликал Крагена на свою голову, — усмехнулся Склар Хаст. — А ты еще называли нас шайкой ублюдков и убийц!

Блейсдел промолчал, смерив его взглядом.

Фирал Бервик торопливо вмешался в разговор, предупреждая ссору:

— Может, оно и к лучшему, что Семма Войдервега больше нет с нами. Он бы с трудом сносил тяготы эмиграции.

— Ну да, ему лучше в саркофаге, — заметил Склар Хаст.

— Прекратите! — воскликнул Баркан Блейсдел. — Он был верным слугой народа. Не думайте, что он меньше вашего переживал за гибель сорока двух человек на плоту Спокойствия. Это был его дом, его родина. Среди убитых были его друзья. Он самоотверженно посвятил себя служению Царю-Крагену. И отдал за это жизнь.

— А ты? — ввернул Склар Хаст.

— Что — я?

— Ты тоже собираешься последовать по его стопам, пожертвовать собой ради великой цели — задобрить Крагена?

— Я другой человек. Не настолько прямолинейный, быть может, как Семм Войдервег. Но обычаи своей гильдии и касты блюду свято.

Склар Хаст обратился к Арбитру:

— Что будем делать с этим аппаратом? Может, разбить? Бервик задумался.

— Он нам еще может пригодиться. Если не для вызова Крагена, то хотя бы для того, чтобы заранее знать о его приближении.

— Посмотрим, — усмехнулся Хаст. — Глядишь, как-нибудь и вызовем. Когда будем готовы.

— У меня здесь семья, — обратился к ним Баркан Блейсдел. — Жена и четыре дочери. Три старших уже просватаны. Они еще не знают, что нас уносит в океан. Что я скажу им завтра, когда они проснутся?

Голос его дрогнул.

— Ничего, — сказал Склар Хаст. — Работа для всех найдется. Тем более что скоро появится новая гильдия: Охотники на Крагенов.

С этими словами он вышел из потайной комнаты. Баркан Блейсдел так и остался стоять перед колодцем, свесив голову и опустив руки. Он искоса взглянул на Фирала Бервика, который стойко выдержал этот взгляд.

В саду их уже поджидали не меньше дюжины человек.

— Вечерний ветер относит нас к западу, — сказал им Хаст. — Но мы пойдем к востоку.

ГЛАВА 10

Утро встало над океаном, встретив эмигрантов свежим ветром с запада. Гребцы отдыхали под натянутыми парусами. Линия плотов окончательно исчезла вдаль: вокруг простиралось лишь слегка потревоженное рябью голубое зеркало океана.

Склар Хаст опустил трубу Блейсдела в воду, прислушиваясь, но не услышал ни звука. Однако сменивший его Баркан Блейсдел, ухо которого было более чутким, заявил, что Царь-Краген недалеко.

У них было шестьсот кораклов, каждый из которых вмещал от трех до шести человек вместе с различным скарбом, инструментами и запасами воды.

Часа через два-три после рассвета легкий бриз замер в воздухе. Паруса обвисли и весла кораклов вновь стали бороздить воду, увлекая за собой плоты. Когда к полудню солнце ярко засияло на небесах, в лодках растянули навесы.

К вечеру на горизонте показались другие, незнакомые плоты. Однако приблизиться к ним долго не удавалось — видимо, мешали океанические течения. Лишь когда солнце уже совсем опустилось за спины путешественников, в наступающих сумерках проступили очертания этих странных плотов. Они буйно заросли зеленью, морскими водорослями и губкой. Издали это напоминало запущенный сад или даже лес. Ветер, колыхавший зеленые пряди, донес до них запах, удививший Склара Хаста. Он позвал Роджера Келсо, плившего в соседнем коракле:

— Чуешь?

Роджер Келсо принялся и выразил предположение:

— Какой-то мусор или дохлая рыба, по-моему.

— Пожалуй, ты прав.

Сколько Склар Хаст ни приподымался на скамье, с риском перевернуть лодку, ему так и не удалось ничего разглядеть.

— Вымерли они там все, что ли?

Вскоре первый коракл ткнулся носом в плот, и парень, стоявший на носу, прыгнул на берег, на всякий случай выставив перед собой копьё. За ним высыпали остальные, наскоро пришвартовав коракл. Вскоре один из молодежи

отыскал источник странного запаха. В нескольких местах на плоту дымились большие кучи мусора. Повсюду под ногами попадались обугленные пятна.

— Как-то все... неряшливо, — сказал кто-то. — Интересно, кто здесь живет?

— Похоже, никого. С виду плот совершенно необитаем.

— Тогда откуда костры?

— Эй! — крикнул Склар Хаст. — Выходи, не бойся! Мы пришли с добрыми намерениями.

В ответ — тишина.

— Может, они прячутся под плотом? — пробормотал стоявший рядом Роджер Келсо.

Солнце уже покинуло небосклон, сумерки окончательно сгустились над плотом.

— Смотрите! — Юноша, бегавший на дальний конец плота, держал в вытянутой руке нитку с бусами. Они тихо звенели.

— Металл! — ахнул кто-то.

Мэрил Рохан пригляделась к бусам:

— Судя по цвету — медь или бронза.

Склар Хаст еще несколько раз позвал, но хозяин бус так и не появился.

— Наверное, здесь живут дикари, — сказал Фирал Бервик. — Ходят нагишом и поэтому стесняются приезжих. Кроме бус, им и одеть-то нечего.

Немногие поддержали его шутку. Покинутый плот производил жутковатое впечатление, тем более что приближалась ночь.

Неожиданно из зарослей раздался дикий вопль, полный ненависти и страха, и одновременно на путешественников посыпался град заостренных палок.

— Похоже, мы незваные гости, — констатировал Склар Хаст. — Давайте назад по кораклам.

Они охотно покинули негостеприимный плот, оттолкнувшись веслами. Лодки устремились в ночь. Когда они плыли вдоль линии плотов, с берега до них донесся еще один крик, на этот раз исполненный торжества. Склар Хаст попробовал было приблизиться к берегу в другом месте, но на коракл тотчас же обрушился дождь легких камышовых дротиков. Лодки предусмотрительно отплыли подальше, держась вне досягаемости метательного оружия.

— Я где-то читал,— задумчиво сказал Роджер Келсо,— о дикарях из Второго и Третьего Рода.

— И что о них было написано? — рассеянно спросил Склар Хаст, тревожно оглядываясь на враждебные плоты.

— Их проклинали за нарушение традиций и изгнали с Плотов. Они стали варварами.

— Неужели это — наше будущее? — скривилась Мэрил Рохан, плывшая в лодке вместе с ними.— Кучи мусора, паленый плот... Брр!

Она поежилась, плотнее заворачиваясь в плащ от наступающей вечерней сырости.

— Ничего себе дикари! — возразил Склар Хаст. — У них есть медь, которой нет даже у нас!

— Это еще ничего не значит. Может, они ее где-нибудь украли.

— Но может быть и так,— настаивал Склар Хаст,— что они владеют секретом ее изготовления.

— Интересно,— откликнулся Рубал Галлахер,— из чего можно изготовить медь?

На этот вопрос никто не знал ответа, и в лодке наступило молчание.

— Да уж,— наконец произнес Склар Хаст.— Еще неизвестно, кто здесь дикари — мы или они.

— Во всяком случае,— возмутилась Мэрил Рохан,— мы до такого состояния плоты не запускали.— В ней вдруг заговорила хозяйка, гордящаяся наведенным в доме порядком.

Ветер стих, как только на небе появились созвездия, и снова флотилия двинулась к востоку, оставляя негостеприимные воды за собой. Гребцы работали безостановочно, поочередно сменяя друг друга, пока вместе с первым проблеском зари не ощутили порыв попутного ветра. Были подняты паруса, и люди наконец смогли передохнуть.

Второй день был похож на предыдущий. Не считая короткого дождя, за время которого успели наполнить кувшины питьевой водой, ничего нового не произошло. Кидалы забрасывали сети, вытаскивая рыбу и съедобных моллюсков, и несмотря на то, что припасы еще оставались, возможность добывать пищу в дороге воодушевляла.

Утром третьего дня они заметили небольшого крагена. Он пришел с севера, всплыл на некотором расстоянии от флотилии, некоторое время скользил по поверхности воды, словно желая испугать путешественников, и затем снова

погрузился в глубину. Вскоре Кидалы, наблюдая в свой прозрачный короб, заметили под водой его крупную колышущуюся тень, удаляющуюся в южном направлении.

На исходе четвертого дня впереди опять показалась длинная линия плотов. В лодках слышались восклицания. Склар Хаст поднялся и дал сигнал сойтись для совещания. Вскоре вся флотилия собралась вместе, образовав на воде гигантский шевелящийся ковер.

— Царь-Краген может плыть в три раза быстрее нас, — начал Склар Хаст. — Поэтому остановка может стать фатальной. Мне кажется, что нам не следует оставаться здесь, а надо плыть дальше, по крайней мере до тех пор, пока мы не найдем еще одну цепь плотов.

Послышались разочарованные возгласы: эти плоты, покрытые пышной растительностью, выглядели так привлекательно, и никому не хотелось опять оказаться в утлой лодке посреди океана.

Фирал Бервик встал на сторону Склара Хаста, а с ним и большая часть Гильдмастеров и Старейшин каст. Наконец, после долгих споров, флотилия двинулась вперед, минуя плоты.

Настал шестой день, когда на горизонте показалась новая линия плотов, в которых все уже видели свой новый дом.

Они причалили к самому большому из плавучих островов. Вечером за ужином состоялся совет.

— У нас есть две первоочередные проблемы, — начал Фирал Бервик. — Первая такова: с нами восемь Мастеров-Поджигателей, шесть Мастеров-Лепил, шестнадцать Мастеров-Зазывал. Естественно, все они не могут одновременно быть Мастерами, иначе начнется неразбериха. Мастера должны избрать себе начальников. Вторая проблема — как быть с теми, кто ушел с нами не по своей воле. Мы не можем отпустить их назад, расправиться же с ними было бы слишком жестоким поступком. Необходимо решить, что с ними делать.

Все разом посмотрели в сторону кучки сбившихся вокруг своего костра Сводников с их семьями. Вид у них был унылый, хотя некоторые из родственников — особенно те, что помоложе, — выглядели довольно бодрыми.

Баркан Блейсдел, заметив взгляды со стороны и поняв, что речь идет о его гильдии, принялся совещаться со Сводником Парнаса, Люком Робине.

— Если бы мы могли просто дать им кораклы и отпустить с миром! — сказал Роджер Келсо. — Но ведь, если они вернутся назад, они наверняка учинят против нас какую-нибудь пакость. Баркан Блейсдел, по крайней мере, будет счастлив, если ему предоставится возможность пустить Царь-Крагена по нашим следам.

Они еще долго обсуждали этот вопрос. Предлагалось даже держать Сводников в плетеной ивовой клетке. Выражались опасения, что они могут сами умыкнуть лодки и пуститься в обратный путь на свой страх и риск. Наконец решение было принято.

— Мы отпустим вас, — объявил Склар Хаст Сводникам, — как только убьем Крагена. Тогда можете убираться подобра-поздорову, если вам не по душе наше общество. Но до тех пор, пока эта тварь разгуливает на свободе, держитесь подальше от кораклов. Мы будем присматривать за вами.

Баркан Блейсдел внимательно посмотрел на него.

— Ты еще не отказался от своих безумных замыслов? — как бы не веря, спросил он.

— Не хочу загадывать, — отвечал тот. — Будущее покажет.

На следующий день приступили к разведке. На плоту обнаружили съедобные растения, удалось наловить и рыбы. Вечером Склар Хаст нашел Мэрил Рохан. Они с Роджером Келсо сидели на скамейке и листали объемистый том в кожаном переплете.

— Глянь-ка сюда! — воскликнул Роджер Келсо.

— Что это?

— Мемориум Джеймса Брюне.

«Тем, кто наследует нам, нашим детям и правнукам, мы не можем оставить ничего, кроме наших знаний. Нам суждено окончить свои дни здесь, в дикости и запустении, потеряв последнее, что связывало нас с цивилизацией, — корабль. Обратного пути отсюда нет. Из всех, кто уцелел, лишь я обучался точным наукам, да и то за время жизни здесь успел многое запомнить. Впрочем, зачем они в этом зыбком неустойчивом мире, целиком отданном во власть воды? Здесь нет ничего, кроме океана, солнечного света, воздуха и водорослей. Здесь нет ни клочка

земли, а следовательно, невозможно добыть ни куска металла. Для того же, чтобы построить новый корабль (не коракл, а именно настоящий космический корабль!) и даже для того, чтобы передать сигнал о нашем местонахождении, без металла не обойтись — никто не сможет соорудить рацию из камыша и водорослей. Да что говорить — из-за отсутствия земли у нас нет даже глины, чтобы вылепить горшки для приготовления пищи, мы не можем изготавливать стекло, не можем соорудить горн. И все же дело не настолько безнадежно, как представляется на первый взгляд. Зола имеет химический состав, близкий к глине. Кое-что может заменить молотая скорлупа раковин. Наконец, наши кости мы можем использовать в качестве инструментов. Может быть, на что-то сгодится и наша кровь, когда со временем мы разберемся, какие богатства можно добывать из нее. Наша цивилизация в буквальном смысле строится на костях!»

Роджер Келсо остановился.

— Конец главы.

— Интересно, — заметил Склар Хаст. — Откуда же, в таком случае, брали металл дикари?

Роджер Келсо склонился над томом, пробормотав.

— Когда-нибудь мы узнаем это. Давайте читать дальше.

«Прежде чем продолжить...»

— Это темное место, — остановила его Мэрил Рохан. — Здесь он как-то странно выражается насчет своих товарищей. Отчего-то они препятствовали ему, мешая продолжать эксперименты. Обвиняли его чуть ли не в вампиризме. По-моему, этого человека потом сожгли на костре.

— Но за что?

— За ересь. Тогда уже появился культ Крагена. Видимо, большая часть записок Джеймса Брюне была уничтожена тогда же. И лишь поздние поколения сберегли уцелевшее.

— И что уцелело? — спросил Хаст.

— Немногое. Рассуждения о каких-то «элементах», из которых могут получаться различные «вещества». Тоже темные места.

— Он описывает, — вмешался Роджер Келсо, — состав веществ, какие-то «электроны», «протоны», «нейтроны»,

которые образуют материю. Это не вещества, а силы, которые их составляют. Таким образом, все вокруг нас — это сочетания сил, которые кажутся нам материей и веществом. И, зная законы сил, можно превращать одно вещество в другое.

— Когда его сожгли? — задумчиво спросил Склар Хаст.

— Какая разница! Он был из Первых. Он пишет, что при движении электронов образуется поток электрической энергии — нечто вроде грозы, какую мы видим в небе, только этой грозой можно чуть ли не управлять, используя ее в своих целях. А сильный поток электричества может убить.

— То есть — еще одно оружие против Крагена, — тихо пробормотал Склар Хаст.

— Да, но сделать его не так-то просто. Для этого прежде всего нужен металл.

— Но у нас есть немного металла, — заметил Хаст. — Мы взяли с плота бусы, и потом, у нас в руках коллекция Сводника Блейсдела.

— А для электричества, — оживился Роджер Келсо, — как пишет наш ученый, нужна «Вольтова клетка».

— Это еще что такое?

— Это два металла, погруженные в кислоту. Он описывает способы получения кислоты из вод океана. И в дополнение несколько других способов получения электричества: термоэлектричество — от нагрева, фотоэлектричество — из света и лучей солнца, и наконец, динамическое электричество, получаемое путем наматывания витков проволоки вокруг намагниченного сердечника. А кроме того, он утверждает, что все живые существа вырабатывают небольшие количества электричества.

— А что насчет металла? Он предлагает какие-нибудь способы, как получить металл?

Келсо лизнул палец и перевернул страницу.

— Вот. Он говорит, что малую толику железа содержит кровь.

— Кровь?

— Человеческая кровь. И он приводит метод извлечения металла из крови с помощью тепловой обработки. Но при этом температура должна быть необычайно высокой. К тому же многие растения его мира содержали большие количества металла, так что можно поискать его и в мор-

ских растениях. Но тут опять же получается замкнутый круг — при производстве металла не обойтись без электричества, а электричество не получить без металла.

— Займитесь этим, — сказал Склар Хаст, посмотрев на Мэрил Рохан. — А я тем временем займусь Крагеном.

ГЛАВА 11

Первый краген не заставил себя ждать. Дня через три в их поле зрения появилось чудовище средних размеров — футов двадцать в длину. Оно двигалось вдоль берега, внимательно наблюдая за людьми и временами останавливаясь. Минут двадцать краген плавал, вздымая плавниками воду, но потом развернулся и уплыл в океан.

Месяц спустя после прибытия они уже вполне освоились на новом месте и начали понемногу обустраиваться. Они резали тростник и строили хижины, в плоту была вырезана большая лагуна с узким устьем — задумка Склара Хаста.

За это время рядом с их плотом появились четыре крагена, но ни один из них не годился на роль Царя. Четвертый из крагенов был похож на первого — возможно, это был тот же самый краген, решивший навестить их еще раз. Он придирчиво осмотрел новую лагуну, засаженную губкой, проверил сеть и удалился.

Склар Хаст осмотрел механизм, сооружение которого началось сразу по их прибытии. Подъемный кран был в порядке, ожидая своего часа. Кроме него, был воздвигнут еще один, вспомогательный, кран, его балка уже нависала над водой, но некоторые детали еще не были закреплены.

— В другой раз тебе не уйти, — пообещал Склар Хаст удалявшемуся крагену, очевидно, почуявшему неладное. — Наша губка не пойдет тебе впрок.

Краген плыл вдоль линии плотов, похоже, нимало не обеспокоившись этой угрозой. Он удалился и вернулся через пару дней. Второй подъемник к этому времени был почти готов. Склар Хаст с ненавистью смотрел, как краген обгладывает урожай, торопливо выбирая отборные губки.

Когда краген появился на следующий день, рванувшись напрямик в лагуну (размером он был чуть поменьше экземпляра, выловленного Скларом Хастом на плоту Спо-

койствия, но тем не менее выглядел все же внушительно), Склар Хаст решил, что пора действовать. Краген не успел еще и сообразить, что происходит, когда Кидалы заарканили его веревкой, и он был выдернут на сушу, прочно связан и обездвижен.

Когда огромное туловище прекратило трепыхаться, собравшийся вокруг народ с радостными криками стал плясать прямо перед оскаленной пастью.

— Назад, идиоты! — закричал Склар Хаст. — Жить надоело?

Но на его слова мало кто обратил внимание — уж больно велика была радость. В ороговевшую шкуру стали тыкать зубилами, дубинки и остро заточенные колы полетели в выпученные глаза чудовища.

— Назад! — заорал Склар Хаст. — Что за легкомыслие?!

Наконец приведенный в чувство народ отступил. Склар Хаст, как и в прошлый раз, вооружился молотком и зубилом и приступил к трепанации. У него было четверо помощников, и вскоре совместными усилиями они отодрали крышку черепа. Тут уж ничто не могло сдерживать любопытства толпы, люди проталкивались вперед — каждый хотел посмотреть поближе.

Кровь крагена была синей, как у земных морских животных: омара, лангуста и королевского краба, о чем свидетельствовали Аналекты.

Келсо притащил ведра, нацедил синей крови и стал сливать ее в бочонок.

— Думаешь, пригодится? — спросил Склар Хаст.

— Кто знает. Собираю все, что под руку попадется. Нам нужен материал для экспериментов. Где-то же должен содержаться этот металл.

— Смотрите, как пригорюнились наши Сводники, — заметил Уолл Банс. — Эй, служители Крагена! Похоже, ваш кумир не оправдал ваших надежд!

Сводники, сбившиеся тесной кучкой и издали наблюдавшие за охотой, негодуя зароптали.

— Это еще не Царь-Краген, — отозвался Люк Робине. — Когда появится Он, вам не помогут ни веревки, ни краны!

— Ты бесчувственный человек! — поддержал его Баркан Блейсдел. — И к тому же ограниченный — не видишь дальше собственного носа. Высшая мудрость — в покорности!

— Справедливо замечено, — с иронией откликнулся предводитель молодежи.

Сводник с Вайболта, тощий субъект с горящим взглядом и всклокоченной седой бороденкой, прошипел:

— Твой сарказм поуменьшится, когда Царь-Краген потребует заплатить по счетам!

— А он скоро появится? — быстро спросил Склар Хаст, заметив недовольные гримасы Сводников: видимо, этот тип сболтнул лишнее. — И когда его ждать?

Сводник с Вайболта, не обращая внимания на недовольные взгляды коллег, грозно потряс пальцем:

— погоди, скоро узнаешь. Царь не допустит, чтобы его слуг унижали так, как здесь унижают нас.

Склар Хаст надеялся, что раздраженный старик разговорится и сболтнет что-нибудь еще, но тут встрял Баркан Блейсдел. Он быстро прервал их беседу и увел Сводников к себе в хижину — видимо, на совещание.

Склар Хаст направился на другую сторону плота, где Мэрил Рохан устроила школу для ребятишек. Обычно детей обучали в гильдиях, так что это был несколько иной, новый метод воспитания.

Мэрил видела, как вытаскивали из воды крагена, но общего ажиотажа разделять не стала. Она тут же развернулась и увела детей заниматься дальше.

— Ну, — спросил он, присаживаясь на одной из скамеек, когда дети отправились на перемену. — Что ты об этом думаешь?

Она ответила не сразу:

— Я думаю, что из всего этого выйдет.

Склар Хаст рассмеялся.

— А у меня нет времени думать о будущем, слишком много времени отнимает настоящее. Если я начну гадать, чем все обернется, то начну отставать от собственного будущего.

Мэрил только задумчиво кивнула, словно этими словами Склар Хаст подтвердил ее мысли.

— Мы Одиннадцатое поколение, — сказала она. — И уже подрастает Двенадцатое и Тринадцатое. Мы могли начать вырождаться, потому что за это время утратили способность к действиям.

Склар Хаст кивнул:

— Ты права — но теперь обстоятельства постоянно по-нуждают нас делать выбор. И сегодня мы одержали победу.

— Слишком легко она далась, Склар Хаст. Да и кого мы победили? По-моему, тут нечем особенно гордиться. В своем Мемориуме Элеанор Морз говорит, что постоянно ставит для себя новые цели, и лишь благодаря тому, что стремится достигнуть их, она становится истинным Казнокрадом. Это, конечно, иная ситуация, мало применимая к нам, но она показывает, как человек в процессе достижения цели становится лучше. Я тоже наметила себе кое-что, чего надеюсь достичь в будущем.

— И что же это?

— Ты спрашиваешь серьезно? — взглянула на него Мэрил. — Или просто хочешь посмеяться над моими высокими мечтами?

Склар Хаст энергично мотнул головой, давая понять, что он — сама серьезность.

Мэрил стала поправлять сдвинутые детьми скамейки.

— В Академии Писцов Четырехлистника четыре больших зала: зал для занятий, трапезная и две спальни, для мальчиков и девочек. Я хочу возобновить традиции Академии здесь, на этом плоту. И в нашей Академии дети будут получать не навыки Писцов, а настоящие знания. Кстати, о таком учебном заведении речь идет и в Мемориумах.

Склар Хаст задумался:

— Можешь рассчитывать на меня, — сказал он. — Мне по душе твоя идея. И признаюсь, ты задела меня за живое. Каковы мои цели? Я пока не могу ответить на этот вопрос. Вроде бы главное сделано — лебедка сработала, кран не подкачал, краген выужен, как рыба из воды. Но что дальше? Куда ведет нас наша борьба? Я этого не знаю. Для меня важно одно — чтобы люди были в целости и сохранности, и еще... — он запнулся, — ...чтобы ничто не мешало тебе учить детей: ни краген, ни что-либо другое. Впрочем... — он взял ее за руку. — Пожалуй, две цели передо мной все же вырисовываются... Первая — это ты. А вторая — Царь-Краген. Что скажешь?

— Сначала разберись со второй.

— А как насчет первой?

— Посмотрим. Я думаю, нет ничего невозможного.

Кто-то тряс его за плечо. Открыв глаза, он увидел нависавшую над ним тень, обрамленную сиянием звезд.

— Кто это? Чего надо?

— Я Джулио Райл, сторож у кораклов, — отвечал юношеский голос. — Пойдемте со мной!

Склар Хаст вскочил на ноги, набросил плащ, напарил ногами сандалии.

— Что стряслось? — Он понимал, что сторож не стал бы будить его просто так. — Лодку украли?

— Нет. Просто странный шум под водой.

Склар Хаст вместе с молодым сторожем пошел на край плота. Опустившись на колени и пригнувшись к самой воде, он и в самом деле услышал странные неразборчивые звуки, то ли скрипы, то ли стоны. Эти звуки не были похожи ни на что слышанное им прежде. Склар Хаст принес трубу Баркана Блейсдела и опустил в воду. Поворачивая изогнутый раструб, он определил направление шума.

И тут, внезапно поняв, в чем дело, Склар Хаст оскалился в предвкушении.

— Немедленно веди сюда Фирала Бервика, Ролло Барнака и Рубала Галлахера. Пусть поторопятся.

Сам он тем временем разбудил По Белрода и Роджера Келсо. Вскоре наспех собранная команда сгрудилась на краю плота, поочередно прислушиваясь к звукам, доносившимся из трубы. Источник шума был определен однозначно: хижина Баркана Блейсдела.

Окружив ее со всех сторон, они стали подкрадываться, скрытые темнотой. Склар Хаст вытащил «рыбье шило» — нечто среднее между ножом и стилетом, изготовленное из прочной колючки на хребте одной из ядовитых рыб. Раздвинув кожаный полог, он заглянул внутрь.

Масляная лампа слабо освещала комнату. Тем не менее в ней можно было разглядеть Баркана Блейсдела и Люка Робине, присевших перед отверстием колодца. В руках у них было нечто вроде лука, опущенного в темную воду. Баркан Блейсдел медленно водил по тетиве предметом, напоминавшим смычок, производя тихое, злое гудение.

Баркан Блейсдел вместе с Люком встали одновременно, оборачиваясь к входящим в комнату Фиралу Бервику, Роджеру Келсо и остальным.

Все было ясно без слов. Склар Хаст подошел к колодцу и вытащил устройство, напоминавшее лук.

В соседней комнате слышались торопливые шаги.

— Осторожно, — произнес голос за дверью. — Народ проснулся, скорей убирайте волынку.

Склар Хаст распахнул дверь потайной комнаты: за ней стоял Видал Рич, Сводник с Самбера. Схватив за грудки, он втащил его в комнату. Затем выглянул за дверь: больше там никого не было. Вне всякого сомнения, в заговоре были замешаны все Сводники, но поймать с поличным удалось только этих троих.

Наутро состоялся суд, на котором заговорщикам было решено сохранить жизнь. Одни предлагали высадить их на одном из дикарских островов, другие — просто отправить за борт, привязав к шее грузы для ныряльщиков, но эти предложения не нашли поддержки и были отвергнуты. Блейсделу и другим Сводникам было придумано иное наказание: теперь они должны были работать вместе со всеми, занимаясь резкой и обработкой стеблей. Утрата привилегированного положения была унижительной: поначалу даже члены их семей отшатнулись от них. Однако голод не тетка, и вскоре к Баркану Блейсделу вернулась его жена, а затем и некоторые из дочерей со своими мужьями.

ГЛАВА 12

Роджер Келсо оборудовал еще один плот специально для своих исследований. На нем размещалась печь с тиглями для выплавки веществ, емкости для вываривания кислот и химических реактивов и прочие необходимые материалы. В первую очередь это делалось из соображений безопасности, но и конспирация играла не последнюю роль — Роджер Келсо и его помощники сочли, что их замыслы необходимо хранить в тайне от Сводников.

Всего три сотни ярдов разделяли плоты, и вскоре Склар Хаст по приглашению Роджера Келсо посетил лабораторию. Плот носил название, придуманное самим Келсо: Протест. Когда Склар Хаст прибыл на плот, первым, что бросилось ему в глаза, была прямоугольная деревянная рама на опорах с натянутой на нее выскобленной почти до прозрачности рыбьей кожей. Под ней лежал короб, наполненный, судя по всему, пеплом или золой. Добавив туда

вываренного клея, Келсо руками размешивал раствор до консистенции патоки.

Солнце тем временем близилось к зениту. Келсо дал знак двум помощникам. Один из них вскарабкался на раму, другой стал передавать ему ведра с водой. Помощники выливали ведра на прозрачную мембрану, сквозь которую просвечивало небо с сияющим светилом.

— Вверх не смотреть, — предупредил Писец-экспериментатор. — Можете ослепнуть.

— Что это за устройство? — поинтересовался Склар Хаст.

— Ты имеешь представление, что такое телескоп?

— Да, у меня была такая штуковина, правда, линза была мутновата.

— Никакая линза не совершенна. Даже в самых лучших линзах, сделанных из очищенного рыбьего клея, неизбежны искажения — цветовые аберрации и искривление очертаний. В стране предков для этого применялся материал под названием «стекло», обладавший гораздо лучшими свойствами. Но получить его пока не в наших силах.

Луч солнца в этот момент сфокусировался в водной линзе и ярко-белой точкой упал в короб с пеплом. Смесь зашипела и задымилась.

— По рецепту Брюне, — пояснил Роджер Келсо. — Смесь золы с морским илом, известным как «планктон», в определенной пропорции.

Роджер Келсо подвинутил ножки короба, поднимая его повыше, чтобы лучше сфокусировать падающий сквозь линзу луч. Пепел налился багрянцем, затем стал оранжево-желтым и наконец начал спекаться в куски. Роджер Келсо ворошил материал кочергой, придвигая все новые порции золы, смешанной с планктоном, к жаркому лучу. Наконец, сдвинув короб в сторону, он стал рассматривать спекшиеся куски, покрытые окалиной.

— Пускай остынет, тогда будет видно, что из этого получилось.

Он принес дожидавшуюся на скамье вторую коробку, заполненную угольно-черным порошком. Затем выдавил в центр какую-то бурую пасту.

— А это что? — спросил Склар Хаст, дивясь способностям Келсо.

— Высушенная кровь.

— Откуда вы ее взяли?

— Доноры. Я и несколько моих помощников. Мы по-немногу сцеживаем ее из вен, по очереди.

Склар Хаст мысленно содрогнулся, но затем восхитился такой самоотверженности.

— Ты помнишь, что я рассказывал про Брюне? Так вот, он пишет, что цвет крови придает содержащийся в ней гемоглобин. Он состоит из углерода, кислорода, водорода и совсем небольшого количества железа. Углерод при сжигании дает окалину, кислород сгорает. В сочетании с водородом кислород дает воду. Я уже провел ряд экспериментов, сжигая в разных пропорциях ил, кровь и различные горючие смеси. По моим выкладкам, сейчас мы должны получить несвязанное железо.

Келсо показал на коробку, «запекающуюся» под линзой. Смесь задымилась и вспыхнула голубым пламенем, издавая чудовищное зловоние. Келсо, приложив ладонь козырьком ко лбу, посмотрел на солнце.

— Линза работает в полную мощь, только пока солнце в зените, так что у нас немного времени.

— Но почему бы не использовать линзу из рыбьего клея? Ведь твердую линзу можно поворачивать и работать хоть весь день.

— Вода намного прозрачнее любого клея, — пояснил Келсо. — И другие жидкости не годятся: в соке любых растений есть примеси желтого или синего цвета. А это — потеря энергии.

— А при смешивании нельзя добиться, чтобы один цвет перекрывал другой?

— Гм, — задумался Келсо. — Возможно, впоследствии стоит попробовать.

Келсо проверил содержимое своего «плавильного тигля». Материал в коробке уже совершенно испарился, превратившись в пенистую окалину.

— Жидковата у вас кровь, — заметил Склар Хаст. — Надо было брать у Сводников — чай, у них погуще. Они ведь столько лет берегут себя от работы.

Келсо тем временем закрыл коробку крышкой.

— Подождем, когда остынет, — повторил он, как в первый раз, и, точно заправский повар, приступил к третьей коробке. Там была черная вязкая жидкость, густая, как деготь для просмолки кораклов.

— А это что такое?

— Кровь крагена, — ответил Келсо, — вываренная ночью, чтобы солнечные лучи не вмешались в процесс раньше, чем необходимо. Если кровь человека содержит железо, то отчего бы и крови крагена не содержать его? И отчего она синего цвета? Сейчас мы все это и узнаем. — Он поставил короб под линзу.

Содержимое закипело, как и человеческая кровь, испуская еще более тошнотворный чад. Когда процесс был окончен, Келсо заботливо прикрыл результат заранее заготовленной крышкой.

— Чтобы предотвратить окисление, — пояснил он. Приблизившись к первому ящику, Келсо заостренной костью разворошил золу и извлек оттуда несколько спекшихся частиц, выложив их на скамью.

— Стекло. Осторожно, еще горячее.

Склар Хаст двумя обломками кости поднял предмет.

— Значит, вот ты какое, стекло... Да, это вряд ли сгодится на линзы для телескопа. Зато оно плотное, почти как металл. Так что мы сумеем найти ему применение.

Келсо недовольно покачал головой.

— Я надеялся, что оно получится чище. Придется, видно, еще поэкспериментировать с морским илом и пеплом. А может быть, его осветляли кислотой или чем-нибудь в этом роде.

— Но ты же сам говорил: чтобы добыть кислоту, необходимо электричество.

— Я просто цитировал Брюне.

— Так это возможно — получить электричество?

Келсо задумчиво сжал губы.

— Посмотрим. Я не теряю надежды. Это, конечно, может показаться чересчур самонадеянным — пытаться получить электричество, имея в своем распоряжении лишь пепел, дерево, воду и морские водоросли, — но попробовать надо. Кто знает? Брюне на этот счет настроен оптимистично. Однако сначала поглядим, что у нас вышло с железом...

Результатом эксперимента со второй коробкой был кусочек щербатого металла размером с полгорошины.

— И на это ушло три фляги крови, — разочарованно процедил Келсо. — Даже если мы вскрыем вены всей экспедиции, металла едва ли наберется на небольшой горшок.

— Ничего, — сказал Склар Хаст. — Мы можем собирать кровь долго, хоть месяц, отливая ее понемногу каждый день, по очереди. Ты совершил великое открытие — люди могут добывать металл из собственного тела!

Келсо придирчиво осмотрел получившуюся частичку.

— Если пускать кровь у каждого на плоту хотя бы раз в десять дней, плот скоро прогнется под весом железа, которое мы добудем. — Он сдвинул крышку с третьего ящика. — Но посмотри сюда! Краген — это настоящая золотая жила!

На дне покоился слиток красновато-желтого металла, в три раза больше, чем полученная крупца железа.

— Должно быть, это медь или один из ее сплавов. Брюне именно так ее и описывает: металл темно-красного цвета, незаменимая вещь для добычи электричества.

Склар Хаст выбрал из пепла еще горячий слиток и стал перебрасывать в ладонях.

— Но откуда медь у дикарей? Получается, они тоже охотятся на крагенов? Невероятно!

Келсо задумчиво прикусил губу.

— А может, краген добывает медь из какого-то источника, известного и дикарям.

— Металл! — восторженно пробормотал Склар Хаст. — Сплошной металл! Там Никлас Райл разделявает тушу крагена. У него кишки черные. Может, их тоже стоит прижечь твоей чудо-линзой?

— Несите сюда все — там посмотрим.

Из внутренностей крагена в самом деле удалось получить еще больше меди. А из водорослей и кувшинок — только желтовато-белый пепел, который Келсо заботливо сохранил в особой пробирке с соответствующей надписью.

По прошествии четырех дней появился краген более внушительных размеров. Он плыл с запада, параллельно линии плотов. Пара Кидал, вернувшихся с уловом, первыми заметили его горб с двумя парами глаз, серым айсбергом торчавший над океаном. Уже издали они махали руками и кричали, сообщая новость, которая теперь была скорее радостной, чем тревожной.

Еще четверо Кидал метнулись в легкий коракл и принялись загонять крагена в гавань. Стоявшие на берегу удер-

живали коракл двумя тросами. Ничего не подозревавший краген плескался ярдах в пятидесяти поодаль, не торопясь угодить в ловушку. На носу коракла стоял Кидала по имени Бэйд Бич, известный рыбак и к тому же опытный ныряльщик. Он стоял, раскручивая над головой аркан, конец которого держали остальные рыбаки. Расстояние между ними и морским зверем неуклонно сокращалось.

Наконец краген решил наказать людей за их вызывающее поведение. Он метнулся вперед, не дожидаясь, пока лодка приблизится. Когда между ним и лодкой оставались какие-то тридцать футов, Бэйд Бич метнул петлю — и промахнулся. С плота донесся разочарованный стон. Один из тросов тут же потянули назад, спешно уводя коракл от неизбежного столкновения. Краген заработал плавниками, разворачиваясь вслед за кораклом, до которого оставалось всего пять футов, но тут Бэйду удалось наконец накинуть аркан на голову твари. Дружный радостный вопль донесся с берега; люди навалились на канаты — одним вытаскивая лодку, а другим затягивая петлю на шее животного.

Наконец его вытянули под мачту подъемного крана и стали поднимать на плот привычным уже способом. Но этого крагена вытащить оказалось не так-то просто. Лебедка скрежетала под весом неподъемной туши, плот накренился, и его начало заливать водой; шестьдесят пять человек с натугой тянули канат, выволакивая крагена на берег. В конце концов тело чудовища шлепнулось на плот, трепеща плавниками и щупальцами. И вновь на него набросилась ликующая толпа, но на этот раз в криках людей не было той ярости, что звучала при поимке первого крагена. Застучали зубила и долота, раскраивая череп. Ментально появились ведра, в которые сливались все жидкости из тела морского зверя.

Склар Хаст наблюдал со стороны. Теперь они уже могли справиться без него. Этот краген достигал размерами Царя, когда тот еще впервые появился у плотов, лет полтора назад. И все же Склар Хаст по-прежнему колебался. Совершенно ясно, что этой лебедки им не хватит, чтобы выволочь таким же образом самого Царя-Крагена. И никакой кран этого не выдержит. И никакие веревки на выдержат силы его плавников. И ни один плот не вынесет его веса. Потому что в сравнении с Царем-Крагеном этот краген был просто пигмеем...

За спиной слышались шаги, женская рука тронула его за локоть, он услышал прерывистое дыхание.

— В чем дело? — тревожно обернулся он, уже выискивая взглядом, что могло привести Мэрил в такое смятение.

— Баркан Блейсдел, — задыхаясь, сказала она, — Баркан Блейсдел сбежал!

— Что? — воскликнул Склар Хаст.

ГЛАВА 13

Баркан Блейсдел сбежал не один — он сбежал вместе с супругой, двумя дочками и их любовниками на пробе, а также Люком Робине и Видалом Ричем, прихватив заодно добротный коракл.

Беглецы все рассчитали заранее — видно, готовились давно. Несколько недель они собирали припасы в укромном месте, неподалеку от школы Мэрил Рохан, куда мало кто заглядывал, кроме ребятишек. Так же втайне они изготовили весла, мачту и паруса. Затем дождались удобного момента — когда все будут заняты крагеном, — и след их простыл за то время, пока люди возились с тушей.

Коракл предусмотрительно завели на южную сторону плота двое молодых людей, зятя Баркана Блейсдела; оттуда они и отчалили под шумок. По счастью, они попались на глаза одной беременной женщине, по причине своего положения не принимавшей участия в выуживании крагена.

Фирал Бервик снарядил в погоню десять кораклов, но время уже клонилось к вечеру, да и направление ветра было неудачным — учитывая, что беглецы направились в сторону старой флотилии, перехватить предателей не было почти никакой надежды. К тому же коварный Баркан Блейсдел мог нарочно изменить маршрут, чтобы окончательно сбить преследователей с толку.

Искали всю ночь — восемь кораклов шныряли по протокам среди заброшенных плотов, два устремились на запад — в них отправились лучшие из гребцов. Когда заря перламутром окрасила небо, стало ясно, что дальнейшие поиски напрасны. Лодки вернулись вместе с попутным ветром.

На собрании было предложено расправиться с остальными Сводниками. С такой инициативой выступил Робин

Мэграм. Однако Склар Хаст выступил против скоропалительных мер.

— Мы не можем начинать новую жизнь с убийств. Лучше уж дать им кораклы, и пусть убираются восвояси.

— Ничего себе! — возмутился Робин Мэграм. — Изменники приплывут домой и начнут затевать против нас какую-нибудь каверзу. Они могут натравить на нас и остальных.

— Подождите, — вмешался Фирал Бервик. — Это же наши братья по касте, наши друзья, родственники. С чего бы это им затевать против нас войну?

— Вспомните о судьбе дикарей! Они ведь тоже когда-то были одной крови с остальными! И как с ними поступило большинство?

— Мы не признали власти Царя-Крагена, — угрюмо проронил Склар Хаст. — Представляю, что теперь станут говорить о нас Сводники. — И гнусавым голосом завел, изображая служителей Крагена: — Изменники! Как могли они уже в третий раз оскорбить могучего Царя, подвергнув опасности всех остальных! Все по кораклам! Накажем осквернителей святыни! Нарушителей обета! Врагов всемогущего Владыки!

— Справедливо замечено, — откликнулся Роджер Келсо. — Но не одни Сводники имеют власть и решающий голос. Не они самая влиятельная каста. И я думаю, Арбитры вряд ли присоединятся к ним, они более разумные люди, — он украдкой посмотрел на Фирала Бервика.

— О чем тут говорить, — прервал эти рассуждения Арбитр. — Мы можем только гадать, что случится дальше и что за сюрприз нам готовит Баркан Блейсдел.

Было решено до поры до времени оставить Сводников под надежной стражей, не лишая их жизни и не отпуская, так как они еще могли пригодиться в качестве заложников.

Такое решение устроило даже проповедника сурового возмездия Робина Мэграма.

Кроме того, было принято решение построить особый двухмачтовый разведывательный коракл — этим должны были заняться трое человек с плота Альмака, небольшой общины рядом со Сционой, на самом конце линии плотов. Поскольку они жили так далеко, этих людей никто не мог узнать на главном плоту, куда отряжалась разведка.

Коракл вскоре был изготовлен: легкий, достаточно просторный и стремительный, он предназначался для скорой

и дальней экспедиции — и на нем можно было незаметно подобраться ночью к цепи плотов.

Утром четвертого дня после побега Баркана Блейсдела коракл, похожий на каноэ, стартовал в ту сторону, куда ушли беглецы, легко разрезая окрашенную солнцем синюю воду. Разведчики прихватили с собой трубу Баркана Блейсдела.

В полдень светлое небо затянули грозовые облака. После короткого дождя сквозь разорванные тучи снова проглянуло солнце. Паруса наполнились бризом, и гребцы бросили весла, отдыхая. Коракл неся на запад, а вокруг уже сгущались сумерки и проглядывали созвездия.

Подобным образом минул и второй день, а за ним и третий — лишь на четвертый они опустили в воду трубу и прислушались.

Тишина.

Они встали в лодке, держась за мачты и вглядываясь в западном направлении. Там, по их расчетам, должен был показаться плот Спокойствия, самый крайний из флотилии. Но вдали маячил лишь темный горизонт.

К полудню растерявшиеся гребцы то и дело бросали весла и вглядывались в горизонт, не уверенные, в том ли направлении держат путь. Но они не видели ничего, кроме линии, где светло-синее небо встречалось с темно-синей поверхностью океана. Еще четыре часа они гребли к северу, решив, что отклонились от курса. Безрезультатно. Тогда снова сделали поправку к югу. И лишь тогда, в очередной раз опустив трубу в воду, они услышали шум крагена. Повращав трубу, установили, что шум идет с севера. Взяв курс на шум, лодки вышли к плотам. Прямо перед ними замаячил Омерж, а рядом с ним Уведомляющий — цель их путешествия.

Дождавшись заката, они стали приближаться, еще издалека слыша знакомые с детства звуки жизни плотов. Они пришвартовались в месте, указанном Фиралом Бервиком, забросав коракл зеленью и всяким хламом. В соответствии с планом двое остались при коракле, а третий, носивший имя Генри Бастаф, направился на рынок.

По вечерам здесь прогуливались сотни людей, среди которых можно было без труда раствориться. Однако вид у горожан отчего-то был хмурым. Генри Бастаф направился к знаменитому трактиру, где останавливались приез-

жие во время общих собраний. Это было старейшее сооружение во всей флотилии. Полки в трактире были заставлены кувшинами с пивом, араком и спиртом. Помимо этого были здесь и многочисленные ликеры и пунши, яства и сласти, способные удовлетворить вкус самой взыскательной дамы. В беседках и под навесами были расставлены столы и скамьи — там отдыхали гости и устраивали свидания любовники. Генри Бастаф выбрал неприметное место, откуда хорошо просматривался маяк. К нему подошла официантка, он заказал пива и ореховых вафель. Получив заказ, он принялся прислушиваться к разговорам в зале и присматриваться к башне маяка, читая послания. Это были обычные сообщения, извещения, рекламные объявления. И вот наконец: вспышка восемнадцати огней, объявляющая о важном сообщении.

«Внимание... сегодня... утром... несколько... Сводников... бежали... из ... плена... заговорщиков... Они... высадились... на... плоту... Зеленой Лампы... Баркан Блейсдел... требует... немедленного... созыва... общего... собрания... для... принятия... срочных... мер... против... бунтовщиков».

ГЛАВА 14

Шесть дней спустя Генри Бастаф докладывал совету Новых Плотов:

— Видимо, Баркан Блейсдел отклонился еще больше нашего, поскольку причалил к Зеленой Лампе. В следующий раз нужно брать поправку к северу от рассчитанного курса. Видимо, они переждали погоню на одном из диких плотов. Как только новость о прибытии Блейсдела объявили с маяка, в таверне началась суматоха. Поскольку на следующий день ожидалось общее собрание, на которое неизбежно прибыли бы и наши сородичи с Альмака, я счел за благо спрятать Мэйбла и Барвея. Свое же лицо я разукрасил кастовой раскраской Кидалы, выбрил брови, зачесал волосы вперед и накинул капюшон. Теперь бы меня и мать родная не узнала: наполовину Кидала, наполовину Лепила, да еще и Зазывала в придачу! На собрании я стоял бок о бок с родным дядюшкой Фодором, прутовязом, так он на меня даже не посмотрел. Родной крови не учуял!

Рыбак продолжал под общий смех:

— Ну и собрание было, я вам доложу — все просто взбесились. Конечно, Баркану Блейсделу без промедлений вернули его прежний ранг и должность. По-моему, Вринк Смат, без него занимавший этот пост, не очень-то обрадовался его возвращению. Он сидел в трех рядах позади меня, все время теребил то мантию, то нос, хмурился и недовольно моргал, как только Баркан Блейсдел заводил новую речь. А уж этот рвался как собака с цепи, требуя организовать за нами карательную экспедицию. Называл нас святотатцами, чудовищами, подонками, истребить которых — священный долг каждого честного гражданина. И некоторые соглашались с ним, особенно чернь, из тех, кто не обучен ремеслам и прозябает на плотках без дела. Но таких было немного. Как ни странно, даже Сводники его не поддерживали. Ну как же, ведь, вернув похищенных коллег, они вынуждены были бы уступить им занятые посты.

Тогда Блейсдел, видя, что ему никто не собирается помогать, стал мало-помалу закипать и выходить из себя. Начал обвинять направо и налево в предательстве, уличать в измене, разоблачать в потакании преступникам. Всякому известен нрав Эмахо Фероксибуса, Старейшины Казнокрадов на Четырехлистнике — трусом его никак не назовешь, да и обычаи блюдет как никто другой. И вот он выступает и говорит Баркану Блейсделу придержать язык. Если, говорит, кто решил убраться с плотов, так скатертью дорога! А вносить лишнюю смуту в народ и втравливать его в гражданские войны негоже. Главное, дескать, — это и дальше жить, свято соблюдая обычаи, а всякие отщепенцы пусть хоть пропадом пропади! Блейсдел ему: «Ты думаешь, что если отвернешься от зла, то оно обойдет тебя стороной?» А тот смеется ему в лицо: «Раз они такое зло, — говорит, — то как ты ушел от них живым? Ведь ты по всем своим делам давно заработал у них смертный приговор — а все-таки до сих пор дышишь. Почему они тебя не утопили?» Баркан Блейсдел пошел тогда на попятный: дескать, они рассчитывали, что если не получится самим заманить крагена, то они воспользуются Сводником. Для того, мол, его и выкрали с плота.

Эмахо Фероксибус на этом смолк, и собрание так и кончилось ничем. Баркан Блейсдел решил собрать вечером всех Сводников. Тогда я вернулся к своим ребятам и рас-

сказал все Барвею и Майблу. Барвей, как вам известно, ныряльщик. Так что мы решили, вспомнив о том, как устроены дома у Сводников, использовать его искусство по назначению. Ну а дальше он расскажет лучше, чем я.

И Барвей приступил к продолжению рассказа. Он был годом-двумя младше Генри Бастафа, опытный гребец и глубоководный охотник. Зазывала по касте, он взял себе жену из клана Казнокрадов, чем изрядно повысил свой социальный статус. Говорил он неторопливо и сдержанно.

— Солнце стояло еще высоко. Я подплыл к хижине Вринка Смата, надел очки и нырнул под плот. Не знаю, многим ли здесь доводилось плавать под плотами, но это замечательное зрелище. Вода густо-синяя, глаз радуется, над головой она светлее, а в глубине уходит в черноту, и стебли тростника теряются в этой черноте.

Хижина Смата находится примерно в семидесяти пяти ярдах от края плота. Я без труда преодолел это расстояние. Но на возвращение воздуха у меня бы уже не хватило. Впрочем, мне удалось вовремя найти квадратное отверстие, выводившее как раз туда, куда нужно. Это была потайная комната, которая есть почти у каждого Сводника — с колодцем, куда они опускают свою трубу. Там я смог перевести дыхание. Из соседней комнаты доносились голоса. В это время в потайную комнату вошел хозяин. Он стал шевелить трубой и услышал подозрительные звуки под водой — это были удары моего сердца. Я предусмотрительно отплыл подальше и когда он ушел, вынырнул снова. Затем я слышал, как он жалуется своей супруге на то, что так некстати вернулся Баркан Блейсдел. Потом в его дом стали собираться гости. Последним вошел Блейсдел. Он с порога обратился к Вринку Смату:

«Стражу выставили?»

«Четверо учеников караулят за дверью с фонарями. Они не пропустят ни единой живой души».

«Хорошо, — сказал Блейсдел. — Нам предстоит обсудить один чрезвычайно важный вопрос».

Потом было совещание. Баркан Блейсдел выдвинул идею: создать ополчение так называемых «защитников»...

— Защитников кого? — перебил его Склар Хаст.

— Крагена и народа плотов, разумеется. Как он выражался. «Там их всего тысяча, — говорил он. — Из них настоящих воинов, пригодных в бою, наберется с пять сотен.

Поэтому нам достаточно набрать тысячу здоровых и сильных, преданных людей из молодежи. Мы обучим их обращаться с оружием, подготовим их как следует, в том числе и морально, для борьбы с врагом, так чтобы они стали дисциплинированными и безжалостными бойцами, а затем пошлем против мятежников. По возвращении — победном, естественно! — они составят новую касту, которая будет охранять власть от зачинщиков беспорядков. Так будет защищен Царь-Краген и традиции, прежний порядок вещей и надежда на будущее!»

— И скоро они собираются этим заняться? — спросил Фирал Бервик.

— Думаю, они уже приступили к выработке плана.

— Мы примем контрмеры, — заявил Склар Хаст.

— Какие же? — спросил Аррел Синсере.

— Создадим свое ополчение и собственную армию. Конечно, в случае кровопролития нам придется несладко. В открытый бой нам соваться нельзя, из-за неравенства сил. Поэтому нам надо опираться на стратегию.

ГЛАВА 15

В этом мире, не имевшем собственного имени, не было ни времен года, ни колебаний климата — температура изменялась только при перемещении с одной широты на другую. Вдоль экваториальных штилевых полос, где произрастали густые массивы подводного тростника, царило безмятежное спокойствие, один день здесь был похож на другой, а годовые циклы можно было проследить только по ночному небосклону. Несмотря на отсутствие у людей острой необходимости в календаре, дни все же считались, и всякий год именовался по наиболее примечательному событию. Года объединялись в 22-летние циклы, которые имели свой номер. Так, был когда-то 349-й день года Глубокого Погружения Мэлвинона во время Десятого Цикла. Ведение календаря было обязанностью Писцов. А в целом жизнь была простой и безмятежной, как синее полуденное море, заросшее ряской.

Нападение Царя-Крагена на плот Спокойствия случилось как раз в конце года, получившего за это название «Поражение Спокойствия», а следующему году суждено было войти в анналы под именем Года Отщепенцев.

Шли дни, и новый год близился к середине. Но Баркан Блейсдел, невзирая на прошедшее время, не давал угаснуть воспоминаниям о своем позорном пленении, каждый день лелея планы мести. Каждый вечер с наступлением темноты маяки передавали его послания: «Доколе мы будем терпеть! Куда ведут нас раскольники? Кто защитит святыне заветы?» и так далее.

На Советах Старейшин он высказывался в том же духе.

— Неужели мы позволим этим никчемным людишкам существовать рядом с нами? — взывал он. — Нет и нет — тысячу раз нет! Мы должны остановить эту заразу, иначе она со временем распространится по всем плотам и охватит умы!

Но Эмахо Фероксифуса, Старейшину Казнокрадов с Четырехлистника, ничуть не трогали призывы Баркана Блейсдела.

— Пусть живут, как хотят, — отвечал он. — Я знал многих из этих людей и могу сказать, что это были люди разумные, честные и трудолюбивые. Ручаюсь, что они никогда не захотят причинить нам вред — так зачем же нам вредить им?

Провиденс Дрингл, Мастер-Поджигатель плота Народное Равенство, выразился на этот счет так:

— Лечение иногда хуже самой болезни. Особенно когда не знаешь, сколько за него заплатишь.

— Поясните, что вы имеете в виду, — ледяным тоном потребовал Баркан Блейсдел.

Остальные Сводники, сидевшие орлами, нахохлились точно стервятники, узнавшие, что их лишают законной добычи.

— Пожалуйста, поясню. Царь-Краген сжирает от шести до семи бушелей отборной губки ежедневно. В то же время мы вовсе не застрахованы от визитов его младших братьев. При таких обстоятельствах невольно задумаешься о том, что Охотники на Крагенов — действительно не самые худшие люди на земле, чтобы затевать с ними войну.

С холодной яростью Блейсдел произнес:

— Ваше мнение чрезвычайно совпадает с умонастроениями бунтовщиков, уважаемый член Совета.

— Ну так что же? — спокойно откликнулся тот.

— Это выглядит подозрительно.

— Подозревайте себе что угодно, но на мою помощь можете не рассчитывать.

— И на мою,— присоединился Эмахо Фероксибус.

Страсти накалялись. Разъяренный Баркан Блейсдел дал собравшимся понять, что некоторые из Старейшин впадают в старческий маразм и их мнение не стоит учитывать. Фероксибус, побагровев от гнева, пообещал придушить его голыми руками, доказав тем самым, что он не так уж стар.

Чтобы избежать рукоприкладства, заседание поспеили закрыть.

Не полагаясь уже ни на кого из Совета, Баркан Блейсдел создал собственную Гвардию, собрав ее в бараках, отстроенных на плоту Спокойствия. У нее была собственная форма, до странности похожая на тоги и плащи Сводников, черная впереди и белая сзади, с вышитой на груди эмблемой Царя-Крагена. Гвардейцы носили клееные кожаные шлемы, покрытые для прочности лаком на рыбьем клею. Из оружия они предпочитали тростниковые пики с наконечниками из тростникового корневища, прочнее которого на плотках не знали, а также кинжалы из того же материала. Луков у них не было. Метательные копья также не прошли испытания, и от них было решено отказаться.

Несмотря на то что Гвардия включала в себя представителей разных гильдий и каст, в основном она состояла из тех, чья карьера каким-либо образом не состоялась или кто питал особенную неприязнь ко всякого рода труду. Поэтому к Гвардии со стороны населения отношение изначально было двойственное. Поскольку на нее уходило много съестных припасов, а сама Гвардия ничего не производила, всем хотелось, чтобы она поскорее пошла в бой. В то же время и Царь-Краген не умерял своего аппетита, с каждым днем становясь все обременительней и непереносимей для бюджета.

Для ускорения развития событий был пущен слух, что мятежники сами готовят нападение на плоты, покусившись таким образом на собственную родину. Провокационные слухи призваны были вызвать негодование широких масс, но вместо этого породили только слабую надежду, что после этого нападения численность Гвардии несколько сократится.

Баркан Блейсдел назначил себя командующим вооруженными силами и даже разработал для себя специальную форму, решенную в одинаковых с войском цветах, с перевязью и бордовыми эполетами, на которых щерился Краген, с надраенными до блеска костяными пуговицами-застежками и шлемом, издали похожим на оскаленную пасть Крагена. Вид у него был злобный.

Ежедневная муштра и тренировки, метание копий в манекены, посадка и высадка из кораклов — таковы были основные занятия Гвардии. Затем ежедневная молитва Царю-Крагену, включавшая обязательную заключительную анафему вероотступникам.

Вскоре у Гвардии появилась оппозиция, возглавляемая Эмахо Фероксибусом, который стал разрабатывать официальные санкции против воинства Баркана Блейсдела. Но тут же у плота Четырехлистника, где жил Эмахо, возник Царь-Краген и пасся там четыре дня, с большим аппетитом пожирая остатки урожая. Эмахо Фероксибус был вынужден умерить свой пыл. Он проклял Баркана Блейсдела, его Гвардию и в заключение — самого Царя-Крагена, ко всеобщему негодованию. Затем окончательно разбитый и уничтоженный оппозиционер на дрожащих ногах удался, как в изгнание, в свою хижину.

Три дня спустя тело его было найдено в лагуне, что тотчас же было объявлено самоубийством. Некоторые предполагали, что, будучи в крайнем отчаянии, он мог не заметить берега и случайно упасть ночью в воду. И лишь некоторые, хоть и держали язык за зубами, усмехались этим слухам, храня одним им известную правду о гибели Старейшины.

Пришел день, когда Гвардия созрела для похода. Прошел клич: «Выступаем на следующей неделе!»

И вот настал великий момент: Баркан Блейсдел в своей парадной форме стоит перед войском. Лучи солнца сверкают; генерал-Сводник обращается к солдатам с речью, призывая на них покровительство Царя-Крагена.

Армия загрузилась в кораклы, и весла ударили по серебристо-пепельным волнам. Ветер наполнил паруса, и девяносто лодок устремились в долгий путь по утреннему океану. В каждой лодке было по дюжине воинов-гребцов и одному командиру.

Вскоре они увидели десяток кораклов странной конфигурации. Это были сорокавесельные лодки, раза в два длиннее, чем у них. Они выстроились в линию, преграждая путь армаде Баркана Блейсдела. На носу центрального, шестнадцативесельного, коракла стоял Склар Хаст.

— Что вам здесь надо?

Баркан Блейсдел вскочил со скамьи:

— Склар Хаст! Ты осмелился вести флот к Отчим Плотам!

— Да нет, мы просто вышли встретить гостей.

— Так знай — это последнее ваше плавание. Мы пришли, чтобы покарать вас.

— Лучше возвращайтесь, пока не поздно, — предупредил Склар Хаст. — Пойдете дальше — и вы мертвецы!

Баркан Блейсдел дал сигнал другим лодкам:

— Вперед! Пики наголо! Хватай бунтовщиков, коли, вяжи!

— Осади! — откликнулся Склар Хаст. — Глупцы, неужели вы думаете, мы вышли вам навстречу с пустыми руками?

Но гвардейцы уже устремились вперед. Командирский коракл Баркана Блейсдела встал чуть в стороне, откуда можно было наблюдать за сражением. Когда между лодками противников оставалась всего сотня футов, люди Склара Хаста вдруг встали, натягивая луки из гибких усов и плавников крагена. Пылающие стрелы устремились навстречу Гвардии Баркана Блейсдела. Хорошо просмоленные для дальнего похода лодки полыхнули огнем.

От первого залпа их зажглось два десятка. Столько же пострадало от второго. Гвардейцы в ужасе прыгали в океан, забыв про пики и кинжалы. Никому из них так и не удалось взять хотя бы один из кораклов Склара Хаста на бордаж. Несколько лодок было перевернуто; гребцы и воины тяжело бултыхались в намокших и ставших такими нелепыми одеждах.

Еще один залп — и от флотилии Баркана Блейсдела не осталось почти ничего.

Из тысячи гвардейцев уцелела лишь половина.

Запустив трубу под воду, Склар Хаст слышал приближение Крагена. Он дал приказ гребцам, и быстроходные кораклы погнались остатки воинства Баркана Блейсдела обратно к плоту Спокойствия. Уже у самого берега они дали еще один залп из огненных луков. Поэтому последние сто ярдов всем, включая военачальника, пришлось преодолевать вплавь.

На следующий день состоялось общее собрание. На помост выступил Мос Свайн, Арбитр, заменивший Фирала Бервика. Он произнес речь о величайшей трагедии, которая произошла накануне, обвинив во всем самонадеянность гвардейцев и их военачальника.

— Я не ослышался? — вскричал Баркан Блейсдел, вскакивая с места. Голос его был ледяным от ненависти.

Мос Свайн посмотрел на него:

— Сводник, я не окончил речь и еще стою на трибуне. Ты сможешь сказать все, что думаешь, когда настанет твой черед.

— Я не собираюсь слушать этот вздор. Ты забыл, очевидно, что мы вступили в войну — и это лишь ее начало. Первый бой не решает исхода сражения.

— Сводник, предупреждаю еще раз: у нас довольно своих дел. Пусть народ Новых Плотов разбирается со своими делами сам.

— Как же вы собираетесь защитить свои жизни, если мятежники первыми нападут на вас? Наши утонувшие товарищи призывают к вам о возмездии!

В общем гвалте гвардейцы и Сводники столкнули Моса Свайна с помоста.

— Вы очумели? — воскликнул он. — А как же голосование? Нужно узнать, кто против, а кто...

Но тут его ударили рукояткой кинжала в затылок, и он рухнул под ноги толпы.

Баркан Блейсдел величественно кивнул с помоста.

— Зачем голосование, когда все единодушны? Объявляю собрание закрытым.

ГЛАВА 16

Генри Бастаф, ныряльщик-разведчик, рассказал молчаливому Совету Старейшин Новых Плотов о печальном исходе собрания.

— Старый Эмахо Фероксибус мертв, Мос Свайн смещен насильно. Люди в смятении. Ситуация невероятная. Все обычаи пошли прахом. Народ готов разорвать Гвардию на части, но никто ничего не делает. Все разбежались по хижинам и ждут, чем кончится смута.

— Значит, теперь на Отчих Плотах управляет Баркан Блейсдел, — сказал Фирал Бервик.

— Он полноправный диктатор.

— Такой же, как тираны, от которых сбежали наши предки, — заключил Склар Хаст.

— Значит, следует ожидать новых покушений с их стороны.

— Несомненно, — кивнул Генри Бастаф. — Уже поговаривают о щитах, которые будут выставлены на кораклах и покрыты специальным лаком, чтобы предотвратить возгорание. Не исключено, что, поучившись у нас, они и сами придумают какие-нибудь огнемётные катапульты, чтобы атаковать наши плоты.

— Что ж, — поднялся с места Склар Хаст, — тогда и мы вооружимся щитами из черепов крагенов. И еще они отведуют нашего железа.

— Не забывай, — осадил его Фирал Бервик, — что мы пришли сюда не для того, чтобы вести бесконечную войну. Народ хочет мирной жизни. Хватит с нас и охоты на крагенов.

— А что ты предлагаешь?

— Нужно найти источник этого зла и уничтожить его.

— Ты сам знаешь, откуда исходит зло. От Баркана Блейсдела и его приспешников.

Вскоре Роджер Келсо снова пригласил Склара Хаста на Протест, в свою лабораторию, чтобы продемонстрировать полученное электричество.

— Сейчас увидишь, как оно работает, — пообещал Келсо.

— Электричество? Вот в этой бандуре? — Склар Хаст придирчиво осмотрел неказистый аппарат. Камышовая пустотелая трубка в пять дюймов диаметром, пристроенная в держателе-кронштейне, висела в воздухе. Одним концом трубка утыкалась в длинный короб, в котором, судя по виду, был размоченный водой пепел. Другой конец коробки был закрыт куском прессованного угля, в котором были утоплены мотки медной проволоки. Между трубкой и мокрой золой располагался еще один кусок прессованного угля.

— Это, конечно, пока что «техника первого поколения», — пояснил Келсо. — Она еще очень несовершенна. Однако для нас вполне сойдет — главное, она позволяет получить электричество почти без металла, посредством давления воды. Брюне описывает этот прибор в своем Мемо-

риуме, он называет его «машиной Роуса», а сам процесс — «катафорезом». Трубка наполняется водой, которая просачивается сквозь смесь золы и ила. Вода переносит электрический заряд, который передается пластине, проходящей сквозь угольные поры. Это маломощный, зато вполне надежный источник электричества. Мы уже испытали прибор.

Он дал знак помощникам. Те, закрыв коробку, повернули трубку в держателе вертикально и стали заливать в нее воду. Келсо присоединил к аппарату моток проволоки в несколько десятков витков. Он вынес блюдо с водой, в котором плавала воткнутая в пробку железная стрелка.

— Я ее уже намагнитил, — продолжал Келсо. — Видишь, она показывает все время на север? Это называется «компас», он используется в навигации. И вот, смотри — я подношу его к катушке. Видишь, стрелка поворачивается и показывает в другую сторону! Потому что теперь в проволоке электричество!

Склар Хаст был очень впечатлен увиденным. Раззادоренный Келсо продолжал:

— Скоро мы сможем построить ветряную мельницу для подъема и закачки воды в контейнеры, или даже соберем электрический генератор — когда металла будет достаточно. Впрочем, пока и этого хватит. С тем, что есть у нас, мы уже можем производить из соленой морской воды кислоту, а также щелочь. Но сейчас я хочу сплавить на плоты дикарей, разузнать, нет ли и у них чего-либо подобного.

— Ни в коем случае, — отрезал Склар Хаст. — Если тебя убьют, мы лишимся своего единственного изобретателя. Нет, Роджер Келсо. Макартур, конечно, говорил, что незаменимых людей не бывает, но это не всегда справедливо — в данном случае ты для нас незаменим. Нынче слишком сложное время, а ты слишком важная персона, чтобы мы могли позволить тебе такую роскошь — отправиться на тот свет.

Роджер Келсо только развел руками: он не мог спорить с лидером.

Склар Хаст вернулся на главный плот, где первым делом отыскал Мэрил Рохан. Решив позволить себе небольшую прогулку, они сели в небольшой коракл и поплыли вдоль линии плотов. У небольшого островка они остановились, сошли на берег и сели в тени стеблей сахарного тростника.

— Какое тихое, спокойное место! — сказала она. — Здесь можно построить дом и растить детей.

— Да уж... А подумай, что сейчас творится на Отчих Плотах, где правит этот безумец!

— Если бы все люди могли жить в мире!.. Иногда я думаю — может быть, хаос заложен в природе человека?

— Ну, мы-то не должны быть так уж предрасположены к хаосу. Наши предки пришли из Отчего Мира, убегая от тирании; их доброта и любовь к справедливости, должно быть, вошли в нашу кровь за эти двенадцать поколений.

Мэрил саркастически усмехнулась.

— Рассказать тебе, что я думаю о Первых и о тех причинах, по которым они ушли из Отчего Мира? Только приготовься — это совсем не то, что ты привык слышать о них.

И она рассказала. Когда она закончила, Склар Хаст долго не мог найти слов от потрясения. Сначала он изумлялся, потом не верил, потом его охватило негодование.

— Что ты говоришь?! Это же Первые! Наши предки! И этому ты учишь детей в своей школе?

— Это объясняет очень многое. Многие темные места в Мемориумах — помнишь, я всегда мечтала прояснить их, — становятся понятны; и склонность Первых сожалеть о прошлом и обвинять себя находит простое объяснение.

— Но я просто не могу поверить в это! Это... — Слова вновь оставили его; потом он взглянул на Мэрил и продолжил: — Когда я смотрю на тебя, на твое лицо, и знаю, что ты — их потомок... Нет, я не могу допустить такой мысли!

Мэрил весело рассмеялась.

— Зато подумай, если все так, как представляется мне, возможно, Отчий Мир — вовсе не такое уж дурное место, как принято считать!

— Мы никогда не узнаем этого, — пожал плечами Склар Хаст, — потому что никогда не попадем туда.

— Как знать, может, и попадем! Не мы с тобой, конечно, но дети наших детей. Вдруг им удастся найти Корабль Первых и поднять его со дна! Они смогут разобраться, что там к чему, я уверена. А потом они полетят на нем в космос и доберутся до Отчего Мира!

— Все может быть, — задумчиво ответил Склар Хаст. — Если твоя безумная теория верна, и они были такими, как ты говоришь, — возможно, Отчий Мир действительно сто-

ит того, чтобы туда полететь. Жаль только, что мы никогда даже не узнаем, правы ли мы в своих предположениях.

Тем временем на Плоты Дикарей был отправлен коракл с двумя людьми — Карлом Снайдером и Роублом Бакстером, помощниками Роджера Келсо. Через девять дней они вернулись и рассказали то, что им удалось узнать. Подплыв к плотам, они решили дождаться темноты. Глядя в телескоп, они видели дикарей, сидевших вокруг костра. Это были действительно дикари — голые, чумазые, уродливые. Как только все заснуло, разведчики спрятали лодку в неприметном месте под берегом и укрылись в кустах буйной растительности. Три дня они не вылезали из кустов, ведя наблюдение. Дикарей было два-три десятка человек, и они только тем и занимались, что ели, спали, совокуплялись и выплавляли медь. Сначала они сжигали растительный мусор. Потом растирали золу и плавили ее в кузнечном горне; горн был с поддувалом, чтобы достичь высокой температуры. А потом они доставали из горна медные слитки. Медь была везде — в иле, водорослях, в трупах морских животных. Те кучи мусора, которые они видели, на самом деле были заготовками для новых плавок.

— Подумать только — а мы вот уже двенадцать поколений сбрасываем мусор в море! — схватился за голову Келсо.

Вскоре Келсо соорудил по описанному образцу собственную плавильную печь. Количество металла сразу возросло. Теперь они добывали одновременно и медь, и железо. Но железо по-прежнему было редкостью — пока что, кроме человеческой крови, оно не было обнаружено нигде на этой планете.

Склар Хаст предложил модель механизма, способного уничтожить Царя-Крагена, а Роджер Келсо позже нарисовал чертеж: это была огромная электрическая машина с вращающимися железными ножами. Царь-Краген, увидев такую машину, не сможет удержаться от нападения; а когда он подплывет, машина разрубит его ножами на куски.

Но для того, чтобы построить такую машину, нужно было много металла, а это означало тысячи и тысячи кровопусканий.

Тем временем Баркан Блейсдел планировал новое нападение. Он собрал военный совет. В новых одеждах главно-

командующего он предстал перед командирами. Хмурое осунувшееся лицо, мундир с костяными пуговицами, кожаный плащ и шрамы на лице придавали ему вид мужественный и суровый.

Под плотом в специально выдолбленных нишах примостились разведчики Барвей и Мейбл, пищу которым доставлял их командир Генри Бастаф.

Но разговор на совете шел отвлеченный: возможно, Баркан Блейсдел догадывался о существовании лазутчиков. Говорили об урожае, о съестных припасах, о заготовках. О предстоящем походе не было сказано ни слова.

Наутро Генри Бастаф, проходя мимо кустов, остановился в одном ему известном месте и нагнулся, сделав вид, что поправляет ремешок на сандали. Он глухо пробормотал:

— Это Бастаф. Сегодня ожидается новый военный совет. Они, видимо, о чем-то догадались и решили перенести место сбора к башне маяка.

— Но как мы его найдем здесь, под плотом? — донесся голос снизу.

— По опорам маяка. Они уходят под плот. Четыре большие, толстые опоры. Там есть дыра, через которую можно дышать и даже, возможно, слышать разговоры. На всякий случай я тоже буду там.

— Лучше не ходи, мы сами справимся, — раздался голос Барвея. — Ты и так уже возбуждаешь подозрения — тебя могут схватить и казнить без суда как диверсанта и шпиона.

В этот момент Мэйбл и Барвей услышали приближающиеся шаги и смолкли.

Когда шаги удалились, Барвей выскользнул из ниши и поплыл к башне — туда, где в воде торчали толстые опоры.

Генри Бастаф все же не утерпел: его как магнитом манило к маяку, и через час-другой он все же пошел туда. Казалось, никто его не заметил. Он залез в сложенные возле маяка штабеля тростника, которые предназначались для ремонта башни.

Время шло, однако никто не появлялся. Бастаф начал беспокоиться. Не было ли здесь какой-либо ловушки?

Наконец, полчаса спустя, появились шесть телохранителей из гвардейцев. Они окружили площадку перед башней, зорко глядя по сторонам. Затем появились Сводники,

за ними члены военного совета. Последним появился Баркан Блейсдел. Он шел в сопровождении трех воинов из категории Преданных.

Баркан Блейсдел повернулся лицом к собранию. Он поднял перед собой ладони, призывая к вниманию.

— Сегодня начинаем, — объявил он. — Перед нами две задачи: договориться с Царем-Крагеном и подготовиться самим. Но перед тем, как я посвящу вас в детали, я хочу разобраться со шпионами. Это самые вредоносные существа. Я чую их носом. И сейчас этот запах совсем близко. Примите меры!

Преданные тут же разметали кипу тростника, и Баркан Блейсдел, подойдя, начал обшаривать ее. Телохранители молча ждали, стоя навытяжку.

Наконец их предводитель, не найдя никого, нехотя проговорил:

— Ладно, лишняя осторожность не помеха.

Тем временем Барвей, держась за одну из подводных балок, затаив дыхание, прижался ухом к щели. Он прекрасно слышал все, что происходило у стены маяка. Однако стоило Баркану Блейсделу отойти на прежнее место, как слова его вновь стали неразборчивыми.

Баркан Блейсдел говорил перед военным советом в течение нескольких минут. Потом один из телохранителей выхватил из тени сарая какого-то пьяницу, случайно задремавшего здесь, не дойдя до дому.

— Эй, ты что здесь делаешь?

Человек отмахнулся и, пьяно покачиваясь, шатнулся в сторону.

— Стоять! — воскликнул Преданный. Он схватил чужака за плечо и выволок на свет. У незнакомца было округлое безбородое лицо и смуглая кожа. На нем была одежда неопределенно-бурого цвета, какую обычно носили Пако-стники или Костоломы.

Баркан Блейсдел решительно приблизился к нему.

— Кто ты и откуда взялся? Отвечай! Зачем здесь прятался?

Человек икнул и развел руками:

— Разве это не трактир? Эй, трактирщик, наливай арака, наливай всем! Я здесь недавно и должен знать, каково ваше угощение!

Вринк Смат хмыкнул:

— Известный пьяница, я постоянно вижу его в трактире. Отведите его воссяси.

— Погодите-ка! — воскликнул Баркан Блейсдел. — Да это шпион, из того самого отребья. Я сразу узнал тебя, лазутчик! Ты выбрил голову, только меня этим не проведешь! Хотел разведать наши секреты?

Военные теснее обступили пойманного. Тот растерянно заморгал:

— Да какой я шпион? Все, что я хотел — это стакан арака. Блейсдел обнюхал лицо чужака.

— Что-то от тебя не пахнет ни пивом, ни араком, ни спиртом. Бросай эти штучки! Лучше признавайся сам, чтобы потом не пришлось жалеть.

— Как твое имя? — рыкнул на него Вогел Уомак, Сводник Адельвина. — Назови свой плот и касту.

Пленник набрал в грудь воздуха и перестал притворяться:

— Я Генри Бастаф. Я пришел сюда, чтобы узнать, что вы против нас готовите.

Баркан Блейсдел обвел всех победоносным взором.

— Что будем с ним делать? — спросил кто-то из Сводников.

— А что можно сделать со шпионом? Я требую самого сурового наказания, — объявил Баркан Блейсдел.

Вогел Уомак попытался было его утихомирить, но Баркан Блейсдел разошелся не на шутку.

— Давай хотя бы отложим расправу, — уговаривал он.

— Никакой пощады шпионам и заговорщикам, — кипятился Блейсдел. — Он должен понести самую жестокую кару! Я не приму никаких отсрочек!

Генри Бастафа было решено временно запереть в хижине Вринка Смата, расположенной неподалеку, приставив к нему нескольких телохранителей.

ГЛАВА 17

На следующий день было устроено ритуальное кормление Царя-Крагена. Ему даже не пришлось заплывать в бухту — губку вывезли из лагуны, оставив качаться на морских волнах неподалеку от плота.

Царь-Краген появился с востока, его горб всплыл над поверхностью и стремительно двинулся к плоту. Жадные глаза уже издали разглядели предлагаемую жертву.

Народ, столпившийся на берегу, безмолвно наблюдал, как Краген поедает их пищу.

Вскоре Краген закончил трапезу, но уплывать не спешил; казалось, он ожидал добавки.

Блейсдел вполголоса позвал одного из интендантов:

— Сколько бушелей вы ему скормили?

— Семь. Это его обычная порция.

— Не вам указывать Царю-Крагену, какова его порция. Сколько еще осталось?

— Пять бушелей. Но это для рынка, весь запас.

— Не думайте о губке, думайте о том, как снискать благоволение Царя-Крагена. Нам не пристало жалеть для него еды. Вы поняли?

— Так точно!

И интендант побежал исполнять приказание.

Вскоре еще пять бушелей губки были вывезены в океан к ожидающему Крагену. Он набросился на предложенное, оставив недоеденными лишь пару бушелей. Затем он погрузился в воду, так что только глаза оставались на поверхности, и принялся качаться на волнах, передвигаясь лишь на пару футов в ту или другую сторону.

Через девять дней Мэйбл с Барвеем докладывали Совету:

— Царь-Краген не ушел и на следующие сутки. Видно, новый метод кормления пришелся ему по душе. Теперь ему приходилось плавать от плота к плоту в поисках пищи — все было перед ним, его кормил один плот, и Краген не покидал его, как обжора не покидает хлебосольного хозяйского стола. К обеду было доставлено еще десять бушелей губки с других плотов, и снова Царь-Краген сожрал подношение.

Генри Бастафа переместили в другое место — как раз тогда, когда мы уже собрались устроить ему побег через колодец Сводника.

На третий день Блейсдел передал по маякам, что Царь-Краген желает самолично наказать шпиона. К обеду обычного подношения не появилось. Вместо него на волны было спущено тело Генри, привязанное к доске; голова его была обернута большой губкой. Краген потянулся к ней щупальцем и оторвал ему голову вместе с добычей.

После гибели Генри Бастафа задерживаться на плотках не имело смысла. Царь-Краген сутки напролет вяло плес-

кался в лагуне, не проплывая за день и пятидесяти футов. Каждый день ему доставляли губку с нового плота. Баркан Блейсдел уже скормил ему чуть ли не весь урожай флотилии. Похоже, он прикармливает зверя, надеясь использовать его в предстоящей войне.

Наступила тишина.

Наконец Фирал Бервик кашлянул и повернулся к Склару Хасту :

— Мы готовы?

— Спроси у него, — кивнул Склар Хаст в сторону Роджера Келсо.

— Мы набрали крови уже на десять фунтов железа, — поспешил объяснить тот. — Меди мы наплавляли побольше: около шестидесяти фунтов. Электрическая машина производит по двадцать четыре фляги соляной кислоты в день, мы храним ее в изготовленных нами стеклянных емкостях. Иначе кислота насквозь прожгла бы плот.

— Все это очень интересно, — сказал Робин Мэграм, Мастер-Поджигатель, человек без воображения, — но как это поможет победить Крагена?

— Пока я не могу дать определенного ответа, — пожал плечами Келсо, переглядываясь со Скларом Хастом, — но скоро вы сами все увидите.

Примерно месяц спустя, на исходе ночи, ориентируясь лишь по свету звезд, шесть кораклов приблизились к плоту Спокойствия. Перерезав сеть, они вошли в лагуну и срезали все нитки, на которых висел урожай — губка ушла под воду, и лагуна стала чистой и просторной. Потом, обогнув плот с другой стороны, они подпалили казармы. Оранжевые языки пламени лизали ночное небо до наступления рассвета. Кораклы убрались так же тихо и незаметно, как прибыли.

Еще через два месяца разведка донесла, что урон, нанесенный диверсией, восстановлен, и лагуна днем и ночью охраняется патрульными кораклами.

ГЛАВА 18

Год, впоследствии названный Годом Отщепенцев, близился к концу. Вскоре после наступления нового года трое

Кидал, тянувших сети неподалеку от плота Спокойствия, заметили приближение флотилии, двигавшейся с востока. Двое рыбаков помоложе заторопились было назад, но старший артели удержал их:

— Наше дело рыбачить, а остальным пусть занимаются другие. Нас не тронут.

Так оно и оказалось: флотилия прошла мимо. Двенадцать галер с высокими бортами были покрыты каким-то тускло-черным материалом. На каждой из них было по тридцать гребцов, они сидели низко, а весла торчали из отверстий, узких, как амбразуры. На гребцах были шлемы и доспехи из того же тускло-черного материала, за спиной у каждого торчал лук и дюжина зажигательных стрел, а у ног лежало копье с наконечником из красного металла. Галеры сопровождал квадратный плот, в центре которого находились два массивных предмета, закрытых черным покрывалом, а все свободное пространство было уставлено полупрозрачными емкостями, в которых колыхалась какая-то жидкость.

Флотилия была замечена с маяка, и фонарщик стал торопливо передавать срочный сигнал тревоги. На берег немедленно высыпали несколько сотен гвардейцев. Однако вскоре фонарщику пришлось давать иное сообщение — флотилия прошла мимо. Растерянные гвардейцы, погрузившись в несколько кораклов, пустились следом.

Флотилия проплыла мимо Трашнека, Бикля, Зеленой Лампы, затем миновала Фэй, Четырехлистник и наконец достигла Уведомляющего.

Перед лагуной плескался чудовищный Царь-Краген, поглядывая в сторону неожиданных гостей. Он подплыл поближе, вздымая волны мощными плавниками, холодные глаза усталились на странный караван.

Тем временем плот с емкостями подошел поближе к Крагену. Несколько человек сдернули черное покрывало, под которым оказался массивный механизм, по виду напоминающий арбалет. Он был заряжен гарпуном с железным наконечником.

Царь-Краген начал проявлять беспокойство. Кто отважился подплыть к нему так близко? Он ринулся вперед, гневно щелкнув челюстями.

Гарпунщики были белы как морская пена, руки у них дрожали. Склар Хаст скомандовал: «Огонь!», но голос у него

сел, и команду пришлось повторить. Гарпун устремился вперед, разматывая за собой бухту черного каната. Наконечник гарпуна с хрустом вошел в горб, и Краген, зашипев, взметнулся из воды. Но поздно — второй гарпун уже торчал рядом с первым. К нему был прикреплен точно такой же черный трос — медная проволока, покрытая изолирующей смолой.

— Контакт! — воскликнул Склар Хаст.

— Есть контакт! — откликнулся с квадратного плота Роджер Келсо.

Электрический заряд из кислотных аккумуляторов прошел сквозь череп Крагена, сотрясая его тело. Вскоре монстр стих, распластав по воде плавники и щупальца.

Склар Хаст нервно рассмеялся:

— Итак, Царь-Краген тоже смертен — не менее, чем любой из меньших крагенов.

— Я никогда и не сомневался в этом, — отозвался Роджер Келсо.

Как только прибор отключили, два десятка ныряльщиков бросились в воду. Они подвели под тушу Крагена плот, закрепив щупальца крюками. К монстру подплыло несколько лодок; вооружившись инструментами, люди начали долбить его череп.

Тем временем на берегу собрался народ. В толпе метался человек, махая руками и что-то выкрикивая, — это был Баркан Блейсдел. Наконец он прыгнул в один из кораклов и погреб к флотилии, призывая за собой гвардейцев. Но тут в небо взметнулись огненные стрелы, и несколько гвардейских кораклов занялись огнем. Гвардейцы попрыгали в воду и атака захлебнулась, невзирая на проклятия взбешенного Блейсдела.

Тем временем двадцать с лишним человек усердно работали зубилами, пытаясь вскрыть череп гиганта. Наконец твердый хрящ треснул; в трещину тут же были вставлены клинья, и крышка черепа, отделившись, с плеском рухнула в воду. Но при падении она вырвала один из гарпунов, торчащих в горбу. Контакт был прерван; Царь-Краген снова мог двигаться по своей воле.

С леденящим душу воплем машина Крагена взвилась в воздух. Ныряльщики поспешно ринулись в воду, побросав инструмент. На плоту рядом с Крагеном удержались только трое, одним из них был Склар Хаст. Он умудрился забраться внутрь открытого черепа чудовища, и теперь

пытался ножом перерезать толстые серые кишки, управлявшие движениями Крагена. Монстр испустил еще один душевраздирающий крик, дернулся — и двое остальных тоже оказались в воде. Теперь Царь-Краген попытался нырнуть, но соленая морская вода обожгла его обнаженные внутренности, и он опять взметнулся в воздух, перегнувшись пополам. Склар Хаст, изо всех сил вцепившись в извилины, яростно рубил ножом нервные узлы. Тело монстра сотрясали конвульсии; щупальца, плавники, челюсти — все ходило ходуном, дергалось, сокращалось, хлестало по воздуху. Наконец силы Крагена начали иссякать, движения делались все более бессвязными. На помощь Склару Хасту уже спешило несколько кораклов, но еще прежде, чем они успели подойти, все было кончено — нервные узлы чудовища были вырезаны с корнем и выброшены в океан.

Гигант лежал на воде неподвижно, чуть покачиваясь на своей «разделочной доске». Флотилия устремила к Уведомляющему.

— К оружию! — закричал Баркан Блейсдел. — Хватай пики, топоры, молоты, ножи, дубины! Уничтожить еретиков!

— Царь-Краген мертв! С ним покончено! — прокричал Склар Хаст, стоявший на носу передней галеры. — Что скажешь на это?

Наступила тишина, затем раздался ропот, он разрастался все больше и больше, и наконец толпа разразилась аплодисментами.

Склар Хаст указал на Баркана Блейсдела:

— Этот человек должен умереть. У меня нет к нему личной мести. Но он принес смерть слишком многим. Он виновен в гибели половины своей Гвардии. Он убил Генри Бастафа. Он скармливал вашу пищу Крагену, чья туша лежит перед вами, и продолжал бы делать это, пока Краген не сожрал бы все плоты.

Баркан Блейсдел закричал, обращаясь к своим гвардейцам:

— К оружию! Что же вы стоите?! Заткните ему глотку!

Склар Хаст повернулся к безмолвно стоящим гвардейцам:

— Бросайте оружие. Все кончено. Царя-Крагена больше нет. Вы больше не Гвардия Царя-Крагена, вы — Гвардия дохлой морской твари!

Баркан Блейсдел беспомощно озирался по сторонам. Несмотря на то, что численность Гвардии в несколько раз

превышала десант Склара Хаста, никто из его подчиненных не проявлял желания сражаться.

Тогда он горько рассмеялся и повернулся, чтобы уйти.

— Постой! — окликнул его Мос Свайн, Арбитр Уведомляющего. — Баркан Блейсдел, вернись! Ты должен предстать перед Советом, который будет судить тебя за то, что ты сделал!

— Я никому не позволю судить себя! — вскричал Блейсдел, пытаясь силой пробиться сквозь толпу.

И в этом была его ошибка. Стоило ему нажать плечом, как люди попытались задержать его. Первый же человек, схвативший его, получил удар кулаком. И это была его вторая ошибка — и последняя, ибо на его удар последовал ответный удар, и не успел он даже крикнуть, как был буквально разорван на куски. Затем разъяренная толпа обернулась к гвардейцам. Те уже успели сообразить, что их ожидает, и рванулись к кораклам, но многие, не добежав, разделили участь своего предводителя. Те же, кто успел отойти от берега, были взяты в оцепление галерами.

— Идите на берег, братья! — закричали с берега. — И тащите сюда этих псов, пусть разделят участь остальных!

— Мы ждали вас! — раздался другой голос. — У вас здесь много друзей, которые соскучились по вам!

А еще один голос воскликнул:

— Сегодня арак будет литься рекой, и зажгутся желтые лампы. Сегодня все будут пить и плясать до упаду! Идите к нам пить и плясать при свете желтых ламп!

Помедлив, Склар Хаст отвечал:

— Мы сойдем на берег, и мы доставим вам пленных гвардейцев. Но вы должны обещать, что кровопролития больше не будет. Пусть судьбу виновных решит общее собрание, и те, кто действительно виновен, понесут наказание в соответствии с нашими старинными обычаями. Если вы не согласны, мы возвращаемся на Новые Плоты.

Мос Свайн ответил с берега за всех:

— Мы согласны! Достаточно крови, мы устали от бесконечной войны.

— Тогда мы идем!

И черные галеры зашли в гавань, и моряки спрыгивали на берег, встречая старых друзей, соратников по гильдии и братьев по касте.

А тело Крагена продолжало плавать в океане. Спустились сумерки, и башня маяка осветилась праздничной ил-

люминацией: от Спокойствия на востоке до Альмака и Сционы на западе летели радостные известия. Сводники с грустью взирали на потемневшие воды океана. Гвардейцы торопливо срывали и прятали форму, которую совсем недавно с такой гордостью носили. Над ними смеялись, порой с издевкой, но никому не причиняли вреда: радость людей была слишком велика, чтобы вспоминать старые обиды.

И перед каждой хижинкой горела желтая лампа, и доставался из кладовых самый старый арак и самые душистые настойки, и старые друзья пили за здоровье друг друга. Ночь напролет под яркими созвездиями люди пировали, веселились и от всего сердца благодарили судьбу за то, что никогда больше, отныне и во веки веков, народ плотов не будет никому служить — ни Царю-Крагену, ни кому-либо другому.

ХОЗЯЕВА ДРАКОНОВ

ГЛАВА 1

Апартаменты Джоза Бенбека, вырезанные глубоко в сердце известкового утеса, состояли из пяти главных комнат, расположенных на пяти различных этажах. На самом верху помещались реликварий и зал совещаний: в первом — темной мрачной комнате — хранились архивы, трофеи и реликвии рода Бенбеков; второй — узкий длинный зал с темными панелями по грудь высотой и с белыми оштукатуренными сводчатыми потолками — протянулся на всю глубину утеса, так что один вход в него был из Долины Бенбека, а второй — из Пути Кергана.

Ниже располагались личные помещения Джоза Бенбека: гостиная и спальня, еще ниже его кабинет и, наконец, на самом дне — мастерская, куда не разрешалось входить никому, кроме хозяина.

Пройти в эти помещения можно было лишь через кабинет — большую Г-образную комнату с разукрашенным сводчатым потолком, с которого свисали четыре богато отделанных канделябра. Сейчас здесь было темно, комната освещалась лишь водянистым серым светом, исходящим от четырех точеных стеклянных пластин, в которых, наподобие камеры-обскуры, помещались виды Долины Бенбека. Стены были покрыты панелями из плетеного тростника, ковер, вытканый кругами и квадратами каштанового, коричневого и черного цветов, покрывал пол.

В центре кабинета стоял обнаженный человек с длинными коричневыми волосами, ниспадавшими на спину, и

золотым ожерельем вокруг шеи. У него были резкие, угловатые черты лица. Казалось, он к чему-то прислушивался, размышляя. Изредка он бросал взгляды на хрустальный шар, стоявший на ближайшей полке, губы его при этом двигались, как будто он старался запомнить какую-то трудную фразу.

В дальнем конце кабинета бесшумно открылась тяжелая дверь, и в комнату заглянула цветущая молодая женщина с озорным выражением лица. Заметив нагого человека, она с трудом удержала возглас удивления. Обнаженный обернулся, но дверь уже захлопнулась.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, погрузившись в размышления, затем медленно двинулся к стене. Открыв полку книжного шкафа, человек просунул туда руку. Шкаф неожиданно отошел в сторону. По спиральной лестнице гость спустился в личную мастерскую Джоза Бенбека. В центре этой комнаты стоял большой стол, заваленный инструментами, металлическими деталями и обломками электронных схем. Очевидно, эти вещи особенно интересовали хозяина помещения.

Обнаженный человек бросил взгляд на стол, взял один из предметов и небрежно осмотрел его, усмехнувшись. Взгляд его при этом оставался чистым и удивленным, как у ребенка. Приглушенные голоса из кабинета достигли мастерской. Человек поднял голову, прислушиваясь, затем отошел от стола.

Он поднял одну из каменных плит пола и скользнул через образовавшееся отверстие в подвал. Установив камень на место, он взял светящийся прут и двинулся по узкому туннелю, который вскоре перешел в естественную пещеру. Через неравные промежутки времени прут испускал слабый поток светящихся частиц, едва нарушавших тьму. Обнаженный человек быстро шел вперед, серебрищиеся волосы плыли за ним, как нимб...

А в кабинете тем временем спорили девушка-менестрель Фейд и престарелый сенешаль.

— Но я же видела его! — настаивала она. — Своими глазами видела Священного, стоящего вот здесь, где и вы. — Она гневно схватила старика за локоть. — Вы думаете, я сошла с ума или впала в истерику?

Вайф, сенешаль, пожал плечами, не соглашаясь ни с тем, ни с другим.

— Что-то я его не вижу. — Он взобрался по лестнице и заглянул в спальню. — Пусто. Где же он? Я все время был на своем посту у входа.

— Ты спал. Когда я подошла к тебе, ты храпел.

— Ты ошибаешься, я всего лишь кашлял.

— С закрытыми глазами и откинутой назад головой?

Вайф еще раз пожал плечами.

— Спал я или не спал, дело от этого не меняется. Если даже он и вошел в кабинет, прокравшись мимо меня, то как же он ушел? Я проснулся, как только ты позвала меня, верно?

— Тогда оставайся на посту, пока я не разыщу Джоза Бенбека.

Фейд побежала по туннелю, который вскоре перешел в Проход Птиц, названный так из-за рядов причудливых птиц из лазури, золота, киновари и малахита, врезанных в мраморные стены. Через аркаду из зеленого и серого нефрита она перешла в Путь Кергана — естественное де-филе, образующее главный вход в Поселок Бенбека. Выбравшись на поверхность, девушка подозвала двух парней, работавших в поле.

— Бегите к конюшне и отыщите Джоза Бенбека! Пошлите его быстрее сюда, мне надо поговорить с ним.

Парни бросили работу и помчались к приземистому цилиндру из черного кирпича, расположенному в миле от поселка — драконьей конюшне. Над тренировочными загонами стояла пыль и блестела чешуя; оттуда же доносился звон оружия. Грумы — хозяева драконов, одетые в черную кожу, занимались своей обычной работой.

Фейд ждала, прислонившись к изгороди. Постепенно девушка начала сомневаться в срочности своего сообщения и даже в его правдоподобности.

— Нет! — яростно прошептала она. — Я же видела его! Видела!

Скен ослепительно ярко сверкал в зените, стояла прекрасная погода. Долину окружали с двух сторон белые утесы Хребта Бенбека, выделявшиеся на фоне темных гор. С полей доносился приятный аромат цветущей вики.

Фейд вздохнула, наполовину убедив себя в том, что ошиблась. Еще раз, менее страстно, уверила себя в обратном.

Никогда раньше не видела она Священных, почему же тогда вообразила, что увидела одного из них сейчас?

Парни добежали до конюшни. Через мгновение оттуда выскочил Джоз Бенбек, оседлал тонконового высокого Паука и двинулся быстрой рысью к Поселку Бенбека.

Неуверенность Фейд росла. Может бить, Джоз рассердится или встретит ее сообщение недоверчивым взглядом? Напряженно ждала она приближающегося всадника.

Прибыв в Долину Бенбека месяц назад, она еще не была уверена в своем положении. Наставники прилежно учили ее в замкнутой маленькой долине на юге, где она родилась, но несоответствие между обучением и реальной действительностью временами ставило ее в тупик. Ее учили, что все люди делятся по своему поведению на строго определенные группы, однако Джоз Бенбек не обнаруживал признаков принадлежности ни к одной из них, и его поведение было непредсказуемо.

Она знала, что он относительно молод, хотя по его внешности было трудно судить о возрасте. У него было бледное строгое лицо, серые глаза, сверкавшие, как кристаллы, и тонкий прямой рот. Двигался он вяло, в голосе его не было страстности, он не претендовал на искусство владения саблей и пистолетом. Казалось, он добровольно отбросил все, что могло вызвать восхищение или преклонение перед ним, но Фейд, вначале считавшая его холодным, постепенно изменила свое мнение. Она решила, что он скучающий и одинокий человек со спокойным юмором, который становился иногда, однако, угрюмым. Обращался он с ней подчеркнуто вежливо, и Фейд, испытав на нем все свои сто два приема кокетства, так и не смогла вызвать ответной искры.

Джоз Бенбек спешил и приказал Пауку вернуться назад. Фейд робко подошла к хозяину, и тот вопросительно взглянул на нее.

— Почему такая спешка? Ты вспомнила девятнадцатый разряд?

Фейд вспыхнула от смущения. Как-то она простодушно рассказала ему о строгостях своего обучения, и сейчас Джоз упомянул об одной из классификаций, которую она забыла.

— Я открыла дверь в твой кабинет, — быстро заговорила Фейд, все более возбуждаясь, — и что же я увидела? Нагого Священного! Он меня не заметил. Я быстро при-

крыла дверь и побежала за Вайфом. Когда мы вернулись вместе, кабинет был пуст!

Джоз удивленно приподнял брови.

— Странно.

Через мгновение он спросил:

— Ты уверена, что он тебя не заметил?

— Да, но когда я вернулась с Вайфом, он исчез! Правда, что они владеют магией?

— Не знаю.

Они вошли в Путь Кергана и через множество вырубленных в скалах туннелей и коридоров прошли в прихожую. Вайф снова дремал за своим столом. Джоз знаком приказал Фейд остановиться и осторожно вошел в свой кабинет. Он внимательно осмотрелся вокруг, ноздри его дрожали от охотничьего азарта. Комната была пуста. Джоз взбежал по лестнице и осмотрел спальню. Никого. Если здесь обошлось без магии, значит, Священный нашел потайной вход. С этой мыслью Джоз спустился в мастерскую и тут ощутил едва различимый кисло-сладкий запах Священного. След? Возможно.

Дюйм за дюймом Джоз осматривал комнату, разглядывая ее под разными углами. И наконец у стены он обнаружил едва заметную щель, очерчивающую прямоугольник в полу.

Джоз кивнул со строгим удовлетворением, встал и вернулся в кабинет, где внимательно обследовал полки. Что интересовало здесь Священного? Книги? Но разве они владеют искусством чтения? «Когда я в следующий раз встречу Священного, я спрошу его об этом, — вяло подумал Джоз, — и он скажет мне правду». Но тут же он понял, что вопрос его будет нелепым. Ведь нагие Священные были варварами.

Он посмотрел на желтый мраморный шар, который считал наиболее ценной из своих вещей — изделием мифического Эдема. Похоже, его не трогали. На соседней полке стояли модели драконов Джоза — ржавокрасная Мегера, Длиннорогий Убийца и его двоюродный брат Шагающий Убийца, Голубой Ужас, Дьявол с невероятно сильным хвостом, оканчивающимся стальным шаром, ужасный Джаггер с отполированным белым, как яйцо, черепом. Рядом стоял предок-производитель всей группы — жемчужно-бледное существо на двух ногах с двумя гибкими конечностями в центре туловища и двумя жаберными щелями у шеи.

Модели были выполнены прекрасно, но чем они могли привлечь внимание Священного? Он безо всяких помех мог изучать оригиналы.

Тогда, может быть, мастерская? Джоз потер подбородок. У него не было иллюзий относительно ценности его работы. Праздная возня, не более. Джоз отбросил догадки в сторону. Вероятно, Священный пришел без всякой научной цели, возможно, посещение было частью продолжающейся разведки. Но почему?

Громкий стук в дверь отвлек его. Джоз открыл.

— Джоз Бенбек, послание от Эрвиса Карколо из Счастливой Долины. Он желает встретиться с тобой и ждет ответа на перевале Хребта Бенбека.

— Хорошо. Я встречусь с ним.

— Здесь или на перевале?

— На перевале, через полчаса.

ГЛАВА 2

В десяти милях от Долины Бенбека, среди обветренных диких скал, утесов, пропастей и каменных плит, усеянных булыжниками, лежит Счастливая Долина. Столь же широкая, как и владения Бенбека, она была вполовину короче, и дно ее, состоявшее из нанесенной ветром почвы, было далеко не таким плодородным.

Вождем Счастливой Долины был Эрвис Карколо, толстый коротконогий человек со свирепым лицом и тяжелым характером с мгновенными переходами от шутки к гневу. Большую часть времени он проводил на драконьей конюшне, где обрушивал на грумов ливень крикливых указаний, упреков и насмешек.

Этот энергичный человек больше всего на свете желал вернуть Счастливой Долине власть, которой она обладала двенадцать поколений назад. В те жестокие времена, до появления драконов, жители его родины отличались смелостью, ловкостью и безжалостностью.

Долина Бенбека, Большая Северная Трещина, Ключовен, Долина Сардо и Фосфорное Ущелье — все признавали власть клана Карколо.

Конец этому положил прилетевший из далекого космоса корабль Базовых, или Графов, как их называли в те времена. Пришельцы взяли в плен и перебили все население.

ние Ключовена, затем напали на жителей Большой Северной Трещины, но преуспели лишь частично. В отместку за неудачу космический корабль подверг бомбардировке остальные поселения. Когда выжившие вернулись в свои опустошенные дома, господство Счастливой Долины превратилось лишь в фикцию.

Поколение спустя, в век Влажного Железа, даже эта фикция рухнула. В решающей битве Госс Карколо был пленен Керганом Бенбеком и вынужден был кастрировать себя собственным ножом.

Пролетели пять лет мира, и вернулись Базовые. Уничтожив население Долины Сардо, огромный черный корабль опустился в Долине Бенбека, но ее обитатели были предупреждены и успели укрыться в горах. Ближе к ночи двадцать три Базовых совершили вылазку под прикрытием своих тщательно обученных воинов. Отряд состоял из нескольких взводов тяжеловооруженных солдат, взвода следопытов и взвода оруженосцев, более всего походивших на жителей Эрлита.

Однако над долиной разразилась солнечная буря, сделавшая беспомощными флайеры корабля, и это позволило Кергану Бенбеку совершить поразительный подвиг, сделавший его имя легендой Эрлита.

Вместо того чтобы спастись со своими людьми в Высоких Утесах, он отобрал шестьдесят воинов и, воодушевляя их насмешками и язвительными замечаниями, напал на противника из засады. Ему удалось сразу же разгромить один из взводов тяжеловооруженных солдат и захватить в плен всех Базовых.

Воины противника растерялись от столь дерзкого нападения. Они опасались пускать в ход свое грозное оружие, чтобы не повредить господам. Когда же они решились на атаку, Керган Бенбек отдал приказ убить первого Базового...

В смятении враги отступили, Бенбек, его люди и пленники скрылись во тьме.

Прошла долгая эрлитская ночь, рассветная буря бушевала на востоке, величественно отступая на запад. Взошел Скен.

Три человека вышли из корабля Базовых — оруженосец и два следопыта. Они взобрались на утесы Хребта Бенбека и потащились на юг к району хаотического смешения теней и света, расколотых скал, камней и обломков, гро-

моздившихся друг на друге. Это было традиционное убежище беженцев — Высокие Утесы. Их сопровождал маленький флайер, нырявший и вертевшийся на ветру, как плохо сбалансированный воздушный змей.

Так начались самые странные переговоры в истории Эрлита. Оруженосец с трудом говорил на человеческом языке, его речевой аппарат был приспособлен к языку Базовых.

— Вы должны освободить двадцать три наших Преподобных. Необходимо, чтобы вы покорно вернули их.

Он говорил спокойно, с вежливой меланхоличностью, не прося и не приказывая.

Керган Бенбек, высокий худощавый человек с прилизанными черными волосами, заплетенными в пять косичек, расхохотался.

— А как насчет убитых людей Эрлита? И как насчет захваченных вами пленных?

Оруженосец, человек с выразительной внешностью и благородной орлиной головой, сделал шаг вперед. Он был лыс, кожа его сверкала, как обожженная, а на месте ушей у него располагались маленькие хрупкие клапаны. Одет он был просто, в темно-синие одежды. С собой он не взял никакого оружия, исключая маленький многоцелевой эжектор.

Уравновешенно и спокойно он ответил на вопросы Бенбека.

— Убитых людей Эрлита уже не воскресить. Те, что находятся на борту корабля, будут перемещены в нижний слой, где необходима свежая посторонняя кровь.

Керган с презрительной медлительностью осмотрел оруженосца. В некоторых отношениях, подумал он, этот уравновешенный и тщеславный, искусственно выращенный человек напоминает Священных с его собственной планеты, особенно чистой Кожей, резко выделенными чертами лица, руками и ногами. Возможно, подействовала телепатия, но до него донесся характерный кисло-сладкий запах.

Повернув голову, Керган увидел в пятидесяти футах от себя стоящего среди скал обнаженного человека с золотым ожерельем и длинными коричневыми волосами. В соответствии с древним этикетом Бенбек посмотрел сквозь него, делая вид, что того не существует.

Оруженосец, бросив на Священного быстрый взгляд, поступил так же.

— Я требую, чтобы вы освободили людей Эрлита,— сказал Керган Бенбек ровным голосом.

Оруженосец с улыбкой покачал головой.

— Их судьба не подлежит обсуждению.— Он с трудом подбирал слова, стараясь говорить понятно.— Их судьба... определена. Установлена. Больше об этом нечего говорить.

Улыбка Бенбека перешла в циничную гримасу. Он молчал.

— Ты должен понять,— продолжал оруженосец,— что существует определенный порядок. Функциям таких, как я, должна соответствовать определенная форма, определенный образ, который искусственно формируется.

Он наклонился и грациозным движением руки подобрал небольшой булыжник.

— Так же как я могу придать этому обломку скалы форму пробки для затыкания отверстий.

Бенбек шагнул вперед, выхватил камень и зашвырнул его далеко в скалы.

— Этим булыжником ты никогда не сможешь заткнуть никакое отверстие.

Оруженосец неодобрительно покачал головой.

— Всегда найдутся другие обломки.

— И всегда найдется еще больше отверстий,— заявил Бенбек.

— Вернемся к делу,— сказал оруженосец.— Я предлагаю придать переговорам правильное направление.

— Что вы дадите нам в обмен на Графов?

Оруженосец тяжело пожал плечами. Мысли у этого человека такие же дикие, варварские и капризные, как и косы его прически.

— Если хочешь, я дам тебе инструкции и советы, так что...

Керган Бенбек резко прервал его.

— Я ставлю три условия.

Во все время их разговора Священный медленно приближался к ним и теперь стоял всего в десяти футах.

— Первое — гарантия от будущих нападений на Эрлит. Пять Графов будут находиться у меня постоянно, как заложники. Второе — главным образом затем, чтобы подтвердить ваши гарантии,— вы предоставите мне космический корабль и обучите меня, как им пользоваться. Третье — освободите всех пленных.

Оруженосец замигал, что-то хрипло и удивленно сказал следопытам. Те посмотрели на Бенбека так, будто он был не только варваром, но и безумцем.

Оруженосец бросил взгляд вверх, на парящий флайер, и, казалось, вновь обрел уверенность. Повернувшись к Бенбеку, он заговорил так, словно предыдущего разговора и не было.

— Я пришел сказать тебе, что двадцать три Преподобных должны быть немедленно освобождены.

Бенбек вновь повторил свои требования.

— Вы должны передать мне свой космический корабль, воздерживаться от нападений на Эрлит и освободить всех пленных. Согласны?

Оруженосец смутился.

— Странное положение, неопределенное и сомнительное.

— Ты понимаешь или нет? — раздраженно рывкнул Бенбек.

Он взглянул на Священного, а затем совершил неслыханный поступок, нарушающий все традиции и правила.

— Священный, как говорить с тем, у кого голова запечатана? Он, похоже, и не слышит меня.

Священный сделал еще один шаг, лицо его оставалось таким же равнодушным. Руководствуясь доктриной, предписывающей равнодушие к делам людей, он мог дать только специфический и ограниченный ответ.

— Он слышит тебя, но между вами нет понимания. Его мыслительная структура, полученная от хозяев, несопоставима с твоей. А как говорить с ним, я не могу тебе сказать.

Бенбек снова посмотрел на оруженосца.

— Ты слышишь, о чем я спрашиваю? Ты понял, на каких условиях я согласен освободить Графов?

— Я слышу тебя ясно, — четко ответил оруженосец. — Твои слова не имеют значения, они абсурдны, парадоксальны. Выслушай меня внимательно. Порядок вещей таков, что ты не должен иметь корабль. Ты должен освободить Преподобных. То же касается и остальных твоих требований.

Бенбек побагровел. Он обернулся к своим людям, но, справившись с гневом, заговорил медленно и четко:

— У меня есть то, что нужно тебе. У тебя есть то, что нужно мне. Давай торговаться.

Двадцать секунд два человека смотрели друг другу в глаза, затем оруженосец, глубоко вздохнув, сказал:

— Я постараюсь объяснить тебе так, чтобы ты понял. Существуют определенности мира. Есть объединения этих определенностей, из которых слагаются необходимость и порядок. Существование — это соотношение всех определенностей, доведенное до нас тем или иным путем. Активность вселенной может быть выражена отношением к таким объединениям. Неправильность, абсурдность — это как человек с половиной мозга, половиной сердца и всех остальных органов. Неправильность не может существовать. То, что ты пленил двадцать три Преподобных, — абсурдность, неправильность. Это — нарушение порядка вселенной.

Бенбек сжал кулаки и вновь обратился к Священному:

— Как остановить эту чепуху? Как заставить его понять меня?

— Он говорит не чепуху, — ответил Священный, — но ты не понимаешь его язык. Ты можешь заставить его понимать себя, только стерев из его мозга все знания и навыки, заменив их тем, что привычно тебе.

Керган Бенбек боролся с чувством раздражения. Если хочешь получить от Священного точный ответ, нужно задать точный вопрос. Тщательно все обдумав, он спросил:

— Что я должен предпринять?

— Освободи всех Графов, — Священный коснулся двойного утолщения на своем золотом ожерелье — ритуальный жест, означавший, что он совершил поступок, который может изменить его будущее, — и он уйдет.

Керган Бенбек в гневе закричал:

— Кому ты служишь? Людям или Графам? Отвечай!

— Клянусь моим тандом, я служу только себе!

Священный повернулся к утесу Маунт Гетрон и медленно пошел прочь; ветер раздувал его длинные волосы. Бенбек следил за ним до тех пор, пока он не скрылся из виду, а затем с холодной решимостью вновь повернулся к оруженосцу.

— Твои слова об определенностях и абсурдности очень интересны. Я чувствую, что мы сможем договориться. Я не освобожу Графов, пока вы не примете мои условия. Если вы попытаетесь напасть на нас, я прикажу разрубить их пополам, проиллюстрировав тем самым твои рассуждения. Это убедит тебя, что абсурдность все же возможна.

Оруженосец с сожалением покачал головой.

— Послушай, я объясню. Некоторые события немислимы, они не соответствуют порядку вселенной.

— Пошел прочь! — загремел Бенбек. — Иначе ты присоединишься к своим хозяевам, и я научу тебя, как немислимое становится мыслимым!

Оруженосец и двое следопытов, что-то лопоча, спустились с Хребта Бенбека в долину. Над ними, как падающий лист, вертелся их флайер.

Через полчаса после их возвращения из корабля выпали все: оруженосцы, следопыты, тяжеловооруженные и оставшиеся восемь Графов — все они кричали, подпрыгивали и метались из стороны в сторону. Иллюминаторы корабля блеснули разноцветными огнями, и оттуда донесся грохот разрушаемых механизмов.

— Они рехнулись! — пробормотал Керган, наблюдая за происходящим. После недолгих колебаний он отдал приказ: — Всем собраться! Мы нападём на них!

Вниз с Великих Утесов скатилась лавина людей Бенбека. В этот момент из корабля выскочили пленники из Долины Сардо и бросились в разные стороны. Раздался взрыв, сопровождаемый яркой вспышкой. Корабль исчез в огне. На его месте образовался огромный кратер, обломки посыпались на атакующих воинов Бенбека.

Бенбека потрясла эта сцена разрушения. Его плечи медленно поникли, он отозвал своих людей и повел их по опустевшей долине. В тылу его отряда, двигаясь единой причудливой линией, податливые и отрешенные от действительности, шли двадцать три Графа, связанные одной веревкой.

Ход событий во вселенной неминуем, происходящее уже не касалось двадцати трех Преподобных. Механизм космоса должен обеспечивать спокойный ход развития. Двадцать три пленника, таким образом, перестали быть Преподобными, они стали с этой минуты уже другими созданиями. Какими? — спрашивали они друг друга печальными и тихими голосами, покорно бредя по Долине Бенбека.

ГЛАВА 3

На протяжении всей истории Эрлита судьба Счастливой Долины и Долины Бенбека менялась в зависимости от хода борьбы между родами Карколо и Бенбека.

Голден Бенбек, дед Джоза, был вынужден освободить Счастливую Долину от дани, когда Аттерн Карколо, этот хитроумный выращиватель драконов, вывел первого Дьявола. В ответ на это были созданы Джаггеры, но противники опасались вступать в открытую борьбу друг с другом.

Проходили годы. Илден Бенбек, сын Голдена, хрупкий нерешительный человек, погиб, упав с непокорного Паука. Поскольку Джоз был еще ребенком, Гроуд Карколо решил попытать счастья в борьбе с Долиной Бенбека. Он потерпел сокрушительное поражение в решающей битве от Генделя Бенбека, двоюродного деда Джоза, Главного Хозяина Драконов Долины Бенбека. Войска Счастливой Долины были загнаны в ущелье, Гроуд Карколо — убит, а юного Эрвиса искалечил Убийца. По различным причинам армии Бенбеков не удалось использовать достигнутого преимущества. Эрвису Карколо, терявшему сознание от большой потери крови, удалось отступить в относительном порядке. Все последующие годы между соседними долинами поддерживался подозрительный мир.

Джоз вырос в мрачного молодого человека, который не вызывал пылкого энтузиазма у своих подчиненных. Но, с другой стороны, он не вызывал и явной неприязни. Они с Эрвисом Карколо взаимно презирали друг друга. При упоминании о кабинете Джоза с его книгами, инструментами, моделями и чертежами, с его сложной наблюдательной системой за Долиной Бенбека (ходили слухи, что это оптическое устройство установили ему Священные), Карколо с отвращением разводил руками.

— Учиться? Тьфу! Что за удовольствие рыться в прошлой блевотине? К чему это приведет? Он должен был родиться Священным, тот же тип кислого слабака, витающего в облаках!

Некий Дае Альвонсо — торговец детьми, менестрель, знахарь и хиромант — передал эти слова Джозу, который лишь пожал плечами.

— Эрвис Карколо постепенно вырождается в одного из своих Джаггеров, — сказал он. — Собственная непробиваемая глупость делает его совершенно неприступным.

Это замечание тем же путем вернулось назад в Счастливую Долину и задело ее предводителя за больное место: втайне он уже давно пытался вывести в своих конюшнях новую породу драконов, таких же мощных, как Джагге-

ры, но со свирепостью и быстротой Голубых Ужасов. Но Эрвис Карколо больше полагался на свою интуицию, чем на советы своего Главного Хозяина Драконов — Баста Гивена.

Яйца проклюнулись, и дюжина дракончиков выжила. Эрвис выращивал их, перемежая задабривания выволочками. Постепенно животные выросли. Надежда Карколо на соединение ярости с неуязвимостью реализовалась в четырех вялых раздражительных созданиях с раздутым торсом, паучьими ногами и ненасытным аппетитом.

— Как можно вывести дракона, только приказав ему: «Существуй!», — с усмешкой говорил Баэт Гивен своим помощникам и тут же советовал им: — Держитесь подальше от этих тварей. Они умеют только жрать и размахивать своими лапами.

Время, усилия и корм, затраченные на бесполезную работу, ослабили армию Карколо. Преуспел он лишь с плодовитыми и неприхотливыми Мегбрами. Длиннорогих и Шагающих Убийц также было достаточно, но тяжелых и более специализированных типов, особенно Джаггеров, явно не хватало. Воспоминания о древней славе Счастливой Долины не давали ему спать по ночам. Долина Бенбека должна быть покорена! Часто представлял он себе церемонию, в результате которой Джоз Бенбек оказывался в роли мальчика на побегушках при драконьей конюшне.

Притязания Эрвиса Карколо усложнялись и несколькими капитальными затруднениями. Население Счастливой Долины удвоилось, но вместо того, чтобы расширять поселок, воздвигать новые башни и копать туннели, Карколо соорудил три новые конюшни для драконов, дюжину барачков и огромную тренировочную площадку. Жителям был предоставлен выбор: или тесниться в зловонных туннелях, или строить жалкие хижинки у подножия утесов. Вся вода и продовольствие шли на корм драконам. Голодное, больное и жалкое население Счастливой Долины не разделяло воодушевления Каркоо, и отсутствие энтузиазма в народе приводило его в ярость.

Во всяком случае, когда бродяга Дае Альвонсо повторил слова Бенбека, Карколо почувствовал жгучую злобу.

— Ба! Что знает этот мальчишка о выращивании драконов?! Сомневаюсь, чтобы он понимал речь собственных драконов.

Он имел в виду секретный жаргон, существующий в каждой армии, при помощи которого приказы и инструкции передавались драконам. Узнать драконью речь противника было мечтой всех хозяев драконов, так как этим достигался определенный контроль над враждебными силами.

— Я — практик и стою двух таких, как он, — продолжал Карколо. — Может ли он планировать, выращивать и учить драконов? Может приучить их к дисциплине, выработать у них ярость? Нет! Он поручил все это хозяевам драконов, а сам валяется на диване, ест сладости и воюет со своими девками-менестрелями в постели. Говорят, что при помощи астрологии он предсказывает возвращение Базовых, ходит, задрав голову, и пялится на небо. Разве такой человек заслуживает власти и благополучия? Я говорю — нет. А я, Эрвис Карколо из Счастливой Долины? Да! И я это еще продемонстрирую!

Дае Альвонсо несколько охладил его пыл.

— Не так это просто. Он более бдителен, чем ты думаешь. Его драконы в отличной форме, и он часто их посещает. А что касается Базовых...

— Не говори мне о Базовых, — бушевал Карколо. — Я не ребенок, чтобы бояться буки!

И снова Дае Альвонсо остановил его.

— Послушай. Я говорю серьезно, и ты можешь извлечь пользу из моих слов. Бенбек говорил со мной в своем кабинете...

— А, знаменитый кабинет!

— Он достал из шкафа хрустальный шар, укрепленный на черной подставке...

— Ага, — заржал Карколо. — Хрустальный шар!

Дае Альвонсо спокойно продолжал, не обращая внимания на эти реплики:

— Я видел этот шар: похоже, он действительно вмещает весь космос. Внутри него движутся звезды и планеты. Бенбек говорит, что он создан древними и попал на Эрлит вместе с первопроходцами. Эта небесная сфера показывает все ближайшие звезды и их взаимное расположение. Он показал маленькое белое пятнышко — наш Скен, а также красную звезду Кэролайн. Это название он откопал в старинных справочниках. Эта зловещая звезда приближается к Эрлиту через неравные промежутки времени, двига-

ясь вместе со звездными течениями в туманности. Эти сближения всегда совпадают с нападениями Базовых. Здесь я выразил изумление, и Джоз изложил мне свою теорию: «В истории Эрлита известны шесть нападений Базовых, или Графов, как их вначале называли. Видимо, когда Кэролайн приближается к нашему звездному скоплению, Базовые рыщут по ближайшим мирам в поисках людей. Последнее нападение произошло во времена Кергана Бенбека. Чем оно закончилось, ты знаешь. Теперь Кэролайн снова приближается». Вот что рассказал мне Джоз Бенбек, и вот что я хотел передать тебе, — закончил Альвонсо.

Несмотря на свое раздражение, Карколо заинтересовался.

— Ты хочешь сказать, что внутри этого маленького шара помещаются все звезды космоса?

— Не могу за это поручиться, — ответил Альвонсо. — Шар установлен на черном ящике, и я подозреваю, что там же расположен механизм, проецирующий и передвигающий световые пятнышки, изображающие звезды. Во всяком случае, это удивительное изобретение, я гордился бы, обладая им. Я предложил Джозу несколько драгоценных предметов в обмен, но он категорически отказался.

Карколо презрительно надул губы.

— Украденные тобой дети! Неужели у тебя нет стыда?

— Не больше, чем у моих заказчиков, — смеясь ответил Дае. — Как мне помнится, мы с тобой не раз заключали выгодные сделки.

Карколо отвернулся, сделав вид, что следит за двумя Мегерами, упражняющимися с кривыми саблями. Два человека стояли у каменной изгороди, за которой с десятков драконов занимались построениями и учебными поединками на копьях, мечах и рукопашную. Чешуя их сверкала, пыль поднималась из-под тяжело топающих лап, острый запах драконьего пота пропитал воздух.

— Хитрец он, этот Джоз, — пробормотал Карколо. — Он знал, что ты расскажешь мне все подробно.

Дае Альвонсо кивнул.

— Точно. Он сказал... Но, может, мне следует быть благоразумным. — Он бросил на Карколо хитрый взгляд из-под нависших белых бровей.

— Говори, — угрюмо сказал Карколо.

— Хорошо. Но помни, я только повторяю слова Джоза Бенбека. «Скажи подслеповатому старому Карколо, что

ему грозит большая опасность. Если Базовые нападут на Эрлит, Счастливая Долина будет разрушена одной из первых. Где спрячутся ее люди? Их погонят в черный корабль и перевезут на холодную новую планету. Если Карколо не совсем лишен сердца, он выроет новые туннели, подготовит скрытые выходы, иначе...»

— Иначе что? — перебил Карколо.

— «...иначе не будет больше ни Счастливой Долины, ни Эрвиса Карколо».

— Ба! Собака лает, ветер носит!

— Возможно, это честное предупреждение. Его дальнейшие слова... Но я боюсь оскорбить твое самолюбие.

— Продолжай!

— Вот его слова... Но я не осмеливаюсь повторить их. В сущности, он считает твои усилия по созданию армии смехотворными. Он считает, что ты значительно глупее его. Он предсказывает...

— Довольно! — взревел Карколо, размахивая кулаками. — Он неплохой сочинитель, но почему ты поддался на его трюки?

Альвонсо покачал головой.

— Я только повторяю, и притом неохотно. Теперь же, когда ты выжал из меня все, дай мне какую-нибудь прибыль. Хочешь купить наркотики, лекарства, яды? У меня есть мазь вечной юности, которую я украл из сундука самого Деми — Главного Священного. Я обучил мальчика и девочку, послушных и красивых, прелестная пара. Они будут заботиться о тебе, дадут тебе спокойствие и хорошее настроение. А может, хочешь купить драконьи яйца?

— Ничего из этого мне не нужно, — проворчал Карколо. — Особенно драконьи яйца, из которых вылупятся ящерицы. А что касается детей, то Счастливая Долина кишит ими. Предложи мне дюжину крепких Джаггеров, и можешь забрать сотню детей по своему выбору.

Дае Альвонсо печально покачал головой и ушел. Карколо прошелся вдоль изгороди, глядя на драконов,

Солнце низко стояло над утесами Маунт Деспойр, вечер был близок. Это самое приятное время эрлитского дня, когда стихает ветер и все становится спокойным. Свет Скена смягчается и становится дымчато-желтым, а сам Скен приобретает бронзовый ореол. Собираются облака приближающейся вечерней бури. Они то поднимаются, то опускаются, то

расходятся, то соединяются и сверкают всеми оттенками золотого, оранжевого и фиолетового цветов.

Скен заходил. Золотое и оранжевое становилось коричневым и пурпурным. Черным занавесом начал падать дождь. В конюшнях люди удваивали осторожность, ибо в эти часы поведение драконов становилось непредсказуемым: то вялым, то сварливым. С окончанием дождя вечер превращался в ночь, по долине проносился холодный ветер. Темное небо начинало сверкать и искриться звездами. Одна из самых ярких звезд мигала то красным, то зеленым, то белым светом.

Карколо задумчиво смотрел на эту звезду. Одна мысль цеплялась за другую, и вскоре в его мозгу сформировалась последовательность действий, которая, казалось, уничтожит клубок неопределенностей, преследовавший его всю жизнь.

Карколо скривил рот в угрюмой ухмылке. Он должен начать переговоры с этим хлыщом — Джозом Бенбеком. Если это неизбежно, то пусть так оно и будет.

Поэтому на следующее утро в Долину Бенбека прибыл вестник, пригласивший Джоза Бенбека на переговоры с Эрвисом Карколо.

ГЛАВА 4

Эрвис Карколо ждал на Хребте Бенбека вместе с Главным Хозяином Драконов Бастом Гивеном и двумя молодыми офицерами. За ними в ряд стояли их верховые животные — четыре блестящих Паука с прижатыми жабрами и изогнутыми под одним углом ногами. Они были новейшей породы, выращенной Карколо, и он чрезвычайно гордился ими. Колючки, окружавшие рогатые морды Пауков, были выкрашены киноварью, грудь каждого из них прикрывал панцирь, покрытый черной эмалью, с острием в центре. На людях были традиционные черные кожаные брюки и длинные накидки, спускавшиеся по плечам.

Четверо ждали терпеливо или спокойно, в соответствии со своими характерами, осматривая тщательно возделанные просторы Долины Бенбека. К югу раскинулись поля с различными злаками. Прямо напротив, вблизи входа в ущелье Клиборн, все еще был виден кратер, образовавшийся при взрыве корабля Базовых. К северу лежали

еще поля, затем драконий комплекс, состоявший из барачков черного кирпича, конюшни и тренировочного поля. За ним лежали Утесы Бенбека, безжизненное пространство, где много веков назад обрушилась скала, образовав мешанину осколков, аналогичную Высоким Утесам над Маунт Гетрон, но меньшую по размерам.

Один из младших офицеров довольно бестактно комментировал процветание Долины Бенбека, подразумевая осуждение Счастливой Долины. Карколо молча слушал минуту или две, а затем повернулся и бросил угрюмый взгляд на говорившего.

— Посмотрите на дамбу, — говорил офицер, указывая направление рукой. — Неплохая идея! Удивительно, почему мы не сделаем того же и продолжаем терять половину воды из-за просачивания в почву.

Карколо хотел что-то сказать, но передумал и с хриплым звуком в горле отвернулся. Баст Гивен подал знак, и офицеры замолчали.

Спустя несколько мгновений Гивен объявил:

— Приближается Джоз Бенбек.

Карколо посмотрел в сторону Пути Кергана.

— Где его сопровождающие? Неужели он один?

— Похоже, что это так.

Несколько минут спустя на перевале появился Джоз на Пауке, одетом в серый и красный бархат. Сам Джоз был одет в свободный плащ из мягкой коричневой ткани поверх серой рубахи и серых же брюк. На голове у него была шляпа из синего фетра. Джоз поднял руку в традиционном приветствии, и Эрвис Карколо ответил тем же. Затем он отослал движением руки Гивена и офицеров за пределы слышимости.

— Ты посылаешь мне сообщение через старого Альвонсо? — угрюмо начал Карколо.

Джоз кивнул:

— Надеюсь, что он точно передал мои слова.

Карколо ощерился по-волчьи:

— Иногда ему приходилось прибегать к парафразам.

— Тактичный старый Дае Альвонсо.

— Мне дали понять, — сказал Карколо, — что ты считаешь меня опрометчивым неумелым человеком, невнимательным к нуждам Счастливой Долины.

Джоз вежливо улыбнулся.

— Послания такого рода лучше передавать через посредников.

Карколо сделал широкий снисходительный жест.

— Очевидно, ты считаешь, что еще одно нападение Базовых неизбежно?

— Да, — подтвердил Джоз, — если моя теория, признающая их домом Кэролайн, верна. В таком случае, как я сказал Альфонсо, Счастливая Долина весьма уязвима.

— А почему не Долина Бенбека? — рявкнул Карколо.

Джоз удивленно посмотрел на него.

— Разве это не очевидно?! Я принял все меры предосторожности. Мои люди живут в основном в туннелях, а не в хижинах. У нас есть несколько скрытых выходов, а в случае необходимости мы можем уйти как в Высокие Утесы, так и в Утесы Бенбека.

— Очень интересно, — Карколо прилагал усилия, чтобы смягчить интонации своей речи. — Если твоя теория верна, а сейчас я не берусь судить об этом, тогда, вероятно, с моей стороны будет мудро принять аналогичные меры. Но я думаю по-другому. Я предпочитаю активность — нападение — пассивной защите.

— Восхитительно! — воскликнул Джоз. — Великие деяния совершаются такими людьми, как ты.

Карколо слегка покраснел.

— Я пришел предложить совместные действия, — сказал он. — Это ново, но тщательно обдумано. Я рассмотрел все возможные варианты на несколько лет.

— Я слушаю тебя с большим интересом, — сказал Джоз.

Карколо важно надул щеки.

— Ты знаешь легенды так же хорошо, как и я, а может, и еще лучше. Наши люди пришли на Эрлит как беженцы во времена Десяти Солнц. По-видимому, Коалиция Ночных Кошмаров нанесла поражение Старому Закону, но чем кончилась война... — Он махнул рукой. — Кто может сказать?

— Есть важное указание, — ответил Джоз. — Базовые снова и снова посещают Эрлит и преследуют нас, как им вздумается. А среди них нет людей, за исключением тех, кто им служит...

— «Людей»? — презрительно повторил Карколо.

— Я считаю их чем-то другим, тем не менее дедукция здесь не помешает, мы не знаем хода истории. Возможно,

Базовые правят скоплением, возможно, они нападают на нас лишь потому, что мы слабы и безоружны. Может, мы последние люди, а может, Старый Закон возвращается. И не забудь, что прошло много лет с последнего появления Базовых на Эрлите.

Карколо сделал нетерпеливый жест рукой.

— Это всего лишь предположение, которое может оказаться верным, а может — и нет. Позволь мне объяснить основу моего предложения. Она проста. Я чувствую, что и Счастливая Долина и Долина Бенбека слишком малы для нас. Мы заслуживаем большего.

— Я хотел бы продолжать наши споры, — сказал Джоз.

— А я хочу предложить способ их преодоления, — заверил Карколо. Он резко посмотрел на Джоза, ударил себя по ноге отделанными золотом ножнами. — Послушай. Священные населяли Эрлит раньше нас. Как давно, никто не может сказать. Это чудо, в сущности, что мы не знаем о Священных почти ничего. Они обменивают металлы и стекло на нашу пищу, живут в глубоких пещерах, их вера — мечтательность, разъединение, одиночество, назвать можно как угодно — совершенно непостижима для меня. — Он смерил Джоза взглядом, но тот лишь потрогал свой длинный подбородок. — Они выдают себя за простых метафизиков, а на самом деле это удивительный народ. Кто-нибудь видел их женщин? Что это за голубые огни, что за светящиеся башни, что такое магия Священных? Что за дикие шествия по ночам, что за странные тени движутся по небу, возможно, к другим планетам?

— Такие легенды существуют, конечно, — согласился Джоз. — Что же касается их истинности...

— Мы подходим к сути моего предложения, — заявил Карколо. — Вера Священных, очевидно, запрещает стыд, сдерживание душевных порывов и страх, несмотря на последствия. Они должны отвечать на любой заданный им вопрос. Тем не менее вера это или не вера, они совершенно затуманивают смысл любой информации, которую усердный человек пытается из них вытянуть.

— Очевидно, ты пытался?

Карколо кивнул:

— Да, зачем мне отрицать? Я настойчиво расспросил трех Священных. Они спокойно ответили на все мои вопросы, но не сказали ничего существенного.

Он раздраженно покачал головой.

— Поэтому я считаю, что мы должны применить насилие,— продолжил он.

— Ты смелый.

Карколо скромно покачал головой.

— Я не имею в виду прямое насилие. Но меры должны быть приняты. Если Счастливая Долина и Долина Бенбека объединятся, мы сможем применить очень сильное средство — голод. Тогда их слова станут более ясными.

Джоз ненадолго задумался, а Карколо теребил ножны.

— Твой план изобретателен, во всяком случае, на первый взгляд,— наконец сказал Джоз.— Какого рода информацию ты надеешься получить? Короче, какова твоя главная цель?

Карколо подошел ближе, ткнул в грудь Джоза указательным пальцем.

— Мы ничего не знаем о других мирах. Мы заключены на этой жалкой планете из камня и ветра, а жизнь проходит мимо. Ты уверен в том, что Базовые правят скоплением. Но, предположим, ты ошибаешься? Предположим, вернулся Старый Закон? Подумай о богатых городах, веселых курортах, дворцах, островах наслаждений! Посмотри на ночное небо и подумай о тех щедрых подарках, что могли бы быть нашими! Ты спросишь, как осуществить эти желания? Этот процесс может быть столь легким, что Священные просто не хотят раскрывать его.

— Ты хочешь сказать...

— Сообщение с человеческими мирами! Избавление от этого одинокого маленького мирка на задворках вселенной!

Джоз с сомнением кивнул.

— Интересное предложение, но жизнь свидетельствует о том, что положение совсем иное, что человечество уничтожено. Человеческой империи больше не существует.

Карколо сжал руки, выказывая изрядную терпимость.

— Возможно, ты прав. Но почему бы нам не расспросить Священных? Конкретно же я предлагаю следующее. Во-первых, мы заключаем соглашение, о чем я уже говорил. Во-вторых, мы требуем свидания с Деми — Главным Священным. Мы задаем свои вопросы. И, если он отвечает конкретно, все будет хорошо. Если же он избегает ответа, мы действуем по соглашению. Для Священных не будет пищи, пока они не ответят нам ясно и откровенно.

— Существуют другие долины и ущелья,— в задумчивости проговорил Джоз.

Карколо сделал резкий жест.

— Мы можем прервать их торговлю убеждением или силой своих драконов!

— Сущность твоей идеи мне ясна, но боюсь, что это не так просто.

— Почему?

— Во-первых, Кэролайн ярко сверкает в небе. Это наша первая забота. Если Кэролайн пройдет и Базовые не нападут, тогда будет время и для твоего предложения. Во-вторых, и это, пожалуй, важнее — я не уверен, что мы сможем голодом заставить Священных подчиниться. Вообще, я считаю это маловероятным. Даже больше — это невозможно.

Карколо мигнул:

— Как это?

— Они ходят обнаженными и в бурю и в снег. Неужели ты думаешь, что они испугаются голода? К тому же можно собирать дикий лишайник. Как мы сможем запретить им это? Ты хочешь применить насилие. Я — нет. Сказки о Священных могут быть лишь суеверием, но могут оказаться и всего лишь упрощением.

Карколо с отвращением выдохнул:

— Джоз Бенбек, хоть я и считаю тебя достойным человеком, но ты являешься коллекцией недостатков.

— Это не недостатки, это пути, которые могут предотвратить уничтожение.

— Ладно, есть у тебя какие-нибудь предложения?

— Если Кэролайн пройдет и мы все еще будем на Эрлите, а не в трюме корабля Базовых, тогда подумаем о секретах Священных. Тем временем я настоятельно рекомендую тебе приготовить Счастливую Долину к новому нападению. Ты истощен новыми конюшнями и бараками. Оставь их, копай туннели и скрытые выходы.

Карколо взглянул на Долину Бенбека.

— Я не люблю оборону. Предпочитаю нападать.

— Ты со своими драконами нападешь на тепловые лучи и новые ружья?

Карколо недовольно взглянул на Джоза.

— Так могу ли я считать нас союзниками в осуществлении предложенного мной плана?

— В основном, конечно. Однако я не хочу объединяться для принуждения Священных голодом и другими методами. Это может оказаться не только тщетным, но и опасным.

Теперь Карколо не мог уже более сдерживать свою неприязнь к Джозу, губы его скривились, руки сжались в кулаки.

— Опасности! Ба! Что за опасность от горстки голых пацифистов?

— Мы не знаем, что они пацифисты. Мы не знаем даже, что они люди.

Карколо снова стал крайне сердечным.

— Может, ты и прав, но мы — союзники?

— В определенной степени.

— Хорошо, я предлагаю в случае нападения, которого ты опасешься, действовать вместе, в соответствии с общей стратегией.

— Это может оказаться эффективным, — кивнул Джоз.

— Давай скоординируем наши действия. Допустим, Базовые обрушиваются на Долину Бенбека. Я предлагаю, чтобы твой народ спасался в Счастливой Долине, а моя армия присоединилась бы к твоей, чтобы прикрыть отступление. Точно так же, если они нападут на Счастливую Долину, мой народ найдет убежище в Долине Бенбека.

— Ты считаешь меня идиотом? — рассмеялся Джоз. — Возвращайся в свою долину, отбрось манию величия и возводи защитные укрепления. И поторопись! Кэролайн уже близко!

— Должен ли я понимать это так, что ты отвергаешь предложенный мной план?

— Вовсе нет! Но я не могу защищать тебя и твоих людей, если ты не желаешь этого делать сам. Выполни мои пожелания, убеди меня в том, что ты удобный союзник, тогда и поговорим.

Карколо резко повернулся и сделал знак Гивену и двум офицерам. Без слов и не глядя на Джоза, он оседлал своего прекрасного Паука и пустил его рысью по хребту. Его люди последовали за ним.

Джоз смотрел на них, печально покачивая головой. Сев на своего собственного Паука, он вернулся в Долину Бенбека.

ГЛАВА 5

Долгий эрлитский день подходил к концу. В Счастливой Долине царил угрюмая активность. Драконы упражнялись в боевом строю, офицеры отдавали приказы охрип-

кими голосами. В арсенале отливали пули, смешивали порох, точили мечи.

Карколо вел себя с драматическим хвастовством, измучивая Паука за Пауком, пока проводил своих драконов через различные упражнения. Главную силу армии Счастливой Долины составляли Мегеры — небольшие подвижные драконы с рыжеватой чешуей, узкими головами и острыми, как сабли, когтями. Их передние лапы были сильны и хорошо развиты, они с одинаковым искусством пользовались копьём и булавой.

Человек, сражавшийся против них, не имел никаких шансов на успех, потому что их чешуя отражала пули так же, как и любой удар, который был в состоянии нанести человек. С другой стороны, единственный взмах когтя Мегеры означал для человека смерть. Мегеры были плодовиты и морозоустойчивы и процветали даже в условиях колючих Счастливой Долины; это объясняло их преобладание в армии Карколо.

Такое положение не нравилось Басту Гивену, Главному Хозяину Драконов, худощавому усталому человеку с плоским горбоносим лицом, черными и пустыми глазами, напоминающими капли чернил на пластике. Обычно немногословный, он очень красноречиво выступил против нападения на Долину Бенбека.

— Послушай, Эрвис Карколо, мы в состоянии развернуть орды Мегер с небольшим количеством Шагающих Убийц и Длиннорогих Убийц. Но подумай о Голубых Ужасах, Дьяволах и Джаггерах Бенбека. Мы погибли, если они накроют нас на открытой местности.

— Я не собираюсь воевать на открытой местности, — сказал Карколо. — Я навязу Бенбеку сражение там, где захочу. Его Джаггеры и Дьяволы бесполезны среди скал, а по количеству Голубых Ужасов мы равны.

— Ты не заметил еще одну трудность.

— Какую же?

— Существует вероятность, что Джоз Бенбек предвидел это, — сказал Гивен. — Я считаю его очень умным.

— То, что я о нем знаю, свидетельствует о его нерешительности и даже трусости. Решено! Мы покончим наконец с надменным Бенбеком!

Гивен повернулся, чтобы уйти, но Карколо раздраженно окликнул его:

— Ты не проявляешь должного энтузиазма к этой кампании?

— Я не знаю возможностей нашей армии, — ответил Гивен. — Если Бенбек такой человек, каким ты его считаешь, то мы можем добиться успеха. Но если ты не прав, то мы погибнем.

Хриплым от гнева голосом Карколо сказал:

— Возвращайся к своим Джаггерам и Дьяволам, они нужны мне быстрыми, как Мегеры.

Баст Гивен ушел. Карколо прыгнул на ближайшего Паука, ударил его пятками. Тот прыгнул вперед, внезапно остановился и изогнул свою длинную шею, взглянув в лицо седока. Карколо закричал:

— Эй! Эй! Вперед! Быстрее! Покажи, что такое быстрота и боевой дух!

Паук прыгнул вперед так стремительно, что Карколо свалился, ушиб шею и остался лежать, испуская стоны. Подбежали конюхи и помогли ему сесть. Карколо сидел и ругался. Врач осмотрел его, перевязал и посоветовал лежать.

Карколо отвезли в его апартаменты у западной стены Счастливой Долины и отдали под присмотр его женам. Он проспал двадцать часов.

Когда он проснулся, день уже наполовину прошел. Он хотел встать, но обнаружил, что еще слишком слаб. Тогда он вызвал Баста Гивена, который явился и без пререканий выслушал все распоряжения.

Наступил вечер, драконы вернулись в бараки. Ничего не оставалось делать, кроме как ждать рассвета.

В течение долгой ночи Карколо с яростью лечился. Он перепробовал все: массаж, горячие ванны, припарки и настои. Когда ночь прошла, Карколо заявил, что полностью здоров.

В предрассветном небе сияла ядовитыми цветами Кэролайн. Карколо не хотел смотреть на звезду, но ее свет бивался ему в глаза, когда он шел по долине. Мерцание на востоке свидетельствовало о приближении утренней бури, все еще не видимой за горизонтом.

Карколо собирался выступить, как только будут готовы драконы. С большой осторожностью их вывели из барачков и построили в маршевые колонны. Тут было почти триста Мегер, восемьдесят пять Шагающих Убийц, сотня

Голубых Ужасов, пятьдесят два приземистых, невероятно сильных Дьявола с хвостами, оканчивающимися стальными шарами, и восемнадцать Джаггеров.

Они рычали, злобно ссорились, не упуская случая лягнуть друг друга или ущипнуть за ногу зазевавшегося конюха. Предрассветные сумерки пробуждали в них дремлющую ненависть к человеку, хотя они и не помнили ничего ни из своего прошлого, ни из тех обстоятельств, при которых оказались в рабстве.

Рассвет продолжался, очерчивая мощные пики гор Малхейра. Наверху проносилась буря с воем ветра и полосами дождя, она двигалась в сторону Долины Бенбека. Восток осветился серо-зеленой зарей, и Карколо дал сигнал выступать.

Все еще чувствуя слабость, он побрел к своему Пауку, взобрался на него и пустил вперед.

Однако Карколо не рассчитал — ночная злоба все еще владела драконом. Он закончил очередной прыжок резким поворотом, снова сбросив Карколо на землю. Тот упал, почти озверев от боли и раздражения. Он попытался встать, упал, снова попытался, но так и не смог. Несколько минут он лежал без сознания, потом поднял себя, казалось, усилием воли.

— Привяжите меня к седлу, — сказал он. — Мы должны выступать.

Никто не тронулся с места. Карколо гневался, но наконец подозвал Баста Гивена.

— Продолжай ты. Мы не можем сейчас останавливаться. Ты поведешь войска.

Гивен угрюмо кивнул. Этой чести он вовсе не желал удостаиваться.

— Ты знаешь план сражения, — продолжал Карколо. — Обогни Клык с севера, пересеки как можно быстрее Сканс, поверни к северу у Голубого Ущелья, затем к югу вдоль Хребта Бенбека. Здесь вас может поджидать Джоз Бенбек. Если он обнаружит вас, вы должны развернуться таким образом, чтобы отразить нападение его Джаггеров нашими Дьяволами. Избегай вовлекать в сражение наших Джаггеров, отгоняй Бенбека Мегерами, а Убийцы пусть будут в резерве и ударят, когда сражение достигнет переломного момента. Ты понял меня?

— Если все пойдет так, то победа обеспечена, — пробормотал Баст Гивен.

— Так и будет, если ты не ошибешься. О, моя спина! Я не могу двигаться. Пока идет великая битва, я вынужден сидеть в конюшне и смотреть, как высиживаются яйца! Теперь иди!

Гивен отдал приказ и войска двинулись. Впереди шли Мегеры, за ними серебристые Шагающие Убийцы, фантастические грудные пики которых заканчивались стальными наконечниками. Далее двигались громоздкие Джаггеры, ревя, завывая и лязгая зубами. Рядом с Джаггерами маршировали Дьяволы, вооруженные тяжелыми булавами; они несли стальные шары, как скорпион несет свое жало. В тылу колонны двигались Голубые Ужасы, массивные и одновременно быстрые, хорошо лазающие по скалам, но менее сообразительные, чем Мегеры. По бокам колонны ехала сотня людей: хозяева драконов, рыцари, офицеры и корнеты. Они были вооружены мечами, пистолетами и длинноствольными мушкетами.

Карколо сидел на носилках, пока его войско не скрылось из виду, а потом приказал везти себя обратно ко входу в пещеры Счастливой Долины. Никогда раньше пещеры не казались ему такими тусклыми и темными. Он смотрел, как карабкаются на утесы хижины, построенные из обломков скал и пластов высушенного лишайника, пропитанного смолой. Когда кампания кончится, он прикажет вырубить новые пещеры и залы в скале. Роскошные укрепления Поселка Бенбека хорошо известны. А Счастливая Долина будет еще богаче. Залы будут отделаны золотом и серебром. Но что же дальше? Если события пойдут так, как он рассчитывал, осуществится его великая мечта.

Со стоном он позволил уложить себя в постель, думая о продвижении своих войск. Сейчас они должны обходить высокий, с милю, Клык. Он нетерпеливо сжимал кулаки. Боль волной прокатывалась по его телу, но, похоже, ушиб болел слабее, чем раньше. А теперь, подумал он, армия преодолевает вал, ограничивающий дикое плоскогорье, известное под названием Сканс.

Врач принес лекарство. Карколо выпил его и уснул.

Внезапно он проснулся. Который час? Его войска, возможно, уже начали бой. Он приказал отнести себя к выходу, а затем к новой драконьей конюшне. Она находилась на возвышенности, откуда открывался вид на всю

долину. Несмотря на протесты своих жен, он остался здесь и устроился поудобнее, насколько позволяли его ушибы.

Он сидел здесь, терпеливо ожидая новостей, которых что-то долго не было.

По северному пути скакал корнет. Карколо послал ему наперерез конюха, а сам, морщась от боли, приподнялся на постели.

— Засада! — тяжело выдохнул корнет. — Кровавое поражение!

— Засада? — простонал Карколо. — Где?

— Когда мы взбирались на скалы Сканса... Они подождали, когда поднимутся наши Мегеры и Убийцы, а потом напали Ужасами, Дьяволами и Джаггерами. Им удалось разделить нас надвое, отбросить назад, а потом они обрушили скалы на наших Джаггеров! Наша армия разбита!

Карколо со стоном опустил на постель.

— Каковы потери?

— Не знаю. Гивен приказал отступать.

Столб пыли появился на севере, но скоро рассеялся, открыв взорам драконов Счастливой Долины. Большинство из них было ранено. Они двигались, хромя, волоча лапы и скуля от боли.

Впереди шла группа Мегер, качая из стороны в сторону уродливыми головами, затем два Голубых Ужаса — их передние конечности болтались, напоминая человеческие руки. За ними шли Джаггеры, вернее, один Джаггер, массивный, похожий на жабу, лапы его были вывихнуты.

Приблизившись к баракам, он с грохотом упал и так и остался лежать, дергая в воздухе когтистыми лапами.

Подъехал Гивен, запыленный и осунувшийся. Он слез с изнемогающего Паука и взобрался по лестнице. Из последних сил Карколо приподнялся на ложе.

Гивен начал докладывать ровным и спокойным голосом, он даже казался беззаботным, но Карколо не был обманут. Он лишь спросил:

— Где именно ждала засада?

— Мы взобрались на вал вблизи ущелья Хлорис. Там, где скала обрывается в пропасть, есть выход порфита. Здесь они нас и ждали.

Карколо свистнул сквозь зубы:

— Удивительно!

Баст Гивен слегка кивнул.

— Допустим, Джоз Бенбек выступил во время утренней бури,— сказал Карколо,— на час раньше, чем я считал возможным. Допустим, что он повел свои войска бегом. Но как он мог добраться до вала раньше, чем мы?

— По моему мнению, засада не могла угрожать нам, пока мы не пересекли Сканс. А затем я хотел организовать постоянное патрулирование.

Карколо согласился.

— Да, но как же Джоз Бенбек привел свои войска на вал так быстро?

Гивен повернулся, окинул взглядом долину, в которую по северному пути все еще брели раненые драконы и люди.

— У меня есть идея.

— Наркотик? — удивился Карколо. — Напиток, усмиряющий драконов? Не провел ли он ночь на Скансе?

— Это вполне возможно,— подтвердил Гивен.

— Под пиком Барч есть пустые пещеры. Если он ближе к вечеру разместил там свои войска, тогда утром ему надо было сделать лишь очень короткий переход до Сканса.

Карколо хмыкнул.

— Возможно, мы недооценили Джоза Бенбека. — Он со стоном опустил на постель. — Каковы наши потери?

Увы, из почти двух десятков Джаггеров остались в живых всего лишь шесть. Из пятидесяти двух Дьяволов выжили только сорок, но пять из них были тяжело ранены. Мегеры, Голубые Ужасы и Убийцы тоже понесли огромные потери.

ГЛАВА 6

Фейд появилась в комнате неожиданно. На ней был традиционный костюм девушек Бенбека — платье из драконьей кожи с полосами коричневого меха на шее, рукавах и коленях. Высокая цилиндрическая шляпа доходила почти до бровей, вершина ее была украшена красным плюмажем.

Джоз притворился, что не подозревает о ее присутствии. Она подошла к нему сзади, пощекотала его шею мехом своего рукава. Джоз сохранял притворное равнодушие. Фейд, почти обманутая, с тревогой заглянула ему в лицо.

— Мы все погибнем? Как идет война?

— Для Долины Бенбека хорошо. Для бедного Эрвиса Карколо и Счастливой Долины — плохо.

— Ты хочешь его уничтожить? Ты убьешь его? Бедный Эрвис Карколо!

— Он не заслуживает ничего другого.

— Но что будет со Счастливой Долиной?

— Изменится к лучшему.

— Ты будешь править ею?

— Нет.

— Подумай! — прошептала Фейд. — Джоз Бенбек, повелитель Долины Бенбека, Счастливой Долины, Фосфорного Ущелья, Глора, Тарна, Ключовена и Большой Северной Трещины. Это звучит!

— Нет, — повторил Джоз. — Может, ты будешь править вместо меня?

— О! Конечно! Как все изменится! Я украшу Священных красными и желтыми лентами. Я прикажу им петь, танцевать и пить вино, драконов я отошлю на юг, в Аркадию, за исключением нескольких самых умных Мегер, которые будут нянчить ребятишек. И больше не будет этих ужасных войн. Я сожгу оружие. Я...

— Мой дорогой маленький мотылек, — со смехом сказал Джоз, — какая недолговечная правительница получилась бы из тебя!

— Почему недолговечная? Если у людей не будет оружия...

— А когда прилетят Базовые, ты встретишь их цветами?

— Фу, они никогда не прилетят! Какая им выгода досаждать нескольким заброшенным долинам?

— Кто знает, какая им выгода? Мы свободные люди, может, последние свободные люди во вселенной. Кто знает? Кэролайн ярко светит в нашем небе.

Фейд внезапно заинтересовалась картой.

— А твоя нынешняя война ужасна! Ты нападешь или будешь только защищаться?

— Это зависит от Эрвиса Карколо. Мне нужно только подождать, чтобы он показал свои истинные намерения. Он достаточно умен, чтобы причинить мне неприятности, если я не буду осторожен.

— А что, если Базовые придут, пока ты воюешь с Карколо?

Джоз улыбнулся.

— Может, мы все убежим в утесы. А может, все будем сражаться.

— Я буду сражаться рядом с тобой, — заявила Фейд. — Мы нападём на космический корабль Базовых, преодолеем их тепловые лучи. Мы ворвемся во все входы и прищемим нос первому же мародеру, который высунется наружу.

— В одном пункте твоя стратегия нуждается в улучшении, — сказал Джоз. — Как ты найдешь у Базового нос?

— В таком случае, мы схватим их... — Она повернула голову, услышав шум. Джоз побежал к выходу. К нему торопился старый Вайф.

— Ты велел вызвать тебя, когда какая-нибудь бутылка перевернется или разобьется. Разбились две, и не более пяти минут тому назад.

Джоз оттолкнул Вайфа и выбежал в коридор.

— Что это значит? — спросила Фейд. — Вайф, чем ты так взволновал его?

Вайф покачал головой.

— Я удивлен так же, как и ты. Он показал мне бутылки и приказал следить за ними день и ночь. Я так и делал. Кроме того, он приказал немедленно известить, если какая-нибудь бутылка упадет или разобьется. Я подумал, неужели Джоз считает меня таким старым, что меня можно занимать такой надуманной работой, как слежка за бутылками. Я стар, мои руки дрожат, но я не выжил из ума. К моему удивлению, бутылки действительно разбились. Объяснение очень простое — они упали на пол. Не знаю, что это значит. Я только повинуюсь приказам.

Фейд слушала его с нетерпением.

— Где эти бутылки?

— В кабинете Джоза.

Фейд побежала так быстро, насколько позволяло тесное платье. Она повернула в поперечный туннель, по мосту вбежала в Путь Кергана и дальше к апартаментам Джоза. В прихожей на полу лежали осколки разбитых бутылок, она вбежала в кабинет и остановилась в изумлении. Здесь никого не было. Заметив, что книжный шкаф стоит не на обычном месте, она осторожно пересекла комнату и заглянула в мастерскую.

Ее глазам предстала довольно странная картина. Джоз стоял в небрежной позе с холодной улыбкой на лице, а Священный тщетно пытался преодолеть решетку, упав-

шую со стены и перекрывшую потайной ход. Наконец Священный повернулся, быстро взглянул на Джоза и двинулся к двери в кабинет.

Фейд, затаив дыхание, отшатнулась.

Священный появился в кабинете и направился к выходу.

— Минутку, — сказал Джоз. — Я хочу поговорить с тобой.

Священный остановился и вопросительно посмотрел на Джоза. Это был молодой человек с прекрасным, но бледным лицом. Кожа на скулах была почти прозрачна, большие глаза красивого голубого цвета, казалось, смотрели в никуда. Он был крупного телосложения, но руки его были тонки и пальцы дрожали от нервного возбуждения. По спине вниз, почти до пояса, свисала грива светло-коричневых волос.

Джоз с нарочитой медлительностью сел, не отводя взгляда от Священного. Он заговорил спокойно, но в его голосе были слышны зловещие нотки.

— Я нахожу твоё поведение не слишком дружелюбным. — Эта фраза не требовала ответа, и Священный молчал. — Садись, пожалуйста, — сказал Джоз и указал на скамью. — Тебе многое придется объяснить.

Было ли это результатом воображения Фейд? Или действительно в глазах Священного сверкнул огонек и тут же погас? Снова он ничего не сказал. Джоз, подчиняясь правилам ведения разговора со Священными, спросил:

— Не хочешь ли сесть?

— Это неважно, — ответил Священный. — Поскольку я сейчас стою, то я и буду стоять.

Джоз встал и совершил беспрецедентный поступок. Он подтолкнул к Священному скамью, ударив его краем скамьи сзади под колени. Священный почти упал на нее.

— Поскольку ты сидишь сейчас, то можешь сидеть и дальше.

Священный вновь встал.

— Я постою.

Джоз пожал плечами.

— Как хочешь. Я хочу задать тебе несколько вопросов. Надеюсь, ты ответишь точно.

Священный мигнул, как сова.

— Ты ответишь?

— Да, но я предпочел бы вернуться тем же путем, которым пришел.

Джоз игнорировал его замечание.

— Прежде всего, зачем ты пришел в мой кабинет?

Священный осторожно заговорил тоном, каким разговаривают с ребенком:

— Твой язык смутен. Я смущен и не могу ответить, поскольку обязан отвечать только правду.

Джоз сел на стул.

— Торопиться незачем. Я готов к долгому разговору. Позволь спросить тебя, есть ли у тебя веские причины, которые заставили тебя прийти в мой кабинет и которые ты мог бы объяснить?

— Да.

— И много этих причин?

— Не знаю.

— Больше, чем одна?

— Может быть.

— Меньше десяти?

— Не знаю...

— Почему ты отвечаешь неопределенно?

— Я не отвечаю неопределенно.

— Тогда почему ты не называешь точное количество причин?

— Его нет.

— Понимаю. Ты хочешь сказать, что есть несколько причин единого мотива, который заставил твой мозг приказать твоим мышцам привести тебя сюда?

— Возможно.

Тонкие губы Джоза растянулись в триумфальной улыбке.

— Можешь ты описать составные части этого единого мотива?

— Да.

— Сделай это.

Это было приказанием, для которого Священный был недоступен. Любая форма насилия, известная Джозу — огонь, меч, жажда, увечье, — была неубедительна для Священного, он игнорировал их как несуществующие. Его внутренний мир был для него единственно реальным миром. Любые действия людей оставили бы его абсолютно пассивным и бесстрастным. Понимая это, Джоз перефразировал свой приказ:

— Можешь ли ты подумать о составных частях мотива, который побудил тебя прийти сюда?

— Да.

— Какие это элементы?

— Желание увидеть.

— А еще?

— Желание поупражняться в ходьбе.

— Понимаю. Уж не желаешь ли ты уклониться от прямых ответов на мои вопросы?

— Я отвечаю на те вопросы, что ты задаешь. Наша вера заключается в том, чтобы давать истинные ответы на вопросы тех, кто ищет знания. Здесь не может быть никаких уклонений.

— Так ты говоришь. Однако ты не дал мне удовлетворительного ответа на то, что меня интересует.

· Ответом Священного было неестественное расширение зрачков.

— Хорошо, — сказал Джоз. — Можешь ли ты подумать о других составляющих того сложного мотива, о котором мы говорим?

— Да.

— Какие они?

— Я интересуюсь древностями и пришел в твой кабинет, чтобы восхищаться остатками древних миров.

— В самом деле? — Джоз поднял брови. — Я счастлив обладать такими удивительными сокровищами. Так какие же из моих древностей заинтересовали тебя больше всего?

— Твои книги, твои карты, твой шар с Миром-Сводом.

— Мир-Свод? Эдем?

— Это одно из его названий.

Джоз покусал губу.

— Значит, ты пришел ко мне в кабинет посмотреть на древности. Ладно, какие еще составляющие у твоего мотива? Священный заколебался.

— Мне было предложено прийти сюда.

— Кем?

— Деми.

— Почему он предложил это?

— Я не уверен.

— Ты догадываешься? ;

— Да.

— Какова же твоя догадка?

Священный сделал слабый жест рукой.

— Деми хочет стать Верхним Человеком и поэтому желает узнать главные принципы вашего существования.

Или же Деми хочет изменить условия торговли. Возможно, он очарован моими описаниями твоих древностей или его интересует твоя оптика. Или...

— Хватит. Какие из этих предположений, а также из тех предположений, которые ты не назвал, ты считаешь наиболее вероятными?

— Ни одно.

Джоз опять удивленно приподнял брови.

— Как это понять?

— Поскольку может быть сформулировано любое количество предположений, то истина становится вероятной, а сама концепция — лишенной значения.

Джоз устало нахмурился.

— Из предположений, которые в данный момент пришли тебе в голову, какое ты считаешь наиболее вероятным?

— Я думаю, что Деми мог считать желательным, чтобы я пришел сюда стоять.

— Что ты приобретешь стоянием?

— Ничего.

— Тогда Деми не прислал бы тебя сюда стоять.

Священный промолчал.

Джоз задал тщательно сформулированный вопрос:

— Как ты считаешь, чего хотел от тебя Деми, посылая сюда стоять?

— Он хотел, чтобы я узнал, как мыслят Верхние Люди.

— И ты узнал, приходя сюда, как я мыслю?

— Я узнал многое.

— Как это поможет вам?

— Не знаю.

— Сколько раз ты приходил ко мне в кабинет?

— Семь раз.

— Почему для этого выбрали тебя?

— Синод одобрил мой танд. Я могу... быть следующим Деми.

Джоз через плечо бросил Фейд:

— Свари чай, — потом снова повернулся к Священному. — Что такое танд?

Священный глубоко вздохнул.

— Танд — выражение моей души.

— Как он выглядит?

Выражение лица Священного было непостижимо.

— Это нельзя описать.

— У меня он есть?

— Нет.

Джоз пожал плечами.

— Значит, ты можешь читать мои мысли?

Молчание.

— Ты можешь читать мои мысли?

— Не очень хорошо.

— Зачем тебе знать мои мысли?

— Мы живем в одном мире. Поскольку нам не позволено действовать, то мы должны знать.

Джоз скептически улыбнулся.

— Чем поможет тебе это знание, если ты не можешь действовать и применить его?

— Ход событий подчинен Разуму. Так, когда наливаєшь воду в сосуд, она принимает его форму.

— Ба! — сказал Джоз с внезапным раздражением. — Ваша доктрина предполагает невмешательство в наши дела, тем не менее вы позволяете Разуму создавать условия, которые влияют на события. Это верно?

— Не думаю. Мы пассивные люди.

— Но Деми должен был иметь какой-то план, когда посылал тебя сюда, это верно?

— Не могу сказать.

Джоз перевел разговор на другую тему.

— Куда ведет туннель под моей мастерской?

— В пещеру.

Фейд поставила рядом с Джозом серебряный горшочек. Он налил себе, отпил. Разговор мог иметь множество вариантов, он и Священный были вовлечены в длительную игру слов и мыслей. Священный привык к терпению и ловким уклонениям, которым Джоз противопоставлял гордость и решительность.

Священный явно был огорчен необходимостью говорить только правду, Джоз, с другой стороны, должен был идти ощупью, как слепой, продвигаясь к цели, невзирая на цену, которой она доставалась.

Хорошо, подумал Джоз, продолжим. Посмотрим, чьи нервы не выдержат первыми.

Он предложил Священному чай, от которого тот отказался кивком головы, таким быстрым, что можно было подумать, что он вздрогнул.

— Если захочешь чего-либо выпить, дай знать. Я так наслаждаюсь нашей беседой, что, боюсь, она продолжится до тех пор, пока не истощит твоё терпение... Может, ты хочешь есть?

— Нет.

— Ну, как хочешь. Вернемся к нашему разговору. Пещера, о которой ты упоминал, населена Священными?

— Я не понимаю твой вопрос.

— Священные используют пещеру?

— Да.

Постепенно, фрагмент за фрагментом, Джоз узнал, что пещера соединяется с рядом других помещений, в которых Священные плавят металл, отливают стекло, едят, спят, совершают свои ритуалы. Одно время оттуда был выход в Долину Бенбека, но уже давно он закрыт. Почему? В звездном скоплении шли войны, группы беженцев искали спасения на Эрлите, населяли его ущелья и долины. Священные предпочли замкнутое существование и закрыли входы в свои пещеры. Где были эти входы? Где-то в северном конце долины. Возле Утесов Бенбека? Возможно. Но торговля между людьми и Священными шла через вход под Маунт Гетрон. Почему? Просто обычай, заявил Священный. К тому же этот вход был доступен со стороны Счастливой Долины и Фосфорного Ущелья. Сколько Священных живет в пещерах? Неизвестно. Одни рождаются, другие умирают. А сколько, примерно, к этому утру? Примерно, пятьсот.

К этому времени Священный вспотел, а Джоз охрип.

— Вернемся к мотиву — вернее, к составным частям его — приведшему тебя в мой кабинет. Связан ли он со звездой Керолайн и возможным новым нападением Базовых, или Графов, как их раньше называли?

Священный снова заколебался.

— Да, — ответил он наконец.

— Помогут ли нам Священные против Базовых, когда те придут?

— Нет.

Ответ был кратким и определенным.

— Но Священные хотели бы прогнать Базовых?

Ответа не последовало.

Джоз перефразировал свой вопрос:

— Хотят ли Священные, чтобы Базовых прогнали с Эрлита?

— Разум требует, чтобы мы стояли в стороне от дел как людей, так и нелюдей.

Джоз покусал губу.

— Допустим, Базовые захватят ваши пещеры, потащат вас на Кэролайн, что тогда?

Казалось, Священный смеется.

— На этот вопрос не может быть ответа.

— Будете ли вы сопротивляться Базовым, если они сделают такую попытку?

— Я не могу ответить на твой вопрос.

Джоз засмеялся.

— Но ответ не отрицательный?

Священный согласился.

— Значит, у вас есть оружие?

Священный опустил глаза. Тайна? Усталость? Джоз повторил свой вопрос.

— Да, — ответил Священный. Ноги его подкосились, но он справился с собой.

— Что за оружие?

— Разное. Метательное — обломки скал. Колющее — заостренные колья. Режущее — кухонные ножи. — Голос его заметно слабел. — Ядовитое — мышьяк, сера, кислота. Огненное — факелы и линзы для фокусирования солнечного света. Удушающее — веревки, петли, шнурки. Есть также бассейны, в которых можно утопить врага...

— Сядь, отдохни, — посоветовал ему Джоз. — Твой перечень весьма интересен, но эффективность этого оружия недостаточна. Есть ли у вас другое оружие, которое на самом деле может отогнать Базовых, если они нападут?

На этот вопрос, благодаря случайности или намеренно, ответ так и не был получен. Священный опустился на колени, медленно, как на молитве. Он упал лицом вниз, потом перевернулся набок. Джоз подскочил, схватил упавшую голову за волосы. Полуоткрытые глаза побелели и закатились.

— Говори! — прохрипел Джоз. — Ответь на мой последний вопрос! Есть ли у вас оружие, способное отогнать Базовых?

— Не знаю.

Джоз нахмурился, взглянул в восковое лицо и отшатнулся в изумлении.

— Он мертв!

Фейд, задремавшая на диване, вскочила с розовым лицом и спутанными волосами.

— Ты убил его! — воскликнула в ужасе.

— Нет, он умер или заставил себя умереть.

Фейд прижалась к Джозу, но тот отстранил ее. Он не обращал на нее внимания, и она вышла из комнаты. Джоз сел, глядя на немое тело.

— Он не уставал, — пробормотал он, — пока я не перешел к тайне.

Он вскочил, вышел в прихожую и велел Вайфу привести цирюльника. Час спустя тело, лишенное волос, лежало на деревянной скамье, прикрытое простыней, а он держал в руках грубый парик, изготовленный из длинных волос.

Цирюльник ушел, слуги унесли тело. Оставшись один в комнате, Джоз напряженно размышлял. Он разделся и стоял обнаженный, как Священный. Затем он натянул на голову парик и посмотрел на себя в зеркало. В чем разница для случайного взгляда? Чего-то не хватало. Да, ожерелья. Джоз надел его на шею, еще раз осмотрел свое отражение в зеркале с некоторым удовлетворением.

Он вошел в мастерскую, немного поколебался, освободил выход, осторожно откинул каменную плиту, заглянул в туннель — там было темно. Джоз просунул туда сосуд с люминесцентной жидкостью. В слабом свете туннель казался пустым. Решительно отбросив страх, Джоз спустился в отверстие.

Туннель был узким и длинным. Джоз осторожно двинулся вперед, нервы его были напряжены до предела. Он часто останавливался и прислушивался, но ничего не слышал, кроме собственного дыхания и стука сердца.

Примерно через сто ярдов туннель перешел в естественную пещеру. Джоз остановился, постоял в нерешительности, всматриваясь в полумрак. Люминесцирующие сосуды, прикрепленные к стенам через неравные промежутки, давали достаточно света, чтобы определить, куда уходит пещера — по-видимому, на север, параллельно долине. Джоз снова двинулся вперед, останавливаясь и прислушиваясь через каждые несколько ярдов. Он знал, что Священные не агрессивны, но они же и очень скрытны. Как они отнесутся к его вторжению? Джоз не был ни в чем уверен и поэтому двигался вперед с большой осторожностью.

Пол пещеры то поднимался, то опускался, стены то расширялись, то сужались. Вскоре он увидел, что она на-

селена — маленькие камеры, высеченные в стене, освещались теми же сосудами с люминесцирующей жидкостью. В двух таких камерах Джоз увидел Священных. Первый спал на тростниковой циновке, второй сидел, скрестив ноги и пристально глядя на конструкцию из изогнутых металлических полос. Он не обратил на Джоза никакого внимания.

Потолок пещеры поднялся, она расширялась, как рог, и внезапно приобрела такие размеры, что на мгновение изумленный Джоз решил, будто вышел в ночь. Потолок не был виден, несмотря на мерцание мириад ламп, огней и светящихся сосудов. Впереди, слева, работали плавильщики металла и кузнецы, дальше изгиб пещеры скрывал их из вида. Джоз мельком увидел многоярусную трубчатую конструкцию, вокруг которой копошилось множество Священных, занятых различными делами. Справа лежала гряда темных тюков, ряд закровов содержал товары неизвестного происхождения. Джоз впервые увидел Священных женщин. Они не были ни нимфами, ни ведьмами из древних легенд. Подобно мужчинам, они выглядели хрупкими и худыми, с заостренными чертами лица и осторожными движениями. Единственной их одеждой были длинные волосы. Не было слышно ни разговоров, ни смеха — везде царила атмосфера спокойствия и сосредоточенности. Каменный пол пещеры был отполирован бесчисленными босыми ногами.

Никто не обращал внимания на Джоза. Он медленно двигался вперед, стараясь держаться в тени, останавливаясь за грядками тюков. Направо пещера резко сужалась, переходя в широкий, извивающийся коридор.

Джоз отыскивал главный поворот большой пещеры. Где находится арсенал, в существовании которого Священный убедил его самым актом своей смерти? Джоз снова обратил внимание налево, на странное многоярусное сооружение, уходящее вверх футов на пятьдесят от каменного пола. Странное сооружение, подумал Джоз. Назначение его он не мог себе представить. Все в этой пещере, такой близкой к Долине Бенбека и такой далекой в то же время, было странным и удивительным. Оружие. Оно могло быть где угодно, но дальше он не осмеливался искать. Без риска быть обнаруженным невозможно было узнать что-либо еще. Он повернул обратно — по тускло освещенному проходу, мимо камер; двое Священных были все в тех же позах — один спал, другой продолжал всматриваться в путаницу

металлических полос. Джоз шел все дальше и дальше. Неужели он забрался так далеко? Где же расщелина, ведущая к его апартаментам? Неужели он уже миновал ее? Джоз почувствовал страх, но продолжал внимательно искать. Наконец-то! Он шел правильно! Расщелина открывалась справа, такая знакомая и долгожданная. Джоз углубился в расщелину широкими и осторожными шагами, держа над головой светящийся сосуд. Внезапно перед ним появилась высокая фигура. Джоз окаменел. Фигура прошла мимо, и Джоз вжался в стену. Сверкнул полый череп. Это был молодой Священный, которого Джоз принял за мертвого. Он повернулся к Джозу, голубые глаза смотрели с упреком и презрением.

— Отдай мое ожерелье.

Плохо повинующимися пальцами Джоз снял с шеи золотое ожерелье. Священный взял его, но не одел. Он посмотрел на волосы, свисавшие с головы Джоза. С глупой улыбкой Джоз снял парик и протянул его... Священный отпрыгнул, как будто Джоз превратился в пещерного гоблина. Держась от Джоза так далеко, как только позволяла ширина туннеля, он миновал его и пошел по направлению к пещере. Джоз уронил парик на пол, повернулся и посмотрел вслед Священному, фигура которого быстро скрылась во мраке. Джоз медленно двинулся дальше по туннелю. Наконец он увидел продолговатое пятно света — проход в его мастерскую. Он пробрался сквозь него, возвращаясь в реальный мир. Изо всех сил толкнул каменную плиту, закрывающую проход.

Одежда Джоза висела там, где он ее оставил. Закутавшись в плащ, он двинулся к двери и выглянул в прихожую, где дремал Вайф. Джоз щелкнул пальцами.

— Позови каменщиков!

Затем Джоз с наслаждением вымылся, снова и снова намыливаясь. Выйдя из ванной, он отвел ожидавших распоряжений каменщиков в мастерскую и велел заложить проход.

Потом он прилег на диван. Потягивая вино, он позволил своему мозгу отдохнуть. Постепенно неясные воспоминания превратились в столь же неясные мечты, а мечты — в сон. Джоз снова брел по туннелю к большой пещере, и Священные в своих каморках поднимали головы и смотрели на него. Наконец он остановился перед входом

в большой пещерный зал и со страхом огляделся. Потом двинулся дальше мимо Священных, работавших над огнями и наковальней. Из реторт летели искры, голубые испарения поднимались от расплавленного металла.

Джоз оказался перед небольшим помещением, вырубленным в скале. Здесь сидел старик, худой, как трость, с белоснежной гривой волос. Он посмотрел на Джоза голубыми глазами и заговорил, но голос его был тихим и неотчетливым. Он заговорил снова, и на этот раз слова громко прозвучали в мозгу Джоза:

— Я привел тебя сюда, чтобы предупредить, что ты причиняешь нам вред без малейшей выгоды для себя. Оружие, которое ты ищешь, не существует. Оставь свои попытки.

Огромным усилием воли Джоз заставил себя заговорить:

— Молодой Священный не отрицал существование оружия.

— Только в узких рамках особого толкования. Юноша мог говорить только буквальную правду. Почему ты удивляешься, что мы держимся обособленно? Для вас — Верхнего Народа — чистота непостижима. Ты думал получить какую-то выгоду, но ничего не достиг, только прокрался, как крыса. Прежде чем ты предпримешь новую попытку, я вынужден унижить себя объяснениями. Заверяю тебя, что так называемое оружие находится абсолютно за пределами твоего понимания.

Вначале стыд, а затем гнев охватили Джоза. Он воскликнул:

— Ты просто не понимаешь всей важности этого! Я не могу действовать иначе. Кэролайн уже близка. Вот-вот появятся Базовые. Разве вы не люди? Почему вы не можете защитить планету?

Деми, а это был он, покачал головой, его белые волосы двигались с гипнотизирующей медленностью.

— Я призываю тебя быть разумным, а значит, и пассивным. Это означает святость и мир. Можешь ты себе представить, какую муку я испытываю, говоря с тобой? Я вмешиваюсь — какая боль для духа! Положим этому конец. Мы приходили в твой кабинет, не причиняя тебе вреда. Ты оплатил нам посещение пещеры, унизив при этом благородного юношу. Будем квиты, пусть больше не будет подсматривания друг за другом. Согласен?

Джоз услышал свой ответ:

— Ты предлагаешь мне соглашение после того, как узнал все мои тайны, а я ваших не знаю.

Лицо Деми задрожало. Джоз прочел на нем презрение и беспокойно зашевелился во сне. Он сделал усилие, чтобы говорить спокойно и разумно.

— Послушай, мы с тобой оба люди, зачем нам спорить? Разделим наши тайны и будем помогать друг другу. Смотри мои архивы и реликвии, когда тебе будет угодно, но позволь мне изучить несуществующее оружие. Клянусь использовать его только против Базовых, для защиты нас обоих.

Глаза Деми сверкнули.

— Нет!

— Почему нет? Ты на самом деле не хочешь нам зла?

— Мы обособлены и бесстрастны. Мы ждем вашего вымирания. Вы, Верхние Люди, последние остатки человечества. Когда вы исчезнете, ваши темные мысли и грязные споры уйдут вместе с вами. Исчезнут боль, злоба, убийства.

— Не верю в это. Может, в скоплении и нет людей, но не во вселенной. Старый Закон простирался далеко, рано или поздно люди вернутся на Эрлит.

Голос Деми стал звучнее.

— Ты думаешь, мы считаем так только на основании веры? Ты сомневаешься в наших знаниях?

— Вселенная велика. Старый Закон простирался далеко.

— Последние люди живут на Эрлите, — сказал Деми. — Верхние Люди и Священные. Вы уйдете, мы останемся. Мы понесем Разум, как знамя, по всем мирам во вселенной.

— Интересно, а как вы будете перемещаться во вселенной для осуществления этой миссии? — лукаво спросил Джоз. — И вы полетите к звездам такими же обнаженными, как ходите здесь?

— Будут средства. Времени еще много.

— Для осуществления ваших целей необходимо много времени. Даже на планетах Кэролайн есть люди. Порабощенные, с видоизмененным телом и мозгом, но люди. Как быть с ними? Мне кажется, вы глубоко заблуждаетесь и руководствуетесь ложной идеей.

Деми молчал. Лицо его застыло.

— Разве это не факты? — спросил Джоз. — Как вы соотносите их со своей верой?

Деми сказал ровным голосом:

— Факты никогда нельзя соотносить с верой. По нашей вере все люди, даже на планетах Кэролайн, исчезнут. Времени много. О миры истины, они ждут нас!

— Ясно, — сказал Джоз, — что вы объединяетесь с Базовыми, что вы желаете нашего уничтожения. Это может изменить наше отношение к вам. Боюсь, что Эрвис Каркало. Он был прав, а я ошибался.

— Мы останемся пассивными, — сказал Деми. Лицо его заколебалось, стало расплывчатым. — Безо всяких эмоций? мы будем следить за уходом Верхних Людей, не помогая им уцелеть, но и не подталкивая к гибели.

Джоз заговорил с гневом:

— Ваша вера, ваш разум, или как вы там его еще называете, обманывает вас. Я заявляю — если вы нам не поможете, вы пострадаете так же, как и мы.

— Мы пассивны, мы не вмешаемся.

— А ваши дети? Ведь Базовые не делают различий между нами. Они погонят вас в трюмы своего корабля, как и нас. Зачем нам защищать вас?

Лицо Деми блекло, покрывалось туманом. Глаза его сверкали, как угли.

— Мы не нуждаемся в защите, — сказал он, — мы в безопасности.

— Вы разделите нашу судьбу! — воскликнул Джоз. — Я обещаю вам это!

Деми уменьшился, с невероятной скоростью Джоз пошел обратно по пещере, затем по туннелю, наверх, в свою мастерскую, в кабинет и дальше, в спальню. Он открыл глаза. Лицо горело, во рту пересохло.

Открылась дверь, появилась голова Вайфа.

— Ты звал меня?

Джоз приподнялся на локте и осмотрел спальню.

— Нет, я не звал.

Вайф исчез. Джоз лег на спину и уставился в потолок. Станный ему привиделся сон. Сон ли? Или порождение его собственной фантазии? А может, обмен мыслями между двумя умами? Невозможно понять. События покажут. Джоз свесил ноги с постели. Сон или явь — не все ли равно.

Он встал, оделся и вышел через зал совета на солнечный балкон.

День перешел за две трети своей продолжительности. У западных утесов легли густые тени. Налево и направо простиралась Долина Бенбека. Никогда еще не казалась она такой процветающей и в то же время нереальной, как бы чуждой этой планете.

Джоз поглядел на север, вдоль большой каменной стены, доходящей до самого Хребта Бенбека. Он тоже казался нереальным — хребет, за которым жили Священные. Джоз смотрел на скалы, представляя себе скрывающуюся под ними большую пещеру.

Джоз посмотрел на тренировочный загон, где Джаггеры, тяжело переваливаясь, упражнялись в защитных построениях. Как удивительна жизнь, породившая Базовых, Священных, Джаггеров и его самого!

Он подумал об Эрвисе Карколо и почувствовал внезапное раздражение. Карколо был помехой, очень нежелательной сейчас. Он не принимает терпимости.

Легкие шаги сзади, прикосновение меха, касание ласковых рук, запах ладана.

Напряжение Джоза ослабло. Если бы девушек-менестрелей не было, нужно было бы их придумать.

Глубоко в пещере, в помещении, освещенном канделябром с двенадцатью сосудами, спокойно сидел беловолосый старик.

На подставке, на уровне глаз, находился его танд — сложная конструкция из золотых прутьев и серебряной проволоки, спутанной и скрученной в очевидном беспорядке.

Очевидность эта, однако, была только кажущейся. Каждый изгиб проволоки символизировал аспект конечной сущности, тень, отбрасываемая конструкцией на стену, представляла Разум, хотя и изменчивый, но всегда тот же.

Для Священных этот предмет был святыней и служил источником размышлений. Не было конца изучению танда — новые умозаключения постоянно рождались из переплетений проволоки. Была разработана сложная номенклатура, каждая часть, изгиб, узел имели свое название, каждый тип переплетения был отнесен к определенной категории.

Таков был культ танда. По достижении определенного возраста Священный созерцал такой танд столько, сколько хотел, затем должен был воспроизвести его, руковод-

ствуясь только памятью. После этого происходило самое значительное в жизни Священного — осмотр его танда синодом старейших.

В абсолютной тишине, много часов подряд, созерцали они его создание, вдумываясь в многообразие пропорций, изгибов, переплетений и узлов. Таким образом определялись свойства молодого Священного, его личные качества, понимание им Конечной Сущности, Разума и Базы.

Иногда танд свидетельствовал о темной испорченной личности, которая оказывалась нетерпимой. Неудачный танд бросали в печь, расплавленный металл выливали в общественную уборную, несчастного же автора изгоняли на поверхность планеты, предоставляя ему возможность жить, как вздумается.

Деми вздохнул, пошевелился и оторвался от созерцания своего прекрасного танда. Где-то в глубине мозга появилась тень сомнения. Может ли быть, спрашивал он себя, что мы отошли от истинного Разума? Все относительно легко в ортодоксальной вере, но нельзя отрицать, что добро, в сути своей, относительно. Абсолютные истины наиболее неопределенны по формулировкам, а относительные — наиболее реальны.

В двадцати милях за горами в бледном свете эрлитского полудня Карколо составлял новые планы.

— Смелостью, резким и глубоким ударом я могу нанести ему поражение! Решительностью, храбростью, выносливостью я превосхожу его! Он больше не обманет меня, не сможет уничтожить моих драконов и убить моих людей! О, Джоз Бенбек, ты дорого заплатишь мне за свой обман! — Он гневно сжал кулаки. — О, Джоз Бенбек, бледная от страха овца! — Карколо рассек воздух кулаком. — Я сокрошу тебя, сотру в пыль, как клочок сухого мха! — Он нахмурился, потер подбородок. — Но каким образом? Где? У него все преимущества!

Карколо принялся оценивать стратегическое положение.

— Он ждет, что я ударю, это несомненно. Несомненно также, что он вновь устроит засаду. Я прикажу разведать каждый дюйм местности, но этого он тоже будет ожидать. Если он спрячется за Маунт Деспойр, поджидая, когда я буду переходить Сканы? Может, я должен идти другим

путем — мимо Маунт Гетрон? И тогда, если он будет медлить в своем продвижении, я встречу его на Хребте Бенбека. Я столкну его на острые камни глубоких расселин!

ГЛАВА 7

Под холодным утренним дождем, освещаемые лишь вспышками молний, Эрвис Карколо с людьми и драконами продвигались вперед. И когда первые лучи солнца коснулись Маунт Деспойр, они уже пересекали дорогу Модлин.

Чем дальше, тем лучше, думал Карколо. Он высоко поднялся на стременах и осмотрел местность. Никаких следов войска Бенбека. Он сидел, поглядывая на дальний край хребта Нортгард, черневший на фоне неба. Прошла минута, две. Люди потирали руки, драконы беспокойно переминались. Нетерпение начало овладевать Карколо, он ерзал в седле и ругался. Разве не может даже простейший план осуществиться без заминки? Но вот блеснул гелиограф от пика Барч и другой — с юга, со склона Маунт Гетрон. Путь свободен! Карколо двинул армию вперед. Вниз по дороге Модлин устремились вначале Длиннорогие Убийцы, покрытые стальной броней, затем Мегеры, пригнувшие на бегу головы, за ними остальные войска.

Перед ними расстилалось ущелье Старброк — спуск, густо усеянный метеоритными кратерами, которые были похожи на распутившиеся среди серо-зеленого мха цветы. Со всех сторон поднимались величественные пики, на их вершинах сверкали белизной в утреннем свете снега.

От всех разведывательных групп поступили одинаковые сообщения — никаких следов войск Бенбека не обнаружено. Карколо призадумался. Возможно, Джоз Бенбек не соизволит вступить в битву.

Эта мысль разозлила его и наполнила сердце великой яростью: если это так, то Джоз дорого заплатит за пренебрежение противником.

На половине спуска они наткнулись на загон, занятый двумя сотнями детенышей Дьяволов. Два старика и мальчик присматривали за загонем. Они с ужасом следили за приближением войск Карколо.

Однако Карколо не тронул загон. Если он победит, то драконы станут частью добычи, а если проиграет, то все равно детеныши Дьяволов не причинят ему вреда.

Старики и мальчик стояли на крыше дерновой хижины, глядя, как проходят мимо войска: мужчины в черных мундирах и драконы — прыгающие, скачущие и переваливающиеся на ходу в соответствии со своей природой. В сверкании чешуи драконов мелькали тусклые краски Мегер, темно-зеленые цвета Джаггеров и Убийц, ядовитое сияние Голубых Ужасов.

Карколо ехал на правом фланге, Баст Гивен — в тылу. Теперь Карколо поехал быстрее, подгоняемый беспокойством, что Джоз мог поднять своих Дьяволов и Джаггеров на Хребет Бенбека и напасть на него с фланга. Однако войска Карколо беспрепятственно достигли Хребта Бенбека. Карколо сорвал с головы шапку, подбросил ее вверх, с торжеством закричал:

— Джоз Бенбек — лентяй! Пусть попробует сунуться сюда! — и окинул Долину Бенбека взглядом завоевателя.

Баст Гивен, казалось, не разделял торжества Карколо и тревожно посматривал на окружающие горы.

Карколо взглянул на него краем глаза и крикнул:

— Эй, что с тобой?

— Может, что-то, а может, ничего, — ответил Гивен. — Похоже, что Джоз Бенбек, как и раньше, поймал нас в ловушку, — продолжил он холодным тоном, который так раздражал Карколо.

— Почему ты так говоришь?

— Рассуди сам. Почему он допустил нас сюда, не оказав сопротивления?

— Чепуха! — пробормотал Карколо. — Лентяй упивается своей последней победой.

Он потер подбородок и тревожно посмотрел вниз, на Долину Бенбека. Отсюда она казалась поразительно спокойной. На полях и в бараках была странная неподвижность. Холодок начал охватывать сердце Карколо, и он закричал:

— Посмотри в конюшни, там ли драконы Бенбека?

Гивен осмотрел долину, а потом взглянул на Карколо.

— В загонах три Мегеры, только что вылупившиеся из яиц. — Он выпрямился, утратив всякий интерес к долине, и принялся осматривать хребты на севере и востоке. — Уверен, что Джоз Бенбек выступил до рассвета, взобрался на хребет, пересек Синий Спуск...

— А как же Синие Ущелья?

— Он мог обогнуть их с севера и прокрасться через Сканс и вокруг пика Барч.

Карколо с удвоенным вниманием осмотрел хребет Нортгард. Что это? Движение, блеск чешуи?

— Отступать! — взревел Карколо. — Держать направление на пик Барч!

Его испуганная армия смешала ряды и ринулась через Хребет Бенбека в мешанину скал к пику Барч.

Карколо лихорадочно соображал. Своих Убийц он считал лучшими войсками и очень ими гордился. Допустим, он бросит их в бой, и хотя стрелки Бенбека смогут быстро уничтожить их, остальные войска успеют скрыться на склонах пика.

Убийцы Бенбека, однако, отказались от сближения и взобрались выше по склону Барча. Карколо послал вперед своих Мегер и Голубых Ужасов; с громким ревом две линии встретились. Мегеры Бенбека под ударами Шагающих Убийц Карколо побежали. Остальные войска Карколо, возбужденные видом бегущего врага, невозможно было сдержать. Они развернулись и обрушились на врага со склонов Барча.

Шагающие Убийцы Карколо догоняли Мегер Бенбека, бросались им на спины и вспарывали незащищенные розовые животы. Но тут Длиннорогие Убийцы Бенбека ударили во фланг Шагающим Убийцам Карколо, пронзая их копьями и окованными сталью рогами. Однако каким-то образом они проглядели Голубых Ужасов Карколо, свалившихся на них. Топорами и булавами они укладывали Убийц с отталкивающим буйным весельем. Голубой Ужас взбирался на свою жертву, хватал ее за рог и вырывал его, раздирая шкуру от головы до хвоста. Так Джоз Бенбек потерял тридцать Мегер и около двадцати Убийц. Тем не менее атака была ему выгодна, так как она задерживала неприятеля и позволяла ввести в бой с хребта Нортгард рыцарей, Дьяволов и Джаггеров, прежде чем Карколо сможет взобраться на Барч.

Армия Карколо косой линией отступала по склону, по-слав тем временем шестерых человек к загону, где детеныши Дьяволов дрожали от страха, глядя на битву. Люди Карколо сломали ворота загона и, убив стариков, погнали детенышей по полю к войскам Бенбека.

Те, повинувшись своим инстинктам, цеплялись за шею первого попавшегося им на пути дракона, тем самым пре-

пятствуя ему двигаться. Инстинкты взрослых драконов не позволяли им сбросить детенышей силой.

Эта хитрость — блестящая импровизация — внесла растерянность в войска Бенбека. Теперь Карколо всеми силами ударил в центр его армии. Двадцать Мегер развернулись веером и напали на людей, Убийцы — единственный род войск, в котором Карколо имел преимущество, — были направлены против Дьяволов противника, в то время как собственные Дьяволы Карколо, размахивая пятидесятифунтовыми стальными шарами на концах своих хвостов, обрушились на Джаггеров.

Началась ревущая свалка. Боевые линии смешались, люди и драконы сталкивались, разрывались на куски. В воздухе раздавался свист пуль, рев, рычание, крики, стоны, вой, вопли... Отважная непринужденность тактики Карколо достигла результатов, не соответствующих численности его войск. Его Дьяволы глубоко врезались в строй дрогнувших и почти беспомощных Джаггеров Бенбека, в то время как Убийцы и Голубые Ужасы Карколо заставили Дьяволов Бенбека медленно пятиться.

Сам Джоз Бенбек, подвергшись нападению Мегер, спас свою жизнь, убежав под защиту отряда Голубых Ужасов. В ярости он отдал приказ отступить, и его армия начала, пятясь, взбираться по склонам, оставив поле битвы, заваленное бьющимися в предсмертных судорогах телами.

Карколо, отбросив всякую сдержанность, поднялся в седле и приказал ввести в дело своих Джаггеров, которых он берег, как собственных детей.

С ревом и грохотом они бросились в бой, захватывая полные пасти мяса, опрокидывая более мелких драконов, заставляя кричать и бить когтями воздух Мегер, Голубых Ужасов и Убийц.

Шесть рыцарей Бенбека пытались задержать атаку, стреляя из своих мушкетов прямо в дьявольские морды, но были опрокинуты и исчезли из виду.

Вниз по склону Старброк опускался шум битвы.

Отдельные схватки становились менее бурными, и преимущество войск Карколо постепенно рассеивалось. Сам Карколо долго колебался. Он и его войска были как в огне, яд неожиданного успеха затмил их разум.

Неужели здесь, на склоне Старброк, они потеряют то, чего добились, и только из-за численного преимущества

войск Бенбека? Осторожность подсказывала Карколо необходимость отступления на Барч — нужно удовлетвориться своей ограниченной победой. Сильный отряд Дьяволов Бенбека уже готовился напасть на его немногочисленных Джаггеров. Подошел Гивен и настоятельно предложил отступить. Но Карколо продолжал ждать, упиваясь уроном, причиненным противнику его шестью Джаггерами.

Лицо Баста Гивена было мрачным.

— Отступать, немедленно отступать! Когда они обрушатся на наши фланги, мы будем уничтожены.

Карколо схватил его за локоть.

— Смотри! Видишь, где собираются их Дьяволы и где разъезжает Джоз? Как только они нападут, пошли с каждой стороны по шесть Шагающих Убийц, пусть они убьют его!

Гивен открыл было рот, собираясь возразить, но взглянул туда, куда указывал Карколо, и, промолчав, отъехал, чтобы отдать приказ.

И вот Дьяволы Бенбека вкрадчиво, но с уверенностью двинулись к Джаггерам Карколо. Джоз, приподнявшись в седле, следил за их продвижением. Внезапно на него напали с двух сторон Шагающие Убийцы. Четверо рыцарей и шесть юных корнетов с криками тревоги окружили его, чтобы защитить. Послышался звон стали о сталь и стали о чешую. Убийцы сражались мечами и булавами. Рыцари, чьи мушкетеры на таком близком расстоянии были бесполезны, отбивались саблями и гибли один за другим. Над Джозом навис поднявшийся на задних лапах Убийца. Джоз с трудом отбил его удар. Убийца вновь поднял меч, но мушкетная пуля с расстояния в пятьдесят ярдов угодила ему в ухо. Обезумев от боли, дракон выронил свое оружие и упал на Джоза, дергая лапами и извиваясь. В этот момент в атаку двинулись Голубые Ужасы Бенбека, и Убийцы Карколо попятились.

Эрвис Карколо в отчаянии застонал. Только на мгновение он смог ощутить вкус победы. Джоз Бенбек, окровавленный и изрядно помятый, все же спас свою жизнь.

На вершине холма появился всадник — невооруженный юноша, бешено настигающий Паука. Гивен указал на него Карколо:

— Вестник из долины.

Парень поскакал вниз по склону к Карколо, крича что-то, но голос его тонул в грохоте битвы. Наконец он подскочил ближе.

— Базовые! Базовые!

У Карколо потемнело в глазах.

— Где?

— Большой черный корабль в половину долины шириной. Я был в степи и поэтому убежал.

— Говори, парень! — крикнул Карколо. — Что они делают?

— Я не видел, я торопился известить тебя.

Карколо взглянул на поле битвы — Дьяволы Бенбека уже почти добрались до его Джаггеров, которые медленно пятились с опущенными головами и оскаленными клыками. В отчаянии он развел руками и сказал Гивену:

— Дай знак к немедленному отступлению.

Размахивая белым платком, он двинулся к тому месту, где все еще лежал на земле Джоз Бенбек — бьющегося в агонии Убийцу только что стащили с его ног. Джоз встал с лицом белым, как платок в руках Карколо. При виде врага глаза его расширились и потемнели, рот скривился от ярости. Карколо выпалил:

— Снова пришли Базовые, они опустились в Счастливой Долине, уничтожили моих людей!

Джоз Бенбек встал на ноги с помощью своих рыцарей. Он стоял покачиваясь — тело еще не повиновалось ему — и молча смотрел в лицо Карколо.

Карколо снова заговорил:

— Мы должны заключить перемирие, эта битва напрасна! Давай всеми силами двинемся к Счастливой Долине и нападём на чудовищ прежде, чем они перебьют всех нас! Подумай только, чего мы могли бы достичь, обладая оружием Базовых!

Джоз продолжал молчать. Прошло еще несколько секунд. Карколо в гневе закричал:

— Говори, чего ты молчишь?!

Охрипшим голосом Джоз ответил:

— Никакого перемирия. Ты пренебрег моим предупреждением, ты хотел разорить Долину Бенбека. Я не проявлю к тебе милосердия.

Карколо разинул рот.

— Но Базовые...

— Возвращайся к своим войскам. Ты мой враг, как и Базовые. Почему я должен выбирать между вами? Готовься к битве за свою жизнь, я не даю перемирия.

Карколо отступил с лицом таким же белым, как и у Джоза в начале их разговора.

— Никогда ты не узнаешь отдыха. Хотя ты и выиграл эту битву на склоне Старброк, ты никогда не узнаешь победы. Я буду преследовать тебя, пока ты не запросишь пощады.— Джоз сделал знак своим рыцарям: — Отгоните прочь этого пса!

Карколо попятился от угрожающих мечей, повернулся и поехал назад. Ход битвы резко изменился. Дьяволы Бенбека преследовали Голубых Ужасов Карколо. Один из Джаггеров уже погиб, другой, глядя на подбирающихся к нему с разных сторон трех Дьяволов, щелкал пастью и размахивал чудовищным мечом. Дьяволы, великолепно уклоняясь, махали стальными шарами и подходили все ближе и ближе. Джаггер ударил, но его меч лишь скользнул по броне Дьявола. Одному из Дьяволов удалось ударить Джаггера по ногам. Тот захромал и, наконец, раскрылся. Дьявол ударил его в брюхо, и у Карколо осталось четыре Джаггера.

— Назад! — закричал он. — Выходите из боя!

Вверх на Барч тащилось его войско, фронт схватки представлял собой ревущую мешанину чешуи, брони и сверкающего металла. К счастью для Карколо, отступающие забрались уже очень высоко, и через десять ужасных минут он смог навести некоторый порядок. Еще два его Джаггера пали. Два оставшихся вскарабкались выше. Хватая обломки скал, они швыряли их вниз, в атакующих, которые после нескольких удачных попаданий прекратили преследование. В любом случае Джоз, услышав новость, не был расположен гнать свои войска дальше.

Карколо, яростно размахивая мечом, повел свои войска вокруг пика Барч и вскоре уже пересекал Сканс. Джоз повернул к Долине Бенбека. Новость о нападении Базовых достигла всех. Люди ехали, мрачно опустив головы и часто оглядываясь. Даже драконы казались встревоженными и о чем-то бормотали друг с другом.

Когда они пересекали Голубой Спуск, ветер, почти никогда не перестававший, стих. Мегеры, подобно людям, начали встревоженно поглядывать на небо. Джоз с удивлением подумал, что они, похоже, чувствуют Базовых.

Он сам осматривал небо, и когда его армия углубилась в ущелье, он успел увидеть высоко над Маунт Гетрон малень-

кий сверкающий прямоугольный предмет, вскоре скрывшийся за утесом.

ГЛАВА 8

Эрвис Карколо и остатки его армии двигались по дикой мешанине ущелий, пропастей и скал Сканса у основания Маунт Деспойр к пустырю на западной стороне Счастливой Долины. Все претензии на воинский порядок были забыты. Карколо ехал впереди, его Паук спотыкался от усталости. За ним в беспорядке двигались Убийцы и Голубые Ужасы, по бокам торопливо шагали Мегеры, затем Дьяволы, пригнувшиеся к земле от усталости, их стальные шары высекали искры, задевая за скалы. Далеко в тылу тяжело брели Джаггеры со своими сопровождающими.

Армия остановилась на краю Счастливой Долины. Карколо спрыгнул со своего Паука и посмотрел вниз.

Он ожидал увидеть корабль, но увиденное оказалось столь неожиданным и огромным, что поразило его. Это был цилиндр, черный и блестящий, как стекло. Он лежал на бобовом поле, недалеко от ветхого Счастливого Поселка. Полированные металлические диски на каждом конце цилиндра сверкали и быстро изменяли свой цвет. В цилиндре было три открытых входа — на концах и в центре. Из центрального входа до земли спускался пандус.

Базовые работали с яростным напряжением. Из поселка тянулась цепочка людей, подгоняемых тяжеловооруженными. Подходя к кораблю, они проходили мимо смотровой аппаратуры, управляемой двумя Базовыми. При помощи многочисленных инструментов Базовые осматривали каждого проходящего мужчину и ребенка и сортировали их по какой-то неведомой системе. После этого пленников либо гнали по пандусу на корабль, либо уводили в ближайшую палатку. Странно, что сколько бы людей туда ни заходило, палатка не переполнялась.

Карколо вытер дрожащими пальцами лоб и усталился себе под ноги. Когда он снова поднял голову, рядом с ним стоял Баст Гивен. И опять, уже вместе, они посмотрели на долину.

Сзади донесся тревожный крик. Оглянувшись, Карколо увидел черный прямоугольный флайер, безмолвно скользнувший от Маунт Гетрон. Размахивая руками, Карколо

побежал за скалы, крича остальным, чтобы все прятались. Драконы и люди бросились в ущелье, флайер был уже над ними. Открылся люк, и оттуда высыпался рой разрывных бомб. Они разорвались с ужасным грохотом, к небу взлетели осколки камней, чешуя и части тел. Все, кто не успел укрыться, погибли. Мегеры, передвигавшиеся стремительно, успели спрятаться, Дьяволы, хотя избитые и окровавленные, все же выжили. Два Джаггера ослепли и потеряли боеспособность до тех пор, пока не вырастят новые глаза.

Флайер сделал новый заход. Несколько человек выстрелили из своих мушкетов. Это был скорее акт отчаяния, но им удалось попасть в флайер и повредить его. Он закачался, перевернулся и рухнул на скалы, мгновенно исчезнув в оранжевом облаке пламени. Карколо испустил радостный крик, подбежал к краю утеса и погрозил кораблю Базовых кулаком. Но радость победы быстро улетучилась, и он снова стал раздраженным и угрюмым. Повернувшись к уцелевшим людям и драконам, которые выбрались из укрытий, он хрипло закричал:

— Что вы скажете? Будем мы сражаться или нет?

Наступило молчание. Наконец Баст Гивен произнес бесцветным голосом:

— Мы беспомощны. Мы ничего не можем противопоставить им. Это будет самоубийством.

Карколо отвернулся, не в силах говорить. Гивен высказал очевидную истину. Их либо убьют, либо утащат на корабль и затем, в мире, слишком странном, чтобы понять его, используют для каких-то мрачных целей. Карколо сжал кулаки и со жгучей ненавистью посмотрел на запад.

— Джоз Бенбек, ты виноват в этом! Я мог бы сражаться, но ты помешал этому!

— Базовые скоро будут и там, — сказал Баст Гивен, — мы ничего не сможем сделать.

— Мы будем сражаться! — взревел Карколо. — Мы бросимся на них изо всех сил! Сотня воинов и четыреста драконов — разве этого мало?!

Гивен старался сохранить спокойствие.

— Сейчас они осматривают наши конюшни.

Карколо взглянул в направлении конюшен и расхохотался.

— Они удивлены! Они поражены! И есть чему!

Гивен согласился.

— Думаю, что вид Дьявола или Голубого Ужаса, не говоря уже о Джаггере, заставит их призадуматься.

Внизу, в долине, Базовые сворачивали свою деятельность. Тяжеловооруженные вернулись на корабль; перед ними выступали два странных человека — футов двенадцати ростом. Они внесли по пандусу на корабль палатку. Карколо и его люди смотрели, вытаращив глаза от удивления.

— Гиганты!

Баст Гивен сухо усмехнулся.

— Базовые смотрят на Джаггеров, мы — на их гигантов.

Наконец все Базовые вернулись на корабль. Пандус был поднят, все отверстия в корабле закрылись. Из башни в носу корабля вылетел луч, который уперся поочередно во все три конюшни, и те взорвались с оглушительным треском, разбросав далеко вокруг черные обломки.

Карколо тихо застонал, но ничего не сказал.

Корабль задрожал и начал медленно подниматься. Люди и драконы бросились в укрытия. Распластавшись за камнями, они следили, как черный корабль поднимается над долиной и движется на запад.

— Они полетели в Долину Бенбека, — сказал Гивен.

Карколо захохотал. Гивен искоса взглянул на него. Неужели Карколо сошел с ума? Он отвернулся. В данный момент это не так уж и важно.

Внезапно Карколо принял решение. Он побрел к одному из Пауков, взобрался на него и повернулся к своим людям.

— Я еду в Долину Бенбека. Он лишил меня всего, я хочу увидеть, как это произойдет и с ним. Я не хочу вам приказывать. Можете пойти со мной, а можете и остаться. Только помните — Джоз Бенбек не дал нам возможности сразиться с Базовыми.

Он поскакал. Люди посмотрели на опустошенную долину, посмотрели вслед Карколо. Черный корабль уже скользил над Маунт Деспойр. Делать в долине было нечего. Люди собрали усталых драконов и двинулись вслед за Карколо.

ГЛАВА 9

Эрвис Карколо на своем Пауке ехал через Сканс. Грандиозные утесы высились со всех сторон, сверкающий Скен проделал половину пути по темному небу. Карколо оста-

вил позади валы Сканса, впереди были пик Барч и хребет Нортгард. Не обращая внимания на усталость Паука, Карколо подгонял его. Серо-зеленый мох летел из-под ног Паука, его узкая голова была низко опущена, а из жабер сочилась пена. Карколо ни о чем не заботился, в его мозгу не осталось ничего, кроме ненависти к Базовым, к Джозу Бенбеку, к Эрлиту, к людям, ко всему на свете.

Приблизившись к Нортгарду, его Паук споткнулся и упал. Он лежал, вытянув шею, раскинув ноги, и стонал. Карколо в гневе оглянулся назад, на склоны Сканса, чтобы проверить, сколько человек последовало за ним.

— Ослабь подпругу. Он скоро оправится.

Карколо услышал укоряющие нотки в голосе Гивена. Он наклонился над упавшим Пауком и расстегнул бронзовую пряжку. Гивен спешил и принялся растирать тонкие лапы Паука.

— Корабль Базовых опускается в Долину Бенбека, — сказал он.

Карколо угрюмо кивнул.

— Я хотел бы посмотреть посадку. — Он пнул Паука. — Вставай, ты достаточно отдохнул. Или ты хочешь, чтобы я пошел пешком?

Паук стонал от усталости, но тем не менее поднялся на ноги. Карколо собрался оседлать его, но Гивен положил руку ему на плечо. Карколо в гневе оглянулся — какая дерзость! Гивен спокойно сказал:

— Затяни подпругу, иначе ты свалишься и поломаешь кости.

Что-то презрительно бормоча про себя, Карколо затянул подпругу. Паук в отчаянии закричал. Не обратив на это внимания, Карколо оседлал его, и Паук двинулся вперед на дрожащих ногах.

Впереди, как нос белого корабля, вырастал Барч. Карколо остановился, осматривая местность, и потянул себя за усы. Гивен тактично молчал. Карколо оглянулся на жалкие остатки своей армии.

По древнему руслу, огибая Маунт Гетрон и пересекая Высокие Утесы, они спустились в Долину Бенбека. Хотя они передвигались медленно, корабль Базовых не намного их опередил, он только начал садиться, диски на его носу и корме ярко сверкали разными цветами.

Карколо устало пробормотал:

— Теперь и у Джоза Бенбека появились проблемы. Ни души не видно. Он увел всех, драконов и людей, в туннели.

Скривив рот, он жеманно произнес, пародируя Джоза:

— «Эрвис Карколо, дорогой друг, есть только один ответ на нападение — копайте туннели!» Я ответил ему: «Разве я Священный, чтобы жить под землей? Копай и рой, Джоз Бенбек, поступай, как хочешь, но я старомодный человек — я иду под землю только тогда, когда умираю».

Гивен пожал плечами. Карколо продолжал:

— Туннели или нет, они все равно выкурят его. Если понадобится, они вскроют всю долину. У них хватает хитростей.

Гивен сардонически ухмыльнулся.

— Джоз Бенбек тоже знает одну-две хитрости, как мы убедились, к сожалению.

— Пусть захватит сегодня две дюжины Базовых, — выпалил Карколо. — Тогда я поверю, что он умный человек.

Он подошел к самому краю утеса и встал в виду у корабля Базовых. Гивен спокойно следил за ним. Карколо сказал:

— Ага! Посмотри туда!

— Нет! — ответил Гивен. — Я слишком уважаю оружие Базовых.

— Тьфу! — сплюнул Карколо, но тем не менее немного отошел от края.

Он несколько минут смотрел на долину, затем раздраженно махнул рукой.

— Джоз Бенбек не придет сюда ко мне, с этим я ничего не могу поделать. Если я не спущусь в долину, не отыщу его и не убью, то он спасется.

— Или Базовые захватят вас обоих и погонят в один и тот же загон, — сказал Гивен.

— Тьфу! — опять сплюнул Карколо и еще дальше отодвинулся от края.

ГЛАВА 10

Оптическая система, которая позволяла Джозу Бенбеку видеть свою долину во всю длину и ширину, была впервые использована для практических целей. Он разработал эту систему, рассматривая старые линзы, но не справился с изготовлением. Затем, однажды, торгуя со Священными

в пещере под Маунт Гетрон, он предложил, чтобы они установили такую систему.

Слепой старый Священный, ведший торговлю, дал двусмысленный ответ — возможность такого проекта при определенных обстоятельствах заслуживает обсуждения. Прошло три месяца, Джоз почти забыл о своей затее. Затем Священный в торговой пещере поинтересовался, по-прежнему ли Джоз планирует установить систему обзора, если так, то ему могут немедленно доставить оптику.

Джоз согласился с предложенной ценой и вернулся в Долину Бенбека с четырьмя тяжелыми корзинами. Он приказал прорыть необходимые туннели, установил линзы и обнаружил, что может рассматривать все уголки долины.

Теперь, когда корабль Базовых затмил небо, Джоз стоял в своем кабинете, следя за спуском огромного корабля.

Резко откинув в стороны портьеры, в кабинет вошла Фейд. Лицо ее было бледно, глаза сверкали. Дрожащим голосом она сказала:

— Корабль принес смерть. Он пришел за нашими душами.

Джоз взглянул на нее и снова повернулся к экрану. Корабль был хорошо виден.

Фейд подбежала, схватила Джоза за руку, повернула его, чтобы заглянуть в лицо.

— Попытаемся бежать в горы, не позволяй им схватить нас так быстро!

— Никто не держит тебя, — равнодушно заметил Джоз. — Беги, куда хочешь.

Фейд, не понимая, посмотрела на него, потом повернула голову к экрану. Огромный черный корабль спускался со зловещей неторопливостью, диски на его концах сверкали, как жемчуг. Она снова посмотрела на Джоза и облизнула губы.

— Ты не боишься?

Джоз улыбнулся.

— Что хорошего в бегстве? Их следопыты быстрее Убийц, яростнее Мегер. Они учуют человека за милю и вытащат нас из любого укрытия.

Фейд задрожала от суеверного ужаса и прошептала:

— Пусть они возьмут меня мертвой, я не хочу попасть к ним живой...

Джоз неожиданно выругался.

- Смотри, где они садятся! На нашем лучшем поле вики!
- Какая разница?
- Разница? Мы что, должны из-за них перестать есть?

Фейд удивленно, не понимая, взглянула в его лицо. Затем она медленно опустилась на колени и начала выполнять ритуальные действия теургического культа — опустила руки ладонями вниз по обе стороны тела, а потом стала медленно поднимать их, пока они не коснулись ушей, одновременно она высунула язык. Снова и снова она повторяла эти жесты, глядя остановившимся взглядом в пространство.

Джоз не обращал внимания на ее жестикуляцию, пока Фейд, чье лицо застыло в фантастической маске, не начала негромко хныкать. Тогда он обернулся и швырнул в нее свою куртку.

- Прекрати эти глупости!

Фейд со стоном упала на пол. Губы Джоза скривились в раздражении. Он рывком поставил ее на ноги.

— Смотри, эти Базовые не дьяволы и не ангелы смерти, они всего лишь бледные Мегеры, базовая основа наших драконов. А теперь прекрати это идиотство, или я велю Вайфу унести тебя отсюда.

— Но почему ты не готовишься? Ты только смотришь и ничего не делаешь.

- Пока я не могу ничего сделать.

Фейд глубоко, с дрожью, вздохнула и тупо посмотрела на экран.

- Мы будем сражаться с ними?

- Конечно.

— Как ты можешь надеяться одолеть такую чудовищную силу?

— Мы сделаем, что сможем. Они еще не встречались с нашими драконами.

Корабль приземлился в пурпур и зелень поля цветущей вики, вблизи входа в ущелье Клиборн. Скользнули в сторону крышки люков, выдвинулся пандус.

- Смотри,— сказал Джоз.— Сейчас мы их увидим.

Фейд уставилась на странные бледные фигуры, осторожно спускавшиеся по пандусу.

- Они кажутся странными и какими-то сторбленными...

— Это Базовые. Из их яиц выводятся драконы. Они точно так же поступают с людьми. Смотри. Вот их тяжеловооруженные.

Вниз по пандусу, по четыре в ряд, шагая в ногу, спустились тяжеловооруженные и остановились в пятидесяти ярдах перед кораблем. Их было три отряда по двадцать — низкие люди с массивными плечами, толстыми шеями, непроницаемыми застывшими лицами. На них были доспехи из черного с синевой металла, с широкого пояса у каждого свисали пистолет и меч. На шлемах у них был крест из острых копий, сапоги были снабжены ножами.

Теперь на пандус вступило несколько Базовых. Их верховые животные лишь отдаленно напоминали людей, они двигались на четвереньках, и их спины высоко поднимались над землей. Головы у них были длинные и безволосые. Базовые управляли ими небрежными прикосновениями арапника. Оказавшись на земле, Базовые пустили своих верховых животных вскачь по полю вики. Тем временем отряд тяжеловооруженных выкатил по пандусу трехколесный механизм. Его сложной формы рыло направили в сторону поселка.

— Они никогда не готовились так тщательно, — пробормотал Джоз. — Вот и следопыты, — он считал, — неужели всего две дюжины? Вероятно, их трудно выращивать. У людей поколения сменяются медленно, а драконы откладывают яйца ежегодно.

Следопыты разошлись по сторонам и стояли свободными группами. Это были высокие существа, семи футов ростом, с выпуклыми черными глазами, клювастым носом, маленьким ртом, сложенным как бы для поцелуя. С узких плеч, как веревки, свисали длинные руки. Ожидая, они разминались и посматривали на долину. Недалеко от них стояли оруженосцы — люди неизменно одетые в длинные свободные халаты и зеленые и желтые шляпы. Они привезли еще две трехколесные машины и немедленно начали их устанавливать и опробовать.

Вся группа неожиданно замерла в напряжении. Тяжеловооруженные вышли вперед тяжелой походкой, положили руки на пистолеты и мечи.

— Они ждут, — сказал Джоз.

Фейд издала отчаянный стон, встала на колени и снова начала выполнять теургические жесты. Джоз в гневе прика-

зал ей уйти из кабинета, потом подошел к панели прямой связи, конструкцию которой он разработал сам. Он поговорил с тремя абонентами, убедился, что его охрана бдительна, а затем вернулся к экрану.

По полю вики двигались тяжеловооруженные с жесткими напряженными лицами. На флангах их строя оруженосцы катили трехколесные механизмы, а следопыты остались около корабля. В арьергарде двигалась дюжина Базовых, неся на спинах луковичеобразное оружие.

В ста ярдах от входа в Путь Кергана, за пределами досягаемости мушкетов Бенбека, захватчики остановились. Тяжеловооруженный подбежал к одной из тележек оруженосцев, нажал на нее плечом и установил ровнее. Теперь можно было разглядеть весь механизм, из которого выступали два черных шара. Он заскользил к поселку, как огромная крыса, а из черных шаров струились волны воздействующего на нервную систему людей излучения, которое должно было обезоружить их.

Зазвучали выстрелы, облака дыма поднялись над укрытиями в скалах. Пули ударялись о землю рядом с тяжеловооруженными, отскакивали от их доспехов. С корабля в скалы ударил тепловой луч. В своем кабинете Джоз улыбнулся. Облака дыма были маскировкой, настоящие выстрелы производились из других мест.

Тяжеловооруженный, увертываясь и подпрыгивая, избегая дождя пуль, бежал ко входу, над которым притаились два человека. Пораженные излучением, они шатались. Тем не менее они обрушили большой камень, который ударил тяжеловооруженного и сбил его с ног. Некоторое время он дергал руками и ногами, переворачивался, затем, поднявшись на ноги, шатаясь побежал обратно в долину, упал снова и так и остался лежать, содрогаясь в агонии.

Армия Базовых ждала, не проявляя видимого волнения.

Наступило затишье. А затем от корабля долетели невидимые волны и побежали по поверхности утеса. Там, где они касались скалы, летели обломки. Человек, лежавший в укрытии, вскочил, запрыгал, задержался и ринулся в двухсотфутовую пропасть, навстречу смерти. Задев одно из смотровых отверстий, волны проникли и в кабинет Джо-за. Его голова зазвенела от боли.

Тем временем оруженосцы настраивали свое оружие. Вначале раздался приглушенный взрыв, затем по воздуху

понесся оглушительно воющий серый шар. Неточно наведенный, он ударил в портал у входа и исчез в большом облаке бело-желтого газа. Механизм выпустил еще один шар, направив его на этот раз точно в Путь Кергана, но там никого не было, и бомба не причинила ощутимого вреда.

Джоз угрюмо ждал в своем кабинете. До сих пор Базовые делали пробные, почти игривые шаги. Очевидно, теперь последуют более серьезные действия. Ветер развеял газ, ситуация оставалась прежней. Потери — один тяжеловооруженный и один человек Бенбека.

Затем корабль нанес удар красным пламенем. Скалы у портала задрожали, во все стороны полетели осколки, и тяжеловооруженные двинулись вперед.

Джоз начал отдавать приказания по телефонам. Он призывал своих командиров к осторожности — если штурм не удастся, они должны подготовиться к отражению газовых атак.

Но тяжеловооруженные ворвались в Путь Кергана. Джоз отдал короткий приказ, и из туннелей и переходов хлынули его драконы — Голубые Ужасы, Дьяволы, Мегеры.

Приземистые тяжеловооруженные застыли с отвисшими челюстями. Они не ожидали встретить таких противников. Путь Кергана гремел от их криков. В начале схватки они попятились, но потом с отчаянной храбростью принялись сражаться. Битва перемещалась по Пути Кергана то вверх, то вниз. Скоро стали прослеживаться определенные закономерности. В узких проходах ни пистолеты тяжеловооруженных, ни закованные в сталь хвосты Дьяволов нельзя было использовать эффективно. Мечи были бесполезны против чешуи драконов, но щипцы Голубых Ужасов, кинжалы Мегер, топоры, когти и клыки Дьяволов делали свою кровавую работу. Один тяжеловооруженный и одна Мегера были приблизительно равны по силам, хотя тяжеловооруженный, хватая дракона могучими руками, выкручивая и ломая его передние конечности, побеждал чаще. Но если две или три Мегеры соединяли свои усилия, то он погибал. Пока тяжеловооруженный оборонялся от одной, другая подсекала ему ноги и разрывала горло.

Итак, тяжеловооруженные отступили в долину, оставив в Пути Кергана около двадцати своих мертвых товарищей. Люди Бенбека снова открыли огонь, но опять с минимальным успехом.

Джоз наблюдал из кабинета, гадая, что же предпримут Базовые дальше. Ждать пришлось недолго. Тяжеловооруженные перегруппировались и остановились, тяжело дыша, в то время как Базовые сновали взад и вперед, собирая информацию и отдавая приказы.

От черного корабля пронесся порыв энергии, ударил в утес над Путем Кергана, и стены кабинета задрожали. Джоз попятился от экрана. Что, если луч ударил в одну из линз-коллекторов? Не направлен ли удар энергии прямо в него? Он покинул свой кабинет, задрожавший от нового взрыва, побежал по коридору, спустился по лестнице и вбежал в одну из центральных галерей, где уже царила суматоха. Женщины с бледными лицами и дети, отступая глубже в горы, проходили мимо драконов и мужчин в военном снаряжении, выходящих из новых туннелей. Джоз с удовольствием убедился, что в суматохе нет ничего от паники, а потом присоединился к воинам в туннеле, ведущем на север.

Когда-то давно целый район пика в начале долины раскололся, создав непроходимые джунгли из обломков, камней и булыжников, названных Утесами Бенбека. Здесь был вход в новый туннель, сюда Джоз шел со своими воинами. В долине за ними гремели взрывы — черный корабль начал опустошать Долину Бенбека.

Джоз, укрывшись за камнем, с яростью следил, как от скал начали отлетать огромные обломки. Потом в его взгляде появилось изумление — на помощь войскам Базовых пришло необыкновенное подкрепление. Он увидел восьмерых гигантов, вдвое выше обычного человека, чудовищ, с грудью, подобной бочке, с узловатыми руками, с бледными глазами и копной рыжевато-коричневых волос. На них были коричневые и красные доспехи с черными эполетами, они были вооружены мечами и бластерами.

Джоз задумался. Появление гигантов не давало оснований для изменения его основной стратегии, которая, в целом, была смутной и интуитивной. Он готов был нести потери и надеялся лишь на то, что потери у Базовых будут больше. Но разве беспокоит их жизнь солдат? Меньше, чем его самого беспокоит жизнь драконов. И если они опустошат долину, разрушат поселок, то как он может причинить им равный ущерб? Он посмотрел через плечо на высокие белые утесы, размышляя, точно ли он определил

положение пещеры Священных. Теперь он должен действовать, время настало. Он сделал знак маленькому мальчику, одному из своих собственных сыновей, который сделал глубокий вдох, вынырнул из скального убежища и побежал, беспорядочно лавируя, по дну долины. Еще через мгновение выскочила мать, подхватила его и унесла обратно в утесы.

— Хорошо сделано, — сказал им Джоз. — Даже очень хорошо.

Он вновь осторожно выглянул из-за скалы. Базовые напряженно смотрели в его направлении.

Долгое мгновение Джоз трепетал от неопределенности — казалось, они игнорировали его игру. Базовые посовещались, наконец приняли решение, натянули кожаные поводья своих верховых людей-лошадей. Те встали на дыбы и поскакали к северному концу долины.

За ними пошли следопыты, а затем гремящей неуклюжей походкой двинулись тяжеловооруженные. Оруженосцы катили свои механизмы, и в самом тылу громоздко вышагивали восемь гигантов. По полям вики и бобов, через виноградники, посадки масляничных скакали всадники, топча все это с мрачным удовлетворением. Базовые благо-разумно остановились перед Утесами Бенбека, в то время как следопыты побежали вперед, как собаки, взобрались на первые камни, поворачиваясь, чтобы уловить запах, вглядываясь, вслушиваясь и бормоча что-то друг другу. Тяжеловооруженные двигались осторожно, и их близкое присутствие подбадривало следопытов. Отбросив осторожность, они ринулись в сердце утесов, испустив вопль ужаса, когда на них обрушилась дюжина Голубых Ужасов. Следопыты схватились за лучевые ружья, в суматохе уничтожая и врагов и своих. Голубые Ужасы в ярости рвали их на части. Взывая о помощи, пятясь и отбиваясь, следопыты, еще способные двигаться, убегали стремительнее, чем ворвались в утесы. Только половина из двадцати четырех достигла долины, но когда они уже были там, когда испустили крик радости, по ним ударили десять Длиннорогих Убийц, и выжившие следопыты были опрокинуты, разорваны, проткнуты рогами.

Тяжеловооруженные с хриплыми гневными криками ринулись вперед, стреляя из пистолетов, размахивая мечами, но Убийцы уже отступали в укрытие за скалами.

В утесах люди Бенбека подобрали лучевые ружья, брошенные следопытами, и осторожно выдвинулись вперед, желая поразить Базовых их же оружием. Но незнакомые с новым оружием, они не сумели сфокусировать лучи, и Базовые, всего лишь испуганные, торопливо погнали своих «лошадей» за пределы досягаемости лучей. Тяжеловооруженные остановились в ста футах от утесов, бросили туда множество разрывных снарядов, которые убили двух человек и заставили остальных отступить.

В благоразумном удалении Базовые оценили ситуацию. К ним приблизились оруженосцы и, ожидая приказаний, тихо переговаривались. Одного из оруженосцев вызвали и что-то приказали. Он снял свое оружие и, подняв над головой пустые руки, двинулся к утесам. Найдя щель между двумя десятифутовыми обломками, он протиснулся в нее.

Рыцарь Бенбека отвел его к Джозу. Здесь случайно оказались и полдюжины Мегер. Оруженосец неуверенно остановился, осмотрел всех и направился к Мегерам. Низко поклонившись, он заговорил. Мегеры слушали его без интереса, потом один из рыцарей указал ему на Джоза.

— Драконы не правят Эрлитом, — сухо сказал Джоз. — Что ты должен передать?

Оруженосец с сомнением посмотрел на Мегер, затем мрачно на Джоза.

— У тебя есть власть решать? — Он говорил медленно, сухим бесцветным голосом, подбирая слова с заметным напряжением.

Джоз коротко повторил:

— Что ты должен передать?

— Я принес от своих хозяев объединение.

— Объединение? Я тебя не понимаю.

— Объединение мгновенных векторов назначения. Интерпретация будущего. Они передают тебе следующее: «Не трать напрасно жизни, и наши и ваши. Ты ценен для нас и с тобой будут обращаться в соответствии с твоей ценностью. Сдайся! Прекрати напрасное разрушение предприятия».

Джоз нахмурился.

— Разрушение предприятия?

— Это означает твои гены. Послание окончено. Я советую тебе согласиться. Зачем тратить свою кровь, зачем уничтожать себя? Пойдем со мной, все будет к лучшему.

Джоз резко засмеялся.

— Ты раб. Как ты можешь судить, что для нас лучше? Оруженосец замигал.

— А какой у тебя выбор? Все остальные следы неорганизованной жизни вычеркнуты. Путь уступчивости — лучший. — Он с почтением склонил голову в сторону Мегер. — Если сомневаешься, посоветуйся со своими Преподобными, они тебе дадут тот же совет.

— Здесь нет Преподобных. Драконы сражаются за нас. Они нам товарищи — воины. Но у меня есть другое предложение. Почему бы тебе и твоим товарищам не присоединиться к нам? Вы сбросите свое рабство, станете свободными людьми! Мы захватим корабль и отправимся на поиски старых миров людей.

Оруженосец не проявил к его словам никакого интереса.

— Миры людей? Но их нет. Несколько остатков, таких, как ваш, сохраняются в изолированных отдаленных районах. Все они будут вычеркнуты. Разве ты не предпочитаешь служить порядку?

— А ты не предпочитаешь быть свободным человеком? На лице оруженосца отразилось недоумение.

— Ты не понимаешь меня. Если ты выберешь...

— Слушай внимательно. Ты и твои товарищи можете стать сами себе хозяевами, живя среди людей.

Оруженосец нахмурился.

— Кто захочет быть дикарем? Кто покажет нам Закон, кто будет давать нам приказания, кто будет контролировать нас?

Джоз в раздражении развел руками, но сделал последнюю попытку.

— Я буду делать все это, я беру на себя всю ответственность. Возвращайся и убей Базовых — Преподобных, как вы их называете. Таков мой первый приказ.

— Убить их? — Голос оруженосца дрожал от ужаса.

— Убей их. — Джоз говорил с ним, как с ребенком. — Тогда мы, люди, овладеем кораблем. Мы найдем миры, где люди могущественны.

— Таких миров нет.

— Они должны быть! Некогда люди населяли все звезды в мире.

— Больше этого нет.

— А Эдем?

— Я ничего не знаю о нем.

Джоз сжал кулаки.

— Ты присоединишься к нам?

— Это был бы бессмысленный поступок, — вежливо сказал оруженосец. — Идем, сложи оружие, подчинись порядку. — Он снова с сомнением оглянулся на Мегер. — Твои Преподобные получают соответствующее обращение. Об этом не беспокойся.

— Ты глупец! Эти «Преподобные» — рабы, точно так же, как ты раб Базовых. Мы выращиваем их, чтобы они служили нам, так же, как выращены вы сами. Имей, наконец, мужество признать собственное вырождение!

Оруженосец поморщился.

— Ты говоришь терминами, которые я не до конца понимаю. Ты не сдаешься?

Оруженосец поклонился, повернулся кругом и исчез в скалах. Джоз пошел за ним и выглянул в долину.

Оруженосец докладывал Базовым, которые слушали с характерным отчужденным видом. Затем они отдали приказ, и тяжеловооруженные, развернувшись в длинную линию, двинулись к скалам. За ними брели гиганты, держа наготове бластеры, и несколько выживших следопытов. Тяжеловооруженные достигли первых скал. Следопыты взобрались наверх в поисках засады и, ничего не обнаружив, подали сигнал. С большой осторожностью тяжеловооруженные вошли в утесы, по необходимости сломав строй. Они прошли двадцать футов, пятьдесят, сто... Приободрившись, следопыты прыгнули со скал, и тут на них хлынули Мегеры.

С криками и проклятиями следопыты карабкались обратно, преследуемые Мегерами. Тяжеловооруженные отпрянули, затем начали стрелять, и две Мегеры были поражены в подмышки — их самое уязвимое место. С трудом двигаясь, они скрылись среди скал. Остальные, разъяренные, набросились на тяжеловооруженных. Послышался рев, вой, крики боли. Подошли гиганты. Они хватали Мегер, отрывали им головы, швыряли их на скалы. Те Мегеры, которые успели, отступили, оставив лежать с половины тяжеловооруженных.

Вновь тяжеловооруженные двинулись вперед, над ними следопыты производили разведку, на этот раз более тщательную. Они замерли, выкрикнули предупреждение, тяжеловооруженные остановились, перекликаясь и нервно

поводя своими пистолетами. Наверху следопыты подались назад, и между скалами появилась дюжина Дьяволов и Голубых Ужасов. Тяжеловооруженные начали стрелять, воздух наполнился запахом горелой чешуи. Драконы хлынули на людей, стилеты, булавы, даже мечи оказались бесполезными из-за тесноты. Гиганты продвигались вперед и, в свою очередь, были атакованы Дьяволами. Они были поражены, и идиотские усмешки исчезли с их лиц. Они попятились от стальных хвостов, но среди скал у Дьяволов также не было преимущества, их стальные шары чаще ударяли о скалы, чем о тела врагов.

Над скалами показалась еще одна колонна драконов — Голубых Ужасов. Они обрушились вниз, на головы гигантов, разрывая, раздирая когтями и кусая. В ярости гиганты хватали их, швыряли на землю, топтали, а тяжеловооруженные жгли их своими пистолетами.

Затем, без всякой видимой причины, наступило затишье. Десять секунд, пятнадцать — ни звука, кроме стонов раненых драконов и людей. Какая-то угроза повисла в воздухе, и появились Джаггеры, громоздко выбираясь из проходов между скал.

Короткое мгновение гиганты и Джаггеры смотрели друг на друга. Затем гиганты взяли за свои бластеры, но на них снова наскочили Голубые Ужасы. Джаггеры быстро продвигались вперед. Передние конечности драконов хватали руки гигантов, свистели дубины и булавы, доспехи людей и драконов громыхали от столкновений. Не обращая внимания на боль, удары, повреждения люди и драконы снова и снова кидались в бой.

Схватка стала тише, всхлипывания и стоны сменили рев, и вскоре восемь Джаггеров, имевших превосходство по массе и естественному вооружению, одолели восьмерых гигантов.

Тяжеловооруженные тем временем собрались вместе и, стоя спиной к спине, шаг за шагом, обрушивая тепловые лучи на драконов, которые бросились за ними, отступили к долине и наконец выбрались из скал. Преследующие их Дьяволы прыгнули в середину отступающей толпы, а с боков напали Длиннорогие Убийцы и Шагающие Убийцы. В припадке воинственного ликования дюжина людей, оседлав Пауков и вооружившись бластерами погибших гигантов, напала на Базовых и оруженосцев, которые ждали у

своих трехколесных механизмов. Базовые без стыда повернули своих людей-лошадей и поскакали к черному кораблю. Оруженосцы направили свои механизмы и выпустили волну энергии. Один человек упал, два, три — и вот остальные уже среди оруженосцев, которые были разорваны на куски, включая и того, что служил посланником.

Несколько человек с криками пустились за Базовыми, но люди-лошади, двигаясь, как гигантские крысы, несли Базовых так же быстро, как Пауки людей. Из утесов слышался сигнал рога; люди на Пауках остановились и повернули обратно. Вся армия Бенбека быстро скрылась среди скал.

Тяжеловооруженные сделали вслед ей несколько неуверенных шагов, а затем остановились в изнеможении. От них осталась одна треть. Погибли гиганты, все оруженосцы и почти все следопыты.

Войска Бенбека скрылись вовремя. Корабль выпустил массу разрывных снарядов, которые рвали на куски скалы, где только что находились люди и драконы.

С отполированной ветром вершины скалы над Долиной Бенбека Эрвис Карколо и Баст Гивен следили за битвой. Скалы скрывали большую часть схватки, крики и лязг оружия доносились слабо, как гудение насекомого. Иногда видны были сверканье чешуи дракона, бегущий человек, какое-то движение, но до того, как разбитые силы Базовых не появились из-за скал, общий ход битвы был неясен. Карколо в диком изумлении затряс головой.

— Вот дьявол этот Джоз Бенбек! Он заставил их отступить, он перебил их лучших солдат!

— Кажется, — сказал Гивен, — драконы, вооруженные клыками, мечами и стальными шарами, более эффективны, чем люди с пистолетами и тепловыми лучами, во всяком случае, в тесном пространстве.

Карколо хмыкнул.

— В таких обстоятельствах я проделал бы это не хуже. — Он сердито взглянул на Гивена. — Ты согласен?

— Определенно, без всякого сомнения.

— Конечно, — продолжал Карколо, — у меня не было его преимущества — подготовки. На меня Базовые напали неожиданно, а Джоз Бенбек готовился к нападению. — Он снова

посмотрел на Долину Бенбека, где корабль Базовых расстреливал утесы. — Они хотят совсем разрушить утесы? В таком случае Джоз Бенбек не сможет, конечно, отступить. Их стратегия ясна. А вот то, чего я ожидал, — их резервные.

Еще тридцать тяжеловооруженных спускались по пандусу и выстраивались перед кораблем. Карколо ударил кулаком о ладонь.

— Баст Гивен, слушай теперь, слушай внимательно! В нашей власти совершить великий подвиг! Смотри туда, где ущелье Клиборн открывается в долину, прямо за кораблем Базовых.

— Твои притязания на славу будут стоять нам жизни. Карколо рассмеялся.

— Эй, Гивен, сколько раз может умереть человек? И что может быть лучше гибели в славной битве?

Баст Гивен повернулся, осматривая остатки армии Счастливой Долины.

— Мы можем покрыть себя славой, наказав дюжину Священных. Нет необходимости нападать на корабль Базовых.

— Тем не менее, — сказал Карколо, — будет так. Я поеду впереди, ты построишь войска и двинешь следом. Встретимся у выхода из ущелья Клиборн, на западном краю долины!

ГЛАВА 11

Топая ногами, испуская проклятия, Карколо ждал у выхода из ущелья Клиборн. Картины одной несчастной случайности за другой возникали в его воображении. Базовые могли отступить перед сопротивлением защитников долины и улететь. Джоз Бенбек мог атаковать на открытом пространстве и спасти Поселок Бенбека от разрушения. Гивен мог не справиться с руководством упавшими духом людьми и своенравными драконами Счастливой Долины. Могло случиться любое из этих происшествий, любое из них угрожало мечтам Карколо о славе и могло оставить его уничтоженным. Он ходил взад и вперед по неровному граниту, каждые десять секунд бросал взгляд на Долину Бенбека, каждые несколько секунд поворачивался, осматривая линию горизонта в поисках темных силуэтов своих драконов и людей.

Рядом с кораблем Базовых ждали два отряда тяжело-вооруженных — те, кто выжил в первом сражении, и резервы. Они разбились на молчаливые группы, следя за медленным разрушением Поселка Бенбека. Один за другим утесы и башни, которые населял народ Бенбека, разлетались на куски. Еще более громкие взрывы раздавались в утесах. Булыжники раскалывались, как яйца, осколки скал летели по долине.

Прошло полчаса. Карколо угрюмо сел на скалу.

Неожиданно раздался звон и топот. Карколо вскочил на ноги. Выделяясь на фоне неба, двигались жалкие остатки его армии: удрученные люди, сердитые и раздраженные Мегеры, горстка Дьяволов, Голубых Ужасов и Убийц.

Руки у Карколо опустились. Что он может сделать с такими ничтожными силами? Он глубоко вздохнул. Применить хитрость? Только не сдаваться! Ведь сумел же он уговорить самых упрямых своих людей. Выступив вперед, он закричал:

— Люди и драконы! Сегодня мы познали горечь поражения, но день еще не кончен. Настало время искупления! Мы отомстим за себя и Базовым и Бенбеку!

Он осматривал лица своих людей, надеясь увидеть выражение энтузиазма. Но по лицам людей ничего нельзя было понять, все стояли понуро и мрачно перешептывались.

— Люди и драконы! — взревел Карколо. — Вы спросите меня, как мы совершим этот подвиг? Я отвечаю — следуйте за мной! Сражайтесь там, где сражаюсь я! Что значит для нас смерть, если наши дома разрушены?!

Снова он осмотрел свои войска и вновь обнаружил лишь равнодушие и апатию. Борясь с раздражением, Карколо отвернулся.

— Вперед! — коротко бросил он через плечо и, оседлав своего Паука, двинулся вниз по ущелью Клиборн.

Корабль Базовых разрушал Утесы и Поселок Бенбека с одинаковой яростью. Из наблюдательного пункта на западном краю долины Джоз Бенбек следил, как взлетали на воздух один знакомый проход за другим. Туннели и залы, тщательно вырубленные в скалах, украшенные, оборудованные многими поколениями, были вскрыты, разрушены, превращены в пыль. Теперь мишенью стал пик, в котором находились личные апартаменты Джоза — его кабинет, мастерская, реликвариум Бенбеков.

Джоз сжимал и разжимал кулаки в ярости от своей беспомощности. Цель Базовых была ясна. Они собирались разрушить Долину Бенбека, полностью уничтожить людей на Эрлите. И что могло им помешать? Джоз осмотрел утесы. Вся их поверхность была расколота, обнажилось древнее скальное основание. Где же вход в большой зал Священных? Его прежние гипотезы, видимо, не подтверждаются. Через час полное уничтожение Долины Бенбека завершится. Джоз старался подавить болезненное чувство раздражения. Как остановить разрушение? Он заставил себя размышлять. Ясно, что нападение на открытом пространстве долины равносильно самоубийству. Но за черным кораблем открывалось ущелье, аналогичное тому, в котором сейчас стоял он, ущелье Клиборн.

Вход в корабль был широко открыт. У корпуса толпились тяжеловооруженные. Джоз покачал головой. Невероятно, чтобы Базовые не предвидели такой очевидной угрозы. Или в своем высокомерии они не могли поверить в возможность такого безрассудного поступка?

Очередной залп расколол пик, и его обломки навек похоронили апартаменты Джоза. Джоз вскочил на ноги и подозвал ближайшего из хозяев драконов.

— Собери Убийц, тридцать Мегер, две дюжины Голубых Ужасов, десять Дьяволов и всех всадников. Мы взберемся на Хребет Бенбека и, спустившись по ущелью Клиборн, атакуем корабль.

Хозяин драконов удалился. Джоз погрузился в мрачные размышления. Если Базовые хотели поймать его в ловушку, они почти сумели это сделать.

Вернулся хозяин драконов.

— Войска собраны.

— Мы выступаем.

Вниз по ущелью хлынули люди и драконы. Повернув на юг, они оказались у входа в ущелье Клиборн. Рыцарь во главе колонны внезапно подал сигнал опасности. Когда Джоз приблизился, он указал следы на дне ущелья. Драконы и люди проходили здесь совсем недавно.

Джоз рассматривал следы.

— Шли вниз по ущелью.

— Пожалуй.

Джоз отправил в разведку отряд, который вскоре вернулся.

— Эрвис Карколо с людьми и драконами напал на Базовых, — доложил командир отряда.

Джоз прищипорил своего Паука и двинулся вперед по узкому проходу в сопровождении своей армии.

Шум битвы они слышали, дойдя до выхода из ущелья. Спустившись в долину, Джоз застал сцену отчаянной резни — драконы и тяжеловооруженные схватились насмерть. Где же сам Карколо? Джоз взглянул на открытый вход в корабль — Карколо там? Ловушка? Или он предвосхитил план захвата корабля, придуманный Джозом? А как же тяжеловооруженные? Неужели Базовые принесут в жертву сорок воинов, чтобы захватить горстку людей? Неразумно. Джоз поднялся в седле и отдал приказ начать атаку.

Тяжеловооруженные были обречены. Драконы шипели и рвали их на части. Битва еще не затихла, но Джоз со своими людьми и Мегерами был уже на пандусе. Изнутри корабля доносился гул машин и человеческие вопли ярости.

Огромный корпус навис над Джозом, он остановился и неуверенно заглянул в корабль. За ним стояли его люди и тихо переговаривались. Джоз спросил себя: «Храбр ли я, как Эрвис Карколо? И что такое храбрость? Я боюсь. Я не смею войти, но я не могу и оставаться снаружи». Отбросив сомнения, он двинулся вперед, за ним последовали его люди и драконы.

Войдя в корабль, Джоз понял, что Карколо не достиг успеха — пушки корабля по-прежнему продолжали стрелять. Еще один залп ударил по утесам и обнажил то, что было до сих пор скрыто — отверстие туннеля.

Внутри корабля Джоз оказался в своеобразной прихожей. Внутренняя дверь была закрыта. Он скользнул вперед и заглянул в соседнее помещение через прямоугольное отверстие. Эрвис Карколо и его рыцари сгрудились у противоположной стены, окруженные двадцатью оруженосцами. Группа Базовых находилась в стороне, в нише, и они были спокойны.

Карколо и его люди еще не были полностью побеждены — Джоз видел, как Карколо бросился вперед, но волна энергии наказала его, отбросив назад к стене.

Один из Базовых заметил Джоза и замахал своими передними конечностями. Загремел сигнал тревоги, внешняя дверь закрылась. Ловушка? Джоз сделал знак четверым

из своих людей. Они вышли вперед и навели на дверь бластеры, принадлежавшие ранее гигантам. Джоз взмахнул рукой. Едкий запах наполнил помещение, но материал двери поддавался с трудом.

— Еще раз!

Бластеры грохнули, и внутренняя дверь исчезла. В пролом хлынули оруженосцы, часто стреляя из своих ружей. Пурпурные волны энергии обрушились на людей Джоза. Они кричали, дергались, слабели и падали на пол со сведенными конечностями и искаженными лицами. В этот момент вперед рванулись Мегеры. С ревом они смели оруженосцев и ворвались в соседнее помещение. Перед нишей, занятой Базовыми, они остановились, как бы в изумлении. Люди у стены замерли, даже Карколо смотрел, как зачарованный. Базовым противостояло их потомство. Мегеры зловеще двинулись вперед, Базовые в ужасе замахала своими передними конечностями. Мегеры ворвались в нишу, раздался ужасный рев. Джоз, который не мог выдержать это зрелище, отвел взгляд. Бойня вскоре окончилась, в нише наступила полная тишина. Джоз повернулся к Эрвису Карколо, смотревшему на него, онемевшему от боли, гнева, разочарования и усталости.

Наконец, справившись с собой, Карколо сделал угрожающий и яростный жест.

— Убирайся! — прохрипел он. — Я захватил корабли! Если не хочешь утонуть в своей крови, оставь мою добычу!

Джоз презрительно фыркнул, повернулся спиной к Карколо, но тот с проклятиями бросился вперед. Баст Гивен схватил его за плечи и оттащил назад. Карколо вырывался, но Гивен шепнул ему что-то на ухо, и тот успокоился.

Тем временем Джоз осматривал помещение. Стены были серыми, пол покрыт эластичным черным материалом. Источников освещения не было, но свет исходил отовсюду — светились сами стены. Воздух был прохладен и имел неприятный острый запах. Джоз закашлялся, в голове его зашумело... На непослушных ногах он направился к выходу, жестом приказав своим войскам: «Скорее наружу, они отравили нас». Он добрался до пандуса и глотнул свежего воздуха. Его люди и Мегеры последовали за ним, замыкающим шел Карколо со своими людьми. Под корпусом огромного корабля они остановились, тяжело дыша, глаза их слезились, ноги подкашивались.

Над ними, не обращая внимания на их присутствие или забыв о нем, пушки корабля дали очередной залп. Пик, в котором помещались апартаменты Джоза, окончательно разрушился. Утесы представляли собой груды обломков, громоздившихся вокруг широкого темного провала. В провале Джоз заметил какое-то сооружение, блестящий предмет... Но тут его внимание было отвлечено зловещими звуками за спиной. Из второго входа корабля показались новые тяжеловооруженные — три отряда по двадцать воинов в каждом, сопровождаемые оруженосцами с четырьмя трехколесными механизмами.

Джоз в отчаянии оглянулся. Он посмотрел на свои войска — они были не в состоянии ни нападать, ни защищаться. Оставалась единственная возможность — бегство.

— Двигайтесь к ущелью Клиборн! — крикнул Джоз.

Спотыкаясь и пошатываясь на непослушных ногах, остатки двух армий начали отступление под прикрытием корпуса корабля. За ними быстро, но без торопливости, шли тяжеловооруженные.

Огибая корабль, Джоз внезапно остановился — у входа в ущелье их ждал четвертый отряд тяжеловооруженных и оруженосцев со своими механизмами.

Джоз взглянул налево и направо, вверх и вниз по долине. Куда бежать? Где спасительные утесы? Они больше не существуют. Его внимание привлекло медленное, но мощное движение в провале, прежде скрываемое обломками скал. Вперед выдвинулся черный предмет. Из него вылетел молочно-белый луч и коснулся диска на конце корабля Базовых. Внутри корабля раздался грохот разрушающихся механизмов. Одновременно оба диска перестали сверкать; они стали серыми и тусклыми. Корабль был мертв, и его масса, внезапно лишившись поддержки, тяжело осела на землю.

Тяжеловооруженные с ужасом смотрели на корабль, который принес их на Эрлит. Джоз воспользовался их растерянностью и закричал:

— Отступать, двигаться по долине к северу!

Тяжеловооруженные последовали за ними, однако оруженосцы остановили их. Они установили свои механизмы и навели их на провал в утесах. Там яростно двигались обнаженные фигуры, какие-то громоздкие устройства, вспыхивал свет и, наконец, снова показался белый луч. Оруже-

носцы, их механизмы и треть тяжеловооруженных исчезли в пламени. Оставшиеся в живых тяжеловооруженные остановились и попятились к кораблю.

У входа в ущелье Клиборн один из оруженосцев склонился над своим механизмом, готовя его к действию. В провале с удвоенной энергией замелькали тени Священных. Вновь показался луч, но на этот раз он был наведен неточно и лишь оплавил скалу в сотне ярдов от противника. В этот момент механизм оруженосца выпустил волну оранжево-зеленого пламени. Секунду спустя провал исчез в клубах каменной пыли. Скалы, тела, обломки стекла и металла разлетелись во все стороны. Грохот взрыва прокатился по всей долине. Оружие Священных было разрушено и превращено в груды металлических обломков.

Джоз глубоко вздохнул, усилием воли преодолел влияние наркотического газа. Он отдал приказ своим драконам:

— Нападайте и убивайте!

Драконы понеслись вперед так стремительно, что тяжеловооруженные не успели схватиться за оружие. Последний оруженосец был пронзен рогом Убийцы, долина была очищена от захватчиков.

Джоз вновь поднялся по пандусу, через прихожую прошел во внутреннее помещение, теперь уже не освещенное. Бластеры, захваченные у гигантов, лежали там, где их оставили люди.

Три закрытых выхода вели из помещения, все они были быстро прожжены. За первым открывалась спиральная лестница, за вторым — большой зал, уставленный ярусами пустых коек, за третьим — такой же зал, но с занятыми койками. Бледные лица смотрели на вошедших. В центральном проходе толпилась группа женщин в серых платьях.

Эрвис Карколо выдвинулся вперед.

— Наружу! — кричал он. — Вы свободны! Наружу, быстро, пока есть возможность.

В глубине корабля слабое сопротивление оказали лишь с полдюжины оруженосцев и двадцать механиков — хрупких низкорослых людей с резкими чертами лица и темными волосами. Не оказали сопротивления и шестнадцать оставшихся Базовых, все они были выведены из корабля в качестве пленных.

ГЛАВА 12

Спокойствие заполнило долину, воцарилась полная тишина. Люди и драконы лежали на истоптанных полях, пленники беспорядочно сгрудились около корабля. Изредка тишину нарушал треск охлаждающегося металла внутри корабля, звук падения обломка скалы с расколотого утеса, тихий говор освобожденных людей Счастливой Долины, сидевших группами отдельно от воинов.

Один Эрвис Карколо, казалось, не отдыхал. Он стоял, повернувшись спиной к Джозу, крепко ухватившись за рукоять меча. Он смотрел на небо, где Скен, пылающий атом, висел над западными утесами. Потом Карколо повернулся, осмотрел разрушенный провал в северном конце долины, заполненный исковерканными обломками оружия Священных. Он бросил взгляд на Джоза и начал ходить между группами людей Счастливой Долины, делая резкие жесты без определенного значения, останавливаясь и стараясь воодушевить своих людей.

Однако это ему не удалось, и вскоре он повернул назад и пересек поле, на котором, растянувшись во весь рост, лежал Джоз Бенбек. Карколо посмотрел на него.

— Ну,— сказал он гордо,— битва окончена, корабль захвачен.

Джоз приподнялся на локте.

— Верно.

— Пусть у нас не будет недоразумений,— сказал Карколо.— Корабль и его содержимое — мои. Древний закон отдает захваченное тому, кто напал первым. На этом законе я основываю свое требование.

Джоз удивленно посмотрел на него.

— По закону, еще более древнему, я имею на него право.

— Я опровергаю это утверждение,— горячо сказал Карколо.— Кто...

Джоз предупреждающе поднял руку.

— Замолчи, Карколо! Ты жив только потому, что я устал от крови и ярости. Не испытывай моего терпения.

Карколо отвернулся, в злобе схватившись за оружие. Он осмотрел долину, потом снова повернулся к Джозу.

— Вон идут Священные, которые на самом деле разрушили корабль. Я напоминаю тебе о моем предложении,

которое могло бы предотвратить новые разрушения и убийства.

Джоз улыбнулся.

— Ты сделал это предложение только два дня назад. К тому же у Священных нет оружия.

Карколо посмотрел на Джоза так, будто тот лишился рассудка.

— Как же они разрушили корабль?

Джоз пожал плечами.

— Я могу только догадываться. Я думаю, что они соорудили космический корабль. Я думаю, что они направили мощь его двигателей против корабля Базовых.

Карколо удивленно раскрыл рот.

— Зачем Священным понадобился собственный космический корабль?

— Вон приближается Деми. Почему бы тебе не спросить его самого?

— Я так и сделаю, — гордо сказал Карколо.

Деми, сопровождаемый молодыми Священными, приближался. Джоз привстал на колени, следя за ним. Деми направлялся к пандусу, собираясь, видимо, войти в корабль. Джоз вскочил на ноги, подбежал, преградил ему дорогу и вежливо спросил:

— Чего ты хочешь, Деми?

— Я хочу войти в корабль.

— Зачем? Я спрашиваю, конечно, из любопытства.

Деми некоторое время смотрел на него. Лицо его было напряжено, глаза застыли. Наконец он ответил хриплым голосом, лишенным выражения:

— Я хочу проверить, можно ли восстановить корабль.

Джоз немного подумал, потом заговорил вежливым и рассудительным тоном:

— Эти сведения будут для тебя малоинтересны. Скажи лучше, захотят ли Священные полностью подчиниться мне?

— Мы никому не подчиняемся.

— В таком случае я не могу взять вас, когда мы улетим.

Деми повернулся. На мгновение показалось, что сейчас он упадет. Глаза его остановились на провале в конце долины. Он снова заговорил, но не ровным голосом Священного, а с печалью и яростью:

— Это ты виноват, ты принудил нас действовать, вовлек нас в насилие, заставил отказаться от посвящения.

Джоз кивнул со слабой угрюмой улыбкой.

— Я знал, что вход в пещеры лежал под утесами. Я догадывался, что вы строите космический корабль. Я надеялся, что вы будете защищаться от Базовых и тем самым послужите моим целям. Я согласен с твоими обвинениями, я использовал вас и ваш корабль, как оружие, чтобы спасти себя и своих людей. Разве я не прав?

— Прав или не прав — кто может судить. Ты свел к нулю все наши усилия на протяжении восьмисот лет. Ты разрушил больше, чем можешь восстановить.

— Я ничего не разрушал, Деми. Базовые разрушили ваш корабль. Если бы вы объединились с нами при защите Долины Бенбека, этого не случилось бы. Вы избрали нейтралитет, вы считали, что наша печаль и наша боль вас не касается. Но вы ошиблись.

— Тем не менее результаты работы на протяжении восьмисот лет превратились в ничто.

Джоз невинно спросил:

— А зачем вам космический корабль? Куда вы хотели отправиться?

Глаза Деми сверкнули пламенем, ярким, как Скен.

— Когда раса людей исчезнет, на первый план выйдем мы. Мы двинемся по Галактике, вновь заселяя старые миры, и с этого дня начнется новая история вселенной. Прошлое будет вычеркнуто из памяти, как будто его никогда не существовало. Если бы Базовые уничтожили вас, что нам до этого? Мы ждем лишь смерти последнего человека во вселенной.

— Вы считаете себя людьми?

— Ты знаешь, что мы — сверхлюди.

Кто-то рядом хрипло рассмеялся. Джоз повернул голову и завидел Эрвиса Карколо.

— Сверхлюди?! — воскликнул Карколо. — По-моему, вы просто нищие голые бродяги, живущие в пещерах. Чем вы можете доказать свое превосходство?

Рот Деми дрогнул, черты лица заострились.

— У нас есть наши танды. У нас есть наше знание. У нас есть наша сила.

Карколо отвернулся, продолжая хрипло смеяться. Джоз приглушенным голосом сказал:

— Я чувствую к вам больше жалости, чем вы когда-либо испытывали к нам.

Карколо повернулся.

— А откуда вы узнали, как строить космический корабль? Или дошли до этого своим умом? Или вы использовали знания людей, живших до вас, людей древних времен?

— Мы сверхлюди, — сказал Деми. — Мы знаем все, что когда-либо говорили, думали и изобретали люди. Мы первые и последние; когда обычные люди исчезнут, мы освоим космос, чистые и свежие, как дождь.

— Но люди не исчезли и никогда не исчезнут, — сказал Джоз. — Развитие остановилось, но разве вселенная не велика? Где-то есть миры людей. С помощью Базовых и механиков я восстановлю корабль и отправлюсь на их поиски.

— Ты будешь искать напрасно, — сказал Деми.

— Эти миры не существуют?

— Империя людей распалась, теперь люди существуют только отдельными незначительными группами.

— А Эдем, старый Эдем?

— Миф, не более.

— А мой хрустальный шар, что это?

— Игрушка.

— Ты так уверен? — спросил Джоз, начав беспокоиться.

— Разве я не сказал, что мы знаем всю историю. Мы, созерцая наши танды, можем проникать далеко в прошлое, пока воспоминания не становятся тусклыми и туманными, и никогда мы не встречали упоминания о планете Эдем.

Джоз упрямо покачал головой.

— Должен существовать мир, откуда происходит человечество. Как бы его ни называли — Земля, Терра или Эдем — где-то он существует.

Деми хотел что-то сказать, но на его лице появилось выражение нерешительности. Джоз сказал:

— Может, ты и прав, может быть, мы действительно последние люди. Но я должен проверить это.

— Я пойду с тобой, — сказал Карколо.

— Ты должен быть счастлив, если завтра утром будешь еще жив, — заметил Джоз.

Карколо отодвинулся.

— Не отвергай так безрассудно мое требование на корабль.

Джоз попытался что-то сказать, но не нашел слов. Что делать с этим непокорным Карколо? Он не находил в себе решимости сделать то, что, как он знал, нужно было сделать. Он медлил.

— Теперь ты знаешь мои планы, — сказал он Деми. — Если ты не будешь вмешиваться в мои дела, я не буду мешать тебе.

Деми медленно отступил.

— Действуй. Мы — пассивная раса, мы отказываемся от немедленных действий. Может быть, это наша величайшая ошибка. Но ты — действуй, ищи свои забытые миры. Ты просто погибнешь где-нибудь меж звезд. Мы подождем, как ждали всегда.

Он повернулся и удалился в сопровождении четырех молодых Священных, которые за время разговора не проронили ни звука.

Джоз крикнул им вслед:

— А если Базовые вернутся? Вы будете бороться с нами рядом? Или будете против нас?

Деми не ответил, он шел на север, и длинные белые волосы свешивались ему на спину. Джоз посмотрел на него, потом на опустошенную долину, удивленно покачал головой и снова принялся осматривать огромный черный корабль. Скен коснулся западных утесов, свет резко померк, потянуло холодом. Вновь подошел Карколо.

— Вечером я соберу своих людей и завтра отправлю домой. Тем временем я предлагаю тебе вместе со мной осмотреть корабль.

Джоз глубоко вздохнул. Почему это так трудно для него? Карколо дважды нападал на него и, если он сохранит свое положение, несомненно нападет и в третий раз. Он заставил себя действовать. Его долг перед самим собой, перед его народом, перед великой целью был ясен. Он подозвал рыцарей, державших захваченные тепловые ружья. Те приблизились, и Джоз сказал:

— Ответите Карколо в ущелье Клиборн. Убейте его. Сделайте это немедленно.

Протестующего и кричащего Карколо увели. Джоз вернулся с тяжелым сердцем, увидел Баста Гивена и сказал:

— Я считаю тебя разумным человеком.

— Я тоже.

— Я назначаю тебя главой Счастливой Долины. Отведи туда своих людей до наступления темноты.

Баст Гивен направился к своим людям. Они зашевелились и вскоре покинули Долину Бенбека.

Джоз пересек долину и подошел к груде обломков, загромодивших Путь Кергана. Его душил гнев, когда он смотрел на разрушения; на мгновение он заколебался в своей решимости. Не должен ли он полететь на черном корабле к Кэролайн и отомстить Базовым? Он остановился перед пиком, где помещались его апартаменты. По какому-то капризу судьбы из-под обломков виднелся осколок хрустального шара.

Взвесив осколок на ладони, Джоз взглянул на небо, где мигала красным светом Кэролайн, и постарался привести в порядок свои мысли.

Из глубоких туннелей появились люди Бенбека. Подошла Фейд.

— Какие ужасные события и какая великая победа!

Джоз швырнул обломок хрусталя обратно в груду камней.

— Я чувствую то же самое. И где все это кончится, никто не знает меньше, нежели я.

СЫН ДЕРЕВА

Долгий путь, который решились проделать две сотни людей, наконец-то подходил к своему концу. Сон, который, продолжался очень долгих три недели, прервал пронзительный звонок, ворвавшийся в две сотни коконов, разрушил оцепенение в двух сотнях мозгов одновременно.

Один из путешественников проснулся сразу. Спазм тревоги в нем вызвало то обстоятельство, что тело его было туго спеленуто, как у грудного младенца. От неожиданности Джонатан Смайл напрягся всем телом и тут только окончательно проснулся. Как только он вспомнил, где находится, спазм тревоги испарился без следа. Джонатан расслабился и стал пристально вглядываться в окружающую мглу.

Постепенно избавляясь от последствий оцепенения, Джонатан все полнее ощущал окружающее. Он наконец почувствовал, насколько душен и влажен воздух здесь, насколько пропитано запахом чужой плоти окружающее пространство. Плотью людей, находившихся здесь повсюду: сверху, снизу, справа и слева, они окружали Джонатана со всех сторон, занимая все возможное пространство вокруг. Придя в себя, они вырывались, боролись и вертелись в эластичных путах коконов. Джонатан окончательно успокоился и откинулся на спину. Пробудившийся после трехнедельного сна мозг вернул теперь способность анализировать, делать выводы. Балленкрайч? Нет, еще

рано. Балленкрайч должен быть дальше, а это, видимо, Кайирилл, мир друидов.

Тонкий, режущий звук. Гамак распахнулся по магнитному шву. Оказавшийся у перил, Джонатан успокоился. Ноги были мягкие и ватные, как колбасы, а в мускулах после трех недель, проведенных под гипнозом, чувствовался слабый гул.

Он добрался до пандуса и спустился на главную палубу, к выходу. За столом сидел юноша лет шестнадцати, в джемпере из дубленой кожи и иллофона голубого цвета. Юноша был темноволосый, большеглазый и очень серьезный.

— Ваше имя, пожалуйста.

— Джонатан Смайл.

Юноша сделал пометку в списке и кивнул на коридор, ведущий вниз:

— В первую дверь на процедуры.

Джонатан проскользнул в указанную дверь и оказался в небольшой комнатке, заполненной резкими испарениями антисептиков.

— Снять одежду! — резким медным голосом приказала женщина в тесных брюках, тощая, как волк. По ее сине-коричневой коже текли ручьи пота. Она нетерпеливо сдернула с Джонатан просторное покрывало, выданное на корабельном складе, обернулась и нажала на кнопку. — Закройте глаза!

По телу хлестнули струи моющих растворов. Менялась температура и напор жидкости. И мускулы, наконец, начали пробуждаться. Поток теплого воздуха помог Джонатану высохнуть, и женщина небрежным движением направила его в соседнюю комнату. Там он кое-как обрезал щетину, причесался и облачился в халат и сандалии, оказавшиеся в ящике доставки.

У выхода его остановил стюард, вонзил в бедро шприц и ввел под кожу целую коллекцию вакцин — антитоксинов, мускульных стимуляторов и тонизаторов. Оснащенный таким образом, Джонатан покинул корабль и опустился по трапу на твердь планеты Кайирилл.

Он сделал глубокий вдох, набрав полные легкие воздуха, и огляделся вокруг. Небо было усыпано жемчужинами облаков. Мягкий ландшафт, с обилием крошечных ферм, убегал к горизонту, и там, вдали, словно огромный столб

дыма, выросло Дерево. Контурсы туманились из-за большого расстояния, верхушка кроны скрывалась в облаках, но ошибиться было невозможно.

Дерево жизни.

Он прождал целый час, пока его паспорт и всевозможные удостоверения проверялись и штамповались в небольшой стеклянной конторе под погрузочной станцией. Потом его все же отпустили, указав на проходную в конце поля. Проходная представляла собой строение в стиле рококо из тяжелого белого камня, украшенного резным орнаментом и замысловатыми гравюрами.

Возле турникета стоял друид, безучастно наблюдая высадку пассажиров. Стройный, он обладал красивой кожей цвета слоновой кости и был, судя по внешним признакам, человеком нервным. Сдержанное лицо аристократа, черные как смоль волосы, колючие темные глаза. На нем красовалась блестящая кираса из покрытого эмалью металла, а также роскошное платье, ниспадающее до пола и отороченное понизу лентой с узорчатым золотым шитьем. На голове — тонкой работы золотой маржон из зубьев и пластинок различных металлов, тщательно подогнанных друг к другу.

Джонатан протянул визу клерку, сидевшему за турникетом.

— Имя, пожалуйста.

— Оно имеется в визе.

Клерк поморщился.

— Цель приезда на Кайирилл?

— Временный посетитель, — коротко и сухо ответил Джонатан.

Он уже выдержал в конторе беседу о себе, о своем деле и о своих хозяевах. Новый допрос казался ненужной вольтойкой.

Друид повернул голову и окинул Джонатана взглядом с ног до головы.

— Шпион, не иначе, — прошипел он и отвернулся.

Что-то во внешности друида заинтересовало Джонатана, но он так и не понял — что именно.

— Эй, ты, — раздраженно начал друид.

— Да? — оглянулся Джонатан.

— Кто твой наниматель? На кого ты работаешь?

— Ни на кого. Я здесь по своим делам.

— Не притворяйся! Все вы шпионы Мейнгов. Почему же ты должен быть исключением? Ты будишь во мне гнев. Итак, на кого работаешь?

— Дело в том, что я все-таки не шпион, — вежливо произнес Джонатан.

Чувство собственного достоинства — единственная роскошь, которую он мог сейчас себе позволить. Последняя роскошь бродяги!

На тонких губах друида появилась деланно-циничная улыбка:

— Зачем же еще ты мог прилететь на Кайирилл?

— Личные дела.

— Ты похож на Тюббанна. Как называется твой мир?

— Земля.

Друид искоса посмотрел на него, недовольно качая головой и явно недоверчиво относясь к словам Джонатана.

— Издеваешься? Рассказываешь детский миф о рае для инфантильных простаков?

Джонатан пожал плечами:

— Вы задали вопрос, — я ответил.

— Да, но с оскорбительной неучитивостью к моей должности и рангу.

Важными петушиными шагами к ним приблизился маленький пухлый человек с лимонно-желтой кожей. У него были большие простодушные глаза и хорошо развитые челюсти. Человек кутался в широкий плащ из плотного голубого вельвета.

— Землянин — здесь? — и уставился на Джонатана: — Это вы, сэр?

— Вы угадали.

Желтокожий человек повернулся к друиду:

— Это уже второй землянин, которого я встречаю, Боготворимый. Очевидно, Земля все же существует...

— Второй? — поинтересовался Джонатан. — А кто был первым?

Желтокожий человек поднял глаза вверх:

— Я не помню точно имя. Парри... Лорри... Гори... нет, Гордон.

— Гордон? Гордон Крейстон?

— Верно. Он самый. Мне довелось с ним побеседовать за пределами порта пару лет тому назад. Весьма приятный молодой человек.

Друид круто развернулся на каблуках и отошел. Пухлый человек равнодушно проводил его взглядом и обратился к Джонатану:

— Вы здесь, кажется, чужой?

— Только что прилетел.

— Позвольте дать вам совет в отношении здешних друидов. Это невыдержанная раса, опрометчивая и скандальная. Они жутко провинциальны и абсолютно уверены в том, что Кайирилл занимает центральную позицию во времени и пространстве. В присутствии друидов следует быть осторожнее в речах. Можно полюбопытствовать, каким ветром вас сюда занесло?

— Я не мог позволить себе удовольствие оплатить дальнейший проезд.

— Ну и что?

Джонатан пожал плечами:

— Собираюсь подзаработать немного денег.

Пухлый человек нахмурился, погрузившись в мысли.

— И какие же именно таланты и способности вы намерены применить в этих отдаленных краях? — наконец спросил он.

— Я неплохой механик, машинист, экономист, электрик. Могу проводить исследования, ставить эксперименты, владею еще несколькими профессиями. Можете считать меня инженером.

Его новый знакомый внимательно слушал. Наконец он с задумчивым видом произнес:

— Среди лайти нет недостатка в дешевой рабочей силе...

Джонатан обвел взглядом ограждение порта:

— Глядя на это строение, кажется, что они незнакомы с логарифмической линейкой.

На губах собеседника появилась неуверенная улыбка, словно он не мог не согласиться:

— Имейте в виду, друиды — великие ксенофобы! В каждом новом прибывшем им мерещатся шпионы.

— Это я уже заметил, — улыбнулся Джонатан. — Первый встречный друид набросился на меня с упреками. Назвал меня шпионом Мейнгов, хотя я и не знаю, кто или что это такое.

— Это я, — развел руками пухлый человек.

— Мейнг? Или шпион?

— И то, и другое. Особого секрета здесь нет, это дозволено. Каждый мейнг на Кайирилл — шпион. Как, впрочем, и все друиды на Мейнгере. Оба мира в данный момент стремятся доминировать в экономике, и неприязнь между ними велика. — Он потер подбородок. — Вам, значит, нужна хорошо оплачиваемая работа?

— Да. Но не шпионаж. Я не вмешиваюсь в политику. Жизнь и так слишком коротка.

Мейнг сделал успокаивающий жест:

— Конечно, конечно... Я уже упоминал, что друиды — неуравновешенная раса. И не особенно честная. Возможно, из этих слабостей вы могли бы извлечь выгоду. Предлагаю сейчас отправиться со мной. У меня назначен визит к Товэрэчу округа, и если мимоходом я ему похвастаюсь, какого умелого техника завербовал... — Он оборвал фразу, затем кивнул Джонатану: — Сюда.

Они миновали ограждение, прошли по галерее, ведущей к стоянке, и здесь Джонатан увидел ряд машин.

«Древний хлам, — подумал он. — И собраны неряшливо...»

Мейнг усадил его в самую крупную из машин и приказал шоферу:

— В храм.

Машина взвилась в воздух и помчалась над серо-зеленой землей.

Сельская местность неприятно поразила Джонатана, хотя ему и казалось, что посевы должны быть плодородными. Улицы и аллеи пестрели лужами стоячей воды, деревня выглядела маленькой и скученной, а в полях виднелись крестьяне, впрягшиеся в культиваторы группами по шесть, десять, двенадцать человек. Да, невеселой была эта картина.

— Пять миллиардов человек, — сказал Мейнг. — Два миллиона друидов. И одно Дерево. Одно на всех.

Джонатан хмыкнул в ответ с неопределенным выражением. Мейнг погрузился в молчание. Внизу мелькали фермы — бесконечные массивы прямоугольных полей всевозможных оттенков зеленого, коричневого и серого цветов. По углам полей — мириады конических хижин. А впереди, прямо по курсу — Дерево. Оно казалось темнее, выше, массивнее, чем на самом деле. И вдруг перед ними возник замысловато украшенный белокаменный дворец,

укрывшийся среди гигантских обнаженных корней. Машина стала снижаться, и перед глазами Джонатана проплыл лес причудливых балюстрад, путаница балконов, хитроумная отделка панелей, колонны, водосточные трубы и роскошный парадный подъезд.

Машина приземлилась на площадку перед этим высоким строением, которое смутно напоминало Джонатану Версальский дворец. С фасада открывался вид на прилизанные парки, мозаичные дорожки, фонтаны и скульптуры. А позади дворца росло Дерево, и его листва скрывала квадратные мили неба над головой.

Мейнг вылез и обратился к Джонатану:

— Если вы снимете боковую панель Гейнератора и сделаете вид, будто производите небольшой ремонт, то я попытаюсь помочь вам устроиться на выгодную должность.

Джонатан почувствовал себя неловко.

— Я вижу, вы не намерены жалеть усилий для благоустройства чужака. Вы — филантроп?

— О нет! Ни в коем случае! Со стороны может показаться, будто я действую под влиянием минутного каприза, но поверьте, мои поступки отнюдь не бескорыстны. Если угодно, попытаюсь объяснить на следующем примере... Допустим, мне поручили выполнить какую-то незнакомую работу. Я бы прихватил с собой как можно больше инструментов — на всякий случай. Точно так же я поступаю и сейчас, когда выполняю вполне определенную миссию. Многие люди обладают специальными талантами или навыками, которые могут пригодиться. Поэтому я стараюсь не отказываться от возможности расширить круг хороших знакомств.

— Это окупается? — с улыбкой поинтересовался Джонатан.

— О да! И, кроме того, благодарность — награда сама по себе. Принося людям пользу, всегда получаешь громадное удовольствие. Но прошу вас, не думайте, что вы будете чем-нибудь обязаны мне!

«Не буду», — подумал Джонатан и промолчал. На всякий случай, как говаривал ласковый Мейнг.

Пухлый человек направился к массивной двери из узорчатой бронзы.

Джонатан немного помедлил. Затем, стараясь не упустить из виду ни одну из полученных инструкций, открыл

панель. Она отошла, но ненамного — удерживали провода изнутри. Джонатан отсоединил провода и откинул панель вверх.

Глазам предстало здешнее чудо техники. Детали были притянуты шурупами и деревянными болтами, те в свою очередь крепились обрывками веревки к деревянному каркасу.

Из дерева была изготовлена также и рама, в которой находилась силовая установка. Провода могли только мечтать, о какой бы то ни было изоляции.

Джонатан в изумлении покачал головой. Затем вспомнил, что имел счастье прилететь сюда на этом аппарате от самого порта, и покрылся холодным потом.

Мейнг, желтокожий человек, велел покопаться в моторе, изображая попытку ремонта. Теперь Джонатан видел, что эта затея не лишена смысла. Источник энергии был соединен с двигателем беспорядочным набором кабелей. Джонатан распутал их, подтянул обвисшие веревки, затем переменил полярность, соединив клеммы обрывком кабеля.

На противоположный край площади села машина, и из нее выскочила девушка лет восемнадцати или девятнадцати, с узким подвижным лицом. Глаза их встретились, затем девушка повернулась и покинула площадку.

Джонатан неподвижно стоял, провожая взглядом стройную юную фигурку. Затем он опомнился и вернулся к мотору.

«Это ужасно...» — подумал он.

Ему всегда нравились красивые девушки. Он нахмурился, вспомнив, Маргариту. Блондинка, изящная, с легкой походкой. Но всегда себе на уме. Джонатан задумался, почти забыв о работе. Кто знает, что творится в глубине ее сердца, куда ему ни разу не удавалось проникнуть?

Когда он рассказал ей о своих планах, она рассмеялась и сказала, что он опоздал родиться на свет. Два года остались позади, и кто знает, ждет ли его еще Маргарита? Джонатан надеялся, что улетаet всего на три месяца, но судьба влекла его все дальше и дальше, из мира в мир, прочь от Земли, за пределы Единорога. Судьба забросила его в звездный водоворот и заставила прокладывать путь с планеты на планету.

На Джимовьетто он выращивал мох в серой тундре, после чего билет третьего класса до Кайирилл был роскошью.

«Маргарита,— подумал Джонатан,— я надеюсь, что ты стоишь такого путешествия...»

Он бросил взгляд через плечо на девушку-друида. Она забежала в парадный подъезд Дворца.

— Как ты смеешь? — завопил кто-то над самым ухом. — Как ты смеешь потрошить машину? Да тебя убить за это мало!

Это был водитель той машины, на которой прилетела девушка,— толстый мужчина с поросычьим лицом. За плечами Джонатана был немалый опыт работы во внешних мирах, поэтому он придержал язык и вновь погрузился в исследование внутренностей аппарата. Трудно было поверить своим глазам: три конденсатора, соединенных в цепь, вывалились из гнезд и свободно покачивались на проводке. Джонатан дернул пару крайних конденсаторов, вставил в гнездо оставшиеся, затем — оба первых.

— Эй, приятель! — возмутился водитель. — Прочь козявые руки от тонкого механизма!

Последнее замечание переполнило терпение Джонатана. Это переходило все границы, и Джонатан поднял голову и, сдерживаясь из последних сил, произнес:

— Это, по-вашему,— тонкий механизм? Вот это да! Механизм? Да я просто не понимаю, как этот мусорный ящик вообще способен летать! Тонкий!!! Механизм!!!

Перекосившееся в бешеной гримасе лицо было ответом Джонатану. Он приготовился, как минимум, к хорошей потасовке. Но обстоятельства изменило появление нового участника. Водитель, охваченный праведным, на его взгляд, гневом, уже сделал шаг в сторону Джонатана, но тут увидел направлявшегося к ним друида. Последний выглядел очень живописно: крупный, с красным лицом, вместо носа у него торчало образование, напоминающее ястребиный клюв, а рот казался заключенным в темницу твердых челюстей.

Общее впечатление усиливал и его наряд. На друиде было длинное платье цвета киновари, с большим капюшоном из пышного меха и с такой же меховой оторочкой. Прямо поверх капюшона на голове сидел мормон, из черного и зеленого металла, и солнечные блики играли и

переливались на шишаке, покрытом красной и желтой эмалью.

— Бернендино!

Реакция последовала незамедлительно. Метаморфоза, произошедшая с водителем, изумила Джонатана. Водитель в мгновение ока стал не то чтобы меньше ростом, нет, он весь как-то съежился, напыщенность и гнев испарились, и он превратился в неказистое дрожащее существо:

— Боготворимый!

— Быстро иди убери кельт.

— Слушаюсь, Боготворимый!

Нисколько не сомневаясь в том, что его распоряжение будет исполнено, без малейшего промедления, друид подошел и остановился напротив Джонатана. Несколько мгновений он молча смотрел на груды выброшенного хлама, затем его лицо медленно налилось краской и перекошилось от гнева.

— Что здесь произошло? Что ты сделал с самой лучшей моей машиной?

— Что сделал? Да выбросил прочь кое-какой ненужный хлам.

— Ненужное, говоришь? Что ты в этом смыслишь? Знаешь ли ты, что этот аппарат обслуживает лучший на всем Кайирилле механик?

Джонатан лишь устало пожал плечами:

— Лучший механик? Тогда я могу лишь посочувствовать вам... Впрочем, машина не моя. Если вас что-то в моих действиях не устраивает или беспокоит, я могу поместить весь этот мусор обратно.

Было похоже, что слова Джонатана ошеломили друида. Он стоял совершенно неподвижно, уставившись на Джонатана.

— Другими словами, ты хочешь сказать, что теперь, когда ты вытащил все эти детали, машина сможет подняться в воздух? Она, что, все еще способна летать?

— Естественно. Я бы сказал, что летать она теперь будет значительно лучше, чем прежде.

С нескрываемым чувством высокомерного превосходства друид молча оглядел его с ног до головы. Джонатан уже догадался, что случай свел его с Товэрэчем Округа. Но что-то внезапно промелькнуло в глазах друида, повадки его как-то вдруг изменились, стали совсем иными. Он

бросил внимательный взгляд назад, на Дворец, и вновь обернулся к Джонатану со словами:

— Ты на службе у Хабальятта? Верно? Я так понял.

— У Мейнга? Что же, пожалуй, что и...

— Но, ты не мейнг. Тогда почему он взял тебя на службу? Кто ты?

Неожиданно Джонатан вспомнил недавний инцидент возле турникета. Мысленно усмехнувшись, он ответил:

— Я — Тюббан.

— Понятно. И сколько же тебе платит Хабальятт в неделю?

Вот сейчас Джонатан очень пожалел о том, что еще ничего не узнал о местном курсе денег. Стараясь не прогадать, он, сохраняя выражение спокойного достоинства и уверенности на лице, ответил очень неопределенно:

— Порядочно.

— Точнее? Тридцать, тридцать пять стипендий в неделю? Ну? Сорок?

— Пятьдесят,— не моргнув глазом симпровизировал Джонатан.

— Значит, так. Я плачу тебе восемьдесят и еще ты будешь у меня главным механиком. Устраивает?

— Вполне,— подтвердил кивком легким свое согласие Джонатан.

— Теперь ты — слуга Товэчэра Округа и приступаешь к исполнению своих обязанностей прямо с этой минуты. Хабальятта я сам информирую. Запомни, ты не должен больше иметь личных контактов с этим Мейнгом-террористом. Запомни это хорошенько.

— К вашим услугам, Боготворимый,— произнес Джонатан, слегка ошеломленный стремительностью событий.

«Нет худа — без добра,— подумал Джонатан.— Теперь, по крайней мере, у меня есть хотя бы работа, а дальше... Дальше будет видно».

2

Дни шли за днями. Работа была не трудная, но только необходимость скопить деньги для дальнейшего путешествия заставляла Джонатана вновь и вновь являться на работу, выполнять необременительные, но скучные обязанности. По первому приказу выполнять иногда весьма

неприятные поручения и, смирив гордыню, получать вознаграждение. Чаевые! Brr! Но это было единственной возможностью отложить деньги как можно быстрее.

Сегодняшний день не отличался от череды всех минувших. Как это водилось прежде, так и сегодня раздался звонок.

— Гараж! — привычно отозвался Джонатан и уронил ключ на пол.

Голос, который донесся из переговорной мембраны, принадлежал третьей дочери Товэчэра, властной и своевольной жрице Ильфейенн. В голосе звучала нервозность, которой Джонатан прежде не замечал. Впрочем, не так давно он и работал во Дворце, чтобы знать все особенности характеров его обитателей.

— Приказываю тебе, водитель, слушать меня внимательно и выполнять мои приказания в точности и не рассуждая. Выполнять без промедления.

— Слушаюсь, Боготворимая, все будет выполнено.

— Немедленно возьми черный кельт, подними его на третий этаж. Подведи его к моим апартаментам. Если ты все сделаешь быстро и осторожно, получишь прибыль. Ты хорошо понял меня? Поторопись!

— Будет сделано, Боготворимая. — Голос Джонатана прозвучал уверенно и твердо.

— Поспеши!

Побросав ключи в ящик, Джонатан быстро нацепил ливрею. Странно, что крылось за всей этой скрытностью и спешкой? Кража? Любовник? Возможно. Правда, для любовника Ильфейенн еще слишком юная... Впрочем, ему уже приходилось выполнять подобные поручения ее сестры — Изейен, да и для Федрайан, так что, пожалуй, может, быть и не слишком юная. Джонатан пожал плечами, его это не касалось. Его дело выполнить приказ, а не рассуждать, собственно, для него главным было — это не остаться внакладе. Хорошо бы получить от девчонки сотню стипендлей, а, если повезет, может больше удастся получить. Подумал и печально усмехнулся своим мыслям, да, дожил! Радоваться тому, что получаешь чаевые, ну это, положим, пусть, но получать чаевые от восемнадцатилетней девчонки...

Джонатан вывел черный кельт из гаража и стал подниматься к апартаментам Ильфейенн, продолжая размыш-

лать с превратностях судьбы. Ладно, сейчас не до терзаний по поводу уязвленного самолюбия. Как-нибудь потом. Вот тогда, когда он выполнит свою миссию, вернется на Землю к Маргарите, вот тогда можно будет снова претендовать на чувство гордости и собственного достоинства. Сейчас же, сейчас эти чувства были абсолютно лишними. Больше того, сейчас они были, очевидно, вредны для него. Значит так, сейчас он здесь, главная его задача — заработать деньги.

Эти мысли вернули ему спокойствие, вернули его в реальность. Что же, значит, сейчас ему нужны деньги. Это они провели его по Галактике, и благодаря деньгам Балленкрайч наконец-то стал реальностью. По ночам, когда гасли прожектора на крыше, можно было увидеть солнце Баллен, яркую звезду в созвездии, которое друиды называли Перфирит. Да! Даже дешевый рейс, который он проделал оттуда до Балленкрайч обошелся ему в кругленькую сумму. Полет под гипнозом, когда ты, словно труп, лежишь в трюме, спеленатый сетью гамака по рукам и ногам, как багаж, даже такой рейс обошелся ему в две тысячи стипеллей. Дальнейшее путешествие будет стоить столько же, если не дороже.

Из недельной платы в восемьдесят стипеллей он мог откладывать семьдесят пять. Три недели уже прошли, а до вылета рейсом из Балленкрайча их оставалось двадцать четыре. Слишком долго для Маргариты — светловолосой, веселой, красивой Маргариты, которая ждет его на Земле.

Джонатан дал машине вертикальный взлет, пронесся вдоль ствола вверх, до третьего этажа. Дерево по-прежнему нависало над ним, будто он и не отрывался от земли, и Джонатан вновь испытал страх и восхищение — три недели, проведенные в тени гигантского ствола, не смогли приглушить этих чувств.

Могучая дышащая масса пяти миль в диаметре, с корнями, уходящими до двенадцати миль вглубь (друиды их называют «жизнеобеспечением»), — так выглядело Дерево. Его крона разметалась в стороны и вверх на упругих сучьях — толщина каждого не уступала ширине Дворца Товэрэча — и нависала над стволом, как соломенная шляпа над старомодным стогом сена. Трехфутовой длины треугольные листья, ярко-желтые к верхушке, темнели у основания — зеленые, розовые, алые, черно-синие. Дерево

было властелином горизонтов, оно раздвигало плечами облака и носило в головном уборе громы и молнии, словно гирлянду из серпантина. Это была душа жизни, сок жизни, торжествующая жизнеспособность, и Джонатан хорошо понимал, почему его обожествовали восхищенные первopоселенцы Кайирилл.

Третий этаж. Теперь вниз, к площадке перед апартаментами жрицы Ильфейенн. Джонатан посадил машину, выпрыгнул и пошел по плиткам, инкрустированным золотом и слоновой костью.

Из-за двери выскользнула Ильфейенн — пылкое создание с темным, узким и живым, как у птицы, лицом. На ней было простое платье из белой, без орнамента, ткани, и она шла босиком. Джонатан, которому прежде случилось ее видеть лишь в официальных нарядах, посмотрел на девушку с интересом.

— Сюда, — бросила она. — Быстрее.

Она подняла дверь, и Джонатан оказался в комнате с высоким потолком, модно обставленной, но слегка душной. Две стены украшались мозаикой из белых мраморных и темно-синих демортьеритовых плит; сами плиты были окаймлены медными полосками с орнаментом в виде экзотических птиц. На третьей стене висел гобелен, изображающий группу девушек, бегущих вниз по травянистому склону. Вдоль этой стены тянулся длинный диван с подушками.

На диване сидел молодой человек в голубой мантии суб-Товэрэча, украшенной красными и серыми позументами. Рядом с ним лежал мормон с золотыми листьями, а на поясе висел жезл, вырезанный из священного дерева, — на Кайирилл такие жезлы могут носить только лица с духовным образованием.

Человек был сухощав, но широкоплеч, с резко очерченным лицом — подобных черт Джонатан еще не встречал. Это было страстное лицо, расширенное к скулам, сужающееся к подбородку. Плоский лоб, плоские щеки, длинный прямой нос. Черные кружочки глубоко посаженных глаз, чернильные брови, темные завитки волос. Умное, жесткое лицо, полное пресыщенности и хитрости, не лишенное обаяния, зато совершенно лишенное благодушия или чувства юмора, — лицо дикого животного, принявшего человеческий облик.

Некоторое время Джонатан напряженно, с нарастающей неприязнью вглядывался в это лицо, затем опустил глаза к ногам священника. На полу, гротескно скорченный и окостеневший, лежал труп. Малиновое покрывало на нем было перепачкано желтой кровью.

— Это труп посла с Мейнгера, — сказала Ильфейенн. — Он никогда не был настоящим послом, а лишь шпионом. Кто-то его или убил здесь, или принес сюда тело. Об этом никто не должен знать! Огласки нельзя допустить. Я верю, что ты надежный слуга. У нас подписано несколько деликатных соглашений с правительством Мейнгов, и инцидент, вроде этого, способен привести к несчастью. Ты понимаешь меня?

Джонатан никогда не считал своим любимым делом дворцовые интриги.

— Я выполню любое твое приказание, Боготворимая, — уклончиво ответил он. — С разрешения Товэрэча...

— Товэрэч, он слишком занят, чтобы с ним можно было проконсультироваться. — Ильфейенн явно нервничала. — Экклезиарх Маноолло поможет тебе погрузить тело в кельт-мобиль. Затем ты отвезешь нас к океану, и там мы от него избавимся.

— Я подгоню машину как можно ближе, — произнес Джонатан деревянным голосом.

Маноолло встал и последовал за ним к дверям. Джонатан услышал его шепот:

— Нам будет тесно в маленькой кабине.

— Это единственная машина, которой я могу управлять, — раздраженно ответила Ильфейенн.

Джонатан задумался, подводя аппарат к дверям.

«Единственная машина, которой она умеет управлять...»

Он бросил взгляд на противоположную стену Дворца, на такую же площадку, от которой его отделяли футов пятьдесят пространства. Там, сложив руки за спиной и доброжелательно глядя на него, стоял человек в голубом плаще.

Джонатан вернулся в комнату.

— Там Мейнг. На противоположном балконе.

— Хабальятт! — вскричал Маноолло, бросаясь к двери и осторожно выглядывая наружу. — Он не мог ничего заметить!

— Хабальятт знает все,— мрачно сообщила Ильфейенн.— Иногда мне кажется, что у него глаза на затылке.

Джонатан присел на колени возле трупа. Рот убитого был открыт, из него высовывался кончик оранжевого языка. На боку висел полный кошелек, полузакрытый покрывалом. Джонатан растегнул его.

— Что ж, пусть он тебя удовлетворит,— резким голосом произнесла Ильфейенн, едва сдерживая бешенство.

Презрительное снисхождение в ее голосе обожгло Джонатана; он почувствовал, как краснеет от гнева и стыда. Но деньги — это деньги. Он вытащил пачку купюр. Не меньше сотни стипендий по десять. Он вновь запустил руку в кошелек и вынул маленькое ручное оружие неизвестного ему предназначения.

Оружие Джонатан спрятал за пазуху блузы, затем он обернул мертвеца малиновой тканью и, поднявшись, взял его за запястья.

Маноолло взялся за лодыжки. Ильфейенн выглянула за дверь:

— Он ушел. Быстрее!

Через пять секунд труп лежал на заднем сиденье.

— Пойдем со мной,— приказала Ильфейенн Джонатану.

Опасаясь показать Маноолло спину, Джонатан подчинился. Жрица привела его в комнату, где находился гардероб, и указала на два саквояжа:

— Возьми их. Отнеси в кельт.

«Багаж»,— подумал Джонатан. Краем глаза он заметил, что Хабальятт снова появился на балконе и добродушно улыбается ему.

Джонатан вернулся в комнату.

Ильфейенн переодевалась в наряд простолюдинки: темно-синее платье и сандалии. Платье подчеркивало ее фигуру феи; ее свежесть и пряность, казавшиеся неотъемлемыми частями девушки. Джонатан отвел глаза. Маргарита на ее месте не вела бы себя столь непринужденно, да еще в обществе покойника.

— Кельт готов, Боготворимая,— доложил он.

— Поведешь ты,— заявила Ильфейенн.— Вначале поднимешь нас до пятого этажа, затем — на юг, в открытое море через залив.

Джонатан покачал головой:

— Я не водитель. И везти вас не собираюсь.

Казалось, его слова провалились в пустоту. Но затем Ильфейенн и Маноолло одновременно повернулись к нему. Ильфейенн была удивлена, но выражение гнева на ее лице быстро уступило место решительности.

— Выходи! Ты поведешь, — произнесла она более резким тоном, словно Джонатан не понял ее приказа.

Джонатан осторожно сунул руку за пазуху, где покоилось оружие. Лицо Маноолло оставалось неподвижным, лишь слегка встрепенулись веки. Тем не менее Джонатан был уверен, что мозг священника настороже.

— Я не собираюсь вас везти, — повторил Джонатан. — Вы и без моих услуг легко избавитесь от трупа. Не знаю, куда и зачем вы собрались, но точно знаю, что с вами не пойду...

— Я тебе приказываю! — крикнула Ильфейенн.

Невероятно! Ей осмеливались перечить! Такого с ней еще не случалось.

Джонатан покачал головой, настороженно следя за каждым движением друидов.

— Сожалею...

Разум Ильфейенн отказывался переварить этот парадокс.

— Тогда убей его, — бросила жрица Маноолло. — Уж его-то труп во всяком случае не вызовет подозрений.

Маноолло грустно улыбнулся:

— Боюсь, что это не так-то просто. — Его рука сжимала пистолет: он не захочет, чтобы его убивали, и будет отчаянно сопротивляться.

Ильфейенн поджала губы:

— Это смехотворно!..

Джонатан вытащил маленький пистолет. Не успев больше ничего произнести, Ильфейенн так и застыла с открытым ртом.

— Очень хорошо, — наконец сказала она глубоким голосом. — Я заплачу за твое молчание. Это тебя устраивает?

— Что же, устраивает, вполне, — криво улыбнувшись, сказал Джонатан.

Что он почувствовал, произнося эти слова? Что задело его больше в словах жрицы? Предложение денег или ее уверенность в том, что он обязательно согласится взять их взамен на молчание? Чувство собственного достоинства?

Да, собственно, что такое чувство собственного достоинства? Разве помогло ему это качество сделать Маргариту счастливее? Ну, так и бог с ним, с достоинством!

— Ну, так сколько? — равнодушно спросил Маноолло.

Необходимо было назвать сумму, если решился сделать первый шаг, то нужно суметь и продолжить достойно. Кроме того, что в его комнате находилось четыреста стипеллей, он забрал из кошелька трупа еще около тысячи. Прикинув все в уме, Джонатан решился назвать сумму.

«Все, хватит считать, нечего считать. Чем больше, тем лучше, да и эти не обеднеют» — решил он.

— Я забуду все, что увидел сегодня, но вам это обойдется в пять тысяч стипеллей.

Как он и ожидал, сумма не показалась им чрезмерной. Выражение брезгливости и презрения не покидало лица Маноолло, пока он искал в карманах кошелечек. Наконец он нашел его, достал из него пухлую пачку банкнот и небрежным жестом бросил деньги на пол, под ноги Джонатана.

— Держи свои деньги.

Жрица, не сказав больше ни слова и не оглянувшись, выбежала из комнаты на площадку и поспешно забралась в машину. Маноолло поспешил последовать за ней.

Брезгливо отброшенные деньги лежали на полу. С усмешкой Джонатан посмотрел вслед убегающим друидам, поднял деньги и пересчитал. Пять тысяч стипеллей! Он подошел к окну. Машина быстро удалялась, и он провожал ее глазами до тех пор, пока она не превратилась в черную точку, а потом и совсем не скрылась из глаз. Что теперь? В горле появился и остался, возможно навсегда, противный горький комок. Жрица, да она, несомненно, чудесное создание и если бы они встретились на Земле, он влюбился бы в нее без памяти. Конечно, если бы не было на Земле Маргариты или он бы ее не знал. Но, он не Земле, он на Кайирилле, и Земля здесь считается легендой или вообще сказкой. Образ Маргариты снова встал перед глазами Джонатана — нежное, гибкое, светлое, как поле с нарциссами, создание. Маргарита ждала, когда он вернется. Во всяком случае, она знала, что он верит в то, что она ждет его возвращения. Для этой прекрасной девушки, для этого непостижимого для Джонатана создания, идея не всегда означала действие. Он никогда не мог этого понять

и просто принял все как данность. Но было кое-что, чего он не собирался оставлять просто так. Гордон, проклятый Гордон Крейстон!

Освободившись от воспоминаний, Джонатан наконец осознал ситуацию, в которую он попал, и сразу же чувство тревоги заполнило его. Если сейчас здесь появится любой из десяти человек, то ему будет очень трудно объяснить, как он здесь оказался. Как он сможет объяснить, что привело его сюда? Джонатан принял решение, — он срочно вернется к себе. Убрав деньги, он повернулся, готовый уйти, но вдруг застыл на месте, похоже, случилось то, чего он опасался: дверь медленно открывалась. Джонатан быстро спрятался за мебель, лучшего укрытия он не видел, по крайней мере, есть надежда на то, что его не сразу увидят, а дальше...

Обливаясь потом, он затаился и ждал. Сердце бешено стучало где-то в горле, так ему казалось, во всяком случае. Время словно замерло. Ожидание напоминало кошмарный сон, и ему не было конца...

Наконец свершилось — дверь открылась, взвизгнув напоследок, возвращая ощущение времени. Невысокий полный человек в голубом вельветовом плаще медленно вошел в комнату. Джонатан с удивлением увидел, что это был Хабальятт. Его он ожидал увидеть меньше всего...

3

Ситуация складывалась очень интересная, было о чем подумать, наблюдая за вошедшим человеком. Тот быстро и внимательно оглядел комнату, явно что-то прикидывая, затем, печально покачав головой, произнес:

— Скверный бизнес. Очень плохой бизнес. Слишком рискованный...

Застывший до полного одеревенения, Джонатан легко готов был согласиться с ним. Он, не покидая своего тайника возле стены, уже с интересом наблюдал за дальнейшими действиями вошедшего. Хабальятт тем временем продолжал осматривать комнату, пристально глядя под ноги.

— Кровь... Осталось слишком много крови... Очень неаккуратно...

Было ли это странным стечением обстоятельств или же так проявлялось его чутье, но Хабальятт, словно угадывая

местонахождение Джонатана, поднимал глаза, готовый вот-вот встретиться с ним взглядом.

— Ну что же, как бы то ни было, но следует всегда сохранять спокойствие. Хранить спокойствие! Да! Именно так, хранить спокойствие!

Всего секундой позже он увидел вжагшегося в стену Джонатана.

— Ага! Не сомневаюсь, что вам заткнули рот деньгами! Ведь так? Однако странно, просто чудо, что вы живы.

— Мне удалось остаться тем не менее в стороне от всего этого. — Джонатан, сохраняя спокойствие, о котором только что говорил Хабальятт, сухо ответил на незаданный вопрос. — Меня вызвала сюда жрица Ильфейенн. Я должен был вести кельт.

Продолжая о чем-то думать, Хабальятт, в задумчивости качая головой, продолжал говорить так, словно говорил сам с собой:

— Если вас здесь обнаружат и увидят эту кровь на полу, вас будут допрашивать. И когда попытаются замять убийство Импоннагга, вас обязательно убьют, чтобы избавиться от свидетеля. — Джонатан облизал губы. — Поверьте мне, молодой человек. Я представляю здесь власть и богатство Мейнгера — фракцию Голубая Вода. Импоннагг принадлежит Красной Ветви. Сторонниками этого течения исповедуются несколько иное философское направление: они придают большое значение быстрой смене событий.

Странная идея сформировалась в мозгу Джонатана, и он не мог от нее избавиться. Хабальятт заметил его колебания. Рот Мейнга — короткая мясистая трещина между двумя желтыми скулами — изогнулся по краям:

— Совершенно верно — это я убил его. Так было нужно. Иначе он бы зарезал Маноолло, который выполняет важную миссию. Если бы Маноолло был устранен, это стало бы трагедией.

Мысли сменяли друг друга слишком быстро. Они метались в мозгу Джонатана, словно рыбы, всей стаей угодившие в сети. Будто Хабальятт разложил перед ним на прилавке множество броских товаров и теперь ждал, какой же он сделает выбор.

— Зачем вы все это мне рассказываете? — осторожно спросил Джонатан.

Хабальятт пожал полными плечами:

— Потому что, кто бы вы ни были, вы не просто обычный шофер.

— Ошибаетесь.

— Кто вы и что вы, еще не установлено. Сейчас сложные времена: многие миры и многие люди ставят перед собой противоречивые цели, и поэтому происхождение и намерения каждого человека следует рассматривать подробнее. Моя информация дает возможность проследить ваш путь от Тيوبбанна-Девять, где в Техническом институте вы занимали должность специалиста по гражданскому машиностроению; затем вы отправились на Панаполь, затем на Розалинду, затем на Джемивьетту и, наконец, — на Кайирилл. На каждой планете вы задерживались ровно на столько, сколько нужно, чтобы заработать деньги на оплату следующего перелета. Это стало шаблоном. А там, где есть шаблон, есть и план. Где есть план, там есть и цель, а если есть цель, то обязательно существует и тот, кому она выгодна. Отсюда следует, что кто-то окажется в проигрыше. Вам, кажется, немного не по себе? Видимо, вы опасаетесь разоблачения. Угадал?

— Мне не хочется стать покойником.

— Давайте перейдем в мои апартаменты. Это рядом, и там можно спокойно побеседовать. Я всегда ухожу из этой комнаты, чувствуя благодарность судьбе за то, что...

Его речь оборвалась. Он бросился к окну, посмотрел вверх, вниз... От окна он перебежал к двери, прислушался.

— Отойдите! — приказал он Джонатану.

Стук повторился, и в комнату ворвался высокий человек с широким лицом и маленьким, похожим на клюв, носом. Он был одет в длинную белую мантию; поверх капюшона находился зелено-черно-золотой мормон. Хабальятт вдруг оказался за его спиной и произвел какое-то действие, какой-то сложный прием — захват предплечья, подсечка, выкручивание запястья, — и в результате друидничком покатился на пол.

Джонатан с трудом перевел дыхание:

— Это же сам Товэрэч! Нас освежают...

— Идем, — произнес Хабальятт все тем же голосом добродушного бизнесмена.

Они быстро прошли через холл, и Хабальятт раскрыл дверь в свои апартаменты:

— Сюда!

Покои Хабальятта оказались просторней, чем келья жрицы Ильфейенн. В гостиной возвышался прямоугольный, длинный стол из цельного куска красного дерева, с орнаментом из медных листьев в арабском стиле.

По обе стороны двери сидели двое воинов-Мейнгов. Это были высокие коренастые люди с грубоватыми чертами лица. Хабальятт прошел мимо, не обратив на них внимания, словно они были ненастоящие, как скульптуры или мебель. Заметив, что Джонатан удивлен, он скользнул глазами в их сторону.

— Гипноз, — объяснил он небрежно. — Если я в комнате, или если комната пуста, они не двигаются.

Джонатан прошел за ним, осознавая, что его присутствие здесь может показаться столь же подозрительным, как и в комнате Ильфейенн.

Хабальятт с криком уселся и указал ему на кресло. Начиная уже сомневаться, что ему удастся выпутаться из лабиринта интриг, Джонатан повиновался. Хабальятт растопырил на столе пухлые пальцы и уставился на гостя невинными глазами:

— Похоже, что вы впутались в неприятное дело, мистер Смайл.

— Необязательно. — Джонатан напрасно пытался справиться с духом. — Я могу пойти к Товэрэчу, поведать ему эту историю, и дело с концом.

Лицо Хабальятта затрепетало — он сдерживал смех.

— А после?

Джонатан не отвечал.

Хабальятт постучал пальцем по столу:

— Мой мальчик, вы не слишком хорошо знаете психологию друидов. Для них убийство — это приемлемый выход из любой ситуации, такое же естественное действие, как уходя гасить свет. Поэтому, как только вы расскажете свою историю, вас убьют. Хотя бы потому, что не найдут причин не убивать. — Хабальятт задумчиво щекотал усики желтым ногтем и говорил так, словно размышлял вслух. — Иногда самые странные организмы оказываются наиболее целесообразными. Управление планетой Кайирилл замечательно совершенно по своей простоте. Пять миллиардов жителей предназначены для того, чтобы кормить и холить два миллиона друидов и одно Дерево. Эта

система функционирования — устойчива, она обеспечивает воспроизводство, что является главным признаком жизнеспособности. Кайирилл — гротескная модель религиозного фанатизма. Лайти, друиды, Дерево. Лайти трудятся, друиды вершат обряды, Дерево имманентно. Удивительно — из одной и той же протоплазмы человечества сплетены олухи-лайти и высокомерные друиды.

Джонатан беспокойно зашевелился в кресле:

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Я всего лишь хочу заметить, — вежливо сказал Хабальятт, — что ваша жизнь не стоит мокрого пятна там, где каждый плюет на все, кроме самого себя. Что значит для друида чья-то жизнь? Видите это творение рук человеческих? Десять тружеников затратили жизнь на изготовление этого стола. Мраморные плитки на стене — они подогнаны вручную. Цена? Об этом друиды не имеют представления. Труд не оплачивается, рабочая сила не лимитируется. Даже электричество, которым снабжается Дворец, — лайти вырабатывают его в подвалах, на Гейнераторах с ручным приводом! Во имя Дерева Жизни, где потом, как они надеются, их бедные слепые души найдут последний приют. Так друиды оправдывают свою государственную систему перед другими народами, мирами и своей собственной совестью. Лайти дано немного. Унция муки, рыба, миска зелени — ровно столько, сколько нужно, чтобы выжить. Они не знают ни брачных церемоний, ни семейных отношений, ни традиций. У них нет даже фольклора. Это просто рабочая скотина. И размножается она без любви и страсти. Политика? Система управления сведена друидами к очень простой формуле: истребление всех инакомыслящих, и никакой политики. Вот и маячит Дерево Жизни над планетой как самая великая перспектива вечной жизни, какую знала Галактика. Чистая, массивная жизнеспособность, на устойчивых корнях.

Джонатан сидел в кресле. Он наклонился вперед, оглянувшись через правое плечо. Увидел застывших в неподвижности воинов, воинов-менгов. Затем взгляд его сместился влево, по большому оранжевому ковру, за окно. Хабальятт следил за этим, насмешливо поджав губы.

— Зачем вы меня здесь держите? — спросил Джонатан. — Чего вы от меня хотите?

Хабальятт укоризненно покачал головой:

— У меня нет намерения вас удерживать. Вы можете уйти, когда захотите. А спрятал вас я из чистого альтруизма. Если сейчас вы вернетесь к себе, то наверняка станете мертвецом. Особенно после досадного вторжения.

— Ну, это совсем не обязательно, — Джонатан уселся в кресле, заняв наиболее удобное положение.

Хабальятт отрицательно покачал головой:

— Боюсь, что это все же так. Подумайте: известно или будет известно, что вы взяли черный кельт, на котором затем уехали жрица Ильфейенн и Маноолло. Товэрэч, зайдя в апартаменты дочери — возможно, за разъяснениями, — подвергся нападению. Вскоре после этого шофер возвращается в свою квартиру.

Он замолчал, многозначительно подняв свою пухлую ладошку.

— Ладно, — сказал Джонатан. — Что у вас на уме?

Хабальятт снова постучал ногтем по твердой поверхности стола:

— Сейчас сложные времена. Очень сложные времена. Видите ли, — добавил он доверительно, — Кайирилл становится чрезмерно перенаселенным друидами.

— Перенаселенным? — очень удивился Джонатан. — Всего лишь двумя миллионами друидов?

Хабальятт рассмеялся:

— Пять биллионов лайти более не способны обеспечить друидам безбедное существование. Вы должны понимать, что эти бедняги не заинтересованы в производстве. Они заинтересованы лишь в одном: как можно быстрее пройти по жизни и стать листом на ветви Дерева. Друиды оказались перед дилеммой. Чтобы увеличить выпуск продукции, они должны улучшить технологию и повысить уровень образования, — следовательно, позволить лайти понять, что жизнь может предоставить им удовольствия помимо отвлеченного созерцания. Или друиды должны искать другие пути. Как раз с этой целью они подключились к торговле, к операциям индустриального банка на Балленкрайче. Само собой, и мы, Мейнги, не могли оставаться в стороне, потому что на нашей планете высокий уровень индустриализации, а планы друидов грозят нашему благополучию.

— Тогда почему я не могу остаться в стороне? — устал спросил Джонатан.

— Моя обязанность как эмиссара высокой степени — отстаивать интересы своего мира. Поэтому мне всегда необходима информация. Ваш путь прослежен от одной из планет далекого солнца — Тيوبбанн. Ваш предыдущий путь неизвестен. За месяц до вашего появления здесь мы навели справки.

— Но вам известна моя родина. — Джонатан начал злиться. — Я с самого начала вам сказал. Земля! И вы ответили, что разговаривали с другим землянином, Гордоном Крейстоном.

— Совершенно верно, — согласился Хабальятт. — Название Земли удобно для сохранения инкогнито. — Он лукаво посмотрел на Джонатана. — Как вашего, так и Гордона Крейстона.

Джонатан сделал глубокий вдох.

— Вы знаете гораздо больше о Гордоне Крейстоне, чем пытаетесь мне показать.

Хабальятт, казалось, удивился, что Джонатану все же пришла в голову эта мысль.

— Разумеется! Для меня совершенно необходимо знать очень многое. Разве эта Земля, о которой вы говорите, не пустой звук?

— Смею вас уверить, — с мрачным сарказмом ответил Джонатан. — Ваш народ нашел себе такое дальнее звездное облачко, что забыл о существовании Вселенной!

Хабальятт кивнул, барабанив пальцами по столу.

— Интересно, интересно... Это придает нашему слуху совершенно новое звучание.

— Меня не интересует звучание, — раздраженно перебил его Джонатан. — Ни старое, ни новое. Мое дело, чего бы оно ни касалось, это мое личное дело. В ваших предприятиях я не заинтересован. И не желаю быть вовлеченным в то, что сейчас происходит здесь.

Раздался громкий стук в дверь. Хабальятт вскочил, на его лице появилась довольная ухмылка.

«Ждал», — догадался Джонатан.

— Повторяю, — сказал Хабальятт. — У вас нет выбора. Хотите жить?

— Разумеется, я хочу жить. — Джонатан наполовину привстал, потому что стук повторился.

— Тогда соглашайтесь со всем, что я скажу, — неважно, покажется это вам нелепостью или нет. Понятно?

— Да, — покорно согласился Джонатан.

Хабальятт резко выкрикнул какое-то слово. Воины, словно заводные человечки, вскочили на ноги.

— Открыть двери!

Дверь ушла в стену. В проеме стоял Товэрэч. Он был в бешенстве. Из-за его спины в комнату заглядывали друиды. Их было не меньше полудюжины, в мантиях разных цветов: духовники, суб-Товэрэчи, пресвитеры, иеромонахи.

Хабальятт изменился. Он стал выглядеть решительнее и в то же время — чуть ли не подобострастным; а непринужденность приобрела блеск полировки. Он кинулся навстречу Товэрэчу, словно бурлил гордостью и восторгом по поводу визита сюда столь высокопоставленного лица.

Товэрэч возвышался в дверях, оглядывая комнату. Глаза его скользнули по двум воинам и остановились на Джонатане. Он простер руку и напыщенно произнес:

— Вот этот человек! Убийца и мерзавец! Хватайте его скорее, и мы увидим его смерть еще до того, как окончится этот час.

Друиды порывисто шагнули вперед. Джонатан схватился за оружие. Но воины, казавшиеся каменными, двинулись столь легко и быстро, что в мгновение ока успели преградить дорогу друидам.

Друид, с пылающими глазами, одетый в коричневые с зеленым одежды, столкнулся с ними, пытаясь раздвинуть воинов. Голубая вспышка, треск, сдавленный крик — и друид отскочил, дрожа от негодования:

— Они бьют статикой!

Хабальятт шагнул вперед — само недоумение и беспокойство.

— Ваша Боготворимость, что случилось?

Выражение лица Товэрэча было крайне презрительным.

— В сторону, Мейнг! Убери своих электрических чертей! Мне нужен этот человек.

— Но, Боготворимый! — вскричал Хабальятт. — Боготворимый, вы пугаете меня! Возможно ли, чтобы мои служащие могли совершить преступление?

— Ваши служащие?

— Разумеется! Ваша Боготворимость, вы в курсе, что в целях проведения реалистической линии в политике мое

правительство нанимает некоторое количество неофициальных наблюдателей?

— Называйте этих... своими именами — шпики-головорезы! — взревел с негодованием Товэрэч.

Хабальятт помял пальцами подбородок.

— Ваша Боготворимость, я не питаю иллюзий, что на Мейнгере самоликвидируются шпионы друидов. Так что же натворил мой слуга?

Товэрэч упрямо наклонил голову, как бы желая пободаться, и побагровел.

— Я скажу тебе, что он натворил. Он прикончил одного из ваших же людей, Мейнга! В келье моей дочери весь пол измазан желтой кровью. А где кровь, там и смерти!

— Ваша Боготворимость! — воскликнул Хабальятт. — Это очень важное известие! Так кто же мертв, кто жертва?

— Откуда мне знать? Достаточно того, что убит человек и что этот...

— Но, Ваша Боготворимость! Этот человек провел весь день в моем присутствии! Ваши известия очень тревожны. Они означают, что подвергся нападению представитель моего правительства! Боюсь, что это вызовет переполох в Латбоне. Где именно вы обнаружили кровь? В келье вашей дочери, жрицы? А где она сама? Возможно, что она могла бы пролить некоторый свет...

— Я не знаю, где она! — Товэрэч повернулся и ткнул пальцем: — Плимайна, найди жрицу Ильфейенн! Я желаю с ней поговорить. А вы, Хабальятт... Должен ли я понимать так, что вы берете под свою защиту этого преступника?

Хабальятт вежливо произнес:

— Наши офицеры департамента охраны полны желания гарантировать безопасность на Мейнгере.

Товэрэчу ничего не оставалось, как удалиться, что он с независимым видом и проделал, круто развернувшись на каблуках. Его отряд спешно покинул помещение вслед за своим начальником, сохраняя полное молчание.

— Могу себя поздравить, теперь выходит, что я еще и шпион Мейнгов, — констатировал Джонатан. — Отлично, нечего сказать!

— Странно слышать это, позвольте вас спросить, на основании чего вы сделали такой вывод?

— Тому есть несколько причин, — проговорил Джонатан, усаживаясь снова в кресло. — Что-то подсказывает мне, точнее, у меня появилась уверенность в том, что вы решили причислить меня к своему штату. Вот только свои намерения относительно моей роли в ваших планах забыли мне сообщить.

Сделав протестующий жест, Хабальятт попытался остановить Джонатана.

— Вы пытаетесь убедить меня в том, что это не так? — Джонатан несколько секунд очень внимательно разглядывал Хабальятта, затем, слегка усмехнувшись, продолжил: — Давайте проанализируем ваши поступки. Согласны? Впрочем... Для начала вы приканчиваете своего соотечественника, затем вы сбиваете с ног Товэрэча в комнате его дочери, и ко всему перечисленному — вдруг оказывается, что именно я имею к этому всему самое непосредственное отношение. Просто замечательно! И вот теперь, после всего этого, вы надеетесь меня убедить в том, что вы здесь совершенно не при чем и все эти события, свидетелем которых я стал, не ваш заранее и хорошо подготовленный и осуществленный план? Вы действительно считаете меня неспособным проанализировать такую простую ситуацию?

— Мне кажется, вы несколько поспешили с выводами! Впрочем, учитывая все обстоятельства, я готов вас понять и... — начал что-то бормотать Хабальятт, пытаясь перехватить инициативу.

Джонатан остановил его жестом и продолжил говорить уже в иной, более вежливой манере, но не теряя настойчивости:

— Надеюсь, теперь я смогу во всем полагаться на вашу порядочность? — Он отвесил поклон в сторону Мейнга.

Хабальятт мгновенно воспользовался предоставленной возможностью поправить дела:

— Вне всякого сомнения, полагайтесь на меня во всех отношениях! — Теперь Мейнг был сама предупредительность.

Стараясь сохранять на лице наглую уверенность, но, слабо веря в успешное завершение дел, Джонатан буквально потребовал:

— Немедленно отвезите меня в порт. Устройте все так, чтобы я попал на пакетбот, который улетает сегодня же на Балленкрайч! Вам все понятно?

Неожиданно легко согласившись с его наглым требованием, Хабальятт кивнул, явно продолжая обдумывать что-то свое:

— Вынужден буду согласиться с вами, что же, весьма резонное предложение, весьма... Да, собственно, и сделано оно в такой форме, что мне ничего другого и не остается, я просто вынужден... я не могу вам отказать. Надеюсь, вы готовы к вылету?

— Все в порядке, я готов, не сомневайтесь.

— Необходима некоторая сумма денег, надеюсь, с этим у вас нет проблем?

— Не волнуйтесь, деньгами меня обеспечили. Мне подарили пять тысяч стипендий.

— Конечно же, это была жрица? Ильфейенн и Маноолло, я правильно вас понял? Похоже, они были очень озабочены!

— Да, мне тоже так показалось.

Взгляд, который Хабальятт бросил на Джонатана, вновь приобрел цепкость.

— Что-то мешает вам? В вашем голосе чувствуется напряжение? Подавляемые эмоции, я так бы это назвал.

— Не могу с вами не согласиться. Наш друг, Маноолло очень постарался вызвать у меня отвращение к собственной персоне и, надо заметить, преуспел на этом поприще вполне.

Хабальятт быстро и неожиданно весело подмигнул Джонатану:

— Забавно! Вот только почему-то я совершенно уверен в том, что жрица Ильфейенн постаралась вызвать у вас совершенно другие чувства, ведь так? На вашем месте я бы не терялся. Ах, молодость, молодость! Где ты моя молодость! Как бы я хотел тебя вернуть назад, юность моя! Как бы я тогда наслаждался всеми прелестями и возможностями, доступными только молодости!

Джонатан был неприятно удивлен таким бурным проявлением эмоций, и, кроме того, ему вдруг послышался какой-то то ли намек, то ли насмешка в словах или тоне Мейнга. Находясь во власти охватившего его раздражения, он очень отчетливо и резко произнес:

— Ваши мысли и предположения можете оставить при себе. Вас не касается, что и как я намерен делать. В моих планах на будущее нет места ни вам, ни, тем более, Ма-

ноолло и Ильфейенн, впрочем, как я уже сказал, вас это не касается!

Его резкий тон не произвел на Хабальятта ровно никакого впечатления, он снова находился словно бы вне времени и говорил даже не для Джонатана, а как бы для самого себя или, может быть, для какого-то другого, никому не видимого собеседника:

— Кто может знать, что будет с нами, время все расставит по своим местам. Все, что кажется нам таким значительным сейчас, может кануть в небытие, а незначительные события... Так, проживем-увидим, — неожиданно перебил сам себя Мейнг. — Теперь наша цель порт, туда мы и направимся.

4

Джонатан старался не упускать ничего из вида, он намеревался теперь контролировать ситуацию, его достаточно утомило то, что кто угодно знает о его жизни больше, чем он сам. Все, больше он никому не даст руководить своей жизнью. Решение, которое он принял, его вполне устраивало, и он принялся проводить его в жизнь, начав с наблюдения за Хабальяттом. Ничего не происходило, Мейнг, сгорбившись, сидел безмолвно в кресле, и незаметно было, чтобы он подавал кому-нибудь сигналы.

Успел или не успел Джонатан заметить какой-либо сигнал, но тем не менее меньше чем через три минуты прилетел тяжелый, хорошо армированный аппарат. Джонатан подошел к окну, и с интересом посмотрел наружу. К своему сожалению, он ничего не увидел. Было совершенно невозможно понять, есть ли там кто-нибудь или нет. Спрятаться в тени, окружавшей машину, мог кто угодно. Низкое солнце не давало достаточно света и лишь создавало путаницу косых теней, падая на каменные стены.

Джонатан вспомнил о своей комнате внизу рядом с гаражом, но тут же и забыл, там не осталось ничего из того, что могло бы надолго задержать его внимание, разве что четыреста стипеллей, которые он так старательно откладывал из жалованья. Но теперь это было уже не важно, деньги есть, значит, можно с легким сердцем выкинуть те четыреста из головы. Его внимание привлекло Дерево, оно стояло почти что напротив — чудовищная масса, которую

невозможно было охватить взглядом за один раз. Для того чтобы оглядеть его, Джонатану пришлось поворачивать голову. До Дерева оставалось никак не меньше мили, и форма его медленно покачивающихся ветвей, покрытых массой листьев, была нечеткой, расплывчатой.

Джонатан так увлекся, что не заметил, как Хабальятт подошел и встал рядом с ним. Постояв какое-то время молча, Мейнг произнес задумчиво:

— Сколько знаю его, ничего не меняется, только растет и растет, и не видно этому конца. Иногда мне кажется, что однажды либо ствол, либо земля не выдержат нагрузки, уж слишком оно огромное. Представляю себе, как оно медленно кренится, наклоняется все больше и больше и, наконец, падает. Страшно представить такую картину, но, пожалуй, еще страшнее будет крик Дерева, с которым оно будет падать. Пожалуй, ничего страшнее этого крика из живших на этой планете людей никто и никогда не слышал и не услышит.

Немного помолчав, он добавил:

— Думаю, что смерть Дерева станет смертью и для друидов. — Мейнг внимательно оглядел стену Дворца. — Давайте поторопимся теперь. Слишком опасно оставаться на открытом пространстве, пожалуй, только в машине мы можем не опасаться снайперов. Прошу вас, пройдемте к машине.

Джонатан огляделся еще раз, пристально вглядываясь в тени, затем вышел на балкон. Казавшийся пустым и безопасным, балкон был очень широким. Поэтому по дороге к машине Джонатан почувствовал себя совершенно незащищенным. Ему казалось, что он идет по балкону обнаженным. Джонатан почувствовал, как по коже забегали мурашки. Он продолжал свой, казавшийся бесконечным, путь. Ощущение незащищенности нарастало и стало почти непереносимым. Все когда-нибудь кончается, и Джонатан наконец добрался до машины, влез в нее, и она, слегка качнувшись, просела под его тяжестью. Сзади, за его спиной закопошился, устраиваясь с максимальным комфортом, Хабальятт. За рулем сидел Мейнг с печальными глазами на старом, морщинистом лице и пегими от старости волосами — водитель Хабальятта.

— Итак, Джуллиам, — обратился Хабальятт к водителю. — Мы знаем, что уже пора уезжать. В порту, если я не

ошибаюсь, четвертая стоянка, «Бельзвурронн» и рейс на Балленкрайч через Джиннуокли. Вперед!

Получив необходимую информацию, Джуллиам вдавил педаль взлета. Машина рванулась вверх и затем ушла круто в сторону. Дворец остался за спиной. Они пролетели вдоль нижнего края пыльно-серых ветвей. Обычно небо Кайирилл всегда было затянуто дымкой, но сегодня сквозь совершенно прозрачную атмосферу отчетливо просматривались низко плывущие облака и солнце. Беспорядочное скопление и нагромождение дворцов, замков, административных учреждений, приземистых пакгаузов — город некоторое время мелькал в корнях Дерева, но затем его сменил сельский пейзаж: поля, убегающие вдаль, и пятнышки ферм.

Все дороги вели к Дереву. А по ним брели мужчины и женщины в изношенных до последней степени и вымазанных в грязи нарядах. Лайти. Паломники. Джонатану пару раз доводилось видеть, как они входят в Священный пролом — трещину между двумя дугообразными корнями.

Крохотные, как муравьи, паломники боязливо топтались на месте, пытаясь заглянуть в серый мрак, прежде чем продолжить путь. Каждый день с разных концов Кайирилл приходили тысячи и тысячи лайти, старых и молодых. Темноглазые, изнуренные люди, свято верящие в Дерево, которое наконец-то принесет им долгожданный покой.

Они перелетели через ровную площадку, покрытую миниатюрными черными капсулами. В углу площадки толпились голые люди, они прыгали и вертелись, — занимались гимнастикой.

— Вы видите военный космический флот друидов, — пояснил Хабальятт. Джонатан быстро обернулся, пытаясь уловить в его лице оттенок сарказма. Но лицо Мейнга словно окаменело.

— Они неплохо оснащены и эффективны при обороне Кайирилл, а точнее, Дерева, потому что каждый из них мечтает сразиться с врагами друидов, которым бы вздумалось уничтожить Дерево — святыню туземцев. Но чтобы уничтожить Дерево, вражеской флотилии пришлось бы приблизиться на сто тысяч миль к планете, иначе бомбардировка не принесет успеха. Друиды могут управлять эти-

ми маленькими шлюпками на расстоянии многих миллионов миль. Они примитивны, но очень быстры и очень увертливы. На каждой установлена боеголовка, и в обороне шлюпки-самоубийцы должны представлять грозное оружие.

Джонатан молча слушал, затем спросил:

— Эти лодки изготавливают здесь? На Кайирилл?

— Они очень просты, — с плохо скрываемым презрением произнес Хабальятт. — Оболочка, двигатель, кислородный резервуар. Солдаты-лайти не привыкли требовать особого комфорта. Зато этих крохотных лодок огромное количество. А почему бы и нет? Труд не оплачивается, стоимость для друидов не имеет значения. Я думаю, контрольное оборудование, как и боевое оснащение, импортируется из Биллинда. Но шлюпки делают здесь, на Кайирилл, вручную.

Площадка с боевыми шлюпками осталось позади, а впереди возникла тридцатифутовой высоты стена, ограждающая порт. К одной из сторон прямоугольника примыкало длинное стеклянное здание станции. Вдоль другой стены выстроился ряд роскошных особняков, в котором размещались консульства внешних планет.

Посреди поля, на четвертой из пяти стоянок, стоял средних размеров транспортно-пассажирский корабль. Было видно, что он готов к отлету. Грузовой люк задраили, отъезжали порожние вагонетки, и лишь трап соединял корабль с землей.

Джуллиям посадил машину рядом со станцией, на специально отведенную площадку. Хабальятт успокаивающе положил руку на предплечье Джонатану:

— Для вашей безопасности, наверное, будет умнее, если визы оформлю я. Возможно, Товэрэч задумал какую-нибудь низость или подвох. Кто знает, на что способны эти друиды. — Он вылез из машины. — Подождите меня здесь, не попадаясь никому на глаза. Я вернусь очень быстро.

— Но деньги на проезд...

— Пустое, пустое... Мое правительство предоставляет мне денег больше, чем я способен потратить. Позвольте мне пожертвовать пару тысяч стипеллей в фонд легендарной матери-Земли.

Джонатан откинулся в кресле. Его мучили сомнения. Две тысячи стипеллей, которые будут очень кстати, когда

придется возвращаться на Землю. Если Хабальятт полагает, что тем самым сумеет его связать, то он глубоко ошибается. Скорей бы оказаться подальше от Кайирилл, пока дела идут хорошо.

Но в таких случаях никогда не обходится без «кви-прокво», порой довольно неприятного. Он протянул руку к двери и заметил, что за ним наблюдает Джуллиам.

Джуллиам покачал головой:

— Нет-нет, сэр. Лорд Хабальятт сейчас, вероятно, вернется. До его прихода вы должны оставаться в укрытии.

— Хабальятт обождет, — вызывающе бросил Джонатан и выскочил из машины.

Не обращая внимания на ворчание Джуллиама, он отошел и направился к станции.

Постепенно раздражение начало проходить, и он вдруг понял, что и впрямь должен бросаться в глаза в своей черно-бело-зеленой ливрее. У Хабальятта была отвратительная привычка всегда оказываться правым.

Реклама на стене сообщала:

**«КОСТЮМЫ ВСЕХ МИРОВ!
ПЕРЕОДЕНЬТЕСЬ ЗДЕСЬ И ЯВИТЕСЬ НА МЕСТО
НАЗНАЧЕНИЯ В ПОДХОДЯЩЕМ КОСТЮМЕ»**

Джонатан вошел. Хабальятта можно будет увидеть через стеклянную дверь и стену, если тот покинет станцию и направится к машине. Среди персонала лавки находился ее владелец — высокий, костлявый человек неведомой расы с широким восковым лицом и большими глазами, бледно-голубыми и бесхитростными.

— Что угодно милорду? — с почтением в голосе спросил он, явно игнорируя ливрею слуги, которую сдирал с себя Джонатан.

— Помогите мне избавиться от этого, — обратился к нему Джонатан. — Я лечу на Балленкрайч, так что подберите для меня что-нибудь приличное.

Хозяин лавки поклонился.

Изучающим взором он окинул фигуру Джонатана, повернулся к вешалке и выложил на прилавок комплект одежды, который заставил клиента выпучить глаза: красные панталоны, узкий голубой жакет без рукавов, широкая белая блуза.

— Вы полагаете, это то, что нужно? — с сомнением в голосе произнес Джонатан.

— Это типичный балленкрайчский костюм, милорд! Типичный наряд для наиболее цивилизованных кланов. Дикари носят шкуры и мешковину. — Лавочник повертел костюм, показывая его со всех сторон. — Сам по себе наряд не указывает на конкретный ранг. Подвассалы носят слева мечи. Вельможи дворца Вайл-Алана, кроме этого, надевают черный пояс. Костюмы Балленкрайча, милорд, отличаются поистине варварской пышностью.

— Дайте мне серый дорожный костюм и плащ. Я смею его на балленкрайчский по прибытии.

— Как вам будет угодно, милорд.

Дорожный костюм выглядел более привычно. С чувством облегчения Джонатан застегнул молнии, поправляя оборки на запястьях и лодыжках, потом затянул пояс.

— Как насчет модного мормона? — поинтересовался лавочник.

Джонатан поморщился. Мормоны — отличительный знак Кайирилльской знати. Солдаты, слуги, крестьяне не имели права носить эти тонкие блестящие украшения. Джонатан указал на приплюснутый раковинообразный шлем из светлого металла, переливающийся перламутром по краям.

— Вот этот, пожалуй, подойдет.

Тело лавочника приняло форму буквы «г».

— Да, Ваша Боготворимость!

Джонатан мрачно поглядел на торговца, затем на выбранный только что головной убор, не очень понимая из-за чего могла произойти с торговцем такая перемена. Впрочем, довольно быстро он сообразил, что именно стало причиной подобной метаморфозы: блестящий глупейший шлем, годный только как украшение. В точности такой же, как у еkkлeзиарха Маноолло. Просто нелепое совпадение, но какой результат? Джонатан пожал плечами, нахлобучил мормон на голову, извлек содержимое карманов ливреи. Пистолет, деньги, бумажник с удостоверением...

— Сколько я вам должен?

— О, я прошу вас, Ваша Боготворимость, всего двести стипеллей.

Джонатан протянул ему две бумажки и вышел. Он заметил, что смена ливреи на серый костюм и помпезный

мормон оказали влияние и на его настроение: он стал чувствовать себя увереннее, шаг стал значительно тверже.

Хабальятт был далеко впереди. Он шел рука об руку с Мейнгом в зеленой униформе с желто-голубой окантовкой. Говорили они очень серьезно и темпераментно. Джонатан пожалел, что не умеет читать по губам. Затем Мейнг и Хабальятт остановились у трапа, ведущего вниз на стоянку. Офицер Мейнг вежливо кивнул, повернулся и пошел вдоль аркады, Хабальятт же с легкостью взбежал по лестнице.

Джонатан подумал, что было бы неплохо услышать, о чем в его отсутствие будут говорить Хабальятт и Джуллиам. Если добежать до конца стоянки вдоль аркады, спрыгнуть со стены и незаметно подобраться к машине с тыла...

Еще додумывая эту мысль до конца, он повернулся и бросился бежать по террасе, не обращая внимания на изумленные взгляды прохожих. Спрыгнув на зелено-голубой дерн, Джонатан пошел вдоль стены, стараясь, чтобы между ним и беззаботно шествующим Хабальяттом оставалось как можно больше машин.

Добравшись до машины Джуллиама, он упал на колени. Джуллиам его не заметил, он смотрел на Хабальятта.

Хлопнула дверца, и Хабальятт благодушно произнес:

— Ну, а теперь, мой друг... — он запнулся на полуслове, затем резко бросил: — Где он? Куда он девался?

— Он уже ушел, — ответил Джуллиам, — почти сразу после вас.

— Будь проклята человеческая непредсказуемость! — заявил Хабальятт с резкими интонациями в голосе. — Я же ему ясно приказал оставаться здесь!

— Я напомнил ему о ваших указаниях. Он меня не слушал.

— С человеком, у которого ограничен интеллект, очень трудно иметь дело. Он несокрушим для логических построений. Я тысячу раз предпочел бы бороться с Гейнием. По крайней мере, метод Гейния можно рассчитать или разгадать. Если Ирру Камметтви его увидит, все мои планы рухнут. Глупейший упрямец!

Джонатан обиженно засопел, но попридержал язык за зубами.

— Пойди посмотри вдоль аркады, — обратился Хабальятт к водителю. — Если встретишь, быстрее пришли его

обратно. Я буду ждать здесь. Потом позвони Ирру Каммет-тви, он сейчас в консульстве. Себя назовешь Аголамом-Четырнадцатым. Если он начнет расспрашивать, скажешь, что был агентом Яшионинта, ныне мертвеца, и что у тебя есть важная информация. Он захочет тебя видеть. Добавь, что остерегаешься контрмер со стороны друидов. Скажи, что окончательно установил личность курьера и что он летит на «Бельзвурроне». Дашь краткое описание этого человека и вернешься сюда.

— Слушаюсь, лорд.

Послышалось шарканье ног шофера. Подождав немного, Джонатан скользнул назад, пролез под днищем длинного голубого экипажа и поднялся на ноги. Джуллиам шел через стоянку. Джонатан вернулся к машине, обежал ее и забрался внутрь.

Глаза Хабальятта горели, но он произнес беззаботным тоном:

— Ага, вот и вы, молодой человек. Где же вы были? А, понимаю — новый наряд! Очень, очень разумно, хотя, конечно, было весьма неосторожно идти вдоль аркады. — Он полез в кошелек и достал конверт. — Вот ваш билет. Балленкрайч через Джиннуокли.

— Джиннуокли? Где это?

Хабальятт сложил вместе кончики пальцев и стал говорить преувеличенно любезным тоном:

— Вам, вероятно, известно, что планеты Кайирилл, Мейнгер и Балленкрайч образуют почти равносторонний треугольник. Джиннуокли — искусственный спутник в его центре. Кроме того, он расположен в точке пересечения линии «Мейнгер-Сомбоз-Билленд» с перпендикулярной ей трассой под названием — «Фукс внешняя система». Джиннуокли, творение рукотворное и замечательное во многих отношениях. Необычное конструкторское решение, высокий уровень обслуживания пассажиров, знаменитые сады, космополитичность лиц, встречаемых на нем. Надеюсь, путешествие вам понравится.

— Надо думать, — согласился Джонатан.

— На борту будут находиться шпионы, — они здесь действуют повсюду. Шагу нельзя ступить, чтобы не споткнуться о шпиона. В их инструкции касательно вас насилие может входить, а может и не входить. Рекомендую никогда не утрачивать бдительности, хотя, как это хоро-

шо известно, убийца-профессионал ни за что не упустит удобного случая, и ваша бдительность особого значения все равно не имеет.

— У меня пистолет. — В голосе Джонатана пробился черный юмор.

Глаза Хабальятта могли соперничать в невинности с глазами младенца:

— Отлично. Итак, менее чем через минуту корабль отчалит. Вам лучше подняться на борт. Не могу вас сопровождать, но верю, что вам будет сопутствовать удача.

Джонатан спрыгнул на землю.

— Спасибо за все, — бесстрастно сказал он.

Хабальятт протестующе поднял ладонь:

— Не благодарите, прошу вас. Я рад помочь в беде хорошему человеку. Тем более что вы можете оказать мне ответную услугу. Я обещал моему другу, Балленкрайчскому принцу, образец лучшего на Кайирилл вереска. Не могли бы вы оказать любезность передать ему вот этот горшочек с сердечным приветом от меня? — Хабальятт показал растение в горшочке с землей. — Я положу его вот сюда, в сумку. Пожалуйста, будьте с ним осторожны. Если можно, поливайте его раз в неделю.

Джонатан принял горшочек с землей и растением. Над полем заревела корабельная сирена.

— Торопитесь, — улыбнулся Хабальятт. — Быть может, мы еще когда-нибудь встретимся с вами.

— Всего доброго, — ответил Джонатан.

Он повернулся и направился к кораблю.

От станции к кораблю шли всего два последних пассажира. Джонатан оторопело уставился на них. Какие-нибудь пятьдесят футов отделяли его от этой пары. Высокий широкоплечий человек с лицом злобного сатира и тонкая темноволосая девушка. Маноолло и жрица Ильфейенн...

Скелет грузовой станции черной паутиной высился в мрачном небе. По расшатанным ступенькам Джонатан поднимался вверх. Никто не шел следом за ним, никто не наблюдал. Он подошел к антенне локатора, поставил возле нее горшок с растением — так, чтобы тот не был на виду. «Кви-про-кво» Хабальятта могло обойтись слишком дорого. Пусть поищет другого курьера...

Джонатан кисло улыбнулся. «Ограниченный интеллект», «тупоголовые идиоты» — достаточно древние вы-

ражения и предназначаются они обычно для того, чтобы согладатаи не слышали о себе ничего хорошего. Возможно, так было и в этом случае.

«Я ввязался в плохую историю,— подумал Джонатан.— Впрочем, плевать. Скорее бы прилететь на Балленкрайч...»

С твердостью и энергией, характерной для их расы, Маноолло и Ильфейенн пересекли площадку, поднялись по трапу и зашли в люк.

Джонатан проклял старого Хабалятта. Он что, думает, что Джонатан способен настолько увлечься Ильфейенн, чтобы бросить вызов Маноолло?

Джонатан фыркнул.

«Старый перезрелый ханжа!»

У Джонатана не было ни малейшей уверенности, что Ильфейенн воспримет его как потенциального противника или любовника. А после того как ее касался Маноолло... Мускулы желудка сжались.

«Даже если я забуду о Маргарите, я не рискну на такое,— думал он про себя.— У меня своих забот хватает, не хватало еще приплетать чужие хлопоты».

На верхней площадке трапа стоял стюард, в красной униформе в обтяжку.

Ноги его украшал орнамент из рядов золотых лягушек, в ухо был вставлен радиоприемник, а к горлу прикреплён микрофон. Джонатан еще не встречал представителей этой расы,— стюард был широкоплеч, беловолос и с глазами зелеными, как изумруды.

Джонатан испытывал странное волнение. Ему казалось, что Товэрэч уже знает о его бегстве с планеты и что сейчас его остановят.

Почтительно наклонив голову, стюард взял билет и предложил пройти.

Джонатан пересек площадку трапа в направлении выпуклого черного корпуса корабля и зашел в затемненную нишу двойного люка.

Там за переносным столом сидел корабельный казначей — второй человек из той же беловолосой расы. Как и на стюарде, на нем был ярко-красный костюм, подобно второй коже, обтягивающий тело. Наряд дополняли эпoletы и красный головной убор, облегающий череп.

Он протянул Джонатану книгу:

— Ваше имя и отпечаток пальца, пожалуйста. Исключительно на тот случай, если в полете с вами случится несчастный случай.

Пока казначей изучал его билет, Джонатан расписался и прижал палец к обведенному квадратику.

— Первый класс. Четырнадцатая каюта. Багаж, Боготворимый?

— У меня багажа нет, — ответил Джонатан. — Но надеюсь, на корабле есть лавка, где можно запастись бельем?

— Разумеется, разумеется, Боготворимый! А сейчас, если желаете пройти в каюту, стюард вас проводит.

Джонатан опустил взгляд на книгу. Как раз над своей подписью он увидел запись, сделанную высоким угловатым почерком:

«ДРУИД МАНООЛЛО КИА БОЛЛОНДЬЕТТ».

Еще выше округлыми буквами значилось:

«ЭЛНИЕТТЕ БОЛЛОНДЬЕТТ».

Подписалась как жена.

Джонатан плотно сжал губы.

Маноолло определили в тринадцатую каюту, Ильфейенн — в двенадцатую. Ничего странного в этом не было. «Бельзвуррон» был транспортно-пассажирским кораблем, и в отличие от больших пассажирских кораблей, которые разлетаются во всех направлениях, особых удобств, для пассажиров на нем не предусматривалось. Так называемые «каюты» на самом деле были клетушками с гамаками, выдвижными ящиками, крохотными ваннами и откидным оборудованием.

Стюард в облегающем костюме, на этот раз люминесцентно-голубого цвета, предложил:

— Сюда, лорд Смайл.

Какого иногда пустяка не хватает человеку для того, чтобы к нему стали относиться с уважением. Все дело на этот раз заключалось в том, что Джонатан надел на голову жестяную шляпу.

Перестав философствовать, Джонатан решил махнуть рукой на все капризы судьбы и нелепость условностей бытия.

Пожав плечами, Джонатан вслед за стюардом прошел через трюм, где уже спали пассажиры третьего класса.

Неуютно упакованные в гамаки, так хорошо знакомые Джонатану. Затем они прошли через столовую-салон.

Наконец, проследовав через столовую, они добрались до противоположной стены корабля. В стене находились два ряда дверей, кроме того, к ней примыкал довольно широкий балкон, на который выходил еще один ряд абсолютно одинаковых дверей, которые разнились только номерами, проставленными на них. Последней в верхнем ряду была дверь с четырнадцатым номером. Это был номер Джонатана, и он готовился отдохнуть немного от всего того, что с ним произошло за сегодняшний день. Его уже порядком утомили все эти приключения.

Стюард и Джонатан уже прошли мимо двери с одиннадцатым номером, и в тот момент, когда они приблизились к двенадцатой каюте, дверь ее неожиданно распахнулась, и из каюты на балкон выскочил разъяренный Маноолло. Он был смертельно бледен, а выпученные глаза приобрели несвойственную им эллиптическую форму. Ничего и никого не замечая, Маноолло отпихнул плечом стюарда и Джонатана, те просто остоленели от неожиданности, затем распахнул дверь в тринадцатую каюту и скрылся за ней, захлопнув ее с сильным грохотом. Да, все говорило о том, что Маноолло потерял над собой всякий контроль. Зрелище само по себе довольно необычное. Потерявший от толчка равновесие Джонатан восстановил его, опираясь на перила.

Все мысли вылетели у него из головы и не только от неожиданности. Никогда не испытывал он такой волны безудержного, безграничного отвращения. Но было в этом чувстве что-то еще, что было абсолютно незнакомо Джонатану.

Такого отвращения, в сочетании с этим новым чувством, не удавалось до сих пор возбудить в нем никому, даже Гордону Крейстону.

Ощущение усиливалось еще и тем обстоятельством, что из своей каюты появилась юная жрица. Ильфейенн молча стояла на пороге своей каюты. Она уже успела переодеться в легкое белое платье, сменив на него свою голубую тогу. Темные волосы обрамляли узкое живое лицо девушки, которое сейчас было искажено гневом. Их взгляды встретились, и какое-то время Ильфейенн и Джонатан стояли неподвижно, в некотором напряжении не отрывая друг от

друга глаз. Напряжение, охватившее сначала Джонатана, постепенно ушло. Осталось странное, новое чувство, которое и пытался он сейчас опознать.

В полном изумлении Джонатан наблюдал за тем, как в его душе поднимается волнение, воодушевление и восторг, вытесняя полностью оттуда неприязнь и раздражение. Брови жрицы недоуменно поднялись, и девушка открыла рот, явно намереваясь спросить его о чем-то. Джонатан встревожился не на шутку, он опасался, что Ильфейенн его узнает. Правда, их последняя встреча проходила наспех, и у него оставалась надежда на это, да и одежда сильно изменила его облик. Теперь он для нее был совершенно другим человеком, так он надеялся, по крайней мере.

Ильфейенн резко повернулась, ушла к себе в каюту и закрыла дверь. Джонатан, сопровождаемый стюардом, прошел в четырнадцатый номер. Стюард быстро и очень ловко помог забраться Джонатану в гамак. Самым удивительным было то, что он умудрялся при этом сохранять вид почтительной преданности.

5

Сон закончился, Джонатан проснулся, открыл глаза и отчетливо произнес:

— Напрасный труд. Хабальятт ловко вас провел, подсунув ложную информацию. Вы пытаетесь найти то, чего здесь нет, да и не может быть.

Человек, которого звук голоса Джонатана застал врасплох, застыл в углу комнаты, спиной к Джонатану. Так он стоял до момента пробуждения Джонатана, занятый своими безуспешными поисками. Теперь он неподвижно стоял и, кажется, даже и не дышал вовсе, как памятник самому себе.

Джонатан быстро сориентировался и, проявив завидную выдержку, суровым голосом произнес:

— Стойте спокойно, даже не думайте двигаться! Вы на мушке у меня!

Движения Джонатана были скованы и очень неловки, — сказывались последствия гипнотического сна. Он сделал еще одну попытку выбраться из гамака, но безуспешно, сеть прочно удерживала его в своих путах.

Незванный гость, услышав за спиной возню, бросил через плечо вороватый взгляд. Судорожно перевел дыхание и вдруг быстро метнулся к двери. Он очень ловко выскочил в неплотно закрытую дверь. Проскользнул так же ловко и бесшумно, почти как призрак, так, что у Джонатана появилось сомнение в том, что он вообще здесь только что был.

Джонатан снова судорожно забился в путах гамака, но безуспешно. Он громко позвал, но в ответ слышал только тишину. Снова закричал, но ответа не последовало. Кое-как высвободившись из сети, он подбежал к двери и выглянул в салон. В салоне никого не было. Никого, и вокруг стояла полная тишина.

Постояв немного в задумчивости, Джонатан вернулся к себе и закрыл дверь. Самым печальным для него было то, что спросонья он не успел запомнить лица незнакомца. Внешность ночного гостя осталась в его памяти в виде очень неотчетливой и расплывчатой картинки. Он напряг память, но вспомнить сумел только то, что незнакомец был человеком приземистым, даже несколько угловатым. С лицом гостя дело обстояло еще хуже. Мало того что Джонатан тогда только что проснулся, так еще лицо незнакомца мелькнуло перед ним всего на короткий миг. Запомнился только необычный пергаментный оттенок кожи. Кожа выглядела так, как будто бы под нею струилась кровь ярко-желтого цвета.

После недолгого раздумья Джонатан пришел к выводу, что его ночным гостем был Мейнг.

«Будь он проклят, этот Хабальятт, — Джонатан всерьез был разгневан. — Похоже на то, что он решил оставить мне малопривлекательную и весьма опасную роль подсадной утки... Ну, уж нет, этот номер у него не пройдет! Нужно сообщить об этом капитану».

Джонатан рассчитывал на то, что капитану, кем бы тот ни был, друидом или мейнгом, не понравится тот факт, что на его корабле кто-то пытается творить беззакония. Но прошло совсем немного времени, и он уже отказался от этой мысли, такой удачной на первый взгляд. Что он скажет капитану? Говорить, собственно, было нечего. Кто-то, кого он не запомнил, влез в его каюту, что такого особенного произошло? Подумаешь, какой-то жулик забрался ночью к пассажиру в каюту, «жулик» — это первое, что

придет в голову капитану после того, как он выслушает рассказ Джонатана. Вряд ли он сочтет возможным подвергать пассажиров психодознанию из-за такого пустяка, как розыск корабельного воришки. Надежды на такие решительные действия капитана у Джонатана не было, значит, оставалось только дожидаться более подходящего случая, глядишь, Хабальятт допустит более серьезный промах. Вот тогда-то...

Не переставая зевать, Джонатан потер лоб. Вот и опять он в космосе; возможно, даже на последнем этапе своего пути в открытом пространстве. Если, конечно, Гордон не отправился еще дальше. Правда, на это надежды оставалось мало, если учесть тот факт, что Гордон до сих пор проявлял изрядную прыть и страсть к путешествиям.

Он поднял щиток на иллюминаторе и выглянул в космос. Впереди, по носу корабля, буферный экран абсорбировал встречную радиацию. В то же время энергия, увеличившая свою плотность и частоту благодаря эффекту Допплера, пополняла запасы топлива.

Перспективы смешались в водовороте, дрейфуя пылинками в луче света. А за кормой царила крошечная тьма, потому что корабль поглощал весь свет. Знакомая картина. Джонатан закрыл заслонку. Предстояло принять ванну, одеться и поесть.

Он поглядел в зеркало. В глаза бросилась отросшая щетина. Бритвенный прибор лежал на стеклянной полке под откидной раковиной. А когда Джонатан впервые вошел в каюту, прибор висел на крюке переборки.

Джонатан отпрянул от стены, сдерживая нервную дрожь. Разумеется, посетитель пришел сюда не для того, чтобы побриться. Он поглядел под ноги и увидел циновку из плетеных медных колец. От нее к водопроводной трубе бежал очень тонкий провод из меди, который было трудно заметить.

Джонатан осторожно взял бритву и отнес ее себе на койку. Продолжением рукоятки была деталь в форме сооска, прихваченная к ней металлической лентой. Деталь эта принадлежала блоку узла, черпающего энергию из главного поля корабля.

Джонатан подумал, что с удовольствием отблагодарил бы Хабальятта, столь великодушно спасшего его от Товзрэча и посадившего на борт «Бельзвуррона».

Затем он вызвал стюарда. Вошла молодая женщина, светловолосая, как и прочие члены экипажа. На ней было короткое оранжево-голубое платье, сидевшее на ней, как слой краски. Джонатан завернул бритву в наволочку и приказал:

— Отнесите это к электрику и пропустите разряд. Это очень опасно, поэтому не прикасайтесь сами и не давайте никому прикасаться. И вот еще что: не могли бы вы мне принести другую бритву?

— Да, сэр.

Женщина вышла.

Приняв наконец ванну, Джонатан побрился и оделся в лучшее, что мог предоставить его ограниченный гардероб. Затем он вышел в салон. Из-за половинной гравитации приходилось ступать очень осторожно.

В креслах сидели четверо или пятеро пассажиров — мужчины и женщины — и вели неторопливую осторожную беседу.

Некоторое время Джонатан стоял, наблюдая.

«Странные, неестественные создания, — думал он, — эти существа космического века. Они столь деликатны и церемонны, что общение для них — не более чем способ оттачивать манеры. Они настолько фальшивы, что ничто не может их потрясти больше, чем искренность и непосредственность».

Среди беседующих находились три Мейнга — двое мужчин и женщина. Из мужчин один был стар, другой молод, оба в роскошной униформе, указывающей на их принадлежность к Красной Ветви Мейнгера. Молодая женщина-Мейнг, обладавшая несколько тяжеловесной красотой, была, очевидно, женой молодого офицера. Черты остальных двух присутствующих, — как и людей, управлявших кораблем, — были Джонатану незнакомы. Они напоминали картинки из волшебных сказок детства. Это были всклокоченные хилые создания, большеглазые и тонкокожие, в ярких просторных одеждах.

Джонатан спустился по ступенькам на главную палубу. Появился корабельный стюард. Указывая на Джонатана, он произнес:

— Господа, позвольте представить вам лорда Джонатана Смайла с планеты... с планеты Земля.

Затем стюард представил присутствующих.

— Ирру Камметтви, — сказал он, указав на старого офицера, Мейнга. — Ирру-Экс Амма и Ирриту Тояй с Мейнгера. — Он повернулся к сказочным существам: — Пратер Лулай Хасассимасса и его супруга леди Гермина Сильская.

Джонатан вежливо поклонился и сел в конце длинного ряда кресел. Молодой офицер Мейнг, Ирру-Экс Амма, спросил с интересом:

— Правильно ли я расслышал: вы назвали своей родной планету Земля?

— Да, — почти агрессивно ответил Джонатан. — Я родился на континенте, называющемся Северной Америкой, на котором и был построен корабль, покинувший Землю.

— Странно, — пробормотал Мейнг, недоверчиво разглядывая его. — Я всегда был склонен считать слухи о Земле не более чем одним из суеверий Космоса, чем-нибудь вроде Райских Лун или Звезды Дракона.

— Земля — не легенда, — возразил Джонатан. — Могу вас заверить. Когда-то, во времена внешних миграций, войн и программ планетарной пропаганды, случилось так, что факт существования Земли оказался под вопросом. Кроме того, нам очень редко случается путешествовать по вашему удаленному витку Галактики.

Женщина из сказки произнесла писклявым голосом, который очень подходил к ее хрупкому облику:

— И вы утверждаете, что все мы — Мейнги, мы, друиды, биллендцы, управляющие кораблем, фрунзаны, таблиты, — все произошли от земной ветви?

— Таковы факты.

— Это не есть абсолютная истина, — вмешался металлический голос. — Друиды — плод Дерева Жизни. Это хорошо разработанная доктрина, а прочие голословные утверждения — ложны!

— Вы имеете право на личную точку зрения, — осторожно ответил Джонатан.

— Экклезиарх Маноолло Киа Боллондъетт с Кайирилл, — доложил стюард.

Затем последовала пауза, и Маноолло произнес:

— Я не только имею право на личную точку зрения, но и обязан протестовать против пропаганды некорректных воззрений.

— Это также ваше право, — пожал плечами Джонатан. — Протестуйте, если хотите.

Он увидел мертвые глаза Маноолло. Возникло чувство, что между ними двумя невозможно ни человеческое понимание, ни логика. Возможны только лишь эмоции и упрямство.

Пришла жрица Ильфейенн. Она была представлена компании и молча села рядом с Герминой Сильской. Обстановка Изменилась. Хотя Ильфейенн и обменивалась пустыми любезностями с Герминой, не глядя на Джонатан, все же ее присутствие внесло оживление и остроту.

Джонатан считал. Восемь вместе с ним. Четырнадцать кают. Неизвестных пассажиров оставалось шестеро. Один из тринадцати пытался его убить. Мейнг.

Из второй и третьей каюты вышли и были представлены собравшимся два друида — престарелые святоши с бараньими лицами, летящие с миссией на Балленкрайч. С собой они транспортировали раскладной алтарь, который и был немедленно установлен в углу салона. Сразу же вслед за этим жрецы приступили к серии немых церемоний малого обряда Дерева. Маноолло рассматривал их без интереса минуту или две, затем отвернулся.

Оставалось четверо.

Стюард объявил трапезу — первую за этот день.

Появилась следующая пара: двое Мейнгов в штатском — в широких плащах из разноцветного шелка, корсетах и украшенных бриллиантами нагрудниках. Они подчеркнуто вежливо поклонились компании и, как только стюард установил раскладной стол, заняли свои места. Эти пассажиры представлены не были.

«Пятеро Мейнгов, — подумал Джонатан. — Двое гражданских, двое солдат, женщина. В двух каютах остаются неизвестные пассажиры».

Открылась дверь следующей каюты, и на балконе появилась тощая старая женщина. Голова ее, лысая как яйцо, сплющивалась на макушке. Лицо украшали выпученные глаза и крупный костистый нос. На женщине висела черная пелерина, и каждый палец на обеих руках был унизан драгоценными перстнями.

Дверь каюты номер шесть оставалась закрытой.

Меню, на удивление разнообразное, учитывало вкусы многих рас. Джонатан разучился привередничать с тех пор, как начал перелетать с планеты на планету. Ему доводилось употреблять в пищу органическую материю всех

мыслимых цветов, составов, вкусов и запахов. Порой ему удавалось найти яствам подходящие и привычные названия. Папоротники и фрукты, грибы и корни, рептилии и насекомые, рыбы и моллюски, слизняки, споровые коробочки, животные и птицы — все это разнообразие более или менее поддавалось ассоциативной классификации. Но оставалось еще много предметов, которые он не мог ни определить, ни назвать. И то, что их можно есть, он узнал лишь на примере окружающих.

Его место оказалось как раз напротив Маноолло и Ильфейенн. Джонатан заметил, что они не разговаривают друг с другом, и несколько раз ловил на себе ее взгляд — озадаченный, оценивающий, осторожный.

«Она уверена, что видела меня раньше, — подумал Джонатан, — но не может вспомнить — где...»

После еды пассажиры разделились. Маноолло уединился в гимнастическом зале, примыкающем к салону. Мейнги впятером уселись за какую-то игру в разноцветные дощечки. Силлиты отправились на прогулку в сторону кормы. Долговязая женщина осталась неподвижно сидеть в кресле, бессмысленно уставившись в темноту. Джонатан испытал желание позаниматься гимнастическими упражнениями, но мысль о Маноолло удерживала его. В корабельной библиотеке он выбрал фильм и уже собирался вернуться в свою каюту, но...

— Лорд Смайл, не могли бы вы со мной поговорить? — низким голосом произнесла появившаяся жрица Ильфейенн.

— Разумеется.

— Может быть, пойдём ко мне в каюту?

Джонатан оглянулся через плечо:

— А ваш супруг не будет в претензии?

— Супруг? — На ее лице появились гнев и презрение. — Наши отношения абсолютно формальны. — Она замолчала, глядя в сторону и явно сожалея о своих словах. Затем вежливо и холодно произнесла снова: — Я бы хотела поговорить с вами...

Ильфейенн повернулась и направилась в свою каюту.

Джонатан тихонько рассмеялся: эта самочка не знает иного мира, кроме того, что у нее в голове, и не подозревает, что намерения окружающих могут расходиться с ее намерениями. Сейчас это забавно, но что будет, когда она повзрослеет? Джонатану вдруг пришло в голову, что не-

плохо было бы оказаться с ней вдвоем на необитаемом острове или планете, а после заняться подавлением упрямства и развитием понимания...

Он неторопливо последовал за ней. В каюте жрица села на койку, он — на скамью.

— Итак?

— Вы говорили, что ваша родина — Земля. Мифическая Земля. Это правда?

— Это правда.

— А где находится ваша Земля?

— Ближе к центру, примерно в тысяче световых лет отсюда.

— На что она похожа? — Ильфейенн наклонилась вперед, уперев локти в колени и положив на ладони подбородок, и с любопытством поглядела на него.

Джонатан, неожиданно взволнованный и растерянный, пожал плечами.

— Вы задали вопрос, на который нельзя ответить одним словом. Земля — очень странный мир. Повсюду древние здания, древние города, древние традиции. В Египте находятся пирамиды, построенные первой цивилизацией человечества, в Англии — цирк из тесаных каменных глыб — Стоунхендж, отголосок почти столь же далеких эпох. В пещерах Франции и Испании, глубоко под землей, остались рисунки, сделанные людьми, недалеко ушедшими от животных, на которых они охотились.

Она глубоко вздохнула.

— Но ваша цивилизация, ваши города — они отличаются от наших городов?

— Естественно, отличаются. В космосе не бывает двух одинаковых планет. На Земле царит старая культура, зрелая и доброжелательная. Расы давно слились, и я — результат этого смешения. Здесь, во внешних регионах, люди разъединены, замкнуты и поэтому кое-где сохранились почти первозданные виды. Вы, друиды, физически близкие к нам, принадлежите к древней кавказской расе Средиземноморья.

— Но разве у вас нет великого бога — Дерева Жизни?

— В настоящее время сколько-нибудь организованной религии на Земле нет. Мы совершенно свободны и вольны жить так, как нам нравится. Некоторые поклоняются космическому создателю, другие чтут лишь физические зако-

ны, управляющие Вселенной. Уже давно никто не молится фетишам, антропоидам, животным или растениям вроде вашего Дерева.

— Вы!..— воскликнула она.— Вы смеетесь над нашим священным учением?

— Извините.

Она поднялась, затем вновь села, подавляя гнев.

— Во многом вы мне интересны,— сказала она задумчиво, словно пытаясь оправдать перед собой свое терпение.— У меня такое чувство, что мы с вами знакомы...

— Я был шофером вашего отца,— сказал Джонатан, побуждаемый почти садистским импульсом.— Вчера вы и ваш муж собирались меня прикончить...

Она замерла, открыв рот и уставившись на Джонатана. Затем поникла и откинулась на спинку дивана.

— Вы... вы...

Но взгляд Джонатана уже привлекло нечто за ее спиной. На полке над койкой стояло растение, идентичное или почти идентичное оставленному им на Кайирилл растению.

Жрица поняла, куда он смотрит.

— Вы знаете? — Это было сказано почти шепотом.— Убейте меня, уничтожьте меня, я устала от жизни!..

Она встала, бессильно уронив руки. Джонатан поднялся, сделал шаг к ней. Это было похоже на сон: бесследно исчезли логика и здравый смысл, причина и следствие. Он положил ладони на ее плечи. Ильфейенн была теплая и тонкая; она вздрагивала, как птица.

— Я не понимаю,— произнесла она хрипло, опускаясь на койку.— Я ничего не понимаю...

— Скажите мне,— столь же хрипло произнес Джонатан,— какое отношение имеет к вам Маноолло? Он что, ваш любовник?

Она не ответила. Затем сделала слабое отрицательное движение головой:

— Нет, он мне никто. Он послан с миссией на Балленкрайч. Я решила, что хочу отдохнуть от ритуалов. Я хотела приключений и не подумала о последствиях. Но Маноолло, он мне страшен. Он приходил ко мне вчера, и я испугалась!

Джонатан почувствовал огромное облегчение. А затем, вспомнив о Маргарите, он виновато вздохнул. Тем време-

нем на лице Ильфейенн вновь появилось выражение, свойственное юной жрице.

— Какая у вас профессия, Смайл? — спросила она. — Вы шпион?

— Нет, я не шпион.

— Тогда зачем вы летите на Балленкрайч? Только шпионы и агенты летают на Балленкрайч. Друиды, Мейнги и их наемники.

— У меня личное дело.

Он поглядел на нее, и ему подумалось, что эта пылкая жрица лишь вчера с такой же пылкостью собиралась убить его.

Ильфейенн заметила, что он ее разглядывает, и опустила голову с капризной гримасой — кокетливый трюк девицы, осведомленной о своем обаянии. Джонатан рассмеялся и вдруг застыл, прислушиваясь. Из-за стены доносился скребущий звук. Ильфейенн встревоженно оглянулась.

— Это у меня. — Джонатан вскочил, пробежал по балкону и распахнул дверь своей каюты. Там стоял молодой офицер, Ирру-Экс Амма, глядя на него и улыбаясь невеселой улыбкой, открывавшей желтые зубы. В руке он держал пистолет, нацеленный Джонатану в переносицу.

— Назад! — приказал он. — Назад!

Джонатан медленно попятился на балкон, мельком оглянувшись на салон. Четверо Мейнгов по-прежнему были заняты игрой. Один из гражданских поднял глаза, затем что-то пробормотал партнеру, и они разом повернули головы в его сторону. Джонатан успел заметить глянец на четырех лимонных лицах. И тут же Мейнги вернулись к игре.

— В каюту женщины-друида, — приказал Экс-Амма. — Быстро!

Он помахал пистолетом, не переставая широко улыбаться, словно лисица, скалящая клыки.

Джонатан медленно вернулся в каюту Ильфейенн, переводя взгляд с пистолета на лицо Мейнга и обратно.

Ильфейенн судорожно вздохнула. Она была в ужасе.

— Аххх! — сказал Мейнг, увидев горшок с торчащим из него прутом, и повернулся к Джонатану. — Спиной к стене, — сказал он, потом выпрямил руку с пистолетом, и на его лице появилось предвкушение убийства.

Джонатан понял, что пришла смерть...

Дверь за спиной Мейнга открылась, и послышалось шипение. Мейнг выпрямился, выгибаясь, дернул головой, челюсти его окостенели в беззвучном крике. Через секунду он рухнул на палубу.

В дверях стоял Хабальятт с цветущей улыбкой на физиономии.

— Очень сожалею, что причинил вам беспокойство...

Глаза Хабальятта замерли на растении, стоявшем на шкафу. Он покачал головой, облизал губы и устремил на Джонатана стыдливый взгляд:

— Мой дорогой друг, вы послужили инструментом в разрешении очень тщательно составленного плана.

— Если бы вы спросили, — сказал Джонатан, — хочу ли я пожертвовать жизнью для выполнения ваших планов, вам бы удалось сберечь массу угрызений совести.

Хабальятт блеюще рассмеялся. При этом на его лице не шевельнулся ни один мускул.

— Вы очаровательны. Я счастлив, что вы остались с нами. Но сейчас, боюсь, произойдет скандал.

По балкону уже воинственно маршировали три Мейнга: Ирру Камметтви, старый офицер, и с ним — двое гражданских лиц. Ощетинившись, как рассерженный пес, Ирру Камметтви отдал честь.

— Лорд Хабальятт, это вопиющее нарушение! Вы вмешались в действие офицера, находящегося при исполнении служебных обязанностей.

— Вмешался? — запротестовал Хабальятт. — Я убил его. А что касается «обязанностей», — с каких это пор беспутный голодранец из Красной Ветви становится в один ряд с членом Ампиану-Женераль?

— Мы выполняем распоряжение Магнерру Ипполито, причем — личное распоряжение. У вас нет ни малейших оснований...

— Магнерру Ипполито, смею вам напомнить, — вкрадчиво начал Хабальятт, — подотвествен Латбону, союзу, в который вместе с Голубой Водой входит и Женералы!

— Стая белокровных трусов! — воскликнул офицер. — Да и прочие из Голубой Воды — тоже!

Женщина-Мейнг, которая стояла на главной палубе, была привлечена происходящим на балконе, она вдруг вскрикнула. Затем раздался металлический голос Маноолло:

— Грязные ничтожные собаки!

Он выскочил на балкон — сильный, гибкий и страшный в неукротимом бешенстве. Схватив рукой за плечо одного из штатских, он швырнул его на перила и затем то же самое проделал со вторым. Этим он не удовлетворился и, подняв Ирру Камметтви, перебросил его вниз. Совершив замедленный в половинной гравитации полет, Ирру с хрипом растянулся на палубе. Маноолло резко повернулся к Хабальятту, но тот поднял руку в протестующем жесте:

— Минутку, экклезиарх! Прошу не применять к моей несчастной туше силы.

Надеяться на то, что друида остановит полная своеобразного юмора фраза, оброненная Хабальяттом, было бесполезно. Даже не потому, что для друидов характерно вообще полное отсутствие чувства юмора, но в основном из-за определенных черт характера Маноолло. Высокомерный, недалекий и от природы злобный друид даже не подумал попытаться хоть как-то обуздать себя. Напротив, он считал, что поступает правильно, что гнев его справедлив уже единственно по той причине, что он друид, и потому на лице его не возникло никаких других чувств, кроме злобной гримассы. Тело друида напряглось в ответ на слова Хабальятта, в его черных глазах мелькнул злобный огонек, он был готов продолжать свою битву. Застыв лишь на мгновение, он бросился на Джонатана. Поняв, что стычки с разбушевавшимся друидом не избежать, Джонатан вздохнул, шагнул вперед, сделал легкое обманное движение левой рукой, и сильно ударил правой, послав противника в нокдаун. Маноолло упал и лежал, явно не очень понимая, ни что с ним произошло, ни где он сейчас находится. Джонатан не видел другой возможности остановить Маноолло хотя бы на время. Больше того, это была его последняя надежда на то, что он сможет хотя бы что-то объяснить друиду. Постепенно друид приходил в себя, взгляд его стал более осознанным, но двигаться он, к счастью, еще не мог, так что у Джонатана появился шанс объясниться с ним. Маноолло уставился на Джонатана мертвенно-черными глазами, если бы он мог, он убил бы его взглядом.

— Дайте мне высказаться, — быстро произнес Джонатан, — поверьте, я сожалею, но Хабальятт только что спас жизнь Ильфейенн и мне. Я не могу позволить вам... Позвольте вам все объяснить!

Маноолло наконец-то обрел некоторую власть над собственным телом, но его переполнял гнев, а оскорбленное чувство собственного достоинства, как удавка, сдавило его горло так крепко, что он не мог, даже если бы и захотел, произнести ни одного слова. Друид вскочил на ноги и без слов бросился бежать, ноги слушались его еще недостаточно хорошо, но он все-таки успешно добрался до каюты Ильфейенн, забежал в нее, захлопнул дверь и заперся изнутри.

Хабальятт повернулся к Джонатану и со слегка насмешливым полупоклоном произнес:

— Ну, вот теперь мы квиты. Обмен любезностями состоялся.

— Черт возьми, да что здесь происходит! Объясните мне наконец, я имею право знать! А еще больше мне бы хотелось, чтобы вы перестали втягивать меня в свои интриги, право-слово, мне хватает и своих проблем, и своих собственных дел!

— Потрясающе! — Хабальятт с восхищением на лице посмотрел на Джонатана, слегка покачивая головой. — Восхитительно! Вы готовы броситься в водоворот событий ради цели, которая ведома только вам одному. Не только готовы, нет, вы бросаетесь туда! Кстати, вам необходимо снять напряжение, — произнес он после легкой паузы, — если бы вы зашли со мной в мою каюту, у меня нашлось бы, чем вас угостить.

— Могу представить, — не остался в долгу Джонатан, — чудесный напиток, говорите для того, чтобы снять напряжение, успокоиться! И что это? Яд?

Решительные действия, которые Джонатан вынужден был предпринять, чтобы остановить друида, разрядили напряжение, в котором он находился последнее время, и к нему начало возвращаться своеобразное чувство юмора.

Хабальятт не поддержал его шутливого тона, напротив, он ответил совершенно серьезным тоном. Похоже, он даже не понял юмора сложившейся ситуации. Правда, это получился своеобразный, что называется, черный юмор.

— Смею вас уверить, отличное бренди, не более того...

Пассажиры, которых капитан попросил собраться в салоне, рассаживались в глубокие кресла, готовясь услы-

шать от него о причине, по которой он собрал их здесь. В салоне собрались все. Здесь присутствовали два Мейнга в штатском, Ирру Камметтви, Хабальятт, который пришел в просторном халате из тусклой материи и казавшийся из-за этого безмятежным и каким-то совершенно домашним, рядом с ним расположился Джонатан. Дальше сидела тощая женщина в черном платье, расстраивавшая вокруг себя какой-то приторно-тошнотворный запах. Природу запаха было трудно определить: не то растительный запах, не то животный, но неприятный и явно чрезмерный. Еще дальше расположились силлиты, за ними двое друидов и, наконец, Маноолло в ниспадающем одеянии из светло-зеленой ткани, напоминающей сатин, с золотыми галунами по ногам. Легкий плоский мормон весело сверкал в его черных кудрях.

Высокий, тучный и очень волосатый человек с белым и каким-то плоским лицом и тонким розовым ртом, одетый в биллендскую облегающую форму темно-зеленого цвета, положенную капитану корабля, чьи плечи украшали стеклянные эполеты, а рукава — алые кольца вокруг локтей, молча, терпеливо ждал, пока пассажиры рассядутся по местам. Наконец все расселись и были готовы выслушать капитана.

Очень серьезно, отчетливо, взвешивая каждое слово, капитан произнес:

— Для всех нас не секрет, что в отношениях миров Кайирилл и Мейнгер существует напряженность и даже враждебность. Но прошу запомнить всех присутствующих, что корабль — собственность Биллейнда, и мы намерены соблюдать нейтралитет. Сегодня утром произошел недопустимый с нашей точки зрения инцидент — убийство. Расследование, которое, я вынужден был в связи с этим провести, позволило мне установить тот факт, что Ирру Экс-Амма был обнаружен в тот момент, когда обыскивал каюту лорда Смайла. Будучи обнаруженным, он заставил лорда Смайла и жрицу Элнiette перейти в каюту последней, где он намеревался их убить.

Джонатан не сразу вспомнил, что Ильфейен зарегистрировалась в списках под фамилией Элнiette.

Капитан тем временем продолжал:

— Лорд Хабальятт, в похвальном стремлении предотвратить международный конфликт, который грозил раз-

гореться вследствие подобных действий Ирру Экс-Амму, вмешался и умертвил своего земляка... Остальные Мейнги, выражавшие свой протест, подверглись нападению экклизиарха Маноолло. Экклизиарх попытался также напасть на лорда Хабальятта. Лорд Смайл, опасаясь, что Маноолло, игнорируя истинную подоплеку событий, причинит вред лорду Хабальятту, нанес ему удар кулаком. Естественно, я верю, что такова подлинная суть происшествия...

Капитан сделал паузу. Все молчали. Хабальятт сидел, постукивая пальцами, нижняя губа его расслабленно отвисла. Ильфейенн напряженно молчала. Джонатан чувствовал, что медленный взгляд Маноолло ползет по его лицу, плечам, ногам...

Капитан продолжил:

— Моей уверенности способствует также то, что главный виновник события, Ирру-Экс Амма, наказан смертью. Остальные повинны разве что в излишнем темпераменте. Но допускать подобные эксцессы в дальнейшем я не намерен. Если что-нибудь произойдет, участники будут загипнотизированы и уложены до конца путешествия в гамаки. Согласно традициям Билленда, наши корабли — нейтральная территория, и этот статус мы намерены сохранять и поддерживать. Далее. Скандалы, личные или межпланетные, должны быть отложены до тех пор, пока вы не выйдете из-под моей опеки. — Он грузно поклонился. — Благодарю вас за внимание.

Мейнги немедленно поднялись, женщина ушла в каюту — выплакаться; трое мужчин вернулись к игре в разноцветные дощечки. Хабальятт отправился на прогулку. Тощая дама, сидевшая без движения, глядя в то место, где только что стоял капитан, не пошевелилась. Силлиты пошли в библиотеку. Друиды-миссионеры подошли к Маноолло.

Ильфейенн тоже поднялась, потянулась, быстро взглянула на Джонатана, затем на широкую спину Маноолло. Решившись, она сделала к Смайлу несколько шагов и села в соседнее кресло.

— Скажите, лорд Смайл, что говорил вам Хабальятт, когда вы были в его каюте?

Джонатан тяжело пошевелился в кресле.

— Жрица, я не испытываю желания переносить сплетни от друидов к Мейнгам и обратно. Но в данном случае

мы ни о чем важном не говорили. Он расспрашивал, как я жил на Земле. Его интересовал человек с планеты, о которой толком никто ничего не знает. Я описал ему несколько планет, на которых мне случалось останавливаться. И еще мы выпили немалое количество бренди. Вот и все, что было в его каюте.

— Я не могу понять, почему Хабальятт защитил нас от молодого офицера, Мейнга... Какая ему польза? Он такой же Мейнг, как и остальные, и скорей умрет, чем позволит друидам приобрести власть над Балленкрайчем.

— Разве вы с Маноолло отправились в путь для того, чтобы захватить власть над Балленкрайчем?

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами, затем забарабанила пальцами по колену. Джонатан улыбнулся про себя. «Предложи, кому другому стать неограниченным авторитетом — тот может разозлиться. Но только не Ильфейенн»...

Джонатан не выдержал и рассмеялся, его развеселили-таки собственные рассуждения. Реакция последовала моментально, Ильфейенн напряглась и подозрительно спросила:

— Что такого смешного вы слышали, или, возможно, это я сказала что-то, что вас так развеселило

— Как вам сказать, возможно... впрочем, хорошо... вы напомнили мне котенка, очень довольного собой, потому что его нарядили в платье куклы... не обижайтесь.

Нелепо было ждать какой-либо иной реакции от жрицы. Глаза ее засверкали, она вспыхнула:

— Как вы смеете? Так вот, значит, как, вы смеетесь надо мной?!

Джонатан на секунду задумался и совершенно серьезно, без малейшего намека на иронию, спросил:

— Вам что же, никогда не приходило в голову посмеяться над собой?

— Что за нелепое предположение, конечно, нет!

— Я бы, на вашем месте, не отбрасывал такую возможность, попробуйте как-нибудь на досуге!.. Это может быть очень интересно! Зря отказываетесь! Поверьте мне, вы будете очень не правы, если даже не попытаетесь... — Он встал и вышел в гимнастический зал, продолжая все еще что-то обдумывать на ходу.

Джонатан решил поработать на «бегущей дорожке», набегался до пота, спрыгнул, попробовал восстановить

дыхание, но все еще так же тяжело дыша, уселся на скамейку.

В зал тихо вошел Маноолло. Остановился, обвел глазами потолок, опустил взгляд на пол и наконец медленно повернулся к Джонатану. Тот встревожился. Он не был трусом, но, обладая от природы здоровой психикой, не был и задирой. Маноолло оглянулся через плечо и, сделав три быстрых и широких шага, оказался перед Смайлом. Он стоял и смотрел на Джонатана сверху вниз. Лицо его было смертельно бледным и напоминало не лицо человека, а маску какого-то фантастического призрака из преисподней. Губы его дрожали. Он помолчал какое-то время, затем произнес глухим голосом, слегка запинаясь:

— Ты... ты посмел прикоснуться ко мне... своими руками!

— Ну, знаешь ли, то, что я сделал, вряд ли можно так назвать! Прикоснулся? Да, нет, я просто врезал тебе по физиономии... Так, пожалуй, будет правильное сказать, — вставая, сказал Джонатан.

Это был вызов. После этих слов рот Маноолло, чувственный, как у женщины, но все же имевший очертания мускулистые и твердые, приобрел еще более твердые очертания. Друид сжался, как пружина, стремительно бросился вперед и нанес молниеносный и сильный удар, который достиг цели. Джонатан молча согнулся, молча схватился руками за низ живота, от боли, у него перехватило дыхание и потемнело в глазах. Маноолло откачнулся всем телом, а затем ударил его коленом в подбородок.

Джонатан медленно рухнул на палубу. Все дальнейшие события происходили очень быстро и в полной тишине. Маноолло склонился над Смайлом, в его руке металлическим светом сверкнул какой-то предмет. Джонатан сделал слабую попытку защититься, поднял руку... Маноолло легко отбил руку в сторону. Затем прижал к носу Джонатана металлический предмет и надавил. Из инструмента выскочили два тонких стальных лезвия, с хрустом пронзили хрящи, облачко пудры вырвалось следом и мгновенно прижгло порезы.

После этого, Маноолло мгновенно отскочил. На его лице теперь ясно было написано чувство удовлетворения. Уголки его рта врезались еще глубже. Вне всякого сомнения, он был очень доволен собой. Повернувшись на каблуках

и гордо подняв голову, Маноолло бодрой походкой вышел из гимнастического зала...

7

Джонатан рассматривал свое лицо в зеркало, что ни говори, красавец хоть куда!

Лицо человека, который смотрел на него из зеркала, украшал огромный и живописный синяк на подбородке и, кроме того, пластырь на носу.

— Так! Ну, что я могу вам сказать? Все, вообще-то, не так уж и плохо, — сказал наконец корабельный врач, рассматривая дело рук своих. — Шрамы, да, два этих шрама останутся у вас на всю жизнь, но их скоро почти не будет видно. Можете мне поверить. О синяке я вообще не говорю.

— Значит, вот так, выходит, я остался с носом, — пошутил Джонатан.

— Вы остались с носом, — без тени юмора подтвердил врач. — Знаете ли, вам очень повезло по двум причинам. Во-первых, хорошо, что я оказался рядом и сумел вовремя оказать вам помощь, во-вторых, очень удачно, что я, некоторым образом, знаком с действием этой пудры. Эта пудра, своеобразный гормон, который ускоряет рост кожи и, если его не удалить сразу, то расщепление клеток кожи идет непрерывно. На вашем лице очень скоро было бы три нароста. Невероятно, что кто-то решил воспользоваться...

— Видите ли, я бы не хотел понапрасну беспокоить капитана. Это был несчастный случай, и я надеюсь, что вы не будете докладывать ему об этом происшествии...

Доктор в недоумении пожал плечами, повернулся и стал неторопливо укладывать инструменты.

— Как хотите, но это, пожалуй, самый странный несчастный случай в моей практике, однако...

Джонатан вернулся в салон. Силлиты, оживленно болтая с Мейнгами, изучали игру в разноцветные дощечки. Друзиды-миссионеры склонились голова к голове над алтарем и творили какой-то сложный ритуал. Хабальятт, удобно развалившись в кресле, с видимым удовольствием рассматривал свои ногти, являя собой вид полнейшего благодущия.

Дверь каюты Ильфейенн открылась, из нее спокойным шагом вышел Маноолло. Равнодушным взглядом окинул

присутствующих. Бросив на Джонатана тот же равнодушный взгляд, он стал неторопливым шагом прогуливаться по салону.

Джонатан присел рядом с Хабальяттом, нежно погладил свой нос.

— Все еще на месте, слава богу!

Хабальятт взглянул на него и успокаивающе одобрительно кивнул.

— Джонатан, ваш нос выглядит ничуть не хуже, чем неделю назад. Эти биллендские медики творят просто чудеса — настоящие чудотворцы. Вот на Кайирилле, где докторов нет и в помине, применяют какие-то примочки, то ли из трав, то ли еще из какой-то ерунды. Но, впрочем, рана все равно не заживает. Там можно увидеть немалое количество лайти с носами из трех островков. На таких трехносых лайти друиды охотятся — это самое любимое развлечение для них. Но вы, как мне кажется, огорчены значительно в меньшей степени, чем допускают обстоятельства.

— Если вас послушать, то я должен быть вне себя от горя, безутешен!

— Позвольте объяснить вам этот штрих в психологии друидов. По мнению Маноолло, нанесение раны исчерпывает вопрос. В ссоре между ним и вами с его стороны это было последней реакцией, последним действием. На Кайирилл друиды, когда совершают поступки, то не боятся ответственности, — во имя Дерева. Это дает им особое чувство непогрешимости. Смею вас уверить, Маноолло будет удивлен и даже оскорблен, если вы захотите продолжить конфликт.

Джонатан пожал плечами.

— Вы молчите?.. — с недоумением произнес Хабальятт. — Ни гнева, ни угроз?

Джонатан улыбнулся.

— Пока что я успел только удивиться. Дайте мне больше время.

— А, понял! Вас ошеломило нападение, не так ли?

— И даже очень.

Хабальятт вновь кивнул. Складки жира, свисавшие с его подбородка, дрогнули.

— Переменим тему. Меня интересует ваше описание друидов дохристианского периода.

— Скажите мне, — сказал Джонатан, — что это за горшок, вокруг которого вся эта суета? Раритет? Или какой-нибудь военный секрет?

Глаза Хабальятта широко раскрылись.

— Раритет? Военный секрет? Нет, дорогой друг, клянусь честью! Горшок — самый настоящий горшок, а растение — самое настоящее растение.

— В таком случае, откуда весь этот ажиотаж? И зачем вы мне пытались его навязать?

— Иногда, — задумчиво протянул Хабальятт, — в делах планетарных масштабов приходится приносить в жертву удобства одной персоны, чтобы большинство в конечном итоге получило прибыль. Вы везли растение, чтобы послужить приманкой для моих соотечественников, бряцающих оружием, и отвлечь их от друидов.

— Не понимаю. Разве вы служите не одному правительству?

— В том-то и дело. Цель у нас одна — слава и процветание нашей планеты. Но в государственной системе Мейнгов существует весьма странная трещина, разделившая военные касты Красной Ветви и коммерческие сословия Голубой Воды. Это две души одного тела, два мужа одной жены. И те, и другие — любят Мейнгер. Но для проявления этой любви они пользуются разными способами. — Хабальятт явно сел на любимого конька. — На этой лестнице власть распределяется таким образом: на первой ступени находится Латбон, и степень контроля с его стороны первостепенна, как и ответственность перед ним, на ступень ниже Амиан-Женераль, контроль с его стороны, а также ответственность перед ним занимает соответственно следующую ступень. И там и там — сидят представители обоих течений, так что степень ответственности хоть и разная по значимости, но когда принимается решение по какому-либо вопросу, то право участия в процедурах распределяется между обеими ступенями в равной мере. Можете мне поверить, Джонатан, очень часто такая система действует очень неплохо. Возможность подойти и рассмотреть одну и ту же проблему с двух разных сторон дает огромные преимущества. Два разных подхода к одной проблеме идут лишь на пользу дела. Но существуют противоречия, обойти которые трудно, если не сказать — невозможно. Если говорить коротко, не вдаваясь в подроб-

ности, то различие заключается в разнице выбора предполагаемых мер воздействия. В силу своей прямолинейности Красная Ветвь готова к самым решительным действиям. Подвергнуть планету военной бомбардировке — вот что, по их мнению, является лучшим способом решения проблемы. Для нас же, сторонников Голубой Воды, важно, и мы заостряем на этом внимание, что за подобными действиями последуют огромные жертвы и большие разрушения. Предположим, нам, в конечном итоге, удалось покорить орды религиозных фанатиков, лайти. Но в этом случае мы уничтожим на Кайирилл все, что есть на нем ценного для нас. Конечно же, в первую очередь важна сельскохозяйственная продукция, но Кайирилл, кроме того, поставляет великолепное сырье для нашей промышленности, а также изделия изумительной, ручной работы. На данный момент у нас с Кайирилл сложился взаимовыгодный союз, но, как это довольно часто случается, вмешалась третья сторона. Для нашего союза нынешняя политика друидов — отрицательный фактор. Вмешательство индустриального Балленкрайча, политикой которого управляют предприимчивые, искушенные в интригах друиды, способно очень серьезно нарушить сложившийся баланс. Красная Ветвь предлагает и настаивает на уничтожении друидов. Намерения же Голубой Воды, не принимая радикальных мер, повлиять на экономику Кайирилл, отвлекая ее направление от Древа, переключить на производство продукции. — Мейнг закончил длинную тираду и замолчал, ожидая ответной реакции Джонатана.

— Дальновидная политика, и как вы надеетесь добиться подобных перемен? — Джонатану действительно стало интересно.

— Вас, возможно, удивит мой ответ... Но, строго между нами говоря... я надеюсь на вашу скромность, дорогой друг... Все на самом деле очень просто, мы позволим друидам продолжать интриговать и дальше.

Нельзя сказать, что ответ Хабальятта очень удивил Джонатана, но заставил его поморщиться. Джонатан машинально потрогал свой нос.

— Предположим, все это так, но этот горшок, каким образом ему удастся вписаться в общую картину?

— Так вы не поняли главного! Бедные друиды считают этот горшок самой главной, самой важной деталью своего

плана. Вот почему по моему личному убеждению этот горшок должен обязательно оказаться на Балленкрайче. И он там окажется, несмотря ни на что, поверьте мне, для достижения этой цели я не остановлюсь ни перед чем... Даже если для этого мне придется прикончить еще два десятка упрямых и недалеких Мейнгов.

— Невероятно, но даже если вы говорите правду... в чем я лич: о сомневаюсь...

— Стоп-стоп-стоп! Какой резон мне лгать вам, мой дорогой друг? Назовите мне хоть одну причину!

Джонатан немного помолчал, раздумывая, затем произнес не совсем уверенным тоном:

— Вполне возможно, что в неполной мере, но, как мне кажется, я начинаю кое-что понимать в этом сумасшедшем доме. Медленно, но верно, во всяком случае...

8

Наконец корабль достиг Джиннуокли. Короткая, но вынужденная и необходимая остановка. Полиэдр диаметром в одну милю, таков был Джиннуокли, утопающий в люминесценции диффузной природы. Дюжина кораблей столпилась вокруг полиэдра, напоминая присосавшихся пиявок, а космос вокруг был густо усыпан переливающимися блестками смельчаков, рискнувших выйти в скафандрах в космос. Они рискнули удалиться от поверхности полиэдра кто на десять, кто на двадцать, а некоторые и на тридцать километров, чтобы почувствовать величие безмолвия открытого космоса. Именно их скафандры и создавали теперь это великолепное сверкающее и переливающееся блестками зрелище.

К удивлению и радости Джонатана, привыкшего за столь долгие странствия к бесконечным, тщательным проверкам и перепроверкам, индексам, резервным номерам, инспекциям и карантинам, паспортам и визам, просмотрам, досмотрам и резолюциям, здесь не было обычных и привычных формальностей с приземлением. Это оказалось очень удобным.

Службы полиэдра оперативно направили «Бельзуррон» в вакантный порт. Там корабль успешно состыковался с причалом — вязким мезонным полем — и наконец-то затих.

Лежавших в гипнотическом сне в трюме пассажиров, не потревожили, им предстояло проделать весь путь в этом состоянии.

Капитан вновь поспешно собрал всех бодрствующих пассажиров, сообщил о прибытии на Джиннуокли, что было и так очевидно.

— Мы останемся здесь на тридцать два часа, — продолжил сообщение капитан. — Остановка необходима для того, чтобы принять на борт почту и груз. Некоторые из вас бывали здесь и прежде, думаю, вас не нужно предупреждать об осторожности. Сообщение касается только тех, кто впервые посещает Джиннуокли. Предупреждаю, что он лежит вне планетарной юрисдикции, законы здесь диктуются владельцем и его управляющим. Их главная задача — суметь, посредством всяческих удовольствий и игр извлечь как можно больше денег из ваших карманов. Посему предупреждаю вас: будьте осторожны в азартных играх. Отдельно обращаюсь к дамам: остерегитесь в одиночестве посещать Парк Ароматов! Эта гарантия того, что вам будет отказано в платном экспорте. Люди, побывавшие на третьем ярусе, согласятся, что это крайне опасно и дорого. Там нередко происходят убийства. Согласитесь, что может быть удобнее мишени, чем мужчина, который увлекся девицей. Кроме того, люди, предающиеся столь сомнительным забавам, рискуют тем, что будут засняты на пленку, которая потом может быть успешно использована в целях шантажа. Этот прием используется здесь с завидным успехом и регулярностью.

Наконец, не рекомендуется настаивать, чтобы вас отвели вниз, на Арену, потому что там вы легко можете быть брошены на ринг и вам придется сражаться с искусными бойцами. Уже в тот момент, когда вы платите за вход, может оказаться, что на вас пал выбор. Поразительно, как много случайных посетителей (неважно, наркотики тому виной или алкоголь, азарт или бравада) оказались в свое время на Арене.

Многие из них были убиты или изувечены. Думаю, предупреждений уже достаточно. Не хочу вас запугивать, тем более что здесь вам могут предоставить много развлечений, не противоречащих закону. Девятнадцать Садов — они известны всей Вселенной. В Целестиуме вы можете пообедать продуктами родной планеты, послушать род-

ную музыку. Магазин вдоль Эспланады предоставит вам все, что пожелаете, по весьма разумной цене. С этими инструкциями я вас отпускаю. До вылета на Балленкрайч — тридцать два часа...

Он вышел. Маноолло проводил Ильфейенн в каюту. Друзи-миссионеры вернулись к алтарю, видимо, не имея намерения покидать корабль. По-военному печатая шаг, ушел офицер Ирру Камметтви, и с ним — юная вдова. Вслед за ними удалились Мейнги в штатском. Тощая лысая старуха как сидела в кресле, уставясь в другой конец зала, так и осталась сидеть, не отклоняясь ни на дюйм. Силлиты умчались, визгливо смеясь и высоко подбрасывая колени.

Хабальятт остановился перед Джонатаном, заложив руки за спину.

— Итак, мой друг, вы собираетесь сойти?

— Да, — ответил Джонатан, — вполне возможно. Хочу посмотреть, что будут делать жрица и Маноолло.

Хабальятт качнулся на каблуках.

— Будьте предельно осторожным с этим парнем. Это порочный образец мегаломана, доведенный до апогея соответствующим окружением. Никто из нас не способен мнить так о себе, как Маноолло. Он — священный и неприкосновенный. Он не заботится о том, что хорошо, а что плохо. Его интересует лишь одно: что — за Маноолло, а что — против Маноолло.

Дверь тринадцатой каюты открылась. Маноолло и Ильфейенн вышли на балкон. Маноолло шел впереди и нес небольшой сверток. Он был одет в охотничью кирасу, из золота и какого-то блестящего металла, и в длинное зеленое платье, расшитое желтыми листьями. Не глядя по сторонам, он спустился по ступенькам и вышел.

Проходя по салону, Ильфейенн задержалась, поглядела ему вслед и качнула головой — красноречивый жест несогласия. Только вот с чем?..

Она повернулась и направилась к Джонатану и Хабальятту.

Хабальятт почтительно склонил голову, но она отнеслась к его приветствию довольно холодно и обратилась к Джонатану:

— Я хочу, чтобы вы меня сопровождали.

— Это приглашение или приказ?

Ильфейенн насмешливо подняла брови.

— Это значит, что я хочу, чтобы вы меня сопровождали.

— Прекрасно,— сказал Джонатан, поднимаясь.— С удовольствием.

Хабальятт вздохнул:

— Если бы только я был моложе и стройнее...

— Стройнее,— усмехнулся Джонатан.

— Ни одной красивой молодой даме не приходилось бы просить меня дважды!

Ильфейенн сдержанно произнесла:

— Думаю, с моей стороны будет честно предупредить, что Маноолло обещал убить вас, если увидит, что мы разговариваем.

Наступила тишина. Затем Джонатан произнес голосом, показавшимся ему незнакомым:

— И поэтому вы первым делом приглашаете меня сопровождать вас?

— Вы боитесь?

— Я не герой.

Она резко повернулась и направилась к выходу.

Хабальятт с любопытством спросил:

— Зачем же вы так?

Джонатан был зол.

— Она интриганка! Откуда такая уверенность, что ради нее я пойду на риск и что ради удовольствия ее выгуливать позволю себя пристрелить помешанному фанатику-друиду?

Он смотрел ей вслед, пока темно-синий плащ не скрылся из виду.

— И ведь она права. Я действительно отношусь именно к этой породе идиотов...

Он бросился ей вслед.

Сцепив ладони и грустно улыбаясь, Хабальятт проводил его взглядом. Затем, запахнув халат на животе, он уселся в кресло и стал с сонным видом следить за друидами, колдовавшими над алтарем...

Они шли по коридору, вдоль которого выстроились в линию небольшие магазины.

— Слушайте,— сказал Джонатан.— Кто вы: жрица друидов, которой ничего не стоит лишить жизни человека из простонародья? Или просто милое взрослое дитя?

Ильфейенн вскинула голову, пытаясь обрести вид значительный и ответственный.

— Я очень важная персона, и придет день, когда меня назначат Просителем за все графство Кельминстре. Это, правда, маленькое графство, но путь трех миллионов душ к Дереву будет в моих руках.

Джонатан пытался подавить улыбку.

— А что, без вас им не дойти?

Она рассмеялась и сказала, вновь превращаясь в таинственную девушку:

— О, вероятно! Но я буду следить, чтобы они соблюдали приличия в дороге.

— Беда в том, что скоро вы и сами начнете верить в эту ерунду.

Она помолчала. Потом ехидно поинтересовалась:

— Что это вы все время озираетесь? Неужели этот коридор так интересен?

— Я жду этого дьявола Маноолло, — объяснил Джонатан. — Для него вполне естественно будет выскочить откуда-нибудь из тени и прирезать меня.

Ильфейенн покачала головой:

— Маноолло отправился на третий ярус. С начала путешествия он каждую ночь пытался сделать меня своей любовницей, но я отказала ему. Сегодня он пригрозил, что будет заниматься развратом на третьем ярусе, пока я не уступлю. Я сказала, что пусть сделает одолжение, может быть, тогда он будет поменьше демонстрировать передо мной свое мужское начало. Он ушел от меня в ярости.

— Мне кажется, Маноолло всегда пребывает в состоянии оскорбленного достоинства.

— Он очень вспыльчив. А сейчас давайте пройдем сюда...

Джонатан схватил ее за руку, резко развернул и, глядя в испуганные глаза, заявил:

— Вот что, юная леди, не считите, что я демонстрирую перед вами мужское начало, но я не намерен идти туда или сюда по вашей указке и таскать за вами баулы, как шофер...

Он тут же понял, что слово подобрано неверно.

— Шофер? Ха! Тогда...

— Если вас не устраивает моя компания, то мне самое время уйти.

Через секунду она спросила:

— У вас есть другое имя, кроме Смайл?

— Зовите меня Джонатан.

— Джонатан, вы замечательный мужчина. И очень странный. Вы меня совсем запутали, Джонатан.

— Если хотите и дальше идти со мной, — будь я шофером или механиком, инженером, плантатором мха, барменом или инструктором по теннису, портовым грузчиком и, бог знает, кем еще, — давайте войдем в «Девятнадцать Садов» и посмотрим, продают ли там земное пиво...

«Девятнадцать Садов» занимали участок в ближайшем массиве — девятнадцать клиновидных секций, примыкавших к центральной платформе, служащей рестораном.

Они нашли свободный столик. К удивлению Джонатана, перед ними без разговоров поставили пиво в холодных запотевших квартовых кубках.

— Как пожелает Ваша Боготворимость, — коротко сказала Ильфейенн.

Джонатан смущенно улыбнулся.

— Ни к чему заходить так далеко. Это, наверное, особенность друидов — впадать в крайности. Что вам заказать?

— Ничего, — она медленно развернулась в кресле, оглядывая сад.

И в этот момент Джонатан понял, что волей или неволей, к добру или к несчастью, а он все-таки безумно влюблен. Поняв это, он вздохнул. Маргарита осталась слишком далеко, в тысяче световых лет отсюда.

Он бросил взгляд в коридор, ведущий вдоль всех «Девятнадцати Садов». Здесь была представлена флора девятнадцати планет, сохранившая характерные цвета. Черный, серый и белый — Келлоса; оранжевый, желтый и зеленоватый — Зарокуса; пастельные зеленые, голубые и желтые тона цветов, растущих на тихой маленькой планете Джонатаннафан, и сотни иных растений: всевозможные зеленые, багряные, красные, небесно-голубые...

Джонатан замер, наполовину привстав.

— Что случилось? — спросила Ильфейенн.

— Этот сад... Или это земные растения, или я — бесхвостая мармышка.

Он вскочил, подбежал к ограждению. Она двинулась вслед за ним.

— Герань, жимолость, петунии, цинии, розы, итальянский кипарис, тополь, плакучие ивы. И лужайка... и гибискус... — Он посмотрел на табличку: — «Планета Гейн. Местонахождение неизвестно».

Они вернулись к столу.

— Вы похожи на больного ностальгией, — капризно заметила Ильфейенн.

Джонатан улыбнулся:

— Я и в самом деле очень болен ностальгией. Расскажите мне что-нибудь о Балленкрайче.

Она попробовала пиво, поморщилась и удивленно посмотрела на него.

— Пиво поначалу никому не нравится, — сказал Джонатан.

— Я не очень-то много знаю о Балленкрайче. Еще несколько лет назад он был по-настоящему первобытным. Корабли на планету не садились, потому что аборигены занимались людоедством. Но потом нынешний Принц объединил малые племена в единую нацию. Это произошло за одну ночь. Было много крови и жертв. Но с тех пор никого не убивают, и корабли могут приземляться в относительной безопасности. Принц взял курс на индустриализацию. Он вывез большое количество машин из Билленда, Мейнгера, Граббе. Мало-помалу, убивая одних вождей, убеждая других, он подчинил себе весь континент. Как вы могли догадаться, на Балленкрайче сейчас отсутствует религия, и мы, друиды, рассчитываем установить контакт с новой промышленной властью на основе взаимного доверия. И нам не придется в дальнейшем зависеть от Мейнгера. Мейнгам, естественно, эта идея не по душе, и они...

Ее глаза вдруг округлились. Она рванулась вперед, схватив его за руку:

— Маноолло! О, Джонатан, он вас не видел!

Оболочка страха, окутавшая его, вдруг исчезла. Нельзя праздновать труса, когда предмет любви боится за тебя.

Джонатан откинулся в кресле, глядя на Маноолло. Друид, похожий на героя страны демонов, широкими шагами шел по террасе. На его руке висела женщина с кожей бежевого цвета, в оранжевых панталонах, особо бросавшихся в глаза благодаря голубому платью и такой же накидке. В другой руке Маноолло держал сверток. Черные глаза его

стрельнули в сторону Ильфейенн и Джонатана. Затем друид равнодушно переменял курс и прогулочным шагом направился к ним, на ходу вынимая из-за пояса стилет.

— Ну вот,— пробормотал Джонатан, поднимаясь.— Наконец-то!..

Публика, сидевшая в ресторане, бросилась врассыпную. Маноолло остановился в ярде от Джонатана, и на его лице промелькнула тень улыбки. Он положил сверток на стол, затем легко шагнул вперед и ударил.

Он сделал этот жест очень наивно, словно ожидал, что Джонатан будет стоять и ждать, пока его зарежут. Джонатан ждать не стал. Он выплеснул пиво в лицо друиду, ударил кулаком по вооруженной руке, и стилет звякнул об пол.

— А теперь,— грозным голосом прорычал Джонатан,— я собираюсь вышибить из тебя дух...

Что и сделал.

Маноолло лежал на полу. Джонатан, тяжело дыша, сидел на нем верхом. Пластырь, украшавший его нос, был сорван, кровь струилась по лицу и капала на грудь. Рука Маноолло нащупала валявшийся стилет. Со сдавленным хрипом друид вывернулся. Джонатан перехватил руку, направляя удар в сторону плеча Маноолло.

Друид вновь попытался занести узкое лезвие. Джонатан выхватил стилет из его руки, проткнул им ухо Маноолло и вонзил острие в деревянный пол, загнав лезвие как можно глубже несколькими ударами кулака. Затем поднялся на ноги и посмотрел вниз.

Маноолло судорожно, как рыба, бился еще некоторое время на полу, наконец он смирился и затих. Равнодушные и привычные ко всему слуги извлекли стилет, уложили друида на носилки и понесли. Рядом с носилками семенила бежевая женщина. Маноолло с трудом приподнялся на носилках и что-то сказал ей. Она быстро подскочила к стойке, схватила сверток, вернулась к носилкам и положила его на грудь Маноолло.

Упав в кресло, Джонатан перевел дыхание, схватил пиво Ильфейенн и стал жадно его пить.

— Вы, вы не ранены? — шепотом спросила Ильфейенн.— Джонатан...

— Нет, успокойтесь, я не ранен, но я зол... зол и не удовлетворен! Этот, как бы его назвать... Наполеон дру-

идский — чрезвычайно неприятный субъект. Поверьте, только ваше присутствие помешало мне разорвать его на множество кусочков. Но... — окровавленные губы Джонатана скривились в подобии улыбки, — такое зрелище, когда соперника разрывают на куски, не самое подходящее для женских глаз. Не мог же я позволить себе...

Изумление Ильфейенн не поддавалось описанию:

— Соперника? Что вы имеете в виду?

— Не понимаю, что вас так удивило? Соперника, да, в отношении вас.

— О-о! — только и смогла произнести Ильфейенн, голос ее стал странно бесцветным. — О-о!

— Только не вздумайте говорить мне: «Я царственная и всемогущая жрица»!

Все с тем же удивлением Ильфейенн продолжала смотреть на Джонатана. Потом, спустя всего несколько мгновений, сказала:

— Я и не думала вам это говорить. Я думала не об этом. Маноолло ваш соперник? Я считала, что он никогда не был... вашим соперником.

— Послушайте, — оглядев себя со всех сторон, произнес Джонатан, — мне необходимо помыться, да и переодеться во что-нибудь тоже не помешает. Если хотите, можете сопровождать меня и дальше или...

— Нет, я останусь здесь. — Голос Ильфейенн все еще оставался бесцветным. — Я еще посижу, мне нужно подумать. Я хочу побыть одна.

9

Прошел тридцать один час. На корабле готовились к вылету. Пассажиры спешили вернуться на корабль, необходимо успеть вовремя, чтобы контролер успел поставить галочку.

Незаметно пролетело еще полчаса.

— Маноолло вернулся? — Ильфейенн спрашивает контролера с некоторым нетерпением. — Он на корабле?

— Нет, Боготворимая, — отвечает контролер. — Его еще нет, это точно.

Джонатан проводил Ильфейенн к телефону.

— Это госпиталь? — Голос Ильфейенн все еще сохраняет бесцветность и звучит с механическим оттенком. —

Меня интересует некто Маноолло. Да, его доставили к вам вчера. Его уже выписали? Хорошо, но поторопитесь, его корабль готовится к вылету. А, вы уже идете в палату, хорошо. Большое спасибо!...

Она стояла и молча ждала. Наконец, когда прошло совсем немного времени, она вновь взяла и поднесла трубку к уху:

— Что? Повторите, что вы сказали! Нет!!! Этого не может быть...

— Что случилось?

— Он мертв! Его убили!..

Ильфейенн убедила капитана задержать вылет корабля до ее возвращения из госпиталя. Она почти бегом помчалась к подъемнику, ни на шаг не отставая от нее, следовал Джонатан.

Когда они оказались в госпитале, их встретила медсестра, представительница билендской расы. Белые волосы женщины были увязаны несколькими красивыми пучками. Она, сохраняя нейтрально-сочувствующее выражение лица, спросила, обращаясь к Ильфейенн:

— Если вы его жена, то прошу вас оказать любезность и сделать распоряжения насчет его тела.

— Нет, я не жена и меня совсем не интересует, что вы будете делать с телом,— нетерпеливо ответила Ильфейенн.— Меня интересует судьба свертка, который находился при нем, когда его доставили в госпиталь, где он?

— Но в этой палате нет свертка. Я припоминаю, да, при нем был какой-то свертки, но, увы, сейчас здесь нет никакого свертка.

Джонатан решил вмешаться.

— Так, хорошо, кто навещал больного?

В регистрационном журнале нашли запись о том, что последними посетителями у Маноолло были три Мейнга, но незнакомые имена не внесли никакой ясности. После непродолжительных усилий коридорный вспомнил, что когда один из посетителей, пожилой мужчина с жесткой армейской выправкой, вышел из палаты, то в руках у него действительно был свертки.

Последнее сообщение подкосило силы Ильфейенн, и она, совершенно обессиленная последними усилиями, с рыданиями упала на плечо Джонатана.

— Горшочек! Это был горшочек с растением!

Джонатан бережно подхватил ее, обнял и стал гладить темные волосы, стараясь хоть немного успокоить Ильфейенн.

— Горшочек! И вот теперь им завладели Мейнги! — Весь несчастный вид ее говорил о том, в какое горе ее повергло это известие.

— Простите меня за непонятливость и за излишнее любопытство, — наконец не выдержал Джонатан, — но я не понимаю, что такого особенного и важного в этом горшочке?

Ее заплаканные глаза смотрели на Джонатана очень внимательно, затем, видимо, решившись на что-то, она наконец ответила:

— Для нас это второе самое главное, самое важное во Вселенной живое существо! Это единственный живой побег с Дерева Жизни...

Они медленно возвращались на корабль по коридору, выложенному голубой плиткой.

— Похоже, я не только любопытен, но и глуп, — сказал Джонатан. — Для чего нужно через все преграды нести побег Дерева Жизни? Разумеется, для того...

Она кивнула:

— Я вам говорила: мы хотим установить союз с Балленкрайчем. Религиозный союз. Этот побег, Сын Дерева, был бы священным символом...

— И тогда, — подхватил Джонатан, — друиды оказались бы в тылу, взяли верх, и Балленкрайч превратился бы во второй Кайирилл. Пять биллионов убогих рабов, два миллиона пресыщенных друидов, одно Дерево. — Он внимательно и пытливо посмотрел на нее. — У вас на Кайирилл есть кто-нибудь, кто считает, что с вашей системой не все в порядке?

Она бросила на него негодующий взгляд:

— Вы абсолютный материалист! На Кайирилл материализм преследуется вплоть до смертной казни.

— Материализм означает распределение прибылей, — улыбнулся Джонатан. — А может быть — подстрекательство к восстанию...

— Жизнь — это преддверие к вечной славе. Жизнь — попытка найти себе место на Дереве. Трудолюбивые рабочие живут выше других, в Синтии. Ленивые, словно черви, должны ютиться во мгле корней.

— Если материализм — грех, в чем вы не сомневаетесь, то почему тогда друиды объедаются, словно боровы? Чем можно объяснить жизнь в такой вызывающей роскоши? Не кажется ли вам странным, что те, кто проповедует материализм, являются противниками всего этого?

— Кто вы такой, чтобы критиковать? — закричала она в гнев. — Вы такой же варвар, как дикари Балленкрайча! Будь мы на Кайирилл, там уже давно бы пресекли этот дикий бред!

— Чтобы он не повредил местному божеству, не так ли? — презрительно спросил Джонатан.

Ильфейенн ничего не ответила и пошла вперед, она была оскорблена до глубины души.

Улыбнувшись про себя, Джонатан последовал за ней...

Когда на корабле открылся люк, Ильфейенн решительно остановилась на пороге:

— Теперь, когда Сын Дерева потерян, скорее всего, уничтожен, — она исподлобья посмотрела на Джонатана, — у меня нет больше причин лететь на Балленкрайч. Я должна вернуться домой и сообщить обо всем в Коллегию Товэрэчей.

До сих пор Джонатан надеялся, что этот аспект проблемы не затронет Ильфейенн. Наобум, не задумываясь над тем, что она, быть может, все еще на него сердится, он предложил ей:

— Вы, как мне кажется, покинули Кайирилл вместе с Маноолло, чтобы бежать от жизни в стенах дворца. Вы забываете, что Товэрэчи проверяют каждую деталь смерти вашего спутника...

Теперь на лице Ильфейенн, повернутом к Джонатану, появилось выражение, совершенно незнакомое для него. Какое-то время Ильфейенн продолжала испытующе смотреть на него, затем, спросила:

— Если я вас правильно понимаю, то вы хотите, чтобы я летела с вами?

— Так!

— Потрудитесь объясниться. Зачем?

— Мне думается, — внезапно появившийся комок в горле, мешал ему говорить, — что вы слишком сильно на меня повлияли. Боюсь, даже сильнее, чем я готов сообразить! Кроме того, особенно сильно меня волнует ваша философия, чрезвычайно деформированная, на мой взгляд.

— Меня удовлетворил ваш ответ, — с серьезной важностью произнесла Ильфейенн. — Хорошо, я лечу с вами. Кто знает, может быть мне удастся повлиять на Балленкрайццев. Возможно, они примкнут к нам, тем, кто боготворит Дерево Жизни.

Чтобы не рассмеяться и не рассердить заносчивую жрицу еще больше, Джонатан задержал дыхание.

Ильфейенн заметила эти усилия:

— Вижу, что вы находите меня смешной?

Было совершенно очевидно, что реакция Джонатана на ее слова очень обидела Ильфейенн.

10

Хабальятт дожидался их у стола контролера.

— Ну, вот вы и вернулись! Ваши лица говорят о том, что убийцы Маноолло сбежали, и, надо думать, вместе с Сыном Дерева?

Ильфейенн в полном изумлении застыла на месте, не сводя с него глаз:

— Вы все знаете? Откуда вам все известно?

Хабальятт был сама любезность, сама галантность.

— Маленькие камешки, брошенные в воду, — сладким голосом проговорил он, слегка растягивая слова, — посылают большие круги к дальним берегам, дорогая жрица. Как мне думается, сейчас я нахожусь гораздо ближе к подлинной сути происходящего, чем вы. Так мне кажется, по крайней мере.

— Потрудитесь объяснить, вам известно то, чего вы не могли знать! — Тон, которым Ильфейенн произнесла эту фразу, не оставлял сомнений о ее состоянии.

Лязгнул закрывающийся люк, и стюард вежливо произнес:

— Госпожа жрица и вы, милорды! Могу ли я попросить вас разойтись по каютам на время ускорения? Мы отправляемся через десять минут.

11

В этот раз, выйдя из гипнотического транса, Джонатан, вспомнив предыдущее пробуждение, быстро высунулся из гамака и внимательно осмотрел каюту. Все было так, как

он и оставил перед тем, как погрузиться в сон. Сейчас он был один, а дверь в каюту была плотно закрыта, — такой он ее и оставил, после чего проглотил таблетку и отдался во власть гипнотизирующих символов. Оказалось, неожиданно приятно увидеть, что все осталось в том же положении, в котором ты это оставил.

Он выпрыгнул из гамака, быстро принял ванну и надел новый костюм. Голубой костюм, его он купил на Джинну-окли. Когда он вышел в коридор на балкон, то обнаружил, что там еще никого нет. Темный салон тоже был пуст. Похоже было на то, что Джонатан проснулся слишком рано.

Он задумчиво прогуливался по длинному коридору. Ноги привели его к тринадцатой каюте. Джонатан остановился у двери, воображение тут же нарисовало соблазнительную картину: там, за дверью, лежит теплая и безвольная жрица Ильфейенн, ее прекрасные темные волосы разметались по подушке, лицо, да, даже во сне, лицо ее сохраняет выражение неуступчивости и отпечаток сомнения.

Каких мучительных усилий воли стоило ему убрать руки с двери. ЕЕ ДВЕРИ! Его так и подмывало открыть ее и войти. Он справился, с трудом повернулся и пошел вдоль балкона. Он еще не совсем пришел в себя, но что-то заставило его вдруг остановиться. Джонатан замер. Немного впереди на скамье, в наблюдательной нише, кто-то сидел. Джонатан подошел немного ближе, пристально всматриваясь в темноту. Там, в нише, сидел Хабальятт.

Хабальятт поприветствовал Джонатана небрежным жестом, когда тот стал медленно спускаться по ступеням.

— Приветствую вас, мой друг. Присаживайтесь рядом. Посидим перед обедом, помидитируем. Созерцание, полезное занятие.

Джонатан сел в соседнее кресло.

— Я вижу, вы ранняя птица, Хабальятт. Вижу, вы рано проснулись.

— Вот и не угадали, напротив — никак не могу заснуть, — возразил Хабальятт. — Я просидел шесть часов на этой скамье, а вот вы — первый из всех проснулись.

Помолчав немного, Хабальятт постарался придать своему желтому лицу мудрое выражение. Наконец ему это удалось, и он продолжил:

— Я не ожидал кого-нибудь конкретно. Появились вы, прекрасное совпадение, возможно и совпадение, но вот что я вам скажу. Несколько удачных вопросов и интервью на Джиннуокли дали мне понять, что люди не всегда таковы, какими их привыкли видеть. Я был удивлен, можете мне поверить, когда смог рассмотреть деятельность некоторых лиц в новом свете. Привычка иногда не дает нам разглядеть очевидное, то, что взгляду непредвзятому становится ясным с первого же момента.

Выслушав внимательно Мейнга, Джонатан сказал:

— Готов согласиться с вами, но, в конце концов, это совсем не мое дело, и я мало, что смыслю во всех этих...

Хабальятт погрозил ему толстым пальцем:

— Нет-нет, мой друг! Вы скромничаете. Вы притворяетесь. Не сомневаюсь, что к судьбе прелестной Ильфейенн вы уже не можете оставаться равнодушным.

— Оставим это. Мне все равно, переправят друиды на Балленкрайч свою растительность или нет. Но я не понимаю, почему в их усилиях вы принимаете столь живое участие.— Джонатан пытливо посмотрел на Хабальятта.— Будь я друидом, я бы как следует задумался над этим.

— О, мой дорогой друг,— проблеял Хабальятт,— вы мне делаете комплимент! Но я тружусь во мраке. Я иду ощупью. Есть тонкости, которых я еще не уловил. Вы удивитесь, если узнаете о втором лице кое-кого из наших дорогих спутников.

— Думаю, здесь найдется немало любопытного.

— Возьмите, к примеру, лысую старуху в черном одеянии. Ту, что сидит и глядит в пустоту, словно уже давно околела. Что вы о ней думаете?

— Старая ящерица, отталкивающая, но безвредная.

— Ей четыреста двенадцать лет. Ее муж, по моим сведениям, создал эликсир жизни, когда ей было четырнадцать. Она убила его и лишь двадцать лет назад утратила свежесть юности. А до той поры любовники ее исчислялись тысячами, и были они всех видов, размеров, полов, рас, цветов и кровей. Последние сто лет ее диета состояла исключительно из человеческой крови.

Джонатан откинулся в кресле, потер застывшее и усталое лицо...

— Продолжайте.

— Я узнал, что ранг и авторитет одного из моих соотечественников значительно выше, чем я полагал, так что я должен быть осторожнее. Я узнал, что у Принца Балленкрайчского на борту есть свой агент.

— Продолжайте.

— И еще я узнал — я, кажется, о такой возможности упоминал перед вылетом с Джиннуокли — что потеря цветочного горшка — это не самая тяжелая драма для друидов.

— Это как же?

Хабальятт задумчиво глядел на балкон.

— Вам когда-нибудь приходило в голову, — медленно и четко произнес он, — что друиды поступили несколько странно, назначив Маноолло миссионером такой степени важности?

— Я полагал, что здесь сыграл роль его ранг. По словам Ильфейенн, он очень высок. Экклезиарх, на ступень ниже сээрча.

— Но друиды не столь глупы и упрямы, — спокойно продолжал Хабальятт. — Вот уже почти тысячелетие они ухитряются править пятью биллионами мужчин и женщин, не имея за спиной ничего, кроме огромного дерева. Они чрезвычайно хитроумны, изворотливы и дальновидны. Без сомнения, Коллегия Товэрэчей не питала иллюзий насчет Маноолло. Им отлично известно, что это заносчивый и недалекий эгоцентрист. Они решили, что из него получится отличная лошадка для прикрытия. Я же, недооценив их, подумал, что Маноолло сам нуждается в ширме. Для этого я выбрал вас. Но друиды предвидели трудности, которые могла встретить миссия, и предприняли некоторые шаги. Маноолло отправился с фальшивым сажением, создав вокруг него атмосферу тайны. Настоящий Сын Дерева переправляется другим способом.

— И что это за способ?

Хабальятт пожал плечами:

— Могу только догадываться. Возможно, жрица искусно прячет его у себя. Возможно, побег спрятан в багажном отделении, — но в этом я сомневаюсь, ведь они знают о квалификации наших шпионов. Я думаю, саженец находится под охраной какого-нибудь представителя Кайириллы... Возможно, на этом корабле, но не исключено, что используется другой корабль.

— А дальше?

— А дальше — я сажу здесь и смотрю, не придет ли кто-нибудь усугубить мои подозрения. А дальше — вы пришли первым.

— И какие же выводы вы сделали?

— Никаких. Пока никаких.

Появилась беловолосая стюардесса. Ее руки и ноги, обтянутые костюмом, казались очень тонкими и изящными. Неужели это костюм? Джонатан впервые разглядел его поближе...

— Джентльмены будут завтракать?

Хабальятт кивнул:

— Я буду.

— Мне принесите каких-нибудь фруктов, — попросил Джонатан. Тут же он вспомнил открытие, сделанное на Джиннуокли. — Я не смею мечтать, что у вас есть кофе, но...

— Думаю, для вас найдется, лорд Смайл, — ответила стюардесса и удалилась.

Джонатан повернулся к Хабальятту:

— На них почти нет одежды! Это же краска!

Хабальятт, казалось, был удивлен:

— Разумеется. А разве вы не знали, что на биллендцах всегда больше краски, чем одежды?

— Нет. Я всегда принимал как само собой разумеющееся, что это одежда.

— Это серьезная ошибка, — наставительно сказал Хабальятт. — На чужой планете, имея дело с существом, личностью или явлением, никогда ничего не принимайте как само собой разумеющееся. Когда я был молод, я посетил мир Ксэнчей на Киме и там совершил оплошность, обольстив местную девушку. Восхитительное создание с виноградной веточкой в волосах... Помнится, она уступила с готовностью, но без особого энтузиазма. И вот когда я был почти без сил, она решила прирезать меня длинным ножом. Я запротестовал, и дама была совершенно обескуражена. Впоследствии я выяснил, что у ксэнчей лишь замысливший самоубийство имеет право обладать девушкой, минуя брачные узы, и что там нет никого, кто колебался бы в выборе: убить себя самому или уйти в мир снов, умерев в экстазе.

— Хорошо, а какова мораль?

— Мораль, она ясна: вещи не всегда таковы, какими выглядят на первый взгляд. Куда еще ясней!

Джонатан размышлял, тем более что кресло, в котором он так удобно развалился, очень этому способствовало. Хабальятт развлекал себя тем, что насвистывал фугу из четырех нот. Насвистывал, аккомпанируя себе при этом на шести пластинах, которые висели у него на шее. Достаточно было легкого касания, и они начинали вибрировать, причем каждая из них вибрировала в определенном тоне.

«Возможно, он что-то знает. — Последнее высказывание Мейнга подтолкнуло Джонатана к дальнейшим размышлениям. — Вполне может быть, что просто предполагает или подозревает. Не исключено также, что ему кажется, будто бы он знает о том, в чем я замешан. Хабальятт как-то высказался по поводу моего интеллекта, помнится, он назвал его ограниченным, возможно, именно так и есть. Он сделал уже достаточно намеков. Что же или кого он имел в виду? Ильфейенн? Да нет, он говорил о Сыне Дерева. Господи, какая грандиозная суматоха вокруг растения! Одно ясно совершенно точно — Мейнг абсолютно уверен в том, что Сын Дерева все еще на борту. Пойдем дальше. У меня его нет. Если бы растение было у него, то он не стал бы тратить столько сил на разговоры. У Ильфейенн? Ну, это остается под вопросом. Кто еще остается? Силлиты? Может быть, жуткая старуха? Мейнги? Тем более что он сам говорил о разногласиях, существующих между разными кланами? Друзиды-миссионеры, с бесконечными и сложными ритуалами?»

Пока мысли Джонатана витали далеко, Хабальятт продолжал внимательно наблюдать за ним, вдруг он взглянул на него в упор. Почувствовав его пристальный взгляд, Джонатан вздрогнул. Вот тогда Хабальятт улыбнулся и произнес:

— Ну, вот и хорошо, вы ведь поняли, не так ли?

— Думаю, да, точнее, кое-что — да, — подтвердил Джонатан.

Наконец все пассажиры снова собрались в салоне, но что-то изменилось, атмосфера была теперь совсем другая.

Не существует в истории путешествий ни одного, во время которого не возникли бы трения, и это путешествие не стало исключением из правил. Но если на фоне Маноолло личные приязни и неприязни как-то скрадывались, то после его исчезновения они перестали быть незаметными, как раньше, и вдруг разом вышли на передний план.

Занятые уже битый час игрой, сидели за столом с разноцветными дощечками Ирру Камметтви, два Мейнга в штатском и юная вдова, все четверо старательно избегали смотреть на Хабальятта. Если при этом вспомнить, что Мейнги в штатском были поверенными комитета Красной Ветви, то складывалась интересная ситуация. Два миссионера сгорбились над своим алтарем, забившись в самом темном углу салона, и бормотали свои непостижимые заклания. Силлит бродил по салону из угла в угол без всякой видимой цели.

Женщина в черном платье сидела совершенно неподвижно, как мертвец. Лишь пристально понаблюдав за ней, Джонатан заметил, что ее взгляд изредка передвигается на одну восьмую дюйма. Правда, за этот час она однажды подняла свою прозрачную руку только для того, чтобы поднести ее к своей гладкой, до стеклянного блеска голове, и медленно опустить назад. Все общество разбилось на маленькие группки или предпочло одиночество, но все старательно игнорировали друг друга и все вместе — Хабальятта.

У Джонатана появилось ощущение, что он сопротивляется могучим психическим потокам, которые словно волны могучего океана налетали на него со всех сторон, гонимые ветром. Главной его заботой было не забыть, что его ждет собственная миссия на Балленкрайче. Сохраниться среди этих волн и остаться готовым совершить то, ради чего он проделал весь этот долгий путь.

Джонатан думал о странных изменениях, произошедших в его сознании. По привычке он думал о своей миссии, но вот что было странно: всего несколько дней, часов оставались до прилета корабля на Балленкрайч, а его почти перестало волновать поручение, которое он должен был выполнить. Больше того, оно потеряло для него внутреннее содержание.

«Странная метаморфоза, — подумал Джонатан, — поручение, данное мне, потеряло для меня всякий смысл, внут-

ренное содержание. Для меня важнее стало теперь совсем другое. Большую часть эмоций, воли и чувств я вкладываю теперь в Ильфейенн. Я! Вложил! Скорее из меня вырвали, выжали это...»

Джонатан продолжал размышлять о Кайирилл, о Дереве Жизни, о Дворцах Божественного, которые плотно сгрудились у подножия ствола, немыслимых, каких-то планетарных, размеров. Все чаще перед глазами вставали сутулые фигуры пилигримов, их пустые глаза. Мысленно он видел бесконечную вереницу людей, которые идут к огромному дуплу и которые, достигнув его, останавливаются лишь на мгновение. Бросают короткий равнодушный взгляд на плоский, серый и очень невыразительный ландшафт, отворачиваются с полным равнодушием и, устало передвигая ноги, заходят в дупло, чтобы исчезнуть в нем навсегда.

Он думал о воззрениях друидов, основанных на смерти. Хотя смерть — это не та штука, которой надо бояться на Кайирилл. Смерть так же привычна, как, скажем, еда.

Насилие как обычный способ существования, насилие как выход из любого положения. Умеренность — слово, не имевшее значения для мужчин и женщин, не привыкших ограничивать прихоти, будь то излишество или бедность.

Он вспомнил все, что знал о Мейнгере: маленький мир озер и островов с изрезанными берегами, мир людей, склонных к путаным интригам, к архитектурным причудам. Мир кривых мостов, петляющих над реками и каналами, над красивыми уютными аллеями. Мир, озаренный тусклым желтым светом старого маленького солнца. Его фабрики: аккуратные, рентабельные, на специально отведенных промышленных островах. И Мейнги, люди столь же извилистые и хитроумные, как их витиеватые мосты. Один из них — Хабальятт, душа которого оставалась для Джонатана загадкой. А еще среди Мейнгов были пылкие приверженцы Красной Ветви — приверженцы средневековья, как сказали бы о них на Земле.

А Балленкрайч? Что о нем известно, кроме того, что это варварский мир, во главе которого стоит Принц, вознамерившийся снаскока воплотить в жизнь индустриальный комплекс. И где-то на этой планете, среди дикарей юга или варваров севера, должен находиться Гордон Крейстон.

Гордон. Вскружил Маргарите голову и ушел, оставив за собой переполох эмоций, который не мог улечься, пока он не вернется. Два года назад, на Марсе, Джонатан отставал от него на какие-то часы. Но когда Джонатан прибыл на Марс, чтобы вернуть Гордона на Землю для выяснения отношений, Гордон уже улетел. Раздраженный отсрочкой, но одержимый своей целью, Джонатан полетел за ним.

На Тюббанне он потерял след, потому что удар мотыги пьяного аборигена отправил Смайла на три месяца в госпиталь. Затем месяцы судорожных поисков, неудач, разочарований, и, наконец, на поверхность всплыло название очень далекой планеты — Балленкрайч. Затем месяцы, ушедшие на путь через всю Галактику, и теперь Балленкрайч лежал по курсу и где-то на нем был Гордон Крейстон...

И Джонатан неожиданно решил:

«Черт с ним, с Гордоном!»

Потому что Маргарита не владела более его воображением. Потому что теперь это место принадлежало беспринципной шалунье-жрице. Джонатану грезилось, как он и Ильфейенн исследуют древние игровые площадки Земли: Париж, Вену, Сан-Франциско, Долину Кошмара, Черный Лес, Море Сахары...

И Джонатан спрашивал себя: придется ли это по вкусу Ильфейенн? На Земле нет фанатиков-трудооголиков, чтобы их истязать, убивать или ласкать, как зверушек. Возможно, прав Хабальятт: вещи не всегда таковы, какими выглядят. Очень может быть, что он просто создал себе мираж по удобному образцу. Возможно, он просто никогда не представлял себе такие масштабы, в которые помещается эгоизм друидов. Ну и ладно. Тогда это предстоит выяснить.

Хабальятт не сводил с него ласкового взгляда.

— Будь я на вашем месте, мой юный друг, — я бы подождал. По крайней мере, еще один день. Не думаю, что она уже успела как следует ощутить одиночество. Думаю, что если вы сейчас с мрачным видом появитесь перед ней, это может вызвать лишь неприязнь и она причислит вас к прочим своим врагам. Дайте ей денек отдохнуть, а потом пригласите на прогулку или в спортзал, где она ежедневно проводит по часу...

Джонатан опять сел на скамью и сказал:

— Хабальятт, я не могу вас понять.

— Ах,— печально покачал головой Хабальятт,— поверьте, я говорю искренне.

— Вначале, на Кайирилл, вы спасли мне жизнь. Затем подставили под удар. Затем...

— Виной тому лишь досадная необходимость.

— Порой мне кажется, что вы симпатичны, дружелюбны...

— Ну конечно!

— ...как сейчас, когда вы прочли мои мысли и дали мне отеческий совет. Но я никогда не знаю, что еще вы держите для меня в запасе. Я — словно гусь, предназначенный для Рождественского стола и неспособный оценить щедрости хозяина. Вещи не всегда таковы, какими выглядят. Я не питаю иллюзий, что вы откроете мне, на какой убой меня послали...

Слова Джонатана смутили Хабальятта, но и заставили рассмеяться.

— Если говорить начистоту, то я на самом деле вовсе не столь искренен,— Хабальятт помахал ладонью в отрицающем жесте, как будто бы это могло добавить убедительности его словам.— Я никогда не стараюсь замаскироваться ничем, кроме честности. Вот и сейчас своими словами я только попытаюсь добавить вам веры в то, что я остаюсь предельно искренним, говоря с вами. Я отношусь к вам с большой симпатией, но это обстоятельство тем не менее не станет причиной, по которой я не стану жертвовать вами, если этого потребует необходимость. Пусть это не покажется вам противоречивым или циничным. Такова суть моей работы. Я вынужден жертвовать собственными симпатиями, если того требует моя профессия, больше того, игнорировать собственные антипатии во имя своего дела. Теперь вы знаете обо мне все и понимаете, что только симпатия могла заставить меня раскрыться перед вами до такой степени.

— Благодарю вас за откровенность, но тогда остается еще одна проблема. Интересно, а как я смогу узнать, когда вы на работе, а когда нет. Согласитесь, это немаловажная деталь.

С крайне печальной улыбкой на лице Хабальятт развел руками:

— Увы! На этот вопрос я не в силах дать ответ, видите ли, на него я не готов ответить даже самому себе.

Джонатан постарался комфортнее расположиться на скамье, странно конечно, но он не почувствовал себя таким уж неудовлетворенным. Хабальятт запахнул уютный халат на своем толстом животе и тоже явно остался доволен результатом разговора.

— Что еще можно сказать? Жизнь порой устраивает нам такие испытания. Она неожиданна и требует очень многого от нас. Да, она сложна, порой даже излишне сложна...

— Послушайте, Хабальятт, а почему бы вам не бросить всю эту канитель и не отправиться вместе со мной на Землю, а?

Веселая, почти что озорная улыбка появилась на лице Мейнга:

— А что, это мысли! Обязательно воспользуюсь вашим предложением. Правда, только в том случае, если в Ампиану Голубую Воду одолеет Красная Ветвь...

13

Многое изменилось, а ведь всего четыре дня назад они покинули Джиннуокли. Сколько еще осталось до прилета в Балленкрайч? Пожалуй, еще суток трое. Джонатан стоял на верхней палубе, в раздумье опершись на перила. Размышляя, он тем ни менее чутко прислушивался к медленным шагам Ильфейенн. Она приостановилась возле него в ожидании, но, стараясь всем своим видом показать, что готова пройти мимо. Бледное милое лицо, большие и чистые широко распахнутые глаза. Независимое выражение, так старательно сохраняемое на лице, не могло скрыть озабоченности.

— Привет, — Джонатан приветствовал ее сухо, почти холодно, и вновь стал смотреть на звезды. Он ждал, что-то в лице Ильфейенн подсказало ему, что она остановилась окончательно.

Немного помолчав, она сказала обиженно, с легким раздражением:

— Почему так бывает? Сейчас, именно тогда, когда мне нужно поговорить с кем-нибудь, вы меня избегаете.

Долгое любование звездами создало в Джонатане настроение слегка романтическое, и он проникновенно спросил у девушки:

— Скажите мне, Ильфейенн, вы любили когда-нибудь?

Недоумение, отразившееся на ее лице, охладило его пыл не хуже, чем холодная вода.

— Простите, я не понимаю...— сказала жрица.

С легкой иронией Джонатан ответил:

— Это всего лишь земная абстракция. С кем вы живете на Кайирилл, я это имел в виду?

— С кем? С тем, кто мне интересен. С тем, с кем хочется. С тем, кто дает мне почувствовать свое тело.

Чтобы скрыть досаду, Джонатан опять повернулся к звездам.

— Суть несколько глубже,— он сердился на себя, за допущенную ошибку.

Голос Ильфейенн дрогнул, стал вдруг тихим и очень серьезным:

— Джонатан... Я... я очень хорошо вас понимаю, Джонатан.

Джонатан повернул голову, еще не веря в то, что услышал в ее голосе. Ее прелестное лицо было повернуто к нему. Губы нежные и алые, как вишни... Глаза, огромные и темные, горели... Он поцеловал ее так, как будто приник к источнику, спасающему его, вконец измученного жаждой, как к целительному роднику, возвращающему его к жизни...

— Ильфейенн.— В его голосе надежда перемешалась с сомнением.— Ильфейенн...

— Да?

Неожиданно Джонатан принял решение:

— Ильфейенн, на Балленкрайче... мы повернем и полетим назад, на Землю. Хватит! Больше не будет ни бесконечных интриг, довольно страхов и смертей! На этом чудесном свете есть столько мест, которые я хотел бы тебе показать... Знаешь, сколько есть на Земле древних мест, которые сохранили свою первозданную прелесть, красоту и таинственность... Мы будем с тобой путешествовать...

Он остановился на полуслове, почувствовав, как она вздрогнула в его руках.

— Разве ты не понимаешь, Джонатан! У меня есть мой мир! И есть ответственность, пойми, у меня есть ответственность перед этим миром!

Стараясь ее убедить, уверенный в своей правоте, Джонатан с горячностью перебил ее:

— Поверь мне, постарайся понять! Там, на Земле тебе все станет ясно. Ты поймешь, что все это — гадкая подлая мерзость. Поймешь, что это в равной мере низко и для друидов, и для лайти. Понимаешь? И для вас, и для миллионов жалких рабов.

— Рабов? Они служат Дереву Жизни. Мы все, так или иначе, служим Дереву Жизни.

— Дереву Смерти!

Ильфейенн тихо высвободилась.

— Джонатан, я не могу тебе этого объяснить. Мы связаны с Деревом. Мы его дети! Ты не понимаешь и не знаешь великой истины. Существует лишь одна Вселенная — Дерево! А лайти и друиды служат ему в бухте посреди языческого космоса. Когда-нибудь все переменится. Все люди станут служить Дереву! А мы возродимся из праха, мы будем служить, и трудиться, и, в конце концов, станем листьями в ночном сиянии. Каждый на своем месте. Кайирилл станет святым местом Галактики...

— Это растение, — возразил Джонатан, — очень большое, но все же растение, в ваших умах занимает больше места, чем все человечество. На Земле подобную штуку мы бы срубили на дрова и сожгли в камине. Впрочем, зачем? Мы бы опоясали его спиральной лестницей и водили бы по ней экскурсии, а на верхушке продавали бы горячие сосиски. И содовую. Мы бы ему не позволили нас гипнотизировать.

Она его не слушала.

— Джонатан, ты можешь стать моим любовником. И мы будем жить на Кайирилл, служить Дереву и убивать его врагов... — Она замерла на полуслове, удивленная выражением его лица.

— Это не годится. Мы слишком разные. Я вернусь на Землю. А ты останешься здесь. Найдешь себе другого любовника, чтобы он убивал для тебя врагов. И каждый из нас будет делать то, что ему больше по душе. Не спрашивая других.

Она отвернулась и, прислонившись к перилам, стала смотреть на звезды.

— Ты любил когда-нибудь другую женщину? — спросила она.

— Ничего серьезного, — солгал Джонатан. — А ты? У тебя были любовники?

— Ничего серьезного...

Джонатан мрачно посмотрел на нее. На ее лице не было и тени юмора. Он вздохнул. Земля — это вам не Кайирилл.

— Что ты думаешь делать, когда мы прилетим на Балленкрайч? — поинтересовалась она.

— Не знаю, еще не думал. Но никаких дел ни с Мейнгами, ни с друидами у меня не будет, это уж точно! Деревья и империи меня интересуют меньше всего. У меня и своих дел достаточно... — Он говорил, его голос становился все тише, и наконец Джонатан замолчал.

Он как бы со стороны увидел себя в погоне за Гордоном Крейстоном. До сих пор, думая только о Маргарите: на Юпитере, на Плутоне, Альтаире, Веге, Гинизаре, Полярисе, Тюббанне, даже совсем недавно, на Джимовьетто и Кайирилл, — он не видел в своем путешествии ничего донкихотского, ничего смешного.

Сейчас образ Маргариты растворился в памяти. Но иногда он словно слышал ее звонкий смех. Внезапно он подумал, что в рассказе о его приключениях она найдет много забавного, неправдоподобного, такого, что может ее разочаровать...

Выражение его лица менялось, вслед за тем, как менялись его мысли. Ильфейенн с нескрываемым интересом и все возрастающим любопытством следила за его лицом. Он вернулся к действительности. Странно, насколько реальна стала для него эта жрица, с ее нелепым культом и запутанными проблемами. Она была реальна, в противоположность тем, другим, тем, которые занимали до этого все его мысли.

Взять хотя бы то, что Ильфейенн действительно не нашла бы ничего смешного в том, что человек ради любви к ней, к Ильфейенн, отправился бы скитаться по Вселенной. Она, скорее бы, возмутилась, если бы он отказался сделать это.

— Что заставляет тебя лететь на Балленкрайч? — заинтересованная переменами, происходившими с лицом Джонатана, она не смогла не задать этот вопрос. — Это что-то важное для тебя? — Ильфейенн отчаянно пыталась скрыть свою заинтересованность и волнение.

Все еще находясь под влиянием своих мыслей, Джонатан не заметил ни того, ни другого. Он отвечал почти автоматически, не вдаваясь в подробности.

— Хочу повидать своего приятеля. Говорили, что встречали Гордона Крейстона на Балленкрайче. Надеюсь, что он еще здесь и мне удастся повидаться с ним.

— Интересно, как ты собираешься найти, чтобы повидаться?

— Пока еще не думал. Прилетим, тогда и видно будет. Можно начать с цивилизованного континента.

— Замечательно, беда только в том, что ты при всем желании не встретишь там цивилизованных людей, таких там просто нет.

— Велика беда! Буду искать среди варваров Джонатан сохранял спокойствие, которое понемногу стало выводить жрицу из себя. — Я хорошо знаю Гордона, и если он не очень изменился с нашей последней встречи, то его нужно искать в самой гуще событий. Так что если там где-то заварушка, то мне как раз туда.

— Вы давно не виделись, как много времени прошло с тех пор, когда в последний раз? Может так случиться, что твоего друга уже нет в живых.

— Если Гордон умер? Тогда я со спокойной совестью вернусь домой.

Он очень живо представил себе лицо Маргариты, ее возмущенно вскинутый круглый подбородок. «Гордон мертв? — переспросит она. — Что же, значит, ему не повезло». Что могла бы она добавить еще? Что-нибудь вроде: «Возьми меня, мой верный рыцарь, мой возлюбленный, давай умчимся вдвоем на космоботе, на твоём белоснежном корабле».

Возможно, она сказала бы нечто похожее, а может быть, он просто хотел услышать похожие слова. Может быть... совсем недавно...

Джонатан украдкой взглянул на жрицу и неожиданно для себя увидел в ее руке предмет, напоминающий кадило, источающий терпкий цветочный аромат. Удивительная девушка, никогда он не смог бы наверняка сказать, что еще она сделает... в следующую минуту. Всегда это было неожиданностью, чаще всего ее поступки заставляли его задуматься.

Ко всему в этой жизни Ильфейенн относилась очень серьезно. Нельзя было даже сравнивать двух этих жен-

щин. Маргарита даже не шла по этой жизни, она летела, порхала...

Она легко жила, легко смеялась, и ей никогда бы не пришлось в голову уничтожать врагов своей религии. Джонатана развеселила эта мысль. Да знакомо ли Маргарите такое слово? Скорее всего, нет.

— Что это тебя рассмешило? — В голосе Ильфейенн прозвучало явное подозрение.

— Пустяки, просто я вспомнил старого друга...

14

Бурный и неугомонный мир Балленкрайча был уже рядом. Планета свирепых серых бурь и яркого неистового солнца. Станный ландшафт, состоящий из фиолетовых равнин и каменных балюстрад, стремительно возносящихся в небо. Мир, где пламенели рассветы, а дремучие леса были девственно непроходимыми, саванны с самой зеленой в мире травой, охватывающей ноги по лодыжку! Мир, где медленные реки неспешно текли по низинам. Неистовый новый мир!

В джунглях, заполнивших южные широты, деревья и растительность всех уровней переплелись между собой самым невероятным образом и ведут жестокие бои за место под солнцем. Тесня друг друга, они падают и, умирая, превращаются в перегной. Год за годом, слой за слоем ложатся они друг на друга, миля за милей, пока, наконец, толща гнили не начинает губить всю растительность вокруг.

Туземцы свободно кочуют везде: по горным перевалам, по лесам и равнинам. Во время остановок их яркие кибитки растекаются подобно сказочным рекам, заполняя собой все свободное пространство. Стойбище напоминает огромный ковер, покрытый ярким рисунком. Не менее живописно выглядят и местные жители. Крупные, пышноволосяные люди, ловкие и умелые воины, одеты в основном в доспехи из стальных пластин, соединенных между собой полосами и кусками кожи.

Не уступая в ярости своей планете, они не жалеют крови на дуэлях. Они независимы и горды. Здесь правят законы вендетты. Они живут в мире набегов, резни и сражений с двуногими животными джунглей. Сражаются они мечами.

ми, пиками и используют небольшие баллисты, стреляющие небольшими камнями, с кулак величиной. За те тысячелетия, которые прошли после разрыва с Галактической цивилизацией, их язык изменился до неузнаваемости, исчезла письменность, но ее с успехом заменила пиктография. Налицо были все признаки деградации, но контакты с внешними мирами оставляли надежду на возрождение.

«Бельзвурон» после долгих дней пути наконец опустился на зеленую равнину, залитую ярким светом неистового светила. В высоком небе над кораблем и сине-зелеными деревьями повисла многоцветная радуга.

Неуклюжий, кое-как сколоченный из бревен и рифленого металла, павильон, находившийся неподалеку от места приземления, служил, видимо, и залом ожидания, и складом одновременно. Когда приземлившийся корабль окончательно затих, к нему, неспешно переваливаясь и поскрипывая всеми восемью колесами, подъехала маленькая и неказистая повозка. Подъехала и остановилась возле корабля в ожидании.

Джонатан осмотрелся вокруг и в недоумении повернулся к Хабальятту:

— Здесь что, нет городов?

— Не волнуйтесь, все в порядке. Просто Принц запретил садиться вблизи крупных поселений, он опасается, и не без основания, работорговцев. Слишком велик спрос на телохранителей с Балленкрайча, в них были заинтересованы и на Фрунне, и на Перкинсе.

Все пространство вокруг порта было очищено от растительности и воздух, который проникал в корабль, был пропитан ароматом влажной травы и благоуханием неведомых цветов.

В салоне появился стюард и объявил пассажирам:

— Все желающие могут высадиться. Однако просим вас не удаляться от корабля, пока не будет организован транспорт в Вайл-Алан.

Джонатан поискал глазами Ильфейенн. Она о чем-то горячо спорила с друидами-миссионерами, и те внимали с выражением тупого упрямства на лицах. Ильфейенн взбесилась, отвернулась от них, побледнев, и пошла к выходу. Друиды направились следом, о чем-то вполголоса переговариваясь.

Ильфейенн приблизилась к кучеру восьмиколесного экипажа:

— Я хочу добраться до Вайл-Алана.

Кучер равнодушно поглядел на нее.

Хабальятт взял Ильфейенн за локоть:

— Жрица, аэрокар позволит всем нам добраться гораздо быстрее, чем эта повозка.

Она высвободилась и быстро отошла в сторону. Хабальятт приблизился к кучеру, который шепнул ему несколько слов. Лицо Мейнга еле заметно изменилось: дернулся мускул, напряглись челюсти. Заметив, что Джонатан за ним наблюдает, он сразу же стал равнодушным и серьезным, как кучер.

— Какие известия? — спросил ехидно Джонатан, когда Хабальятт отошел от повозки.

— Очень плохие, — отозвался Хабальятт. — В самом деле, очень плохие новости.

— Что так?

Хабальятт помедлил, затем заговорил, причем в таком искреннем тоне, что Джонатан опешил.

— Мои противники на родине, в Латбоне, оказались значительно сильнее, чем я предполагал. В Вайл-Алан прибыл сам Магнерру Ипполито. Он добрался до Принца и, видимо, сообщил ему кое-какие неприятные детали о друидах. Мне сообщили, что планы кафедрального собора провалились, и Ванбрион, суб-Товэрэч, находится под усиленной охраной.

Джонатан хмуро посмотрел на него:

— А вы разве не этого добивались? Уж друиды, я полагаю, не стали бы советовать Принцу сотрудничать с Мейнгами.

Хабальятт печально покачал головой:

— Джонатан, дорогой мой друг, вас так же легко ввести в заблуждение, как и всех моих воинственных соотечественников.

— Надеюсь все же, что не так легко.

Хабальятт развел руками:

— Это же так очевидно!

— Сожалею.

— Друиды рассчитывают освоить Балленкрайч. Мои соотечественники-оппоненты, зная об этом, рвутся противостать их клыкам и зубам. Они не видят подтекста, не

учитывают возможных случайностей. Они считают так: поскольку друиды что-то затеяли, нужно с ними противоборствовать в любом их начинании. И при этом способами, которые, по моему мнению, могут оказать Мейнгеру серьезный ущерб.

— Я догадываюсь, к чему вы клоните, но не понимаю, как это действует.

Хабальятт глядел на него, явно забавляясь:

— Мой дорогой друг, человеческое благоговение вовсе не безгранично. Можно считать, что лайти на Кайирилл возвели Дерево в абсолютный закон. Теперь представьте, что произойдет, если они узнают о существовании другого священного Дерева.

Джонатан улыбнулся:

— Их почтение к первому Дереву вдвое уменьшится.

— Разумеется. Я не в силах предугадать, насколько именно уменьшится почтение, но в любом случае это будет весьма ощутимо. Сомнение и ересь найдут податливые души, и друиды вдруг обнаружат, что лайти уже не столь безответны и безразличны. Сейчас они связали себя с Деревом. Оно — их собственность, причем собственность уникальная, единственная во Вселенной. И вдруг оказывается, что друиды на Балленкрайче выращивают еще одно Дерево. Идут слухи, что это делается по политическим соображениям... — Хабальятт многозначительно поднял брови.

— Но друиды, — сказал Джонатан, — контролируя эти новые отрасли промышленности, могут взять верх. Во всяком случае, когда дело коснется вопроса о кредитных поставках.

— Мой друг, — покачал головой Хабальятт, — потенциально Мейнгер — слабейший из трех миров. И в этом все дело. Кайирилл имеет людские резервы, Балленкрайч — сельскохозяйственные продукты, минеральное сырье и агрессивное население с воинственными традициями. В любом случае в союзе двух миров Балленкрайч превратится в мужа-каннибала, пожирающего собственную супругу. Возьмем друидов — эпикурейцев, развращенных властелинов пяти миллиардов рабов. Представим, что они берут верх над Балленкрайчем. Смешно? Через пятьдесят лет Балленкрайчцы в шею вытолкают Товэрэчей из их дворцов и спалят Дерево Жизни на победном костре. Рассмотр-

рим альтернативный вариант: Балленкрайч связан с Мейнгером. Последует тяжелый период. Выгоды не будет никому. А сейчас у друидов нет выбора: впряглись в ярмо — работайте. Балленкрайч решил развивать промышленность, — следовательно, и друидам на Кайирилл придется строить фабрики, вводить образование. Старое минует безвозвратно. Друиды могут потерять, а могут и не потерять бразды правления. Но Кайирилл останется развитой промышленной единицей и послужит естественным рынком для продукции Мейнгов. Без внешних рынков, какими могут быть Кайирилл и Балленкрайч, наша экономика ослабеет. Мы могли бы их завоевать, но можем и погореть на этом.

— Все это я понимаю, — медленно и спокойно проговорил Джонатан, — но это ничего не дает. Так чего же вы добиваетесь?

— Балленкрайч самообеспечивается. В то же время ни Кайирилл, ни Мейнгер не могут существовать в одиночестве. Но как видите, нынешний приток богатства друидов не удовлетворяет.

Они хотят больше и надеются добиться этого, контролируя промышленность Балленкрайча. Я хочу, чтобы этого не произошло. И я хочу, чтобы не возникло сотрудничества между Кайирилл и Мейнгером, которое на данном этапе было бы противоестественным. Я мечтаю увидеть на Кайирилл новый режим: правительство, предназначенное улучшить производительные и покупательные возможности лайти; правительство, предназначенное создать с Мейнгером гармоничный альянс.

— Очень странно, ведь выгода очевидна. Неужели никак не договориться? Плохо, что три мира не в силах сформировать единый союз.

— Да, эта идея была бы весьма удачным решением, — Хабальятт печально вздохнул, — но все рушится перед лицом трех обстоятельств. Первое — текущая политика друидов. Второе — большое влияние Красной Ветви на Мейнгере. И третье — намерения принца Балленкрайчского. Избавьте нас от всего этого, и такой союз станет возможным. Я первым тогда подниму руку «за». А почему бы и нет?

Последнее Хабальятт пробормотал как бы про себя, и на мгновение из-за желтой вежливой маски показалось лицо очень усталого человека.

— Что с вами теперь будет?

Хабальятт помолчал некоторое время и, скорбно поджав губы, ответил:

— Как это ни грустно, но если мой авторитет погибнет... В этом случае, единственное, что мне остается, это покончить с собой. Ну, что вы смотрите с таким недоумением. У каждого народа свои обычаи, вот у нас, к примеру, это традиционный способ выразить неодобрение. Пока все складывается таким образом, у меня сложилось такое впечатление, что в этом мире я задержусь очень недолго.

— Хабальятт, если все так плохо, почему бы вам не вернуться на Мейнгер, почему не пересмотреть политические позиции. Разве невозможно все это изменить?

— Возможно, вас насмешат мои слова, но, — Хабальятт усмехнулся, покачивая головой, — это уже не наш обычай. Джонатан, вы забываете, что существование любого общества строится по законам, которые должны соблюдаться всеми членами этого общества, иначе неизбежен крах.

— Нет, я не могу и не хочу этого понимать, будь я на вашем месте, я вряд ли стал бы размышлять о самоубийстве, как о единственном способе решить проблему. Взгляните, сюда летит аэрокар, еще не все потеряно! Не кажется ли вам, что друиды и Мейнги отходят в сторону в сравнении с Принцем? Почему бы вам ни переманить его на свою сторону, ведь похоже, он — ключевая фигура. Ему и карты в руки.

Мейнг, не задумываясь, покачал головой, похоже, этот вариант он уже обдумывал и отмел, как безнадежный.

— Вы ошибаетесь, просто у вас недостаточно информации. Кто угодно, но только не Принц. Он помесь бандита, шута и мечтателя в одном лице. Поверьте, для него все это игра, не более. Он далек, безнадежно далек от идеи обновления Балленкрайча. Он менее всего политик.

15

Недалеко от корабля остановилась небольшая брюхатая машина, которой вряд ли бы повредила покраска. Это был местный аэрокар. Из него появились две весьма живописные фигуры.

Двое рослых мужчин были одеты в красные штаны до колен, при этом на них были просторные ярко-голубые

жакеты и довершали наряд черные кепи. Высокомерие, свойственное военной элите во всех мирах, просто распирало их.

— Высокочитимый лорд Принц шлет вам свое приветствие, — сообщил один из них, обращаясь к биллендскому офицеру. — Лорд Принц считает, — продолжал он, слегка растягивая слова, — что среди пассажиров должны быть иностранные агенты, а потому те, кто сейчас высадится из корабля, будут в обязательном порядке представлены ему лично. Надеюсь, больше объяснений не потребуется.

Сделав это сообщение, он счел свою миссию завершенной.

Пропустив вперед жрицу, в машину вошел Хабальятт. Затем миссионеры сначала впихнули в нее переносной алтарь и залезли сами. Мейнги — о, они просто не сводили с Хабальятта глаз, свирепые их взгляды могли испепелить его — проследовали за ними и, наконец, дошла очередь и до Джонатана. На корабле остались только силлиты да старуха в черных одеждах, эти должны были продолжить полет на Каллерган, Билленд или Силл.

Джонатан решил пройти вперед и опустился в кресло возле Ильфейенн.

Она повернула к нему лицо и его изумила произошедшая с ней перемена. Лицо ее потеряло не только все краски, но и юность, казалось, покинула ее.

— Что вы от меня хотите? — Вопрос прозвучал резко, почти грубо.

— Абсолютно ничего. Вы сердитесь на меня. Я вас чем-нибудь обидел?

— Нет, но я догадалась, вы — шпион Мейнгов.

В ответ Джонатан невесело, почти что через силу, рассмеялся.

— Вы решили так только потому, что я общаюсь с Хабальяттом? Ведь так?

Голос жрицы прозвучал еще резче:

— Говорите, зачем он вас послал? Что он вам доверил сказать мне?

Такого оборота Джонатан ожидал меньше всего. Перед ним неожиданно открывалась широкая перспектива для умозаключений.

Вполне возможно, правда, очень не хотелось бы так думать, но вполне возможно, что Хабальятт решил вос-

пользоваться им для того, чтобы он передал его соображения Ильфейенн, а, следовательно, и друидам. Хитро, ничего не скажешь, психолог...

— Мне об этом ничего не известно, во всяком случае, — сказал он, — хотел Хабальятт вам что-нибудь передать или нет, можете мне не верить, ваше дело. Но он мне рассказал, почему помогал привезти на планету ваше Дерево.

— Начать нужно с того, — весьма едким тоном заметила Ильфейенн, — что у нас нет больше Дерева. Его украли на Джиннуокли. — Ее зрачки расширились, и она посмотрела на него с внезапным подозрением. — А причем здесь вы? Может быть, вы тоже...

— Послушайте, вы что, твердо решили думать обо мне самое плохое? — вздохнул Джонатан. — Ну что ж... Не будь вы столь дьявольски прекрасны, я думал бы о вас в два раза хуже. Вы рассчитываете, что, явившись к Принцу с двумя разъявшимися друидами, сумеете его обвести вокруг пальца как мальчишку. Что ж, может быть, и так. Я очень хорошо знаю, что вы не остановитесь ни перед чем. Но сейчас я собираюсь выложить вам все, о чем мне говорил Хабальятт. Можете делать с этой информацией все, что хотите. — Он посмотрел на нее, ожидая ответа. Но она отвернулась к окну. — Он считает так: если миссия удалась, то вы с вашими друидами со временем станете плясать под дудку этих ненормальных Балленкрайццев. Если не успеете... что ж, лично для вас Мейнги еще могут организовать какую-нибудь гадость, но рано или поздно вы обязательно выйдете вперед.

— Уходите, — сдавленным голосом произнесла она. — Каждое ваше слово причиняет мне боль. Уходите.

— Ильфейенн! Оставьте вы эту кучу-малу из друидов, Мейнгов и Дерева Жизни! Я заберу вас на Землю. Если покину эту планету живым...

Она повернулась к нему затылком.

Машина зажужжала, завибрировала и поднялась в воздух. Земля осталась внизу. На горизонте появились большие горы с вершинами, блистающими снегом и льдом. Позади оставались луга, покрытые необычайно зеленой травой. Они пересекли гряды. Машина судорожно дернулась, мелко затряслась и пошла на посадку в сторону моря.

На берегу этого моря находилось поселение, видимо, основанное недавно и потому недостроенное. Центр города представлял собой три крупных дома и дюжину больших прямоугольных зданий. У зданий были стеклянные стены и крыши, покрытые блестящими плитками металла. В миле от города находился лесистый мыс, на котором и приземлилась машина.

Дверь открылась.

Один из Балленкрайчцев коротко сказал:

— Сюда.

Джонатан спустился вслед за Ильфейенн и увидел впереди низкое, длинное здание со стеклянным фасадом, выходящим одновременно на море и на равнину.

Балленкрайчский капрал сделал повелительный жест, указав в сторону здания, и безоговорочным тоном произнес:

— В резиденцию.

Размышляя, что эти солдаты вряд ли способны сослужить хорошую службу доброй воле, Джонатан направился к зданию.

С каждым шагом нервы натягивались все сильнее. Атмосферу вряд ли можно было назвать дружеской. Он заметил, что напряжение охватило каждого. Ильфейенн продвигалась вперед на негнущихся ногах. На оскаленных зубах Ирру Камметтви играл желтый глянец.

Джонатан также заметил, что Хабальятт что-то настойчиво втолковывает друидам-миссионерам. Те неохотно его слушали. Хабальятт повысил голос, и Джонатан расслышал слова:

— Какая разница? У вас появится хотя бы шанс. Какое вам дело до моих мотивов?

В конце концов, друиды, видимо, уступили. Хабальятт прошел вперед и громко заявил:

— Стойте! Подобная наглость не может более продолжаться!

Двое стражников в изумлении обернулись к нему. Лицо Хабальятта было злым:

— Идите и приведите хозяина! Мы не намерены сносить оскорбления!

Балленкрайчцы были совершенно сбиты с толку и растерянно хлопали глазами.

Ирру Камметтви ошетинился:

— Чего вы боитесь, Хабальятт? Вы хотите скомпрометировать нас в глазах Принца? Перестаньте болтать!

— Он должен запомнить, что у Мейнгов есть чувство собственного достоинства, — ответил Хабальятт. — До тех пор пока он удосуживается встречать нас подобным образом, мы не двинемся с места!

— Тогда оставайтесь! — презрительно рассмеялся Камметви.

Он завернулся в алый плащ и пошел в сторону резиденции. Балленкрайчцы посовещались, и один из них отправился вместе с Мейнгом.

Второй смерил Хабальятта свирепым взглядом:

— Жди теперь, когда Принцу сообщат!

Когда уходившие завернули за угол, Хабальятт лениво выпростал руку из-под мантии и разрядил трубку в сторону стражника. Глаза Балленкрайчца затянулись молочной пленкой, и он рухнул на землю.

— Всего лишь оглушен, — объяснил Хабальятт Джонатану, который возмущенно повернулся к нему. — Быстрее! — приказал он друидам.

Быстрым движением, ловко задрав рясы, друиды побежали к ближайшему берегу Инеа.

Один из них проковырял жезлом дырку в мягкой грязи, второй открыл алтарь и вытащил миниатюрное Дерево в горшке.

— Эй, вы, двое! — услышал Джонатан сдавленный крик Ильфейенн.

— Ну-ка, тихо!!! Молчать! — прикрикнул грозно Хабальятт. — Придержите язык, если не разучились соображать! Они архи-Товэрэчи, оба! Маноолло — болван!..

Друиды быстро опустили в ямку корешки растения. Утрамбовали землю вокруг. Потом также быстро сложили алтарь, отряхнули руки и вновь превратились в монахов с постными физиономиями.

А Сын Дерева, купаясь в теплом желтом свете, уже стоял на земле Балленкрайча. Если не приглядываться, его легко можно было спутать с молодым обычным ростком.

— А теперь, — безмятежным голосом произнес Хабальятт, — можно и в резиденцию...

Оторопев от всего происходящего, Ильфейенн глядела на него, на друидов, и в глазах ее были унижение и гнев.

— Все это время вы смеялись надо мной!

— Нет-нет, жрица, — поднял руки Хабальятт. — Умоляю вас, успокойтесь! Вам понадобится вся ваша выдержка, когда мы предстанем перед Принцем. Поверьте, вы сослужили очень полезную службу!

Ильфейенн резко повернулась, словно хотела уйти в сторону моря, но Джонатан удержал ее. Секунду она напряженно смотрела ему прямо в глаза, затем расслабилась:

— Хорошо, я иду.

На полпути они встретили шестерых солдат, посланных за ними. Никто из солдат не заметил неподвижно лежащего стражника.

На входе последовал обыск — быстрый, но столь подробный, что вызвал гневные протесты друидов и возмущенный визг Ильфейенн. Изъятый арсенал выглядел внушительно. У друидов отобрали ручные конусы, а у Хабальятта — трубку-станнер и кинжал с выкидным лезвием, у Джонатана — пистолет, а у Ильфейенн — полированный пистолет-трубку, который она успешно прятала в рукаве.

Вернулся капрал и сообщил:

— Вам дозволено пройти в резиденцию. Смотрите, не нарушайте норм приличия!

Пройдя насквозь вестибюль со стенами, разрисованными гротескными, почти демоническими фигурами животных, они вошли в большой зал. Потолки зала были из толстых тесаных бревен, а стены занавешены гобеленами. Вдоль стен рядами стояли кадки с красными и зелеными растениями, а на полу лежал мягкий древесноволокнистый ковер.

Против входа находился помост, огражденный по бокам перилами из ржаво-красного дерева, а на нем — сиденье, напоминающее трон, из того же дерева. В данный момент трон был пуст.

В комнате вдоль стен стояли двадцать или тридцать мужчин — рослых, загорелых, бородатых. Едва ли им привычна была крыша, находившаяся над головой. У одних были красные штаны до колен, блузы разных цветов; у других — короткие меховые пелерины из черного густого меха, наброшенные на плечи. Но у каждого на поясе висела короткая тяжелая сабля, и каждый недружелюбно рассматривал пришельцев.

В стороне от помоста кучкой стояли Мейнги из Красной Ветви: Ирру Камметтви в резком тоне разговаривал с женщиной; два функционера, полуотвернувшись, молча слушали.

В зал вошел церемониймейстер с очень длинным латунным горном и сыграл великолепную музыкальную фразу. Джонатан слегка улыбнулся. Как в театральной комедии: воины в ярких униформах, pompa, церемонность...

И вновь фанфары: тан-тара-тантиви! Резко, волнуяще!

— Принц Вайл-Аллайн! Правитель-владелец всего Балленкрайча!

Светловолосый мужчина быстро взошел на трон и уселся. У него было округлое худощавое лицо и веселые складки вокруг рта. Руки Принца все время находились в движении, и он сразу создал вокруг себя атмосферу жизнерадостности и безрассудства. Благоговение толпы вылилось в слитном вздохе-возгласе:

«Ааааах!»

Джонатан медленно, без удивления покачал головой:

— Черт меня возьми!..

Гордон Крейстон быстро обвел глазами комнату. Взгляд скользнул по Джонатану, прошел мимо, задержался, вернулся назад. Минуту Принц изумленно смотрел на Джонатана.

— Джонатан Смайл?! О небо! Как ты здесь очутился?!

Это был момент, ради которого Джонатан пролетел тысячу световых лет.

Но теперь его мозг отказывался функционировать. Джонатан, запинаясь, проговорил слова, которые повторял два года. Слова, которые пронес через тоску, тяжелый труд, опасности; слова, которые были выражением навязчивой идеи:

— Я пришел, чтобы забрать тебя!

Он заставил себя сказать это. Заставил почти самовнушением. Но слова были сказаны, и на подвижном лице Гордона появилось восхищение.

— Забрать меня? Весь путь — только чтобы забрать меня?!

— Да...

— Забрать меня! Зачем? — Гордон откинулся назад, и его широкий рот растянулся в ухмылке.

— На Земле ты оставил неоконченным одно дело.

— Не знаю, не знаю... Тебе придется долго меня убеждать, чтобы заставить вернуться или просто сдвинуться с места. — Он повернулся к долговязому стражу, стоявшему с каменным лицом: — Этих людей обыскали на предмет оружия?

— Да, Принц.

Гордон вновь повернулся к Джонатану с гримасой шутливого извинения на лице:

— Во мне слишком многие заинтересованы. Я не могу не учитывать очевидного риска. Но ты сказал, что хочешь вернуться и вернуть меня на Землю. Зачем?

«ЗАЧЕМ?»

Джонатан задал себе этот вопрос. Зачем? Да потому, что Маргарита убедила себя, будто влюблена в Гордона, а Джонатан считал, что она влюблена в мечту. Джонатан думал раньше:

«Если Маргарита побудет с Гордоном месяц, а не два дня; если она день за днем посмотрит на его жизнь; если она поймет, что любовь — это не серия взлетов и падений, как на американских горках, а брак — не череда веселых проделок...»

Короче, если прелестная головка Маргариты освободится от всей этой чепухи, то в сердце ее найдется местечко и для Джонатана.

Но так ли это?

Все казалось простым: нужно было лишь слетать на Марс за Гордоном. Но с Марса Гордон переправился на Юпитер, с Юпитера — на Плутон, отправную точку для прыжков. И здесь уже настойчивость начала превращаться в упрямство. С Плутона — дальше, дальше, дальше... Затем Кайирилл, Джиннуокли и вот теперь — Балленк-райч.

Джонатан покраснел, он внезапно вспомнил об Ильфейенн. Жрица стояла сейчас у него за спиной. Он почувствовал ее изучающий взгляд. Он открыл было рот, чтобы говорить, и закрыл его опять.

«ЗАЧЕМ?»

Он был сейчас в центре общего внимания, все смотрели на него, смотрели со всех сторон большого зала. Глаза удивленные, холодные, заинтересованные, враждебные, испытующие...

Безмятежные глаза Хабальятта, изучающие — Ильфейенн, насмешливые — Гордона Кре. И в помрачневшем мозгу Джонатана вспыхнула одна твердая мысль: он ощутил себя самым законченным ослом за всю историю Вселенной.

— Что-нибудь с Маргаритой? — беспощадно спросил Гордон. — Это она тебя послала?

Джонатан представил себе Маргариту, вот она сидит у экрана и насмешливо следит за Ильфейенн. Маргарита капризная и упрямая, бестактная, эгоистичная и категоричная в суждениях.

Но чистосердечная и славная... Маргарита или Ильфейенн?

— Маргарита? — Джонатан засмеялся. — Нет, Маргарита ни при чем. Вообще-то я передумал. Держись-ка от Земли подальше.

Гордон слегка расслабился.

— Если это связано с Маргаритой, то ты порядком запоздал. — Он почесал шею. — Черт возьми, где же она? Маргарита? Где ты?

— Маргарита? — пробормотал Джонатан.

Она взошла на помост и остановилась рядом с Гордоном.

— Хэлло, Джонатан. — Она сказала это так, словно они расстались вчера после обеда. — Какой приятный сюрприз!

Она очень тихо рассмеялась. Джонатан тоже улыбнулся. Мрачно. Очень хорошо, он проглотит эту пилюлю.

Джонатан встретился с ней взглядом и сказал:

— Поздравляю...

И он вдруг понял, что Маргарита теперь на самом деле живет той жизнью, о которой мечтала. Жизнью волнующей, полной интриг и приключений. И ее, похоже, это устраивало...

Гордон говорил ему что-то. Джонатан вдруг услышал его громкий голос:

— Видишь ли, Джонатан, мы здесь делаем замечательное дело. И это замечательный мир. Здесь неисчерпаемые запасы высококачественной руды, леса, органики, большие людские ресурсы. Я создал в уме образ — Утопию! За мной стоит хорошая компания хороших парней, и мы работаем вместе. Они немного не отесаны, но видят этот мир

моими глазами и потому предоставили мне шанс. Чтобы начать, мне, естественно, пришлось, снести несколько голов. Но зато теперь они знают, кто у них босс, и теперь все идет отлично. — Гордон бросил нежный взгляд на толпу Балленкрайццев. Любой из них способен был удавить его одной рукой. — Лет через двадцать ты глазам не поверишь, на что будет похожа эта планета! Говорю тебе, Джонатан, это восхитительный мир. А теперь, извини, я отвлекусь, это займет всего несколько минут. Государственное дело.

Он уселся удобнее в кресле, посмотрел на Мейнгов, затем на друидов.

— Сейчас мы обо всем потолкуем, пока проблемы еще не выветрились из ваших голов. А, старый дружище Хабальятт! — Гордон подмигнул Джонатану. — Дедушка Лис! Что случилось, Хабальятт?

Хабальятт шагнул вперед:

— Ваше сиятельство, я нахожусь в затруднительном положении. Не имея связи с правительством моей родины, я не поручусь за то, что знаю точно, насколько широко простирается моя компетенция.

— Разыщи Магнерру, — сказал Гордон стражнику и затем вернулся к Хабальятту: — Ипполито только что прибыл с Мейнгера, и он заявил, что уполномочен говорить от имени Ампиану-Женераль.

Ипполито вошел через арку в стене — крепкого сложения, черноглазый человек, мейнг-Ипполито, с квадратным лицом, лимонно-желтой кожей, яркими оранжевыми губами. На нем было алое платье, окантованное пурпурными и зелеными квадратами, и кубической формы черная шляпа.

Ирру Камметтви и прочие Мейнги из его команды вытянулись, салютуя вскинутыми руками. Хабальятт, с неподвижной улыбкой на пухлых губах, вежливо кивнул.

— Магнерру, — проговорил Принц Гордон. — Хабальятт очень хочет узнать, в каких рамках он может делать политику?

— Ни в каких, — скрипнул Магнерру. — Ни в каких. Хабальятт и Голубая Вода в Ампиану дискредитировали себя. Латбон заняла Красная Ветвь под свои заседания. Хабальятт говорит только от своего имени и скоро утихнет.

Гордон кивнул и сразу добавил:

— Но все же будет мудро, пожалуй, услышать, что он нам скажет перед кончиной.

Лицо Хабальятта оставалось ледяной маской.

— Милорд, — сказал он, — мои слова просты. Я бы хотел выслушать, что скажут Магнерру и два архи-Товэрэча, которые находятся среди нас. Милорд, смею вам представить высших представителей Кайирилл: архи-Товэрэчи Омеретто Имполант и Гаменза. У них есть что сказать.

— Моя бедная резиденция полна знаменитостями, — усмехнулся Гордон.

Гаменза выступил вперед, его провожал горящими глазами Магнерру:

— Принц Гордон, я понимаю, что создавшаяся атмосфера не подходит для политических дебатов. Когда бы Принц ни пожелал — раньше или позже, — я всегда изложу ему тенденции политики друидов в соответствии с моими взглядами на политическую и этическую ситуацию.

— Слизняк с луженой глоткой, — сказал Магнерру. — Слушайте, как они хотят вернуть рабство на Балленкрайч. А потом посадите в корабль для перевозки и отошлите обратно на их разлагающийся серый мир...

Гаменза окостенел. Его кожа, казалось, вот-вот пойдет трещинами.

Резким медным голосом он сказал Гордону:

— Я к вашим услугам.

Гордон встал.

— Хорошо, удалимся на полчаса и обсудим ваши намерения. — Он поднял ладонь в сторону Магнерру: — Вам будет предоставлена та же привилегия, успокойтесь. Поговорите с Хабальяттом о былых временах. Я знаю, что когда-то он занимал вашу позицию.

Архи-Товэрэч Гаменза дождался, когда Гордон спрыгнул с помоста и вышел из зала, а затем пошел следом, пропустив вперед архи-Товэрэча Омеретто Имполант. Маргарита небрежно помахала Джонатану ладошкой: «Увидимся позже». Она ушла в другую дверь.

Джонатан нашел скамью в углу и устало сел. Перед ним, словно позирующие модели, неподвижно стояли Мейннги. Ильфейенн — сама свежесть и утонченность. Мейнг же был не похож на самого себя, он стоял — непривычно усталый, опущенный и беспомощный. Аборигены Баллен-

крайча, одетые в дорогие, но безвкусные и чопорные наряды.

Подданные Гордона, непривычные к перебранкам и хитроумным изворотам, выглядели смущенно и встревоженно и о чем-то тихо перешептывались друг с другом, хмуро озирая гостей. Ильфейенн повернула голову, обведя зал взглядом. Она увидела Джонатана, помедлила, затем подошла, села рядом и надменно произнесла:

— Вы издеваетесь надо мной!

— Мне это неизвестно.

— Вы нашли человека, которого искали. Почему же вы теперь ничего не делаете?

— Я передумал, — пожал плечами Джонатан.

— Потому что желтоволосая женщина — Маргарита — находится здесь?

— Отчасти.

— Вы мне никогда о ней не говорили.

— Не думал, что вам это интересно.

Ильфейенн не сводила каменного взгляда с противоположной стены зала.

Джонатан заметил:

— А знаете, почему я передумал?

— Нет, не знаю, — она покачала головой.

— Из-за вас.

Ильфейенн живо повернула к нему лицо с горящими глазами:

— Так вы оказались здесь только из-за светловолосой женщины?

— Каждый мужчина раз в жизни может оказаться круглым простаком. Минимум один раз...

Это ее не успокоило.

— А сейчас, я полагаю, если я пошлю вас искать кого-нибудь, вы уже не пойдете? Значит, она для вас значит больше, чем я?

— О, Господи! — застонал Джонатан. — Прежде всего вы никогда не давали мне причин думать... О, дьявол!

— Вы разве не помните, я вам предлагала стать моим любовником.

Джонатан раздраженно посмотрел на нее.

— Мне бы хотелось...

Он вспомнил, что Кайирилл — не Земля, а Ильфейенн — не девушка из колледжа.

Ильфейенн засмеялась:

— Я вас очень хорошо понимаю, Джонатан. На Земле вы привыкли считать мужчин главными, а женщин — вспомогательными существами. Но не забудьте, Джонатан, вы еще кое в чем мне не признались. В том, что любите меня.

— Да, вы правы. Боюсь, что это так, — проворчал Джонатан.

— А вы не находите, что теперь самое время, попытайтесь.

Сделав отчаянную попытку, Джонатан с радостью обнаружил, что, невзирая на тысячу световых лет и полную противоположность культур, девушка — это девушка, будь то друид или студентка.

Гордон и архидруиды вернулись в зал.

На белом лице друида неподвижно застыл целый набор чувств.

Гордон обратился к Магнерру:

— Может быть, теперь вы окажете любезность и обменяетесь со мной несколькими словами?

Еле сдерживая гнев, Магнерру встал и отряхнул платье.

Затем вслед за Гордоном прошел во внутренний кабинет. Видимо, интимные беседы были ему не по вкусу.

Хабальятт сел рядом с Джонатаном. Ильфейенн неподвижно глядела в сторону. Хабальятт был встревожен, — желтые складки на подбородке бессильно свисали, веки опущены.

— Встряхнитесь, Хабальятт, — сказал Джонатан, — вы еще не мертвы.

Хабальятт покачал головой:

— Планы всей моей жизни разлетелись вдребезги...

Джонатан быстро взглянул на него. Было ли это уныние искренним, а вздохи — на самом деле печальными вздохами? Он осторожно спросил:

— Я еще не знаю вашей позитивной программы.

— Я — патриот, — пожал плечами Хабальятт, — я хочу видеть родину процветающей и богатой. Я пропитан культурой своего мира, — для меня нет причин желать жизни лучшей, и я хочу, чтобы эта культура простиралась дальше, поглощая культуры других миров, присоединяя хорошие достижения и подавляя плохие.

— Другими словами,— сказал Джонатан,— вы такой же ярый империалист, как и ваши военные приятели. Разве что методы у вас другие.

— Боюсь, что вы совершенно правы,— вздохнул Хабальятт.— Более того, я боюсь, что эра военного империализма отошла далеко в прошлое и сейчас возможен лишь культурный империализм. Одной планете не так-то просто победить и оккупировать другую. Она может ее опустошить, превратить в хлам, но отрицательные явления завоеваний непреодолимы. И еще я боюсь, что военные авантюры истоцат Мейнгер, разрушат Балленкрайч и откроют дорогу религиозному империализму друидов.

— Можно подумать, что он чем-то хуже вашего культурного империализма? — загораясь, вскрикнула Ильфейенн.

— Мне никогда не найти, дорогая жрица,— сказал невесело Хабальятт,— аргументов, способных убедить вас. Могу сказать лишь, что при огромном потенциале друиды производят чрезвычайно мало, и так будет всегда, до тех пор, пока они сидят на шее нищенствующих масс, это неизбежно. Поэтому я могу надеяться на то, что мне никогда не придется оказаться в одном ряду с лайти,— ведь ваша система никогда не распространится так далеко, как вам бы того хотелось.

— Очень надеюсь на то, что мне это тоже не грозит,— поспешил присоединиться Джонатан.

— В своем цинизме вы отвратительны, вы, оба! — В гневе Ильфейенн вскочила на ноги с раскрасневшимся лицом.

Дальнейшие действия Джонатана изумили его самого. Он приподнялся и резким движением дернул Ильфейенн на себя. Она упала рядом с ним на скамейку, некоторое время пыталась судорожно сопротивляться, но вскоре затихла.

— Вот вам первый урок земной этики,— ласково укорил он ее.— Признаком дурного тона является, кроме всего прочего, споры о религиозных пристрастиях.

В следующее мгновение в комнату буквально ввалился солдат, он задыхался, лицо его было искажено непередаваемым ужасом. Речь звучала прерывисто и сумбурно:

— Там... Ужас... в конце дороги... Принц... Мерзкое, ужасное растение!!! Скорее, позовите Принца!!!

Лицо Хабальятта мгновенно оживилось. Что-то сообразив, он бросился к двери...

Всего секунда понадобилась Джонатану, чтобы последовать за ним.

— Подождите, я пойду с вами...

Вслед за ними из комнаты, не произнеся не слова, убежала и Ильфейенн...

16

Добежав до конца дороги, Джонатан остановился в полном изумлении. Даже в кошмарном сне не пригрезилось бы ему то, что он там увидел.

Толпа бестолково суетящихся мужчин столпилась у предмета, которому очень непросто было бы дать название... Там корчилось и извивалось нечто приземистое и... отвратительное.

Так они и протиснулись в середину круга, в том же порядке, как и бежали сюда — тяжело отдувающийся Хабальятт, рядом с ним Джонатан, а за спиной Джонатана — Ильфейенн.

Это нечто было СЫНОМ ДЕРЕВА.

Продолжая извиваться в безмолвном танце, он рос, рос и становился все запутаннее и сложнее. Теперь он меньше всего был похож на Дерево Жизни. Он мгновенно адаптировался к новым внешним условиям, вырабатывая новые функции. Теперь он был необычайно пластичен, рос стремительно, но, кроме всего, он выработал способность защищаться.

Больше всего он напомнил Джонатану земной, но гигантский одуванчик. Высоко над землей, не ниже двадцати футов, находился огромный пушистый шар. Шар поддерживала тонкая ножка, продолжающая извиваться и раскачиваться, окруженная на конце опрокинутым конусом плоских зеленых лепестков. В основании каждого листа находился зеленый усик, закрученный спиралью. По всей поверхности усик покрывали темные пятнышки. Эти усики с огромной силой выстреливались вперед, и на них уже висели тела нескольких мужчин. Сын Дерева, по-видимому, обладал изрядной ловкостью и скоростью, ведь не так-то просто было схватить привычных к битвам и дуэлям мужчин.

— Назад, отойдите в сторону! Да это Дьявол! — пронзительно закричал Хабальятт, судорожно хлопая по своей сумке. Но оружия не было, его у него отобрала стража возле резиденции.

Его оттеснил в сторону балленкрайчский военачальник, принявший решение атаковать, он бледный, с искаженным лицом, выхватил саблю и бросился на Сына. Это был очень не обдуманый поступок с его стороны, а скорее привычка быть впереди. Пушистый шар слегка наклонился, в его сторону, усики прижались, словно ножки насекомого. Затем они сильно ударили — одновременно с разных сторон — и, пронзая плоть, подтянули военачальника к стволу. Он закричал, затем затих и обмяк. Усики налились кровью, стали пульсировать, и Сын немного вырос.

Люди изменили тактику. Четверо, затем еще шестеро Балленкрайчцев бросились вперед, стараясь действовать сообща. Усики били, хлестали, и вот уже десять белых тел неподвижно лежат на земле. Сын увеличивался, словно на него навели огромную лупу.

Раздался неуверенный голос Принца Гордона:

— Отойдите в сторону... — Голос окреп, в нем появились металлические нотки: — Эй! Вы, вы все — отойдите в сторону!

Пытаясь разобраться, он внимательно наблюдал за растением. Тем временем пушистый шар расправился со следующей десяткой.

В поведении нападавшего на людей растения было что-то от хитрости полуразумного животного. Усики выстрелили, поймали дюжину кричащих людей, подтянули их поближе.

А толпа обезумела, качнулась взад-вперед в противоборствующих спазмах ярости и страха и, наконец, с ревом бросилась в рукопашный бой.

Это было какое-то всеобщее безумие. Сабли взлетали, рубили; сверху без устали бил раскачивающийся пушистый шар. Это было неслыханно: он видел, чувствовал, растительное сознание точно рассчитывало удары — ловкие, бесстрашные, безошибочные. Усики стреляли, уворачивались, пронзали, возвращались, чтобы ударить снова и снова. А Сын Дерева рос, разбухал, увеличивался, и набирался опыта.

Наконец, все кончилось, уставшие уцелевшие бойцы отпрянули, беспомощно разглядывая землю, усеянную трупами.

— Хватит! — Гордон подозвал одного из телохранителей: — Принеси тепловое ружье.

Как по команде, архи-Товэрэчи бросились вперед, протестуя:

— Остановитесь! Нет, нет! Это Священный Побег! Сын Дерева!!!

Гордон не обратил на них никакого внимания.

Понимая, что не остановит Гордона уговорами, Гаменза в ужасе и отчаянии заломил руки:

— Прошу вас, отзовите солдат! Кормите его лишь преступниками и рабами! Через десять лет он станет огромным. Он станет величественным Деревом!

Устав от криков, Гордон оттолкнул их, кивнул солдатам:

— Немедленно уберите этих маньяков!

Наконец со стороны резиденции подкатил прожектор на колесах, остановился в шестидесяти футах от растения. Гордон кивнул. Широкий белый луч ударил в ствол Сына, осветив землю.

«Ааах!» — почти сладострастно выдохнула толпа.

Экзальтация тут же прекратилась. Сын пил энергию, словно солнечный свет, расширялся, блаженствовал и рос. Пушистый белый шар приподнялся еще на десять футов.

— Быстро, направьте на верхушку, — озабоченно приказал Гордон.

Энергия сконцентрированным пучком скользнула по стволу и ударила в верхушку, которая ярко осветилась, вздрогнула и увернулась.

— Ага! Не понравилось! — закричал Гордон. — Быстро, повторите! Поливайте!

Архи-Товэрэчи, едва удерживая крик, мычали, словно сами испытывали боль от ожогов:

— НЕТ, НЕТ, НЕТ!!!

Сын замер, но только для того, чтобы посылать назад сгусток энергии. Прожектор взорвался, во все стороны полетели руки, ноги и головы стоявших рядом людей...

Наступившая за этим тишина оглушала. Пролетело несколько мгновений.

Затем внезапный крик разорвал тишину. Усики бросились на поиски пищи...

Джонатан успел отреагировать вовремя, он оттолкнул Ильфейенн назад, и усики пролетели в футе от нее.

— Но я жрица друидов! — произнесла она в тупом изумлении. — Дерево покровительствует друидам! Дерево забирает только мирян-пилигримов!

— Забирает только пилигримов, говорите? — Джонатан вспомнил пилигримов на Кайирилл: усталых, пыльных, со стертymi ногами. Он вспомнил, как они задержались на пороге, бросая лишь один взгляд на серую равнину, на крону, прежде чем повернуться и войти в дупло. Молодые и старые, мужчины и женщины, каждый день, тысячами...

Джонатан поднял голову и поглядел на верхушку Сына. Гибкий ствол в центре стоял прямо, маленький шар наклонился и поворачивался, осматривая свои новые владения.

К Джонатану подошел, прихрамывая, Гордон, белый как мел, и остановился рядом:

— Знаешь, из всех существ, которые я видел на тридцати двух планетах, это меньше всего подходит для поклонения.

— Представляешь, на Кайирилл я видел второе, взрослое. Гордон, оно пожирает граждан тысячами.

— Как быть, эти люди верят мне, — сказал Гордон. — Они меня считают чем-то вроде бога. Это в основном потому, что я сведущ в земном инженерном деле. Я должен прикончить это чудовище.

— Разве ты не хочешь выращивать его вместе с друидами?

Гордон невесело усмехнулся:

— Не городи чепуху, Джонатан, если это шутка, то она неудачная. Я не собираюсь растить такое ни с кем на свете! Чума на их головы! Я буду держать их у себя, пока не найду способа выкорчевать эту штуку. Меня, конечно, еще многое не устраивает, но уж само собой я не польщусь на что-нибудь вроде этого чудовища. Кто, черт возьми, протасил его сюда?

Джонатан промолчал.

Вместо него заговорила Ильфейенн:

— Сын Дерева был доставлен сюда с Кайирилл по приказу Дерева.

Ее ответ озадачил Гордона, в полном изумлении он уставился на нее:

— Не может быть! Оно еще и разговаривать умеет? О, Господи!

Ответ Ильфейенн немного успокоил его.

— Нет, не само Дерево, но Коллегия Товэрэчей по многим признакам прочла волю Дерева...

Джонатан почесал подбородок.

Гордон издал не членораздельный звук «хмф», — потом промямлил:

— Фантастическое оформление для симпатичной маленькой тирании. Но не в этом дело. Эту штуку надо убить. — И тут же добавил, бормоча вполголоса: — И неплохо бы его мамашу заодно — на всякий случай!

Джонатан расслышал и оглянулся на Ильфейенн, ожидая увидеть ярость на ее лице. Но она молчала, глядя на Сына.

— Энергетический удар отпадает. Похоже, оно поглощает энергию, — озабоченно бросил Гордон. — Если тепло отпадает... Бомбу? Попробуем взорвать. Я пошлю в арсенал за взрывчаткой.

Гаменза вырвался и побежал к нему. Серая ряса на бегу хлопала по ногам.

— Прошу вас, ваша светлость, мы решительно протестуем против вашей агрессии в отношении Дерева Жизни!

— Весьма сожалею, почтеннейший, — сказал Гордон, сардонически улыбаясь. — Для вас это, вполне возможно, и Дерево Жизни, но для меня это — растение-убийца!

— Но присутствие Сына Дерева — символ уз между Кайрилл и Балленкрайчем! — защищался Гаменза.

— Забудьте, здесь символ — мой кулак. Выбросьте из головы эту метафизическую чепуху, человек! Эта штука — убийца, и она мне нужна не более, чем любой убийца. Мне жаль вас, что вы завели такого монстра на своей планете, хоть я и не должен вас жалеть. — Он оглядел Гамензу с ног до головы. — Вы-то своим Деревом пользовались неплохо. Оно уже тысячу лет служит вам кормушкой. А здесь ничего не выйдет. Через десять минут от него останутся только щепки.

Замолчав, Гаменза повернулся на каблуках, отошел на двадцать футов и о чем-то тихо заговорил с Омеретто Имполантом.

Люди Гордона упаковали десять фунтов взрывчатки вместе с детонатором, подбросили к стволу. Гордон поднял ружье-излучатель, выстрелом из которого должен был вызвать взрыв.

Джонатану внезапно пришла в голову мысль, возникшая в последнюю минуту, и он бросился вперед:

— Стойте! Подождите минуту! Подумайте: щепки разлетятся на акр как минимум. Что, если каждая щепка начнет расти?

Гордон опустил излучатель.

— Да, пожалуй, ты прав. Разумная мысль.

Джонатан указал рукой в сторону сельских домиков, которые виднелись впереди.

— Гордон, эти фермы впереди, они выглядят ухоженными и вполне современными.

— Естественно. Мы применяем земную технику, ее последние разработки. Что ты хочешь этим сказать?

— Прежде всего, я понял, что ты не хочешь, чтобы твои молодцы выбирали все сорняки руками. Я прав?

— Прав? Естественно, не хочу! Нам завезли дюжину различных химикалий против сорняков. Гормоны... О!!! — Он запнулся, хлопнул Джонатана по плечу. — Конечно же, химикалии, растительные гормоны! Я сделаю тебя министром сельского хозяйства! Решено! Ты согласен!?!

— Подожди ликовать, сначала давай посмотрим, — прервал восторги Гордона Джонатан, — проверим, как они действуют на Дерево. Впрочем, это растение, значит, должны подействовать. По идее, оно должно сойти с ума.

Все произошло, как они и предполагали, Дерево сошло с ума.

Это была страшная, незабываемая картина: усики извивались, сворачивались и стреляли без какого-либо смысла; пушистая белая голова вертелась и посылала пучки энергии во всех направлениях. Лепестки с огромной скоростью росли вверх и, вытянувшись на двести футов в небо, рухнули на землю. Налицо был полный разлад системы.

К тому времени, когда подвезли вторую установку, стало ясно, что сопротивление монстра сломлено, Сын сопротивлялся из последних сил, движения, и без того потерявшие даже намерения на осмысленность, постепенно совсем прекратились, ствол обуглился, лепестки почернели и

съежились... Меньше чем через минуту то, что было Сыном Дерева, превратилось в зловонно дымящийся обрубок. Битва закончилась победой людей.

17

Усталый, но удовлетворенный, Принц Гордон восседал на троне.

Друиды стояли неподалеку, лица их были мертвенно бледные и оба архи-Товэрэча Гаменза и Омеретто Имполант плотно завернулись в плащи. Мейнги, выстроившись в строгом соответствии с субординацией, стояли с другой стороны зала. Первым стоял Магнерру Ипполито, облаченный в красную мантию и гравированную кирасу. За ним Ирру Камметтви. Дальше стояли два функционера Красной Ветви.

В полной тишине прозвучал чистый и звонкий голос Принца:

— Сейчас я не смогу дать вам окончательного ответа. Не могу сказать вам, что мы еще не решили, каким путем пойдет Балленкрайч, существует ли еще некоторая неопределенность по этому вопросу. — Он шевельнулся в кресле, но руки его остались неподвижно лежать на подлокотниках. — К сведению как Мейнгов, так и друидов, для нас в этом вопросе нет ничего нерешенного. Мы едины в желании строить прекрасный, светлый мир. Теперь, когда с проблемой Сына Дерева покончено, я никому не окажу личного предпочтения. Нисколько не сомневаюсь в том, что вы, господа друиды, действовали исходя из самых лучших побуждений. Ваша вера крепка в вас, но вы такие же рабы по духу, как и ваши лайти. Это хорошо объясняет ваш поступок. — Он немного помолчал, затем продолжил:

— Вот на что я бы хотел обратить особое внимание. Вы знаете, что мы отказались от политических обязательств, мы заняты делом, — мы трудимся. Сейчас мы изготавливаем инструменты, нам необходимы лопаты, пилы, молотки и сварочные аппараты. Но это только начало. Через год мы начнем производить электрооборудование. Наши планы идут еще дальше, и через пять лет, на берегу озера Аллан, мы построим космодром. Лет через десять мы планируем отправлять наши грузы на любую из звезд, которые вы видите в ночном небе. Вполне возможно, что и на

этом мы тоже не остановимся. Так что, Магнерру, вы можете отправляться домой, вам есть, что сообщить в Ампиану и Лабоне. Передайте обо всем, что вы слышали. Что же касается вас, — он повернул голову к друидам и продолжил, — то я сомневаюсь в том, что вы захотите вернуться к себе.

— Почему же вы так считаете? — резко отреагировал Гаменеза.

— Скажем так, к моменту вашего возвращения на Кайирилле может случиться переполох.

— Ну, это, можно сказать, только предположение, — произнес Хабальятт, растянув в очень короткой улыбке свой рот.

Джонатан сидел в кресле на личной веранде Принца и разглядывал, как на поверхности озера пылали отблески заката. Рядом в похожем кресле сидела Ильфейенн. На жрице было просторное белое платье. Она наблюдала за Гордоном.

Гордону было не успокоиться, он то вскакивал, то садился, без конца что-то говорил, постоянно жестикулируя, и хвастался.

Сколько всего было уже сделано. Построены новые плавильные печи в Палинсе, открыты сотни новых школ, собраны силовые установки для новых сельскохозяйственных машин. В армии теперь есть ружья. Он хвастал, не зная удержу.

Гордон снова пробежался по веранде, повернулся к Джонатану:

— Они очень быстро осваивают новшества, но в них остался варварский стержень. Тут уж ничего пока не поделаешь. Любят драки, любят дикую жизнь, весенние карнавалы с огненными ночными плясками. Это у них в крови, они на этом выросли, и я не в силах их этого лишить. — Он весело подмигнул Джонатану. — Главное вовремя ослаблять напряженность. Самых горячих бойцов я решил отправить против кланов на Вайл Макромби. Путь туда далек — это на другом континенте, пусть поубавят пыл. Ловко? Убил сразу двух зайцев: в борьбе с людоедами они порастрясут воинственный пыл, поубавят спеси и заодно завоюют новый континент. Не спорю, кровавое дело, не спорю, но необходимое для их души. К молодым мы относимся по-другому. Мы им прививаем идею о том, что

героем может стать скорее инженер, чем солдат. Пройдет совсем немного времени, и идея принесет свои плоды. Пусть их отцы очищают Матенду Кейп. За это время новое поколение успеет вырасти.

— Что же, весьма остроумное решение, — согласился с ним Джонатан. — Вот, кстати, об остроумии, куда подевался Хабальятт? Что-то я его целый день не вижу?

Прервав поток красноречия, Гордон плюхнулся в кресло. Лицо его стало серьезным и официальным:

— Хабальятт ушел.

— Стоп! Ушел? Куда ушел? — в недоумении спросил Джонатан.

— Если тебя интересует официальный ответ, — не знаю. Кроме того, не забывай, среди нас есть друид.

Такой ответ вызвал протест у Ильфейенн:

— Оставьте, я все это выбросила из головы. Я больше не друид. Я теперь... — Она повернулась к Джонатану: — Как это называется?

— Теперь ты — эмигрант. — Помолчав, Джонатан добавил: — Космополит. Теперь ты женщина без родины. — Затем, обращаясь уже к Гордону, сказал: — Послушай, оставь ты эти секреты. Поменьше тайн. Все это не имеет значения теперь, не может иметь.

— А вот и ошибаешься, может иметь и имеет. Не исключено...

— Гордон, держи тогда свои секреты при себе.

— Джонатан недовольно пожал плечами, — мне безразлично.

— Нет, — Гордона просто несло и продолжил, — тебе я могу рассказать. Хабальятт, как ты знаешь, сейчас в опале. Образно говоря, Хабальятт вышел — Магнерру Ипполито вошел. Ты уже и сам столкнулся отчасти с тем, что политика Мейнгов очень многогранна, чрезвычайно скрытна, но они же не все внимание уделяют престижу. Очень много, но не все. Здесь у нас на Балленкрайче Магнерру Ипполито утратил свой престиж. Скажем, Хабальятт может снова оказаться у дел, но для этого он будет должен совершить что-нибудь замечательное, так-то вот. Если же говорить о наших интересах, то нам было бы выгоднее, чтобы у власти на Мейнгере оказалась Голубая Вода. Понимаешь?

— Что-то не совсем? Ну и?

— Я вручил Хабальятту пять тонн, а это все, что у нас было, противосорниковых гормонов. Кроме того, я предоставил ему корабль. Он погрузил все на корабль и отчалил.— Гордон в шутливом недоумении развел руками.— Совершенно не знаю, куда он отправился...

Ильфейенн сжала руки, с трудом перевела дыхание и, дрожа всем телом, молча отвернулась к озеру. Воды Аллана в лучах заходящего солнца светились, переливались всевозможными цветами: золотой цвет сменялся на лавандовый и неожиданно переходил в бирюзовые тона. Смена цветов в своем неистовстве очень гармонировала с переживаниями бывшей жрицы.

Немного придя в себя, она произнесла помертвевшим голосом:

— Дерево, Дерево Жизни...

Немного помолчав, не подтверждая и не отрицая, Гордон встал из своего кресла.

— Ну что же, думаю, пора обедать.— Затем добавил, подумав.— Если вы правы и он задумал уничтожить Дерево гормонами, то я могу быть спокоен, он это сделает лучше, чем кто-либо другой...

ДОМА ИЗЗООМА

Совершенно неважно, кем вы были или считались у себя дома. Вы могли быть космографом, студентом, богатым бездельником-недорослем, авантюристом любого толка, и цель вашего прибытия на Иззоом могла быть какой угодно, но... Но по искреннему убеждению исциоккхов, истина заключалась в том, что вы прибыли только для того, чтобы украсть женскую особь Дома. Эта истина не подвергалась сомнению; циничный критерий исциоккхов годился для каждого, кто прибывал на Иззоом, и все подвергались детальному обыску, вплоть до микроскопической инспекции мыслей.

Если и существовало хоть какое-то оправдание этой бесчеловечной процедуре, то только то, что благодаря именно этой процедуре исциоккхам удалось обнаружить огромное количество воров.

Украсть Дом — казалось бы, ну что может быть легче этого; проще простого, выбор способов кражи неограничен. Можно спрятать в полое семечко размером с крошечное ячменное зернышко, можно поместить в ракетный снаряд и отправить в космос небольшой побег, а можно завернуть в платок рассаду. Да что там, придумать можно хоть тысячу способов кражи, один проще другого, — но это мнение дилетанта: все возможные способы были испробованы, и все они были обречены на неудачу. Обманутые видимой простотой, самонадеянные похитители-неудачники пытались осуществить очередной гениальный план и

заканчивали свои дни в сумасшедшем доме; но надо отдать должное исциокхам, конвой оставался предельно вежливым с ними до самого конца.

Исциоккхи, как всякие уважающие себя реалисты, осознавали, что монополия когда-нибудь рухнет, — неважно, пройдет ли год, столетие или тысячелетие, но, увы, этот день неминуемо наступит. Но, ревностные и фанатичные блюстители монополии, они проявляли чудеса изобретательности и бдительности, лишь бы отодвинуть приход этого дня как можно дальше.

Ракета «Юбердт Хонорре» серии «Красный Мир» совершила посадку на атолле Джесциано. Одним из немногочисленных пассажиров приземлившейся ракеты был высокий худощавый молодой человек лет под тридцать. Выдающимися в его внешности, пожалуй, можно было назвать располагающее веселое выражение рельефного лица и большие выразительные ладони и ступни. Во всем остальном внешние данные Эллы Файра — так звали вновь прибывшего — были более чем ординарными: кожа, глаза и волосы, казалось, были припорошены пылью.

Все эти особенности внешности не имели никакого значения для полицейских, но вот то, что Элл был ботаником!!! О, одного этого было более чем достаточно для того, чтобы он автоматически перешел в разряд предельно подозрительных объектов. Объектов для пристального наблюдения.

Перед отправлением Эллы Файра предупредили о возможных трудностях, но та подозрительность, с которой ему пришлось столкнуться на планете, была выдающимся явлением даже для Иззоома.

Двое свекров — служащих Элитарной полиции — встретили Файра, когда тот выходил из ракеты, прямо у люка, и больше уже не отходили от него ни на шаг. Больше того, они проводили Файра вниз по трапу, словно арестованного, и дальше по необычному проходу. Проходу, по которому можно было идти лишь в одну сторону — только вперед.

Ничего подобного Файр до сих пор не видел: из стен в сторону движения росли многочисленные гибкие шипы, так что в проход можно было войти, но вернуться было уже нельзя. Когда же они прошли по коридору до конца,

проход перекрыли прозрачным стеклянным щитом, и уже отсюда Файр не мог двинуться ни назад, ни вперед, как будто без этого было недостаточно унижения и несвободы.

Ощущение незащищенности, само по себе неприятное, усугубилось, когда искиоккх, чью форму украшали ленты вишнево-красного и серого цветов, вышел вперед и принялся изучать его через стекло. Процедура продолжалась достаточно долго, Файр даже успел почувствовать себя препаратом под микроскопом. Недовольно отодвинув перегородку, искиоккх провел Файра в маленький кабинет. Там, чувствуя за спиной взгляд свекра, несчастный ботаник развернул корабельную регистрационную карточку, справку о здоровье, заключение о благожелательном характере, а также прошение на въезд. Карточку клерк опустил в размягчающий состав, справку и заключение, внимательно рассмотрев, вернул Файру и уселся читать прошение.

Глаз искиоккха, расчленившийся на большие и малые сегменты, мгновенно приспособился к двойной фокусировке. Читая прошение нижними секциями глаз, верхними клерк внимательно разглядывал Файра, наблюдая за его реакцией.

— Род занятий... — он направил на Файра обе пары секций, затем, опустив нижние секции, стал читать дальше: — Исследовательская ассоциация. Место работы — университет в Лос-Анжелесе... Так, понятно...

Отложив бумагу в сторону, он спросил:

— Могу ли я узнать о мотивах прибытия на Иззоом?

Терпение Файра истощилось, он был готов взорваться, но, собравшись с силами, указал на бумагу и с видимым спокойствием ответил:

— Здесь они подробно изложены.

Клерк продолжал чтение, не сводя с него глаз. Зачарованный его ловкостью, Файр в свою очередь не сводил глаз с искиоккха.

— Я нахожусь в отпуске, — читал искиоккх, иногда прерываясь для того, чтобы сфокусировать на Файре обе секции своих удивительных глаз. — Я посетил множество миров, где растения приносят людям пользу... Для чего вам это нужно? Считаете, что информация практически применима на Земле?

— Я заинтересован в непосредственных наблюдениях.

— С какой целью? — вопрос прозвучал очень быстро, тем самым показав внимание и неформальное отношение к ситуации официального представителя планеты.

— Профессиональное любопытство, — пожал плечами Файр.

— Надеюсь, вы ознакомились с нашими законами?

— Можно подумать, у меня была альтернатива! — не удержавшись, раздраженно бросил Файр. — Да меня ими начали накачивать еще до того, как корабль покинул Землю.

— Надеюсь, вы понимаете, что никаких особых прав ни на общее, ни на аналитическое изучение особенностей местной флоры вы не получите? Вы хорошо это понимаете?

— Конечно.

— Наши правила очень строги, я должен это еще раз подчеркнуть, чтобы избежать возможности непонимания с вашей стороны. Многие из тех, кто решил посетить наш мир, забывали о строгости наших законов и навлекли тем самым на себя серьезные неприятности. Нарушение наших законов влечет за собой серьезное наказание.

— О, ваши законы, — сказал Файр, — я знаю теперь лучше, чем свои.

— Противозаконное выдергивание, отрывание, отрезание, присваивание, утаивание, попытка спрятать или вывоз любой растительности или растительной материи запрещены, — невозмутимо-менторским тоном продолжал перечислять страж порядка. — То же касается, любых растительных фрагментов, семян, рассады, побегов или деревьев, независимо от того, где бы вы их не нашли, — это запрещено и строго наказуемо.

— Но, поверьте, ничего противозаконного я не замышляю!

— Большинство посетителей говорит то же самое. Будьте любезны пройти в соседний кабинет и оставить там одежду и личные принадлежности. Перед отъездом вам их возвратят.

Файр озадаченно взглянул на него:

— Но мои деньги, моя камера, мои...

— Вас снабдят местными эквивалентами.

Обескураженный этой новостью, Файр безропотно прошел в белую эмалированную комнату и разделся. Сопровождающий упаковал одежду в стеклянную коробку и заметил, что Файр забыл снять кольцо.

— О, Господи, если бы у меня были вставные зубы, вы бы и их потребовали сдать на хранение, — буркнул Файр, снова поддаваясь нахлынувшему раздражению. — Хоть плачь, хоть смейся!

Исциоккх моментально обозрел список.

— Вы совершенно определенно заявили, что зубы являются фрагментом вашего тела, что они естественны и без изменений, — верхние фрагменты удивительных глаз обличительно уставились на Файра, — или здесь допущена неточность?

— Нет, конечно, — возразил Файр, — они естественно происхождения. Просто я... я всего лишь пытался пошутить.

Исциоккх что-то пробормотал в переговорное устройство. Файра отвели в соседнюю комнату, и там его зубы подверглись самому тщательному осмотру.

Файр был озадачен подобной реакцией служителей закона и решил больше не рисковать: шутки плохи с людьми, у которых отсутствует чувство юмора. Правда, и сам рискуешь растерять его.

Наконец врачи, недовольно покачав головами, вернули Файра на прежнее место. Здесь его встретил уже другой исциоккх, облаченный в тесную белую с серым форму. В руке он держал шприц для подкожных впрыскиваний.

— Что это? — отшатнулся Файр.

— Безвредный радиант.

— Спасибо, не нуждаюсь!

— Это необходимо для вашей же безопасности и не доставляет никакого беспокойства, — настаивал исциоккх. — Многие туристы нанимают лодки и плавают по Феанху. Часто случаются штормы, лодки сбиваются с курса. Радиант укажет на главной панели ваше местонахождение.

— Я не хочу такой безопасности, — возразил Файр. — Я не хочу быть лампочкой на панели!

— Тогда вы должны покинуть Иззоом. — безмятежности стража порядка и лаконичности его ответа можно было только искренне позавидовать.

Файр был вынужден покориться, если хотел остаться на планете; он мысленно проклял врача за длину иглы и количество радианта в шприце.

— А сейчас, будьте любезны, пройдите в соседнюю комнату для трехмерной съемки.

Файр пожал плечами и безропотно пошел в соседнюю комнату.

— Встаньте на серый диск, Файр-сайах. Пожалуйста, вытяните руки перед собой ладонями вперед, хорошо, глаза откройте шире...

Он стоял прямо, старался не двигаться, пока по его телу скользили плоские щупальца прибора. В стеклянном куполе напротив постепенно сформировался его трехмерный двойник — изображение шести дюймов высотой.

Само по себе зрелище завораживало, но Файр только хмуро посмотрел на него. Усталость и досада на собственную беспомощность, постепенно нарастая, давали о себе знать.

— Благодарю вас, — сказал оператор. — Одежду и личные вещи вам выдадут в соседней комнате.

Костюм, который Файр нашел в соседней комнате, являлся стандартным для туристов одеянием. Мягкие легкие белые брюки, смокинг в серую полоску и большой темно-зеленый берет. Весь костюм более или менее подходил по размеру, но берет, стоило его только надеть, тут же провалился на глаза и уши.

— Теперь я могу идти?

Сопровождающий внимательно смотрел в отверстие. Файр заметил быстро мелькающие буквы.

— Вы Файр-сайах, ботаник-исследователь.

Это прозвучало так, как если бы он заявил: «ВЫ — ФАЙР-САЙАХ, МАНЬЯК И РЕЦИДИВИСТ...»

— Да, я Файр.

— Вас ожидают некоторые формальности.

Эти «некоторые формальности» заняли еще ни много ни мало три часа. Файр еще раз был представлен свекру, и тот еще раз, но не менее тщательно, его допросил.

Наконец, все формальные процедуры были завершены, и Элла отпустили. Молодой человек в желто-зеленой полосатой форме свекра проводил его до берега лагуны. Там в ожидании его прихода уже стояла наготове гондола. Это было изящное, узкое и длинное судно, сделанное из одного стручка. Файр устроился на скамье и наконец-то переправился в город Джесциано.

Это было первое свидание Эллы с незнакомым ему миром. С миром, где все было новым, незнакомым и чужим, может быть, даже враждебным, где все должно было настораживать. С миром и городом, который он так хотел

узнать и исследовать. Город и в самом деле удивил Файра, он оказался интереснее и богаче всего того, что Элл рисовал в своем воображении. Дома росли через неравные промежутки вдоль каналов и улиц, создавая удивительные по своей гармоничности и красоте ансамбли. Их могучие шишковатые и кривые стебли поддерживали тяжелые нижние стручки; массив широких листьев завершался композицией из верхних стручков, наполовину утопающих в изящном кружеве листвы. Прекрасное зрелище чужого мира, но вот что самое удивительное, у Файра создалось такое впечатление, что он уже когда-то видел нечто подобное. Что-то мелькало в памяти, какое-то смутное воспоминание... что-то неуловимое... Ба!!

Грибница мицетозея под микроскопом! Только огромные размеры растений помешали сразу узнать хорошо известную ему форму жизни. Вне всякого сомнения, та же пролиферация ветвей. Стручки по форме и цвету — точь-в-точь сперагия, только в увеличенном, просто циклопическом варианте. Перепутать было просто невозможно: форма листьев и стручков — да, бесспорно, это она. Но, кроме этого, у местных растений листва и плоды были окрашены в характерные для сперагии цвета. Просто неповторимая полифония цвета: насыщенный темно-синий цвет на мерцающем сером фоне, переходящий в пламенно-оранжевый в сочетании с алым, который приобретает местами пурпурный оттенок. Черно-зеленый, белый и розовый, слабо-коричневый и, в довершении всего, как последний мазок гения, — черный. Да, вне всякого сомнения, это была мицетозея!

По улицам бродили жители Иззоома — тихие бледные личности, надежно разделенные на гильдии и касты. Впрочем, таковыми они казались, может быть, только на фоне великолепного буйства красок.

На причале расположилась группа свекров: один, — по видимому, важный чин, — отличался от остальных желтым беретом, украшенным зелеными кисточками, рядом стояли коллеги рангом пониже и в более простой форме. Они не подошли и не представились Файру, но было заметно, что именно его персону свекры обсуждали между собой.

Файр, не найдя никаких причин задерживаться, решительным шагом двинулся по улице к гостинице для космических туристов. Формального преследования не последо-

вало, свекры его не остановили, и Элл понял, что с этой минуты он вновь стал вольной птицей. Для свекров он стал теперь лишь потенциальным объектом для слежки.

Почти целую неделю он просто отдыхал и слонялся по городу, привыкая к незнакомому миру и изучая местные обычаи настолько, насколько это было возможно. Туристов, прибывших с планет внешних миров, здесь было немного. Руководство исциоккхов не могло полностью запретить туризм без того, чтобы не нарушить договор о Доступности, но оно делало все, что было только возможно, для того, чтобы снизить до минимума приток туристов на Иззоом. Файр пришел было к председателю «Совета по экспорту», надеясь взять у него интервью, но секретарь, решивший, что Файр намерен обсуждать экспорт низкокачественных Домов, в вежливой, но непреклонной форме отказал ему в приеме и проводил восвояси. Собственно, ничего другого Файр и не ожидал, и поэтому не был огорчен подобным приемом. В своих исследованиях он исходил все улицы вдоль и поперек, пересек лагуну на гондоле, с интересом отметив, что во время его путешествий на него тратили время по крайней мере три свекра. Они тенью следовали за ним по улицам или следили из стручковых общественных террас, но не подходили близко и не препятствовали его передвижениям.

С каждым днем Элл все смелее путешествовал по городу и окрестностям, постепенно расширяя район и удлиняя свой маршрут. Однажды он прогуливался вокруг лагуны, и как-то незаметно для себя оказался на дальней стороне острова; это был какой-то печально-каменистый участок, открытый всем ветрам и иссушенный буйством солнечных лучей, неожиданный среди окружающего буйства красок. Здесь, в скромных трех стручковых зданиях, стоящих прямо на корнях и отделенных друг от друга полосками желтого цвета, жили представители низших каст. Дома были нейтрально-зеленого цвета, и только расположенный сверху пучок крупных листьев бросал на стручки густую тень. Дома эти для экспорта не предназначались, и Файр, человек с развитым социальным сознанием, просто возмутился. Какой стыд! Биллионы землян ютятся в подземельях и это тогда, когда есть возможность из маленького зернышка, можно сказать из пустого места, построить целый жилой район! Файр подошел к одному из Домов и загля-

нул под низко висящий стручок. Ветка внезапно обрушилась, и не отскочи он в сторону, его бы покалечило. Все же один из крайних стручков успел хлопнуть его по голове. Свекор, спокойно стоявший до этого происшествия в двадцати футах от него, медленно приблизился к Эллу со словами:

— Не советую досаждать деревьям.

— Я никому и ничему не досаждал!

Свекор пожал плечами и добавил:

— Дерево думает по-другому, его приучили с подозрением относиться к чужакам. Здесь живут простолюдины, — свекор презрительно сплюнул и продолжал, — ссоры и вражда между ними не прекращаются, и присутствие чужаков дереву не по вкусу.

Файр повернулся и с любопытством посмотрел на дерево.

— По-вашему, дерево обладает сознанием?

Свекор неопределенно покачал головой.

— Почему они не вывозятся? — спросил Файр. — У вас был бы огромный рынок. Очень многие нуждаются в жилье, а такие Дома были бы им по карману.

— Вы сами только что ответили на свой вопрос, — сказал свекор. — Кто ими торгует на Земле?

— Кей Пеннече.

— Он богат?

— О, исключительно богат.

— А он был бы так же богат, если бы продавал Дома, подобные этому?

— Возможно.

— В любом случае, наша выгода значительно уменьшится. Эти Дома выращивать, воспитывать и перевозить не проще, чем Дома класса АА, которыми мы торгуем. — И, сочтя разговор излишне затянувшимся, добавил уже другим тоном: — Советую впредь не подходить к деревьям слишком близко. Можете получить серьезные травмы. Дома не столь терпимы к посторонним, как их обитатели.

Файр продолжал свой путь вокруг острова, мимо плодовых деревьев, сгибающихся под тяжестью фруктов, мимо приземистых кустарников, похожих на древние растения Земли. Из центра этих кустов росли пучки густо-черных прутьев десяти футов высотой и диаметром не тоньше дюйма — гладких, лоснящихся, ровных. Когда Файр подошел поближе, вмешался свекор.

— Но ведь это же не Дома-деревья,— запротестовал Файр.— Кроме того, я не собираюсь причинять им вред. Меня как ботаника интересуют ночные растения вообще.

— Все равно,— отрезал лейтенант-свекор.— Ни растения, ни метод их выращивания вам не принадлежат и, следовательно, не должны вас интересовать.

— Исциоккхи, видимо, имеют плохое представление о профессиональном любопытстве,— заключил Файр.

— В качестве компенсации мы имеем хорошее представление о жадности, воровстве, присвоении и эксплуатации чужих идей.

Файр не ответил и, улыбнувшись, пошел по берегу дальше, к многоцветным стручкам, ветвям и стволам города.

Один из методов слежки привел Файра в смущение. Он подошел к лейтенанту и указал на стоявшего в нескольких ярдах от них представителя исциоккхов. Последний был приставлен к Файру для наблюдения.

— Почему он гримасничает? Когда я сажусь — и он садится, я пью — он пьет, я чешу нос — он чешет нос...

— Специальная методика,— пояснил лейтенант.— Мы предугадываем ваши мысли.

— Чуть собачья!

Лейтенант кивнул:

— Файр-сайах может быть совершенно прав.

Файр покровительственно улыбнулся:

— Вы что же, всерьез думаете, что сможете угадать мои мысли?

— Мы вправе поступать так, как нам кажется правильным.

— После обеда я собираюсь нанять морскую лодку. Вы в курсе?

Лейтенант вытащил бумагу:

— Договор на фрахтование судна для вас готов. Это «Юхайэй», и я нанял экипаж.

2

«Юхайэй» оказался двухмачтовой баркой в форме деревянного детского башмака, с пурпурными парусами и просторной каютой. Вместе с главной мачтой его вырастили на специальном корабельном дереве-мачте, которое в

оригинале являлось черенком стручка. Переднюю мачту и такелаж изготовляли отдельно — процесс для исциоккхов такой же утомительный, как для земных инженеров-электронщиков — механическая работа.

Барка взяла курс на запад. Атоллы вырастали над горизонтом и тонули за кормой. На некоторых атоллах находились небольшие безлюдные сады, другие были отданы разведению, упаковке, посадке, почкованию, прививке, сортировке и отправке Домов.

Как ботаника, Файра очень интересовали плантации. Но в таких условиях слежка усиливалась, превращаясь в надсмотр за каждым его шагом. Однажды раздражение гостя возросло настолько, что Файр едва не сбежал от стражников.

«Юхайэй» причалил к волнолому, и пока двое матросов возились со швартовыми, а остальные убирали паруса, Файр легко спрыгнул на волнолом с кормы и направился к берегу. Со злорадной веселостью он услышал за спиной ропот недовольства. Он поглядел вокруг, потом вперед, на берег. Широко в обе стороны уходил выглаженный прибоем пляж; склоны базальтового кряжа утопали в зеленой, синей и черной растительности. Это была сцена нерушимого мира и красоты. Файр едва удержался, чтобы не броситься вперед и не скрыться от свекров среди листвы. Увы, свекры были обходительны, но кроме того, они были быстры в обращении со спусковым крючком.

От пристани к нему направлялся высокий стройный мужчина. Его тело и конечности были опоясаны синими лентами с интервалом в шесть дюймов; в промежутках между кольцами виднелась мертвенно-бледная кожа. Файр замедлил шаг. Свобода кончилась, так и не начавшись.

Исциоккх поднял лорнет — стеклышко на эбонитовом стержне. Такие лорнеты обычно использовали представители высших каст, и они были для них столь же привычны, как собственные органы. Файра лорнировали уже не раз, и не было еще случая, чтобы он при этом не взбесился. Как у любого посетителя Иззоома, как у любого исциоккха, у него не было выбора: ни укрыться, ни защищаться он не мог. Радиант в плече сделал его меченым. Теперь он был классифицирован и доступен всем, кто хотел бы на него взглянуть.

— К вашим услугам, Файр-сайах,— искиоккх использовал язык своей касты.

— Жду вашей воли,— ответил Файр стандартной фразой.

— Владельца пристани оповестили, чтобы он приготовился к встрече. Вы, кажется, чем-то обеспокоены?

— Мой приезд — невелика важность. Прошу вас, не затрудняйтесь!

— Друг-ученый вполне может рассчитывать на такую привилегию,— помахал лорнетом искиоккх.

— Это радиант вам сообщил, где я нахожусь? — хмуро осведомился Файр.

Искиоккх осмотрел сквозь стеклышко его правое плечо.

— Криминальных регистраций не имеете, интеллектуальный индекс двадцать три, уровень настойчивости соответствует четвертому классу... Здесь есть и другая информация.

— И как мне именовать вашу досточтимую особу?

— Я себя зову Зайде Паатоозо. Я достаточно удачлив, чтобы культивировать Дома на атолле Тайнерри.

— Плантатор? — переспросил Файр человека в голубую полосу.

— У нас будет время поговорить,— повертел лорнетом Паатоозо.— Надеюсь, вы у меня погостите.

Подошел самодовольный хозяин пристани. Зайде Паатоозо еще раз помахал им на прощание лорнетом и удалился.

— Файр-сайах,— сказал владелец пристани,— вы все-таки намерены избавиться от вашего эскорта? Это глубоко печалит нас...

— Вы преувеличиваете.

— Вряд ли. Сюда, сайах.

Он промаршировал по цементному скату в широкую канаву. Файр плелся сзади, причем столь неторопливо, что хозяину пристани приходилось то и дело, через каждые сто футов, останавливаться и дожидаться своего гостя. Канавка уводила под базальтовую гряду, где превращалась в подземный ход. Четыре раза хозяин отодвигал панели из зеркального стекла, и четыре раза двери закрывались за ними.

Файр понимал, что как раз сейчас всевозможные экраны слежки, зонды, детекторы и анализаторы изучали его,

устанавливая излучение, массу и содержание металлов. Он равнодушно шел вперед. Им ничего у него не найти. Одежду и личные вещи давно отобрали, взамен выдав форму визитера: брюки из белого шелка, пиджак, разлинованный в серые и зеленые полосы, и огромный темно-зеленый бархатный берет.

Хозяин пристани постучал в изъеденную коррозией металлическую дверь. Дверь, словно средневековая замковая решетка, раздвинулась на две половинки, открывая проход в светлую комнату. Там за стойкой сидел свекор в обычной желто-зеленой полосатой одежде.

— Если сайах не возражает, мы сделаем его трехмерное изображение.

Файр спокойно встал на серый металлический диск.

— Ладони вперед, глаза шире.

Файр стоял неподвижно. Щупальца обследовали тело.

— Благодарю, сайах.

Файр шагнул к стойке:

— Это не такое устройство, как в Джесциано. Позвольте взглянуть.

Клерк протянул ему прозрачную табличку. В центре ее находилось коричневое пятно, очертаниями напоминающее человека.

— Не очень-то похоже, — ухмыльнулся Файр.

Свекор опустил карточку в прорезь. На поверхности стойки возникла трехмерная копия Файра. Если бы ее увеличить в сотни раз, на ней можно было бы исследовать что угодно — будь то отпечатки пальцев, поры кожи, конфигурация ушей или строение сетчатки глаз.

— Мне бы хотелось иметь это в качестве сувенира, — попросил Файр. — Эта копия в одежде, а та, что в Джесциано, всему миру показывает мои интимные достоинства.

Исциоккх пожал плечами.

— Возьмите.

Файр опустил копию в кошелек.

— А сейчас, Файр-сайах, вы позволите один нескромный вопрос?

— Еще один мне не повредит.

На его мозге был сфокусирован энцефалоскоп. Файр это точно знал. Любое учащение пульса, вообще любая эмоция, будь то страх или сомнение, тут же окажутся зарегистрированы чутким прибором.

Он создал в воображении образ горячей ванны, пытаясь воссоздать внутри состояние комфорта, спокойствия и расслабленности. Он приготовился отвечать на вопросы свекра максимально лаконично и предельно честно.

— Собираетесь ли вы украсть Дом, Файр-сайах?

«Итак: прохладный уютный фарфор, ощущение теплого воздуха и воды, запах мыла...»

— Нет.

— Известно ли вам, хотя бы косвенно, о подобном плане?

«...и теплая вода, лечь на спину, расслабиться...»

— Нет.

Свекор поджал губы в скептической гримасе, оставаясь, тем не менее, предельно вежливым в отношении опрашиваемого.

— Известно ли вам о наказании, предусмотренном для воров?

— О да! — ответил Файр. — Сумасшедший дом.

— Благодарю вас, Файр-сайах. Можете продолжать путь...

3

Владелец пристани оставил Файра под присмотром двух под свекров, форму которых украшали бледно-желтые и зеленые ленты.

— Сюда, пожалуйста, — приглашение прозвучало почти что как приказ.

Они поднялись вверх по склону и оказались в аркаде со стеклянными стенами. Файр задержался — поглядеть на плантацию. Его гиды, встревожившись, неуклюже поднялись навстречу.

— Если Файр-сайаху угодно...

— Одну минуту, — сердито бросил Файр. — Спешить некуда.

Справа от него располагался лес, полный путаных теней и непонятных красок, — город Тайнерри. За спиной росли здания обслуживающего персонала, но их трудно было разглядеть за растущими вокруг лагуны великолепными Домами плантаторов, свекров, селекторов и корчевщиков. И каждый из этих Домов выращивался, обучался, оформлялся с применением секретов, которые исцюрккхи держали в тайне даже друг от друга.

Файру они казались очень красивыми, но все же он колебался в оценке — так трудно порой разобраться, нравится ли тебе букет неизвестного ранее вина. Пожалуй, это окружающая обстановка делает его столь пристрастным. Ведь на земле Дома Иззоома выглядели вполне пригодными для жилья. Но это была чужая планета, и все на ней казалось чужим.

Он сосредоточил свое внимание на полях, пристально глядявываясь в их просторы. Поля меняли окраску в зависимости от возраста и сорта растений, произрастающих на них. Самые разнообразные оттенки коричневого цвета перемежались серо-зелеными и просто зелеными. На каждом поле находилось длинное, приземистое, и от этого казавшееся немного неуклюжим строение. Здесь созревающие саженцы отбирались, рассортировывались, помечались этикетками, рассаживались по горшкам и упаковывались, чтобы отправиться в разные концы Вселенной.

Двое молодых свекров заговорили между собой на внутреннем языке касты. Файр отвернулся к окну.

— Сюда, Файр-сайах.

— Куда мы идем?

— Вы — гость Зайде Паатоозо-сайаха.

«Прекрасно», — подумал Файр.

Ему уже были знакомы дома класса АА, которые экспортировались на Землю и которые затем продавал Кей Пеннече. Их вряд ли можно было сравнить с теми, что плантаторы выращивали для себя.

Неожиданно он почувствовал что-то неладное в поведении молодых свекров, это привело его в замешательство. Молодые свекры стояли неподвижно, как статуи, и пристально смотрели в пол аркады.

— В чем дело? — спросил Файр.

Свекры, чье напряжение все возрастало, принялись тяжело дышать. Файр опустил глаза на пол и прислушался. Вибрация, тяжкий гул.

«Землетрясение», — подумал он.

Гул стал громче, зазвенели стекла. Неотвратимо нахлынуло чувство опасности. Он выглянул в окно. На ближайшем поле земля вдруг стала трескаться, вспучиваться уродливым бугром и, наконец, взорвалась. Тонны земли обрушились на нежные саженцы. Наружу начал вылезать металлический стержень. Он поднялся на десять, двад-

цать футов; с лязгом открылась дверца. На поле посыпались коренастые, мускулистые коричневые люди и стали выдергивать саженцы. В дверях стержня остался еще один человек, который, скалясь в неестественной улыбке, выкрикивал непонятные приказы.

Файр, как зачарованный, не отрываясь наблюдал за происходящим. Это был набег, набег невиданных масштабов. В городе Тайнерри пронзительно и призывно заиграли горны, и тут же раздался свист осколочных стрел. Двое коричневых людей превратились в кровавые сгустки. Человек в корабле закричал, и грабители бросились обратно, под защиту металлической оболочки.

Дверь щелкнула, но один из налетчиков опоздал. Он ударил кулаком в оболочку стержня, затем нетерпеливо застучал изо всех сил, не выпуская из рук саженцев, которые ломались при ударах.

Стержень задрожал и стал приподниматься. Стрелы, летящие из форта Тайнерри, уже начали откалывать от корпуса металлическую лучину, когда в том открылось отверстие, похожее на бычий глаз, и оружие выплонуло голубое пламя. Заряд угодил в большое дерево — от ствола во все стороны полетели щепки, и оно медленно просело.

Файру показалось, что он тонет в страшном беззвучном крике.

Молодой свекор, задыхаясь, упал на колени.

Дерево опрокинулось. Оно падало все в том же беззвучии, как при замедленной съемке, постепенно накрываясь, в какой-то момент на несколько мгновений дерево как бы зависло, застыв в неестественном положении. Затем все включилось одновременно — и скорость, и звук; все вернулось в реальное время: огромные стручки, листовые террасы, причудливые балконы, разрушаясь,плыли по воздуху, их обломки обрушивались на землю в страшной неразберихе.

Из развалин, корчась и извиваясь, выскакивали исцокки.

Металлический стержень приподнялся еще на десять футов. Казалось, он вот-вот вырвется из земли и умчится в космос. Коричневый человек, отбрасываемый продолжавшей извергаться из недр земель, упорно и без всякой надежды продолжал стучать в оболочку корабля.

Файр посмотрел в небо. Сверху пикировали три монитора — уродливые, жуткие аппараты, похожие на металлических скорпионов.

Возле корабля осколочная стрела вырыла воронку. Коричневый человек отлетел на шесть футов, трижды перевернулся и остался лежать на спине. С ним все было кончено.

Металлический стержень стал зарываться в землю — поначалу медленно, затем все быстрее и быстрее. Вторая стрела, словно молот, ударила в его нос.

Металл съезжился и дал параллельные трещины. Но корпус корабля был уже под землей, и комья земли шевелились над его верхушкой.

Следующая осколочная стрела взметнула вверх облако пыли.

Молодые свекры поднялись. Они глядели на изрытое поле и причитали на незнакомом Файру языке. Один из них схватил Файра за руку.

— Файр-сайах, Файр-сайах! — завопили они. — Мы отвечаем за вашу жизнь! Уйдем отсюда!

— Оставьте, я здесь в полной безопасности, — ответил он. — Я хочу посмотреть на все это!

Мониторы, медленно проплывая вперед и назад, провели контрольный облет территории взрыва, зависли над кратером.

— Похоже, бандиты удрали, — спокойно констатировал Файр.

— Нет! Невозможно! — вскрикнул свекор. — Это конец Иззоома!

Дальше события стали происходить как бы в ускоренном темпе: вот с неба стал падать странный тонкий корабль; впрочем, для Файра все в этом мире пока выглядело странно. Корабль был значительно меньше мониторов-скорпионов, более всего он походил на осу. Вот корабль опустился на кратер и стал очень медленно и осторожно, словно зонд в рану, погружаться в развороченную почву. Он ревел, дрожал от напряжения, но тем не менее с удивительным упорством продолжал вгрызаться в почву и, наконец, скрылся из вида. Все это чем-то неуловимо напоминало сон. Элл был и активным участником всех событий, и одновременно ощущал свою собственную отстраненность от всего происходящего вокруг. Позиция посто-

роннего наблюдателя. Непривычная для него двойственность выбивала из колеи, но было в ней и нечто привлекательное и завораживающее. Вот вдоль аркады пробежали несколько исциоккхов, их спины на бегу плавно извивались. Файр, неожиданно для себя самого, поддавшись какому-то внезапному импульсу, бросился за ними, не очень понимая, что явилось причиной для такого поступка, и совершенно не обращая внимания на протестующие крики юных свекров. «Сон» продолжался.

Исциоккхи мчались по полю к кратеру. Пробегая мимо безмолвного и неподвижного тела коричневого человека, Файр остановился. У налетчика были тяжелые, как львиная грива, волосы, грубые черты, и в кулаках он все еще сжимал истерзанные, почти разрушенные саженцы. Пальцы разжались, как только Файр остановился, и в ту же секунду открылись глаза. В них светился разум. Файр склонился над искореженным умирающим телом налетчика, испытывая какую-то странную смесь жалости и любопытства.

Неожиданно чьи-то руки обхватили его, возвращая в реальность. Он успел заметить желтые и зеленые полосы униформы, разъяренные лица, обезображенные гримасой ярости, и оскаленные рты с жуткими острыми зубами. Он попытался освободиться, но безуспешно.

— На помощь! — закричал Файр, когда его волокли с поля. — Отпустите!

Пальцы свекров впились в его руки и плечи с удвоенной силой. Они упорно молча тащили его куда-то, и Файр, ошеломленный их напором, попридержал язык, стараясь сохранить силы. Действие продолжалось. Под их ногами глухо громынуло, и земля задрожала и закачалась, как корабль в море.

Свекры вели его в Тайнерри, но затем почему-то свернули в сторону. Файр начал было опять сопротивляться, пытался тормозить ногами, но добился только того, что кто-то стальной хваткой сдавил ему шею. Элл, чья воля была парализована страхом и болью, наполовину задушенный мертвой хваткой сопровождающих, прекратил борьбу и подчинился. Его отвели к одиноко стоящему дереву возле базальтовой стены. Дерево было очень старым, его ствол был покрыт шишковатой черной корой с тяжелым зонтом листьев и двумя-тремя высохшими стручками. Искореженный старый ствол в одном месте лопнул.

На месте разрыва образовалось большое неправильной формы дупло с неровными краями. В это дупло свекры, не боясь причинить пленнику боль, да и вообще не особенно церемонясь, запихнули Элла...

4

Он падал во тьму, извиваясь всем телом в поисках хотя бы какой-нибудь опоры. Он падал и кричал, голос его от быстрого бега и перенесенного шока охрип до неузнаваемости. Казалось, что он падает так уже вечность.

Сначала он весьма чувствительно ударился головой о нечто, и это нечто было твердым, и к тому же острым. Затем последовательно и основательно он приложился плечом, потом бедром, и вот уже все его тело соприкасалось с поверхностью. Больше всего это напоминало трубу, и там, где труба изгибалась, падение на некоторое время становилось скольжением. Неизвестно, что было неприятнее. Наконец ноги его, всего на несколько мгновений, уперлись в мембрану. Конечно, Файр был скорее сухощавым, чем упитанным, но он не отличался subtilностью, а если к этому прибавить еще и ускорение от падения, то было естественно, что мембрана не выдержала удара и, проломив ее, Эл спустя всего несколько мгновений весьма чувствительно врезался в эластичную стену. Сила удара была такова, что он оказался парализован на некоторое время. Файр неподвижно лежал, собирая осколки разума. Все случилось так неожиданно и с такой скоростью, что потребовалось какое-то время, чтобы он начал осознавать себя.

Наконец он пошевелился. Рана на темени вызвала ноющую боль. Он услышал характерный звук: беспорядочные удары и шорохи скользящего по трубе предмета. Файр, опасаясь столкновения, быстро отполз к стене. Что-то с глухим стуком тяжело ударило его по ребрам и, издавая стоны, врезалось в стену. Наступившую затем тишину нарушил лишь сдавленный стон и чье-то тяжелое дыхание.

— Кто здесь? — осторожно спросил Файр.

Ответа не последовало.

Файр повторил свой вопрос на всех знакомых ему языках и диалектах, но безрезультатно. Он с трудом заставил себя подняться. У него не было ни фонаря, ни других способов зажечь свет.

Дыхание становилось ровнее, спокойнее. Файр ощупью пробрался во тьме и наткнулся на скрюченное, словно сведенное судорогой, тело. Он опустился на колени и уложил невидимого в темноте человека ровно, выпрямив ему руки и ноги.

Потом сел рядом и стал ждать. Прошло пять минут. Стены комнаты едва заметно вздрогнули, и до него донесся глубокий звук, похожий на содрогание от дальнего взрыва. Через минуту или две звук и содрогание повторились.

Подземная битва в полном накале. Оса против крота. Схватка не на жизнь, а на смерть.

Стены задвигались. Файр услышал новый, более мощный разрыв. Появилось ощущение близящегося финала. Человек во тьме судорожно вздохнул и натужно закашлялся.

— Эй, кто здесь? — окликнул Файр.

Яркий лучик света уперся ему в шею. Файр вздрогнул и отодвинулся. Лучик последовал за ним.

— Послушай-ка, убери лучше эту чертовщину, — пробормотал Файр.

Луч прошелся по его телу, задержался на полосатом посетительском пиджаке, выдававшем в нем туриста. В отраженном свете Файр различил коричневого человека, до невозможности грязное тело которого было измучено. Лицо и все тело покрыто ужасающими кровоподтеками. Свет исходил из пряжки, закрепленной на его плече.

Коричневый человек заговорил низким хриплым голосом. Язык Файру был неизвестен, и он отрицательно покачал головой. Коричневый человек еще несколько секунд разглядывал Файра, как тому показалось — оценивающим взглядом. Затем, болезненно постанывая, встал на ноги, и минуту или две исследовал стены, не обращая внимания на Файра. Он тщательно изучил пол и потолок камеры. Наверху, вне досягаемости, находилось отверстие, через которое они сюда попали. В стене имелся плотно закрытый люк.

Файр был зол и обижен, и, кроме того, очень болела ссадина. Активность коричневого человека действовала на нервы. Яснее ясного было, что бежать отсюда непросто. Свекры немного бы стоили, если бы не предусмотрели всего, что можно.

Файр рассмотрел коричневого человека и решил, что это, наверное, теойрод — представитель наиболее челове-

коподобной из трех арктуровых рас. О теойродах ходили не самые лучшие слухи, и Файру было не очень-то по душе иметь одного из них в качестве приятеля по камере, тем более — во тьме.

Закончив обследование стен, теойрод вновь переключил внимание на Файра. Глаза у него были спокойными, глубокими, желтыми и холодными и светились, словно грани топаза. Он опять заговорил своим низким голосом:

— Это не настоящая тюрьма.

Файр был изумлен. В данных обстоятельствах замечание выглядело более чем странным.

— Кто вы, чтобы так говорить?

Теойрод рассматривал его добрых десять секунд, прежде чем произнести следующую фразу:

— Наверху большое волнение. Искиоккхи бросили нас сюда для безопасности. Значит, в любую минуту могут забрать. Нет ни дыр для подслушивания, ни звуковых рецепторов. Это камера хранения.

Файр с сомнением поглядел на стены. Теойрод издал низкое стонущее бормотание, вновь приведя Файра в замешательство. Тут же Элл понял, что теойрод просто выражает веселье столь странным образом.

— Вас беспокоит, откуда я об этом знаю, — сказал теойрод. — У меня такая способность — чувствовать все аномалии.

Файр вежливо кивнул. Неотвязный взгляд теойрода становился гнетущим. Файр отвернулся. Теойрод забормotal, ни к кому не обращаясь, — напевный, монотонный гул. Жалоба? Погребальная песнь? Свет погас, но трубное бормотание не прекращалось. Файр неожиданно задремал и вскоре заснул. Это был тревожный сон, не дающий отдыха. Голова раскалывалась и горела. Он слишком хорошо слышал знакомые голоса и приглушенные крики; он был дома, на Земле, и кого-то должен был повидать. Друга. Зачем? Во сне Файр ворочался и разговаривал. Он знал, что спит, и хотел проснуться.

Пустые голоса, шаги, неугомонные образы — все они стали таять, и он заснул здоровым сном.

В овальную дверь ворвался свет, очерчивая силуэты двух искиоккхов. Файр проснулся. Он был крайне удивлен, обнаружив, что теойрод исчез. Да и вся комната казалась другой. Он не был более в корне старого черного дерева.

Файр с трудом принял сидячее положение. Глаза туманились и слезились, мысли разбегались. Словно мозг раскололся на части, когда он упал.

— Эл Файр-сайах, — сказал искиоккх, — вы способны нас сопровождать?

На них были желтые и зеленые ленты. Свекры.

Файр поднялся на ноги и прошел к овальной двери. Один из свекров двигался впереди, другой — позади. Они шли по наклонному извилистому коридору. Идущий впереди свекор отодвинул панель, и Файр оказался в аркаде, по которой уже шел однажды.

Они вывели его наружу, под ночное небо. Звезды слабо мерцали. Файр разглядел Дом-Солнце и несколькими градусами выше — звезду, которую он знал под именем Бета Ауругью.

Звезды не вызывали ни боли, ни ностальгии. Он не испытывал никаких чувств, ему было легко и покойно.

Обогнув рухнувший Дом, они подошли к лагуне. Впереди из ковра мягкого мха поднимался могучий ствол дерева.

— Дом Зайде Паатоозо-сайаха, — сообщил свекор. — Вы — его гость. Он держит слово.

Дверь скользнула в сторону, и Файр на подгибающихся ногах шагнул внутрь ствола. Дверь тихо закрылась. Файр остался один в просторном круглом фойе. Он прислонился к стене, чтобы не потерять сознания, раздосадованный собственной слабостью и замедленностью восприятия. Потом сделал попытку сосредоточиться, и осколки разума медленно начали собираться воедино.

Вперед вышла женщина-искиоккх. На ней были черно-белые ленты и черный тюрбан. Розовато-фиолетовая кожа между лентами, горизонтальный разрез глаз... Файр вдруг смутился, вспомнив, что он всклокочен, грязен и небрит.

— Файр-сайах, — сказала женщина, — позвольте проводить вас.

Она отвела его к шахте подъемника, и диск поднял их на сто футов. На этой высоте у Файра закружилась голова. Он почувствовал холод ладони женщины.

— Сюда, Файр-сайах.

Файр шагнул вперед, остановился, прислонился к стене и подождал, пока в глазах не прояснится.

Женщина спокойно молчала.

Блуждающие пятна наконец исчезли. Они стояли в сердцевине ветви, рука женщины поддерживала его за талию. Он посмотрел в блеклые глаза-сегменты.

— Ваши люди подмешали мне наркотик,— пробормотал он.

— Сюда, Файр-сайах.

Она пошла по коридору. Движения ее были столь мягки и волнообразны, что казалось, будто она плывет. Файр медленно пошел следом. Он чувствовал себя немного лучше, ноги окрепли и не подкашивались.

Женщина остановилась около последнего люка, повернулась и сделала руками широкий церемониальный жест.

— Вот ваша камера. У вас ни в чем не будет недостатка. Для Зайде Паатоозо дендрология — открытая книга. Он может вырастить все, что захочет. Входите и располагайтесь в изысканном доме Зайде Паатоозо.

Файр вошел в камеру — первое из четырех соединенных помещений самого совершенного стручка из всех, что он видел. Это было помещение для еды. Толстый столб рос из пола и сплющивался на конце, образуя стол, на котором находились подносы с продуктами.

Следующее помещение, выстланное голубыми ворсистыми коврами, видимо, служило комнатой отдыха, а соседнее с ним было по лодыжку заполнено бледно-зеленым нектаром. У себя за спиной Файр неожиданно обнаружил маленького, подобострастно глядящего исциоккха в белых и розовых ленточках слуги Дома. Он ловко стянул с Файра перепачканную одежду. Файр шагнул в ванную, и слуга хлопнул ладонью по стене. Из маленьких отверстий ударили струи жидкости со свежим запахом, зябко пробежав по коже. Слуга зачерпнул горсть бледно-зеленого нектара, полил Файру на голову, и тот вдруг оказался покрыт пощипывающей и пузырящейся пеной. Пена быстро растворилась, оставив его кожу чистой, и свежей.

Слуга принес початок бледной пасты. Пасту он осторожно наложил на лицо Файра, растер мочалкой, и борода растаяла без следа.

Прямо над головой рос пузырь с жидкостью. Его удерживала тонкая оболочка. Он становился все больше и больше и, казалось, подрагивал. Слуга поднял руку с острым шипом. Пузырь лопнул, пролив на Файра водопад с мягким запахом гвоздики. Жидкость быстро высохла. Файр

перешел в четвертую камеру, и там слуга помог ему одеться, а затем прикрепил сбоку на ногу черную розетку. Файр, кое-что знавший об обычаях исциоккхов, был удивлен. Будучи персональной входной эмблемой Зайде Паатоозо, розетка являлась не просто украшением. Она удостоверяла, что Файр является почетным гостем Зайде Паатоозо, который, следовательно, берет на себя обязанность защищать его от любых врагов. Файру представлялась свобода действий внутри Дома и дюжина прав, обычно принадлежащих хозяину. Файр мог манипулировать некоторыми нервами Дома, его рефлексам и импульсами, а также мог пользоваться некоторыми из сокровищ Зайде Паатоозо и имел довольно широкую возможность поступать так, словно был альтер эго хозяина.

Ситуация была необычной, а для землянина, пожалуй, уникальной. Файр стал размышлять, чем же он заслужил такую честь. Видимо, это явилось попыткой загладить вину за неприятности, которые ему причинили в связи с нападением теойродов.

«Да, — подумал Файр, — это, пожалуй, может служить объяснением».

Он надеялся, что Зайде Паатоозо поглядит сквозь пальцы на то, что он не соблюдает в ответ громоздких ритуалов вежливости исциоккхов.

Женщина, которая отводила его в камеру, появилась вновь. Она торжественно преклонила перед ним колени. Файр был все же недостаточно знаком с манерами исциоккхов, чтобы решить для себя, была в этом жесте ирония или нет. Очень уж неожиданной оказалась перемена его статуса. Мистификация? Нет, не похоже. Чувство юмора у исциоккхов отсутствует.

— Элл Файр-сайах! — провозгласила женщина. — Теперь, когда вы освежились, желаете ли вы присоединиться к хозяину, Зайде Паатоозо?

Файр вяло улыбнулся:

— В любое время.

— Тогда позвольте мне показать вам путь. Я провожу вас в личный стручок Зайде Паатоозо, где он ожидает гостя с великим нетерпением.

Файр проследовал за ней по трубе, расширяющейся по мере приближения ветки к стволу, затем проехал на лифте вверх по стволу, вылез и пошел по другому проходу.

Возле люка он увидел слугу. Женщина остановилась, поклонилась и широко развела руками:

— Зайде Паатоозо-сайах ожидает вас!

Люк отодвинулся, и Файр нерешительно вошел в камеру. Зайде Паатоозо он в первый момент не увидел. Файр медленно двинулся вперед, оглядываясь по сторонам. Стручок был тридцати футов длиной и открывался балконом с перилами по пояс высотой. Стены и куполообразный потолок украшались орнаментом из шелковистого зеленого волокна. На полу густо рос темно-фиолетовый мох. Прямо из стен росли причудливые лампы необычной формы. Здесь имелись четыре кресла-стручка ярко-желтого цвета, выстроенные вдоль одной из стен. Посредине, на полу, стояла высокая цилиндрическая ваза с водой, растениями и черными извивающимися углями. На стенах висели картины древних земных мастеров — изысканные курьезы из другого мира, чуждого для исциоккхов.

Зайде Паатоозо вышел с балкона.

— Файр-сайах, надеюсь, вы чувствуете себя хорошо?

— Достаточно хорошо, — осторожно ответил Файр.

— Присядете?

— Как прикажете. — Файр опустил на один из мягких желтых пузирей. Гладкая кожа застыла по форме тела.

Хозяин тоже томно присел рядом. Последовала небольшая пауза, во время которой они пристально изучали друг друга. Зайде Паатоозо был в голубых лентах своей касты. Кроме того, сегодня его бледные щеки украшали глянцевые красные круги. Файр догадался, что это не просто случайные украшения. Любой атрибут внешнего вида исциоккхов являлся тем или иным символом.

Сегодня на голове Зайде Паатоозо не было обычного просторного берета. Шишки и складки на его темени образовывали почти правильной формы крест — признак аристократического происхождения и тысячетелней родословной.

— Вы получаете удовольствие от визита на Иззоом?

Файр немного подумал, затем заговорил официальным тоном:

— Я здесь вижу много интересного для себя. Однако того, я столкнулся здесь с назойливостью, которая, надеюсь, не будет продолжаться бесконечно.

Он осторожно ощупал кожу на голове:

— И лишь ваше гостеприимство способно компенсировать болезненные ощущения, которые меня заставили испытать.

— Это печальные новости,— огорчился Зайде Паатоозо.— Кто причинил вам вред? Назовите их имена, и я позабочусь, чтобы их наказали.

Файр пришел к выводу, что вряд он ли способен опознать свекров, бросивших его в темницу.

— В любом случае, они были возбуждены налетом, и я не держу на них зла. Но после, судя по всему, меня отравили наркотиком. Этому я объяснения не могу найти.

— Ваши замечания правильны,— вкрадчиво заговорил Зайде Паатоозо.— Свекры, естественно, подвергли теойрода действию гипнотического газа. Похоже, лишь благодаря нелепой ошибке вы были брошены в ту же камеру и разделили с ним эту неприятность. Нет сомнения, участвовавшие в этом сейчас испытывают угрызения совести.

Файр заговорил с оттенком оскорбленного достоинства:

— Мои законные права попраны. Договор о Доступности нарушен.

— Надеюсь, вы нас простите. Вы ведь, конечно, понимаете, что мы должны защищать свои поля.

— Я не имел ничего общего с налетом.

— Да. Мы это понимаем.

Файр горько улыбнулся:

— Пока я был под гипнозом, из меня выжали все, что я знал...

Раздел между сегментами глаз Зайде Паатоозо превратился в ниточку, что Файр счел проявлением насмешки.

— Случайно я узнал о вашем несчастье...

— Несчастье? Это было оскорбление!

Зайде Паатоозо сделал успокаивающий жест:

— Ничего особенного в том, что свекры применяли гипнотический газ к теойроду, нет. Эта раса обладает большими психическими и физическими способностями. Кроме того, она известна моральным несовершенством. В частности, именно поэтому их наняли для налета на Иззоом.

Файр был удивлен:

— Вы полагаете, теойроды работали не на себя?

— Да. Организовано все было очень аккуратно и рассчитано до мелочей. Теойроды — раса беспокойная, и нет гарантии, что экспедицию снарядили не они, но у нас есть

основания для некоторых выводов. Мы крайне заинтересованы в том, чтобы найти подлинного виновника налета.

— И потому допросили меня под гипнозом, нарушая договор о Доступности...

— Уверяю вас, вам задавались лишь те вопросы, что имели непосредственное касательство к набегу.— Зайде Паатоозо старался умиротворить Файра.— Свекры более чем прилежны, но вы могли оказаться глубоко законспирированы. У нас создалось такое впечатление.

— Боюсь, что вы ошибаетесь.

— Разве? — Зайде Паатоозо казался удивленным.— Вы прибыли на Тайнерри в день нападения. На пристани пытались избавиться от эскорта. Во время встречи вы все время старались контролировать свои реакции. Простите, что указываю вам на ваши ошибки...

— Не стесняйтесь, что за церемонии, валяйте дальше.

— В аркаде вы еще раз пытались покинуть эскорт. Вы выбежали на поле — явная попытка принять участие в нападении и похищении саженцев.

— Чепуха!

— Для нас этого достаточно. Мы удовлетворены. Налет кончился не в пользу теойродов: мы разрушили крота на глубине тысяча сто футов. Никто не выжил, кроме персоны, с которой вы делили комнату-темницу.

— Что с ним случилось?

Зайде Паатоозо помедлил. Файру показалось, что в его голосе промелькнула неуверенность.

— В обычных условиях он действительно мог оказаться самым удачливым из них.— Он замолчал, чтобы облечь мысли в самые точные слова.— Мы верим в превентивное воздействие наказания. Его бы заключили в сумасшедший дом, но...

— Что с ним случилось?

— Покончил с собой в подземелье.

Файр был сбит с толку столь неожиданным поворотом событий. Что-то, видимо, успело связать его с тем человеком, и что-то оказалось теперь потеряно навсегда...

Зайде Паатоозо заботливо спросил:

— Вы, кажется, потрясены, Файр-сайах?

— С какой стати?

— Вы устали или чувствуете слабость?

— Сейчас я более или менее пришел в норму.

Женщина принесла поднос с продуктами: ломтики орехов, горячая ароматная жидкость, сушеная рыба.

Файр ел с удовольствием, он был голоден.

Зайде Паатоозо с любопытством его разглядывал.

— Странно. Мы с вами принадлежим к различным мирам. Мы эволюционировали по разным направлениям, но наши цели, желания и опасения часто схожи. Мы защищаем свою собственность: то, что обеспечивает наше благосостояние.

Файр почувствовал болезненное пятно на голове, которое еще саднило и пульсировало.

Он задумчиво кивнул.

Зайде Паатоозо подошел к стеклянному цилиндру и стал смотреть на танцующих угрей.

— Порой мы излишне тревожимся — но что делать, опасения заставляют нас превосходить самих себя!

Он повернулся, и долгое время они не сводили взгляды друг с друга: Файр, сгорбившийся в кресле-стручке, и исцоккх, высокий, стройный, с большими двойными глазами на гордо посаженной голове.

— Так или иначе, — сказал Зайде Паатоозо, — я думаю, вы простите нам нашу ошибку. Теойроды и их руководитель — или руководители — могущественны. Но для них ситуация лучше не станет. И, пожалуйста, не смотрите свысока на нашу чрезмерную заботу. Налет был предпринят с огромным размахом и почти привел к цели. Кто задумал, кто составил столь тщательно разработанный план операции, — это мы должны выяснить. Теойроды действовали очень уверенно. Указания хватать как семена, так и саженцы со специальных участков они получили, видимо, от шпиона, скрывающегося под видом туриста. Вроде вас, например. — Зайде Паатоозо бросил на Файра мрачный пристальный взгляд.

— Этот турист не похож на меня, — коротко рассмеялся Файр. — Я не хочу, чтобы меня даже косвенно связывали с этим делом.

— Понятное желание, — вежливо склонил голову Зайде Паатоозо. — Но я уверен, что вы достаточно великодушны, чтобы понять наше волнение. Мы должны охранять свои предприятия: мы — бизнесмены.

— Не очень хорошие бизнесмены.

— Интересная точка зрения. Почему же?

— Вы выпускаете хорошую продукцию, но сбываете ее неэкономично. Ограниченная продажа, высокие рыночные цены.

Зайде Паатоозо извлек лорнет и снисходительно помахал им:

— Существует много теорий...— бросил он вскользь.

— Я прочитал несколько статей о выращивании Домов. Расхождения существуют лишь в деталях.

— И что вы скажете по этому поводу?

— То, что ваши методы не действенны. На каждой планете единственный делец обладает монополией. Подобная система удовлетворяет лишь этого дельца. Кей Пеннече — мультимиллионер и в то же время самый ненавидимый на Земле человек.

Зайде Паатоозо задумчиво крутил лорнет.

— Кей Пеннече, должно быть, столь же несчастен, сколь и ненавидим.

— Рад слышать,— сказал Файр.— Почему?

— Набег лишил его большей части прибылей.

— Он не получит Домов?

— Не получит тех Домов, которые заказывал!

— Да, это весомо... Впрочем, разница невелика. Он все равно продаст все, что вы ему пошлете.

Зайде Паатоозо, казалось, был слегка обеспокоен:

— Он — землянин. Коммерсант по природе. У нас же, исциоккхов, выращивание Домов в крови, в инстинктах. Династия плантаторов началась две тысячи лет назад, когда Джун, первобытный антроффаб, выполз на сушу из океана. Из его жаберных щелей вытекала соленая вода, и он нашел убежище в стручке. Он — мой предок. Мы обрели власть над Домами. И мы не имеем права ни растрачивать накопленные знания, ни позволять себя грабить.

— Знания неизбежно будут разгаданы. Неважно, хотите вы того или нет. Слишком уж много бездомных во Вселенной.

— Нет! — Зайде Паатоозо хлопнул лорнетом. — Ремесло нельзя разгадать с помощью умозаключений. Элемент магии все же существует.

— Магии?

— Не буквально. Атрибуты магии. Например, мы поем заклинания, когда растут саженцы, и саженцы благоденствуют. А без заклинаний чахнут. Почему? Кто знает? На

Изооме — никто. На каждом этапе выращивания, благоустройства и обучения используются специальные знания, благодаря которым Дом и отличается от бесполезной ху-досочной лозы.

— На Земле мы бы начали с самого простого дерева. Мы бы вырастили миллион саженцев, изучили миллион возможных путей.

— И через тысячу лет вы могли бы контролировать лишь количество стручков на дереве. — Он подошел к стене и вырвал клочок волокна. — Это шелк — мы впрыскиваем жидкость в орган рудиментарного стручка. Жидкость содержит такие компоненты, как толченый панцирь аммонита, зола кустарника фраз, изохромил-адетатметрил, порошок метеорита Фанодане. Жидкость действует, но для начала подвергается шести критическим операциям, и вливается только через хоботок силимпшина. Скажите, — обратился он к Файру, — сколько пройдет времени, прежде чем ваши земные исследователи научатся выращивать в стручке зеленый ворс?

— Возможно, таковы требования к жилищу на Изооме. На Земле все по-другому. На Земле человека вполне бы удовлетворил Дом из пяти-шести стручков. Важно, чтобы были стены, крыша и потолок. Владельцы сами подберут ту обстановку, которая соответствует их представлениям об уюте, ну и, конечно же, доступна им по цене.

— Но ведь это чудовищная дикость и грубость! Какой дикий подход к Дому! Вы не в состоянии понять правильный подход... Это не просто стены, это философия, стиль жизни, — Зайде Паатоозо просто зашелся в крике от негодования. — Поймите же наконец, жилище должно быть единым целым, все в нем — стены, интерьер, украшения — растет вместе с деревом. Дом — это единый, живой комплекс, это философское понятие. Наконец, это плод напряженной работы и исследований, труд столетий! Две тысячи лет... Доверьте наклеить ворс любому невежде и, поверьте мне, он справится. Потратит, конечно же, много времени и усилий, но это будет осуществимо — это работа ремесленника. Но вот вырастить ворс — это уже искусство, вырастить ворс может только исцпоккх.

— Ну что же, у меня нет никаких оснований сомневаться в вашей правоте. Процесс выращивания Домов — это достояние вашей культуры.

Исциоккх, возможно, не осознавая в своем увлечении, что использует прием, которым пользуются психологи, гипнотизеры и умелые политики для привлечения внимания собеседника и пущей убедительности, продолжал говорить, покачивая лорнетом. Впрочем, он мог хорошо знать этот прием и умело использовать его сейчас.

— Предположим самое невероятное: вам удалось не только выкрасть необходимую женскую особь Дома, не только вывезти ее с Иззоома, — вам удалось еще и вырастить пятистручковый Дом. Поверьте мне, это еще не все, более того — это только начало. Дальше начинается уже искусство, как я вам говорил. В Дом нужно войти, его нужно подчинить и его нужно обучить. Паутину необходимо аккуратно и тщательно обрезать; нервные окончания системы эякуляции должны быть изолированы и парализованы. Сфинктеры должны открываться и закрываться при прикосновении. Искусство благоустройства Дома не менее важно, чем искусство выращивания Дома. Без правильной обработки Дом неудобен и скучен, даже опасен.

— Кей Пеннече не обрабатывает ни одного дома из тех, что вы присылаете на Землю.

— Вы говорите о Домах, которые прибывают к вам на Землю. Должен вас огорчить, это неполноценные Дома. Дома, которые продает Пеннече, бездумны и покорны, они как бы лишены души. Мне трудно вам объяснить это. — Немного помолчав в задумчивости, Зайде Паатоозо продолжал: — Им ничего не интересно, им не хватает красоты и изящества. В вашем языке нет слов, чтобы можно было выразить чувства исциоккха к своему Дому. У вас есть понятие «симбиоз», но оно лишь отчасти передает суть дела. Самую маленькую часть. Исциоккх не только растит свой Дом, но и сам растет в нем. Когда приходит его время умереть, его прах достается Дому. Исциоккх не просто живет в Доме, он пьет его кровь, он дышит его дыханием, Дом защищает его, чувствует его мысли. Одушевленный Дом способен не только отогнать чужака, но в гневе способен даже убить его. Теперь, когда вы довольно много знаете о наших Домах, вам понятно, что это означает — сумасшедший Дом? Теперь вы в состоянии понять, почему мы держим в них преступников, и почему они так боятся туда попасть. Боятся настолько сильно, что предпочитают даже добровольно расстаться с жизнью.

Вся эта так внезапно свалившаяся ему на голову информация, а также необычное для искиоккха многословие поначалу Элла ошеломили, он как зачарованный слушал Паатоозо, он готов был слушать и слушать его, как специалист. Но вместе с тем в нем поднималась волна — даже не раздражения, нет, это был протест.

— Возможно, мне трудно понять чувства искиоккха, вникнуть в особенности вашей психологии и философии, но ведь и вы, — охваченный негодованием, Элл даже не заметил, что перебивает хозяина, — вы никак не хотите понять, что у землян другое отношение к Дому. Землянину нужен просто Дом, жилище, в котором он будет просто жить. Конечно же, всегда есть исключения, но когда мы с вами говорим о землянах с низким доходом — у вас подобных людей называют представителями низшей касты, — это утверждение абсолютно верно.

Зайде Паатоозо молча выслушал Файра и продолжил так, словно тот его и не перебивал:

— Мы всегда рады предоставить вам необходимое количество Домов отличного качества. Единственным, но обязательным нашим условием является требование, чтобы вы, покупая у нас Дома, пользовались услугами аккредитованных представителей.

— Другими словами, вы требуете, чтобы мы обращались к Пеннече?

— Да, Кей Пеннече — наш представитель; кроме того, он прекрасный специалист и всегда готов помочь советом и оказать посильную помощь.

Разговор вернулся к своему началу, и Элл понял всю безнадежность своих попыток договориться с собеседником.

— Пожалуй, мне пора отдохнуть, — устало произнес он. — Как оказалось, я не готов к продолжительным разговорам, да и голова болит.

— Конечно же, мне очень жаль прерывать нашу беседу, но вы правы, вам необходим отдых. Чувствуйте себя свободно: мой Дом — ваш Дом. А завтра, когда вы отдохнете и вас появятся силы и желание, мы сможем посетить мою плантацию. Думаю, вам будет интересно посмотреть ее.

Файра снова отвели в его камеру, и настроение не улучшил тот факт, что сопровождающей была молодая женщина, голову которой украшал черный тюрбан. Женщина

церемонно и аккуратно омыла его лицо, руки и ноги и обрызгала ароматными духами. Но все эти церемонии не меняли сути дела, камера остается камерой даже тогда, когда тебе оказывают такое внимание.

Наконец-то он остался один. Не слышно больше раздражающего голоса, не нужно выбирать слова и следить за выражением лица...

Медленно уходило напряжение, отступала усталость, тело расслабилось, и волнами подступило то благодатное дремотное состояние, которое предшествует крепкому, восстанавливающему силы сну. Как это всегда бывает, перед глазами замелькали образы тех, кого он видел, и кто произвел на него сильное впечатление. Вот перед глазами возникло коричневое грубое лицо теойрода, он отчетливо услышал его низкий голос. Сон постепенно завоевывал тело Файра и его мозг. Образ коричневого человека начал медленно удаляться, он становился все меньше и терял четкость, а потом исчез так же неожиданно, как прежде возник. Как будто кто-то неизвестный и далекий вдруг погасил там у себя вдалеке маленький огонек. Вслед за ним возникло перед глазами падающее дерево, и почему-то рядом с ним мелькнула вдруг женщина в черном тюрбане. Но это было логично для него, это была уже логика сна. Наконец все образы ушли один за другим. Элл спал, и спал без снов, сознание его отдыхало от всего, что произошло с ним за последнее время. Вот только ссадина на голове горела и беспокоила утомленное тело. Стараясь найти наиболее удобное положение, Элл ворочался с боку на бок, но не осознавал своих движений; впрочем, он сейчас вообще ничего не чувствовал и не осознавал.

5

В сознание Эллы стали вплетаться какие-то странные звуки. Медленно и неохотно он впустил воспоминания вчерашнего дня. Необычные, какие-то вздыхающие и нашептывающие звуки оказались вне сна музыкой исциоккхов. Файр открыл глаза и сел. Первым, что он увидел, была висящая рядом свежая одежда. Он оделся и вышел на балкон. Его камера оказалась вполне комфортабельной, а вид, который открывался с балкона, был просто ослепительным, необыкновенно красивым... изумительным...

сверхъестественным. Это был еще даже не совсем рассвет: до восхода солнца — местного солнца — еще оставалось какое-то время. Зеркало моря переливалось разноцветными огнями, лишь слегка затухая к линии горизонта. Над всей этой иллюминацией нависало золотистое небо. Изумительный вид дополняло обрамление и огромных и замысловатых Домов аристократов Тайнерри. Они выглядели как прекрасная старинная рама, обрамляя небесно-морское видение слева и справа. Солнце взошло еще не очень высоко, и на фоне неба вырисовывались только силуэты их крон, а цвета стручков были приглушены. Темно-синий, темно-бордовый и глубоко-зеленый, какой бывает у старого бархата, — эта гамма цветов заставляла еще сильнее сверкать море, а небо... По каналу взад и вперед курсировали многочисленные легкие гондолы, жизнь вокруг бурлила, несмотря на раннее утро. За каналом располагались торговые ряды базара. Здесь можно было найти не только изделия и инструменты промышленных систем Южного континента, но и некоторых внешних миров. Принципы обмена товарами, которые при этом использовались, были понятны Файру еще не до конца. Но он надеялся постичь эти принципы.

Эл увлекся представшей перед его глазами картиной, и только звук, который раздался неожиданно, вернул его к действительности. Он чем-то напомнил звук колокольчика. Файр обернулся и обнаружил двух служителей, которые несли высокий, со многими отделениями, буфет, полный еды. За окном медленно и торжественно вставала Кси Ауругью. За это время Файр успел плотно позавтракать вафлями, фруктами, морскими клубнями и пастилой.

Едва он закончил, вновь выскочили служители. Их расторопность и проворство немного развеселили Файра. Они с трудом, почти волоком, унесли буфет, и вошла женщина-исциоккх, та, которая прислуживала ему вчера вечером. Сегодня ее обычный костюм из черных лент был дополнен непонятным головным убором из тех же лент, который маскировал шишки и складки на темени, неожиданно делая женщину привлекательной. Произведя утонченные ритуалы приветствия, она сообщила, что Зайде Паатоозо готов сопровождать Файр-сайаха.

Вместе с ней Файр спустился в холл у основания огромного ствола. Здесь его ожидал Зайде Паатоозо, с ним стоял

исциоккх, которого он представил как Омана Безхаада, главного агента кооператива домостроителей. Оман Безхаад ростом был явно выше Зайде Паатоозо, с более широким, но менее выразительным лицом. Да и характер у него был, видимо, более живой и прямолинейный. Он носил синие и черные ленты и черные кружки на щеках — костюм, который навел Файра на мысль о принадлежности его владельца к одной из высших каст. В отношении к Оману у Зайде Паатоозо сквозили одновременно снисходительность и уважение — во всяком случае, так показалось Файру. Позицию Зайде Паатоозо Файр приписывал противоречию между кастой Омана Безхаада и его мертвенно-бледной кожей жителя одного из Южных архипелагов или даже Южного континента, отличающейся от кожи аристократов-плантаторов слабым голубоватым оттенком. Более Файр не разглядывал исциоккха, сочтя это неприличным.

Зайде Паатоозо проводил гостя к шарабану с мягкими сидениями, который поддерживали над землей сотни почти бесшумных воздушных струй. Шарабан не имел никаких украшений, но коробка, выращенная вместе с перилами, изогнутыми и сплюснутыми, дугообразные сиденья и свисающая бахрома темно-коричневого мха, — все это было весьма впечатляющим. Слуга в красных и коричневых лентах нажал выступающий спереди зуб, включая систему контроля. На заднее сиденье сели еще двое слуг — они несли инструменты, эмблемы и прочее снаряжение Зайде Паатоозо, о предназначении которого Файр не догадывался.

В последнюю минуту к ним присоединился четвертый исциоккх, человек в синих и серых лентах, которого Зайде Паатоозо тут же представил:

— Удиир Чее, мой главный архитектор. Настоящее иззоомское слово, обозначающее его профессию, разумеется, другое. Оно включает в себе элементы многих знаний: он — биохимик, инструктор, поэт, предвестник, воспитатель и так далее. Конечный эффект, тем не менее, тот же. Так что его смело можно назвать созидателем новых Домов.

За архитектором, как само собой разумеющееся, появились трое вездесущих инспекторов-свекров на другой, меньшей по размерам, платформе. Одного из них Файр вроде бы узнал: это он охранял землянина во время налета

теойродов, и затем от него же Файр натерпелся всяческих оскорблений.

Но это вполне мог быть и другой свекор — непривычному глазу все они казались на одно лицо. Файру пришлось в голову для забавы пожаловаться Зайде Паатоозо на этого человека, и тот клятвенно обещал наказать виновного. Но он тут же спохватился — Зайде Паатоозо, судя по всему, относился к обещаниям весьма серьезно...

Платформы проскользнули между массивными Домами городского центра и вылетели на дорогу, что вела вдоль ряда небольших полей. Здесь росли серо-зеленые саженцы. «Дома-дети», — решил Файр.

— Дома классов АА и ААКР для контрольных работ с Южного континента, — пояснил Зайде Паатоозо покровительственным тоном. — Вон там — четырех- и пятистручковые здания, описанием которых я не хочу вас утомлять. Разумеется, продукция, идущая на экспорт, не доставляет нам столько хлопот: мы продаем немногочисленные стручки, легко выращиваемые и стандартные структуры.

Файр поморщился: покровительственные оттенки в голосе Зайде Паатооз становились все более отчетливыми.

— Если бы вы решились разнообразить ассортимент, вы могли бы необычайно увеличить вывоз товара.

Зайде Паатоозо и Оман Безхаад, похоже, развеселились.

— Мы вывозим столько Домов, сколько хотим. К чему стремиться вперед? Кто оценит уникальные, исключительные свойства наших Домов? Вы же сами говорите, что для землян Дом — не что иное, как коробки, в которых можно укрыться от непогоды.

— Вы и в самом деле нерациональны, Файр-сайах, — добавил Оман Безхаад, — если только мне удалось подобрать слово с наименее обидным звучанием. На Земле, вы говорите, для жилища не нужно ничего. В то же время жилище на Земле — излишек богатства, и излишек столь значительный, что на обширные проекты тратятся неисчерпаемые средства и энергия. Богатство это может позволить решить проблему дефицита Домов очень легко; вернее, это могут те, кто контролирует богатство. Понимая, что подобный курс для вас нереален, вы обращаетесь к нам, относительно бедным искиоккам, которые, по вашему мнению, должны быть почему-то менее черствыми, чем люди вашей планеты. А когда вы видите, что мы

имеем собственные интересы, вы возмущаетесь, — именно в этом и лежит иррациональность вашей позиции.

Файр засмеялся:

— Это искаженное отражение действительности. Мы богаты, это верно. Почему? Потому что мы постоянно стараемся выпустить максимум продукции при минимуме усилий. Дома исцпоккхов и могут служить этим фактором обеспечения минимума усилий.

— Интересно... — пробормотал Зайде Паатоозо.

Оман Безхаад глубокомысленно кивнул.

Глайдер свернул и поднялся, чтобы перелететь через заросли остроконечных кустарников с черными шарами наверху. Вдали, за каймой берега, лежал спокойный мировой океан — Голубой Фезадах. Глайдер разрезал носом низкие волны прибой и заскользил к берегу.

Зайде Паатоозо заговорил мрачным, чуть ли не замогильным голосом:

— Сейчас вам покажут то небольшое, что вам разрешено видеть — экспериментальную станцию, где мы задумываем и создаем новые Дома.

Файр собрался было дать соответствующий ответ, высоко оценить доверие и выразить заинтересованность, но Зайде Паатоозо более не обращал на него внимания, и он промолчал.

Платформа неслась над водой. Вода под струями воздуха кипела, и за кормой оставалась пенная струя. Лучи Кси Ауругью искрились в голубой воде, и Файр подумал, что все выглядело бы совсем как на земле, если бы не этот глайдер странной формы, не эти долговязые молочно-белые в полоску люди, стоящие за спиной, не эта необычная растительность на острове впереди.

Домов, подобных этим, он еще не видел: стволы тяжелые, низкие, с плотно спутанными черными ветвями. Листья, только что освобожденная от коричневой паутины, непрестанно шевелилась.

У берега глайдер замедлил движение и остановился в двадцати футах от земли. Удиир Чее, архитектор, выскочил с черной коробкой в руках. Он оказался по колено в воде и смешно поплелся к берегу. Деревья не остались равнодушны к его приходу: они поначалу склонились к нему, затем расплели и расцепили ветви. Через секунду в растительности оказался проем, достаточно широкий для

глайдера. Когда платформа оказалась за стеной деревьев, Удиир Чее вновь забрался на борт, а ветви сомкнулись, наглухо закрыв проход.

— Деревья уничтожат любого, кто не представит правильного пароля, — он излучается из коробки. В прошлом плантаторы часто отправляли друг против друга экспедиции. Сейчас этого, разумеется, нет, и в деревьях-караульных нет, стало быть, особой необходимости. Но мы очень консервативны и храним старые обычаи.

Файр оглянулся вокруг, стараясь не проявлять излишнего любопытства. Зайде Паатоозо спокойно и весело глядел на него.

— Когда я прибыл на Иззоом, — сказал, наконец, Файр, — я надеялся, что мне представится удачный случай, но такого даже не ожидал. Должен признаться, что я озадачен. Почему вы мне все это показываете? — Он пристально посмотрел в бледные хрящеватые лица исциоккхов, но ничего не мог прочесть в их выражении.

Зайде Паатоозо выдержал паузу, прежде чем ответить.

— Скорее всего, вы ищите причины там, где их нет. Это вполне нормальное отношение хозяина к почтенному гостю.

— Возможно, — согласился Файр и вежливо улыбнулся. — Но если иные мотивы все же существуют?

— Допустим. Налет теойродов все еще заботит нас, и мы хотим получить более полную информацию. Но все же давайте не будем сегодня затруднять себя подобными вопросами. Думаю, вас, как ботаника, должны интересовать мои и Удиира Чее изобретения.

— О да, конечно!

Последующие два часа Файр рассматривал Дома со стручками на опорах для планет с высокой гравитацией систем Слис-8 и Форты Мартиона, просторные сложные Дома со стручками-балконами для Феи, где сила тяжести вдвое меньше, чем на Иззооме. Были деревья, у которых от центрального ствола-колонны отходили, изгибаясь, четыре широченных листа, которые опускались до земли и создавали, таким образом, четыре куполообразные зала, освещенных бледно-зелеными лампами. Были Дома с прочными стволами, единственной стручком-башенкой наверху и копьевидной листвой у основания — эти дома служили наблюдательными башнями феодальным племенам Эты Скор-

пиона. В огражденном стенами пространстве росли деревья разной степени подвижности и разумности.

— Новая, многообещающая область исследований, — сказал Файру Зайде Паатоозо. — Мы обыгрываем идею выращивания деревьев для выполнения специальных задач: караульная служба, садовый надзор, разработка месторождений и обслуживание механизмов. Не думайте, что я шучу. На атолле Дьюрок, насколько мне известно, мастер-плантатор у себя в резиденции вывел дерево, которое поначалу выбрасывает разноцветные волокна, а затем сплетает их в ковер желаемого образца. Да и сами мы вносим лепту в создание подобных чудес. К примеру, вот тот купол — мы добились соединения, о котором человек, не знакомый с основами адаптации, сказал бы, что оно невозможно.

Файр издал вежливый взглас удивления и восхищения. Он заметил, что Оман Безхаад и Удиир Чее внимают словам плантатора с исключительным уважением, словно присутствуют при чем-то значительном. И Файру вдруг показалось, что, каковы бы ни были мотивы необычного гостеприимства Зайде Паатоозо, ему скоро удастся в них разобраться.

Зайде Паатоозо продолжал с ломким, хрипловатым аристократическим выговором:

— Механизм соединения, если можно так выразиться, в теории несложен. Животное тело зависит от пищи и кислорода, плюс некоторые поддерживающие компоненты. Растительная система, разумеется, продуцирует эти субстанции и перерабатывает отходы животного. Оно стремится стать закрытой системой, нуждаясь лишь в притоке энергии от внешнего источника. Наши достижения, к сожалению, далеки от законченности. Тем не менее, начало положено...

Рассказывая, Зайде Паатоозо направился к бледной желто-зеленой полусфере, над которой вращались и трепетали длинные желтые листья на таких же ветках. Он вытянул руку, и открылся проход в виде арки. Оман Безхаад и Удиир Чее из осторожности остались в тылу. Файр с сомнением посмотрел на них.

Зайде Паатоозо еще раз воскликнул:

— Думаю, что вы, как ботаник, будете восхищены нашими успехами!

Файр разглядывал отверстие, стараясь увидеть что-то из того, что находилось внутри. Внутри было нечто, что исцюрккхи подталкивали его увидеть; что-то такое, что ему следовало испытать... Опасность? Им не нужно было его обманывать, он и так целиком в их власти. Тем более что Зайде Паатоозо был связан всеобщими законами гостеприимства. Он ничем в этом положении не отличался, скажем, от шейха-бедуина. Опасности здесь, видимо, не было. Файр сделал шаг вперед и оказался внутри Дома.

В центре находился слегка выступающий пласт земли, жирной почвы, на котором покоился крупный пузырь — мешок желтой камеди. Поверхность мешка была испещрена нитями сосудов и трубками вен, защищенных оболочкой, которая в верхней части переходила в светло-серый ствол. От ствола симметрично росла крона ветвей с широкими листьями в форме блюда.

Все это Файру удалось увидеть за мгновение, хотя с того момента, как он вошел, его внимание было привлечено тем, что содержалось в капсуле со смолой — обнаженным телом теойрода. Ноги того были погружены в темно-желтый осадок на дне мешка, голова располагалась в непосредственной близости от ствола. Верхушка черепа была отделена, обнажая часть массы оранжевых шариков — мозг. Руки теойрода поднимались до уровня плеч и оканчивались вместо ладоней клубками спутанного серого ворса, который также скручивался в веревки, уходящие к стволу. Над обнаженным мозгом висел нимб. Приглядевшись, Файр понял, что это — сетка почти невидимых нитей, также сплетающихся в веревку и исчезающих в стволе. Глаза несчастного были затянуты коричневой пленкой, заменявшей теойродам веки.

Файр почувствовал внимание исцюрккхов и резко обернулся. Только сейчас он осознал, что, стараясь совладать с отвращением, смешанным с жалостью, сдерживает дыхание. Элл непроизвольно судорожно сглотнул и сделал глубокий вдох. Три исцюрккха пристально рассматривали его своими странными раздвоенными глазами.

Теперь, что бы он ни испытывал на самом деле, он должен был скрыть от них свои истинные чувства. Его основной задачей стало держать свои эмоции под контролем. Неважно, чего ждут они от него. Чего бы они ни ждали,

он обязан обмануть их ожидания, пусть почувствуют разочарование.

— Мне кажется, я уже видел его. Не тот ли это исциоккх, с которым меня заперли?

Шагнув вперед, Зайде Паатоозо с видимым интересом спросил:

— Вам кажется, или вы его узнали? — губы его изогнулись, придавая его лицу странное выражение. — Вы его узнаете?

Файр с сомнением покачал головой:

— Вы требуете от меня почти что невозможного. Впервые, я видел того, кто был там со мной, в почти полной темноте, после полученного стресса и очень недолго. Но, даже если бы все случилось в других условиях, то и тогда я бы не смог вам ответить определенно. Поймите: как это ни неприятно, но представители вашей расы для меня все еще на одно лицо. — Файр неуверенно приблизился к существу в мешке с янтарной жидкостью. — Скажите, он жив?

— Как вам сказать? Можно сказать, что да, в известной степени он жив.

— Тогда ответьте мне еще на один вопрос: зачем вы меня сюда привели?

Файр догадался, что какой-то сложный план провалился с треском. Зайде Паатоозо и Безхаад казались не только обеспокоенными, но, пожалуй что, даже рассерженными. Файр взглянул на мешок снова. Показалось ему или действительно теойрод двигался? Проследив за его взглядом, Оман Безхаад, стоявший слева, тоже заметил едва различимое движение мускулов.

— Теойроды обладают большими психическими ресурсами, этот не исключение, — почти безразличным тоном проговорил Безхаад, продвигаясь вперед.

Повернувшись к Зайде Паатоозо, Файр спросил:

— Мне почему-то казалось — то есть, я предполагал, что он уже умер. Должен был умереть.

— Вы абсолютно правы, дело обстоит именно так, как вы и предположили. Это существо уже нельзя назвать Чейеном Техтеесским, Четырнадцатым бароном на Баненкриссте. Он перестал быть отдельной личностью, теперь он превратился в придаток, орган дерева

Ошеломленный этим сообщением, Файр вновь оглянулся на теойрода. Глаза его были открыты, лицо приняло

странное выражение, и Файру показалось, что теойрод не только слышит их слова, но и прекрасно понимает их. Оман Безхаад замер в напряженном ожидании чего-то. Точно такими же напряженными выглядели Зайде Паатоозо и Удиир Чее.

Теперь уже все трое зачарованно смотрели на теойрода. Удиир Чее разразился фразой-стаккато на языке исциоккхов и указал на листву. Файр посмотрел туда и заметил странное движение листьев: они шевелились, хотя в Доме не было ни малейшего сквозняка. Файр, успешно, как ему казалось, скрывая свой интерес, глянул на теойрода — и тут их глаза неожиданно встретились. После этого Файр уже не смог оторвать взгляд от напряженного лица теойрода; особенно заворожили его мускулы вокруг рта. Даже на напряженном лице они казались затвердевшими, словно камень. Лик теойрода превратился в неподвижную маску, сведенную мучительной судорогой. Наконец рот медленно, с видимым усилием приоткрылся, губы зашевелились. Заскрипела, зашевелилась, издавая мучительный стон, ветка над их головами.

— Это невозможно! Невероятно! Реакция совершенно неправильная! Такого просто не может быть! — голос Омана Безхаада напоминал воронье карканье.

Теперь двигаться начали уже все ветви дерева, они неистово качались из стороны в сторону, накрываясь под самыми невероятными углами. Внезапно послышался ужасающий треск, вся масса листвы рухнула на землю, погребая под собой и Зайде Паатоозо, и Удиира Чее. Под оглушительные стоны и треск ломающейся древесины ствол раскололся пополам, дерево упало. Теойрод выпал из лопнувшего мешка и повис над полом. От окончательного падения его удерживали только канаты ворса, которыми оканчивались его руки. Голова его неестественно откинулась назад, рот раскрылся в ужасном оскале, и тем страшнее прозвучал его голос:

— Это ложь! Я все еще Чейен Техтеесский! — гортанный голос его издавал иногда какие-то булькающие звуки. — И я не дерево! — Желтая лимфа толчками выплескивалась изо рта теойрода, стекая струйками вниз. Он упорно смотрел только на Файра. — Беги, немедленно беги отсюда! Выполни то, что должен! Беги, оставь этих проклятых древожителей!

Кое-как освободившись от массы ветвей и листьев, Оман Безхаад бросился к Зайде Паатоозо, чтобы помочь ему выбраться из-под рухнувшего дерева. Файр смотрел на них, ничего не понимая, его охватило странное оцепенение.

Тело теойрода тем временем обмякло и провисло еще сильнее.

— Теперь я умираю, — произнес он гортанным шепотом. — Но не как дерево Иззоома, а как теойрод. Чейен Техтеесский!

Удиир Чее все еще был скрыт горой сучьев и листьев, и Файр, который был больше не в силах смотреть на агонию, отвернулся и стал помогать Зайде Паатоозо и Оману Безхааду. Но все было безуспешно. Одна из сломанных ветвей проткнула шею архитектора насквозь, как копьё; он был мертв. Зайде Паатоозо издал крик, полный гнева и отчаяния.

— Какая несправедливость, оно убило самого талантливого из архитекторов! Существо, постоянно вредившее при жизни, и после смерти оказалось способным убивать!

Молча и понурившись, Зайде Паатоозо повернулся и пошел прочь из Дома. Так же сохраняя молчание, Оман Безхаад и Файр последовали за ним.

Они возвращались в город, сохраняя молчание и полные уныния. Файр, как никогда, ощутил свое одиночество. Теперь от подчеркнутого расположения плантатора не осталось ничего, кроме обычной вежливости. Наконец, как-то преодолев сковавшее его оцепенение, Файр, которому слова давались с трудом, очень тихо сказал:

— Мне не хотелось бы... да, я уверен, — я не могу и не должен больше злоупотреблять вашим гостеприимством, Зайде Паатоозо. Примите мои соболезнования и поверьте, что события сегодняшнего дня взволновали меня так же, как и вас.

— Каждый вправе поступать так, как считает нужным, Файр-сайах. — Предельно тактичный ответ Зайде Паатоозо не обманул Эллу.

Файр решил не ударить в грязь лицом:

— Позвольте поблагодарить вас. Никто, кроме вас, не познакомил бы меня лучше с интересами и проблемами плантаторов Иззоома. Воспоминания о своем пребывании на атолле Тайнерри я сохраняю на всю свою жизнь.

Зайде Паатоозо поклонился:

— Благодарю вас за любезность и хочу, в свою очередь, заверить вас в том, что ваше пребывание у нас также никогда не сотрется из нашей памяти.

Элл Файр вышел из глайдера, как только тот остановился на площади, недалеко от которой росли три гостиницы. Оман Безхаад последовал его примеру, лишь слегка помедлив по неизвестным Файру причинам. Ритуал обмена формальными благодарностями и формальными же возражениями завершился, и глайдер благополучно продолжил движение.

К Файру, который в некоторой задумчивости продолжал стоять на площади, подошел Оман Безхаад.

— Каковы ваши планы на будущее, Файр-сайах? — продолжая сохранять чопорную манеру разговора, спросил Оман Безхаад, подходя к Элли. — Что вы теперь намерены делать?

— Что же, вероятнее всего, я вернусь на Джесциано. Возможно, поскольку мой чартер все еще действует... — Файр, у которого одна только мысль о посещении еще каких бы то ни было плантаций вызывала головную боль, поморщился и продолжал: — Я еще не решил, что будет потом, в ближайшем будущем...

— Но, может быть, какие-то планы...

Настойчивость Омана начала раздражать Элла. Однако он только сдержанно пожал плечами:

— Сейчас трудно даже предположительно что-то сказать. Не знаю.

— Как бы то ни было, желаю приятного путешествия. — Исиноккх завершил разговор в общепринятой вежливой манере.

Формальная вежливость Безхаада немного успокоила Элла.

— Благодарю вас!

6

Направляясь в ресторан, Файр обнаружил, что его вновь сопровождают свекры, присутствие свекров за спиной вызвало у Элла приступ удушья. Отведав ставших уже привычными типичных иззоомских блюд из водорослей и растительных паст, Файр отправился к причалу. Нашел «Юхай-эй» и приказал подготовиться к немедленному отплытию.

Попытки найти капитана не увенчались успехом. Ботман же, ссылаясь на отсутствие капитана и еще на ряд объективных причин, настойчиво уверял его в том, что отплытие возможно не раньше следующей зари. Волей-неволей пришлось совершить незапрограммированную прогулку вдоль берега, нужно же было как-то убить вечер. Прогулка могла бы показаться изумительной, если бы не обстоятельства, принудившие ее совершить. Если бы не чужие силуэты деревьев, если бы не эти маячившие за спиной силуэты шпиков, вполне можно было представить, что ты на Земле. Все было как дома: и прибой, и теплый песок, и ветерок — все совершенно как на Земле, если бы не портили картину эти двое... Файр внезапно ощутил почти непереносимый приступ ностальгии. Все, хватит, достаточно он уже наездился, пора домой, пора к родным пенатам...

Хорошее расположение духа вернулось к Файру только тогда, когда он оказался на борту «Юхайэй» прежде, чем солнце Кси Ауругью окончательно прояснило горизонт, и когда перед ним раскинулись необозримые свободные просторы Голубого Фезадаха. Файр забросил свой тощий багаж в каюту и отправился на поиски капитана; разыскав его, он приказал ему отплывать. Капитан вежливо и не без достоинства поклонился, затем отдал экипажу несколько распоряжений, и весь «Юхайэй» охватила лихорадка отправления. Экипаж был занят работой: сновали по вантам, разворачивали и закрепляли паруса, быстро, но без лишней суеты, сновали туда-сюда по неизвестным Файру причинам...

Но вот прошло уже достаточно времени, а «Юхайэй» все еще оставался у причала, несмотря на всю суматоху и беготню. Прошло почти полчаса, и Файр, охваченный нетерпением, подошел к капитану:

— Что происходит, почему мы еще не отчалили? В чем дело?

Капитан указал вниз, где матрос в плоскодонке что-то делал за бортом.

— Извините, Файр-сайах, корпус ремонтируется, Файр-сайах. Мы скоро отправляемся.

Файр вернулся к приподнятой каюте и уселся в тени под навесом. Прошло еще пятнадцать минут. Файр успокоился и даже стал получать удовольствие от окружа-

ющей обстановки: от суеты на причале, от прохожих, чью одежду украшали разноцветные полосочки и ленточки...

Трое свекров подошли к «Юхайэй» и взошли на борт. Они переговорили с капитаном, тот повернулся и дал команду экипажу.

Паруса наполнились ветром, отдали швартовы, заскрипела оснастка. Файр неожиданно пришел в раздражение и вскочил с кресла. Он бросился было приказать свекрам высадиться на берег, но остановился. Результат можно было предсказать заранее. Заставляя себя успокоиться, Файр вернулся в кресло. Разрезая и вспенивая голубую воду, «Юхайэй» выходил в море. Атолл Тайнерри уменьшился, превратился в тень над горизонтом и исчез. «Юхайэй» — легкое судно, подгоняемое ветром в корму, летело на запад. Файр нахмурился. Насколько он мог припомнить, он не давал никаких указаний насчет места назначения.

Он подозвал капитана:

— Я вам не давал никаких приказов. Почему вы держите курс на запад?

Одна пара сегментов глаз капитана переместилась:

— Наше место назначения — Джесциано. Разве не этого желает Файр-сайах?

— Нет, — заявил Файр агрессивно. — Мы поплывем на юг, на Видженах.

— Но, Файр-сайах, если мы не будем держать курс прямо на Джесциано, вы можете пропустить взлет корабля! От изумления Файр с трудом мог говорить.

— Да вам-то какое дело? — выдавил он наконец. — Я что, упоминал, что хочу сесть на космический корабль?

— Нет, Файр-сайах, я не слышал таких высказываний.

— Тогда будьте любезны не предугадывать более моих желаний. Мы отправляемся на Видженах.

Капитан помедлил:

— Ваши приказы, Файр-сайах, должны быть тщательно взвешены. Нам следует учитывать еще и приказания свекров. Они хотят, чтобы «Юхайэй» плыл на Джесциано.

— В таком случае пусть сами свекры и оплачивают чартер. От меня вы ничего не получите.

Капитан повернулся и отправился за советом к свекрам. Последовал короткий спор, в ходе которого капитан и свекры бросали пристальные взгляды на Файра, стояв-

шего поодаль. Все же «Юхайэй» повернула на юг, а рассерженные свекры прошли на нос.

Путешествие продолжалось. Вскоре Файр лишился покоя. Экипаж был бдителен, но уже менее исполнителен. Свекры следили за каждым его шагом и при любом случае с откровенной наглостью обыскивали каюту.

Файр почувствовал себя более арестантом, чем туристом. Было почти очевидно, что его сознательно вызывают на провокацию, словно хотят породить у него отвращение к Иззоому.

«Не так уж это и сложно,— сказал сам себе Файр мрачно.— День, когда я покину эту планету, будет самым счастливым днем в моей жизни...»

Над горизонтом выросла группа островов. Это был атолл Видженах, словно брат-близнец похожий на Тайнерри. Файр заставил себя выйти на берег, но не нашел там ничего более интересного, как сидеть на террасе гостиницы с кубком нарциаза — терпкого, чуть солоноватого напитка из морских водорослей. Выходя, он обнаружил плакат с фотографией космолета и расписанием прилетов и отлетов. Их «Андрэ Саймак» должен был покинуть Джесциано через три дня, затем вылетов не предусматривалось целых четыре месяца. Файр с большим интересом рассматривал плакат. Вернувшись в порт, он аннулировал чартер, после чего предпринял воздушный перелет на Джесциано.

Он прибыл в тот же вечер и сразу же взял билет на КК «Андрэ Саймак» до Земли, после чего ощутил покой и уверенность.

«Восхитительная ситуация,— говорил он себе.— Полгода назад я не мог думать ни о чем, кроме как о путешествии на неведомую планету, а сейчас я мечтаю лишь о возвращении на Землю».

Гостиница космопорта представляла собой огромную поросль, созданную дюжиной деревьев, сцепившихся между собой. Файру предоставили удобный стручок, нависший над каналом, соединявшим лагуну с центром города Джесциано. Узнав, наконец, что время отправления точно известно, Файр успокоился. Ресторанные блюда в импортной расфасовке вновь казались ему вкусными; посетители, жившие в гостинице, принадлежали преимущественно к антропоидам. Была здесь также дюжина землян.

Единственным раздражающим явлением была непрекращающаяся слежка свекров, и притом столь назойливая, что Файр пожаловался администрации гостиницы, затем лейтенанту свекров, — и в том и в другом случае ответом было лишь слабое пожатие плечами. В конце концов, он пересек отгороженную площадь и вошел в маленькое бетонное бунгало — офис районного договорного администратора. Это, похоже, было одно из немногих зданий на Иззооме, доступных для посторонних. Администратором оказался коротенький толстый землянин со сломанным носом, ершиком черных волос и суетливыми повадками. У Файра немедленно возникла неприязнь к нему. Тем не менее, Файр спокойно и убедительно изложил свои претензии, и администратор обещал принять меры.

На следующий день Файр явился в Административный дворец — большое и величественное здание, возвышающееся над центральным каналом. На этот раз администратор был с ним лишь подчеркнуто вежлив, хоть и пригласил на ленч. Они ели на балконе. Внизу по каналу проплывали стручки-лодки, полные фруктов и цветов.

— О вашем случае я звонил в Свекор-Центр, — сообщил администратор Файру. — Они выражались туманно, что для них необычно. Как правило, они выражаются ясно и безоговорочно: «Турист шпионил».

— Я до сих пор не могу понять, за что они меня так преследуют.

— Вероятно, за то, что вы присутствовали, когда компания арктуриан...

— Теойроды.

Администратор поправился:

— ...когда теойроды совершили массированный налет на плантацию Тайнерри.

— Да, я там был.

Администратор вертел в руках кофейную чашечку.

— Видимо, чтобы возбудить их подозрения, этого оказалось достаточно. Они считают, что один или несколько туристов планировали и руководили набегом, и вас они выбрали как одну из наиболее подходящих кандидатур.

Файр откинулся в кресле:

— Это неправдоподобно. Свекры накачали меня препаратами, оказывающими гипнотическое воздействие, и

допросили. Они знают все, что знаю я. И, наконец, плантатор на Тайнерри сделал меня своим гостем. Они не верят, что я замешан. Это невозможно.

Администратор слабо и уклончиво пожал плечами:

— Может быть. Свекры согласились, что конкретных претензий к вам они не имеют. Но, так или иначе, вам удалось превратиться в объект для подозрений.

— Выходит, виновен я или не виновен, мне никуда не деться от их назойливости? Это противоречит букве и духу Договора.

— Думаю, я не меньше вашего знаком с требованиями Договора. — Администратор был раздражен. Он пододвинул к Файру вторую чашку, метнув на него любопытный взгляд. — Надеюсь, вы невиновны... но, возможно, вам что-то известно. Вы общались с кем-нибудь, кого они подозревают?

Файр беспокойно зашевелился:

— Они бросили меня в один погреб с теойродом. Я с трудом мог с ним говорить.

Было видно, что ответ администратора не убедил.

— Тогда, должно быть, вы сделали что-нибудь не так. Что бы вы ни говорили, исцюрккхи никогда никого не беспокоят просто ради каприза.

Терпение Файра лопнуло:

— Кого вы представляете? Меня или свекровь?

— Попробуйте моими глазами взглянуть на ситуацию, — холодно произнес администратор. — В конце концов, нет никакой гарантии, что вы не тот, за кого они вас приняли.

— Прежде всего, они должны это доказать, но даже в этом случае вы — мой законный представитель. Зачем еще вас здесь держат?

Администратор уклонился от ответа:

— Я разговаривал с комендантом. Он колеблется. Может быть, он считает вас жертвой, приманкой или курьером. Возможно, они ждут, когда вы сделаете неверный шаг и выведете их на подлинного руководителя.

— Им долго придется ждать. Кроме того, меня оскорбили.

— Как так?

— После налета меня бросили в погреб. Я имею в виду, они меня заключили в каком-то корне под землей. Я сильно ушиб голову. Ссадина до сих пор дает о себе знать. —

Файр нащупал темя, где наконец-то начали отрастать волосы, и вздохнул.

Ясно было, что администратор ничего делать не будет. Файр обвел взглядом балкон:

— Это место, должно быть, защищено от прослушивания?

— Мне нечего скрывать, — чопорно ответил администратор. — Они могут слушать днем и ночью. Что они, возможно, и делают. — Он встал. — Когда уходит ваш корабль?

— Через два или три дня, в зависимости от окончания погрузки.

— Советую вам терпимее относиться к слежке. Так будет лучше.

Файр небрежно поблагодарил и вышел. Свекры уже ждали. Они вежливо кивнули, когда Файр выходил на улицу. Файр глубоко вздохнул. Он устал. Поскольку его положение не обещало улучшиться, осталось только смириться.

Он вернулся в гостиницу и принял душ. В полупрозрачном утолщении на стене стручка вместо воды из форсунки струился прохладный сок со свежим запахом. Переодевшись в чистую одежду, выданную в гостинице, Файр отправился на террасу. Ему наскучило одиночество, и он с интересом оглядел столики. Он имел некоторое представление, — правда, слабое — о других гостях. Вот, например, мистер и миссис Эйндорвью, странствующие миссионеры. Другая пара: Джонн Раульф и Вульфред Виллерейнен, инженеры, возвращающиеся на Землю с Большой Экваториальной Автострады Капеллы-11. А вот рядом с группой путешествующих школьных учителей, только что прибывших на Иззоом, трое округлых коммерсантов с Моннаго — потомков земного ствола, по условиям Моннаго, или Таруса 61-II, модифицированных в собственный семиотический тип.

Справа от них сидело трое кинисов — высоких, стройных, почти неотличимых от людей, подвижных, прозорливых и многоречивых. Затем двое молодых землян (Файр решил, что они студенты), за ними — группа велико-арктуриан, представителей расы, от которой отделились на другой планете теойроды. По другую сторону от моннагиан сидели четверо исциоккхов в красных и пурпурных полосах, значение которых Файра не интересовало.

ло, а неподалеку от них, озабоченно потягивая нарциз из кубка, — еще один исциоккх в голубом, белом и черном. Файр опешил. Он не был уверен, — исциоккхи все казались ему на одно лицо, — но это был не кто иной, как Оман Безхаад.

Почувствовав его взгляд, исциоккх повернулся к нему лицом и вежливо кивнул, затем встал и подошел к Файру.

— Могу ли я к вам присоединиться?

Файр указал на кресло.

— Я не ожидал, что так скоро буду иметь удовольствие возобновить наше знакомство, — сухо сказал он.

Оман Безхаад произнес один из туманных местных тостов, значение которого было за пределами понимания Файра.

— Вам известно о моем намерении посетить Землю?

— Нет, конечно.

— Странно.

Файр промолчал.

— Наш друг Зайде Паатоозо просил передать вам сообщение, — начал Оман Безхаад. — Первое: он посылает со мной приветствие восьмого ранга в ваш адрес и говорит, что испытывает чувство стыда за неприятное происшествие, омрачившее ваш последний день на Тайнерри. Для нас до сих пор загадка, откуда у теойрода была такая психическая сила, позволившая ему совершить подобное действие. Второе: он рекомендует вам как можно осторожнее выбирать знакомства ближайшие несколько месяцев. И третье: на Земле, где я буду чужестранцем, он поручает меня вашему знакомству и покровительству, а также вашему гостеприимству.

Файр размышлял вслух:

— Откуда Зайде Паатоозо-сайах узнал, что я собираюсь вернуться на Землю? Когда я покидал Тайнерри, я не имел такого намерения.

— Я говорил с ним не далее чем вчера ночью по телефону.

— Ясно, — недовольно произнес Файр. — Да, естественно, я постараюсь сделать все, чтобы помочь вам. Какую часть Земли намерены вы посетить?

— Мои планы еще неконкретны и неокончательны. Я буду инспектировать Дома Зайде Паатоозо на различных участках, и, скорее всего, мне придется много путешествовать.

— А что значит «осторожнее выбирать знакомства в ближайшие несколько месяцев»?

— Только одно. Похоже, слухи о налете теойродов достигли Джесциано. Значит, они будут распространяться далее. Определенные преступные элементы могут заинтересоваться вашей деятельностью. Впрочем, я говорю слишком свободно.

Оман Безхаад встал, поклонился и вышел, оставив Файра в недоумении смотреть ему вслед.

На следующий вечер администрация гостиницы, обратив внимание на большое число гостей с Земли, организовала банкет с земной кухней и земной музыкой. Явились почти все гости — земляне и прочие.

Скотч с содовой сделал свое дело, и Файр быстро захмелел. Он почувствовал себя легко и непринужденно, и вскоре принялся ухаживать за самой юной и миловидной из приезжих учительниц. Она не отвергала его галантности, и вскоре они уже прогуливались рука об руку по террасе, нависавшей над берегом. Они болтали о пустяках, затем она вдруг бросила на него лукавый взгляд:

— Насколько я могу видеть, вы определенно не относитесь к соответствующему типу.

— Какому типу?

— О! Вы знаете! К типу людей, способных дурачить исциоккхов и красть деревья у них из-под носа.

— Ваш инстинкт вас не подводит, — рассмеялся Файр. — И верно, не отношусь.

Она вновь посмотрела на него искоса:

— Я слышала о вас кое-что другое...

Файр постарался, чтобы его голос был по-прежнему легким и небрежным:

— Вот как? И что же вы слышали?

— Разумеется, все это секрет. Ведь если исциоккхи узнают, вас пошлют в сумасшедший Дом, так что вполне естественно, что вы не хотите об этом говорить. Но человек, который сказал мне об этом, очень надежен, и я, конечно, никому не скажу ни слова. Но я вас только приветствую.

— Совершенно не понимаю, о чем вы говорите, — раздраженно сказал Файр.

— Конечно, вы никогда не согласитесь признаться, — с сожалением произнесла молодая женщина. — В конце

концов, я могу оказаться агентом исциоккхов, — они их используют, вы знаете.

— Раз и навсегда! — сказал Файр. — Я не понимаю, о чем вы говорите.

— О набеге на Тайнерри. Говорят, что вы командуете всем этим делом и руководили налетом извне. Что вы контрабандой вывезете деревья с Иззоома на Землю. Все это обсуждают.

— Что за нелепая чушь! — печально рассмеялся Файр. — Если бы это было так, неужели бы я был на свободе? Разумеется, нет. Исциоккхи значительно умней, чем вы о них думаете. Откуда возникла эта идея?

Молодая женщина пришла в замешательство. Наверняка внутренне заурядному и невинному Эллу Файру она предпочла бы отважного похитителя деревьев.

— Не знаю, уверяю вас.

— Где вы об этом слышали?

— В отеле. Некоторые гости говорили об этом.

— Любовь к нездоровым сенсациям!

Молодая женщина фыркнула, и ее отношение к Файру стало заметно холоднее. Когда они вернулись и сели, комнату пересекли четверо свекров в головных уборах, говоривших о высоком ранге их владельцев. Они остановились перед столиком Файра и поклонились.

— Если Файру-сайаху угодно, требуется его присутствие в одном месте.

Файр откинулся на спинку кресла. Он посмотрел вокруг, но все отводили лица. Учительница пребывала в крайней степени возбуждения.

— Где же требуется мое присутствие? — произнес Файр голосом, полным бешенства. — И зачем?

— Нужно сделать обычные ритуальные уточнения, связанные с вашими легальными занятиями на Иззооме.

— Они могут подождать хотя бы до завтрашнего дня?

— Нет, Файр-сайах. Прошу вас, пойдемте.

Кипя негодованием, Файр встал и в окружении свекров покинул террасу.

На берегу, в четверти мили от гостиницы, стояло маленькое трехстручковое дерево. Внутри на диване сидел стареющий исциоккх. Он указал Файру место напротив и представился. Его звали Ювинир Адисада, он принадлежал к касте ученых-теоретиков, философов и прочих, формулирующих абстрактные принципы.

— Узнав о вашем пребывании на Джесциано и о том, что вы очень скоро отлетаете, я счел своим долгом немедленно с вами познакомиться. Я знаю, что на Земле вы работаете в области, непосредственно связанной с нашим полем деятельности.

— Это верно, — коротко ответил Файр. — Я чрезвычайно польщен вашим вниманием, но хотел бы, чтобы оно выражалось в менее настойчивой форме. В гостинице теперь все уверены, что свекор арестовал меня за попытку украсть Дом-дерево.

Ювинир Адисада равнодушно пожал плечами:

— Странная тяга к нездоровым сенсациям — часть этики человекообразных потомков обезьян. Думаю, лучше к ним относиться с презрением.

— Верно, — сказал Файр. — Вы очень тонко выразились. Но была ли необходимость посылать четырех свекров передавать ваше приглашение? Это неблагоприятно.

— Не имеет значения. Люди нашего положения не должны заботиться о таких пустяках. А теперь расскажите, пожалуйста, о сути ваших интересов.

Четыре часа они спорили о Иззооме, о Земле, о Вселенной, о людском многообразии и о будущем. Когда свекры, чье количество и ранг сократились до двух нижних чинов, наконец проводили его в отель, Файр почувствовал себя вознагражденным...

На следующее утро, когда он пришел на террасу завтракать, он вызвал нечто вроде благоговейного трепета. Миссис Эйндорвью, симпатичная молодая жена миссионера, сказала:

— Мы были совершенно уверены, что вас посадили в тюрьму. Или даже в сумасшедший Дом. И мы удивлены, что вы сейчас же не обратитесь к администратору.

— В этом нет необходимости, — сказал Файр. — Всего лишь ошибка. Но благодарю вас за участие.

Моннагиане спросили его:

— Правда, что вы с теойродами сумели полностью перехитрить свекров? Если так, то мы можем предложить вам выгодно сбыть дерево, которым вам удалось завладеть.

— Я не способен перехитрить никого, — возразил Файр. — У меня нет никаких деревьев.

— Разумеется, разумеется, — кивнул, подмигивая, моннагинин. — Здесь, на Иззооме, даже трава имеет уши.

На следующий день КК «Андрэ Саймак» спустился с небес, и час вылета был установлен окончательно: через два дня в девять утра. В течение этих дней свекры безуспешно рыли носом землю. Вечером перед вылетом один из них подошел к Файру и щепетильно сообщил:

— Если Файр-сайах обладает временем, его просят подойти в портовую контору.

— Очень хорошо, — сказал Файр, готовясь к худшему.

Он отправил багаж в космопорт и явился в портовую контору, ожидая, что его подвергнут последнему, самому интенсивному допросу.

Свекры полностью разочаровали его. Его отвели в стручок, где помощник коменданта сказал ему в заключение его пребывания на Иззооме:

— Файр-сайах, на протяжении последних недель вы чувствовали нашу заинтересованность.

Файр выразил согласие.

— Я не могу вскрыть перед вами подоплеку происходящего, — сказал помощник, — но слежка была вызвана соображениями вашей безопасности.

— Моей безопасности?

— Мы подозреваем, что вы находитесь в опасности.

— В опасности? Восхитительно!

— Отнюдь. Совсем наоборот. В тот вечер, когда давали концерт, мы извлекли отравленный шип из вашего кресла. Или другой случай: пока вы пили на террасе, вам в кубок добавили яд.

От изумления челюсть Файра отвисла. Где-то кем-то была допущена чудовищная ошибка.

— Вы в этом уверены? Это невероятно!

Исциоккх, развлекаясь, сузил глаза до щелочек двойных амбразур:

— Вспомните правила, связанные с прибытием на Иззоом. Они позволяют нам держать под запретом все оружие. Яд — другое дело. Щепотку пыли можно заразить миллионом вирусов и спрятать без всякого труда. Далее. Любой приезжий, замысливший убийство, может воспользоваться удавкой или ядом. Бдительность свекров предупреждает акты физического насилия, поэтому тревожить нас может только яд. Каковы способы и вспомогательные средства? Еда, питье, инъекции. Классифицируя подобные способы и приспособления, мы всегда можем найти

нужный раздел и прочитать: «Отравленный шип, заноза или зазубрина, предназначенные для прокола бедра или ягодицы посредством вертикального давления силы тяжести». Следовательно, в нашу слежку неизбежно входит проверка мест, на которых вы любите сидеть.

— Понятно, — сказал Файр сдавленным голосом.

— Отравляющее вещество у вас в питье мы обнаружили с помощью реагента, который темнеет в случае любого изменения первоначального раствора. Когда помутнел один из бокалов скотча с содовой, мы его заменили.

— Это крайне непонятно. Кому понадобилось меня травить? Чего ради тратить силы, время и средства?

— К сожалению, я не имею права сообщить вам какие бы то ни было подробности. Мне позволено сообщить вам только предупреждение.

— Вам позволено или поручено передать мне предупреждение, но против чего вы меня предупреждаете?

— Вдаваться в подробности и обсуждать детали я не буду, поскольку они не окажут никакой пользы для вашей безопасности.

— Почему именно я? Это несправедливо, я ничего не сделал для того, чтобы начинать преследование!

Покачивая лорнетом и с легкой усмешкой, помощник коменданта возразил:

— За то время, что существует Вселенная, не наберется и часа, когда преобладала бы полная справедливость. А время существования Вселенной исчисляется огромным сроком в восемь биллионов лет, и из них последние два биллиона вселенная производит разумную жизнь. Случайность? Вряд ли! Вполне возможно, во всяком случае, трудно это отрицать, что-то в состоянии ваших личных дел согласуется с происходящими событиями.

— То есть, вы хотите сказать, что теперь...

— Если говорить коротко и не вдаваясь в детали, то с этого момента вы должны быть, осторожны и внимательны, — я сказал бы, даже предельно осторожны и предельно внимательны. Немного паранойи тоже никогда не повредит. Прежде всего, не допускайте даже мысли о том, что что-то в вашей жизни происходит случайно. На вас обратила внимание соблазнительная представительница противоположного пола вашего вида? Что же, замечательно, но, повторяю, будьте осторожны, не позволяйте увлечь

себя в темные комнаты, не принимайте угощение из ее рук. Да, вот еще что: внимательно смотрите по сторонам и вообще старайтесь передвигаться бесшумно.

Переполненный сомнениями и все еще не доверяя исциоккху, Файр смотрел на него, не зная, что и думать обо всем этом.

— Дела, к сожалению, обстоят именно так, Файр-сайах,— продолжал тем временем помощник.— Если раньше у нас и были сомнения, то теперь мы знаем, мы чувствуем, что вы были всегда честны с нами.

Файр перестал окончательно понимать что-либо. Запутавшись окончательно в собственных ощущениях и рассуждениях, он покинул стручок, предполагая разобраться во всем позже... Вне всякого сомнения, что-то было не так... Дальше произошло то, чего никогда не случалось в истории Иззоома. Исциоккхи отменили проверки, чего не делали никогда и ни для кого.

Охваченный самыми противоречивыми чувствами, Файр совершенно автоматически перебрался на борт КК «Андрэ Саймак», так же автоматически прошел к себе и улегся на эластичную панель, служившую здесь койкой. Услышанное от свекра все еще не укладывалось у него в голове. Свекор предупредил его об угрожающей ему опасности.

Он, Файр, в опасности,— бред какой то. Смысла его обманывать он не видел, но мысль об опасности никак не укладывалась у него в голове. Эл никогда не представлял себя в роли героя или бесшабашного удалца. Но обвинить Файра в трусости — нет, такого никто не стал бы делать. Ни у него самого, ни у тех, кто его хорошо знал, не возникло бы сомнения: он не побоится вступить в бой с явными врагами. Но знать, что в любую минуту кто-то тебе неизвестный может лишить тебя жизни, и ты даже не можешь себе представить — кто, зачем и как... От таких мыслей желудок сводило судорогой и в нем начиналась суматоха. Можно было попробовать утешить себя мыслью, что помощник коменданта, возможно, ошибается. Возможно, что он решил воспользоваться таинственной угрозой, лишь для того, чтобы держать Файра как можно дальше от Иззоома.

Нужно было принимать какое-то решение. На всякий случай Эл решил тщательно обследовать каюту. Тща-

тельный обыск ничего не дал — ни таинственных механизмов, ни шпионских тайников он, конечно же, не обнаружил. Подумав немного, он сложил свои вещи таким образом, чтобы сразу же можно было заметить, если кто-то любопытный посетит его каюту. Малейшее изменение сразу бы стало ему заметно. Прodelав всю эту работу, Файр отодвинул ворсистую панель, заменяющую здесь дверь, выглянул и осмотрел коридор. Файр вышел и торопливо пошел по пустому коридору в сторону комнаты отдыха. Здесь пока тоже никого не было.

После недолгих поисков Элл обнаружил список пассажиров и тщательно его изучил. Всего на борту находилось двадцать восемь пассажиров, включая его самого. С некоторыми он был уже немного знаком: Эйндорвью, Джонни Раульф, Вульфред Виллерейнен и Оман Безхаад; прочие были ему неизвестны, а приблизительные транскрипции чужеродных форм языка — ничего для него не значили...

7

Как только «Андрэ Саймак» вышел в космическое пространство, капитан пришел в комнату отдыха, чтобы огласить, как полагается, список корабельных правил.

До этого времени Файр не мог увидеть своих спутников. Кроме него здесь находились девять землян, семеро исциоккхов, трое коммерсантов с планеты Моннаго, трое монахов с Кайдайна, совершавших ритуальное паломничество по планетам, и еще трое пассажиров с различных миров. Пассажиры, — большинство из них, по крайней мере, — прибыли на Иззоом на «Андрэ Саймаке» и на нем же предпочли вернуться. Все исциоккхи были наряжены в золотые и черные ленты, что говорило о них как о плантаторах-агентах и о людях высокопоставленных и строгих, причем занимающих примерно одинаковое положение в таблице о рангах. Исключение составлял лишь Оман Безхаад. Файр предположил, что по меньшей мере двое из них — свекры. Группа землян состояла из двух словоохотливых, юных студентов, сидящих санитарных инженеров, возвращающихся на Землю, супругов Эйндорвью, Раульфы и Виллерейнена, а также Картес и Моддел Клевски, молодой супружеской пары, путешествующей для собственного удовольствия.

Изучая присутствующих, Файр пытался каждого представить в роли потенциального убийцы. Естественно, из этого ничего не вышло, он только окончательно запутался. Все пассажиры корабля, попав на него, автоматически становились для него объектом подозрений. Во-первых, конечно же, кайдайнские монахи и, вне всякого сомнения, торговцы с Моннаго. Казалось, не было никаких причин подозревать землян и исциоккхов, — ну какой смысл им было причинять ему вред? Файр рассеянно почесал голову и с огорчением обнаружил, что шрам, оставшийся на коже от падения в полость корня на Тайнерри, никуда не исчез.

Путешествие было скучным, — одинаковые часы прерывались лишь трапезами и периодами сна, которые каждый пассажир мог устраивать по собственному желанию. Чтобы избавиться от скуки, а может быть потому, что скука не давала думать ни о чем другом, Файр затеял невинный флирт с миссис Эйндорвью. Муж ее был погружен в написание многотомного доклада об условиях миссии на Дета Куури, что на планете Мазеи, и появлялся только во время еды, оставляя миссис Эйндорвью большую часть времени на попечение самой себя и Файра. Это была очаровательная женщина с чувственным ртом и провоцирующей полуулыбкой. Усилия Файра не заходили далее игры ума, теплоты в голосе, многозначительного взгляда или завуалированной насмешки. Он был весьма удивлен, когда миссис Эйндорвью (он не запомнил ее первого имени) однажды вечером явилась в его каюту с улыбкой пугливой и безрассудной.

— Можно войти?

— Вы уже вошли.

Миссис Эйндорвью медленно кивнула и задвинула за собой панель. Файр вдруг обнаружил, что она гораздо милее, чем он позволил себе заметить, и что она использует духи непреодолимой сладости: алоэ, каддамаш, лимон.

Она села рядом.

— Я так скучаю! — сказала она. — Ночь за ночью Меррит пишет и думает только о своем бюджете. А я — я люблю веселье!

Вряд ли она смогла бы сформулировать свое предложение более откровенно. Файр прикинул так и сяк, затем кашлянул. Миссис Эйндорвью, слегка покраснев, смотрела на него.

Раздался стук в дверь. Файр вскочил на ноги, словно уже был виновен. Он отодвинул панель. Снаружи ждал Оман Безхаад.

— Файр-сайах, можно вас на секунду? Я понимаю, что сейчас не самое удобное время...

— Да,— сказал Файр.— Как раз сейчас я занят.

— Дело безотлагательное.

Файр повернулся к женщине:

— Одну минутку. Я сейчас вернусь.

— Поторопитесь! — она выглядела очень нервной.

Файр с удивлением поглядел на нее, открыл было рот, чтобы заговорить...

— Ш-ш-ш! — предостерегла она.

Он пожал плечами и вышел.

— В чем дело? — спросил он Омана Безхаада.

— Файр-сайах, вы хотите сохранить жизнь?

— И даже очень...

— Пригласите меня в каюту,— попросил Оман Безхаад и сделал шаг вперед.

— Это едва ли возможно,— ответил Файр.— И вообще...

— Вы поняли меня или нет? — серьезно спросил иски-оккх.

— Нет. Я хочу, но, видимо, не могу.

Оман Безхаад кивнул:

— Галантность следует отбросить. Давайте войдем в каюту. Времени у нас нет.

Отодвинув панель, он шагнул вперед.

Файр вошел следом, чувствуя себя очень глупо.

Миссис Эйндорвью вскочила.

— О! — воскликнула она, заливаясь краской.— Мистер Файр!..

Файр беспомощно развел руками. Миссис Эйндорвью попыталась выйти из каюты, но Оман Безхаад загородил ей путь. Он улыбнулся,— рот раскололся, обнажая серое небо и дугу острых зубов.

— Прошу вас, миссис Эйндорвью, не уходите. Ваша репутация в опасности.

— Я не могу терять времени,— резко ответила она.

Файр вдруг увидел, что она совсем не миловидна, что у нее помятое лицо, а глаза злые и себялюбивые.

— Прошу вас,— сказал Оман Безхаад,— не сейчас. Сядьте, если угодно.

Раздался нетерпеливый и требовательный стук в дверь. Затем голос, хриплый от бешенства, произнес, — нет, почти что прокричал:

— Откройте! Эй, вы там, открывайте!

— Конечно! — ответил Оман Безхаад.

Он широко распахнул дверь. В проеме стоял мистер Эйндорвью, сверкая щелками глаз. В руке он держал шато-аттер. Рука у него дрожала. Он увидел Омана Безхаада — и плечи его поникли, а челюсти лязгнули.

— Извините, что не приглашаю вас войти, — сказал Файр. — У нас слегка тесновато.

Эйндорвью возобновил атаку:

— Что здесь происходит?

Миссис Эйндорвью шагнула вперед, держась за перила.

— Ничего, — произнесла она сдавленным голосом. — Со всем ничего.

Она выбралась в коридор.

— Для вас здесь ничего нет, — небрежно сообщил Оман Безхаад в адрес Эйндорвью. — Вам бы лучше присоединиться к своей даме.

Эйндорвью медленно повернулся на каблуках и пошел.

Файр почувствовал слабость в коленях. Он не мог измерить глубину причин, не мог разобраться в водоворотах мотивов и целей. Он сел на койку, краснея при мысли, что его провели, как простака.

— Отличный способ вычеркнуть человека из жизни, — заметил Оман Безхаад. — По крайней мере, не противоречит земным установкам.

Файр быстро вскинул глаза, уловив в этом замечании сарказм.

— Что ж, вы спасли мою кожу — по меньшей мере, два или три квадратных фута...

— Пустяки, — Оман Безхаад поднялся и покачал несуществующим лорнетом.

— Для меня не пустяки. Я люблю свою кожу.

Исциоккх повернулся, чтобы идти.

— Постойте! Я хочу знать, что происходит!

— Все и так очевидно.

— Может, я беспробудный недотепа.

Исциоккх задумчиво посмотрел на него.

— Наверное, вы слишком близки к происходящему, чтобы увидеть картину целиком.

— Вы же свекор...

— Все иностранные агенты, — из Свекор-Центра.

— Ладно, но все-таки: что происходит и что вам от меня нужно, а заодно — что нужно от меня Эйндорвью?

— Они тщательно взвесили пользу и опасность, которую вы можете принести.

— Это совершенно фантастично!

Оман Безхаад сфокусировал на нем обе секции глаз и заговорил, размышляя:

— Каждая секунда бытия — новый мираж. Осознание ежесекундно ожидающих нас бесчисленных вариаций и возможностей — улицы в будущее. Мы идем по одной из них, но кто знает, куда приведут другие. Это вечное волшебство, таинственная неопределенность последующей секунды вкупе с минувшим моментом — и есть непрерывно разворачивающийся ковер развития.

— Да-да, — буркнул Файр. — Разумеется...

— Разум просто немеет перед чудом жизни, перед ее мощью и величием. — Оман Безхаад отвел, наконец, глаза. — По сравнению с ней происходящее сейчас имеет столь же большое значение, как один-единственный вздох.

— Вдыхать я буду, сколько захочу, — сказал Файр жестко. — Но умереть я могу лишь однажды, так что, видимо, практическая разница здесь все же есть. Очевидно, вы думаете так же, как и я, и признаю, что нахожусь у вас в долгу. Но — почему?

Оман Безхаад помахал отсутствующим лорнетом:

— Конечно, рациональность для исциоккхов совсем не та, что для землян. Тем не менее, мы подчиняемся некоторым инстинктам — таким, как благоговение перед жизнью и стремление помогать знакомым.

— Значит, ваш поступок не более чем дружеская услуга?

Оман Безхаад поклонился:

— Можно сказать и так. А теперь я пожелаю вам доброй ночи...

Он вышел из каюты.

Файр в оцепенении опустился на койку.

За несколько минут супруги Эйндорвью из добродушно-го миссионера и его привлекательной жены превратились в пару безжалостных убийц. Но почему? Почему?!

Файр в отуплении покачал головой. Помощник коменданта упоминал отравленный шип и отравленное питье.

Очевидно, на миссионере с супругой лежит ответственность и за это. Он гневно вскочил на ноги, подбежал к двери, отодвинул ее и посмотрел вдоль перил. Направо и налево уходили полосы серого стекла. Наверху такие же перила давали доступ к следующим каютам. Файр добрался до конца перил и через арку заглянул в комнату отдыха. Двое исциококхов и двое молодых туристов — санитарных инженеров — играли в покер. Исциококх одной парой сегментов смотрел в карты, другой — на противников. Он выигрывал.

Файр вернулся и поднялся по трапу на верхнюю палубу.

Тишина здесь нарушалась лишь обычной жизнью механизмов вентиляции. И еще неразборчиво болтали в комнате отдыха пассажиры.

Файр подошел к двери с табличкой «Меррит и Антея Эйндорвью». Он подождал, прислушиваясь, но ничего не услышал — ни звуков, ни голосов. Тогда он поднял руку, чтобы постучать, но задержал ее. Он вспомнил объяснение жизни Оманом Безхаадом — бесконечность улиц в будущее... Он мог постучать, и он мог вернуться к себе в каюту.

Он постучал.

Никто не ответил. Файр оглянулся. Он все еще мог вернуться...

Решившись, Файр попробовал открыть дверь. Она поддалась. В комнате было темно. Файр нацупал выключатель, свет залил комнату. Меррит Эйндорвью неподвижно сидел в кресле и глядел на него бесстрастными глазами.

Файр увидел, что он мертв. Антея Эйндорвью лежала на нижней койке, расслабленная и совершенно спокойная.

Файр не стал ее рассматривать ближе, но было и так понятно, что она тоже мертва. Шатоаттер, поставленный на низкий уровень вибрации, гомогенизировал их мозг, — их мысли и память превратились в коричневую массу, а улицы в будущее, которое они выбрали, рухнули в небытие. Файр не двигался. Он пытался восстановить свое дыхание, зная, что беда уже случилась.

Потом он вышел и затворил за собой дверь. Стюардесса, видимо, обнаружит трупы.

Некоторое время он стоял и размышлял с растущим беспокойством. Он мог оказаться в центре подозрений. Этот нелепый и безобидный флирт с Антеей Эйндорвью, возможно, стал уже достоянием гласности. Его присутствие

в каюте можно установить: на всех предметах в комнате должна остаться пленка от его дыхания, и, если никто из пассажиров на борту не обладает такой же группой дыхания, все станет ясно.

Файр решил. Он вышел из каюты и прошел через комнату отдыха. Никто на него не смотрел. Он поднялся по трапу мостика и постучал в дверь каюты капитана.

Капитан Дорристи отодвинул панель. Это был приземистый молчаливый мужчина с косящими черными глазами. За его спиной стоял Оман Безхаад. Файр заметил, что мускулы щек у иждиоккха напряглись, а рука сделала движение, словно покрутила несуществующий лорнет вокруг своей оси.

Внезапно Файр почувствовал облегчение. Он увернулся от удара, который Оман Безхаад старался ему нанести.

— Двое пассажиров мертвы. Это супруги Эйндорвью.

— Интересно, — сказал капитан. — Входите.

Файр шагнул в дверь. Оман Безхаад упорно отводил взгляд в сторону.

— Безхаад утверждает, что вы убили Эйндорвью, — мягко сказал Дорристи.

Файр обернулся и взглянул на иждиоккха:

— Возможно, он самый искусный лжец на корабле. Он сам это сделал.

Дорристи ухмыльнулся, посмотрев на одного и на другого.

— Он говорит, что вы всерьез решили приударить за женщиной.

— Это было лишь вежливое внимание. Путешествие было скучным... до сегодняшнего дня.

Дорристи взглянул на иждиоккха:

— Что скажете, Оман Безхаад?

Иждиоккх все так же вертел несуществующий лорнет.

— Что-то иное, не вежливость, привело миссис Эйндорвью в каюту Файра.

— Что-то иное, не альтруизм, заставило Омана Безхаада прийти в мою каюту и не дать Эйндорвью меня убить, — перебил его Файр.

Оман Безхаад выразил удивление:

— Я ничего не знаю о вашей связи.

Файр вспыхнул от гнева и повернулся к капитану:

— Вы ему верите?

Дорристи угрюмо улыбнулся:

— Я не верю никому.

— Вот что произошло. В это трудно поверить, но это правда...

Файр рассказал свою историю.

— ...когда Безхаад вышел, я задумался. Я старался докопаться до сути тем или иным путем. Я пришел в каюту Эйндорвью, открыл дверь и увидел, что они мертвы. После чего сразу же пришел к вам.

Дорристи ничего не сказал, но теперь он рассматривал Омана Безхаада пристальнее, чем Файра. Наконец он пожал плечами:

— Я опечатаю комнату. И...

У Омана Безхаада помутнели нижние части глаз. Он сделал движение, будто бы небрежно покачал отсутствующим лорнетом.

— Я слышал рассказ Файра, — сказал он. — Он убедил меня в своей искренности. Думаю, что я ошибся. Непохоже, чтобы Файр-сайах был способен совершить подобное преступление. Приношу свои извинения.

Он вышел из каюты. Файр с триумфом глядел ему вслед.

Дорристи взглянул на Файра:

— Выходит, вы их не убивали?

— Разумеется, нет! — оскорбился Файр.

— Тогда кто?

— Полагаю, что кто-то из исциококхов. А почему — не имею ни малейшего понятия.

Дорристи кивнул, затем грубовато заговорил, не разжимая губ:

— Ладно, разберемся, когда сядем в Баристоу. — Он искоса взглянул на Файра. — Я буду вам благодарен, если вы поменьше будете об этом говорить. Ни с кем этого не обсуждайте.

— Я и не собирался, — коротко ответил Файр.

Тела сфотографировали и отправили на холодное хранение. Каюту опечатали. Корабль гудел сплетнями, и Файр обнаружил, что случай с Эйндорвью не так-то просто сохранить в тайне.

Земля росла, приближаясь. Особых опасений Файр не испытывал, но беспокойство и ощущение таинственности оставалось. Почему Эйндорвью не кому-нибудь, а именно ему устраивали ловушки? Будет ли и на Земле сохранять-

ся опасность? Он начинал злиться. Эти интриги — не его дело. Он не желал в них участвовать. Но неприятное убеждение кричало из подсознания: он вовлечен, как бы стойко он ни отрицал эту мысль!

У него хватало работы: занятия, тезисы, подготовка сте-рео, которое он надеялся продать одной из широкове-щательных сетей. Но оставалась странная безотлагательная потребность, — что-то следовало сделать. Это тревожило Файра, вносило в его душу неудовлетворенность. Словно в мозгу, где-то глубоко, оставалась неясная зазубрина. Это не было связано с Эйндорвью, с их убийством, не было связано с происходящим. Что-то следовало сделать, о чем он забыл... или не знал никогда?

Оман Безхаад заговорил с ним лишь однажды, подойдя к комнате отдыха:

— Вы должны знать, что находитесь лицом к лицу с угрозой. На Земле я буду лишен возможности вам помочь.

Негодование Файра еще не прошло:

— На Земле вы, возможно, понесете наказание за убийство.

— Нет, Элл Файр-сайах, мою причастность не докажут.

Файр взгляделся в бледное узкое лицо. Исциоккх и землянин, имея различное происхождение, после эволюции подошли к одному гуманоидному если не виду, то, по крайней мере, приближению к «обезьяноподобной амфибии». Но между двумя расами никогда не существовало контакта или симпатии.

Файр с любопытством спросил:

— Вы их не убивали?

— Разумеется, человеку с интеллектом Эллы Файра нет необходимости повторять очевидные факты.

— Давайте остановимся на вероятности того, что я глуп, непроходимо и необъяснимо глуп. Не старайтесь уберечь меня от разочарования по поводу моей ограниченности. Повторяйте вновь и вновь, а если возникнет необходимость, то затрудните себя, пожалуйста, еще одним объяснением. Ответьте мне на мой вопрос. Вы их убили?

— Вы поступаете не как добрый человек, это очень, очень негуманно — требовать у меня ответ на этот вопрос!

— Могу понять ваше состояние; прекрасно, не отвечайте на этот вопрос, но тогда дайте ответ на другой вопрос! Вы прекрасно знаете, что я этого не делал. Тогда сделайте

милость, объясните, — зачем вы пытались свалить это убийство на меня? Что я вам сделал плохого? Что вы имеете против меня?

Тонкий рот Омана Безхаада растянулся в некое подобие улыбки:

— Можете мне поверить, ничего против вас я не имею, совершенно ничего. Более того, поспешу вас успокоить: преступление, если оно было совершено, никогда бы не приписали вам. Следствие доказало бы вашу невиновность в два или три дня, и при этом вывело бы на поверхность еще кое-какие факты и детали. Вам было абсолютно не о чем беспокоиться.

— В таком случае, объясните, почему вы сняли свои обвинения?

— Думаю, это легко сделать. Конечно же, я не совершенен и далек от непогрешимости. Проанализировав ситуацию, я увидел, что сделал ошибку.

На Файра непреодолимой волной накатился гнев.

— Зачем вы постоянно говорите намеками и недомолвками? Если вы имеете какие-либо претензии, почему бы вам не высказать их сразу, прямо и открыто. У вас есть что сказать?

— Файр-сайах сам говорит за меня. Мне ничего не известно и нечего сказать. Сообщение, которое я должен был сделать, я сделал. Файр-сайах не должен ожидать, что я буду кризить душой.

Файр кивнул и ухмыльнулся:

— Должен вас предупредить: если у меня появится хоть малейшая возможность сорвать вам игру, видит бог, я это сделаю, и сделаю с превеликим удовольствием! Уж это я могу вам обещать!

8

Файр с каждым часом становился все ближе и ближе к Земле, все ближе и ближе к дому. Солнце его родного мира становилось все ярче.

Вполне понятное волнение нарастало, и Элл никак не мог заснуть. Все, что пришлось ему пережить за эту поездку, привело не только к физическому, но и к психическому недомоганию. Негодование, замешательство, беспокойство... кроме того, как будто бы этого всего было мало,

в желудке образовался кисло-сладкий ком... Да еще этот шрам! На нем всегда все заживало как на собаке, но шрам, полученный на Иззооме, никак не хотел заживать, он постоянно болел и чесался. Эл опасался, что при падении и ударе не только была рассечена кожа, но что в рану попала инфекция.

Он был чрезвычайно встревожен этими предположениями, и его воображение рисовало страшные картины последствий. Выпадение волос, приобретение кожей молочно-белого оттенка, как у исциоккхов... Кто знает, какие еще могут быть последствия? Беспокоила также таинственная неудовлетворенность, которая появилась однажды и с тех пор не исчезала. Он никак не мог понять природу этого беспокойства. Тщетно он рылся в памяти, просматривая ее день за днем, месяц за месяцем, стараясь проанализировать ситуацию. Анализировал, стараясь выделять, обобщать и проверять, — но усилия не увенчались успехом, все было тщетно. Он скомкал все проблемы и бумаги в один гневный комок и отшвырнул его, разуверившись в том, что сможет, по крайней мере сейчас, разобраться в этой странной истории.

Но наконец, после самого долгого, самого изводящего из путешествий, которые совершал Файр, КК «Андрэ Саймак» вошел в Солнечную систему...

Солнце, Земля, Луна. Архипелаг ярких круглых островов после долгого пути в темном море. Солнце проплыло по одну сторону корабля, Луна проскользнула по другую. По курсу раскинулась Земля, серая, зеленая, желтовато-коричневая, белая, в облаках и ветрах, в закате и льдах, сквозняках и пыли. Земля: пуп Вселенной, склад, конечная станция, расчетная палата, куда представители внешних рас прибывают как провинциалы.

Стояла ночь, когда КК «Андрэ Саймак» коснулся Земли. Сквозь дрожь доносились невнятные звуки: баритон, бас и неизвестные человеческому уху голоса генераторов.

Пассажиры ожидали в салоне. Среди них, как выбитые зубы в челюсти, были пустые места семьи Эйндорвью. Каждый из пассажиров, неподвижно сидящих в креслах или стоявших у стены, был напряжен до предела.

Насосы, задыхаясь, нагнетали забортный воздух. В иллюминаторах светились фонари. Входной люк, лязгнув, открылся; послышался шепот голосов, и капитан Дорри-

сти впустил высокого человека с резкими интеллигентными чертами, подстриженными волосами и темно-коричневой кожей.

— Это инспектор-детектив Кирди из специальной бригады, — сказал Дорристи. — Он будет расследовать смерть мистера и миссис Эйндорвью. Прошу оказать ему помощь. От этого зависит, насколько быстро мы освободимся.

Никто не заговорил. С одной стороны, словно ледяные статуи, стояли исциоккхи. Из уважения к земным нарядам они были одеты в брюки и накидки. В выражении их лиц читалось подозрение и недоверие. Чувствовалось, что даже здесь, на Земле, они намерены хранить свои секреты.

Трое младших по званию детективов вошли в комнату и огляделись. Напряжение возросло.

Инспектор Кирди заговорил приятным голосом:

— Я постараюсь вас не затруднить. Я бы хотел поговорить с мистером Оманом Безхаадом.

Оман Безхаад изучал Кирди через зрительный прибор, который на этот раз у него оказался с собой, но, видимо, правое плечо детектива Кирди не содержало полезных сведений, — он никогда прежде не посещал Иззоом и вообще не путешествовал дальше Луны.

Оман Безхаад сделал шаг вперед:

— Я — Оман Безхаад.

Кирди пригласил его в каюту капитана. Прошло десять минут. В дверях появился помощник:

— Мистер Элл Файр.

Файр встал и последовал за помощником.

Кирди и Оман Безхаад сидели друг против друга. Они были совершенно непохожи: один бледный, с обликом аскета, с орлиным профилем; другой — темный, темпераментный, открытый.

Кирди обратился к Файру:

— Я хотел бы, чтобы вы выслушали рассказ мистера Безхаада и сказали мне, что вы об этом думаете. — Он повернулся к исциоккху: — Не будете ли вы так добры повторить свой рассказ?

— По существу, — начал Оман Безхаад, — ситуация такая: еще до вылета с Джесциано у меня были основания подозревать, что Эйндорвью замыслили причинить вред Файру-сайаху. Этими подозрениями я поделился с друзьями.

— С остальными джентльменами с Иззоома? — спросил Кирди.

— Совершенно верно. С их помощью я установил в каюте Эйндорвью следящую систему. Мои опасения подтвердились. Они вернулись в каюту и были убиты. Находясь у себя, я оказался свидетелем происходящего. Разумеется, Файр-сайах не имеет к этому никакого отношения. Он был и есть абсолютно невиновен.

Все внимательно рассматривали Файра. Он нахмурился: неужели он оказался столь простодушен и непроницателен?

Оман Безхаад вновь обратил секции глаз на Кирди.

— Файр, как я сказал, невиновен. Но я счел разумным оградить его от дальнейшей опасности и поэтому ложно обвинил его. Разумеется, Файр-сайах все отрицал. Мои обвинения не вызвали доверия у капитана Дорристи, и я от них отказался.

Кирди повернулся к Файру:

— Вы продолжаете верить, что Оман Безхаад — убийца? Файр процедил сквозь зубы:

— Нет. Его история до такой степени фантастична, что я в нее верю. — Он посмотрел на Омана Безхаада. — Почему вы не договариваете? Вы сказали, что все видели. Кто убийца?

Оман Безхаад вертел в руках зрительный прибор.

— Я знаком с вашими процессуальными уголовными законами. Мои обвинения не обладают достаточным весом. Авторитеты потребуют решающих улик. Такие улики существуют. Когда вы их обнаружите, мое заявление станет ненужным и, в лучшем случае, окажет косвенную помощь.

Кирди обернулся к помощнику:

— Мазки кожи, образцы дыхания и пота у всех пассажиров...

Когда образцы были собраны, Кирди вышел на середину салона и заявил:

— Я буду допрашивать каждого отдельно. Тем пассажирам, которые согласятся давать показания с помощью энцефалоскопа, разумеется, будет больше доверия. Напоминаю, что энцефалоскоп не может помочь доказать вину — он может лишь подтверждать невиновность. Самое худшее, что он может сделать, — не сумеет оградить

вас от подозрений. Напоминаю, что многие считают отказ от энцефалоскопа не только своим правом, но и моральной обязанностью. Учтите: те, кто пройдет верификацию с помощью инструмента, не должны опасаться предвзятости...

Допрос длился два часа. Вначале ему подверглись искиоккхи. Они по одному покидали салон и возвращались с одинаковым выражением терпеливого спокойствия. Затем были допрошены кайдайниане, постом моннагиане, затем все прочие внеземляне. Наконец пришла очередь Файра.

Кирди указал на энцефалоскоп:

— Воспользоваться инструментом выгоднее, прежде всего вам.

— Нет, — сказал Файр с горькой иронией. — Я терпеть не могу разных приспособлений. Можете принимать или не принимать на веру мои показания, как хотите.

Кирди вежливо кивнул:

— Очень хорошо, мистер Файр. — Он сверился с записями. — Вы впервые встретили Эйндорвью в Джесциано, на Иззооме?

— Да...

Файр описал обстоятельства.

— Вы никогда не видели их прежде?

— Никогда.

— Насколько мне известно, во время визита на Иззоом вы были свидетелем налета?

Файр рассказал об этом случае и о своих дальнейших приключениях. Кирди задал один-два вопроса, затем позволил Файру вернуться в салон.

Один за другим были допрошены оставшиеся земляне: Раульф и Виллерейнен, Клевски, юные студенты. Остался лишь Пол Бенгстон, седовласый санитарный инженер. Кирди проводил студентов в салон.

— Итак, — сказал он, — энцефалоскоп и другие методы позволили снять подозрения со всех допрашиваемых. Очень существенно, что ни у одного из пассажиров, с которыми я беседовал, компоненты дыхания не совпадают со снятыми с браслета миссис Эйндорвью.

Все в комнате заволновались. Взоры устремились на Пола Бенгстона, к лицу которого то прилиwała, то отлиwała кровь.

— Не пройдете ли вы со мной, сэр?

Тот поднялся, сделал несколько шагов вперед, оглянулся направо и налево, затем двинулся по коридору вслед за Кирди в каюту капитана.

Прошло пять минут. Затем появился помощник инспектора:

— Мы приносим извинения, что заставили вас ждать. Можете высаживаться.

Комната отдыха моментально наполнилась гулом. Все засуетились, забегали. Посреди всеобщего бедлама и суматохи Файр сидел неподвижно. Что-то угнетало его изнутри — гнев разочарование унижение?.. Это нарастало и, наконец, выплеснулось, наполнив разум яростью. Файр вскочил, пробежал через комнату и поднялся по ступенькам к каюте капитана.

Помощник Кирди остановил его:

— Извините, мистер Файр. Я думаю, вам лучше не вмешиваться.

— Мне плевать, что вы думаете, — огрызнулся Файр.

Он надавил на дверь. Та была заперта. Он стал стучать. Капитан Дорристи отодвинул ее на фут и высунул квадратное лицо:

— Ну? В чем дело?

Файр уперся ладонью в подбородок капитана и толкнул его в каюту. Затем распахнул дверь и вошел сам. Дорристи замахнулся, чтобы нанести удар, и Файр был рад: это давало повод бить в ответ, крушить, калечить. Но один из помощников встал между ними.

Кирди стоял, глядя прямо на стоящего неподвижно Пола Бенгстона. Он повернул голову:

— Да, мистер Файр?

Дорристи, с красным от негодования лицом, вышел из каюты, что-то невнятно бормоча себе под нос.

— Этот человек — преступник? — спросил Файр.

Кирди кивнул:

— Улики очевидны.

Файр взглянул на Бенгстона. Лицо Бенгстона стало неясным, оплыло и, казалось, изменилось. Как при комбинированной съемке: искренность, добродушный юмор сменились жестокостью и бессердечностью. Файр удивился, как он мог так обмануться. Пол Бенгстон встретился глазами с его неприязненным взглядом.

— Почему? — поинтересовался Файр. — Почему это случилось?

Бенгстон не ответил.

— Я хочу знать, — настаивал Файр. — Почему?

Молчание.

Файр смирил гордыню.

— Почему? — тихо спросил он. — Вы не хотите отвечать?

Пол Бенгстон пожал плечами и глуповато рассмеялся.

Файр стал умолять:

— Это что-нибудь, о чем я знаю? Что-нибудь, что я видел? Что-нибудь мое?

Бенгстон зашелся в истерическом хохоте, от которого слезы брызнули из его глаз, он сдавленно прохрипел, размазывая их по щекам:

— Заткнись! Что ты в этом понимаешь? Мне... ха-ха-ха! Мне просто не нравится, как причесаны твои волосы! Только и всего.

— Все мои попытки не увенчались успехом! Я ничего не смог от него добиться. Только этот бред и больше ничего, — пробурчал Кирди, с самым мрачным выражением на лице.

— Я ничего не понимаю! Какие у Эйндорвью были мотивы, причины? Почему моя смерть стала главной целью его жизни? — жалобно спрашивал Элл, потрясенный до глубины души. — Что его могло заставить так желать моей смерти?

— Мне пока нечего вам сказать. Поверьте, если мне что-то станет известно, я ни секунды не стану скрывать это от вас. Где я смогу вас найти?

Файр задумался. Как ему жить дальше, что предпринять в ближайшее время? Единственный выход — ждать. Спокойно воспринимать все, что может случиться, и реагировать по ситуации. Всему свое время.

— В ближайшее время я думаю остановиться в Лос-Анжелесе. Сниму номер в отеле. Думаю, это будет «Император», а там видно будет...

— Глупее трудно было придумать! — сквозь приступы хохота и всхлипывания простонал Бенгстон. Кто бы мог подумать!..

Файр, которому уже порядком надоели эти стоны и насмешки, сделал полшага к Бенгстону. Вид его выдавал вполне определенные намерения.

— Напоминаю вам, мистер Файр, что мистер Бенгстон находится под моей защитой до выяснения всех подробностей и передачи его властям! — вынужден был предупредить Элла Кирди. — Приберегите эмоции для другого случая.

Сделав над собой усилие, Файр отвернулся.

— Обо всем, что мне станет известно, я сообщу вам в свое время, — повторил еще раз Кирди.

Собравшись с силами и немного уняв свои эмоции, Файр наконец смог взглянуть на стоявшего в дверях Дорристи.

Тот ответил ему спокойной и доброжелательной улыбкой:

— Не произошло ничего такого, за что бы стоило извиняться, мистер Файр!

Все пассажиры уже покинули корабль, когда Файр, наконец, оказался в комнате отдыха. Для них жизнь шла своим чередом, и они проходили через иммиграционную службу, готовясь вступить, наконец, кто на родную, а кто на неведомую землю. Комната отдыха вдруг показалась Эллу такой огромной, чужой и агрессивной, что его охватил испуг, граничащий с приступом клаустрофобии. Файр заторопился вслед за ними, — похоже, последние потрясения оказались для него чрезмерными. Огромный, величественный корабль, покоритель космических просторов, «Андрэ Саймак» неожиданно превратился для него в клетку, в гроб, жуткий и тесный, ему перестало хватать воздуха. Файр не хотел, — да нет, у него просто не было больше сил оставаться здесь. Больше всего на свете ему хотелось вырваться из душного уюта корабля и попасть как можно скорее на твердую землю. Ощутить, наконец, всем своим существом, что он дома! Почувствовать под ногами родную Землю.

9

Вышедшего на верхнюю площадку Файра приветствовало наступившее уже утро. Утро — как это было прекрасно! Порыв ветра налетел и принес с собой родные запахи шалфея и пустырника. Легкое дуновение ветерка, как родниковая вода, не только смыла усталость и напряжение с лица, но и душу тоже освободило от тяжести. Файр машинально посмотрел вверх, разыскивая Кси Ауругью. Так-так, и где у нас Капелла? Все просто замечательно, все на своих местах, а вот и самая яркая, — Кси Ауругью. Вок-

руг нее возвращается Иззоом. Эл легко спустился по трапу и ступил на долгожданную Землю. Теперь все позади... Внезапно в его голове вспыхнула, как на информационном табло, странная мысль-утверждение:

«Мне нужно непременно повидать, — думал он, как читал, — вне всякого сомнения, мне необходимо повидать Кая Пеннече. Я обязательно должен встретиться с этим человеком...»

«Не сейчас! Нет-нет, сначала в отель, первым делом в Император. Все остальное потом, завтра. Сначала... в ванну, налить сто галлонов горячей воды, погрузиться в море горячей, ароматной воды, повыше взбить душистую пену... Что еще? Да! Ночной полный, конечно же, сто галлонов скотча... Господи... и в постель!!!»

Вырывая Файра из сладостных грез и возвращая его на землю, подошел Оман Безхаад, как всегда подтянутый и отменно вежливый:

— Файр-сайах, было чрезвычайно приятно с вами познакомиться! — он склонился в вежливом поклоне. — Но позволю себе напомнить вам: будьте осторожны, настоятельно вам советую. Меня не оставляет уверенность в том, что вы по-прежнему в большой опасности.

Отвесив еще один поклон, Оман Безхаад отошел.

Больше всего Файру захотелось засмеяться ему вслед. Каким нелепым казалось ему это предостережение! Состояние легкой эйфории не покидало Элла. Он, беззаботно улыбаясь, проводил исцюрккха взглядом.

Файр быстро оформил все необходимые документы, на въезд. Распорядился отправить свой багаж в «Император» и, почувствовав себя освобожденным, легким шагом отправился дальше. Обогнув ряд гелимобилей, Файр привычно вошел под свод общественного туннеля. Как привычно все, как хорошо почувствовать себя дома.

Вот под ногами появился диск. Все было как всегда, — даже мысль о том, что вдруг да диск не появится, пришла, как всегда. Диск, как всегда, появился, вызвав как всегда, предварительно вибрацию в шахте. Вот диск медленно остановился, и Файр, заплатив за проезд на одноместной машине, сел, набрал код места назначения и привычно рывком заехал на удобном сидении.

Дальше все пошло уже не так прекрасно. Вернулись воспоминания о последних событиях, и он снова запутался

ся в них. Файр никак не мог разобраться с мыслями. В памяти оживали картины: районы космоса, Иззоом, Джесциано, многостручковое дерево-Дом; на борту «Юхайэй» он шел к атоллу Тайнерри, вновь испытывал ужас набега на поля Зайде Паатоозо, падение в комнату-темницу в корне дерева, заключение в паре с теойродом... жуткое посещение экспериментального островка Зайде Паатоозо... Картины сменяли одна другую, и они были отчетливы, хотя Иззоом лежал далеко, во многих световых годах отсюда.

Гудение машины убаюкивало, веки отяжелели, и он задремал.

На Земле ему мог помочь только один человек — Кей Пеннече. Земной агент по продаже Домов Иззоома; человек, которому Оман Безхаад вез плохие новости.

Машина вздрагивала, ревела и неслась по главному туннелю к океану. Дважды она разворачивалась в лабиринте местных туннелей, и наконец остановилась.

Дверца распахнулась, и служитель в форме помог ему выйти. Файр зарегистрировался в будке со стереозэкранами, лифт поднял его на двести футов к поверхности, затем еще пятьсот футов до этажа, на котором находилась его комната. Он оказался в длинном уютном зале, где преобладали оливково-зеленый, соломенный, красновато-коричневый и белый тона. Одна стена была из стекла, и отсюда открывался вид на Санта — Кеннику, холмы Беверли и океан. Файр довольно вздохнул. Дома Иззоома были замечательными во всех отношениях, но они никогда не могли заменить ему отель «Император».

Файр принял ванну, плавая в горячей воде, менявшей аромат, — вот теперь, например, приятно пахло глиной. Ритмично выбрасывались струи холодного душа, массируя ноги, спину, ребра, плечи. Он едва не заснул, но дно мягко поднялось, поворачиваясь вертикально, и поставило его на ноги. Потoki воздуха высушили кожу, лучи солнечной лампы придали ей приятный загар.

Он вышел из ванны. Нашел высокий сосуд скотча с содовой, — не сто галлонов, конечно, но вполне достаточно. Стоя в задумчивости у окна, Файр потягивал виски и наслаждался чувством крайней усталости.

Солнце взошло. Его свет, словно прилив, затопил огромные просторы города. Где-то там, где находился преж-

де сигнальный холм, а теперь размещался богатый район, жил Кей Пеннече. Файр вдруг почувствовал замешательство.

«Странно, — подумал он, — почему Пеннече должен представить мне решение всех проблем?»

Ладно, в этом он разберется, когда увидит этого человека.

Файр поляризовал окно, и свет в комнате погас. Он установил часы, чтобы встать в полдень, упал в кровать и заснул...

...Окно деполяризовалось, и свет дня залил комнату. Файр сел в кровати, поискал меню. Потом заказал кофе, грейпфрут, бекон и яйца, соскочил с кровати и подошел к окну. Величайший город мира простирался насколько хватало глаз. Белые шпили пронзали городскую дымку, и повсюду дрожала и вибрировала торговля и жизнь.

Стена вытолкнула стол с завтраком. Файр отвернулся от окна, уселся завтракать и смотреть новости по стереоэкрану. Через минуту он позабыл о своих заботах. За долгое время отсутствия он был лишен возможности следить за происходящим. События, которые год назад его не интересовали, теперь казались значительными. Он почувствовал упоение. Это было хорошо — находиться дома, на Земле.

Голос с экрана сказал:

— А теперь сообщение из открытого космоса. Только что стало известно, что на борту пакетбота «Андрэ Саймак» из серии «Красный мир» двое пассажиров, выдававших себя за миссионеров, возвращающихся со службы в созвездии Катрэм...

Файр смотрел, забыв о завтраке. Упоение исчезло безвозвратно.

Голос излагал суть происшествия. Экран смоделировал «Андрэ Саймака»: сначала внешний вид корабля, затем камера пробралась внутрь и направилась прямо к «каюте смерти». Как мил и непосредственен был комментатор! Каким второстепенным, незначительным выглядело событие в его изложении!

— ...обе жертвы и убийца принадлежали, как установлено, к преступной корпорации «Плохая погода». Очевидно, они посетили Иззоом, третью планету Кси Ауругью, с целью похитить женскую особь Дома...

Голос прервался. Появилось изображение супругов Эйндрью и Пола Бенгстона.

Файр выключил экран и убрал столик обратно в стену. Он встал и вновь подошел к окну взглянуть на город. Это было очень срочно. Нужно было встретиться с Кеем Пеннече.

Из стенного шкафа он извлек белье, бледно-голубой волокнистый костюм, новые сандалии. Одеваясь, он намечал, как проведет этот день. Прежде всего, конечно, Пеннече... Файр призадумался, застегивая сандалии. Что он должен сказать Пеннече? И вообще, какое отношение Кей Пеннече может иметь к его заботам? Что Кей Пеннече может сделать? Его монополия зависит от исциоккхов, — он вряд ли рискнет противодействовать им.

Файр вздохнул и отбросил раздражение вместе с размышлениями. Идти было нелогично, но наверняка совершенно правильно. Он был уверен в этом; он чувствовал это всем своим существом.

Он закончил одеваться, подошел к стереоэкрану и набрал номер офиса Кея Пеннече. Появилась эмблема Пеннече — обычный импортный Дом Иззоома, с вертикальными полосами стандартных букв: «Кей Пеннече — Дома». Файр не стал нажимать кнопку, которая включила бы его изображение на экране Кея Пеннече, — инстинктивно, на всякий случай.

Женский голос произнес:

— Предприятия Кея Пеннече.

— Это... — Файр помедлил и решил не называть имени. — Соедините меня с Кеем Пеннече.

— Кто говорит?

— Мое имя — тайна.

— Какое у вас дело?

— Тайна.

— Я соединяю вас с секретарем Кея Пеннече.

Появилось изображение секретаря. Это была молодая, томная, обаятельная женщина. Она взглянула на экран.

— Дайте, пожалуйста, свое изображение.

— Нет. Соедините меня с Кеем Пеннече. Я буду говорить непосредственно с ним.

— Боюсь, это невозможно. Совершенно противоречит правилам нашего учреждения.

— Сообщите мистеру Пеннече, что я только что приехал с Иззоома на борту «Андрэ Саймака».

Секретарь отвернулась и заговорила в микрофон. Через секунду ее лицо расплылось, и на экране появилось лицо

Кея Пеннече. Это было крупное, властное лицо. Выражение не было ни приятным, ни неприятным. В глубоких прямоугольных впадинах пылали глаза, бугры мускулов обрамляли рот, брови изгибались в сардонические дуги.

— Кто говорит? — спросил он.

Слова стали подниматься из глубины мозга, как пузыри со дна темной цистерны. Это были слова, которые он никогда не собирался произносить:

— Я прилетел с Иззоома. Я достал... — Файр слушал себя с изумлением, — ...я прилетел с Иззоома...

Он изо всех сил стиснул зубы. Звуки прорывались сквозь барьер.

— Кто это? Где вы?

Файр откинулся, выключил экран и бессильно рухнул в кресло. Что это было? Он ничего общего не имел с Пеннече. Он ничего не имел для Пеннече. «Ничего», естественно, означало женскую особь Дома. Файр, конечно же, мог быть наивным человеком, но не до такой же степени. У него не было ни дерева, ни саженца, ни побегов, ни семени, ни черенка...

Зачем ему было необходимо увидеть Пеннече? Пеннече не может помочь ему. Голос из другой части мозга говорил: «Пеннече известны все нити, он даст добрый совет». Ну что ж, вяло, подумал Файр, это вполне может оказаться так. Файр расслабился. Да, конечно, это могло быть его мотивом, но, с другой стороны, Пеннече — бизнесмен, зависящий от Иззоома. Если Файру и следовало к кому-нибудь обращаться, то лишь в полицию, в специальную бригаду.

Он сидел, почесывая подбородок. Конечно, ничего страшного не случится, если он повидает Кея Пеннече... и гора с плеч.

Файр вскочил с возмущением. Идти? Но это было бессмысленно! Зачем ему нужно видеть Пеннече? Хоть бы одну логичную причину... Причин не было вообще. Он принял окончательное решение: он ничего не сообщит никому, и не будет иметь с Пеннече ничего общего.

Он покинул комнату, прошел в главный коридор «Императора» и подошел к стойке, чтобы получить деньги по банковскому купону. Изображение отправили в банк; ждать было нужно всего лишь несколько секунд. Файр барабанил пальцами по углу стойки. Рядом с ним дородный мужчина

с лягушечьим лицом говорил с клерком. Мужчина хотел передать постояльцу сообщение, к чему клерк относился скептически. Клерк стоял за стеклянным бастионом; чопорный, привередливый, он качал головой, уверенный в своих силах, защищенный правилами и инструкциями. Он наслаждался.

— Если вы не знаете имени, то откуда вы знаете, что он в «Императоре»?

— Я знаю, что он здесь,— ответил мужчина.— Очень важно, чтобы он получил мое сообщение.

— Очень странно,— размышлял клерк.— Вы не знаете, как он выглядит, вы не знаете его имени... Вы легко можете передать свое сообщение не по адресу!

— Это мое дело!

Клерк с улыбкой покачал головой:

— Очевидно, все, что вы знаете,— это лишь то, что он прибыл в пять утра. В это время у нас остановилось несколько гостей.

Файр подсчитывал деньги. Беседа вторглась в его сознание. Он замер с раскрытым бумажником в руке.

— Этот человек прибыл из космоса. Он только что высадился с «Андрэ Саймака». Теперь вы понимаете, что я имею в виду?

Файр тихо отошел. Он совершенно ясно представлял, что случилось. Пеннече выяснил, откуда пришел вызов,— для него это было важно. Он послал человека в «Император», чтобы установить контакт. Из дальнего угла комнаты он наблюдал, как крупный мужчина в ярости отошел от стойки. Файр знал, что тот не остановится. Кто-нибудь из слуг или горничных информирует его за деньги.

Файр шагнул к двери и оглянулся. Женщина с невыразительной внешностью шла вслед за ним. Он встретился с ней взглядом, она отвела глаза. В походке ее случилась едва заметная заминка, но и без того подозрения Файра уже возросли до предела. Женщина быстро прошла мимо, ступила на ленту у выхода и, пройдя мимо парка с орхидеями около отеля, выехала на Бульвар Заката.

Файр направился следом, стараясь не потерять ее из виду в толпе. Он поравнялся с транспортным навесом и свернул налево — к стоянке гелитакси. Ближайший экипаж, стоявший под навесом, был пуст.

Файр вскочил и сказал наугад:

— Лагуна Бич.

Экипаж взлетел. Файр смотрел в иллюминатор. В сотне ярдов от них поднялся еще один экипаж.

— Сверни к Риверсайд,— велел Файр водителю.

Экипаж позади тоже повернул.

— Опусти меня здесь,— обратился Файр к водителю.

— Южные Ворота? — спросил водитель у Файра, подозревая, что у того не все дома.

«Южные Ворота. Не очень далеко от офиса Пеннече,— подумал Файр.— Совпадение.»

Экипаж опустился. Файр заметил, что преследователи отстали. Он не испытывал особых опасений: отделаться от «хвоста» — дело крайне простое, это может легко сделать даже ребенок, который смотрит стерео.

Белая стрелка указывала вход в подземку. Файр вошел в шахту. Диск подхватил его в мягко закачавшиеся объятия и, немного проехав, остановился. Подземку сделали будто специально для того, чтобы можно было избавиться от «хвоста». Он набрал место назначения и удобно уселся в кресле.

Машина разгонялась, гудела, тормозила, покачивалась. Наконец дверца открылась. Файр вылез и на лифте поднялся на поверхность.

Спустя минуту Файр замер. Что он делает? Это же Сигнальный Холм, когда-то утыканный нефтяными вышками, а теперь потерявшийся под валами экзотической зелени — десять миллионов деревьев и кустарников, окутавших особняки и дворцы.

Здесь были бассейны, и водопады, и тщательно ухоженные клумбы с цветами: алый гибискус, пламенно-желтый флажок, гортензии цвета сапфира. Висячие сады Вавилона были перед этим ничто, Бель-Эйр был помойкой, а Топанга — выскочкой.

Кей Пеннече в общей сложности владел двенадцатью акрами Сигнального Холма. Свои земли он расчистил, не обращая внимания на протесты и вежливые просьбы и побеждая на судебных процессах. Ныне Сигнальный Холм был переполнен Домами-деревьями с Иззоома: шестидесятью разновидностями четырех основных типов — тех, которые было позволено продавать.

Файр медленно брел вдоль тенистой аркады, которая прежде была Атлантик-Авеню. Интересно, подумал он,

что совпадение все же привело его сюда. Что ж, он ведь совсем рядом, и возможно, повидать Пеннече — неплохая идея...

«Нет!» — упрямо подумал Файр.

Он принял решение, и никакое иррациональное побуждение не заставит его передумать. Странное дело: невзирая на огромную величину Лос-Анжелеса, он оказался почти у дверей Кея Пеннече. Слишком странно, слишком... Видимо, тут сыграло свою роль подсознание.

Он оглянулся. Возможно, никто за ним не следил, но минуту или две он вглядывался в проходивших мимо людей: молодых и старых, всех форм, цветов и величин. По неуловимым признакам он выделил стройного человека в сером костюме: тот создавал странное впечатление. Файр изменил направление, бросился в лабиринт открытых магазинов и киосков под аркадой, подошел к кафетерия, утонувшему в тени пальмовых листьев, и спрятался за стеной зелени.

Прошла минута. Наконец появился человек в сером костюме: он спешил. Файр вышел и тяжелым, усталым взглядом уставился в холодное напояженное лицо.

— Не меня ли вы ищете, мистер?

— Чего ради? — сказал человек в сером костюме. — Я вас никогда в жизни не видел.

— Надеюсь, я вас тоже больше не увижу.

Файр направился к ближайшей шахте и сел в машину. Подумав минуту, он набрал Альтадену. Машина загудела, Файр постарался максимально комфортно разместиться на краешке сиденья. Как они сумели его выследить? В туннеле? Немыслимо.

На всякий случай он снял Альтадену и набрал Кэмоду.

Через пять минут он бесцельно брел по Бульвару Долины. Еще через пять минут он засек «хвост» — молодого рабочего с пустым лицом.

«Я сошел с ума? — спросил себя Файр. — Или у меня развилась мания преследования?..»

Он задал «тени» суровую задачу, обходя кварталы, словно искал какой-то конкретный дом. Молодой рабочий не отставал.

Файр зашел в ресторан и вызвал по стереоэкрану специальную бригаду. Он попросил, чтобы его соединили с детективом-инспектором Кирди.

Кирди вежливо приветствовал Файра. Он отрицал, что приставил к нему человека. Похоже, что инспектор заинтересовался.

— Подождите немного, — сказал он. — Я свяжусь с другими департаментами.

Прошли три или четыре минуты. Файр увидел, что близкий молодой человек вошел в ресторан, выбрал местечко так, чтобы занять самую незаметную позицию, и заказал кофе.

Кирди вернулся.

— Мы не имеем к этому отношения, — сообщил он. — Возможно, частное агентство...

Файр выглядел разочарованным.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Вам досаждают все это время?

— Нет.

— Мы ничего не можем сделать. Опуститесь в туннель, страхните его.

— Я спускался в туннель дважды, — они не отстают.

Кирди был в замешательстве:

— Надеюсь, они скажут мне, как этого добились. Мы, например, более не следим за подозреваемыми объектами: слишком уж легко нас смахивают.

— Я попытаюсь еще раз. А затем будет фейерверк...

Он вышел из ресторана.

Молодой человек допил кофе и вышел следом за ним.

Файр спустился в туннель. Он ждал, но молодой человек не появился. Это было уже слишком. Он вызвал машину и оглянулся вокруг. Молодого человека не было по-прежнему. Вообще никого не было поблизости. Файр сел и набрал Венноучер. Машина тронулась. Разумного способа, каким его могли выследить в туннелях, не существовало.

В Венноучере его «тенью» оказалась привлекательная молодая домохозяйка, якобы вышедшая за покупками.

Файр забрался в шахту и отправился на Лонг Бич. Там оказался стройный человек в сером костюме, который впервые привлек его внимание на Сигнальном Холме. Он был непробиваем и, когда Файр узнал его, безучастно пожал плечами, словно хотел сказать: «А чего ты ожидал?»

Сигнальный Холм опять оказался неподалеку, в каких-нибудь миле-двух. Может быть, это все же хорошая мысль, — в конце концов, заглянуть к Пеннече.

Нет!..

Файр зашел в кафе внутри аркады, сел на виду у «хвоста» и заказал сэндвич. Человек в опрятном сером костюме сел за столик неподалеку и запасся чаем со льдом. Файру очень захотелось выколотить правду из этой ухоженной физиономии. Не стоит — можно кончить тюрьмой. Кто устроил эту слежку? Пеннече? Файр сразу же отбросил эту мысль. Человек Пеннече появился в гостинице, когда он уходил, и ему тогда удалось уклониться от встречи.

Кто же тогда? Оман Безхаад?

Файр рассмеялся чистым, пронзительным смехом. Люди удивленно оглядывались. Человек в серой одежде бросил на него осторожный оценивающий взгляд. Файр продолжал сотрясаться от хохота, сбрасывая нервное напряжение. Ему стало понятно все и сразу. Как он не сообразил этого с самого начала? Ведь все было ясно и просто!

Он посмотрел на потолок аркады, представив себе небо над ним. Где-то там, в пяти или десяти милях, висел аэробот. В аэроботе сидел исценоккх с чувствительным зрительным прибором и радио. Куда бы ни направился Элл Файр, радиант в левом плече исправно посылал сигнал о его местоположении. В экране-лорнете Файр был так же отчетлив, как ходячий маяк.

Он подошел к стереоэкрану и вызвал Кирди.

Кирди был крайне удивлен:

— Я слышал об этом способе. Очевидно, он работает.

— Да, — сказал Файр, — работает. Как бы мне от них избавиться?

— Одну минуту. — Прошло пять минут. Кирди вернулся на экран. — Оставайтесь на месте, я пришлю к вам человека с сообщением.

Посыльный вскоре прибыл. Файр прошел в туалет и быстро перевязал плечо и грудь плетеной металлической тесьмой.

— Ну, а теперь, — зловеще сказал Файр, — теперь посмотрим...

Стройный человек в сером костюме беззаботно проводил его до туннеля. Файр набрал Санта-Монику.

На станции Суни-Авеню он вышел из туннеля на поверхность, прошел вперед по Бульвару Вильмир, назад, в направлении Беверли Хилл, и убедился, что он был один. Он использовал все уловки, которые знал. Никто не следил за ним. Он прошел в клуб «Единорог» — просторный,

пользующийся дурной репутацией салон с приятным старомодным запахом опилок, воска и пива. Там он подошел к стереозкрану и вызвал отель «Император». Да, для него было сообщение. Клерк быстро включил запись, и в следующую секунду Файр глядел в массивное сардоническое лицо Пеннече. Густой хриплый голос звучал примирительно: слова были тщательно подобраны и взвешены.

— Я хотел бы повидать вас при ближайшей возможности или удобном для вас случае, мистер Файр. Мы оба понимаем, что необходимо благоразумие. Я уверен, ваш визит принесет выгоду вам и мне — нам обоим. Я буду ждать вашего вызова...

Запись кончилась, появился клерк:

— Должен ли я стереть или зарегистрировать сообщение, мистер Файр?

— Стереть, — приказал Файр.

Он покинул кабину и направился в дальний конец бара. Бармен задал традиционный вопрос:

— Что тебе, брат?

— «Бена Штадбрау».

Бармен повернулся, крутанул номер на колесе, разрисованном виноградной лозой и пестром от этикеток. Сто двадцать положений колеса соответствовали ста двадцати бакам. Он поставил глиняную кружку, и в нее ударила струя темной жидкости. Бармен выжал грушу до конца и поставил кружку перед Файром.

Файр сделал большой глоток и расслабился. Потом потер лоб.

Он был в замешательстве. Происходило что-то очень странное. Пеннече выглядел достаточно благоразумным. «В конце концов, возможно, это неплохая идея», — снова пришло в голову Файра, и он вяло отбросил назойливую мысль. Удивительно, как много масок находит это побуждение. Трудно оградить себя от них. Прежде всего, нужно объявить для себя вето на любую деятельность, которая включает визит к Пеннече. Во избежание компромисса — оцепенение, контр-побуждение, которое наденет оковы на свободу подсознательной деятельности. Кутерьма. Как может человек думать ясно, если подсознательный толчок не отличается от сознательных чувств?!

Файр заказал еще пива. Бармен повиновался. Это был маленький коротышка со щеками-яблоками и тонкими уси-

ками. Файр вернулся к своим мыслям. Интересная психологическая проблема... при других обстоятельствах Файр занялся бы ею с удовольствием.

Он попытался хоть что-то объяснить себе:

«Что толку мне видеть Пеннече? Пеннече гонится за выгодой. И он уверен, что у меня есть то, что ему нужно... Это может быть только женская особь дерева...»

У Файра не было женской особи дерева. Следовательно, ему не было никакого смысла встречаться с Пеннече.

Но Файр не был удовлетворен. Он понимал, что все упрощает. Искиоккхи тоже замешаны в дело, и они тоже уверены, что у него есть женская особь Дома. Пока они следили за ним, их не интересовало, где он должен скрывать гипотетическую особь. Пеннече, естественно, не хочет, чтобы они это узнали. Если искиоккхи узнают, что Пеннече участвует в деле, первое, что они сделают, — разорвут договор. Или даже убьют его.

Кей Пеннече играет на высокие ставки. Во-первых, он смог бы выращивать собственные Дома. Они стоили бы ему долларов двадцать-тридцать, а продавал бы он их в любом количестве по две тысячи за штуку. Он бы стал богатейшим человеком во Вселенной.

Богатейшим человеком в истории Земли. Моголы древней Индии, магнаты викторианской эпохи, нефтяные бароны Пан-Евроазиатских синдикатов — в сравнении с ним они бы выглядели нищими!

Это было во-первых. Во-вторых, Пеннече, что вполне возможно, мог лишиться монополии. Файр вспомнил его лицо: хрящеватый нос, глаза, словно заключенные в стеклянные окошки в стенке доменной печи. Файр инстинктивно понял позицию Пеннече.

Это была интересная борьба. Пеннече, возможно, недоучел проницательность мозга искиоккхов, фанатическое усердие, с которым они защищают свое добро. Искиоккхи, в свою очередь, недооценили могучее богатство Пеннече и гениальность земных технологов. Древний парадокс: неистощимая сила и несокрушимый объект.

«И я, — подумал Файр, — я между ними. Если я не выскочу, меня, очень может быть, раздавят...»

Он задумчиво приложился к пивной кружке.

«Если бы я знал точно, что происходит! Если бы я знал, как ухитрился сюда впутаться, и если бы нашел способ

выскочить! Еще бы, — я обладаю такой силой! Или это лишь кажется?»

Файр опять потребовал пива. Внезапно он резко обернулся и оглядел бар. Никто не пришел, чтобы следить за ним. Файр взял кружку и отправился к столику в темном углу.

Ситуация (по крайней мере, вынужденная причастность к ней Файра) начала проявляться с момента набега теойродов на Тайнерри. Файр возбуждал подозрения исциоккхов, — они арестовали его. Он делил заключение с существом, потерявшим возможность отвечать здраво за свои поступки, теойродом. Но по полости корня исциоккхи пустили гипнотический газ. И наверняка изучили его вдоль и поперек: изнутри и снаружи, разум и тело. Если бы он был соучастником, они бы узнали это. Если бы он прятал при себе побеги или семя, они бы узнали это.

Что они сделали на самом деле? Его освободили, ему облегчили возвращение на Землю. Он был приманкой, живцом.

А на борту «Андрэ Саймака», — что это все значило? Предположим, что Эйндорвью были агентами Пеннече. Предположим, они поняли опасность, которую представляет Файр, и решили убить его. А как насчет Пола Бенгстона? Возможно, его функции заключались в том, что он шпионил за ними обоими. Он убил Эйндорвью, защищая интересы Пеннече, либо чтобы завладеть большим куском добычи. Он провалился. Теперь он под охраной специальной бригады.

Выстроившаяся картина была умозрительной, но приводила к логическому заключению: Кей Пеннече организовал налет на Тайнерри. Пеннече принадлежал металлический крот, который на глубине тысячи ста футов разрушила затем металлическая оса. Налет едва не увенчался успехом. У исциоккхов, должно быть, тряслись поджилки. Они теперь без передышки будут вылавливать организаторов налета. Несколько смертей не значат ничего. Деньги не значат ничего. Эл Файр не значит ничего...

Легкий холодок пробежал по спине. Блестящая перспектива, нечего сказать!

Очаровательная блондинка в сером наряде из блестящей кожи и рассыпанными по плечам волосами задержалась возле столика.

— Эй, Чарли! Ты что такой унылый? — Она упала в кресло рядом с ним.

Мысли Файра забрели на беспокойную территорию, а появление девушки его просто испугало. Он смотрел на нее, и ни единый мускул на его лице не шевелился. Прошло пять, затем десять секунд.

Она заставила себя рассмеяться и поежилась в кресле:

— Ты выглядишь так, словно таскаешь с собой в голове все беды мира.

Файр осторожно поставил пиво на стол.

— Пытаюсь выбрать лошадь... — сказал он.

— В такой духоте? — Воткнув в рот сигарету, она вытянула к нему губы. — Дай огоньку.

Файр зажег сигарету, рассматривая девушку из-под век, обдумывая каждую деталь ее внешности, стараясь поймать на фальши, на нетипичной реакции. Он не заметил, как она вошла, и он не видел, чтобы где-нибудь на столе остался ее недопитый бокал.

— Со мной можно разговаривать за выпивку, — беззаботно прощелкала она.

— А что будет после того, как я куплю тебе выпивку?

Она смотрела в сторону, избегая встретиться с ним глазами.

— Я думаю... я думаю, что это тебе решать.

Резким движением, сделав глоток, Файр еще более резким тоном осведомился у нее:

— Сколько?

Она покраснела, все еще глядя в противоположную стену бара, затем заволновалась:

— Я думаю, что ты ошибся. Я думаю, и я ошиблась... я думала, ты будешь так добр, — выставишь выпивку...

Файр весело спросил:

— Ты работаешь на бар? На должности?

— Конечно, — ответила она, чуть ли не агрессивно. — Это отличный способ провести вечер. Иногда встречаешь хорошего парня... Что у тебя с головой? — Она подалась вперед, вглядываясь. — Кто-нибудь стукнул?

— Если я расскажу тебе, где раздобыл этот шрам, ты назовешь меня лгуном.

— Валяй, попробайся.

— Некоторые люди на мне просто помешались. Они подвели меня к дереву и втокнули внутрь. Я падал

внутри две или три сотни футов. По пути я и расцарапал голову.

Девушка смотрела на него искоса, губы растянулись в кривую улыбку:

— А на дне ты повстречал маленьких зеленых человечков с розовыми фонариками. И большого белого пушистого кролика.

— Я же тебе говорил...

Она наклонилась к его виску:

— Тебе очень идут длинные серые волосы.

— Я их надеюсь сохранить, — сказал Файр, спешно убирая голову.

— Успокойся! — Она холодно смотрела на него. — Ты что, спешишь? Или я должна рассказать тебе историю своей жизни?

— Одну минуточку.

Он встал, направился к бару, указал бармену на девушку:

— Блондинка за моим столиком, видите ее?

Бармен взглянул:

— И что?

— Она часто здесь болтается?

— Впервые в жизни вижу.

— А разве она не работает у вас на должности?

— Брат, я же тебе сказал. Я вижу ее впервые в жизни.

— Благодарю.

Файр вернулся к столу. Девушка молчала и барабанила пальцами по столу. Файр пристально посмотрел ей в лицо.

— Ну? — буркнула она.

— На кого ты работаешь?

— Я тебе сказала.

— Кто тебя ко мне подослал?

— Не говори ерунды. — Она попыталась подняться. Файр схватил ее за запястье. — Пусти! Я закричу!

— Очень надеюсь. Я бы хотел увидеть кого-нибудь из полиции. Сиди тихо или я сам их позову.

Медленно и молча, как потребовал Файр, девушка вернулась в кресло. Немного помолчала, будто что-то обдумывая, затем, как бы невзначай, порывисто подалась к нему. Подняла лицо вверх, напряженно вглядываясь в лицо Эллы, ее руки потянулись к нему, легкие ладони коснулись его шеи, в нежном объятии.

— Как ты можешь так говорить со мной? Я только вчера приехала из Сизтла. Я так одинока, я не знаю здесь ни одной души... А ты так... Как ты можешь... Прошу тебя, ну не будь со мной таким... Мы... мы могли бы... ведь правда, мы могли бы понравиться друг другу?

Она хотела еще что-то добавить, но Файр довольно грубо прервал ее, ухмыляясь:

— Ну уж нет, дорогая моя, сначала мы с тобой кое-что проясним, а там видно будет... потом, быть может, придет время нравиться.

Неожиданно что-то кольнуло его в шею, там, где сзади его обнимали ее пальчики. От неожиданности он моргнул, затем ловко схватил ее за запястья... Девушка вырвалась без видимого усилия, глаза ее светились, ее всю переполняла радость победы.

— Поговорим для начала, говоришь? Интересно, что-то ты теперь делать будешь?

Когда он попробовал снова схватить ее, она легко увернулась, отпрыгивая в сторону, ее лицо и глаза приобрели озорное выражение. Она с усмешкой наблюдала за ним. С Файром происходило что-то непонятное, все его тело охватила слабость, глаза наполнились слезами. Он попробовал встать, но зашатался, столик накренился и чуть не упал. До бармена наконец-то дошло, что здесь происходит нечто явно противозаконное, и он, взревев от негодования, выскочил из-за стойки бара. Элл на непослушных ногах сделал два неверных шага, пытаясь догнать девушку, которая с независимым видом и очень спокойно пошла к выходу.

Встав в дверях, бармен загородил ей дорогу:

— Эй! Одну минуту, мисс! Что...

Сквозь заполнявший уши гул и звон Файр услышал, как девушка чопорно произнесла, не давая бармену договорить:

— Немедленно дайте мне пройти! Он, он оскорбил меня... каких только гадостей он мне ни наговорил сейчас, да он просто омерзительно пьян...

В облике бармена удивительно сочетались нерешительность и свирепое негодование:

— Постойте-ка... Что-то я не понял... эй, да что здесь происходит, наконец...

— Послушай, если ты не понимаешь, — девушка пошла в атаку, — то тем более не впутывайся сам и меня не впутывай!

Рот и горло заполнил сухой комок, тело окончательно перестало слушаться, ослабевшие колени подогнулись, и Файр медленно опустился на пол. Он ничего не видел, только чувствовал движение вокруг себя и осторожные прикосновения ладоней на своем теле, и еще до него доносился громкий и какой-то растерянный голос бармена, повторявшего фразу:

— Эй, парень, что случилось... в чем дело, Джек?

Прорываясь откуда-то издалека, из-за какой-то немыслимой ограды, состоящей из переплетенных стеклянных нитей, сознание Файра заставляло его повторять, как пароль, одну и ту же фразу:

— Вызовите Пеннече... Вызовите Пеннече...

— Похоже, парень свихнулся, — произнес кто-то очень тихо. — Вызвать К. Пеннече... Да уж!

— Кей Пеннече... — теряя силы, продолжал бормотать Файр. — Позовите его, кто-нибудь... Он оплатит расходы... Скажите ему — я Файр...

10

Вокруг Эллы разливался странный туман; сквозь марево проступали неясные фигуры, красно-желтые видения. Фигуры двигались в странном танце, они то толпились вокруг него, то вдруг растворялись, покачиваясь, где-то за пределами видимости. Файр никак не мог понять логику их движений... Впрочем, это уже мало интересовало его, он просто наблюдал со странной отрешенностью за клубящимся танцем теней. Элл умирал, — так, во всяком случае, ему казалось. Но вот движение прекратилось так же неожиданно, как и началось. Фигуры, странно вытягиваясь, стали отдаляться, улетаая, — или они не улетаали... Просто яркие алые и золотые цвета стали сначала размытыми, прозрачными, а затем и окончательно растворились в наплывающей на него тьме. Весь мир вокруг погрузился в небытие, Элл был мертв. Но что-то все же еще продолжалось...

Словно сумерки вслед закату жизни, пришли спокойствие, тишина и гармония, Элл понял — вот так приходит смерть... Внезапно его гармонию нарушил, внося хаос и разлад, яркий взрыв зелени. Умиротворяющую и печальную красоту красного и розово-голубого оттенков грубо

разрушило вмешательство извне. Все опять вернулось на круги своя, принося ощущение разлада и дискомфорта.

Открыв глаза, Файр увидел причину, вернувшую дискомфорт — доктор выпрямился и отложил шприц. Эл снова был жив.

— Да, еще бы чуть-чуть, — произнес врач, — и все было бы кончено!

Конвульсии прекратились: Файра милосердно лишили сознания.

— Так! Ну и кто этот парень? — спросил патрульный.

Бармен с сомнением скептически взглянул на Файра:

— Как вам сказать? Я-то вижу его впервые. Но, видите ли, он просил позвать, он очень на этом настаивал... Он просил сообщить Пеннече о том, что он здесь.

— Он просил связаться с мистером Пеннече? Кеем Пеннече, я не ослышался?

— Так он сказал.

— Странно. Хорошо, позовите его. В крайнем случае, он на вас может накричать, не больше. Вдруг это действительно так важно!

Бармен направился к экрану. Патрульный, не глядя на доктора, который все еще стоял на коленях возле Файра, спросил в пустоту:

— Что это с ним? Что с ним стряслось?

Доктор пожал плечами:

— Трудно сказать. Какая-то болезнь. В наши дни существует столько всякой химии, которой можно напичкать человека...

— Может быть это та ссадина у него на голове...

Внимательно осмотрев голову Элла, доктор возразил:

— Да нет, не похоже. На голове старая рана. Думаю, причина в другом. Его укололи в шею. Вот отметина.

Закончив переговоры, бармен вернулся с новостями:

— Дозвонился. Кей Пеннече говорит, что он уже в пути.

Теперь они посмотрели на Файра с новым выражением.

Файр лежал неподвижно и не подавал признаков жизни. Он все еще был без сознания. Санитары без суеты очень профессионально пристроили по бокам от лежащего человека складные шесты. Так же не торопясь, просунули под телом металлические ленты и прикрепили их к шестам. Потом аккуратно подняли носилки и понесли. Бармен зашел сзади.

— Эй, ребята, так не пойдет! Куда вы его забираете? Мне же еще нужно будет что-то сказать мистеру Пеннече.

— Мы доставим пострадавшего в травматологическую больницу на Лонг Бич.

Прошло совсем немного времени, может быть две-три минуты, после отъезда «скорой помощи», когда в бар вошел Пеннече. Осмотревшись кругом, он повернулся к бармену:

— Так! Ну и где он?

— Вы — мистер Пеннече? — уважительно спросил бармен.

— Конечно, это Пеннече, — отозвался человек из патрульной машины.

— Все в порядке, мистер Пеннече. Вашего друга только что увезли в травматологическую больницу на Лонг Бич.

Стоявшие за Пеннече люди застыли в ожидании. Повернувшись к одному из них, Пеннече нетерпеливо бросил:

— Быстро разберитесь с тем, что здесь произошло, и доложите, — приказал и вышел из бара.

11

Уложив Файра на стол, санитары стали снимать с него одежду. С удивлением они рассматривали металлическую полосу, опоясывающую его правое плечо.

— Это еще что такое?

— А, что бы ни было, надо снять с него это.

После того, как они сняли с Файра металлическую тесьму, санитары омыли его антисептическим газом, сделали несколько различных уколов и отправили в палату на отдых.

Тем временем Пеннече вызвал главный клинический офис:

— Когда я смогу забрать мистера Файра из больницы?

— Немного терпения, мистер Пеннече, сейчас я уточню. Пеннече ждал. Клерк навел справки.

— Все в порядке, он уже вне опасности.

— Теперь его можно будет перевозить?

— Пока он по-прежнему без сознания, но доктор говорит, что уже все в порядке.

— Будьте добры, пусть «скорая помощь» отвезет его в мой дом.

— Очень хорошо, мистер Пеннече. Принимаете ли вы на себя ответственность за здоровье мистера Файра?

— Да, — согласился Пеннече. — Оформляйте...

Дом Пеннече на Сигнальном Холме был роскошным изделием типа 4 класса АА, эквивалентным среднему традиционному земному зданию стоимостью в тридцать тысяч долларов. Пеннече продавал Дома четырех разновидностей класса АА в количестве, которое мог себе позволить — по десять тысяч долларов за штуку, за ту же цену, что и Дома классов А, Б и ББ. Для себя искиоккхи, разумеется, выращивали Дома более тщательно. Это обычно бывали жилища с взаимосвязанными стручками и стенами, окрашенными флуоресцентной краской; сосудами, выделяющими нектар, масло и соляной раствор; воздухом, обогащенным кислородом, и всевозможными добавками; фототропными и фотофобными стручками, стручками с бассейнами, в которых тщательно циркулирует и фильтруется вода; стручками, в которых растут орехи, кристаллы сахара и сытные вафли. Искиоккхи не экспортировали ни таких, ни стандартных четырехстручковых Домов. Выращивать такие Дома было сложно, и они всегда оставались на Иззооме.

Биллион землян все еще жили в условиях ниже нормы. Северные китайцы рыли пещеры в лесу, островитяне строили грязные хижины. Американцы и англичане занимали разрушающиеся многоквартирные дома.

Пеннече находил ситуацию прискорбной; огромный рынок не использовался. Пеннече хотел использовать его.

Существовала практическая трудность. Эти люди не могли платить тысячи долларов за дома классов А, Б и АА, ББ, даже если бы Пеннече мог их продавать неограниченно. Ему были необходимы самые дешевые, стандартные Дома, которые искиоккхи наотрез отказывались экспортировать.

Проблема имела классическое решение — набег на Иззоом за деревом-самкой. Должным образом оплодотворенная женская особь Дома могла дать миллион семян в год. Почти половина из них будут женскими. Через несколько лет Кей Пеннече сможет получать десять, сто, тысячу, пять тысяч миллионов Домов.

Для большинства людей разница между пятью и десятью миллионами кажется незначительной. Пеннече, одна-

ко, оперировал в мыслях именно такими цифрами. Деньги — не просто средство покупать, но и энергия, орудие власти, основа для убеждения и эффективности. На себя он тратил мало денег; личная жизнь его была достаточно скромна.

Он жил в своем Доме класса АА на Сигнальных Холмах, тогда как мог бы обладать несколькими небоскребами и небесным островом на околоземной орбите. Он мог бы разнообразить свой стол самыми редкими из деликатесных сортов мяса и дичи, изысканными паштетами и фруктами с других планет. Он мог бы заполнить гарем гуриями, о которых султан и мечтать не мог. Но Пеннече ел бифштекс и позволял себе попадаться на глаза общественности, лишь когда пресса затрагивала его бизнес. Как многие одаренные люди бывают лишены музыкального слуха, так и Пеннече был почти лишен склонности к радостям цивилизации.

Он сознавал этот собственный недостаток и порой испытывал меланхолию. В такие минуты он сидел, сгорбившись, похожий на дикого кабана, и раскаленная топка просвечивала сквозь закопченные стекла его глаз. Но чаще всего на его лице бытовало кислое и сардоническое выражение. Прочих людей можно было смягчить, отвлечь, держать под контролем с помощью добрых слов, красивых вещей и удовольствий; Пеннече знал им цену и пользовался знанием, как плотник пользуется молотком — не задумываясь о внутренней сущности инструмента. Он наблюдал и действовал без иллюзий и предрассудков — именно в этом, может быть, и таилась огромная сила Пеннече, то внутреннее зрение, которое позволяло ему видеть мир и самого себя в одном свете грубой объективности.

Сейчас, сидя у себя в студии, он терпеливо ждал, когда «скорая помощь» сядет, и санитары возьмут носилки. Потом он вышел на балкон и заговорил тяжелым хриплым голосом:

— Ну как? Он в сознании?

— Нет, но уже начал приходить в себя, сэр.

— Отлично! Несите его сюда...

Элл Файр приходил в себя. Пробуждение было трудным. Голова его все еще была наполнена мраком. Он с

трудом приподнялся. Медленно обвел глазами стручок. Первым, что он увидел, были пыльно-желтые стены и темный коричневый потолок. Затем его внимание переключилось на тяжелую угловатую мебель: массивные кресла, диван, стол, заваленный бумагами, одна или две модели Домов и древний испанский буфет. Файр видел то четко, то теряя фокус.

Заметив, что Элл приходит в себя, к нему подошел человек и склонился пониже. Файр с интересом посмотрел на этого тонкого человека с крупной головой и очень серьезными глазами. На человеке был белый форменный халат, и от него пахло антисептиками.

За спиной доктора — а халат и запах не оставляли сомнений в его профессиональной принадлежности — стоял Кей Пеннече. Он медленно подошел к Файру и посмотрел на него сверху вниз.

Вот тут-то и стало происходить нечто не укладывающееся у Файра в голове. В мозгу его как будто бы раздался щелчок, и он с изумлением услышал слова, которые меньше всего ожидал услышать.

Горло его, помимо его воли, наполнилось воздухом, голосовые связки завибрировали, небо и горло рождали слова:

— У меня дерево.

Пеннече слегка кивнул и спросил тихо:

— Где оно?

Файр тупо посмотрел на него.

— Как удалось вам вывезти дерево с Иззоома?

— Я не знаю, — Файр приподнялся, опершись на локоть, потер подбородок, моргнул. — Я не понимаю ничего. Я не знаю, что говорю. У меня нет никакого дерева...

— Позвольте, так не бывает! Или у вас есть дерево — или его у вас нет, — нахмурился Пеннече.

— У меня нет никакого дерева. — Файр попытался сесть, чувствуя невыносимую усталость. Доктор помог ему, подержав за плечо. — Что я здесь делаю? Меня кто-то отравил. Девушка. Блондинка в таверне. — Он посмотрел на Пеннече с нарастающим гневом. — Она работает на вас.

— Это верно.

— Как вы меня разыскали?

— Вы обращались в «Император» по стерео. В холле мой человек постоянно ждал вызова.

— Так, — устало произнес Файр. — В общем, все это ошибка. Как, зачем и почему — я не знаю. Кроме того, я поражен. Мне это не нравится.

Пеннече вопросительно взглянул на доктора.

— Сейчас уже все в порядке. Скоро к нему вернутся силы, — отозвался тот.

— Хорошо. Можете идти.

Доктор покинул стручок. Кей Пеннече подтащил поближе кресло, стоявшее у него за спиной, и уселся.

— Анна работает слишком грубо, — посетовал Пеннече. — Ей еще не случалось пользоваться иглой. — Он пододвинулся ближе вместе с креслом.

— Расскажите о себе.

— Прежде всего, где я?

— Вы — в моем доме. Я за вами присматриваю.

— Зачем?

Пеннече, внутренне веселясь, покачал головой.

— Вы сказали, что припасли для меня дерево. Или семя. Или побег. Что бы это ни было, мне это нужно.

Файр заговорил ровным голосом:

— У меня его нет. Я ничего о нем не знаю. Во время налета я находился на Тайнерри и больше ничего общего с этой историей не имею.

Пеннече спросил совершенно спокойно:

— Вы связались со мной, когда прибыли на Землю. Зачем?

— Не знаю, — покачал головой Файр. — Мне что-то нужно было сделать. Я это сделал. Только что я сказал, что имею для вас дерево. Почему — непонятно.

— Я вам верю, — кивнул Пеннече. — Мы найдем это дерево. Может быть, не сразу, но...

— Нет у меня вашего дерева! И мне нет дела... — Файр встал, оглянулся и направился к двери. — А сейчас я пойду домой.

Пеннече весело смотрел на него:

— Двери на запоре, Файр.

Файр остановился, глядя на твердую розетку дверей. Релакс-нерв, должно быть, где-то в стене.

Он надавил на желтую поверхность, похожую на пергамент.

— Не сюда, — сказал Пеннече. — Возвращайтесь обратно, Файр.

Дверь разошлась. Оман Безхаад стоял в проеме. На нем был облегающий костюм в бело-синюю полоску. Берет он на щегольской манер сдвинул на ухо. Лицо его казалось безмятежно-строгим, полным человеческой и вместе с тем неземной силы.

Он вошел в комнату.

Следом вошли двое искиоккхов, в одеждах, разливанных желтыми и зелеными полосами. Это были свекры. Файр отпрянул, освобождая проход.

— Хэлло,— ухмыльнулся Пеннече.— А я думал, дверь надежная. Вы, ребята, наверное, знаете все уловки...

Оман Безхаад вежливо кивнул Файру:

— Сегодня мы потеряли вас на некоторое время. Рад видеть вас снова.— Он посмотрел на Пеннече, затем опять на Файра.— Вашей целью, как видно, был дом Кея Пеннече.

— Судя по всему,— согласился Файр.

Оман Безхаад тактично пояснил:

— Когда вы находились в подземелье на Тайнерри, мы вас анестезировали с помощью гипнотического газа. Теойрод сразу это понял. Эта раса способна в течение шести минут удерживать дыхание. Когда вы уснули, он ухватился за возможность сделать вас исполнителем своей воли.— Он взглянул на Пеннече.— Раб до конца верой и правдой служил хозяину...

Пеннече промолчал.

Оман Безхаад вновь обратился к Файру:

— Он захоронил инструкции в глубине вашего мозга. Затем он отдал вам украденное дерево. Шесть минут прошли. Он сделал вдох и потерял сознание. Позднее мы отравили вас к нему, надеясь, что таким образом приказ сотрется. Мы потерпели неудачу,— теойрод поразил нас своими психическими возможностями.

Файр поглядел на Пеннече. Тот стоял, небрежно опираясь на стол.

Напряжение нарастало, и скоро должен был произойти взрыв,— так при легчайшем прикосновении выскакивает «Джек-из-коробки».

Оман Безхаад отвернулся от Файра — тот уже сослужил свою службу.

— Я прибыл на Землю с двумя миссиями. Должен сказать вам, что по причине налета теойродов партия Домов класса АА вам отправлена быть не может.

— Ясно,— сказал Пеннече коротко.— Жаль!

— Вторая моя миссия — найти человека, которому Элл Файр должен был передать дерево.

— Вы проверили у Файра память? — заинтересованно спросил Пеннече.— Ну и почему же вы не смогли узнать?

Вежливость у исциоккхов в крови и в рефлексах. Оман Безхаад лишь склонил голову и ответил:

— Теойрод приказал ему забыть и вспомнить лишь тогда, когда его нога коснется Земли. Разум Файра-сайаха отличается значительной стойкостью, и поэтому мы могли лишь следить за ним. Его место назначения — Дом Кея Пеннече. Таким образом, я теперь могу завершить выполнение второй миссии.

— Ну? Выкладывайте! — отрезал Пеннече.

Оман Безхаад поклонился. Голос его был спокоен и вежливо-официален:

— Мое первоначальное сообщение к вам изменилось, Пеннече-сайах. Вы не получите более Домов класса АА. Вы не получите более ничего. Если вы высадитесь на территории Иззоома или его вассалов, вы понесете наказание за преступление, совершенное против нас.

Пеннече покачал головой,— так было всегда, когда его охватывало сардоническое веселье.

— Выходит, вы меня уволили и я вам больше не агент?

— Правильно.

Пеннече повернулся к Файру и спросил его неожиданно резким голосом:

— Деревья? Где они?

Файр приложил ладонь к бурому пятну на темени.

— Подождите, Файр, присядьте,— сказал Пеннече.— Дайте взглянуть.

Файр зарычал:

— Держитесь от меня подальше! Я вам не игрушка...

— Теойрод загнал шесть семян под кожу на черепе Файр-сайаха,— спокойно произнес Оман Безхаад.— Это был очень остроумный тайник. Семена маленькие. Мы искали тридцать минут, прежде чем нашли.

Файр с отвращением пощупал скальп.

— Давайте, Файр, останемся там, где стоим,— хриплым голосом сказал Пеннече.

— Я знаю, где стою! — Файр отпрянул к стене.— Не рядом с вами!

— Не хотите бросить исциоккхов? — рассмеялся Пеннече.

— Я не бросаю никого. Если у меня в голове и есть семена, это касается только меня!

Пеннече шагнул вперед, лицо его слегка исказилось.

— Семена были извлечены, Пеннече-сайах. Бугры, которые Файр-сайах может нащупать, — это танталовые шарики.

Файр ощупал череп. И верно, они были здесь — твердые выступы, которые он до сих пор считал относящимися к шраму. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Ладонь скользнула по волосам и задержалась. Он невольно взглянул на Пеннече, на исциоккхов — похоже, те на него не смотрели. Он прижал маленький предмет, который обнаружил в волосах. словно маленький пузырек, капсула, размером не больше пшеничного зерна, и соединялось это с кожей волокнами. Анна, блондинка, увидела лишь длинные серые волосы, но...

Файр нетвердо произнес:

— С меня достаточно... я пошел.

— Нет, — бесцветно произнес Пеннече. — Вы останетесь здесь.

Оман Безхаад вежливо сказал:

— Я надеюсь, земные законы не позволяют задерживать человека против его воли. Если мы не противодействуем захвату, то в равной степени становимся виновными. Или не так?

Пеннече улыбнулся:

— В некоторых пределах.

— В целях самозащиты мы требуем, чтобы вы не совершали противозаконных действий.

Пеннече агрессивно подался вперед:

— Вы уже все сказали. А теперь убирайтесь прочь!

Файр попытался пройти мимо него. Пеннече, подняв руку, уперся ладонью ему в грудь:

— Вы лучше останьтесь, Файр. Здесь вы в безопасности.

Файр посмотрел в глубину его тлеющих глаз. Гнев и унижение мешали ему говорить. Наконец он вымолвил:

— Нет уж, лучше я уйду. Меня тошнит от игры в простака.

— Лучше живой простака, чем мертвый болван...

Файр оттолкнул руку Пеннече.

— А я попытаю счастья.

Оман Безхаад пробормотал что-то своим помощникам. Они расположились по обе стороны сфинктера.

— Вы можете идти,— сказал Оман Безхаад Файру.— Кей Пеннече вас не задержит.

Файр остановился:

— В ваших услугах я тоже не нуждаюсь.

Он оглядел стручок и подошел к стереозэкрану.

Пеннече одобрительно ухмыльнулся в сторону исциоккхов.

— Файр-сайах! — крикнул Оман Безхаад.

— Все законно! — ликовал Пеннече.— Оставьте его!

Файр прикоснулся к кнопкам. Экран замерцал, и на нем возникла расплывчатая фигура.

— Дайте мне Кирди,— произнес Файр.

Оман Безхаад подал знак. Исциоккх справа скользнул вдоль стены, перерезая соединяющую трубу. Изображение погасло.

Брови Пеннече полезли вверх.

— Говорите о преступлениях,— взревел он,— а сами ломаете мой Дом!

Губы Омана Безхаада стали растягиваться, обнажая бледные десны:

— Прежде чем я...

Пеннече поднял левую руку. Его указательный палец выбросил струю оранжевого пламени. Оман Безхаад увернулся; огненный сноп остриг ему ухо. Двое других с поразительной скоростью и точностью бросились к двери.

Пеннече вновь поднял палец. Файр рванулся вперед, схватил его за плечо, развернул. Пеннече сжал челюсти и выбросил вперед правый кулак в коротком апперкоте. Удар угодил Файру в область желудка. Файр, промазав круговым ударом правой рукой, отшатнулся назад. Пеннече мгновенно развернулся, но исциоккхи уже скрылись за сфинктером, и тот затанулся за ними. Файр и Пеннече остались в стручке одни. Файр отшатнулся, а Пеннече качнулся вперед:

— Вы спасли их, идиот!

Стручок сотрясаясь и дергался. Файр, полуобезумевший от душившей его ярости, бросился вперед. Пол в стручке покрылся рябью; Файр упал на колени.

— Спасли этих мерзавцев! На кого вы работаете? На Землю или на Иззоом? — взревел вне себя Пеннече.

— Вы — на Земле! — задыхался Файр. — Вы — Кей Пеннече. Я буду драться, потому что меня уже мутит оттого, что меня используют! — Он попытался встать на ноги, но слабость одолела. Он рухнул на спину, дыхание оборвалось.

— Дайте взглянуть, что у вас в голове.

— Держитесь от меня подальше. Я вам разобью физиономию!

Пол стручка рванулся вверх, подбросив Файра и Пеннече.

Пеннече встревожился:

— Что они делают?

— Что надо. Они — исциоккхи, а это Дом Иззоома. Они могут играть на нем, как на скрипке.

Стручок вибрировал и содрогался.

— Все... — сказал Пеннече. — А теперь — что у вас там в голове?

— Не подходите! Что бы это ни было, оно мое!

— Нет, мое, — мягко произнес Пеннече. — Я заплачу, чтобы его привезли сюда.

— Вы не знаете даже, что это такое!

— Знаю. Я это вижу. Это побег. Первый побег только что вылез наружу.

— Вы от жадности совсем сошли с ума! Дерево не может прорасти у меня в голове!

Стручок стал вытягиваться, выгибаясь копытчатой спиной. Крыша над головой заскрипела.

— Надо бы выбираться отсюда, — пробормотал Кей Пеннече.

Он подошел к сфинктеру и дотронулся до открывающего нерва. Сфинктер оставался заперт.

— Они перерезали нерв, — сказал Файр.

Стручок продолжал вытягиваться. Пол кренился. Сводчатая крыша скрипела. Щелк! Ребро лопнуло, щепки посыпались вниз. Острая щепка упала в футах от Файра.

Пеннече прицелился пальцем в сфинктер, заряд ударил в диафрагму. Она отплатила облаком зловонного пара и дыма.

Пеннече отпрянул назад, потрясенный.

Лопнули еще два ребра.

— Они убьют нас, если сумеют, — сказал Пеннече, обзревая выгнутый потолок. — Назад!

— Элл Файр — зеленый ходячий Дом... Вы сгинете, Пеннече, прежде чем соберете урожай!

— Прекратите истерику! — завопил Пеннече. — Идите сюда!

Пол опрокинулся, мебель начала скользить, Пеннече отчаянно пытался увернуться от мебели и обломков. Файр поскользнулся. Стручок выгибался. Осколки ребер отщеплялись, отлетали, барабанили по стенам. Мебель громоздилась над Файром и Пеннече.

Стручок задрожал; стулья и столы запрыгали, опрокидываясь. Файр и Пеннече высвободились, прежде чем тяжелая мебель раздавила им кости.

— Они действуют снаружи! — выкрикнул Файр. — Держат нервы дерева!

— Если бы мы могли выбраться на балкон... мы бы спустились на землю!

Дрожь продолжалась, с каждым мгновением делаясь все сильнее. Осколки ребер и мебели задрожали, грохоча как горошины в банке.

Пеннече стоял, упираясь руками в стол, и пытался удержать его. Файр подхватил осколок и принялся бить им в стену.

— Что вы делаете?

— Испиоккхи стоят снаружи, бьют по нервам. Я пытаюсь попасть по другим.

— Вы нас можете убить! — Пеннече взглянул на голову Файра. — Не забудьте, что растение...

— Вы боитесь больше за растение, чем за себя! — Файр не переставал стучать, выбирая разные места.

Он попал по нерву. Стручок вдруг застыл, странно напрягаясь.

Стена стала выделять крупные капли сока с кислым запахом. Стручок неистово задрожал, и содержимое его загрохотало.

— Не тот нерв! — закричал Пеннече.

Он схватил осколок и тоже стал стучать. По стенам стручка пронесся звук, похожий на сдавленный стон. Пол пошел буграми, корчась в растительной агонии. Потолок начал рушиться.

— Нас раздавит! — взвизгнул Пеннече.

Файр заметил блеск металла. Шприц доктора. Он схватил его, вонзил в зеленую выпуклость вены и надавил на поршень.

Стручок вздрагивал, трясся, пульсировал. Стены вздувались пузырями, которые взрывались, разбрызгивая свое содержимое. Сок стекал и струился во входной канал. Стручок бился в конвульсиях, дрожал и осыпался. Файр и Пеннече выкатились на балкон вместе с обломками ребер и мебели, и полетели вниз. Файр задержал свое падение, уцепившись за прут балюстрады. Прут оборвался, и Файр упал. Лететь до газона ему пришлось не больше фута. Приземлившись на куст, он почувствовал под собой что-то резиновое; оно ощущало его ноги и оттолкнуло с большой силой.

Это был Пеннече.

Они покатались по газону. Силы Файра были почти на исходе. Пеннече сдавил его туловище, навалился и схватил за горло. Файр увидел сардоническое лицо Пеннече в дюйме от своего собственного лица. Он изо всех сил ударил коленями. Пеннече задрожал, задохнулся, но быстро оправился. Файр вонзил ему в нос большой палец и крутанул. Голова Пеннече откинулась назад, хватка ослабла.

— Я вырвал эту штуку... — захрипел Файр. — Я сломал ее...

— Нет! — захлебнулся Пеннече. — Нет! Фроуп! Карлайл! Фигуры появились рядом. Пеннече поднялся.

— В доме трое исциоккхов. Не выпускать. Станьте у ствола, стреляйте наверняка!

— Стрельбы сегодня вечером не будет! — произнес холодный голос.

Два луча фонариков уперлись в Пеннече. Он трясся от злобы:

— Кто вы?

— Спецбригада. Я — детектив и инспектор Кирди.

— Возьмите исциоккхов, — выдохнул Пеннече. — Они в моем доме.

Исциоккхи вышли на свет.

Оман Безхаад сказал:

— Мы находимся здесь, чтобы вернуть свою собственность.

Кирди недружелюбно посмотрел на них:

— Что еще за собственность?

— В голове Файра... Росток дерева.

— Вы обвиняете Файра?

— Еще чего,— сердито сказал Файр.— Они не спускали с меня глаз, не оставляя в покое ни на минуту, они обыскивали меня, гипнотизировали...

— Виновен Пеннече,— жестко произнес Оман Безхаад.— Агент Пеннече обманул нас. Он поместил шесть семян туда, где мы наверняка должны были их найти. У него также был тонкий корешок, который он соединил с кожей Файра, спрятав среди волос, и мы его не заметили.

— Большая удача,— сказал Пеннече.

Кирди с сомнением посмотрел на Файра:

— Эта вещь в самом деле осталась жива?

Файр подавил смешок.

— Жива? Она пустила корни, дала стручок, покрылась листочками... Она проросла. У меня теперь Дом на голове!

— Это собственность Иззоома,— заявил Оман Безхаад.— Я требую ее возвращения!

— Это моя собственность,— сказал Пеннече.— Я купил ее, заплатив за нее!

— Это моя собственность,— расхохотался Файр.— В чьей голове она растет?

Кирди покачал головой:

— Пожалуй, вам следует пройти со мной.

— Никуда я не пойду, я пока не арестован,— сказал Пеннече с большим достоинством.— Говорю вам: арестуйте исциококхов, они разломали мой Дом.

— Пойдете со мной, вы все! — Кирди повернулся к своим.— Опустите машину.

Оман Безхаад сделал свой выбор. Он горделиво выпрямился во весь рост, белые полосы сверкнули во тьме. Исциококх посмотрел на Файра, порывшись под одеждой и вытащил шаттер.

Файр плашмя бросился на землю.

Заряд пролетел над его головой. Из пистолета Кирди вырвалось голубое пламя. Омана Безхаада охватил голубой ореол. Он был мертв, но стрелял вновь и вновь. Файр катился по темной земле. Двое исциококхов тоже открыли по нему огонь, не обращая внимания на пистолеты полицейских. Они высвечивались голубым сиянием, умирали, но продолжали стрелять. Заряды попали Файру в ноги. Он застонал и остался лежать неподвижно.

Исциококхи рухнули.

— А теперь,— удовлетворенно произнес Пеннече,— я позабочусь о Файре.

— Остановитесь, Пеннече, не увлекайтесь! — сказал Кирди.

— Держись от меня подальше,— поддержал Файр.

— Я заплачу вам десять миллионов за то, что растет у вас в волосах!

— Нет!!! — свирепо огрызнулся Файр.— Я сам его выращу. Я буду растить семена бесплатно...

— Рискованное предприятие,— сказал Пеннече.— Если это семя-самец, пользы не будет никакой.

— А если самка... — Файр замолчал.

Полицейский доктор принялся перевязывать ему ноги.

— ...пользы будет очень много,— сухо докончил Пеннече.— Но вы встретите противодействие.

— Чье?

— Исполни их.

Санитары подняли носилки.

— Они будут мешать. Я даю вам десять миллионов. Я предлагаю шанс...

— Ладно... Меня тошнит от всей этой возни.

— Тогда подпишем контракт! — с триумфом закричал Пеннече.— Эти офицеры — свидетели!

Файра положили на носилки. Доктор склонился над ним и заметил в волосах растительный побег. Он протянул руку и выдернул его.

— Ой! — вскрикнул Файр.

— Что он делает?! — завопил Пеннече.

— Вам бы надо тщательнее следить за своим имуществом, Пеннече,— слабым голосом сказал Файр.

— Где он? — взвыл Пеннече в панике, хватая доктора за ворот.

— Кто? — спросил доктор.

— Принесите свет! — крикнул Пеннече.

Файр смотрел, как Пеннече и его люди шарят по кустам в поисках бледного побега, затем впал в беспамятство...

Пеннече пришел к Файру в больницу.

— Вот ваши деньги,— сказал он и положил на столик банковский купон. Файр посмотрел на него.— Десять миллионов долларов.

— Невероятно, это куча денег... Это мне... Я так понимаю, вы нашли побег,— сказал Файр.

— Естественно... Да, конечно, эти деньги ваши, с побегом все в порядке — трижды подтвердил Пеннече правоту Эллы, отворачиваясь.

Пеннече, удовлетворенно покачав головой, продолжил, предвывая следующий вопрос Файра:

— Когда я нашел его, он был жив, жив он и сейчас. Растет, набирается сил. Он, увы, самец.— Взяв со стола купон, Пеннече повертел его в руках, посмотрел на него, и с усмешкой добавил: — Ну, что еще можно сказать, пари, чистое пари!

— Должен сказать, что у вас были хорошие шансы,— попытался утешить его Файр.

С задумчивым видом Пеннече смотрел в окно. Перед ним раскинулся Лос-Анжелес. Глядя на него, было трудно понять, о чем он сейчас думает. Именно этим сейчас и занимался Элл Файр.

— Что верно, то верно,— со слегка потеряннм видом пробормотал Пеннече, как бы отвечая своим мыслям.— Не зря говорится: что легко находишь, то легко и теряешь.

Немного помолчав еще, он полуобернулся, явно собираясь уйти. Файр и не думал его задерживать, но все же не удержался от вопроса:

— У вас только мужская особь дерева, с ней вы не сможете делать и продавать Дома. Связи с Иззоомом потеряны. Что дальше? Что вы теперь намерены делать?

— Неужели вам не ясно? Женские особи есть на Иззооме, и в почти неограниченном количестве. Неужели вы действительно сомневаетесь в том, какое решение я приму? Естественно, я попытаюсь достать несколько штук. Разве у вас могли возникнуть другие предположения?

— Вы готовы предпринять еще один налет? Неужели последняя неудача вас не остановила?

— Как вы сказали? Еще один налет? Впрочем, называйте как хотите.

— Вот как. А как вы это называете?

— ЭКСПЕДИЦИЯ. Такое название вас устраивает? — с легкой иронией отозвался Пеннече.

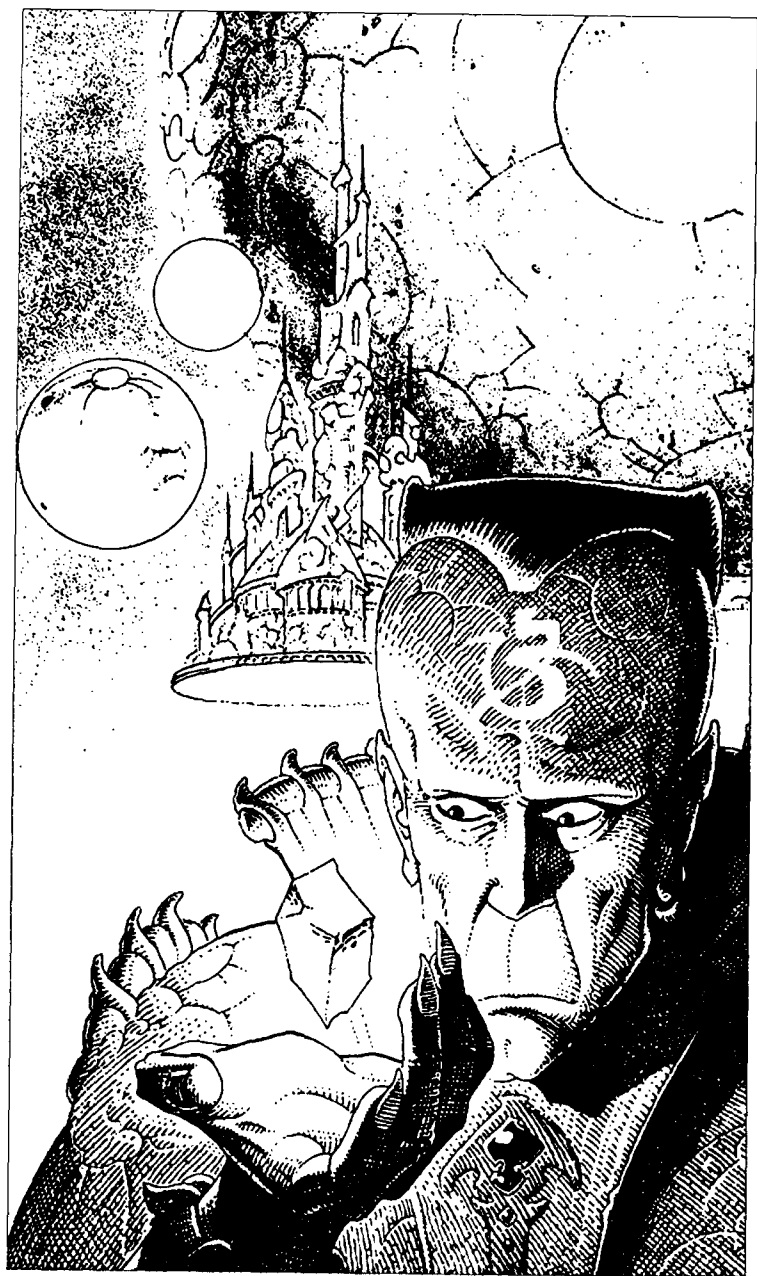
— Оставьте, мне совершенно безразлично, как вы это назовете. Поверьте мне, я безмерно рад тому, что не имею к этому никакого отношения.

— Не стал бы я на вашем месте зарекаться, — заметил все с той же иронией Пеннече. — Человек такое непредсказуемое существо, он ничего не знает о самом себе. Вполне может случиться и так, что вы, совершенно неожиданно для себя, вдруг передумаете.

— Ну, уж тут-то я могу быть спокоен, и вы на этот счет можете не сомневаться...

ПОСЛЕДНИЙ ЗАМОК

Глава 1

...Вечером, когда солнце, наконец, пробилось сквозь тяжелые, черные тучи, замок Джанейл был взят приступом после изнурительной осады.

Его обитатели понимали, что им не устоять перед полчищами нападавших, и каждый мужественно готовился отдать свой последний долг. Каждый делал это, как мог: кое-кто попросту игнорировал приближающуюся смерть и спокойно занимался своими обязанностями; большинство же готовилось к последней схватке, проверяя и перепроверя свое оружие, которого, по счастью, было в изобилии. Некоторые украдкой молились, подготавливая свой дух к переходу в иной мир.

Погибли все. Не пощадили даже Фанов и пейзазов, дремавших в стойлах. Лишь птицы, обладающие первичным разумом, и поэтому не знакомые с понятиями чести, в самом начале боя покинули насиженные места и, хриплыми голосами выкрикивая оскорбления, тяжело потянулись на восток, к Хагедорну, последнему замку на земле.

* * *

Мекки, воинственное племя низкорослых широкогрудых людей, появилось в окрестностях Джанейла месяца четыре назад. Весь их вид, даже гортанный низкий говор, говорил о примитивном уровне развития. Неопрятные, кое-как сшитые одежды свидетельствовали о совершенно

не развитых вкусах, а великолепные мышцы, грубая задушевшая кожа и тяжелое оружие — о воинственном образе жизни племени.

Впервые их заметили в парке, окружавшем Джанейл. Практически все население замка с балконов, прогулочных площадок, парапетов и валов заинтересованно разглядывало угрюмых воинов, мужеподобных женщин, издалека практически ничем не отличавшихся от мужчин, и изредка появлявшихся шустрых как ящерицы подростков. При этом чувства, испытываемые обитателями замка, были весьма разные — любопытство, презрение, тревога, ожидание перемен... Трезво оценить обстановку не сумел никто — слишком устоявшейся была жизнь в замке, уже более трех столетий не знавшим войн.

Организовать подобающую оборону не представлялось возможным, но жители, вместе со своим хозяином — милордом Энгреймом, не очень беспокоились. В замке было достаточно оружия, как старинного, почти забытого, так и современного, но все это оружие пылилось на огромных складах и украшало стены залов замка. До сих пор Джанейл считался неприступной крепостью. Практически весь замок, за исключением внешнего фасада, находился в толще огромной горы и, по преданию, имел несколько тайных ходов, в настоящее время совершенно забытых. Внешние стены, высотой в две сотни футов были отлиты из расплавленного скального камня, заливавшегося в объемные сетчатые ячейки, сработанные из особо прочного и упругого металла под названием эйтейл. Секрет этого металла был также давно забыт.

Солнечные батареи вырабатывали достаточно энергии; источник воды находился в дальней части замка, рядом с огромной кухней; еда в случае необходимости, так же, как сироп для птиц, пейзазов и фанов, синтезировалась из углекислого газа и водяных паров. Таким образом, Джанейл мог обеспечивать потребности обитателей сколь угодно долго.

Слабым местом замка являлась возможность поломки машин, производящих пищу, тепло и свет. Они были придуманы и построены много столетий назад загадочным народом, исчезнувшим неизвестно куда, и, хотя в библиотеке замка сохранились чертежи, полностью разобраться в поясняющих записях не мог никто.

Однако жители, привыкшие к спокойной размеренной жизни, не особенно волновались по этому поводу. Они жили в свое удовольствие.

Днем джентльмены стреляли с парашутов из бластеров и охотничьих винтовок, а мишенями для них были мекки. По вечерам и ночью особо рьяные охотники брали в руки устройства, которые прозвали «радугометы», и пытались подстрелить какого-нибудь зазевавшегося мекка. В случае попадания плоть жертвы окутывалась радужным ореолом и растворялась в воздухе. Это доставляло огромное наслаждение охотникам.

Никто из жителей не задавал себе вопроса, почему мекки не уходят, чего они ждут. Жители просто не могли допустить мысли о нападении.

Но однажды мекки попытались штурмовать замок. Когда зашло солнце, они подтянули к замку источники энергии, огромные землеройные машины с гибкими и прочными ковшами, и начали возводить вал вокруг замка. Жители наблюдали за работой, не понимая конечной цели, пока высота вала не достигла пятидесяти футов.

Только тогда, наконец, стал проявляться злобный замысел мекков, и надменность осажденных сменилась тягостными предчувствиями. Но и тут ни интуиция, ни какое-либо другое чувство не подсказало им, что делать.

Джентльмены замка как один были эрудитами и полиглотами, но, к сожалению, специалиста в военном деле среди них не нашлось.

В стены замка было встроено разнообразное оружие и другие приспособления, о назначении которых жители ничего не знали. Они попытались привести в боевое состояние излучатель, действие которого было красочно изображено на одном из гобеленов, украшавших парадную залу, но что-то в нем так и не заработало. Вместо бледного конуса смертоносного излучения, разрушающего все на своем пути, из фокуса излучателя вырвался сгусток темно-красного пламени а на пульте управления зажегся фиолетовый контрольный сигнал.

Уоррик Маденси Арбан — главный архивариус замка — не выходил из библиотеки, пытаясь разобраться в чертежах и пояснениях, но все было тщетно. Названия и понятия, указанные в манускриптах, ничего не объясняли ему. Настроить излучатель так и не получилось.

Благородные жители Джанейла с волнением следили, как изо дня в день все выше становится вал, опоясывающий замок наподобие вулканического кратера.

Лето было на исходе, когда земляной гребень достиг парапета, и грязь стала засыпать улицы и дворы. Было очевидно: еще немного — и она погребет под собой весь замок.

Именно тогда несколько юных офицеров в героическом порыве бросились вверх по насыпи в атаку, под дождем камней и стрел, которыми их осыпали мекки. Некоторым из них удалось достигнуть гребня, где разразилась свирепая схватка. Она продолжалась всего минут пятнадцать, но земля успела стать бурой от крови.

В ответ мекки вывели на дистанцию поражения несколько непонятных машин, укрепили их на вершине рва, и на территорию замка устремилась неизвестная жидкость, которая растворила в себе все живое.

Джанейл, семь веков служивший пристанищем для галантных джентльменов и грациозных дам, был превращен в руины.

Мекк, помещенный в качестве музейного экспоната в витрину, представлял собой человекоподобное существо с планеты Этамин. Его ржаво-бронзового цвета кожа лоснилась, будто натертая воском. Шипы, торчавшие из затылка, были покрыты медно-хромовой пленкой, органы чувств располагались в специальных наростах на черепе, там, где у человека находятся уши. Лицо было морщинистым, как обнаженные мозги — нетрудно испугаться, встретив такого «красавца» в темном коридоре подуровня. Рот меккам заменяла узкая вертикальная щель, под кожей плеч был прижат мешок для сиропа. Его естественные органы пищеварения, предназначенные для выделения полезных веществ из болотной травы, полностью атрофировались.

Таков был мекк — существо, во многом превосходящее человека благодаря способности принимать радиоволны.

Многие крупные ученые, в том числе Д. Р. Джардин из Утросветного и Салонсон из Туанга, считали мекков покорными и флегматичными, но глубокомудрый Клагорн из замка Хагедорн придерживался иного мнения.

Эмоции мекков, доказывал он, нельзя сравнивать с человеческими, ибо природа их совершенно другого свойства. После долгих и тщательных исследований ему удалось выделить и описать около дюжины специфических эмоциональных состояний у испытуемых. Эти сведения опровергали широко распространенное мнение о скудости внутреннего мира мекков.

Несмотря на это, бунт оказался полной неожиданностью как для ученых, так и для остальных.

— Почему? — спрашивал себя каждый, — как могли они, столь послушные и работающие, задумать и привести в исполнение этот ужасный план?

Самая разумная гипотеза была одновременно и самой простой: мекки давно ненавидят людей, насильно изгнавших их из естественной среды обитания. Но, возражали другие, это не объяснение, это проекция человеческого мышления на существо негуманоидного типа. Точно так же можно предположить, что они пылают благодарностью к землянам, вызволившим их из суровых условий Этамина.

— Абсурдно приписывать полуживотным такие тонкие чувства! — возражали первые.

— Наше предположение ничуть не абсурднее вашего! — парировали вторые.

Как видите, научные споры по этому поводу зашли в тупик.

ГЛАВА 2

Замок Хагедорн, стоявший на вершине черной диоритовой скалы, являлся естественной доминантой, протянувшейся далеко к югу долины. Более величественный, чем Джанейл, он был защищен трехсотфутовой стеной, имевшей почти милю в поперечнике. Зубцы стен возвышались в девяти сотнях футов над долиной, башни и наблюдательные вышки уходили за облака. Две стороны скалы — восточная и западная — почти отвесно спускались в долину, на северном и южных склонах были устроены террасы, где росли виноград, персики и артишоки. В замок вела широкая дорога, спиралью обегавшая скалу и подходившая к центральной площади. На противоположной ее стороне находилась Большая ротонда. Справа и слева располагались жилые кварталы, они давали приют двадцати восьми семьям.

На месте центральной площади стоял раньше старый замок, построенный в честь возвращения на Землю. Хагедорн Десятый разрушил его и, собрав целую армию пейзанов и мекков, возвел новый. С этого времени начиналась родовая история Двадцати Восьми Семей, насчитывавшая уже пять веков. Однако под площадью остались три уровня: на самом дне — стояла и ангары, потом — мастерские и жилища мекков, и, наконец, разнообразные склады — продовольственные, оружейные и прочие, — но это лишь то, о чем было известно. Сети ходов и галерей, скрытые от посторонних глаз, разветвляясь, уходили далеко от площади. И лишь несколько тщательно сделанных карт способствовали возможности нахождения тоннелей. Но где хранятся эти карты, не знал никто.

Ныне замком правил Хагедорн Двадцать Шестой по имени Клагорн Овервельский. Его избрание явилось сюрпризом для подданных, так как О. С. Чарли (а именно таково было его подлинное имя) ничем особенным не отличался. Многие джентльмены превосходили его элегантностью, обаянием, эрудицией. Он был хорошо сложен, имел овальное лицо с коротким, прямым носом и серыми глазами. Выражение лица у него было рассеянное или, как язвили недруги, «потустороннее». Но стоило ему слегка опустить веки и нахмурить густые, светлые брови, как лицо сразу становилось упрямым и жестоким.

Должность эта, хотя и не давала большой власти, делала его, тем не менее, очень влиятельным лицом. Многое зависело в замке от поведения джентльмена, носившего имя «Хагедорн», поэтому избрание его являлось важным событием. Здесь сталкивались интересы различных кланов. Кандидатов на эту должность обсуждали с безжалостной откровенностью, находя у каждого немало изъянов, и нередко во время выборов старые друзья становились заклятыми врагами, множились ряды недругов, рушились репутации.

Выбор Чарли Овервельского был своеобразным компромиссом в споре нескольких кланов за обладание титулом. Двое представителей других кланов, которых обошел Чарли, были людьми в высшей степени порядочными и уважаемыми, но отличались крайними взглядами на принятый в замке образ жизни. Одним из них был многосторонне одаренный Гарр из семьи Замбелдов. Он обладал традиционным

для хагедорнского джентльмена набором добродетелей: великолепно разбирался в достоинствах древних ароматических жидкостей, одевался с безукоризненным вкусом, умело прикалывая неизменную овервельскую бутоньерку (ни разу в жизни она не сползла у него набок).

Беззаботность сочеталась в нем с безукоризненной честностью, речь блистала изысканными оборотами и изощренными аллюзиями. Остроумие было его характернейшей чертой он мог часами цитировать выдающиеся литературные произведения. Кроме того, он в совершенстве владел игрой на девятиструнной лютне и участвовал поэтому в представлениях из Времен Древних Рыцарей. Разбирался он также и в антиквариате, рассуждал как знаток на темы истории древних времен. Его талант полководца не имел равных в Хагедорне, лишь Магдах из Делора мог бы, пожалуй, поспорить с ним. Что же касается недостатков, то их было совсем немного: педантичность, язвительность и резкость суждений, переходящая подчас в жестокость. Никто бы не назвал Гарра нерешительным, его личное мужество не вызывало и тени сомнения. Два года назад, когда отряд бродяг вторгся в Люцерновую долину, убивая пейзапов и уводя скот, Гарр сформировал команду мекков, погрузил их на дюжину краллов и отправился в погоню. Настигнув кочевников у реки Дрен, он дал бой, во время которого проявил недюжинную смелость и упорство. Бой завершился разгромом бродяг. Они бежали, бросив на поле боя двадцать семь трупов. Потери мекков составляли всего лишь двадцать голов.

Противником Гарра на выборах был старейшина семьи Клагорнов, человек весьма светский, искушенный в тонкостях закулисной жизни замка. Он тоже обладал глубокими познаниями, хотя и не такими разнообразными, как его соперник Гарр. Интересовался он, в основном, мекками, их психологией, языком и обычаями. Его рассуждения были не столь красивы, зато основательны. Речь отличалась простотой и ясностью. Он не держал фанов, в то время как четыре Воздушные Грации благородного Гарра служили лучшим украшением представлений из Времен Древних Рыцарей. Но главное, — джентльмены эти резко отличались друг от друга взглядами на жизнь.

Гарр был стойким традиционалистом, настоящим сыном своего времени, без каких-либо сомнений исповедующим все его догматы. Никогда не приходила к нему мысль о том, что следует как-то изменить условия, позволявшие жить в роскоши и безделье горстке избранных джентльменов.

Клагорн же, напротив, нередко выражал свое недовольство общим стилем жизни в замке и бывал при этом так убедителен, что оппоненты отказывались слушать, чтобы не лишиться хорошего расположения духа. Но тайное недовольство витало в воздухе, и у Клагорна находилось немало сторонников.

Когда же пришла пора подводить итоги выборов, обнаружилось, что ни тот, ни другой не сумели обеспечить себе большинства голосов. Пост, в конце концов, был отдан джентльмену, совершенно не готовому к такому обороту; несомненно, достойному, но лишенному выдающихся способностей; благородному, но не обладающему быстрым умом, — одним словом, Чарли Клагорну, ныне новому Хагедорну.

Шесть месяцев спустя, перед рассветом, мекки замка Хагедорн покинули жилища и ушли, угнав в собой всех краллов, забрав инструменты и электроприборы. То же самое происходило одновременно во всех восьми замках. Только совсем недалекие в понимании происходящего жители так и не поняли, что это был хорошо продуманный и блестяще выполненный замысел, направляемый чьей-то опытной невидимой рукой.

Сначала этому никто не поверил, затем джентльмены пришли в негодование, которое, по зрелом размышлении, сменилось тревогой и мрачными прогнозами.

Сам Хагедорн, предводители кланов и некоторые особо уважаемые джентльмены собрались на Совет в отведенной для особо важных заседаний зале. Они сидели за столом, покрытым красным бархатом: во главе — Хагедорн, слева — Ксантен и Иссет, справа — Аури и Беандры, и дальше все остальные, включая Бернала — выдающегося математика, Виаса — знатока истории и древностей, Гарра, Линуса и других.

В течение десяти минут все сидели молча, собираясь с мыслями и выполняя особую процедуру психической аккомодации, называемую «интранс».

Первым взял слово Хагедорн:

— Наш замок внезапно лишился всех мекков. Вряд ли стоит говорить, как это неудобно для нас. Это недоразумение должно быть устранено, чем быстрее, тем лучше. Думаю, с этим согласятся все присутствующие. — Он обвел взглядом сидящих за столом.

Все выложили перед собой пластинки из кости, означавшие согласие. Все, кроме Клагорна. Но он не поставил ее на ребро, в знак протеста. Иссет, седоволосый и величественный, несмотря на преклонный возраст, веско произнес:

— Не вижу причин откладывать карательную экспедицию. Конечно, пейзажи не слишком для этого годятся, но, поскольку другого выхода нет, мы должны их экипировать, вооружить и дать им хорошего командира. Гарр или Ксантен прекрасно справятся с этой ролью. Найти убежище мекков нам помогут птицы. Отыскав, мы зададим негодным хорошую трепку и силой вернем обратно.

Ксантен, самый молодой из предводителей — ему недавно исполнилось тридцать пять — и известный всем как сорвиголова, выразил сомнение:

— Не думаю, что пейзажи сумеют одолеть мекков, как бы хорошо они ни были вооружены.

Он был, к сожалению, прав. Пейзажи, маленькие андроморфы, были по природе своей непригодны к насилию.

Суровое молчание воцарилось за столом. Первым его нарушил Гарр:

— Эти мерзавцы похитили наших краллов, иначе я не устоял бы перед соблазном догнать их и хлыстом вернуть домой.

— Не могу понять, — размышлял вслух Хагедорн, — где мекки собираются брать питательный сироп. Конечно, они взяли с собой сколько могли, но ведь любой запас рано или поздно иссякнет, и им грозит голодная смерть.

— Скажите, Клагорн, смогут они снова вернуться к естественной пище — кажется, это была болотная грязь?

— Нет, — отвечал тот, — пищеварительные органы взрослых особей безнадежно атрофированы, выживут в этом случае только детеныши.

Следует напомнить читателю, что перед ним — только документальный перевод, не сохранивший всей яркости и выразительности языка оригинала. Многие из слов не име-

ют сегодня эквивалентов. Например, «скиркловать», что означает совершать беспорядочное бегство, сопровождается подергиванием и трепетанием. «Волишь» — шутки ради, без больших усилий, перекраивать материю (в философском значении слова) на молекулярном уровне. В переносном смысле — обладать неограниченными возможностями, преодолевать без труда любые препятствия. «Радельбоги» — полумразумные обитатели Этамина-6, завезенные на Землю и обученные исполнять обязанности садовников и строителей. Впоследствии они с позором были возвращены на родину из-за некоторых отвратительных привычек, от которых они не желали избавляться.

Реплика Гарра в оригинале звучала так: «Если бы имелся в наличии краллы, я бы волил погоню с хлыстом в руках и заскиркловал бы этих радельбогов домой!»

— Этого я и опасался. — Чтобы скрыть растерянность, Хагедорн хмуро уставился на свои сцепленные пальцы. Одетый в голубую одежду клана Беандров джентльмен показался в дверях и, остановившись, отсалютовал присутствующим правой рукой.

Хагедорн поднялся ему навстречу из-за стола.

— Проходи, благородный Робарт, расскажи, какие новости. — Салют обозначал вестника.

— Получено сообщение из Безмятежного. Их атаковали мекки. Они подожгли постройки и истребили жителей. Радиосвязь прервалась минуту назад.

Люди за столом засуетились, многие вскочили с мест.

— Истребили? — прохрипел Клагорн.

— Без сомнений. Безмятежного больше не существует.

Клагорн сел и молча уставился в пространство. Все вокруг живо обсуждали жуткую новость, слышались крики ярости.

Хагедорн призвал Совет к порядку.

— Несомненно, положение крайне опасное. Возможно, это один из самых тяжелых моментов нашей истории. Должен признаться, что не могу пока предложить ничего конкретного.

— А как остальные замки? Надеюсь, они в безопасности? — спросил Овернел.

Хагедорн повернулся к Робарту:

— Будьте добры, свяжитесь по радио с остальными замками и выясните их положение.

— Другие замки укреплены не лучше Безмятежного — Делора, Морской остров, Маравал. Особенно уязвим Маравал.

Тут заговорил Клагорн:

— Леди и джентльмены из этих замков должны укрыться у нас или в Джанейле, пока бунт не будет подавлен.

Остальные посмотрели на него с удивлением, а Гарр язвительно поинтересовался:

— Представляете ли вы себе благородных жителей замков, бегущих в страхе от невежественных и тупоумных слуг?

— Вполне, ибо иначе они погибнут, — вежливо отвечал Клагорн.

Джентльмен позднего периода средних столетий, Клагорн был коренаст, силен, в волосах пробивалась седина, а в глазах его светилась большая внутренняя сила.

— Не спорю, бегство наносит некоторый ущерб достоинству, — продолжал он. — И если благородный Гарр может предложить нам лучший способ спасения, я буду рад поучиться. Боюсь, это бесполезная трата времени, случай воспользоваться им скоро представится.

Прежде чем Гарр успел что-либо ответить, вмешался Хагедорн:

— Давайте не будем отклоняться в сторону. Сознаюсь, я не представляю, чем все это может кончиться. Мекки, оказывается, способны убивать. Как после такого мы сможем пустить их в наши дома? Но без них нам придется туго, до тех пор, пока мы не подготовим новых механиков.

— Корабли! — воскликнул вдруг Ксантен. — Нужно заняться ими немедленно.

— Что это значит? — спросил Беандри, джентльмен с лицом, как бы высеченным из камня. — Что вы понимаете под словом «заняться»?

— Их нужно спасти от мекков, что же еще?! Только они связывают нас с обитаемыми Мирами. Если мекки задумали нас истребить, то в первую очередь они разрушат корабли.

— Может быть, вы лично отправитесь с отрядом пейзазан к ангарам и возьмете корабли под надежный контроль? — презрительно поинтересовался Гарр.

— А как вы представляете себе сражение при поддержке пейзазан? Разумнее будет, если я проберусь к ангарам

и разведая обстановку. А тем временем вы и другие джентльмены, имеющие военный опыт, попытаете организовать пейзажную милицию.

— Я бы предпочел подождать до полного выяснения обстановки, чтобы использовать свои знания с максимальной пользой, — ответил Гарр. — Если же вы считаете для себя приемлемым подглядывать за мекками, то, ради Бога, действуйте, не смущайтесь!

Оба джентльмена скрестили пылающие взгляды.

Год назад их вражда едва не завершилась дуэлью. Ксантен, высокий, гибкий, утонченного склада, был наделен разнообразными способностями, но чересчур легкомыслен для идеального джентльмена. Традиционалисты считали его непоследовательным и безвольным — не лучшие качества для предводителя клана.

Ответ Ксантина был безукоризненно вежлив:

— Буду рад выполнить то, что необходимо. Поскольку медлить нельзя, я покину вас сейчас же. Надеюсь вернуться завтра и доставить нужные сведения. — Он отвесил церемонный поклон Хагедорну, отсалютовал Совету и вышел.

ГЛАВА 3

В первую очередь Ксантен направился в жилище Семьи Эследанов, где занимал покои на восемнадцатом уровне. Четыре комнаты были меблированы в стиле Пятой династии, названном так в соответствии с эпохой в истории Обитаемых Миров Альтаира, откуда человек вернулся на Землю. Араминта, спутница жизни Ксантина, благородная леди из семьи Онвейнов, отправилась куда-то по делам, что вполне устраивало Ксантина. Иначе она просто замучила бы его глупыми вопросами. Араминта не верила ему ни на йоту, всегда и во всем подозревая любовные интриги.

Как и любая женщина, она искала в своем мужчине именно то, чем грешила сама. Честно говоря, он уже подустал, да и она не пылала к нему страстью — звание супруги Ксантина не способствовало ее успеху в обществе в той мере, как она рассчитывала. У Араминты была дочь от прежнего спутника, и если бы появился ребенок, он был бы приписан Ксантену, после чего тот лишился права иметь еще детей.

Численность населения в Хагедорне строго контролировалась. Каждому джентльмену и каждой леди разрешалось иметь только одного ребенка. Если же это правило нарушалось, то ребенка отдавали кому-нибудь из бездетных жителей, согласных принять его, или вверяли заботе Искупающих.

Ксантен сбросил желтое одеяние, в котором был на Совете, и с помощью слуги-пейзана облачился в охотничьи брюки с кантом, черную куртку и черные сапоги. В сумку он сложил оружие: боевой нож с волнистым голубоватым лезвием и миниатюрный ручной бластер ближнего боя.

Покидая свое жилище, он вызвал лифт и спустился на первый уровень, в оружейную. Раньше его встретил бы здесь мекк-служитель, теперь же Ксантен был вынужден, сдерживая отвращение, сам зайти за прилавок и начать рыться в ящиках. Мекки забрали с собой почти все: спортивные винтовки, бластеры, боевые винтовки дальнего поражения, дезинтеграторы, распылители и даже радугометы. Ему удалось разыскать стальной хлыст-працу, пару запасных батарей для бластера и несколько кумулятивных гранат. Кроме того, он запасся мощным монокуляром.

Вернувшись в лифту, он поднялся наверх, размышляя по дороге о тяжелых временах, которые наступят, когда подъемник выйдет из строя. Но представив, в какую ярость придут традиционалисты вроде Беандри, он усмехнулся. Нет, настоящие события еще впереди!

Выйдя из лифта на верхнем уровне, он пересек стеной парпет и вошел в радиорубку. Обычно здесь сидели три мекка-оператора, соединенные шлангами с аппаратурой, и записывали сообщения. Но сейчас перед аппаратом стоял только Робарт, лицо которого кривилось от презрения к столь низкому занятию.

— Есть новости? — поинтересовался Ксантен.

Робарт невесело усмехнулся:

— Мой собеседник из другого замка справляется с этим устройством не лучше меня. Периодически я слышу какой-то шум и голоса. Кажется, мекки начали штурм Делоры.

В рубку вошел Клагорн.

— Верно ли я расслышал? Неужели замок Делоры пал?

— Пока еще нет, но вряд ли долго продержится. Стены его — одна живописная видимость.

— Ситуация чертовски трудная,— пробормотал Ксантен.— Не понимаю, как разумные существа могут быть так жестоки. Мы ничего о них не знали, и это после столетий совместной жизни! — Тут он понял, что допустил бестактность — Клагорн большую часть жизни посвятил изучению мекков.

— Ситуация не новая,— кротко заметил ученый.— Подобное не раз случалось в истории человечества.

Удивленный тем, что Клагорн, говоря о мекках, обратился к истории людей, Ксантен спросил:

— Но ведь вы раньше не наблюдали агрессивности в их поведении?

— Нет, даже не подозревал этого.

Клагорн чувствует себя уязвленным, подумал Ксантен, но его можно понять. Программа Клагорна, выдвинутая им на выборах, была довольно сложной, Ксантен мало что в ней разобрал, но одно было ясно: бунт мекков выбил у него почву из-под ног, что вызвало злорадный смех Гарра, еще более укрепляющегося в своих традиционалистических настроениях.

— Та жизнь, что мы вели, не могла длиться вечно, нечто подобное должно было случиться рано или поздно,— сухо заметил Клагорн.

— Наверное, это так,— сказал Ксантен, желая его успокоить.— Что теперь поделаешь. И, кто знает, может, пейзаны уже задумали отравить нашу пищу... Но я должен идти.— Он попрощался с Клагорном и Робартом и быстро вышел.

По узкой винтовой лестнице он взобрался наверх, в птичник. Здесь царил ужасающий беспорядок. Птицы проводили время в постоянных ссорах, а развлекались они в основном игрой в кворлы — разновидность шахмат с неподвластной людскому уму логикой.

В замке Хагедорн содержалось около сотни птиц. Прислуживали им многострадальные пейзаны, которых птицы всячески третировали.

Существа они были болтливые, невоспитанные и с врожденной тягой ко всему яркому и безвкусному. Дисциплины не признавали вовсе.

Ксантена встретил хор хриплых возгласов: «Кому-то захотелось на нас прокатиться, вот еще морока! А почему бы двуногим не отрастить собственные крылья? Друг, не

доверяйся этим птицам. Они поднимутся повыше и заставят тебя полетать самому!»

— Тихо! — приказал Ксантен. — Мне нужна шестерка быстрых и сильных птиц для важного задания. Кто возьмется?

— Он спрашивает, кто возьмется! Ах, роз, роз, роз! Да уж неделю никто не разминался! Мы ему сейчас покажем «тихо»!

— А ну, пошли! Ты, ты, вот ты с хитрым глазом, и ты, взъерошенный, и ты, с зеленым гребнем. Всем к корзине!

Выбранные птицы с ворчанием и стонами позволили пейзазам наполнить их мешки питательным сиропом. Затем они, хлопая крыльями, собрались вокруг Ксанта, сидевшего внутри корзины на плетеном стуле.

— Ваша задача — подобраться к ангарам кораблей в Винцене. Лететь следует безмолвно, внизу враг. Мы должны выяснить, не угрожает ли опасность кораблям.

Каждая из птиц ухватила за прикрепленный к специальной раме канат, и с резким толчком они взмыли в небо, переругиваясь, пока наконец не вошли в ритм полета. После этого птицы притихли и летели молча, уносясь на юг со скоростью пятидесяти миль в час.

День клонился к вечеру. Древняя земля, место стольких побед и поражений, покрылась длинными, иссиня-черными тенями. Глядя вниз, Ксантен подумал, что, хотя предки его обосновались здесь семь веков назад, прародина все еще кажется ему чужой. И в этом не было ничего удивительного. После большой межзвездной войны Земля была покинута людьми более чем на три тысячи лет. Здесь оставалась лишь горстка сумасшедших, переживших катастрофу и давших начало полудиким кочевым бродягам. Семь столетий тому назад несколько богатых лордов с Алтаира, отчасти из политических соображений, но в основном потакавая своему капризу, решили вернуться на Землю. Так появились девять резиденций, где жили благородные леди и джентльмены, а также прислуга из специализированных андроморфов.

Они пролетали над местностью, где какой-то любитель истории занимался раскопками. С высоты полета была видна белокаменная площадь с разрушенной статуей в центре. Этот вид навел Ксанта на размышления о вечном. Ему представилась вновь заселенная Земля, нивы, вспа-

ханные и засеянные человеком, разбросанные тут и там маленькие, уютные домики. На ум пришли стихи одного полузабытого поэта:

Окрыленная Вселенной,
Часть прекраснейшей природы,
Реет мысль моя на воле,
Смотрит, что творится в мире.

Видит, как туман клубится
Над рекою утром ранним,
Как олени пьют водицу
Прядая слегка ушами.

Как за дальними холмами
Розовеет неба обруч
И готовится к восходу
Бог-Отец самой природы.

Как росинки отвечают
Солнцу радостной игрою
И с весельем пролетает
Теплый ветер над тобою.

Но мысли его вскоре вернулись к более прозаическому предмету, — восстанию мекков, разом оборвавшему привычную жизнь. Клагорн был сторонником той точки зрения, что никакое сообщество не пребывает долгое время в неизменности. И чем оно сложнее устроено, тем больше склонно к переменам.

Семь веков искусственно поддерживаемой, вычурной и многослойной жизни в замках следовало считать просто подарком судьбы. Если же согласиться с тем, что перемены неизбежны, то благородные жители должны быть готовы взять процесс под контроль. Эта теория подверглась яростным нападкам традиционалистов. Они обвиняли Клагорна в предвзятом толковании истории, и в доказательство своей правоты приводили те же семь веков стабильного существования замков. Вполне достаточный срок, чтобы считать систему жизнеспособной. Ксантен в разное время придерживался то одной, то другой точки зрения. Вообще его не слишком волновали научные теории, но факт принадлежности Гарра к традиционалистам делал сторонников Клагорна более привлекательными в его глазах. Кроме того, время подтвердило правоту Клагорна. Пора перемен пришла, же-

стоко перевернув привычный ход вещей. Кое-что, правда, оставалось непонятным. Почему мекки выбрали для восстания именно это время? Условия их жизни оставались неизменными на протяжении пяти веков, и однако, раньше они не высказывали неудовольствия. Точнее сказать, они не выказывали никаких чувств, и никто не интересовался, есть ли они у мекков, — никто, кроме Клагорна.

Птицы несколько изменили направление полета, обходя Валаратские горы, где лежал в руинах огромный город, чье название кануло в лету. Внизу под ними проплывала Люцерновая долина, некогда цветущая и плодородная. Если присмотреться, можно было различить очертания бывших полей и ферм.

Впереди показались ангары. Там хранились в рабочем состоянии четыре космических корабля — общее достояние Хагедорна, Джанейла, Туанга, Утросветного и Маравала. Транспорт великих предков. Теперь — его единственный шанс.

— Лететь низко, нас никто не должен видеть. Опустайтесь вон там, за деревьями, — перекрикивая свист ветра, нетерпеливо покрикивал Ксантен.

Птицы плавно заскользили вниз, вытянув длинные шеи. Ксантен приготовился к толчку — обычно птицы не утруждали себя мягкой посадкой, когда несли джентльмена. Если же они везли груз, в сохранности которого были заинтересованы, то земли касались с легкостью бабочки, садящейся на цветок.

Ксантен, умело славировав, сохранил равновесие. Не удалось птицам полюбоваться катящимся кувырком джентльменом.

— У вас есть еда, — сказал он им, — не шумите, не ссорьтесь, отдыхайте. Если я не вернусь к завтрашнему вечеру, летите в замок и скажите, что я убит.

— Будь спокоен! — загалдели разом птицы. — Ждем, хоть целую вечность!

— В случае опасности — дай знать. Ах, роз, роз, роз! — мы страшны в гневе!

— Если бы так оно и было, — вздохнул Ксантен, — да все знают, что вы — отъявленные трусы. Ладно, спасибо на добром слове. Самое главное — не поднимайте шума.

Мне совсем не улыбается быть схваченным из-за вашей болтовни.

— Какая несправедливость! Мы всегда ведем себя тише воды ниже травы!

— Отлично!

И Ксантен поспешил прочь, чтобы не слышать следующего залпа уверений в преданности.

ГЛАВА 4

Пройдя через небольшой лесок, он увидел луг, на противоположном конце которого, ярдах в ста от Ксантена, поблескивала металлическая стена первого из ангаров. Остановившись на краю поля, Ксантен некоторое время присматривался к окружающему его пространству и самому ангару. Конечно, способам и методам ведения полевой разведки он не был обучен, но все же имел врожденную собранность и внимательность. Чем и решил воспользоваться сейчас. Необходимо было учесть многие факторы. Во-первых, здешние мекки могут не знать о восстании — металлические стены экранируют радиоволны. Хотя вряд ли, если принять во внимание тщательную подготовку бунта. Во-вторых, мекки обычно действовали как единый организм, и, значит, бдительность отдельно взятой особи была ослаблена. В-третьих же, если мекки ждут незваных гостей, то они наверняка возьмут под наблюдение именно этот путь, как самый удобный.

Ксантен подождал до начала захода солнца, заодно закусив приготовленными заранее бутербродами с вяленым мясом и сыром, запил несколькими глотками слабого красного вина, и приготовился к осмотру ангаров.

Ксантен беспрепятственно подошел к стене ближайшего ангара. Солнце еще не закатилось, и перед ним скользила его собственная длинная тень. Он прижался ухом к стене ангара, но ничего не услышал. Тогда он дошел до угла и осторожно выглянул — нигде ни души. Что ж, тем лучше, теперь — к дверям. Войдя во внешнюю дверь ангара, Ксантен увидел коридор, уходящий в глубину, по бокам которого располагались одинаковые двери. Одна из них привлекла внимание Ксантена мощной металлической обивкой. Он толкнул дверь и вошел внутрь. Как выяснилось с первого же взгляда, дверь вела в зал управления и наблюдения за всем анга-

ром. На отполированных до блеска столах не было ни грамма пыли. Панели компьютеров и информационных устройств — черная эмаль, стекло, белые и красные переключатели, — все казалось установленным только вчера.

Ксантен подошел к большому, во всю стену, экрану, перед которым стоял стол, отличавшийся от другим обилием предметов управления — рычагов, переключателей, тумблеров, и даже верньеров. Посмотрев на пустой экран, Ксантен сел за стол, посидел, представив, как за этим столом сидели его далекие предки, и вдруг, сам того не ожидая, перещелкнул несколько переключателей и утопил большой белый рубильник в левом углу стола. Экран ожил. На нем появилось объемное изображение черной громады космического корабля. Мекков не было. На полу ангара лежали разнообразные детали механизмов корабля, в корпусе зияли отверстия панелей, указывая места отсоединений. Несомненно, корабль не был готов к полету.

Некоторые ученые в разных замках занимались теоретической стороной пространственно-временных переходов. Розенхокс из Маравала даже вывел несколько уравнений, которые, будучи примененными на практике, позволяли избежать опасного эффекта просачивания. Но ни один джентльмен, даже если он и унижится до того, чтобы коснуться рукой инструмента, не в состоянии собрать заново, установить и настроить сваленные в кучу на полу приборы и механизмы.

Он проверил еще два ангара — картина повторялась. Лишь подойдя к четвертому, он расслышал слабые звуки, доносившиеся изнутри. Включив экран в зале наблюдения, он увидел работающих мекков. Как всегда, они поражали экономностью движений и отсутствием какого-либо производственного шума. Ксантен пришел в ярость, видя, как хладнокровно уничтожается его имущество. Он ворвался в ангар и, хлопнув себя по бедру, сурово произнес:

— Немедленно приведите механизмы в порядок! Как вы посмели трогать собственность людей!

Мекки повернули к нему свои жуткие лица, рассматривая Ксанта черными горошинами линз-наростов по обе стороны головы.

— Как?! — проревел Ксантен. — Вы еще раздумываете? — Он извлек припасенный заранее хлыст, обычно используемый как символ власти, и щелкнул им об пол.

— Слушаться меня! Ваше смехотворное восстание закончено!

Но мекки не двинулись с места. Не проронив ни звука, они стремительно обменивались мыслями и вырабатывали коллективное решение. Ксантен двинулся на мекков, нанося безжалостные удары по их единственному уязвимому месту — липкому, бугристому «лицу».

— По местам! — гремел он. — Хорошенькие ремонтники! Вместо того, чтоб чинить, все переломали! А ну, за работу!

Издавая свои обычные тихие вздохи, которые могли означать все что угодно, мекки расступились, и Ксантен увидел еще одного, стоявшего на ведущем в открытый люк корабля трапе. Он был крупнее остальных — таких Ксантену встречать еще не приходилось, — и в руке держал бластер, направляя его прямо в голову Ксантена. Взмахом хлыста тот вовремя осадил прыгнувшего на него с ножом мекка и, не целясь, выстрелил в стоящего на трапе. К счастью, он не промахнулся. Ответный выстрел прошел лишь в дюйме от его головы.

Остальные мекки перешли в атаку. Прислонившись спиной к металлической обшивке корабля, Ксантен расстреливал их по мере приближения, уклоняясь от летящих в него кусков металла.

Мекки отхлынули. Видимо, они решили переменить тактику. Оставаться в зале было бессмысленно. Хлыстом он расчистил себе дорогу в администраторскую. Под градом металла, колотящего в обзорное окно, он не спеша пересек помещение и вышел в надвинувшуюся ночь.

Поднималась большая желтая луна, своим шафранным сиянием напоминая старинную тусклую лампу. Глаза мекков не были приспособлены к темноте, и Ксантен решил подождать их у входа. Пустившиеся было за ним в погоню мекки, выйдя на улицу, падали навзничь с пробитыми головами.

Мекки отступили обратно в ангар. Оглядываясь, Ксантен пошел прочь, глядя прямо перед собой. Вдруг неожиданная мысль заставила его остановиться. Тот мекк, с бластером, он был крупнее других, более темной окраски, но самое важное — в нем чувствовалась необычная для мекка уверенность в себе, почти властность, как бы странно это ни звучало. Но, с другой стороны, кто-то ведь составил план восстания, у кого-то из них родилась эта дикая мысль!

Подумав, Ксантен вновь направился через посадочную площадку к ангарам. Морщась от стыда, он еще раз напомнил себе про осторожность. Да, хорошие настали времена, если благородный джентльмен вынужден опасаться — подумать только — каких-то мекков. Он спрятался за одним из ангаров, где дремало около полудюжины крааллов.

Крааллы, так же, как и мекки, были родом с планеты Этамин. В естественном состоянии эти жители далекой планеты представляли собой массивные, прямоугольные куски плоти. Их заключали в прямоугольную раму, защищали от солнца, насекомых и грызунов синтетическими «кожами», приживляли резервуары для питательного сиропа и вводили проводники в двигательные центры очень примитивного мозга. Мышцы соединялись с рычагами шатунов, приводивших в движение роторы и колеса шасси. Крааллы были очень эконоичным, легко управляемым и долгоживущим видом транспорта. Использовали их, в основном, для перевозки грузов, земляных работ и пр.

Ксантен осмотрел погруженные в сон крааллы. Все они были одного типа — металлическая рама на колесах, впереди прикреплен землеройный нож.

Затем он обнаружил небольшой бункер, где находилось несколько контейнеров с сиропом. Ксантен погрузил с дюжину на ближайший экипаж, а все остальные проткнул ножом, залив весь пол липкой жидкостью. Мекки питались сиропом несколько другого состава их запас, видимо, хранится в другом месте — скорее всего, в жилых бараках. Ксантен взобрался на краалла, повернул ключ на «активность», толкнул кнопку «Движение» и надавил рычаг реверса. Краалл дернулся назад. Ксантен затормозил, развернув экипаж по направлению к баракам. То же самое он проделал с остальными тремя, а затем привел их в движение. Крааллы покатались вперед. Землеройные ножи пробили металл барачной стены, крыша задрожала и осела, а крааллы продолжали движение, сокрушая все на своем пути.

Окинув взглядом результаты работы, Ксантен удовлетворенно хмыкнул и вернулся к крааллу, которого оставил для себя. Взобравшись на сидение, он немного подождал. Из бараков никто не вышел, все мекки были заняты в ангаре. Запас питательного сиропа уничтожен, многие из них погибли от голода.

Вдруг от ангара отделилась одинокая фигура. Мекк! Его, наверное, привлек шум в ангаре. Ксантен сжался на сидении, и как только мекк миновал кралла, оплел его шею хлыстом и потянул — мекк рухнул на землю. Не мешкая, Ксантен прыгнул на землю, вытаскивая из-за пазухи бластер. Это был еще один необыкновенно крупный мекк, но теперь Ксантен заметил, что у него нет сиропного мешка — это природный мекк! Невероятно! Как ему удалось выжить? Возникало огромное количество вопросов, ответов на которые пока не находилось. Придавив шею мекка ногой, Ксантен срубил торчавшую из затылка антенну-шип. Теперь мекк был лишен связи с остальными, брошен на произвол судьбы — состояние, непереносимое даже для самых стойких из них.

— Встань! — приказал Ксантен. — Полезай наверх! — Он щелкнул кнутом для большей убедительности.

Мекк, поначалу настроившийся игнорировать Ксантена, после одного-двух ударов подчинился. Ксантен залез внутрь, включил кралла и направился на север. Птицы, скорее всего, не смогут доставить обратно и его, и пленного мекка, и в любом случае поднимут слишком большой шум, а это опасно. Поэтому Ксантен отдал предпочтение краллу.

ГЛАВА 5

Благородные жители замков не любили покидать их стены в ночное время. Хотя признаваться в этом считалось недостойным, суеверные страхи одолевали обитателей. Многие повторяли рассказы якобы очевидцев о том, как, застигнутые темнотой вблизи поросших травой развалин, они наблюдали лунных духов, слышали жуткую потустороннюю музыку или звуки охотничьего рога.

Другим виделись зеленые огни и призраки, мчавшиеся меж деревьев нечеловеческими прыжками. Руины же аббатства Хог пользовались особо дурной славой из-за будто бы обитавшей там Белой Ведьмы. Утверждали, что она требует дань с проходящих мимо. И хотя трезвомыслящие люди потешались над этими глупостями, гулять по ночам без особой надобности было не принято. Действительно, если привидения поселяются в местах упадка и трагедий, то равнины Старой земли должны просто кишеть потус-

торонними существами, особенно местность, которую пересекал сейчас Ксантен.

Луна поднялась уже довольно высоко. Экипаж катился на север по древней дороге. Ее потрескавшиеся бетонные плиты ярко белели в свете луны. Дважды Ксантен замечал мигающий оранжевый свет по сторонам дороги, а один раз ему почудился высокий силуэт в тени кипариса: кто-то, казалось, следил за ним. Пойманный мекк наверняка задумал какую-нибудь пакость, можно не сомневаться, с ним надо держать ухо востро.

Дорога вела через бывший город, от которого оставались еще кое-какие строения. Здесь витал дух упадка и печали, и даже бродяги не решались в нем останавливаться.

Луна достигла зенита. Вокруг расстился выписанный в тысячах оттенков серебра и тьмы пейзаж. Очарованный этой красотой, Ксантен решил, что несмотря на все удобства их собственной цивилизации, вольная жизнь кочующих Бродяг имеет свои преимущества. Мекк сзади еле слышно завозился. Ксантен, не поворачиваясь, щелкнул в воздухе кнутом. Пленник затих.

Всю ночь кралл катился вдоль старой дороги. Луна бледнела и клонилась к западу. Восточный горизонт заиграл всеми оттенками желтого, затем красного цвета, и наконец над далекой горной цепью взошло солнце.

В этот момент внимание Ксантена привлек поднимавшийся справа столб дыма. Он остановил кралла и, вытянув шею, разглядел стоянку бродяг примерно в четверти мили от дороги.

Ему показалось даже, что он различает на палатке знакомую идеограмму. Если так, то он встретил именно то племя, с которым недавно сразился отряд Гарра.

Ксантен по возможности привел себя в порядок и, улыбнувшись про себя, направил кралла к лагерю кочевников. Около сотни долговязых, худых, одетых в черное мужчин наблюдали за его приближением, около дюжины выскочили вперед и направили свои луки на Ксантена. Тот ответил им недоумевающим взглядом и подъехал прямо к палатке. Встав с сиденья, он прокричал:

— Эй, Гетман, проснулись ли вы?

Через минуту из палатки появился сам Гетман. Как и остальные, он носил свободную черную одежду, закрывавшую все тело и голову, с узкой прорезью для лица.

Сквозь нее были видны светлые глаза и карикатурно-длинный нос.

Ксантен вежливо кивнул.

— Взгляни сюда, — он указал на мекка позади себя. Гетман отвлекся не больше чем на секунду, а потом снова продолжил тщательный осмотр Ксантена.

— Его народ восстал против благородных жителей замков, — рассказывал Ксантен. — Они задумали уничтожить всех людей на планете. После этого они, скорее всего, примутся за кочевников. Поэтому замок Хагедорн делает предложение кочевым бродягам. Приходите к нам! Мы накормим, оденем и вооружим вас. Мы обучим вас правилам боя, дадим искуснейших в военном деле предводителей. Когда мы сотрем мекков с лица земли, вы сможете заняться интересной и важной работой по техническому обслуживанию замков.

Лицо Гетмана исказилось зловещей усмешкой.

— Значит, эти чудовища решили покончить с вами. Жаль, что этого не случилось раньше! Но для нас это не имеет значения. И они, и вы — нам чужие, и скоро ваш прах развеет ветер!

Ксантен пропустил оскорбления мимо ушей — уж очень важен был этот разговор.

— Если я правильно понял, ты не считаешь нужным сплотиться перед лицом угрозы. Мы ведь с вами люди Земли, одно племя.

— Вы не люди. Это мы — всегда жившие на нашей планете, пившие ее воду, дышавшие ее воздухом — настоящие земляне. А вы и ваши безобразные слуги — вам здесь не место! Желаю успеха во взаимном истреблении.

— Ну что ж, я понял. Напрасно звать к родственным чувствам. А как насчет собственной выгоды? Ведь когда мекки поймут, что добраться до жителей замков они не в состоянии, то повернут оружие против вас.

— Когда нападут — тогда и ответим. А пока пусть поступают, как им вздумается.

Ксантен в раздумье посмотрел на небо.

— И тем не менее, даже сейчас мы хотели бы принять вас в замок и сформировать военный отряд.

Кочевники презрительно засмеялись:

— А потом вы пришьете нам на спины мешки для сиропы. Ха-ха!

Ксантен оставался невозмутимым.

— Сироп очень питателен и удовлетворяет все потребности организма.

— Так почему бы вам самим его не есть?

Ксантен был само терпение.

— Если вы дадите нам оружие, мы используем его для защиты самих себя, и не ждите от нас помощи. Вы дрожите за свою шкуру — так покиньте замки и станьте вольными бродягами.

— Дрожим за свою шкуру? Что за чушь! Никогда! Замок Хагедорн неприступен, как и большинство остальных. Гетман покачал головой.

— Если бы мы захотели, то в любой момент взяли бы ваш замок и перебили бы вас во сне, как глупых павлинов.

— Что?! — воскликнул в гневе Ксантен. — В своем ли вы уме?

— Несомненно. Темной ночью мы запустили бы лазутчика на воздушном змее. Оказавшись на крепостной стене, он спустил бы канатную лестницу, и через четверть часа замок был бы наш.

— Изобретательно. Но нереально. Птицы сразу обнаружат ваш змей. Или ветер вдруг стихнет... Но мы отклонились в сторону. Мекки не станут запускать змея, они окружают Хагедорн и Джанейл, а потом, разъяренные неудачей, нападут на вас.

— Ну и что? Мы уже не раз сражались с людьми из Хагедорна. Трусые, один на один мы заставим вас есть землю, презренные псы!

Брови Ксантена презрительно приподнялись:

— Боюсь, что ты забываешься. Я предводитель клана из замка Хагедорн. Лишь нежелание утруждать себя удерживает меня от того, чтобы проучить тебя как следует.

— Бах, — палец Гетмана указал на одного из лучников, — пощекочи-ка этого наглеца.

Тот спустил тетиву, но еще раньше луч Ксантена превратил в пепел стрелу, лук и даже руку воина. Крик несчастного затих где-то в холмах.

— Придется поучить вас вежливости, для вашего же блага.

Схватив Гетмана за волосы, он прошелся несколько раз хлыстом по его спине и плечам.

— Пока хватит. Надеюсь, я могу требовать элементарного уважения от мерзких навозных жуков.

Он подхватил Гетмана и забросил его на кралла. Затем развернул экипаж и, не оборачиваясь, покинул лагерь бродяг, защищенный от стрел спинкой кресла.

Гетман, придя немного в себя, выхватил кинжал.

Ксантен искоса взглянул на него.

— Не глупи! А то мне придется тебя связать и заставить бежать за краллом.

Гетман заколебался, потом сплюнул и спрятал кинжал.

— Куда ты меня везешь?

— Никуда. Просто нужно было выходить из положения. Можешь слезть. Как я понимаю, ты по-прежнему не согласен с моим предложением.

— Когда мекки разрушат замок, мы уничтожим мекков, и Земля очистится от звездной проказы!

— У вас просто не все дома. Ладно, ступай обратно. В следующий раз подумай, прежде чем неуважительно обратиться к джентльмену.

Гетман спрыгнул с кралла и гордо зашагал прочь.

ГЛАВА 6

К полудню Ксантен добрался до Овальной долины, что располагалась недалеко от замка.

Здесь, на берегу небольшой речушки без названия, находилась деревушка Искупающих — жители замка считали их неврастениками; во всяком случае, это был весьма любопытный народ. В прошлом многие из них занимали видное положение в обществе, некоторые прославились в науках и искусстве, но все они, включая и ничем не примечательных, были приверженцами одного из самых оригинальных и даже эпатирующих философских учений. Им приходилось заниматься трудом, не отличающимся от труда пейзажистов. Но жизнь в трудах и нищете (по меркам замка, разумеется) доставляла им удовольствие.

Учение это уже успело разделиться на разные направления. Приверженцев одного из них называли конформистами, другие же требовали перемен и получили за это название радикалов.

Замок и деревня не имели между собой прочных связей. Иногда Искупающие обменивали в замке фрукты и

полированное дерево на инструменты, гвозди и лекарства, иногда благородные жители замков отправлялись на экскурсию в деревню, чтобы послушать песни и посмотреть пляски Искупающих.

Ксантен не раз участвовал в таких вылазках, и у него возникла симпатия к жителям деревушки, таким простым и естественным.

Он свернул на знакомую тропинку, вьющуюся среди кустов смородины, и выехал на небольшое пастбище, где пощипывали травку корова и несколько коз. Оставив кралла под деревом, Ксантен проверил запас сиропа и обратился к пленнику:

— Ты что будешь есть? Сироп? Э-э, да ведь у тебя же нет резервуара... Чем ты питаешься? Болотной грязью? Боюсь, тут не найдется ничего в твоём вкусе. Ну, как хочешь, пей сироп или жуй траву, только не вздумай бежать — я слежу за тобой!

Мекк, скорчившийся в углу, даже не пошевелился.

Ксантен направился к поильному желобу. Набрав в ладони воды из-под крана, он омыл лицо и сделал пару глотков. Повернув голову, он обнаружил приближавшихся к нему жителей деревни. Одного из них он хорошо знал. Это был член семьи Аури, недавно присоединившийся к Искупающим.

— Доброго здоровья, Филидор, — приветствовал его Ксантен. — Это я, Ксантен.

— Само собой, к чему эти формальности?

Ксантен отвесил легкий поклон.

— Прошу прощения, не учел местных нравов.

— Избавь меня от своего остроумия. Зачем ты привез этого ободранного мекка? Чтобы мы его усыновили? — пошутил в ответ Филидор.

— Э, да ты не промах! Но разве вы ничего не знаете?

— Мы здесь как на необитаемом острове, бродяги и то знают больше нас.

— Тогда приготовься. Мекки подняли бунт и напали на замки. Безмятежный и Делора уже разрушены, их жители перебиты; то же самое грозит и остальным.

Филидор покачал головой:

— Меня это ничуть не удивляет.

— Неужели ты нисколько не взволнован?

Он подумал, прежде чем ответить.

— Лишь постольку, поскольку это может затронуть нас.

— Но если я не ошибаюсь, — напомнил Ксантен, — вам тоже угрожает опасность. Мекки собираются уничтожить всех людей, бежать некуда.

— Да, пожалуй, — вздохнул Филидор, — нам придется собрать совет.

— Я могу кое-что предложить вам, если вы сочтете это приемлемым. В первую очередь необходимо подавить восстание. Дайте нам людей, мы их обучим, вооружим и представим к ним лучших полководцев Хагедорна.

Филидор удивленно взглянул на него.

— Неужели ты действительно думаешь, что мы — Искупающие — станем вашими солдатами?

— Почему бы и нет? — совершенно искренне отвечал Ксантен. — Речь идет о вашей жизни.

— Человек умирает один раз.

Теперь настал черед Ксантена удивляться.

— И это говорит бывший джентльмен Хагедорна? Это слова храброго человека перед лицом опасности? Или ты забыл уроки истории?

— История человека — это не история его технических достижений, поражений и побед. Это скорее сложная мозаика, где каждое стеклышко — человек и его совесть.

Ксантен прервал его негодующим жестом.

— Ты чересчур все упрощаешь, благородный Филидор, я не так туп. Есть разные аспекты, и ты смотришь с точки зрения морали. Но краеугольный камень морали — выживание рода человеческого; то, что способствует этому, то и хорошо.

— Неплохо сказано, — признал Филидор. — Но позволь продолжить свою мысль. Скажи, может ли народ уничтожить того, кто грозит заразить его смертельной болезнью? Да, скажешь ты. Хорошо. А если тебя преследуют десять умирающих от голода зверей — имеешь ли ты право убить их? Да, скажешь ты, хотя уничтожишь больше, чем спасешь. А если, скажем, человек живет один в хижине посреди долины, и с неба спускается сотня кораблей, чтобы стереть его в порошок, имеет он право уничтожить эти корабли, если сможет? Да, имеет. А если вся планета, все расы ополчатся против него — имеет ли он право уничтожить их, защищаясь? А если нападающие — такие же люди, как и он сам? А если существо, несущее бо-

лезнь, — это он? Как видишь, дать однозначный ответ не так просто. Мы долго его искали и не нашли. И поэтому мы избрали путь, дающий хотя бы спокойствие. Я — против убийств, я против всякого насилия и причинения вреда.

— Ух! — презрительно фыркнул Ксантен. — Значит, если в деревню придет отряд мекков и начнет убивать детей, ты не встанешь на их защиту?

Филидор сжал губы и отвернулся. Вместо него ответил другой Искупающий:

— Филидор определил основные принципы нашего мировоззрения. Но не всегда удается им следовать. В описанном тобой случае пришлось бы переступить через наш закон.

— Посмотри, Ксантен, узнаешь ли ты кого-нибудь из присутствующих? — сменил тему Филидор. Ксантен огляделся. Неподалеку от него стояла девушка, как ему показалось, очень красивая. На ней была белая, свободная блузка, а в волосы вплетен красный цветок.

— Да, — кивнул он, — я ее видел. Гарр пытался увести ее в свой замок.

— А помнишь ли ты подробности?

— Конечно, помню. Совет старейшин категорически возражал — из соображений контроля над численностью. Гарр пытался обойти закон. Он сказал: «Я держу фанов. Иногда их число доходит до шести и даже до восьми, и никто против этого не возражает. Я буду называть девушку фаном и держать вместе с остальными». Но я и многие другие протестовали, едва не дошло до дуэли. Гарр был вынужден отказаться от своих намерений.

— Да, так и было, — подтвердил Филидор. — Мы пытались отговорить Гарра, но он отказался слушать нас и угрожал напустить на нас своих мекков. Пришлось отступить. Правильно ли мы сделали, слабость это или сила?

— Иногда лучше забыть о морали, — ответил Ксантен. Но ведь то же самое и с мекками. Они разрушают замки, уничтожают землян. Если мораль требует отойти в сторону — ее нужно отбросить!

Филидор горько усмехнулся.

— Какая ирония судьбы! Мекки, так же, как и пейзажи, птицы и фаны, были привезены с других планет, им переделали тела, их заставили удовлетворять наши капризы. Уже одно это было большим грехом и требовало

искупления, но вместо того, чтобы раскаяться, вы хотите приумножить зло!

— Не стоит теперь копать в прошлом, — сказал Ксантен, — но если таково ваше мнение, то укройтесь хотя бы за стенами замка.

— Я не пойду в замок, — решительно заявил Филидор, — может, другие и сочтут это возможным, но мне лучше находиться вне стен.

— Ты будешь ждать смерти?

— Нет, мы укроемся в горах.

— Но в горах вы долго не продержитесь, ведь там ничего нет — даже охота, и та весьма затруднена, а жилье, одежда, тепло...

— Не впервые люди живут в таких условиях. У нас все есть, не беспокойся.

Больше говорить было не о чем, и Ксантен побрел обратно к краллу.

— Если передумаете, приходите в Хагедорн!

И он покинул деревню.

Дорога пересекала долину, потом взбегала на холм. С его вершины Ксантен различил вдали очертания замка.

ГЛАВА 7

В замке, после того, как Ксантен привел себя в порядок, переоделся, и наскоро перекусил хорошим куском жаркого, был собран совет. Ксантен докладывал Совету:

— Использовать корабли невозможно — мекки привели их в негодность. Нам придется отказаться от надежды на помощь Обитаемых Миров.

— Печальные новости, — мрачно констатировал Хагедорн. — Ну что ж, продолжай, благородный Ксантен.

— На обратном пути я встретил племя бродяг и вступил в переговоры с их Гетманом. Я попытался склонить их к сотрудничеству с нами, описав все возможные выгоды. Но они, как мне показалось, не отличаются сообразительностью. Несмотря на мои предложения и обещания, я не услышал ни одного слова, достойного разумных людей. Они совершенно не хотят помогать нам. Я с отвращением покинул их лагерь.

Посетил я также деревню Искупающих, в Дальней Долине, и сделал им сходное предложение, однако безуспешно.

Они слишком далеки от действительности. И те, и другие намерены скрываться.

— Это им не поможет, — покачал головой Беандри. — Они выиграют время, но рано или поздно мекки до них доберутся, их педантизм слишком хорошо известен.

— И это в то, время как мы могли бы организовать из них боевые отряды, — раздраженно заметил Гарр. — Что ж, пусть бегут, как-нибудь обойдемся.

— Пока что мы в безопасности, — возразил на это Хагедорн, — но что будет, когда остановятся машины? Когда перестанут действовать лифты или, к примеру, кондиционеры? Мы либо задохнемся, либо замерзнем.

Но Гарр продолжал оставаться оптимистом:

— Мы должны подготовиться к лишениям и перенести их достойно. Кроме того, машины в отличном состоянии, и можно не опасаться поломок ближайшие лет пять или шесть. А за такой срок многое может случиться.

Заговорил Клагорн, до этого не принимавший участия в споре.

— Ваша программа так же утопична, как планы бродяг и Искупающих. Она не предусматривает развитие ситуации.

— Достопочтеннейший Клагорн может предложить что-нибудь более действенное? — вежливо поинтересовался Гарр.

Клагорн кивнул. Как показалось Гарру, выглядел он невыносимо самодовольно.

— Существует очень простой способ победить мекков.

— Так позвольте же нам ознакомиться с ним! — вскричал пораженный Хагедорн.

Взгляд Клагорна пробежал по лицам джентльменов, сидевших за покрытым бархатом столом: бесстрастное лицо Ксантена; напряженное, презрительное — Беандри; старый Иссет, все еще красивый, неподвластный времени; озабоченный Хагедорн, на чьем лице ясно читалась нерешительность; рядом — элегантный Гарр; потом Овернел, заранее обозленный будущими неудобствами; Аури, играющий табличкой слоновой кости, то ли уставший, то ли потерянный; и лица остальных — сомневающиеся, высокомерные, нетерпеливые. Лишь на лице Флоя играла тихая блуждающая улыбка, или, как назвал ее потом Иссет, ухмылка слабоумного, призванная подчеркнуть его полное неучастие в этом утомительном деле.

— Нет, пока не время. Но хочу предупредить: даже если мы переживем восстание, наш замок уже не сможет оставаться таким, как раньше.

— Ох! — воскликнул Беандри. — Мы теряем достоинство, мы становимся смешны, рассуждая с тревогой о каких-то скотах!

Ксантен приподнялся в волнении:

— Беседа действительно не из приятных, но не забывайте — разрушен Безмятежный, взята Делора. Кто знает, что происходит сейчас в остальных замках? Не будем же прятать головы в песок, перед нами серьезная угроза!

— Чтобы ни случилось, — подвел итог Гарр, — Джанейл в полной безопасности, мы также. Жители других замков могут погостить у нас, если, конечно, смогут найти оправдание столь унижительному бегству. Лично я не сомневаюсь: очень скоро мекки утомонятся и будут умолять нас пустить их обратно.

Хагедорн недоверчиво покачал головой.

— Маловероятно. Что ж, теперь, думаю, можно разойтись.

Первым вышел из строя радиопередатчик. Это произошло неожиданно скоро и, как и предполагалось, восстановить систему не удалось. Некоторые — в частности, ученый Гарр и почтенный Урегус — предположили, что аппаратура была преднамеренно повреждена мекками перед уходом. Правда, как отмечали другие, система и раньше не отличалась надежностью: мекки постоянно возились с какими-то поломками в контурах, и, следовательно, выход аппаратуры из строя — результат непродуманности конструкции. Гарр и Урегус осмотрели аппарат, но причину неисправности не обнаружили. Было решено, что починка предусматривает полную переделку схемы, для чего потребуются соответствующие приборы и инструменты, не говоря уже о новых деталях.

— Осуществить это невозможно, — заявил Урегус на Совете, — потребуется несколько лет квалифицированного труда, а у нас нет даже подготовленного техника. Починку придется отложить.

— Теперь ясно, — заявил старейший из предводителей, Иссет, — что мы оказались недостаточно предусмотритель-

ны. Конечно, трудно иметь дело с этими мужланами из Обитаемых Миров, но нам все же следовало позаботиться о связи с ними.

— Дело не в отсутствии предусмотрительности, — возразил Кламон, — наши предки не желали, чтобы кто-то совал нос в их дела здесь, на Земле. В этом причина отсутствия связи.

Иссет хотел было что-то сказать, но его прервал Хагедорн:

— Как сообщил Ксантен, космические корабли приведены в негодность. Можно ли их починить? Кто из наших ученых смог бы на практике применить свои глубокие познания? Кроме того, необходимо взять ангары под наш контроль.

— Это нетрудно! — заявил Гарр. — Дайте мне шесть взводов пейзажников и шесть краллов, оснащенных бластерами и радугометами, и я отобью ангары.

— Вот это уже дело, — поддержал его Беандри, — это какое-то начало. Могу предложить свою помощь в обучении пейзажников. Пусть я ничего не понимаю в оружии предков, но моим военным опытом можете располагать.

Хагедорн нахмурился и сжал рукой подбородок.

— Здесь есть кое-какие трудности. Во-первых, у нас всего один экипаж — тот, на котором приехал Ксантен. И что касается пушек — они находились в ведении мекков и могут быть умышленно испорчены, как корабли. Благородный Гарр, это по твоей части, что ты нам посоветуешь?

— В последнее время я не проверял состояние орудий. И вряд ли удастся сделать это сегодня — процедура «Созерцания Старинных Вышивок» займет все наше время, вплоть до «Часа Вкушения Закатной Тиши». — Он посмотрел на часы. — Пора заканчивать Совет. Через какое-то время я надеюсь собрать информацию относительно оружия.

«Созерцание Старинных Вышивок» и «Час Вкушения Закатной Тиши». Если название первого из занятий отражает его содержание, то название второго уже перешло в разряд эвфемизмов. Так обозначалось время, когда жители замка обменивались визитами, наслаждались прекрасными винами и ароматом благовоний, короче, это был час отдыха и бесед в преддверии обеда.

— Наше время действительно истекает, — согласился с ним Хагедорн. — Твои фаны участвуют в представлении, Гарр?

— Только две, — ответил тот. — Лазуль и Одиннадцатая Загадка. Я не могу подобрать ничего подходящего для Воздушной Чудесницы или маленькой Голубой феи. А Глориана все еще требует выучки. Сегодня, я думаю, внимание привлечет Варифлора.

— Возможно, хотя я слышал о ней и другие отзывы. Ну что ж, продолжим завтра. Благородный Клагорн, ты, кажется, хочешь что-то сказать?

— Именно так, — подтвердил Клагорн. — У нас мало времени, и мы должны его использовать наилучшим образом. Я имею серьезные возражения против пейзажей в качестве солдат. Это кролики, а мекки — волки. Нам нужны не кролики, а пантеры.

— Э-э... Возможно.

— Вы спросите, где же взять пантер? — Клагорн обвел взглядом собравшихся. — Негде. Тогда следует срочно заняться превращением кроликов в пантер. Предлагаю отложить все развлечения, пока наше будущее не станет более определенным.

Предложение это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Некоторое время члены Совета сидели молча. Хагедорн открыл было рот, собираясь что-то сказать, но, не найдя слов, закрыл снова. Первым пришел в себя Беандри. Он издевательски захохотал:

— Похоже, наш эрудит ударился в панику.

— Здесь не о чем говорить, — пренебрежительно заметил Гарр. — Мы не будем менять образ жизни из-за наглой выходки слуг. Мне стыдно даже предположить такое.

— А вот мне несколько не стыдно, — заявил Клагорн с тем простодушным выражением лица, которое так бесило Гарра. — Нашей жизни грозит опасность, и надо отбросить второстепенное.

Гарр встал и сделал в сторону Клагорна традиционный жест, выражающий презрение. Клагорн комично передразнил его. Ксантен, не переносивший Гарра, откровенно рассмеялся.

Гарр поколебался, но гордость подсказала ему, что продолжать не стоит. Он повернулся и прошествовал к выходу.

«Созерцание Старинных Вышивок» — зрелище, ежегодно разыгрываемое фанами, одетыми в роскошные одежды, — происходило в Большой Ротонде, занимавшей северную оконечность центральной площади.

Многие джентльмены и кое-кто из дам содержали фанов. Это были существа из пещер луны Альбиерио-7 — кроткий народец, игривый и привязчивый по натуре, который после нескольких лет направленной селекции превратился в расу очаровательных сильфов весьма пикантной красоты. Закутанные в тончайшую дымку газа (выделявшегося железами за ушами), это были веселые, наивно-тщеславные и самые безобидные существа на Земле. Большинство джентльменов очень любили их, но что касается леди... Ходили слухи, что некоторые из них в припадке ревности поливали фанов раствором аммиака с добавлением корня огрэ, отчего кожа тускнела и дымка исчезала навсегда.

Джентльмен, влюбившийся в фана, подвергался осмеянию. И хотя смешение крови придавало фанам внешность грациозных девушек, и их любили, может быть, чаще, чем женщин, но скрыть это было невозможно — бедное существо начинало чахнуть, дымка постепенно исчезала, и становилась ясно, что такой-то джентльмен обошелся со своим фаном неподобающим образом. В этом отношении женщины сохраняли приоритет. Вели они себя весьма зазывно, так что фаны рядом с ними выглядели наивно и бесхитростно. Продолжительность их жизни составляла примерно тридцать лет, причем последние десять фаны, уже потерявшие всякую привлекательность, исполняли черную работу на кухне, в детских и гардеробных.

В церемонии Созерцания больше внимания уделялось фанам, а не вышитым накидкам, хотя последние, сотканые из дымки фанов, отличались удивительной красотой. Владельцы фанов занимали места в первых рядах, ликуя, когда фан делал удачный пируэт, и пряча глаза от стыда, если поза того была далека от совершенства. Представление сопровождалось игрой на лютне, играющий при этом не мог быть родственником семьи владельца фана.

Это не было признанным соревнованием, но зрители выделяли понравившихся им фанов, и их восторг весьма укреплял репутацию хозяина.

Сегодняшнее «Созерцание» было задержано почти на полчаса — из-за Совета. Паузу пришлось заполнять имп-

ровизацией. Но леди и джентльмены проявили снисхождение к молодым пейзамам, прилежно исполнявшим не свойственные им функции. Наконец представление началось. Фаны были как всегда очаровательны. Они изящно поворачивались под аккорды лютни, то принимая к помосту, то вдруг распрямляясь, упругие, как пружина, и, завершая выступление поклоном, прыгивали вниз. В середине действия в зал робко протиснулся пейзаз и что-то взволнованно зашептал подошедшему к нему кадету. Кадет направился к кабинке из полированного янтаря, где сидел Хагедорн. Выслушав, тот кивнул, проронил что-то в ответ и спокойно продолжал смотреть. Зрители успокоились.

Развлечение продолжалось. Прекрасно выступила грациозная пара, принадлежавшая Гарри, но зрителей покорила очаровательная Лурлин, впервые принимавшая участие в празднестве, — ее хозяином был Флой. В заключение все фаны вышли на помост и исполнили финальный менуэт, после чего, кокетливо попрощавшись с публикой, покинули Ротонду. Леди и джентльмены не спешили расходиться. Они потягивали ароматные напитки, обменивались впечатлениями, договаривались о встречах и назначали любовные свидания. Хагедорн сидел нахмурившись.

Внезапно он поднялся, и в зале сразу же воцарилась тишина.

— Мне жаль омрачать ваше веселье, но я только что получил известия... Замок Джанейл атакован. Огромное количество мекков окружили его и, имея в своем распоряжении сотни краллов, опоясывают замок земляным валом. Лучевая пушка по-прежнему неисправна, несмотря на имеющиеся чертежи и описания.

— На что они рассчитывают, — донеслись до него удивленные возгласы, — ведь стены замка достигают двухсот футов в высоту!

— Трудно сказать, но известие это, тем не менее, вызывает тревогу. Мы должны быть готовы к подобной осаде. Наше положение не так плохо: вода поступает из глубоких скважин, прорытых здесь же, в замке. У нас достаточные запасы продовольствия, механизмы работают на солнечной энергии. При необходимости мы сможем синтезировать и пищу непосредственно из воздуха — так, по крайней мере, уверил меня наш знаменитый биохимик Ладиснейм. И все

же хорошего мало. Пусть каждый из вас обдумает сказанное и сделает вывод. Завтра — собрание Совета.

ГЛАВА 8

— Думаю, что сегодня, — начал Хагедорн, открывая собрание, — следует оставить в стороне формальности и переходить сразу к делу. Благородный Гарр, что вы узнали касательно пушек?

Одетый в эффектную форму овервельских драгун — серое с зеленым, — Гарр аккуратно поставил на стол свой морион, расправив при этом плюмаж, и начал доклад:

— Как удалось выяснить, из двенадцати пушек четыре функционируют вполне нормально, четыре выведены из строя мекками. Остальные не работают по неизвестным нам причинам. Я отобрал с полдюжины пейзажей, способных работать с инструментами, и приказал им осмотреть и исправить пушки, выведенные из строя мекками, чем они и занимаются. Вот все, что касается пушек.

— Новости не слишком утешительные, — заметил Хагедорн. — А как обстоят дела с формированием боевых отрядов?

— Скоро начнем обучение. Мулл и Берзелиус заняты отбором молодых самцов, пригодных к военному делу. Дело это трудное. Пейзаны лучше приспособлены к выпалыванию сорняков, чем к ведению боевых действий.

Хагедорн, выслушав, обратился к Совету:

— Будут ли еще какие-нибудь предложения?

— Если бы эти мерзавцы оставили краллов, — подал голос Беандри, — мы могли бы установить на них пушки, с этим бы пейзажи справились. Тогда мы отправились бы в Джанейл и, напав с тыла, перебили бы их, как собак!

— Но чего, собственно, хотят эти чертовы мекки?! — воскликнул Аури. — Почему после столетий спокойной жизни они словно взбесились?

— Я тоже задаю себе этот вопрос, — отвечал Хагедорн. — Ксантен, ты вернулся с пленником, допросил ли ты его?

— Нет, — сказать по правде, я даже забыл о нем.

— Почему бы не сделать это прямо сейчас? Может, он нам что-нибудь подскажет. Благородный Клагорн, ответь нам как знаток мекков — мог ли ты ожидать от них такого коварства? И чего они добиваются, захватывая наши замки?

— Мекки способны планировать весьма сложные операции, — не спеша начал Клагорн. — Но их жестокость удивляет меня не меньше вашего. Как специалисту мне известно, что они напрочь лишены преимуществ, даваемых цивилизацией: умения понимать и создавать прекрасное; и, как следствие, не обладают чувством собственности. Мне часто приходила в голову мысль — не осмелюсь назвать ее теорией — о том, что биологическая структура мозга тесно связана с характером мышления. Принимая во внимание, как бессистемно формируются в нашем мозгу мысли, начинаешь удивляться способности человека к осмысленным действиям. Нам не присуща рациональность, мысль наша представляет собой импульс, генерируемый эмоциями.

В противоположность нашему, мозг мекка представляет собой чудо упорядоченности. Он имеет четкую форму куба и состоит из клеток, соединенных между собой волочками микроскопической толщины.

Сопротивляемость току в них равна нулю. Каждую клетку заполняет силика — жидкость с переменной проводимостью, образуемая соединением окислов металлов. Благодаря такому строению их мозг способен сохранять огромное количество информации, размещенной в определенном порядке. Мекк ничего никогда не забывает, он лишь стирает ненужную информацию. Кроме того, общеизвестно, что мозг мекка может работать как радиопередатчик или радар.

Но при всем этом мекки начисто лишены эмоций. Они ничем не отличаются один от другого, среди них нет личностей. Это естественное следствие коллективного мышления. Они служили нам потому, что не имели ни амбиций, ни зависти, ни стыда. К нам они не испытывали ни любви, ни ненависти. Не думаю, чтобы они так сильно изменились с тех пор. Нам трудно представить эмоциональный вакуум, в котором живут мекки — ведь мы окутаны вихрем разнообразных чувств. Мекки холодны, как кусок льда. Их кормили, давали жилье — и они находили такие условия вполне удовлетворительными. Что же случилось теперь? Я долго искал ответ на этот вопрос, но все причины, какие я только мог вообразить, оказывались при ближайшем рассмотрении просто смешны. Лишь одно предположение показалось мне заслуживающим внимания, хотя если это так, то ничего в итоге не изменится...

— Так что же? — нетерпеливо выкрикнул Гарр. — Говори!

Все взгляды были устремлены на Клагорна, и тому стало не по себе.

— Я думаю, они решили уничтожить человеческую расу. Молчание затягивалось и приобрело зловещий оттенок. Хагедорн повернулся к Ксантену.

— Это пригодится вам во время допроса. Действуйте!

— Если благородный Клагорн не против, мне бы хотелось, чтобы он присутствовал при этом.

— Рад быть полезен, но боюсь, никакие сведения нам сейчас не помогут. Надо готовиться к войне.

— Нельзя ли воспользоваться каким-нибудь хитроумным способом — вызвать, к примеру, электрический резонанс в мозгу мекка?

— Это невозможно. Их организмы защищены от внешнего воздействия. Хотя стоит попробовать лишить их радиосвязи. Благородные Урегус и Бернал, вы обладаете необходимыми знаниями, — могли бы вы сконструировать такой прибор?

Урегус нахмурился.

— Что значит сконструировать? Я мог бы начертить схему, но где взять детали? Не будем же мы, как чумазые подмастерья, рыскать по складам и мастерским. — Он возвысил голос. — Больно, что приходится напоминать об этом, но неужели вы столь низкого мнения о наших способностях?

Хагедорн поспешил его успокоить:

— Конечно же, нет! Мне и в голову не приходило оспаривать ваши достоинства! И тем не менее в столь тревожной ситуации обстоятельства могут привести к большому унижению, если мы не поступимся некоторыми принципами сейчас!

— Отлично, — заявил Урегус, на губах его застыла невеселая усмешка, — тогда вы лично и отправитесь со мной в подвалы. Что вы скажете на это?

Хагедорн собрался было ответить, но его перебил Клагорн:

— Прошу прощения, джентльмены, но речь идет об основополагающих принципах, и мы просто обязаны выработать общее для всех решение.

— Прошу всех высказаться, — добавил Хагедорн.

Поднялся Гарр:

— Благородный Клагорн может поступать так, как подсказывает его натура, — заговорил он сладким голосом, — я не вправе ему указывать. Что же касается меня, — голос его окреп и возвысился, — то я никогда не унижу высокого звания джентльмена. Это так же естественно для меня, как привычка дышать. Не собираюсь идти на компромисс и превращаться в пародию на самого себя! Мы, обитатели замка Хагедорн, являемся кульминацией развития человечества, любое отступление от наших правил есть шаг назад — то есть деградация. Я слышал, здесь кто-то произнес слово «тревога». Какое постыдное заблуждение! Удостоить этого определения мышиную возню разболтавшейся прислуги! По-моему, это просто недостойно!

Одобрительный шепот пробежал за столом совета.

Клагорн откинулся на спинку кресла, словно отдыхая. Его голубые глаза перебирали лица присутствующих, как бы раздумывая, на ком из них остановиться, затем он обратился к Гарру:

— Не стоит обижаться на ваши слова, ибо главное не в них. Куда важнее то, что весь Совет полностью разделяет вашу точку зрения. Я больше не могу уговаривать, разъяснять, увещевать. Здешняя атмосфера стала слишком затхлой, я покидаю вас. Желаю вам пережить наступление мекков, хотя сильно сомневаюсь в этом. Мекки — народ умный, с большими возможностями, лишенный предрасудков и болезненной гордости. Вы их недооцениваете!

Клагорн опустил свою табличку в щель и встал из-за стола.

— Прощайте!

Хагедорн умоляюще протянул руки.

— погоди, не покидай нас в гневе, Клагорн! Одумайся! Нам нужна твоя мудрость, твой опыт!

— Но вы не собираетесь им воспользоваться, и значит, мое присутствие здесь — бесполезная трата времени.

С прощальным жестом он покинул зал Совета.

Хагедорн медленно опустился на прежнее место. Остальные крутились, покашливали, вертели в руках таблички. Чувствовалась общая неловкость. Гарр прошептал что-то на ухо сидевшему рядом Виасу, тот в ответ важно кивнул. Хагедорн снова заговорил:

— Нам будет очень не хватать благородного Клагорна, его интуиции и проницательности... К настоящему мо-

менту мы достигли совсем немногого. Благородный Уре-гус, тебе, наверное, придется развить идею излучателя на следующем заседании, а тебе, Ксантен, допросить пленного мекка. Тебе же, благородный Гарр, мы поручаем ремонт лучевых пушек. Но главное, мы так и не выработали плана помощи осажденному Джанейлу!

— А что происходит в остальных замках? — поинтересовался Марун. — Мы давно не имеем новостей оттуда. Я предлагаю разослать птиц, пусть разведают обстановку.

— Верно. Хорошее предложение. Ты и проследишь за этим, Марун. На этом мы завершим Совет.

Одна за другой вернулись посланные Маруном птицы. Они принесли печальные вести:

— Морской остров опустошен! Мраморные колонны усеяли берег. Жемчужный купол рухнул, а в садовых фонтанах плавают трупы.

— В Маравале все мертвы — джентльмены, фаны, пейза-ны. Даже птицы, увы, покинули развалины.

— Делора — ах, роз, роз, роз! Гнетущая картина. Ни одной живой души!

— Алюм тоже опустошен. Знаменитые резные ворота разбиты в щепки. Погас вечный Зеленый Огонь.

— Безмятежный пуст. Трупы пейзазов заполнили ко-лодцы.

— Туанг — безмолвие.

— Утросветный — смерти!

ГЛАВА 9

Три дня спустя после совета Ксантену пришла в голову одна идея. Чтобы ее осуществить, он запряг шестерку птиц и направился с ними к Дальней Долине.

Выкрикивая свои обычные жалобы, птицы сначала промчались большими прыжками по взлетной площадке, явно стараясь вытряхнуть Ксантена из кресла, потом оторвались от земли и начали по спирали набирать высоту, и замок Хагедорн превратился в изящную игрушку далеко внизу.

Совершив положенный круг над замком, промчавшись над утесами и сосновыми лесами Северного Гребня, птицы поймали восходящий поток теплого воздуха и, расправив крылья, начали медленно спускаться к Долине.

Они проплывали над землями Хагедорна: садами, полями, виноградниками, поселками пейзапов. Промелькнуло озеро Моод с его павильонами и доками для яхт, затем тучные пастбища, где бродили коровы и овцы. Наконец показалась и стала приближаться Дальняя Долина. Ксантен указал птицам место посадки. Птицы, которые из любопытства предпочли бы сесть поближе к деревне, обиженно загалдели и так тряхнули его при посадке, что он, несмотря на весь свой опыт, едва не вывалился кубарем.

С трудом удержавшись на ногах, Ксантен приказал птицам не ссориться и вести себя пристойно, дожидаясь его возвращения, и зашагал по знакомой тропинке, направляясь к видневшейся вдали деревушке Искупающих.

Ягоды уже спели, и несколько девушек бродили по рощице, наполняя ими корзинки. Среди них была и та, которую собирался присвоить Гарр.

Проходя мимо, Ксантен задержался и вежливо поздоровался с ней.

— Мы с вами уже встречались, если мне не изменяет память?

Улыбка девушки была и печальной, и капризной.

— Нет, память вас не подвела. Мы встречались в Хагедорне, потом вы доставили меня сюда. Тогда было темно, и я не рассмотрела как следует вашего лица. — Она протянула корзинку. — Вы голодны? Хотите ягод?

Такой красивой девушке трудно было в чем-либо отказать. Разговорились, Ксантен узнал, что зовут ее Глис Лугосная, и что родителей своих она не знает, но, скорее всего, это жители замка, отдавшие на воспитание Искупающим свое внелимитное дитя. Ксантен взгляделся в черты ее лица, но не смог обнаружить сходства ни с одним из семейств Хагедорна.

— Возможно, ты происходишь из замка Делора. В твоих чертах есть фамильное сходство с Косанзасами, славящимися красотой своих женщин.

— Есть ли у тебя супруга? — с наивной прямоотой спросила Глис.

— Нет, — честно ответил Ксантен, действительно за день до того порвавший с Араминтой. — А ты замужем?

Она отрицательно покачала головой:

— Тогда бы я не собирала сейчас ягоды, это работа для девушек. Зачем ты прилетел к нам?

— По двум причинам. Во-первых, чтобы повидаться с тобой,— услышав собственные слова, он с удивлением осознал, что это действительно так.— У меня не было возможности поговорить с тобой, а я хочу узнать: такая ли ты веселая, как и красивая?

Девушка вздохнула, и Ксантен так и не понял, польщена ли она: ведь комплименты джентльмена иногда влекли за собой печальные последствия.

— А кроме того, я прибыл поговорить с Клагорном.

— Ты найдешь его там.— Голос Глис стал холоден и неприветлив.— Он занимает крайний дом слева.— Она снова принялась собирать ягоды.

Ксантен поклонился в знак благодарности и направился к указанному дому.

Клагорн, облаченный в шаровары из домотканого полотна, рубил топором хворост для очага. Заметив Ксанта, он прекратил работу, оперся о топор и вытер пот со лба.

— А, это ты. Рад тебя видеть. Что нового в Хагедорне?

— Все по-старому. Рассказывать не о чем, хотя и пришел с новостями.

— В самом деле?

— Я допрашивал пленного мекка. Жаль, что тебя при этом не было, многие ответы были мне не ясны.

— Продолжай, возможно, я смогу тебе помочь.

— По окончании Совета я спустился в кладовую, где был заключен пленный мекк. От голода он совсем ослаб. Я дал ему воды и питательного сиропа, на которые он с жадностью набросился, а затем попросил принести рубленых моллюсков. Я послал прислугу, и требуемую еду принесли. Он съел очень много. Как ты уже знаешь, это был необычный мекк — ростом с меня и без сиропного мешка. Я внимательно рассмотрел его. Отрубленный шип-антенна уже вырос заново, и он мог связаться с остальными мекками. Сопоставив увиденное, я спросил:

«Благородные жители замка поражены самим фактом восстания. Нам казалось, вы вполне удовлетворены жизнью, это не так?»

«Естественно». — Я вполне уверен, что мекк просигналил именно это слово. Никогда бы не подумал, что мекки способны к таким выражениям.

«Хорошо, — сказал я, — так в чем же мы ошибались?»

«Мы больше не желаем на вас работать. Мы хотим жить в соответствии с нашими традиционными представлениями».

Этот ответ удивил меня. Я даже не подозревал, что у мекков могут быть какие-то представления, тем более традиционные.

Клагорн кивнул:

— Я тоже был поражен, обнаружив у них развитые умственные способности.

«Зачем же тогда убивать, — спросил я, — зачем уничтожать одну жизнь, чтобы улучшить другую?» — Произнося эту фразу, я понял, как неудачно она сформулирована. Мекк тоже это заметил, и просигналил что-то вроде: «Вы сами вынудили нас к этому своим обращением. Мы могли бы вернуться на Этмин, но Земля нам нравится больше. Мы оборудуем ее по-своему».

Казалось бы, все ясно, но мне почудилась некоторая недоговоренность в его словах. И, поразмыслив, я спросил:

«Это понятно, но зачем убивать и разрушать? Земля велика, выберите место и живите там.»

«Невозможно, — ответил мекк. — По вашим словам, мир тесен для двух соревнующихся разумных рас. Вы хотите отослать нас обратно на Этмин.»

«Чушь! — воскликнул я. — Абсурд, неужели ты веришь в это?!»

Но мекк стоял на своем: «Нет. Два благородных жителя Хагедорна стремились занять высший пост. Один из них заверил нас, что, если его изберут, он отправит нас на родную планету, что это цель его жизни».

«Чудовищное недоразумение, — сказал я, — один человек не может говорить от лица всех.»

«Разве? — удивился мекк. — Один мекк всегда говорит за остальных. Мы думали, у людей то же самое.»

«У нас каждый говорит и думает отдельно, — объяснил я ему, — и безумец, который плел вам эту чушь, просто преступник. Но теперь все прояснилось. Мы обещаем не отвозить вас на Этмин. Снимете ли вы осаду с Джанейла? Тогда мы позволим вам спокойно уйти.»

«Нет, — сказал мекк. — Уже поздно. Мы уничтожим людей. Этот мир тесен для двух рас.»

Тогда я сказал: «Мне очень жаль, но в таком случае придется тебя убить».

Он прыгнул на меня и накололся на мой кинжал. Это было легче, чем убивать спокойно сидящего. Теперь, Клагорн, ты знаешь все. Кто же из вас, ты или Гарр, навлек на нас это несчастье? Боюсь, что вина за все ляжет на тебя!

Клагорн нахмурился.

— Вина? Ответственность, но не вина. Я был наивен, но не имел злого умысла.

Ксантен в ужасе отшатнулся:

— Клагорн! Твое хладнокровие меня поражает! До этого, когда всякие недоброжелатели, вроде Гарра, открыто называли тебя сумасшедшим...

— Успокойся, Ксантен, — раздраженно воскликнул Клагорн. — Это показное биение в грудь неуместно. Что я сделал? Моя вина в том, что я слишком старался. Да, я хотел стать Хагедорном и отпустить рабов домой. Я потерпел поражение, рабы взбунтовались. О чем еще говорить? Мне это надоело, не таращь на меня глаза!

— Ах, тебе надоело! — вскричал Ксантен. — Тебе не нравятся мои глаза, а кто ответит за тысячи смертей?!

— Рано или поздно это должно было случиться. Предлагаю вам оставить бесполезные упреки и с той же энергией заняться собственным спасением. От меня вы способа спастись не узнаете.

— Клагорн, я прилетел сюда, чтобы снести твою высокомерную голову с плеч!

Клагорн, не слушая больше, занялся рубкой дров.

— Клагорн!

— Ксантен, поори лучше на своих птиц.

Ксантен повернулся и пошел прочь. Девушки, собиравшие ягоды, с удивлением смотрели на него и уступали дорогу. Глис среди них не было. Еще более взбешенный, он зашагал дальше. Пройдя ярдов сто, он увидел полянку с поваленным деревом. На пне сидела Глис и любовалась какой-то травинкой. Глубоко вздохнув, Ксантен приблизился к ней. Она подняла голову, в ее волосах он заметил свежий цветок.

— Отчего ты такой сердитый?

Ксантен присел рядом с ней.

— Сердитый — не то слово. Я просто в отчаянии. Клагорн знает, как нам спастись, но не хочет открывать секрет.

Глис Лугоросная засмеялась, словно зазвенел веселый колокольчик.

Ничего подобного ему слышать не приходилось.

— Секрет? Все его знают, даже я!

— Конечно, секрет,— настаивал Ксантен,— иначе зачем бы его скрывать?

— Тогда слушай. Если ты боишься болтливости птиц, я скажу тебе на ухо.— И она прошептала несколько слов в ухо Ксантена.

Сладчайший дурман окутал его, и простой смысл сказанного не сразу был им осознан. Он разочарованно вздохнул:

— Какой же это секрет? Древние скифы называли это «бафос», хитрая уловка. Но это позор для джентльмена. Ведь мы же не танцуем с пейзажами? И не приносим птицам ароматные настойки, и не обсуждаем с ними достоинства наших фанов?

— Позор?! Ах, так! — Глис вскочила на ноги.— Тогда говорить со мной — это тоже позор! Или сидеть рядом со мной, или делать смехотворные предложения!

— Но я не делал никаких предложений! — запротестовал Ксантен.— Я сижу здесь, соблюдая все правила приличия...

— Слишком много приличий, слишком много чести! — С поразившей Ксантена страстью она вырвала из волос цветок и бросила его на землю, намереваясь растоптать.— Вот так!

— Подожди,— кротко остановил ее Ксантен. Он нагнулся, поднял цветок, поцеловал его и снова вплеп в волосы Глис.— Я вовсе не слишком гордый. И я буду стараться.

Он хотел было обнять Глис, но она отстранилась.

— Скажи мне,— с неожиданной суровостью спросила она,— у тебя есть эти ваши странные женщины-насекомые?

— Фаны? Нет, я не держу фанов.

Услышав это, Глис расслабилась и позволила Ксантену обнять себя.

Птицы при этом гоготали, мяукали и издавали отвратительный скрежет своими крыльями.

ГЛАВА 10

Проходило лето. Тридцатого июня в Хагедорне и Джанейле отпраздновали День Цветов, хотя насыпь вокруг Джанейла росла с каждым днем. Ксантен на своей крылатой шестерке под покровом ночной темноты прилетал в

Джанейл и предлагал эвакуироваться в Хагедорн с помощью птиц. Он был готов забрать с собой всех желающих, если таковые найдутся. Совет замка выслушал его с каменными лицами и разошелся, не удостоив ответом. И Ксантен, обуреваемый разнообразными чувствами, возвратился в Хагедорн. Доверяясь только верным друзьям, он организовал тайную группу из тридцати или сорока джентльменов, придерживающихся одинаковых с ним взглядов. Но тайна сохранялась недолго, и основные принципы их организации стали вскорости достоянием всех.

Традиционалисты, как и следовало ожидать, обвинили их в трусости и всячески издевались над молодыми людьми. Ксантен и единомышленники сдерживались и не отвечали на оскорбления.

Вечером девятого сентября замок Джанейл пал. Страшную новость принесли в Хагедорн испуганные птицы, которые снова и снова повторяли свой рассказ визгливыми голосами.

Хагедорн, измотанный постоянной тревогой, снова собрал совет. Совет констатировал печальный факт — Хагедорн остался последним замком на Земле.

— Мекки не могут причинить нам вреда, — заявил Хагедорн, — у них не получится взять наш замок тем же способом, что и Джанейл — стены слишком высоки. Мы в безопасности. Но какой жуткий поворот судьбы — Хагедорн остался последним оплотом человеческой цивилизации!

Заговорил Ксантен, голос его звучал искренне и страстно:

— Двадцать лет, тридцать лет, пятьдесят — какая разница меккам? Стоит им окружить замок — и мы в ловушке. Неужели вы не понимаете, что у нас осталась последняя возможность бежать из этой огромной клетки, в которую превратится скоро Хагедорн!

— Ты предлагаешь бежать, Ксантен? Что за низкое слово! Какой позор! Забирай свою банду и беги — в степи, в болота, в тундру! Только избавь нас от своих панических воплей, трус!

— Что ж, Гарр, коль скоро я превратился в «труса», не вижу ничего постыдного в бегстве, — невозмутимо отвечал Ксантен. — Стремление выжить вполне нравственно, эту мысль я слышал из уст крупного ученого.

— Неужели? Кто же он?

— Благородный Филидор, если тебя интересуют детали.

Гарр картинным жестом хлопнул себя ладонью по лбу.

— Имеешь ли ты в виду Филидора-Искупающего? Да ведь он из самых крайних радикалов, даст сто очков вперед всем искупающим вместе взятым. Ксантен, одумайся, сделай милости!

— Если мы освободим себя от замка, — упрямо продолжал Ксантен, — впереди у каждого будут еще годы жизни.

— Но ведь наша жизнь немыслима без замка! — возразил Хагедорн. — Что мы, в сущности, без него? Звери дикие? Кочующие бродяги?

— Живые люди!

Гарр фыркнул и демонстративно отвернулся. Хагедорн в растерянности помотал головой.

Раздался голос Беандри.

— Ксантен, ты всех нас растревожил, а зачем? В замке мы в полной безопасности, как в утробе матери. Какой же прок все бросать? Запятнать свое имя, отказаться от благ цивилизации — ради чего? Чтобы, испуганно озираясь, пробираться среди диких лесов? Другой выгоды я не вижу.

— Джанейл тоже был неприступен, — возразил Ксантен. — Где теперь его неприступность? Там смерть и опустошение. Покинув замок, мы останемся в живых. И у нас есть более приятная перспектива, чем красться среди диких лесов.

— Иногда смерть предпочтительнее жизни, — ответил ему старый Иссет. — Почему я не могу дожить с честью последние годы?

В зал вбежал Робарт.

— Благородные члены Совета! К замку приближаются мекки!

Хагедорн затравленным взглядом окинул присутствующих.

— Какие будут предложения? На чем мы остановимся? Вскинулся Ксантен.

— Пусть каждый поступит так, как он считает нужным. Я устал спорить. Распусти Совет, Хагедорн, чтобы каждый мог заняться своими делами. Я лично намерен покинуть замок.

— Совет окончен, — объявил Хагедорн, и все поспешили к крепостным стенам, чтобы своими глазами увидеть происходящее. По главной дороге двигались толпы пей-

зан, за плечами каждого болталась котомка. Далеко за ними, у кромки Варфоломеевского леса, уже виднелись краллы и аморфная, коричнево-золотистая масса: полчища мекков.

Аури указал окружающим на восток.

— Смотрите, вон они, поднимаются по Болотной низине. Он повернулся к западу:

— И туда посмотрите — Бамбридж полон мекков! — В одном порыве все повернулись к Северному Гребню. Гарр указал на цепь бронзовых фигурок.

— Вот они, проклятый сброд. Окружают! Что ж, пусть теперь сдохнут. — И он направился к своему жилищу, демонстрируя окружающим спокойствие и презрение к опасности. Остаток дня он провел, занимаясь обучением любимой Глорианы — фана, подающего большие надежды.

На следующий день осада замка началась. Повсюду можно было заметить следы активной деятельности мекков — строились бараки, склады, бункеры для хранения сиропа. Внутри этого кольца, но за пределами радиуса действия лучевых пушек, работающие краллы выбрасывали на поверхность земли целые холмы породы. За ночь холмы выросли и вытянулись в сторону замка. То же самое повторилось и на следующее утро. Замысел мекков стал проявляться — это были защитные валы над входами в туннели. Туннели же вели к основанию скалы, на которой располагался замок.

На следующий день насыпи достигли скальной породы. Из противоположного отверстия стали появляться краллы, груженные колотым камнем. Они сбрасывали свой груз на поверхность и снова исчезали под землей. За время осады всего было прорыто восемь туннелей. Из каждого рекой потек щебень и порода, выгрызаемые из основания скалы, поддерживающей замок. Все стало понятно усеявшим парапеты жителям Хагедорна.

На шестой день осады солидный кусок склона вдруг задрожал, раскололся, и громадный клин скалы, почти что доходивший до основания стен, рухнул вниз.

— Если так пойдет и дальше, — заметил Беандри, — мы продержимся не дольше Джанейла.

— Пойдемте! — призвал всех Гарр. — Пора испытать нашу пушку. Сейчас поднимем туннели на воздух и по-

смотрим, что будут подделывать эти негодяи. — Он направился к ближайшему оружейному посту и приказал пейзапам снять защитный чехол.

Оказавшийся неподалеку Ксантен насмешливо предложил свои услуги:

— Позвольте помочь вам, благородный Гарр, — сказал он, сдергивая материя, — теперь извольте пострелять, если желаете.

Гарр недоуменно взглянул на него, потом подскочил к пушке. Почти с разбега прыгнул в кресло стрелка-оператора, просунул руки в рукава управления и быстро нащупал пальцами сенсоры наведения, коррекции, мощности и выстрела. Гарр, подумав, двинул средним пальцем левой руки, переводя тем самым орудие в импульсный режим максимальной мощности. По ладоням пробежал электрический импульс готовности. Закрепив на висках сенсоры наведения-прицеливания, Гарр волевым усилием опустил книзу раструб излучателя и навел его на гребень насыпи. Так же, волевым усилием, Гарр произвел выстрел. Однако вместо ожидаемого, почти невидимого днем, столь опасного для всего голубого излучения пушка извергла бордово-красное пламя. Пламя ударило в насыпь, и она тут же обуглилась, песок и камни расплавились и потекли, кругом пахло жаром. Гарр радостно вскрикнул, чуть не подпрыгнув в кресле, однако потом призадумался. Ведь выстрел был совсем не максимальной мощности. Гарр движением пальцев установил средней мощности потоковый режим, и потом снова перешел в импульсный режим повышенной мощности. Снова пушка бросила вперед заряд энергии, но на этот раз это был тот самый смертельный нежно-голубого цвета конусообразный луч, не знающий препятствий. Послышался треск. Попадшая под удар часть насыпи вспыхнула кроваво-красным цветом, вспухла и превратилась в раскаленный вулкан. Расплавленные камни и куски земли разлетались в стороны на огромное расстояние, на защитников замка пахло огненным ветром. Жар был настолько велик, что многие закричали. Все, что находилось на расстоянии полета стрелы от места удара, превратилось в прах. Но находящиеся ниже тридцати футов земли представляли собой прекрасную теплоизоляцию. И хотя кратер раскалился добела, диаметр его не увеличивался. Гарр, злобно улыбаясь, едва дождался нового заряда накопителей энергии пушки, и снова произвел выстрел...

Однако, как и бывает в таких случаях, оружие повело себя совсем не так, как ожидалось. Использование оружия предков без должной подготовки всегда чревато непредсказуемыми последствиями. Так получилось и в этот раз. Гарр не учел каких-то особенностей, и вместо выстрела в пушке вдруг что-то щелкнуло, по ней пробежала мелкая судорога, болезненно отразившись в теле Гарра, и пушка превратилась в бесполезную грудку металла.

Оправившись от боли, Гарр бросился осматривать механизм. Затем, махнув рукой, повернулся и пошел прочь.

Через четверть часа еще один большой кусок отвалился от восточного склона, а перед закатом то же произошло на западном, где линия стен составляла одну прямую со склоном.

В полночь Ксантен и его единомышленники вместе с женами и детьми покинули замок. Шесть птичьих команд совершали рейсы между замком и лугом неподалеку от Дальней Долины, успев задолго до рассвета перевезти всех. Никто не пришел их проводить.

ГЛАВА 11

Неделю спустя обвалился еще один кусок восточного склона, увлекая за собой часть контрфорса из сплавленного камня. У входов в туннели лежали огромные кучи вынесенной наверх породы. Разрушения еще не были катастрофическими: был нанесен серьезный урон, но все еще можно было поправить. Меньше всего пострадал южный, покрытый террасами, склон. Но месяц спустя после начала осады от него неожиданно отделился солидный участок, трещина пересекла главную дорогу, обрушив при этом каменную балюстраду, украшенную бюстами знаменитостей. На следующий день рано утром Хагедорн собрал Совет.

— Обстоятельства, — начал он, тщетно пытаясь придать голосу энергию и живость, — несколько не улучшились за последнее время. Действительность превзошла самые худшие ожидания. Положение катастрофическое. Признаюсь, у меня не вызывает восторга перспектива провалиться в преисподнюю вместе со всем нажитым добром.

— И мне тоже страшно! — в отчаянии признался Аури. — Смерть — что смерти! Каждый рано или поздно умрет. Но стоит мне подумать обо всех моих драгоценностях, как становится нехорошо. Мои хрупкие вазы разбиты в черепки!

Мои драгоценные накидки изорваны! Мои фаны задущены! А фамильные люстры? Все это преследует меня каждую ночь.

— Твои вещи не ценнее других, — прервал его стелания Беандри. — И это всего лишь вещи. Когда не станет нас, какое кому до них тогда дело?

Услышав эти слова, Марун содрогнулся:

— В прошлом году я заложил в погреб восемнадцать дюжин бутылей первоклассных благовоений — двенадцать дюжин «Зеленого Дождя» и по три дюжины «Валтасара» и «Файдора». Вот это трагедия!

— Если бы мы только знали... — простонал Аури. — Я бы тогда... Я бы... — Голос его затих. Наступило томительное молчание; наконец, Гарр раздраженно топнул ногой.

— Давайте обойдемся без рыданий. Ведь у вас был выбор, помните? Ксантен склонял вас к побегу. Сейчас он и его прихвостни скитаются где-то в северных горах вместе с Искупающими. Мы предпочли остаться — на горе или на радость. К сожалению, получилось на горе. Примем же свою участь как джентльмены!

Совет вяло поддержал Гарра. Хагедорн извлек на свет бутылку бесценной «Радаманты» и наполнил чаши с небывалой щедростью.

— За наше славное прошлое — если будущего уже не осталось!

Ночью в окружавшей замок цепи мекков было замечено какое-то беспокойство. В четырех местах вспыхнул огонь, доносились приглушенные крики. На следующий день темп работы несколько снизился.

После полудня большой участок восточного склона рухнул вниз. Через мгновение, помедлив, словно в величественном раздумье, высокая стена раскололась и рухнула тоже, отделяя тылы шести Жилищ благородных семейств.

А через час после захода солнца на взлетную площадку опустилась шестерка птиц. Из плетеного кресла выскочил Ксантен, сбежал вниз по спиральной лестнице и спустился на центральную площадь перед дворцом. Увидев его, Родственники позвали Хагедорна, даже не пытавшегося скрыть своего удивления при виде Ксанта.

— Что ты здесь делаешь? Мы думали, ты на севере, вместе с Искупающими.

— Искупающие не ушли на Север, они присоединились к нам, и мы сражаемся.

Челюсть Хагедорна отвисла от изумления.

— Сражаетесь? Джентльмены сражаются с мекками?!

— Да, и очень решительно.

Хагедорн недоверчиво покачал головой.

— И Искупающие тоже? Странно, мне казалось, они собирались бежать на Север.

— Да, некоторые так и сделали, Филидор, например. Среди Искупающих есть разные фракции, как и в замке. Но основная часть осталась. К нам присоединились также бродяги, и с пылом фанатиков сражаются с врагом. Прошлой ночью мы подожгли четыре бункера с запасами сиропа и уничтожили более сотни мекков и дюжину краллов. У нас тоже есть потери, и очень болезненные, так как нас мало. Поэтому я здесь. Нам очень нужны люди, становитесь в наши ряды!

— Я созову жителей. Поговори с ними.

Горько жалуясь на тяжелую судьбу, птицы всю ночь трудились, перевоза благородных джентльменов, несколько протрезвевших после страшных событий и горящих желанием, позабыв условности, драться за собственную жизнь. Но были и такие, которые даже сейчас упрямо отказывались пойти на компромисс с многовековыми устоями. Покидая замок, Ксантен на прощанье как мог постарался приободрить их:

— Утешайтесь тем, что стены у вас по-прежнему надежные, оставайтесь в замке, пока мекки не найдут способ проникнуть внутрь и уничтожить вас.

Затем он повернулся к Хагедорну:

— А ты летишь с нами или нет?

Хагедорн тяжело вздохнул.

— Замку пришел конец, что уж теперь... Я уйду с вами.

Но неожиданно ситуация изменилась. Мекки, окружая замок осадным кольцом, не рассчитывали на сопротивление со стороны Долины. На сопротивление замка они тоже не рассчитывали. Поэтому, располагая бараки и хранилища сиропа, они руководствовались соображениями удобства, а не возможности обороны. Это было на руку лазутчикам и диверсантам из стана людей. Можно, приблизиться незамеченными, нанести ощутимый урон и отступить

без потерь. Нападения диверсантов повторялись все чаще, и в конце концов мекки вынуждены были отступить. Кольцо осады превратилось теперь в полукруг, но, несмотря на такое нарушение их планов, мекки отступать не собирались.

На контролируемой территории мекки собрали уцелевшие емкости с сиропом, краллов, оружие и боеприпасы в один плотный лагерь, подступы к которому охранялись простой, но довольно эффективной системой сигнализации, освещались прожекторами, и при малейшем подозрении, простреливались дозорными, что делало лобовую атаку практически невозможной.

Просоветовавшись целый день, повстанцы решили напасть с воздуха, и во время воздушной атаки небольшими силами ударить по земле. Шесть легких платформ были нагружены пузырями с горючим, к каждому пузырю крепилась зажигательная граната. Каждую платформу должны были нести десять птиц.

В полночь они взлетели и, набрав высоту, спланировали на лагерь мекков. Когда птицы на бреющем полете пролетали над лагерем, сидевшие на платформе люди сбрасывали зажигательные бомбы. Лагерь мекков охватило пламя. Горели хранилища сиропа, метались перепуганные краллы, круша строения и давя своих новых хозяев. Прожекторы оказались разбитыми группой диверсантов, молчаливо атаковавших лагерь, и люди под покровом темноты бросились довершать разгром. После короткой, но жестокой схватки они овладели выходами из туннелей, где укрылись оставшиеся в живых мекки. Восстание, похоже, было подавлено.

ГЛАВА 12

Постепенно пожар угасал. Люди — сотни три из замка, двести Искупающих и несколько десятков кочевников — собрались в одном из туннелей, обсуждая дальнейший план действий. Сопревание затянулось, так как каждый народ предлагал действия, исходя из своего жизненного уклада и привычек. Жители замка, в общем-то, совершенно неподготовленные к таким действиям, в основном давали путанные советы, лишь нарушающие составление плана дальнейших действий. Но, в конце концов, план был составлен.

На рассвете группа джентльменов, чьи близкие остались в замке, отправились туда, чтобы привести их. Вмес-

те с ними вернулись и те, кто не пожелал в свое время покинуть замок — Беандри, Гарр, Иссет и Аури. Они поздравили победителей искренне, но несколько суховато.

— Что же вы думаете делать теперь? — поинтересовался Беандри. — Мекки в ловушке, но добраться до них невозможно. Если они запаслись сиропом, то смогут продержаться несколько месяцев. Держать их в блокаде и, постоянно ожидая каких-либо нападений, жить в постоянном напряжении, по-моему, не самое лучшее.

— Конечно, — тут же вмешался Гарр, — как неплохой специалист в военном деле, я бы предложил следующее — установить на кралла лучевую пушку и ударить из нее по меккам. Большинство погибнут, а те, кто выживет, пригодятся для работы.

— Нет! — воскликнул Ксантен, — не будет больше смертей и крови. Все оставшиеся в живых мекки, а также пейзаны, будут отправлены на их родные планеты.

— Кто же, по-вашему, будет обслуживать жителей замка? — холодно поинтересовался Гарр.

— У вас остаются синтезаторы сиропа. Пришлите их на спину — и проблема питания решена! С остальными бытовыми делами, конечно, несколько труднее — многое придется научиться делать самим.

Гарр надменно приподнял бровь.

— К счастью, это лишь твое дерзкое мнение. Хагедорн, ты тоже считаешь, что цивилизация должна угаснуть?

— Она не угаснет, — отвечал тот, — при условии, разумеется, что мы приложим к этому усилия. Но в одном я убедился окончательно — рабства больше не должно быть!

Вдруг со стен замка раздался отчаянный крик:

— Мекки! Они проникли сюда и захватили нижние уровни! Спасите нас! — И ворота медленно закрылись.

— Как это могло случиться? — воскликнул Хагедорн. — Ведь мекки загнаны в туннель!

— Думаю, у них был заготовлен ход в замок, — живо сообразил Ксантен.

— Нужно немедленно выбить их оттуда! — Хагедорн бросился вперед, словно намереваясь в одиночку атаковать мекков. — Мы не можем позволить им грабить замок!

— К несчастью, — вздохнул Клагорн, — стены защищают мекков от нас гораздо надежнее, чем нас от них.

— Но можно использовать птиц!

Клагорн с сомнением покачал головой:

— Они выставят стрелков. Даже если удастся высадить десант, прольется море крови. А ведь они превосходят нас численностью!

Хагедорн застонал:

— Одна мысль о мекках, роющих в моих вещах, убивает меня!

— Слушайте! — Сверху донеслись хриплые выкрики.

— Смотрите, люди на одной из стен!

Ксантен бросился к птицам, напуганным и поэтому смирным.

— Поднимите меня над замком! — приказал он. — Повыше, чтобы нас не достали пули.

— Будьте осторожны, — предупредила одна из птиц, — в замке творятся страшные вещи!

— У меня крепкие нервы! Поднимайтесь!

И птицы взмыли в воздух, стараясь держаться за пределами опасной зоны.

Каким-то чудом одна из пушек все-таки стреляла, и за ней столпилось человек тридцать — женщины, дети, старики. На всей остальной территории, куда не доставали пушечные выстрелы, роились мекки. Центральная площадь была усеяна трупами — джентльмены, леди, их дети, — все, кто предпочел остаться в замке.

За пушкой стоял Гарр. Заметив Ксантена, он издал беспечный вопль, развернул пушку и выстрелил вверх. По счастью, это все-таки был не смертоносный луч, а лишь его слабое подобие. Несмотря на то, что прицел был верен, энергия пушки смогла уничтожить только двух птиц. Остальные, сплетаясь в клубок, вместе с Ксантеном полетели вниз, и четыре оставшихся в живых каким-то чудом сумели у самой земли затормозить падение.

Совершенно обессиленный, Ксантен пытался выпутаться из ремней. К нему подбежали возбужденные люди.

— Ты не ранен? — кричал Клагорн.

— Нет, только очень испуган.

— Что там видно, сверху?

— Все мертвы, осталось буквально несколько человек. Гарр совсем обезумел, он стрелял в меня.

— Смотрите! Мекки на стенах! — закричал Морган, заметив неуклюжие фигурки, карабкающиеся по укреплениям.

— О-о! Смотрите, смотрите! Они прыгают... Нет, их сбрасывают!

Стороннему зрителю трагично и жутко было бы смотреть, как страшно медленно, как будто время замедлило свой равномерный бег, маленькие фигурки людей и мекков, вцепившихся с них в последнем смертельном объятии, отделялись от парапета и устремлялись вниз, к земле, навстречу гибели. Но, никакого наблюдателя, конечно, не было, и время не замедляло своего бега. Все защитники замка, находившиеся на стенах, погибли. Замок Хагедорн оказался в руках мекков.

Ксантен задумчиво рассматривал изысканный силуэт замка, такой знакомый и близкий, — и теперь такой чужой!

— Они долго не продержатся. Надо всего лишь разрушить солнечные батареи или накопители — и у них не будет энергии для синтеза сиропа.

— Давайте сделаем это немедленно, — предложил Клагорн, — пока они сами не догадались об этом. Птицы!

Вскоре четыре десятка птиц — каждая несла по два обломка скалы величиной с человеческую голову — тяжело поднялись в воздух, облетели замок и, вернувшись, доложили, что солнечных батарей больше не существует.

Осталось только заложить выходы туннелей, чтобы мекки не вырвались наружу.

— А что же будет с пейзажами? И с фанами? — тоскливо заметил Хагедорн.

Ксантен грустно покачал головой.

— Теперь мы все должны стать Искупающими — слишком много грехов.

— Мекки продержатся не более двух месяцев, я уверен в этом. — Клагорн как-то пытался приободрить окружающих.

Но прошло почти полгода, пока однажды утром не отворились ворота замка и наружу не выбрался изможденный мекк.

— Люди! — просигналил он. — Мы умираем от голода. Мы не тронули ваших сокровищ, выпустите нас или мы все уничтожим.

— Наши условия таковы, — отвечал ему Клагорн. — Мы сохраним вам жизнь, если вы приведете в порядок замок,

соберете и похороните убитых. Потом вы почините корабли, и мы доставим вас обратно на Этамин.

— Ваши условия приняты. — Мекк едва держался на ногах. Произнеся слова капитуляции, он упал без сознания.

Пять лет спустя Ксантен, его жена, Глис Лугоросная, и двое прекрасных малышей находились по своим делам в окрестностях реки Сены. Воспользовавшись возможностью, они посетили замок Хагедорн, в котором жили теперь всего несколько десятков человек. Среди них был и Хагедорн.

Он сильно постарел за эти годы. Волосы поседел, щеки ввалились. Былой величавой осанки тоже не было. Годы согнули его. И в глазах, еще не явно, но уже виднелась старческая доброта и смирение. Трудно было определить его настроение. Они стояли вблизи скалы с возвышающимся на ней замком, укрывшись в тени развесистого орехового дерева, а дети неподалеку играли в какую-то свою игру.

— Теперь это просто музей, — рассказывал Хагедорн, — а я в нем смотритель. Этим же делом, по-видимому, будут заниматься последующие Хагедорны, потому что замок обязательно нужно сберечь, ведь здесь собраны бесчисленные сокровища. Замок дряхлеет, уже появились призраки. Я сам не раз их видел по ночам. Э-ге-ге, какие были времена, правда, Ксантен?

— Да, — согласился тот, — но я бы не хотел их вернуть. — Они помолчали, оглядывая громаду замка, будто видели его впервые.

— Грядущие поколения — что они будут думать о нас? — промолвил Хагедорн, задумчиво глядя на резвящихся детей. — О наших сокровищах, книгах, искусных вышивках?

— Они будут приходить сюда наслаждаться, как это делаем мы сегодня, — после паузы, вздохнув, ответил Ксантен.

— Да, там есть чем полюбоваться. Не пойдешь ли ты со мной, Ксантен? У меня еще сохранился запас старого благородного вина.

— Благодарю тебя, но мне не хочется тревожить старые воспоминания. Мы продолжим наш путь.

— Я понимаю тебя, Ксантен. Ну что ж, прощай, счастливого пути.

— Прощай, Хагедорн! — И они с сыном зашагали обратно в мир, снова принадлежащий людям.

ПЫЛЬ ДАЛЕКИХ СОЛНЦ

ДАР РЕЧИ

На мелководье пришел полдень, ветер стих, сонное море шелковисто блестело. На юге под облаками висела черная пелена дождя, в прочих местах в воздухе копилась мрачная муть.

Плотный рой судов для сбора водорослей дрейфовал над мелководьем, часть из них обслуживала платформу «Биоминералов», металлический прямоугольник в две сотни футов длиной и сотню футов шириной.

В четыре часа воздух прорезал высокий звук, объявляя конец дневной вахты.

Сэм Флетчер, помощник управляющего, оставил кают-компанию, пересек палубу, проскользнул в дверь офиса и осмотрелся. Кресло, в котором обычно за очередным производственным отчетом сидел Карл Райт, пустовало. Флетчер оглянулся в сторону цеха, однако Райта в поле зрения не было. Странно. Он пересек кабинет, просмотрел выработку за день:

Трихлорид родия — 4,01

Сульфид тантала — 0,87

Ренихлорид трипиридила — 0,43

Общий объем, по подсчетам Флетчера, составлял 5,31 — так себе смена. Но он все равно опережает Райта. Завтра последний день месяца, и Сэм едва ли мог отказать себе в удовольствии еще немного опустить соперника. Предвидя протесты и жалобы Райта, он улыбнулся и присвистнул

сквозь зубы. Его наполняла веселая уверенность. Не каждый месяц наступает конец полугодового контракта и можно вернуться на Звездный Остров с шестимесячным кредитом в кармане.

Гром и молния, где этот Райт? Флетчер выглянул в окно. В поле зрения попал вертолет, принайтованный к палубе талями для защиты от сабринских шквалов, мачта, черный горб генератора, резервуар с водой, а в дальнем конце платформы — распылители, емкости для золы, колонны Тсветта и целый склад ящиков.

Темная фигура заслонила дверной проем. Сэм обернулся, но это был Агостино, из дневной смены, которого только что сменил Блю Мэрфи, оператор Флетчера.

— Где Райт? — спросил Флетчер.

Агостино оглядел помещение.

— Я думал, он здесь.

— А я думал, что он уже кончил работу.

— Нет, я только что оттуда.

Флетчер пересек комнату, заглянул в ванную.

— И там нет.

Агостино собрался уходить.

— Я собираюсь в душ, — он опять просунулся в дверь. — Мы сильно отстаем по ракушкам.

— Я свяжусь с баржей, — Флетчер вышел следом за Агостино, направляясь в цех.

Дорожка мимо дока с причаленными баржами вела в секцию размельчения. Резец №1 измельчал танталовые ракушки, № 2 — богатых рением морских слизней. Шаровая мельница была готова для загрузки оранжево-розовых, с комочками родиевых солей, кораллов.

Блю Мэрфи — с красным лицом и когда-то шикарной рыжей шевелюрой — занимался обычной проверкой подшипников, стержней, сцеплений, осей, клапанов и калибров. Флетчер гаркнул ему в ухо, чтобы Блю услышал его через шум молотилок:

— Райт не проходил?

Мэрфи покачал головой.

Флетчер двинулся дальше, в зольную камеру, где производилось первичное извлечение соли из пульпы сквозь целый лес труб Тсветта, и в конце концов выбрался на палубу. Райта не было. Он должен был пойти прямо в офис.

Но офис был пуст.

Флетчер покрутился вокруг кают-компаний. Агостино был увлечен чашкой чилли. Стюард Дэйв Джонс, человек с крупными чертами лица, стоял в дверях кухни.

— Райт был здесь? — поинтересовался Сэм.

Джонс, который никогда не тратил двух слов там, где можно обойтись одним, угрюмо качнул головой.

— Ты не заметил баржу для ракушек? Он мог выйти на шельф.

Флетчер недоуменно оглянулся.

— Что-то не в порядке у Мальберга?

— Он ставит новые зубья на экскаватор.

Флетчер попытался вспомнить расположение барж в доке. Если Мальберг занят ремонтом, Райт мог спокойно пойти сам. Он взял чашку кофе. «Вот где он должен быть». Присел. «Не похоже на Райта задерживаться с возвращением».

— Где Карл? Мне нужны еще эти треклятые зубья, — в кают-компанию заглянул Мальберг.

— Карл рыбачит, — пошутил Агостино.

Мальберг ехидно рассмеялся.

— Наверно, ловит себе стройного симпатичного угля. Или декабраха.

Дэйв Джонс хрюкнул.

— Это он будет готовить сам.

— Кажется, декабрах может быть хорошей едой, — не унимался Мальберг. — Приготовленные, они напоминают тюленей.

— Кто еще тюлень? — пробормотал Джонс.

— А я сказал бы, они больше похожи на русалок, — заметил Агостино, — С десятилучевыми морскими звездами вместо башки.

Флетчер поставил свою чашку.

— Меня удивляет, что его так долго нет.

Мальберг пожал плечами, Агостино отвел взгляд.

— Прошел только час на шельфе. Он скоро должен вернуться.

— Он мог сломаться, — предположил Мальберг. — Хотя баржа шла хорошо.

Флетчер поднялся.

— Пойду, вызову его.

Он вернулся в офис, набрал на экране связи «ТЗ» — код вызова для ракушечной баржи.

Экран оставался пустым.

Флетчер ждал. Вспыхивала и гасла неоновая лампочка, отмечая вызов.

Ответа не было.

Сэм ощутил смутное беспокойство. Он оставил офис, добрался до мачты, влез на смотровую площадку на ее вершине. Отсюда можно было видеть пол-акра платформы, пять акров, покрытых судами-сборщиками водорослей, и великую необъятность океана.

Далеко на северо-востоке, на краю мелководья, маленькой, почти неразличимой в дымке, темной точкой виднелась новая платформа «Пелагик Рековерис». На юге, где Экваториальное течение струилось через отмели, на длинную, свободно дрейфующую нить были нанизаны ракушечные садки. На севере, где хребет Макферона, вырастая из Глубин, выносил на воздух тридцать футов разрушенных склонов, алюминиевые сваи поддерживали ловушки для морских слизней. И повсюду болтались сборщики водорослей, иногда стоящие на якоре, иногда удерживающиеся на месте силой течений.

Флетчер заметил баржу сразу же, стоило навести бинокль на садки. Он устроился поустойчивее и добавил увеличение, нацелившись на ходовую рубку. И никого не увидел, хотя здесь нельзя было полагаться на прибор. Потом тщательно исследовал остальную часть баржи.

Где же Карл Райт? Возможно, в рубке, вне зоны видимости.

Флетчер спустился на палубу, обошел вокруг цеха, заглянул.

— Эй, Блю!

Появился Мэрфи, вытирая ветошью большие красные руки.

— Я беру баркас для выхода на шельф. Баржа там, но Райт не отвечает на вызов.

Мэрфи недоуменно потряс лысой головой. Он проводил Флетчера к доку, где качался пришвартованный баркас. Сэм поднялся к фиш-талям, развернул, как нужно, корму, прыгнул на палубу.

Мэрфи крикнул вслед:

— Составить тебе компанию? За работой присмотрит Ханс.

Ханс Хейнз был инженером-механиком.

Флетчер подумал.

— Да нет, не нужно. Если с Райтом что-то случилось — я и сам могу управлять. Только не спускай глаз с экрана. Я могу выйти на связь.

Он прошел в кокпит, уселся, захлопнул над головой купол, запустил водомет.

Баркас запрыгал по волнам, набирая скорость, то и дело зарываясь тупым носом в воду, так что выглядывал только купол. Вода затягивалась через носовые водозаборники и извергалась паром за кормой.

Флетчер сбавил газ.

«Биоминералы» остались серым пятном в розовой дымке, в то время как баржа и садки, постепенно увеличиваясь, становились все отчетливей. Он выключил зажигание, баркас осел, подрулил к темному корпусу, пришвартовался к сброшенным с баржи магнитным шарам и независимо качался на медленных волнах.

Флетчер откинул купол, прыгнул на палубу.

— Райт! Эй, Карл!

Никто не ответил.

Флетчер внимательно осмотрел палубу. Райт был высоким, энергичным и сильным, но с ним могло случиться несчастье. Сэм направился в ходовую рубку. Он миновал первый трюм, заполненный черно-зелеными ракушками. Стрела второго трюма была откинута и приготовлена к подъему из воды укрепленного в захвате садка.

Третий трюм был еще не заполнен. Ходовая рубка была пуста.

Карла Райта на борту не было.

Его мог подобрать вертолет или баркас, или он мог упасть за борт. Флетчер медленно изучил темную воду во всех направлениях. В какой-то миг он склонился через борт, пытаясь разглядеть нечто под блестящей поверхностью. Но бледный силуэт под водой принадлежал декабраху длинной с человека, спокойно плывущему по своим делам.

Сэм взглянул на северо-восток, где за занавесом розовой мглы дрейфовала платформа «Пелагик Рековерис». Это было новое предприятие, только три месяца как открытое владельцем, Тедом Христалом, некогда организатором биохимии на «Биоминералах». Сабрианский Океан был неисчерпаем, рынок для металлов — ненасытен, двум платформам нечего было делить. При самом богатом вооб-

ражении Сэм не представлял Христала нападающим на Карла Райта.

Он мог только упасть за борт.

Флетчер вернулся в ходовую, поднял лестницу, ведущую к площадке на самом верху. В последний раз осмотрел воду вокруг баржи, зная, что это бесполезно — течение, движущееся сквозь пролив со скоростью в два узла, должно было утащить тело Райта на глубину. Осмотрел горизонт. Линия садков пропадала в розовом мраке. Мачта «Биоминералов» пронзала небо на северо-западе. «Пелагик Рековерис» была не видна. Ничего живого в пределах видимости не наблюдалось.

Из рубки запищал сигнал связи. Флетчер спустился. Вызывал Блю Мэрфи.

— Что нового?

— Ничего, — отозвался Флетчер.

— Что это значит?

— Райта здесь нет.

Большое красное лицо на экране забавно сморщилось.

— Тогда кто там есть?

— Никого. Видимо, Райт упал за борт.

Мэрфи присвистнул. Казалось, ему нечего сказать. Наконец, он спросил:

— Есть идея, как это случилось?

Флетчер качнул головой.

— Не могу представить.

Мэрфи облизал губы.

— Наверно, нам следует остановиться.

— Почему?

— Ну — почтение к смерти, как ты бы сказал.

Флетчер криво ухмыльнулся.

— Мы с тем же успехом можем продолжать работу.

— Как сочтешь нужным. Но мы все равно не успеем добрать ракушек.

— Карл загрузил полтора трюма, — Он замялся, глубоко вздохнул. — Я так же неплохо сумею вытрясти чуть побольше садков.

Мэрфи поморщился.

— Это дело чувств, Сэм. У тебя нет нервов.

— Карлу теперь все равно. А мы все равно должны скоблить ракушки. В этом нет ничего, из-за чего стоило бы хандрить.

— Возможно, ты прав, — с сомнением отозвался Мэрфи.

— Я вернусь через пару часов.

— Только не кувырknись, как Райт.

Экран погас. Флетчер осознал, что теперь он остался в должности главного управляющего на целый месяц, пока не прибудет новый экипаж. Соответственно, ему не положено личных желаний.

Он медленно вышел на палубу, поднялся к лебедкам. Провел час, вытаскивая из моря секции садков, подвешивая их над трюмом, ожидая, пока манипуляторы не выскребут черно-зеленое содержимое, и возвращая обратно. Это было то, что делал Райт, пока не исчез. Как он мог свалиться за борт?

По нервам Сэма скользнуло непонятное беспокойство, просочилось в мозг. Он остановил лебедку, прыгнул с площадки. И замер, обнаружив на палубе канат.

Это был странный канат — в дюйм толщиной, блестящий и полупрозрачный. Он лежал, свернувшись кольцом на палубе, и один конец уходил за борт. Сэм двинулся было вниз, но притормозил. Канат? Конечно, не из экипировки баржи.

«Осторожно», — мелькнула мысль.

На грузовой стойке висел инструмент, похожий на маленькую лопатку. Его использовали для ручного выскребания садков, если вдруг ломалась автоматическая очистка. До него было два шага, правда, через канат. Сэм рискнул. Трос дрогнул, кольцо сжалось, обхватив его за лодыжки.

Он шарахнулся, успев схватить скребок. Канат резко дернулся, он растянулся ничком, выронив скребок. Сэм наносил удары, отбивался, но канат легко тащил его к планширю. Флетчер рванулся из последних сил и вцепился в скребок. Ноги подняло и потащило через борт. Флетчер нагнулся вперед и отчаянно ударил скребком, потом снова, перерубив канат. Отделившийся кусок змеей уполз за борт.

Флетчер встал, дохромал до перил. В толще воды скользил этот самый канат, скрываясь от глаз среди маслянистых отражений неба. Затем, на пару секунд, фронт волны застыл перпендикулярно к линии его взгляда. В трех футах под поверхностью плыл декабрах. Флетчер разглядел розово-золотой пучок рук, похожих на щупальца морской звезды, и черное пятно в середине, которое могло быть глазом.

Флетчер отшатнулся от планширя, озадаченный, испуганный, подавленный близостью смерти. Он проклинал собственную глупость, опрометчивую неосторожность. Как мог он быть таким слепцом, что остался здесь загружать баржу? Ведь ему понятно, что смерть Райта не могла быть несчастным случаем. Что-то убило Райта, и оно же попыталось убить его. Он добрался до рубки, запустил двигатель. Вода всасывалась через носовые водозаборники, выталкивалась через сопла. Баржа двинулась прочь от садков, Флетчер установил курс на северо-запад, к «Биоминералам», и вышел на палубу.

День уже подходил к концу, небо потемнело до каштанового цвета, дымка сгустилась над кровавой водой. Тусклый красный гигант Гейдион, большее из двух солнц Сабрии, спустился с небес. В течении нескольких минут только свет зелено-голубого Атреуса играл на облаках. Дымка изменила цвет на бледно-зеленый, который из-за некоторой иллюзии казался ярче, чем предыдущий розовый. Атреус сел, небеса потемнели.

Впереди сияла светлая вершина «Биоминералов», поднимаясь в небо по мере приближения баржи. Флетчер видел черные силуэты людей, пересекающие лучи прожекторов. Вся команда ожидала его: оба оператора, Агостино и Мэрфи, Мальберг — техник по баржам, Даймон — биохимик, Маннерс — техник, Ханс Хейнц — инженер.

Флетчер зашел в док, поднялся по штормтрапу, сделанному из водорослей, остановился перед молчаливыми людьми. Он переводил взгляд с одного лица на другое. Ожидющие на платформе прочувствовали смерть Райта острее его, это было написано на их лицах.

Флетчер, отвечая на незаданный вопрос, сказал:

— Это не был несчастный случай. Я знаю, что случилось.

— Что? — спросил кто-то.

— Эта штука похожа на белый канат, — объяснил он. —

Она выскальзывает из моря. Если человек находится близко к ней, она обвивается вокруг его ног и тащит за борт.

Спокойный голос Мэрфи спросил:

— Ты уверен?

— Это только что случилось со мной.

Даймон, биохимик, не сдерживал скептицизм:

— Живой канат?

— Я полагаю, он может быть неживым.

— И даже может вообще не быть?

Сэм замялся.

— Я посмотрел за борт. Увидел декабраха. Одного, по крайней мере, но может быть, их было два или три.

Повисло молчание. Все посмотрели на воду. Мэрфи удивленно спросил:

— Значит, декабрахи заодно?

— Я не знаю, — в голосе Флетчера прорезался напряженный скрип. — Белый канат или трос почти поймал меня. Я разрубил его на части. А когда посмотрел за борт, увидел декабрахов.

Люди удивленно и облегченно вздохнули.

Флетчер направился к кают-компании. Остальные задержались на палубе, всматриваясь в океан, разговаривая приглушенными голосами. Прожектора платформы посылали лучи в темноту. Но там ничего нельзя было увидеть.

Над офисом помещалась лаборатория, и поздним вечером Флетчер поднялся туда, чтобы найти Эжена Даймона, занятого просмотром микрофильмов.

У Даймона было худое лицо, выдающаяся вперед челюсть, гладкие светлые волосы и блестящие глаза фанатика. Он был трудолюбив и дотошен, но всегда оставался в тени Теда Христалла, бросившего «Биоминералы», чтобы открыть на Сабрии собственное дело. Христалл был человеком выдающихся способностей. Он адаптировал поглощающих ванадий морских слизней с Земли к сабрианской воде, превратил редкий вымирающий вид танталовых ракушек в весьма доходный продукт. Когда Христалл занимался этим, Даймон работал с ним часами, и, хотя он отлично справлялся с текучкой, ему не хватало способностей и полета мысли, благодаря которым Христалл перескакивал от проблемы к решению без видимых шагов между ними.

Он едва поднял глаза, когда Флетчер вошел в лабораторию, затем снова уставился на микроскоп.

Сэм немножко подождал.

— Что ты там смотришь?

Даймон ответил в своей тяжеловесной, слегка педантичной манере, которая иногда забавляла, иногда раздражала Сэма.

— Я разыскиваю индекс для идентификации длинного белого «каната», который напал на тебя.

Флетчер издал нечленораздельный звук и подошел поближе взглянуть на установленный микрофильм. Даймон закодировал «длинный», «тонкий», массив классификаторов «Е, F, G». По этим условиям селектор, проверив полный список жизненных форм Сабрии, выдал карточки семи организмов.

— Нашел что-нибудь?

— Не очень много.— Даймон вывел следующую карточку на просмотр.

«Сабрианский аннелид PPC-4924» — прошел заголовок, и на экране показался схематический контур длинного сегментированного червяка. По шкале в нем было около 2.5 метров длины.

Флетчер покачал головой.

— Тварь, что напала на меня, была раз в пять длиннее. И мне не показалось, что она была сегментированной.

— Этот самый подходящий по длине,— биохимик загадочно взглянул на Сэма.— У меня создалось впечатление, что ты вполне уверен в этом своем... длинном белом морском «канате».

Сэм проигнорировал его тон, сгреб все карточки и отправил обратно. Затем, заглянув в книжку кодов, перезапустил селектор.

Даймон знал коды наизусть и мог вводить прямо с клавиатуры. «Аксессуары» — «длинный», «массивы» — «D, E, F, G».

Селектор выдал на просмотр три карточки.

Первым было бледное чайное блюдо, плававшее наподобие ската и тащившее четыре длинных уса.

— Это не то,— сказал Флетчер.

Вторым был черный, похожий на пулю водяной жук с хлыстом сзади.

— Не то.

Третьим оказался некий вид моллюска с плазмой, основанной на селении, алюминии, флюорине и углероде. Раковина представляла собой полушарие из карбида алюминия с горбом, из которого выходили тонкие хватательные отростки. Этот экземпляр именовался «Монитор Стризкала», в честь Эстебана Стризкала, знаменитого пионера сабрианской таксономистики.

— Вот этот может быть виновником, — объявил Флетчер.

— Он неподвижен, — возразил Даймон. — Стризкал пришел его прикрепленным к пегматитовой плотине на Северных отмелях, рядом с колонией декабрахов.

Сэм читал описание. «Щупальца растягиваются на неопределенную длину и выполняют функции собирающего пищу, распространяющего споры, исследующие органа. Мониторы обычно обнаруживаются вблизи колоний декабрахов. Не исключен симбиоз между двумя формами жизни».

Даймон вопросительно поднял взгляд:

— Итак?

— Я видел несколько декабрахов возле садков.

— Ты не можешь быть уверен, что тебя атаковал монитор, — тон Даймона совсем не казался твердым. — Кроме того, они не могут плавать.

— Не могут, — согласился Флетчер. — Согласно Стризкалу.

Даймон хотел было возразить, затем заметил выражение лица Флетчера и сказал примирительно:

— Конечно, везде бывают ошибки. Даже Стризкал не мог сделать больше, чем дать беглое описание планетарной жизни.

Флетчер уставился на экран.

— Здесь анализы Христалла, одного из его учеников.

Они изучали главные компоненты и детали строения монитора Стризкала.

— Ничего, представляющего коммерческий интерес, — заметил Флетчер.

Даймон задумался о своем.

— Правда, что Христалл спускался вниз и поймал монитора?

— Правда. В водяном клопе. Он провел много времени под водой.

— У каждого свои методы, — кратко резюмировал Даймон.

Флетчер вернул карточку на место.

— Нравится он нам или нет, он хороший полевой исследователь. Дьявол его поberi.

— По-моему, полевая фаза закончена и закрыта, — проворчал Даймон. — У нас установлена линия производства продукции, и предстоит долговременная работа по увеличению ее производительности. Конечно, я могу ошибаться.

Флетчер рассмеялся, хлопнув Даймона по тощему плечу.

— Я не выискиваю недостатки, Эжен. Главное, у нас слишком много объектов навешено на одного человека. Мы с тобой можем обеспечить занятость для четверых.

— Четверых? Для этого больше подходит дюжина. Три различных протоплазменных фазы на Сабрии по сравнению с единственной углеродной группой на Земле! Даже Стризкал зацепил только поверхность.

Он какое-то время смотрел на Флетчера, потом вдруг спросил:

— Что ты теперь будешь делать?

Сэм как раз пролистывал оглавление.

— То, зачем сюда и пришел. Проверять декабрахов. Даймон качнулся на стуле.

— Декабрахов? Почему?

— Здесь есть много вещей о Сабрии, которых мы не знаем, — его голос был почти мягким. — Вот взять тебя: спулся ли ты вниз, чтобы посмотреть на колонию декабрахов?

— Нет. Конечно, нет.

Он добрался до искомой карточки.

На экране была собственная зарисовка Стризкала, в которой было во много раз больше информации, чем в цветных стереокартинках. Объект являл собой нечто, более шести футов длиной, с бледным тюленеобразным телом, разделенным на три подвижных участка. От головы отходило десять рук, из-за чего объект и получил свое наименование — гибкие членики восемнадцати дюймов длиной, окружающие черный диск, который Стризкал принял за глаз.

Флетчер пробежал довольно приблизительное описание привычек, диеты, способов воспроизводства и классификации протоплазмы. Он недовольно нахмурился.

— Не слишком-то много здесь информации, при том, что это один из важнейших видов. Давай анатомию.

Скелет декабраха базировался на переднем костяном куполе и трех гибких хрящевидных позвонках, каждый из которых заканчивался подвижным крылом.

Информация на карточке подошла к концу.

— Мне показалось, ты говорил, что Христал производил наблюдения за декабрахами, — пробормотал Даймон.

— Ну да.

— Если он такой уж хороший полевик, то где же его данные?

Флетчер усмехнулся.

— Не ругайся, я ведь работаю здесь впервые.

Он вывел карточку на экран еще раз.

Под общими комментариями Стризкал сделал пометку: «Декабрахи относятся к классу Сабриан группы А, углеродно-нитридной фазе, хотя имеют отклонения в важных аспектах». И добавил несколько строк рассуждений об отношении декабрахов к другим видам Сабрии.

Христалу принадлежала единственная строка: «Проверял для использования в целях коммерции; специальные рекомендации отсутствуют».

Флетчер удержался от комментариев.

— Насколько полномасштабно он проверял? — поинтересовался Даймон.

— В своей обычной театральной манере. Спустился на водяном клопе, загарпунил одного из них, притащил в лабораторию. И затратил три дня на вивисекцию.

— Здесь чрезвычайно мало заметок, — буркнул Эжен. — Если бы я работал три дня над новым видом вроде декабраха, я книгу бы мог написать.

Они смотрели на информацию, повторяя ее про себя.

Биохимик ткнул длинным тонким пальцем в экран:

— Смотри! Здесь было стерто. Видишь черные треугольники на полях? Метки редактирования!

Флетчер потер подбородок.

— Все страньше и страньше.

— Это отвратительно! — негодуя воскликнул Даймон. — Удаление материалов без указания мотивов!

Сэм медленно кивнул:

— Кажется, придется получить у Христала консультацию. — Он призадумался. — Хотя — почему бы и нет? — И он отбыл в офис, вызывать «Пелагик Рековерис».

Христал сам ответил на вызов. Это был крупный светловолосый человек с нежно-розовой кожей и невинным выражением лица, за которым прятался острый ум, как за его дородностью скрывалась развитая мускулатура. Он приветствовал Флетчера с показной сердечностью:

— Как дела на «Биоминералах»? Иногда мне хотелось бы вернуться к вашим парням: не все из того славного времени, когда мы работали вместе, можно забыть.

— У нас несчастный случай,— сказал Флетчер.— Я подумал, что следует предупредить.

— Несчастье? — Тэд выглядел озабоченным.— Что случилось?

— Карл Райт покинул баржу и не вернулся назад.

Христал был в шоке.

— Это ужасно! Как?.. Почему?..

— Очевидно, что-то утащило его. Я думаю, это был монитор Стризкала.

Недоумение отразилось на розовом лице Христала:

— Монитор? Баржа была на мелкой воде? Но их там не может быть, это же мелководье. Я не понимаю.

— Я тоже.

Христал крутил в пальцах кубик из белого металла.

— Это, конечно, странно. Райт, должно быть, погиб?

Флетчер мрачно кивнул.

— Несомненно. Я предупредил, чтобы никто не выходил поодиночке, и думаю, вам лучше сделать то же самое.

— Ты порядочный человек, Сэм.— Христал нахмурился, глянул на металлический кубик, поставил его.— Прежде на Сабрии никогда не возникало проблем.

— Я видел декабраха под баржей. Он может быть как-то замешан.

Христал смотрел ясным взором:

— Декабрах? Они совершенно безвредны.

Флетчер довольно скованно изобразил кивок.

— На всякий случай я попытался проверить декабров по библиотеке. Там немного информации. К тому же часть материала была уничтожена.

Бледные брови Христала поползли на лоб.

— Почему ты мне говоришь об этом?

— Потому что это ты мог ее удалить.

— Хорошо, и зачем бы мне делать что-то подобное? — Он рассердился.— Я честно работал на «Биоминералы», Сэм, и ты это хорошо знаешь. Теперь я пытаюсь заработать денег для себя. Это не так-то просто, я тебе скажу.— Он тронул кубик белого металла, затем, заметив устремленный на него взгляд Флетчера, поставил его на другой край стола рядом с «Универсальным справочником констант и физических отношений» Козея.

Флетчер выдержал паузу.

— Так ты стирал или нет часть главы о декабрахах?

Христал нахмурился в глубокой задумчивости.

— Я мог стереть одну или две плохо проработанные идеи,— ничего важного. У меня вертелась смутная мысль, которую я отложил на потом.

— Это были просто идеи? — съехидничал Флетчер.

— Не помню в точности. Кажется, что-то насчет объектов питания. Я предполагал, что деки поглощают планктон, но не наблюдал этого на самом деле.

— Правда?

— Они питаются подводными грибами, что растут на коралловых банках. Это моя лучшая догадка.

— И это все, что ты стер?

— Я не могу припомнить что-либо еще.

Глаза Сэма вернулись к металлическому кубу. Он заметил, что тот перекрывает заголовок справочника от буквы «В» в «Универсальный» до центра «О» в «Констант».

— Что это у тебя на столе, Христал? Забавляешься металлургией?

— Нет-нет,— заторопился Тед. Он подкинул кубик, критически его осмотрел. — Просто кусок сплава. Я проверяю его на сопротивляемость реагентам. Что ж, спасибо за вызов, Сэм.

— У тебя нет никаких личных идей по поводу случая с Райтом?

Тэд посмотрел недоверчиво:

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты знаешь о декабрах больше, чем кто-либо еще на Сабрии.

— Боюсь, я не могу тебе помочь, Сэм.

Флетчер кивнул.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи, Сэм.

Он сидел, уставясь на чистый экран. Управляемые моллюски — декабрахи — стертый микрофильм. Здесь была связь, которую он не мог определить. Декабрахи, кажется, здесь ни при чем, как и, по ассоциации, Христал. Флетчер не дал бы ни гроша за все его возражения, он прекрасно знал, что Тед, как матерый политик, умеет врать почти на любую тему. Его мысли вернулись к кубу металла. Тед показал больше, чем рассчитывал, поспешив убрать его подальше. Флетчер достал свой собственный «Справочник». Он измерил расстояние между краем «В» и центром «О»:

4,9 сантиметров. Итак, если блок представляет килограмм массы, как и положено таким образцам... — Сэм считал. В кубе стороной 4,9 см — 119 куб. см объема. При гипотетической массе в 1000 г. плотность составит 8,4 г/куб. см.

Флетчер посмотрел на диаграмму. Его одолевали сомнения. Это может быть один из сотни сплавов. Не было никаких причин заходить в своих построениях так далеко — однако, он заглянул в «Справочник». Никель — 8,6 г/куб. см. Кобальт — 8,7 г/куб.см. Ниобий — 8,4 г/куб.см.

Он в задумчивости откинулся на спинку кресла. Ниобий? Элемент дорого и сложно синтезировать, природные ресурсы ограничены, рынок ненасыщен. Идея вдохновляла. Кристал нашел биологический источник ниобия? Если так, ему улыбнулась удача.

Флетчер расслабился. Он вымотался — морально и физически. Его мысли плавно перетекли к Карлу Райту. Он представил тело, дрейфующее в вечной ночи, опускающееся сквозь милю воды туда, куда никогда не проникнет свет. Ради чего Карла Райта лишили жизни?

На него накатили боль, гнев и печаль, чувство безысходности, обида за судьбу Райта. Карл был слишком хорошим, чтобы быть похороненным в темном океане Сабрии.

Сэм одернул себя, выбрался из офиса и поднялся в лабораторию.

Даймон все еще был занят обычной работой. Он держал на контроле три проекта: два касались производства платины из видов сабрианской водоросли, третий позволял увеличить поглощение рения плоскими губками Альфард-Альфы. В каждом случае базовая техника была одинаковой: высаживать подходящую генерацию на возрастающую концентрацию солей металлов, пока объект не мутирует. Определенные организмы могли вследствие этого начать функционировать, используя металл, — их надо было изолировать и перенести на сабрианский рассол. Некоторые из них не могли пережить шок, некоторые адаптировались к новым условиям и начинали поглощать требуемый элемент.

Способности последних можно было усилить обычной селекцией, их можно было культивировать на широкой основе, и таким образом в сабрианских водах шло производство самых разных веществ.

Войдя в лабораторию, Флетчер нашел Даймона выстраивающим садки с культурами водорослей в геометрически аккуратные линии. Он довольно кисло покосился на Сэма через плечо.

— Я говорил с Кристалом,— объявил Флетчер.

Биохимик заинтересовался.

— Что он сказал?

— Сказал, что мог стереть из фильма несколько своих неудачных догадок.

— Нелепо,— бросил Эжен.

Флетчер подошел к столу, посмотрел на ряд водорослевых культур.

— Ты не находил на Сабрии ниобий, Эжен?

— Ниобий? Нет. Ни в какой мало-мальски заметной концентрации. Естественно, следы в океане есть. Полагаю, какой-нибудь из кораллов покажет стойкие линии ниобия.— Он наклонил голову, став похож на любопытную птицу.— Почему ты спросил?

— Просто идея, дикая и случайная.

— Я полагаю, то, что сказал Кристал, тебя не устроило?

— Нисколько.

— И что же дальше?

Сэм оперся о стол.

— Я не уверен. Я могу немного. Разве что...— он задумался.

— Разве что?

— Разве что я сам стану подводным исследователем.

Даймон ужаснулся.

— Что ты надеешься найти?

Сэм улыбнулся в ответ.

— Если бы я знал, мне не нужно было бы туда лезть. Вспомни, Кристал был внизу, затем вернулся и стер запись.

— Я помню,— сказал Даймон.— Хотя, я думаю, это скорее... да, безрассудно, после того, что случилось.

— Может быть — да, может быть — нет.— Флетчер соскользнул со стола на пол.— В любом случае, я полезу туда только завтра.

И он оставил Даймона заканчивать его ежедневный многослойный контроль.

Блю Мэрфи поджидал в футе от ступенек. Флетчер спросил:

— Как дела?

Круглое красное лицо изобразило хмурое недовольство.

— Агостино наверху с тобой?

Сэм замер на месте.

— Нет.

— Он должен был сменить меня полтора часа назад. Его нет в каюте, его нет в кают-компании.

— Боже милостивый,— пробормотал Флетчер.— Еще один?

Мэрфи покосился на океан.

— В кают-компании его видели около часа назад.

— Пошли,— уронил Флетчер.— Давай общим платформу.

Осмотрели все — производственные корпуса, смотровую площадку на мачте, все уголки и закоулки, куда человеку могло прийти в голову зачем-то залезть. Баржи качались в доке, баркас и катамаран плавали на местах, вертолет стоял на палубе с повисшими лопастями.

Агостино не было на борту. Никто не знал, ни где он находился, ни когда именно он пропал.

Экипаж платформы собрался в кают-компании, нервно поводя плечами, поглядывая сквозь иллюминаторы на океан.

Флетчеру нечего было сказать.

— Очевидно, что-то возле нас — и мы не знаем, что именно — может оказаться сюрпризом. Мы должны быть осторожны — более чем осторожны!

Мэрфи мягко стукнул кулаком по столу.

— Но что нам делать? Мы же не можем просто стоять как глупые коровы!

— Сабрия, теоретически, безопасная планета,— заметил Даймон.— Согласно Стризкалу и Галактическому индексу, здесь нет враждебных форм жизни.

— Хотел бы я, чтобы старина Стризкал был сейчас здесь,— фыркнул Мэрфи.— Поговорили бы.

— Он мог бы теоретически объяснить гибель Райта и Агостино.— Дайв Джонс взглянул на календарь.— Месяц спустя.

— Мы будем работать только в одну смену,— объявил Флетчер.— Пока не получим замену.

— Запроси у них усиление,— пробормотал Мальберг.

— Завтра,— продолжал Флетчер.— Я собираюсь на водяном клопе вниз, осмотрюсь и разберусь, что происходит. С этой минуты всем лучше иметь при себе топорики или тяпки.

Тихий шелест прошелся по окнам, по палубе за стеной.

— Дождь,— произнес Мальберг. Он взглянул на часы на стене.— Полночь.

Дождь шипел в воздухе, барабанил по стенам, по палубам бежала вода, и мачтовый огонь едва мерцал сквозь косые струи.

Флетчер постоял у мокрого окна, глядя на цех.

— Догадываюсь, что нам лучше бы запереться на ночь. Но нет причин...— он прищурился на окно, затем отворил дверь и вышел под дождь.

Вода кинулась ему в лицо, он почти ничего не мог разглядеть, кроме бликов от прожекторов в струях дождя. И чего-то вроде тонкой белой полосы, светящейся на серо-черной палубе, похожую на старый белый пластиковый шланг.

Захват лодыжек, ноги ушли из-под тела. Он упал плашмя на мокрую палубу.

Сзади раздался глухой топот, громкие проклятия, грохот и скребущий звук. Захват на ногах разжался.

Флетчер вскочил, шатаясь, прислонился к мачте.

— Оно в цехе,— крикнул он.

Люди рванулись сквозь дождь, Флетчер поплелся за ними.

Но в цехе никого не было. Двери были открыты, комнаты освещены. Приземистые распылители стояли в каждом углу, позади них — баллоны под высоким давлением, чаны, трубы шести различных цветов.

Флетчер повернул главный рубильник, жужжание машин стихло.

— Выключайте все, и возвращаемся в общежитие.

Утро было противоположностью вечера; первой появилась зеленая дымка Атреуса, подсвеченная из-за облаков теплой розой Гейдиона. Оно обещало блистающий день, ограниченный, правда, темными занавесями облаков со всех сторон света.

Флетчер позавтракал, облачился в теплое обтягивающее трико, затем в водонепроницаемый костюм с пластиковым шлемом. Водяной клоп висел на шлюпбалках на восточном краю платформы, его оболочку из прозрачного пластика с водометами укрепляли вставки из металла. При погружении корпус заполнялся водой через отверстия, ко-

торые затем закрывались. Клоп мог погружаться на четыре сотни футов, вода внутри ослабляла давление в два раза по сравнению с тем, что за бортом. На пассажира действовало давление как на двухстах, что успешно спасало от глубинной болезни.

Сэм спустился в кокпит, Мэрфи присоединил шланги от баллона с воздухом к его шлему, затем завинтил люк. Мальберг и Ханс Хейнц выдвинули шлюпбалку. Мэрфи направился наблюдать за спуском. Он постоял какое-то мгновение, глядя сквозь темную розоватую воду на Сэма.

Флетчер махнул рукой:

— Опускайте.— Его голос раздался сзади, из громкоговорителя на переборке.

Мэрфи передвинул переключатель. Клоп пошел вниз. Вода хлынула сквозь отверстия, поднялась вокруг тела Флетчера, сомкнулась над головой. Пузырьки вырвались из выхлопного клапана шлема.

Сэм проверил водометы, отшвартовался. Суденышко косо ушло в воду.

Мэрфи наблюдал.

— Он психует не меньше, чем я.

— Он сможет сбежать от кого угодно,— сказал Даймон.— И, наверно, будет в большей безопасности, чем мы здесь, на платформе.

Мэрфи хлопнул его по плечу.

— Даймон, мой мальчик, ты можешь забраться повыше. Наверху мачты ты будешь в безопасности.— Мэрфи поднял глаза на полушарие в сотне футах над палубой.— И я думаю, я бы и сам туда залез, если бы только кто-нибудь приносил мне туда пожрать.

Хейнц указал на воду.

— Пузыри. Он прошел под платформой. Сейчас направился к северу.

День обещал стать штормовым. Пена перелетала над платформой и заливала палубу. Сквозь утончившиеся облака показались очертания кроваво-оранжевого Гейдиона и лимонного Атреуса.

Вдруг ветер стих, океан пребывал в обманчивом покое. Экипаж собрался в кают-компани. Пили кофе, разговаривали отрывистыми, напряженными голосами.

Даймон, успокоившись, пошел к себе в лабораторию. Обратно он прибежал.

— Декабрахи под платформой! Я видел их с наблюдательной палубы!

Мэрфи пожал плечами.

— Меня им нечего опасаться.

— Я хотел бы поймать одного, — сказал Даймон.

— Нам все еще мало проблем? — проворчал Дэйв Джонс.

Биохимик терпеливо объяснил:

— Мы ничего не знаем о декабрахах. Здесь они самый высокоразвитый вид. Христал уничтожил все важные данные, какие у нас были, и мне хотелось бы иметь хотя бы один экземпляр.

Мэрфи поднялся на ноги.

— Полагаю, мы можем изловить одного сетью.

— Отлично, — обрадовался Эжен. — Я готовлю для него большой аквариум.

Экипаж высыпал на палубу. Стало душно. Океан лежал, огромный и плоский, и маслянисто поблескивал, туман смешивал море и небо нежным перепадом цветов от дежурного алого возле платформы до нежно-розового вдалеке.

Отстрелили поплавок, присоединили сеть и тихо опустили в воду. Хейнц встал на вороте, Мэрфи склонился над планширем, старательно всматриваясь в глубину.

Бледный силуэт показался из-под платформы.

— Тащи! — завопил Мэрфи.

Трос с треском натянулся, сеть в каскаде брызг вырвалась из воды. В центре бился и дрожал шестифутовый декабрах, его жаберные щели хватали воздух.

Подняли на палубу поплавок, вытрясли сеть, декабрах соскользнул в пластиковый контейнер.

Он метался взад и вперед, пластик вздувался и гнулся от мощных ударов. Потом он притих и завис в центре, головные щупальца вытянулись вдоль торса.

Руки заполнили всю окружность аквариума. Черное глазное пятно смотрело сквозь прозрачные стенки.

Мэрфи повернулся к биохимику.

— И что теперь?

— Хорошо бы поставить аквариум на палубу за лабораторией, где я смогу им заняться.

— Нет проблем.

Аквариум был поднят и водружен на место, указанное Даймоном, возбужденно строившим все новые исследовательские проекты.

Ловцы полюбовались на декабраха десять или пятнадцать минут, затем поплелись обратно в кают-компанию.

Время шло. Порывы ветра перелопатили океан, выкопали обрывистые крутые борозды. В два часа пополудни громкоговоритель зашипел, все застыли, повернув головы.

Из динамика раздался голос Флетчера:

— Эй, на борту! Я где-то в паре миль к северо-западу. Приготовьтесь меня вытягивать.

— Ха! — улыбаясь от уха до уха, выкрикнул Мэрфи. — Он сделал это!

— Я ставил против него четыре к одному, — признал Мальберг. — Мне повезло, что никто не принял.

— Пошевеливайтесь, он раньше будет под бортом, чем мы будем готовы.

Экипаж столпился на причале. Водяной клоп неся по океану, его блестящая корма скакала по темной беспокойной воде.

К платформе он подошел медленно, защелкнул носовые и кормовые захваты. Завизжала лебедка, судно, сливая балласт, поднялось над водой.

Взгляд Флетчера в кокпите выдавал напряжение и усталость. Он с трудом выбрался из кабины, выпрямился, растегнул водонепроницаемый комбинезон и скинул шлем.

— Ну, вот я и дома. — Он оглядел группу людей. — Не ждали?

— Я потерял на тебе деньги, — приветствовал его Мальберг.

— Что ты нашел? — не утерпел Даймон. — Есть что-нибудь?

Флетчер кивнул.

— В изобилии. Дайте мне переодеться в сухое. Я мокрый от пота как мышь. — Он замер, увидев аквариум на лабораторной палубе. — Когда это попало на борт?

— Мы поймали его около полудня, — объяснил Мэрфи. — Даймон хотел познакомиться с ним поближе.

Сэм стоял, глядя на аквариум и неопределенно поводя плечами.

— Что-то не так? — забеспокоился Даймон.

— Нет. — Он двинулся к общежитию. — Мы не можем сделать ему хуже, чем уже сделали.

Команда ожидала в кают-компании, куда он явился спустя двадцать минут. Взял чашку кофе, сел.

— Итак,— начал рассказывать Флетчер.— Я не до конца уверен, но, кажется, у нас проблема.

— Декабрахи? — предположил Мэрфи.

Тот кивнул.

— Я знал это! — триумфально объявил Мэрфи.— И могу сказать, глядя на этих скользких типов: они не доведут до добра.

Даймон нахмурился, он не одобрял подобных эмоций.

— Все же, проясни ситуацию,— обратился он к Флетчеру.— Как ты ее видишь, в конце концов.

Флетчер осторожно подбирал слова.

— Происходят события, в которых мы не виноваты. Но важнее всего, что декабрахи — общественно организованы.

— Ты хочешь сказать — они разумны?

Сэм поскреб затылок.

— Точно не знаю. Это возможно. Но равно возможно, что они живут по инстинкту, как общественные насекомые.

— Как в мире... — начал Даймон. Флетчер прервал его жестом.

— Я расскажу, что случилось. После моих слов вы сможете задать все вопросы.— Он пригубил кофе.

— Когда я был внизу, естественно, я был на взводе и держал глаза открытыми. В клопе я чувствовал себя в безопасности, но понервничать все же пришлось. Как только я оказался в воде, я увидел декабрахов — пять или шесть,— он сделал паузу, потягивая кофе.

— Что они делали? — влез Даймон.

— Ничего особенного. Кружили возле большого монитора, который был прикреплен к сборщику водорослей. Его ловчеее щупальце уходило вниз, как канат, теряясь в глубине. Я толкнул его носом, просто чтобы посмотреть, что делают декабрахи. Они начали разбегаться. Не хотелось терять слишком много времени под платформой, так что я двинулся на север, к глубине. И на полпути увидел странную вещь — я прошел мимо и сделал круг, чтобы рассмотреть получше. Там было около дюжины деков. У них был монитор — и он действительно был большой. Просто гигантский. Он был подвешен к грозди баллонов или пузырей — это были какие-то водоросли,— которые удерживали его на плаву, и деки подталкивали его вперед... В нашем направлении.

— В нашем направлении? — протянул Мэрфи.

— Что ты сделал? — спросил Маннерс.

— Конечно, может быть, все это было совершенно безобидным, но не хотелось бы что-нибудь упустить. Рука монитора вполне напоминает швартов. Я направил хлопа на пузыри, некоторые взорвал, остальные рассеял. Моллюск камнем пошел на дно. Деки прыснули в разные стороны. Я решил, что выиграл этот раунд, пошел дальше на север и довольно скоро достиг места, где склон начинает уходить в глубину. Спустился еще где-то на двадцать футов и теперь был на двухстах. Конечно, мне пришлось включить прожектор: эти красные сумерки проникают в воду не слишком-то глубоко. — Флетчер сделал еще один глоток кофе. — Всю дорогу через мелководье я проходил над коралловыми банками, увертываясь от зарослей травы. Там, где шельф уходит на глубину, кораллы становятся чем-то фантастическим — я полагаю, там сильнее движение воды, больше пищи, больше кислорода. Они вымахали на сотню футов в высоту: спирали и башни, зонтики, платформы, арки — белые, бледно-голубые, бледно-зеленые.

Я добрался до края скалы. Это был просто шок — одну минуту мои прожектора освещали кораллы, все эти белые башни и зубцы — а затем все исчезло. Я был над глубиной. Мне стало страшно. — Флетчер нервно усмехнулся. — Я глянул на эхолот — дно было в двадцати тысячах футов внизу. Мне это не особо понравилось, и я повернул обратно. И тут заметил свет справа. Я выключил свой и отправился его исследовать. Свет мерцал, как если бы я летел над городом. Вот собственно, и все, что было.

— Декабрахи? — спросил Даймон.

Флетчер кивнул.

— Декабрахи.

— Ты хочешь сказать — они построили это сами? Освещение и все?

Флетчер нахмурился.

— В этом я не могу быть уверен. Кораллы выросли в такие формы, что создали для них небольшие проходы, чтобы плавать туда-сюда и делать все, что им захочется делать в доме. Конечно, им не нужна защита от дождя. Они построили эти коралловые гроты не с теми же чувствами, с какими мы строим дом — но это не выглядит похожим на естественные кораллы. Это как если бы они

заставили кораллы расти для удовлетворения собственных нужд.

— Значит, они разумны, — нерешительно сказал Мэрфи.

— Не обязательно. Осы ведь тоже строят сложные гнезда, повинаясь только инстинкту.

— Каково твое мнение? — продолжил допрос Даймон. — Исходя из впечатлений, которые ты получил?

Флетчер покачал головой:

— Уверенности у меня нет. Я не знаю, какой стандарт следует применить. Разумность — это слово, под которым подразумевают множество разных вещей, и наш генеральный путь — это изготовление предметов и разделение труда.

— Я тебя не понимаю, — сказал Мэрфи. — Так ты считаешь этих деков разумными или нет?

— А люди разумны? — улыбнулся Флетчер.

— Несомненно. В конце концов, они сами так говорят.

— Хорошо, вот что я пытаюсь объяснить: мы не можем считать человеческое понятие разумности мерилom ума декабрахов. Мы должны судить об этом, используя другую систему ценностей — ценностей декабрахов. Люди пользуются мертвыми инструментами из металла, керамики, волокон, неорганических веществ, наконец. Я могу представить цивилизацию, зависящую от живых инструментов — специализированных видов рабочих групп, используемых для специальных целей. Предположим, что декабрахи живут на этой основе. Они заставляют кораллы вырастать в такие формы, какие им требуются. Они используют мониторов вместо подъемных кранов или силков, или чтобы достать что-нибудь над водой.

— Тогда, очевидно, — сказал Даймон, — ты веришь, что декабрахи разумны.

Сэм опять мотнул головой.

— Разумность — это просто слово, предмет определения. Что, если деки не могут быть помещены под человеческое определение?

— Это выше моего понимания, — заявил Мэрфи, снова усаживаясь на стул.

Даймон настойчиво продолжал:

— Я не метафизик и не семантик. Но, мне кажется, мы должны и можем определить, есть ли у них разум или нет.

— Да какая, в сущности, разница? — спросил Мэрфи.

Ответил Флетчер:

— Для вопроса, который имеет отношение к закону, это очень большая разница.

— А,— догадался Мэрфи.— Ты имеешь в виду Доктрину Ответственности.

Флетчер кивнул.

— Мы можем оказаться злобными янки, калеча или убивая разумных аборигенов. Так уже бывало прежде.

— Понятно,— сказал Мэрфи.— Я был на Алкаиде-2, когда из-за этой проблемы пострадала корпорация «Гравитон».

— Так вот, если деки разумны, мы должны контролировать каждый наш шаг. Вот почему я встревожился при виде дека в аквариуме.

— Так как же мы сумеем это определить? — поставил вопрос ребром Мальберг.

— Существует один критичный признак,— заявил Даймон.

Команда ожидающе смотрела на него.

— Ну? — не выдержал Мэрфи.— Выдай его.

— Общение.

Мэрфи задумчиво кивнул.

— Это кажется верным.

Он посмотрел на Флетчера:

— Ты заметил их разговоры?

Флетчер покачал головой.

— Завтра я возьму камеру и диктофон. Тогда мы будем знать точно.

— Кстати,— сказал Даймон,— почему ты спрашивал о ниобии?

Флетчер о нем уже забыл.

— У Христала был на столе образец. Правда, я не уверен...

Даймон кивнул.

— Так вот, это может оказаться совпадением, но деки буквально переполнены им.

Флетчер вспыхнул.

— Он в их крови, и сильнейшая концентрация во внутренних органах.

Флетчер замер с чашкой на полпути ко рту.

— Достаточно, чтобы извлечь выгоду?

Даймон кивнул.

— Возможно сотня грамм или более на организм.

— Так-так, — протянул Сэм. — Это на самом деле очень интересно.

Дождь рушился вниз всю ночь, поднялся сильный ветер, кружа и переноса дождь и пену. Большая часть экипажа отправилась спать, за исключением стюарда Дайва Джонса и радиста Маннерса, которые засиделись за шахматами.

Новый звук пробился сквозь ветер и дождь — металлический стон, неблагозвучный скрип, который через какое-то время стал слишком громким, чтобы не обращать на него внимания. Маннерс вскочил на ноги, подошел к окну.

— Мачта!

Ее смутно можно было видеть сквозь дождь, раскачивающуюся, как тростник. Угол размаха все возрастал.

— Что нам делать? — крикнул Джонс.

Лопнула одна из растяжек.

— Сейчас ничего.

— Я вызову Флетчера. — Джонс побежал к выходу, ведущему в общежитие.

Мачта вдруг дернулась, застыла на долгие секунды под немислимым углом, затем обрушилась на корпус цеха.

Флетчер появился, внимательно посмотрел в окно. Без топового огня темная платформа казалась зловещей. Флетчер пожал плечами, развернулся.

— Мы ничего не сделаем ночью. Выход на эту палубу будет стоять человеческой жизни.

Утром определение повреждений показало, что две растяжки были почти полностью перерезаны или распилены. Мачта, как легковесная конструкция, быстро развалилась, пара сегментов валялась в углу палубы. Платформа казалась лысой и плоской.

— Кто-то или что-то, — заметил Флетчер, — озаботился создать нам побольше проблем, чем больше, тем лучше, — он посмотрел через свинцово-розовый океан туда, где за пределом видимости дрейфовала платформа «Пеллагик Рековерис».

— Ясно, — сказал Даймон, — ты имеешь в виду Христа.

— У меня есть подозрения.

Даймон взглянул туда же.

— А у меня уверенность.

— Подозрение не является доказательством. Во-первых, что мог бы Христал надеяться выиграть, напав на нас?

— А что выиграли бы декабрахи?

— Я не знаю,— признал Флетчер.— Но хотел бы узнать.— Он пошел переодеваться в подводный костюм.

Клоп был готов быстро. Флетчер прицепил камеру на внешней подвеске, подсоединил диктофон к чувствительной диафрагме на корпусе. Уселся, захлопнул крышку над головой.

Суденышко погрузилось в океан. Оно наполнилось водой, и его блестящая корма исчезла под поверхностью.

Команда ремонтировала крышу производственного корпуса, собирала временную антенну.

Прошел день, настали сумерки, затем фиолетовый вечер.

Громкоговоритель хрюкнул и засвистел, усталый и охрипший голос Флетчера произнес:

— Поднимайте, я подхожу.

Экипаж собрался возле планширя, напрягая глаза сквозь сумерки.

Одна из лениво блестящих волн изменила форму, подкатилась ближе и превратилась в водяного клопа.

Бросили концы, водяной клоп спустил балласт, и его подняли на балку.

Флетчер, хромая, прыгнул на палубу, ссутулился возле одной из шлюпбалок.

— Этого погружения мне хватит на всю жизнь.

— Что ты нашел? — с нетерпением спросил Даймон.

— Все в фильме. Я запущу его, как только моя голова перестанет кружиться.

Флетчер принял горячий душ, потом спустился в кают-компанию и съел чашку супа, которую заботливо поставил перед ним Джонс, пока Маннерс занимался кассетой.

— Я своим умом дошел до двух вещей,— сказал Флетчер.— Во-первых, деки разумны. Во-вторых, если они разговаривают между собой, то это совершенно недоступно для человеческого восприятия.

Даймон удивленно и недовольно мигнул:

— Это же почти противоположно.

— Не совсем,— не согласился Флетчер.— Можете сами увидеть.

Маннерс запустил проектор, экран засветился.

— На первых нескольких футах ничего особенного.— сказал Флетчер.— Я прошел прямо к концу шельфа и прогулялся на глубину. Там прямо как конец мира — склон падает строго вниз. Я обнаружил большую колонию в десяти милях западнее той, что нашел вчера — почти город.

— Город подразумевает цивилизацию,— лекторским тоном заявил Даймон.

— Если цивилизация подразумевает манипуляции с окружающей средой — я где-то слышал подобное определение,— Флетчер дернул плечом.— Тогда они цивилизованы.

— Но они не разговаривают?

— Смотрите кино.

Экран был темным, в цвет океана.

— Я сделал круг над глубиной,— пояснил Флетчер.— Выключил прожекторы, запустил камеру и медленно пошел назад.

Бледное созвездие появилось в центре экрана, разделилось на целый рой искр. Они становились ярче и крупнее, за ними обрисовались высокие и темные минареты, башни, спирали и шпили из кораллов. По мере приближения Флетчера они становились четче. Из динамиков донесся его записанный голос.

— Эти образования имеют протяженность около полумили и высоту от пятидесяти до двухсот футов.

Изображение увеличилось. На передней стенке одной из башен показалось черное отверстие, туда и обратно проплыл нечеткий силуэт декабраха.

— Обратите внимание,— сказал голос,— на площадку перед колонией. Она кажется чем-то вроде садика или складского двора. Сверху трудно увидеть. Я опущусь ниже на сто футов или около того.

Картинка сменилась, экран потемнел.

— По показаниям глубиномера я нахожусь сейчас на трехстах шестидесяти футах... трехстах восьмидесяти. Здесь я не могу хорошо видеть, надеюсь, что камера возьмет все.

— Вы сейчас видите все это лучше, чем я,— прокомментировал Флетчер.— Внизу люминофорные части кораллов светят гораздо слабее.

Экран показал пятидесятиметровый участок скелета коралловой структуры и ближнего ряда ветвей. Камера захватила почти вертикальный склон, уходящий в темноту.

— Я был поражен,— продолжал он.— Шельф не выглядит природным. Он не такой. Вы заметили контуры внизу? Почти на пределе видимости? Шельф явно искусственный — терраса, передний портик.

Камера снова обратилась к ветви, которая теперь несколько отличалась по цвету от окружающего пространства.

Голос Флетчера произнес:

— Такая расцветка территории напоминает площадки в саду — на каждой из них различные виды растений, или травы, или животных. Я доберусь до конца. Здесь мониторы.

Камера показала два или три больших полушария, затем обратилась к тому, что казалось углями с бахромой вдоль всей длины, прикрепленными к ветви, как отростки. Следом шли плавательные пузыри, затем большое количество черных конусообразных предметов с очень длинными, свободно болтающимися хвостами.

— Что они здесь хранят? — недоумевал Даймон.

— Спроси декабрахов.

— Спросил бы, если бы знал, как.

— Я пока не увидел ничего, что говорит об их разумности,— заметил Мэрфи.

— Смотри,— отвечал Сэм.

В поле зрения показалась пара декабрахов. Черные глазные пятна уставились на людей в кают-компании.

— Декабрахи,— произнес голос Флетчера с экрана.

— Думаю, что до сих пор они не замечали меня,— добавил он сам.— Я не включал прожекторов и не составлял контраста с фоном. Возможно, они почувствовали работу водометов.

Декабрахи дружно развернулись и резко ушли вниз.

— Обратите внимание,— призвал Флетчер.— Они обнаружили проблему, и решение было принято обоими одновременно. Они не общались между собой.

Декабрахи уменьшились до смутно различимых пятен дальше по шельфу.

— Я не знал, что случилось,— продолжал Сэм.— Но я решил убраться. И тогда — нам это не видно — почувство-

вал удары по корпусу, как если бы на него падали камни. Мне было не разобрать, что происходит, пока что-то не врезалось в купол справа перед моим лицом. Это была небольшая торпеда с длинным носом, подобным вязальной спице. Я удрал оттуда, пока деки не собрались сделать что-нибудь еще.

Экран почернел. Голос Флетчера объявил:

— Я над глубиной, двигаюсь параллельно краю мелко-воды.

Неопределенная тень проплыла по экрану. Бледные пузырьки отмечали ее путь под водой.

— Я возвращался назад вдоль границы шельфа, — сказал Флетчер. — И нашел колонию, которую видел вчера.

В это время на экране показались спирали и башни — бледно-голубые, бледно-зеленые, цвета слоновой кости.

— Приближаюсь, — произнес голос Флетчера. — Я собираюсь заглянуть в одну из их нор.

Башни приблизились, впереди показалось темное отверстие.

— Именно здесь я включил носовой прожектор, — сказал Сэм.

Черная дыра внезапно превратилась в освещенную цилиндрическую комнату в пятьдесят футов глубиной. Стены были выложены блистающими, как елочные украшения, цветными шарами. В центре комнаты плавал декабрах. Его гладкую тюленью шкуру трогали и, казалось, массировали прозрачные усики, вырастающие из наростов на стенах.

— Не знаю, что случилось, но деку не понравилось, что я к нему заглянул.

Декабрах метнулся в дальнюю часть комнаты, усики втянулись в стены.

— Я заплыл в следующую нору.

Другая черная дыра стала освещенной комнатой, как только ее коснулся луч прожектора. Хозяин спокойно плавал, обхватив шар из розового желе и держа его перед глазом.

— Этот не двинулся, — отметил Флетчер. — Он выглядел сонным или загипнотизированным, или что-то вроде того. Я стал было уходить, и здесь получил самый мощный удар. Я подумал, что меня сделали.

Экран отразил сильнейший крен. Что-то темное ударило судно, прошло мимо и кануло в глубину.

— Я осмотрелся,— продолжил Флетчер.— И не смог увидеть ничего, кроме дюжины деков. Скорее всего, они подняли большой камень и уронили его на меня. Я запустил двигатель и двинулся к дому.

Экран был чист.

На Даймона все это произвело впечатление.

— Я считаю, они продемонстрировали достаточно для признания их разумности. Ты засек какие-нибудь звуки?

— Никаких. Я все время записывал. Никаких вибраций, отличающихся от пузырьков из гидрокостюма.

— Они должны как-то общаться,— лицо Даймона отразило недовольство.— Как иначе они могли столь согласованно действовать?

— Не исключено, что они телепаты,— предположил Флетчер.— Я достаточно внимательно наблюдал. Они не издавали звуков и не совершали движений, предназначенных для других — совсем ничего.

— Они могут, в принципе, излучать радиоволны? — поинтересовался Маннерс.— Или инфразвук?

— Тот, что в моем аквариуме, не может,— упрямо уронил Даймон.

— Ох, опять пришли к тому же,— огорчился Мэрфи.— Разумны ли расы, не способные к разговорам?

— Нет,— Даймон стоял на своем.— Методы могут быть различны — звуки, сигналы, излучения,— но общаются все.

— Как насчет телепатии? — поинтересовался Хейнц.

— Нет ничего против,— протянул Даймон.— Но я не верю, что мы найдем ее здесь.

— Моя собственная теория,— объявил Флетчер.— Что они думают одинаково и не нуждаются в разговорах.

Биохимик недоверчиво покачал головой.

— Допустим, что здесь работает принцип всеобщей эмпатии.— Сэм продолжал излагать свою мысль.— И что это тот путь, по которому они развивались. Люди — индивидуалисты, им необходима речь. Деки идентичны, они понимают, что происходит, без слов.

Он подумал пару-другую секунд.

— Я предполагаю, что, в определенном смысле, они общаются. Например, дек хочет расширить садик перед своей башней. Можно подождать, пока другой дек окажется поблизости, затем принести камень — показать, что хочешь сделать.

— Общение по примеру,— определил Даймон.

— Ну да, если ты можешь назвать это общением. Оно позволяет осуществлять кооперацию, но никаких разговоров, никакого планирования будущего или передачи традиций прошлого.

— Может быть, даже без понятий прошлого и будущего, без понятия времени! — крикнул Эжен.

— Трудно оценить их природную разумность. Она может быть замечательно высокой или совсем низкой, недостаток общения должен сказываться негативно.

— Так или иначе,— рассудил Мальберг,— а они нас, конечно, достанут, как ни бегай.

— Но почему? — воскликнул Мэрфи, стукнув по столу кулаком.— Вот вопрос! Мы им никогда не мешали. И вдруг все сразу: гибель Райта и Агостино. И наша мачта. Кто знает, что они придумают на следующую ночь? Почему? Вот что я хотел бы узнать!

— Это,— сказал Флетчер,— вопрос, который я завтра собираюсь задать Теду Христалу.

Флетчер нарядился в светло-голубой костюм, молча позавтракал и вышел на летную палубу.

Мэрфи и Мальберг отсоединяли крепежные тали от вертолета и протирали от соленых брызг лобовое стекло.

Флетчер забрался в кабину, запустил контроль. Зеленый огонек — все в порядке.

Мэрфи почти безнадежно спросил:

— Может, лучше я пойду с тобой, Сэм — если вдруг какие проблемы?

— Проблемы? Почему это они должны быть?

— Мне не хотелось бы надолго застрять у Христала.

— Мне тоже.— Флетчер старательно изобразил уверенность.— Но там не может быть никаких проблем.

Он запустил винт. Лопасты захватили воздух, вертолет поднялся, косо пошел вверх, удаляясь от платформы и двигаясь к северо-востоку. «Биоминералы» остались ярким четким прямоугольником среди беспорядочной толчи сборщиков водорослей.

День выдался унылый, душный, безветренный, видимо, подготавливающий почву для одной из грандиозных электрических бурь, что налетают каждую неделю. Флет-

чер прибавил скорости, надеясь побыстрее разобраться с делами.

Мили океана остались позади, «Пелагик Рековерис» показалась по курсу.

В двадцати милях на юго-запад Флетчер заметил небольшую баржу, везущую Христалу материал для зольных колонн. Два человека на борту были облачены в пластиковые скафандры. «Кажется, у «Пелагик Рековерис» те же проблемы», — подумал он.

Платформа Христала ненамного отличалась от «Био-минералов», если не считать еще стоящей на центральной палубе мачты и кипучей деятельности в производственных корпусах. Они продолжали работу, несмотря ни на какие трудности.

Сэм опустил на летную палубу. Когда винты остановились, из офиса вышел Христал — громоздкий светловолосый человек со смешным квадратным лицом.

Флетчер прыгнул на палубу и сдержанно поздоровался: — Привет, Тед.

Христал приблизился, бодро улыбаясь.

— Привет, Сэм! Долго же мы не виделись. — Он весело взмахнул руками. — Что нового на «Биоминералах»? Само собой, известия о Карле очень печальны.

— Именно об этом я хочу поговорить. — Флетчер оглядел палубу. Два члена команды стояли поблизости, наблюдая. — Мы можем пройти в офис?

— Разумеется. — Христал провел гостя к офису, отворил дверь. — Заходи.

Флетчер вошел. Хозяин проследовал к своему столу.

— Прошу садиться. — Сам он устроился в кресле. — Выкладывай, что у тебя на уме. Да, сперва, как насчет выпить? Припоминаю, ты всегда любил виски.

— Благодарю, не сегодня. — Флетчер облокотился на стул. — Тед, мы на Сабрии вновь столкнулись с серьезной проблемой, и лучше нам поговорить открыто.

— Конечно, — согласился Христал. — Начинай.

— Карл Райт мертв. И Агостино.

Брови Христала ошарашенно взлетели.

— И Агостино? Как?

— Мы не знаем. Он просто исчез.

Тед затратил пару секунд на переваривание информации. Затем смущенно покачал головой.

— Я не могу этого понять. Раньше мы никогда не сталкивались с подобной проблемой.

— Здесь ничего не случается?

Он нахмурился.

— Нет, ничего, о чем можно поговорить. Твое сообщение заставило нас выставить караул.

— Кажется, за это несут ответственность декабрахи.

Христал моргнул и сложил губы бантиком, но ничего не сказал.

— Ты уходишь от разговора о декабрахах, Тед?

— Вот что, Сэм,— он замялся, постукивая пальцами по столу.— Это едва ли честный вопрос. Я не думаю, что мне хотелось бы говорить, как именно мы работаем с декабрахами, полипами, клиб-мхом или проволочными угрями.

— Меня не интересуют твои коммерческие секреты,— возразил Флетчер.— Поставлю вопрос прямо. Деки являются разумной расой. И у меня есть основания считать, что вы используете их ради содержащегося в них ниобия. Очевидно, что они здесь первые кандидаты на роль мстителей, и крайне неосторожен тот, кто им повредит. Они убили двоих наших людей. Я имею право знать, что происходит.

Христал кивнул.

— Я могу понять твою точку зрения, но думаю, что она — не главная причина твоего любопытства. Ты, к примеру, говорил мне, что Райта утащил монитор. А теперь говоришь о декабрахах. Кстати, что тебя привело к мысли, что я добываю ниобий?

— Давай не будем пытаться кинуть один другого, Тед.

Хозяин платформы бросил сначала оскорбленный, потом рассерженный взгляд.

— Когда ты еще работал на «Биоминералах», — продолжал гость, — ты открыл, что в деках полно ниобия. Ты стер всю информацию, добился финансирования, построил эту платформу. И с тех пор добываешь декабрахов.

Христал откинулся в кресле и холодно оглядел Флетчера.

— Не слишком ли резво ты скачешь в своих выводах?

— Даже если и так, тебе придется их опровергнуть.

— Мне не очень приятна твоя позиция, Сэм.

— Я и не собирался доставить тебе удовольствие. Мы потеряли двух человек, а также нашу мачту. Нам приходится прекращать работу.

— Я сожалею об этом... — начал Христал.

Флетчер прервал его:

— До сих пор, Христал, я сомневался в тебе.

Тед удивился.

— Как?

— Я допускал, что ты не знал, что деки разумны и поэтому находятся под защитой Доктрины Ответственности.

— Ну и?

— Теперь знаешь. И не можешь сослаться на неведение.

Христал ответил несколько секунд спустя:

— Честно говоря, Сэм, все это довольно поразительные утверждения.

— Ты их отрицаешь?

— Разумеется! — с внезапным воодушевлением вскричал Христал.

— И ты не перерабатываешь декабрахов?

— Полегче, однако. Помимо прочего, Сэм, ты на моей платформе. Ты не можешь задержать меня или применить силу, находясь на борту. Давно пора тебе это понять.

Флетчер чуть-чуть отодвинулся, как будто ему было неприятно соседство Христала.

— Ты так и не дал мне прямого ответа.

Христал выпрямился в кресле, сцепил пальцы рук и раздул щеки.

— И не намерен.

Баржа, которую Флетчер обогнал по пути, подошла к платформе. Сэм увидел, как она замерла у причальной стойки, полетели швартовы. Поинтересовался:

— Что у нее на борту?

— Честно говоря, это не твое дело.

Флетчер встал, подошел к окну. Христал протестующе замахал руками. Тот проигнорировал его. Матросы не покидали рубки и, казалось, ожидали бункера, который поднимался в положение для разгрузки.

Флетчер смотрел со все возрастающим удивлением. Бункер походил на корыто с высокими прочными стенками. Он обернулся к Христалу.

— Что это там такое?

Тэд пожевал нижнюю губу, довольно яркую на бледном лице.

— Сэм, ты врываешься, как ураган, бросаешь дикие обвинения, порочащие мое доброе имя — опосредованно — и я не говорю ни слова. Я пытаюсь принять во внимание твое состояние, я ценю добрые отношения между нашими двумя предприятиями. Хорошо, я покажу тебе некоторые документы, которые докажут раз и навсегда... — он зарылся в стопку разномастных брошюр.

Флетчер стоял у окна, вполглаза наблюдая за Христалом — и за тем, что творилось на палубе.

Бункер занял требуемую позицию, матросы приготовились к разгрузке.

Сэм решил полюбоваться на это поближе. Он двинулся к двери.

Лицо Христала затвердело.

— Сэм, я тебя предупреждаю, не выходи отсюда!

— Почему нет?

— Потому что я так говорю.

Дверь приоткрылась, Тед сделал движение, словно бы собираясь выпрыгнуть из кресла, потом медленно опустился обратно.

Флетчер вышел вон.

Какой-то человек глядел на него через окно цеха и оживленно жестикулировал.

Сэм заколебался, но все-таки свернул к барже. Через пару-тройку шагов ему удалось заглянуть в трюм. Он шагал вперед, вытягивая шею, краешком глаза заметив, что жестикуляция стала совершенно неистовой. Человек за окном исчез.

Трюм был полон полуживых белых декабрахов.

— Сейчас же назад, ты, идиот! — достиг его ушей крик из цеха.

Возможно, его предостерег слабый звук, но Флетчер вместо того, чтобы повернуть обратно, бросился на палубу. Нечто маленькое просвистело над его головой, вырвавшись из вод океана со странным ритмичным жужжанием. Оно ударилось о крышку люка, пошло вниз и оказалось похожей на небольшую рыбу торпедой с длинным и тонким, как спица, наконечником. Она летела на Флетчера, который вскочил на ноги и, петляя и пригибаясь, понесся назад к офису.

В нескольких дюймах от него прошли два таких же рыбообразных дротика. Он нырнул в дверь.

Хозяин не поднимался из-за стола. Задыхаясь, Флетчер шагнул к нему.

— Сожалеешь, что в меня не попали, не так ли?

— Я же говорил тебе: не надо выходить отсюда.

Флетчер отвернулся, чтобы взглянуть на палубу. Матросы опускали корытообразный бункер к корпусу цеха. Целая туча блистающих дротиков вылетала из воды, втыкалась в пластофанеру.

Флетчер развернулся к Христалу.

— Я видел в барже декабров. Их сотни.

Тед обрел утраченную было степенность.

— Ну и что? Что с того, что они там?

— Ты, как и я, знаешь, что они разумны.

Христал с улыбкой качнул головой.

Голос Флетчера прозвучал сурово.

— Ты разрушаешь Сабрию, которая одна на всех нас! Тед поднял руку.

— Полегче, Сэм. Рыба есть рыба.

— Вовсе нет, если они разумны и в качестве мести убивают людей.

Христал покачал головой.

— А они разумны?

Флетчер дождался, пока сумеет контролировать голос.

— Да. На самом деле.

— Откуда ты это знаешь? — возразил Христал. — Ты разговаривал с ними?

— Естественно, я с ними не говорил.

— Они демонстрируют примеры общественной структуры? Она у тюленей тоже есть.

Флетчер приблизился, грозно глядя на Христала сверху вниз.

— Я не намерен спорить с тобой об определениях. Я хочу остановить охоту на декабров, потому что ты подвергаешь опасности всех живущих на обоих наших платформах.

Христал отмахнулся, как от досадного пустяка.

— Ну, Сэм, ты же знаешь, что ты не сможешь меня запугать.

— Ты убил двух человек, я трижды был в дюймах от смерти. И я не горю желанием рисковать, чтобы положить монетку тебе в карман.

— Ты опять торопишься с заключением, — запротестовал Тед. — Во-первых, у тебя нет доказательств...

— Довольно доказывать! Я намерен положить конец всему, что здесь творится!

Христал медленно покачал головой.

— Я не вижу, как ты можешь остановить меня, Сэм.— Он вытащил из-под стола руку с пистолетом.— Никто не смеет угрожать ни мне, ни моей собственности.

Флетчер среагировал мгновенно, сделав ставку на неожиданность. Он захватил кисть руки Христала и со всего маху приложил об угол стола. Шарахнул выстрел, обеспечив выбоину на столе, пистолет выпал из ослабевших пальцев. Христал шипел и сыпал проклятиями, изворачиваясь, чтобы до него дотянуться, когда Флетчер, перемахнув через стол, впечатал его в спинку кресла. Тед успел ткнуть ему кулаком в лицо, попав по щеке и вынудив Сэма сползти на колени.

Началась борьба за оружие. Флетчер успел первым, поднялся на ноги, отскочил и прижался спиной к стене.

— Теперь нам ясно, кто и на чем стоит.

— Брось оружие!

Флетчер встряхнулся.

— Я сейчас тебя под арест брошу — под гражданский арест. Отправишься на «Биоминералы», до прибытия инспектора.

Христал выглядел изумленным.

— Что?

— Я сказал, что забираю тебя на платформу «Биоминералов». Инспектор прибудет в течение трех недель, ему я тебя и представлю.

— Ты сумасшедший, Флетчер.

— Может быть. Но с тобой у меня нет ни одного шанса,— Флетчер поиграл стволом.— Пошел. Выходи к вертолету.

Христал не торопясь скрестил руки на груди.

— Ни шага не сделаю. Меня не испугаешь дрожащим стволом.

Флетчер молча прицелился и спустил курок. Огненный факел слегка коснулся задницы Теда. Он подскочил, держась за обожженное место.

— Следующий будет чуть-чуть поближе.

Христал сверкал глазами, как кабан из чащи.

— Ты сознаешь, что я могу обвинить тебя в похищении?

— Я тебя не похищаю. Я помещаю тебя под арест.

— Я достану «Биоминералы» везде, куда бы они не делись.

— Если «Биоминералы» сперва не достанут тебя. Выходи!

Команда встречала вертолет в полном составе: Даймон, Блю Мэрфи, Маннерс, Ханс Хейнц, Мальберг и Дейв Джонс.

Христал с надменным видом прыгнул на палубу, оглядел людей, с которыми когда-то работал.

— Я хочу кое-что сказать твоим людям.

Экипаж молча смотрел на него.

Христал ткнул большим пальцем в сторону Флетчера.

— Сэм заработал себе проблему. Я говорил, что покажу ему документы, и я действительно хотел это сделать, — он переводил взгляд с одного лица на другое. — Люди, если вы будете помогать ему, вы станете соучастниками. Я призываю вас отобрать у него пистолет и отпустить меня на мою платформу.

Он обвел глазами вокруг, но встретил только холодность и враждебность.

— Очень хорошо, — голос прозвучал злобным рыком. — Вас ждет такое же наказание. Не забывайте, похищение — это серьезно.

— Что мы будем делать с пленным? — спросил Мэрфи.

— Посадим его в комнату Карла, это лучшее место для него.

Закрыв за арестованным дверь и вернувшись в кают-компанию, Флетчер произнес речь:

— Мне не нужно призывать вас быть осторожным с Христалом. Он демагог. Не говорите с ним, не передавайте никаких посылок ни под каким видом. Если он захочет чего-нибудь, сообщайте мне. Кто-либо считает это странным?

— Получается, мы все в одной глубокой луже, — нерешительно заговорил Даймон.

— Есть другие мнения? — поинтересовался Флетчер. — Я желаю выслушать все.

Даймон подумал.

— А если бы он согласился прекратить охоту на декабров?

— Нет. Он отверг честный путь.

— Хорошо, — неохотно согласился Даймон. — Признаю, что мы делаем правое дело. Но мы должны доказать обви-

нение в криминале. Инспектору все равно, обманул Христал «Биоминералы» или нет.

— Если кто-нибудь хочет вернуть все, как было, я беру всю ответственность на себя.

— Не выйдет, — прогудел Мэрфи. — Мы здесь все заодно. Как факт, нам надо устроить очную ставку с декабрахами и посмотреть, что они скажут.

Спустя несколько минут Флетчер и Даймон поднялись к лаборатории, взглянуть на пленного декабраха. Он спокойно плавал в центре аквариума, все десять рук изгибались под прямыми углами к телу, черное глазное пятно всматривалось через стекло.

— Если он разумен, — проговорил Флетчер, — то мы должны быть так же интересны ему, как он нам.

— Я не настолько уверен в его разумности, — заупрямился Даймон. — Почему он не пытается наладить общение?

— Надеюсь, инспектор думает не в том же ключе. У нас нет никаких серьезных обвинений против Христала, кроме этого.

— Бевингтон не слишком впечатлительный человек, — Даймон обеспокоенно взмахнул ресницами. — На самом деле, он довольно официален в том, что касается службы.

Флетчер и декабрах изучали друг друга.

— Я знаю, что он разумен, но как я это могу доказать?

— Если он разумен, — настаивал упрямец Эжен, — то может общаться.

— Ну а если не может, значит у нас есть первостепенная задача, — заключил Флетчер.

— Что ты имеешь в виду?

— Нам придется его научить.

На лице Даймона читалось такое откровенное недоумение, что Сэм зашелся смехом.

— Не вижу ничего смешного, — возмутился тот, — Кроме того, то, что ты предложил — это... это бес-пре-цен-дентно.

— Предполагаю. Но нам придется это сделать, любой ценой. Как у тебя с основами лингвистики?

— Очень ограниченно.

— У меня и того меньше.

Они стояли, разглядывая декабраха.

— Не забудь, — спохватился биохимик, — мы должны сохранить его живым. Значит, нам нужно его кормить.

Он послал Флетчеру язвительный взгляд.

— Полагаю, ты позволишь ему поест?

— Совершенно уверен, что он живет не фотосинтезом. Здесь просто не бывает светло! Кажется, он ест коралловые грибы, Христал упоминал это в микрофильме. Подожди минутку, — он рванулся к двери.

— Куда ты собрался?

— Обговорить с Христалом. Он, конечно, знает их рацион.

— Так он тебе и сказал! — донеслось вслед.

Через десять минут Флетчер вернулся.

— Ну? — скептически спросил Даймон.

Сэм выглядел довольным собой.

— Главным образом коралловые грибы. Также нежные части молодой травы, крупные черви, морские апельсины.

— Христал сказал тебе все это? — не поверил Эжен.

— Разумеется. Я пояснил, что они с декабрах оба наши гости, и мы собираемся принять их одинаково хорошо. Если декабрах вкусно поел, значит, и Христал. Этого для него хватило.

Флетчер с Даймоном стояли в лаборатории, наблюдая, как декабрах поглощает черно-зеленые шары грибов.

— Два дня, — мрачно заметил биохимик. — И что мы имеем? Ничего.

Сэм был менее пессимистичен.

— Мы добились прогресса в негативном смысле. Мы абсолютно уверены, что у него нет звукового аппарата, он не реагирует на звук и, очевидно, не придает значения производимым звукам. Следовательно, нам нужно использовать для контакта визуальные методы.

— Завидую я твоему оптимизму. Животное не дает никаких поводов подозревать наличие ни одного из двух: ни возможности, ни желания общаться.

— Терпение! Вероятно, он еще не знает, что мы пытаемся сотворить, и боится худшего.

— Мы не просто должны научить его языку, нам предстоит познакомить его с идеей, что общение вообще возможно. И затем изобретать язык.

Флетчер усмехнулся.

— Так давай работать.

— Конечно. Но как?

Они изучали декабраха, и черный глаз всматривался в них через аквариумное стекло.

— Придется работать над установлением визуальных конвенций. Десять рук — его самые чувствительные органы, и, вероятно, они контролируются самыми высокоорганизованными отделами мозга. Итак — мы работаем над установкой сигналов, базирующихся на движениях дековских рук.

— Это дает нам достаточные возможности?

— Я хотел бы так думать. Его руки — это подвижные мускулистые трубки. Они могут принимать, в конечном счете, пять различных позиций: строго вперед, вперед по диагонали, перпендикулярно, назад по диагонали и строго назад. Так как животное имеет десять рук, очевидно, что существует десять в пятой степени комбинаций — сто тысяч.

— Ежу понятно.

— Это и есть наша задача: разработать синтаксис и словарь — слегка сложновато для инженера и биохимика, но что делать?

Даймон заинтересовался проектом.

— Это единственно вопрос содержания и базисной звуковой структуры. Если деки имеют хоть какой-нибудь разум, мы сговоримся.

— Если не сможем, останемся в дураках, и Кристал подомнет «Биоминералы».

Они устроились за лабораторным столом.

— Мы должны принять за исходное, что у деков нет языка.

Даймон неопределенно ворчал и в замешательстве ерошил пальцами шевелюру:

— Недоказуемо. Если честно, я даже не представляю ничего подобного. Мы можем ломать копыя на тему: *могут ли* они обходиться только всеобщей эмпатией или чем-нибудь вроде того — но отсюда добрая пара световых лет до ответа на вопрос, *делают ли* они это.

Они *могут* использовать телепатию, как мы говорили; они *могут* также излучать модулированные рентгеновские лучи, использовать азбуку Морзе в некоем неизвестном нам подпространстве, гиперпространстве или интер-

пространстве — они *могут* делать еще что угодно, о чем мы никогда не слышали.

Как я вижу, наш самый большой спор — и самая большая надежда — это то, что они *используют* некую форму кодовой системы, с помощью которой общаются между собой. Очевидно, как тебе известно, они должны иметь внутреннюю кодовую систему связи, такой является нейромускульная структура, с пищеварительным циклом, конечно. Любой сложный организм обязан иметь внутреннюю взаимосвязь. Отправной точкой для признания необходимости в языке в качестве средства классификации инопланетных жизненных форм является разделение между истинной коммуникацией индивидуально думающих особей и типом общественных насекомых, кажущихся разумными.

Значит, если они имеют города типа муравьиных или пчелиных, то мы в дерьме, а Христал выиграл. Ты не сможешь научить разговаривать муравья: семья в целом разумна, но отдельная особь — нет.

Итак, мы признаем для начала, что они способны иметь язык — или, в более общем виде, формализованную кодовую систему для интеркоммуникаций.

Мы можем также принять, что они используют способ, невозможный для наших организмов. Ты согласен с моими словами?

Сэм кивнул.

— Назовем это рабочей гипотезой. Мы знаем, что не наблюдали никаких признаков того, что дек пытался нам сигнализировать. Это может значить, что объект не разумен.

Флетчер игнорировал комментарий.

— Если бы мы знали больше об их привычках, эмоциях, поведении, у нас была бы лучшая основа для нового языка.

— Этот декабрах кажется довольно кротким.

Декабрах лениво двигал руками. Зрительная зона изучала двух человек.

— Хорошо, — сказал Сэм со вздохом. — Сначала система описаний.

Он вынес модель головы декабраха, которую сконструировал Маннерс. Руки были из подвижных трубок, и их можно было согнуть в различных позициях.

— Мы нумеруем руки от 0 до 9 по часовой стрелке, начиная от самой верхней. Пять позиций — вперед, диагонально вперед, вверх, назад и диагонально назад — мы называем «А», «В», «К», «Х», «У». «К» есть нейтральная позиция, и когда рука находится в «К», это ничего не значит.

— Это звучит довольно здраво,— соглашаясь, кивнул Даймон.

— Кажется логичным, что первым шагом должно быть исчисление.

Они вместе разработали систему счета и сконструировали таблицу.

Колонка показывает составной сигнал, т.е. два или более отдельных сигналов.

Номер	0	1	2	и так далее
Сигнал	0Y	1Y	2H	и так далее
	10	11	12	и так далее
	0Y,1Y	0Y,1Y:1Y	0Y,1Y:2Y	и так далее
	20	21	22	и так далее
	0Y,2Y	0Y,2Y:1Y	0Y,2Y:2Y	и так далее
	100	101	102	и так далее
	0X,1Y	0X,1Y:1Y	0X,1Y:2Y	и так далее
	110	111	112	и так далее
	0X,1Y:0Y,1Y	0X,1Y:0Y, 1Y:1Y	0X,1Y:0Y, 1Y:2Y	и так далее
	120	121	122	и так далее
	0X,1Y:0Y,2Y	0X,1Y:0Y, 2Y:1Y	0X,1Y:0X, 2Y:2Y	и так далее
	200	201	202	и так далее
	0X,2Y			и так далее
	1000			и так далее
	0B,1Y			и так далее
	2000			и так далее
	0B,2Y			и так далее

— Это последовательность — но возможны трудности; к примеру, чтобы показать пять тысяч семьсот шестьдесят шесть, необходимо построить сигнал... давай посмотрим: «0B,5Y», затем «0X,7Y», затем «0Y,6Y», затем «6Y»

— Не забудь, что это сигналы, а не звуки,— напомнил Флетчер.— Даже так это не более затруднительно, чем «пять — тысяча, семь — сто, шесть — десять, шесть».

— Думаю, ты прав.

— Теперь — слова.

Даймон развалился в кресле.

— Мы не можем просто построить словарь и назвать его языком.

— Желал бы я знать больше по теории лингвистики. Естественно, мы не станем вдаваться в абстракции.

— Наша базисная английская структура может быть хорошей идеей.— Даймон задумался.— С английскими частями речи. Это существительные как предметы, прилагательные как их атрибуты, глаголы как перемещения или отсутствие перемещения.

— Мы можем еще упростить,— поддержал Флетчер.— До существительных, глаголов и словесных конструкций.

— Это возможно? Как, например, ты сказал бы «большая платформа»?

— Мы могли бы использовать глагол, означающий «сильно расти», «платформа расширилась». Что-то типа того.

— Хм,— буркнул Даймон.— Ты не предусматриваешь большой выразительности языка.

— Не вижу, почему бы ей не быть. Однозначно, деки изменят то, что мы им дадим, под свои собственные нужды. Если мы пересечемся хотя бы в базисной установке понятий, они отсюда ее возьмут. Или через какое-то время среди них появится кто-нибудь, кто будет знать, что делает.

— О'кей,— провозгласил Даймон.— Даеть Бэйсик для декабрахов!

— Во-первых, давай запишем понятия, которые дек нашел бы полезными и родными.

— Я возьму существительные,— предложил Даймон.— Ты бери глаголы, а также твои конструкции.

Он написал: «№1 — вода».

После обстоятельных обсуждений и исправлений был согласован и переведен на сигналы не слишком длинный список базисных существительных и глаголов.

Перед аквариумом установили макет головы декабраха и щит с рядами лампочек для представления чисел.

— Мы можем очень просто создавать сообщения, — предложил Даймон. — С помощью шифровальной машины. Машина будет передавать импульсы рукам модели.

— Прекрасно, — согласился Флетчер. — Если бы у нас было оборудование и возможность несколько недель попариться с ним. Но мы и так неплохо сделали. Все — начинаем. Номер раз. Ты работаешь со светом, я буду двигать руками. Для начала просто от одного до девяти.

Прошло несколько часов. Декабрах спокойно плавал, наблюдая черным глазным пятном.

Подшло время кормления. Даймон продемонстрировал шар черно-зеленого гриба, Флетчер сконструировал сигнал «пицца» на руках модели. Несколько кусочков бросили в аквариум.

Декабрах незамедлительно затащил их в свое ротовое отверстие.

Эжен разыграл пантомиму предложения пищи модели. Сэм передвинул руки на сигнал «пицца». Даймон демонстративно засунул шарик гриба в ротовое отверстие модели, затем повернулся к аквариуму и предложил еду декабраху.

Декабрах равнодушно взирал.

Прошло две недели. Флетчер поднялся в бывшую комнату Райта поговорить с Христалом, который читал книгу из библиотеки микрофильмов.

Тэд погасил изображение страниц на экране, покачал ногой над спинкой кровати, сел.

— Через несколько дней будет инспектор, — начал Флетчер.

— И что?

— Может оказаться, что ты совершил непреднамеренную ошибку. По крайней мере, я вижу такую возможность.

— Благодарю, — произнес Христал. — Незачем.

— Я не хочу топить тебя за то, что может быть честной ошибкой.

— Благодарю еще раз. Но что ты хочешь?

— Если ты присоединишься ко мне в работе с декабрахами, признавая их разумной жизненной формой, я не стану тебя обвинять.

Арестант картинно вздернул брови.

— Это слишком много для тебя. И я собираюсь сохранить мои обвинения при себе.

— Если деки разумны, у тебя нет никаких обвинений. Тэд остро взглянул на Флетчера.

— У тебя не слишком счастливый голос. Дек не разговаривался, а? — Он рассмеялся собственной шутке.

Сэм сдержал досаду.

— Мы над этим работаем.

— Но вы начали понимать, что он не так разумен, как вы думали.

Флетчер развернулся к выходу.

— Он пока еще четко знает только четырнадцать сигналов. Но он выучивает по два или три в день.

— Эй! — крикнул Христал. — Погоди минутку!

Сэм остановился в дверях.

— Что еще?

— Я тебе не верю.

— Это твое право.

— Дай мне посмотреть, как этот дек передает сигналы.

— Тебе лучше остаться здесь. — Он качнул головой.

Глаза Тэда сверкнули.

— Не слишком ли безрассудно твое отношение?

— Надеюсь, что нет. — Сэм оглядел комнату. — Тебе нужно что-нибудь еще?

— Нет. — Христал повернул выключатель, и на потолке высветилась его книга.

Флетчер вышел, дверь за ним закрылась, лязгнув замок. Пленник быстро поднялся, с неожиданной легкостью спрыгнул с кровати, прислушался, подойдя к двери.

Шаги удалялись по коридору. Он в два прыжка вернулся к кровати, залез под подушку и извлек длинный электрический шнур, снятый с настольной лампы. В качестве электродов взял два карандаша, перфорированные свинцом сквозь дерево, обвязал их проводом вокруг графитового стержня и оставил так. Для сопротивления к цепи была присоединена лампочка.

Затем он подошел к окну. Отсюда можно было одинаково хорошо видеть часть палубы до ее восточного конца, и от офиса до складов в задней части цеха.

Палуба была пуста. Двигались только белые клубы пара, поднимающиеся из вытяжной трубы, да розовые и кроваво-красные облака вдалеке.

Немузыкально насвистывая, пленник принялся за работу. Он подсоединил провод к настенной панели, приставил оба карандаша к раме, нажал и выжег бороздку, которая к этому времени обегала уже почти половину окна. Эту операцию можно было произвести только со специальным бериллиево-силикатным стеклом.

Это была медленная и очень кропотливая работа. Рама была тонкой, но прочной. Дым раздирал горло. Отворачивая голову, блестя слезящимися глазами, он упорствовал до половины шестого. За полтора часа до вечерней еды оборудование было убрано. Кристалл не осмеливался работать после наступления темноты, чтобы мигающий свет не возбудил подозрений.

Прошел день. Каждое утро Гейдион и Атреус расцвечивали алым и бледно-зеленым тусклое небо, каждый вечер они исчезали в печальной темноте закатов за западным океаном.

Крышу лаборатории оснастили временной антенной, возвышавшейся над общежитием. Вскоре после полудня Маннерс врубил на главной сирене короткие ликующие гудки, объявляя о сигнале с LG-19, подходящего к Сабрии со своим регулярным, раз в полгода, визитом. Завтра вечером лихтеры спустятся с орбиты, неся инспектора сектора, поставки и новые экипажи для обеих платформ. В кают-компаниях были открыты бутылки, оттуда доносились громкие голоса, обсуждение радужных планов и смех.

Точно по расписанию лихтеры, в количестве четырех единиц, пробили облака. Два приводинились рядом с «Био-минералами», два — дальше, к платформе «Пелагик Ре-коверис».

Лайнеры встретил баркас, обоих пришвартовали у дока.

Первым на борту платформы оказался инспектор Бевингтон, живой маленький человечек, упакованный в темно-голубую с белым униформу. Он представлял правительство, интерпретировал его разнообразные правила, законы и директивы, был уполномочен выносить решения по незначительным правонарушениям, брать под надзор преступников, пресекать нарушения галактического закона, проверять условия жизни и безопасность работы,

собирать налоги, заверять обязательства и обязанности — в общем, представлял правительство во всех его ликах и функциях.

Колонии могли глубоко погрязнуть в казнокрадстве и мелкой тирании, если бы не инспектора с их кратковременными визитами.

Бевингтон считался самым добросовестным и самым лишенным чувства юмора человеком в Службе. Его не очень любили, но, в любом случае, уважали.

Флетчер встретил гостя на краю платформы. Бевингтон пристально взглянул на него, удивляясь, отчего он так широко усмехается. Сэму пришла в голову мысль, что момент может оказаться драматичным, если один из декабровых мониторов выскочит из моря и цапнет Бевингтона за ногу. Но никаких неожиданностей не произошло, инспектор спрыгнул на платформу без накладок.

Он потряс Флетчеру руку, оглядывая палубу сверху вниз.

— Где мистер Райт?

Флетчер посерьезнел, он стал уже привыкать к отсутствию Райта.

— Он умер.

Бевингтон застыл вполоборота.

— Умер?

— Пройдемте в офис, — предложил Флетчер. — И я расскажу вам об этом. Напоследок нам выпал дикий месяц.

Он посмотрел на окно бывшей комнаты Райта, где ожидал увидеть глядящего вниз Христала. Но в окне было пусто. Флетчер замер. На самом деле пусто! В окне не было даже стекла! Он сорвался с места.

— Эй! — крикнул Бевингтон. — Куда вы?

Флетчер задержался ровно настолько, чтобы бросить через плечо:

— Вам лучше пойти со мной! — затем побежал к двери, ведущей в кают-компанию. Бевингтон следовал за ним, хмуясь от досады и недоумения.

Флетчер заглянул в кают-компанию, не застал никого и вернулся на палубу. Еще раз посмотрел на пустое окно. Где же Христал? Так как он не мог пройти на бак, он должен был двинуться за корпус цеха.

— За мной, — кинул Флетчер.

— Минутку! — запротестовал Бевингтон. — Я хочу всего лишь знать, что и где...

Но Флетчер был уже на пути вниз, в восточную часть платформы, к цеху, где экипаж лихтера начал погрузку драгоценных металлов. Они уставились на подбежавших Флетчера и Бевингтона.

— Здесь никто не проходил? — поинтересовался Флетчер. — Здоровый светловолосый парень?

— Он пошел туда, — матрос указал на цех.

Сэм проскочил сквозь вход. И за зольными колоннами нашел злого и взъерошенного Ханса Хейнца.

— Христал здесь проходил? — прохрипел Сэм.

— Проходил ли он здесь! Как ураган. Он дал мне по морде.

— Куда он делся?

Хейнец указал:

— Там, на баке.

Флетчер с инспектором выбежали вон. Бевингтон раздраженно вопрошал:

— Что, в конце концов, здесь происходит?

— Объясню через минуту. — рявкнул Флетчер. Он выскочил на палубу, оглядел баржи и баркас.

Теда Христала нет.

Он мог пойти только в одном направлении: назад к обществу, проведя преследователей по полному кругу.

Внезапная мысль осенила Флетчера. Вертолет! Но вертолет стоял незаведенным, с удерживающими его таями. Опасливо оглядываясь через плечо, к ним подошел Мэрфи.

— Видел Христала? — обратился к нему Флетчер.

Мэрфи поднял руку:

— Он поднялся туда.

— Лаборатория! — воскликнул Флетчер, внезапно помертвев. Сердце билось у него в пятках, пока он, Мэрфи и Бевингтон вколачивали каблуки в ступени. Если бы только Даймон был в лаборатории, а не внизу в доке или в кают-компании!

Лаборатория была пуста — за исключением аквариума с декабрахом.

Вода была голубоватой и мутной. Декабрах метался, десять рук перегибались и завязывались узлами.

Флетчер прыгнул на стол, перескочил прямо в резервуар. Обхватил корчащееся тело. Поднял. Гибкая фигу-

ра вырвалась из его рук. Отчаяние прибавило сил, он схватил снова, вытащил из воды. Сквозь зубы прошипел Мэрфи:

— Держи крепче. Клади его на стол.

Торопливо вошел Даймон.

— Что случилось?

— Яд, — ответил Флетчер. — Помоги Мэрфи.

Вдвоем они постарались уложить декабраха на стол.

— Стоять! — раздался рев Флетчера. — Сейчас зальет!

Он сбил фиксаторы с одной из стенок, гибкий пластик прогнулся, тысяча галлонов воды хлынула на пол.

Кожа Сэма покраснела, как от ожога.

— Кислота! Даймон, хватай шланг, поливай дека. Держи его мокрым.

Система циркуляции все еще наполняла резервуар рассолом. Сэм разорвал брюки, которые защитили кожу от кислоты, быстро прополоскался, повернул рассольный трубопровод в аквариум, отравленный кислотой.

Декабрах лежал пластом, его щупальца судорожно подергивались. Флетчеру стало больно и грустно.

— Попробуй углекислый натрий, — предложил он Даймону. — Может, мы сможем нейтрализовать какую-то часть кислоты.

Внезапная мысль заставила его повернуться к Мэрфи.

— Поймай Христала. Не дай ему уйти.

При этих словах в лабораторию зашел сам Христал. Осмотрелся с легким удивлением, вспорхнул на стул, стараясь не коснуться воды.

— Что здесь стряслось?

— Ты попался! — рыкнул Флетчер. И обратился к Мэрфи: — Не дай ему сбежать.

— Убийца! — завопил Даймон срывающимся от напряжения и горя голосом.

Тэд поиграл бровями.

— Убийца?

Бевингтон переводил взгляд с Флетчера на Христала и Даймона.

— Убийца? Что это значит?

— Только то, что определено законом, — размеренно произнес Сэм. — Преднамеренное и умышленное уничтожение представителя разумного вида. Убийство.

Аквариум был промыт. Стенку прикрепили на место. Его начал заполнять свежий раствор.

— Теперь, — скомандовал Флетчер, — поднимайте дека обратно.

Даймон безнадежно покачал головой.

— Ему уже не помочь. Он не двигается.

— Все равно надо положить его обратно.

— Хотел бы я вместе с ним сунуть туда и Христала, — с горечью вырвалось у Эжена.

— Объясните мне, наконец, — упрекнул Бевингтон. — Я не знаю, что происходит, но кое-что из услышанного мне очень не нравится.

Вступил Христал, который держался в стороне и, казалось, забавлялся:

— Я также не знаю, что происходит.

Они подняли декабраха, опустили его в аквариум.

Воды набралось только шесть дюймов, она поднималась гораздо медленнее, чем хотелось Сэму.

— Кислород, — обратился он к Даймону.

Эжен кинулся за кислородом. Сэм перевел взгляд на Христала.

— Так ты не знаешь, о чем я говорю?

— Твоя домашняя рыба сдохла, и не пытайся повесить это на меня.

Даймон вручил ему шланг от кислородного баллона. Флетчер опустил его в воду рядом с жабрами декабраха. Кислород пузырился, Флетчер взбаламутил воду, гоня ее в открытые жаберные щели. Воды набралось на девять футов.

— Углекислый натрий, — бросил он через плечо. — Нужно нейтрализовать все, что осталось от кислоты.

— Он еще жив? — бесцветным голосом поинтересовался инспектор.

— Не знаю.

Бевингтон прищурился, глядя на Христала, который качнул головой.

— Не обвиняй меня.

Вода поднималась. Руки декабраха бессильно лежали на ней, расплывшись по всем направлениям, как волосы Медузы.

Сэм вытер пот со лба.

— Если бы я только знал, что делать! Не могу же я дать ему немного брэнди, это наверняка яд для него.

Руки отвердели, набухли.

— А,— выдохнул Флетчер.— Уже лучше.— И обратился к биохимику: — Эжен, придержи здесь, смотри, чтобы кислород попадал в жабры.

Он спрыгнул на пол, где Мэрфи подтирал остатки воды.

Христал со всем пафосом, на который был способен, обратился к Бевингтону:

— Эти последние три недели я жил в страхе за свою жизнь! Флетчер окончательно сошел с ума, вам лучше послать за доктором или психиатром.

Он остановился, поймав взгляд Флетчера, который медленно шел через комнату. Потом повернулся к инспектору, лицо которого выражало тревогу и беспокойство.

— Я предъявляю официальное обвинение «Биоминералам» в общем, и Сэму Флетчеру в частности. Как перед представителем закона, я настаиваю, чтобы вы поместили Флетчера под арест за преступные действия против моей персоны.

— Хорошо,— сказал Бевингтон, осторожно поглядывая на Флетчера.— Я, конечно, проведу расследование.

— Он похитил меня, угрожая пистолетом! — крикнул Христал.— И держал взаперти три недели!

— Держал тебя за убийства декабров,— отозвался Флетчер.

— В свою очередь ты это расскажешь,— зловеще проговорил Христал.— Бевингтон свидетель. Ты несешь ответственность за клевету.

— Истина не есть клевета.

— Я ловил декабров, и что с того? Я также режу водоросли и ловлю целакантов. Ты делаешь то же самое.

— Деки разумны. Это большая разница.— Флетчер повернулся к Бевингтону.— Он знает это так же хорошо, как я. Он перерабатывал бы людей из-за кальция в их костях, если бы это приносило ему деньги!

— Лжец! — вскричал Христал.

Бевингтон поднял руки.

— Давайте все по порядку! Я не смогу докопаться до дна, не имея подлинных фактов.

— У него нет фактов,— настаивал Христал.— Он пытается вышибить мою платформу с Сабрии — не может выдержать конкуренции!

Флетчер проигнорировал его выпад и обратился к Бевингтону:

— Вы хотите фактов. Вот для чего декабрах в этом аквариуме, и вот почему Христал налил туда кислоту.

Христал воздел руки.

— Заявление абсолютно нелепое.

— Ах, не ты? Теперь не отвертись.

Христал задумался, затем твердо сказал:

— Нет. И тут нет возможности доказать, что я это сделал.

Бевингтон кивнул.

— Я вижу.— Он повернулся к Флетчеру.— Вы говорили о фактах? Какие факты?

Флетчер подошел к аквариуму, где Даймон все еще вгонял в жабры декабраха обогащенную кислородом воду.

— Как он себя чувствует?

Биохимик с сомнением покачал головой.

— Он ведет себя странно. Я удивлен — неужели кислота не проникла внутрь?

Флетчер с полминуты смотрел на длинное белое тело.

— Что ж, давайте испытаем его. Это все, что мы можем сделать.

Он пересек комнату, вытащил модель головы декабраха. Христал расхохотался и с отвращением отвернулся.

— Что вы собираетесь демонстрировать? — спросил Бевингтон.

— Я намерен показать вам, что декабрах разумен и способен к общению.

— Так-так. Это нечто новенькое, не так ли?

— Правильно.— Флетчер приготовил блокнот.

— Вы выучили его язык?

— Не его — это коды, с помощью которых мы взаимодействуем.

Бевингтон осмотрел модель, заглянул в блокнот.

— Здесь сигналы?

Флетчер растолковал систему.

— У него есть словарь из пятидесяти восьми слов, не считая чисел от единицы до девяти.

— Вижу.— Инспектор попросил всех сесть.— Начинайте. Это ваше шоу.

Христал отвернулся.

— Я не обязан любоваться на этот цирк.

Бевингтон осадил его:

— Вам лучше остаться здесь и защищать свои интересы. За вас это не станет делать никто.

Сэм двинул руками модели.

— Это довольно грубая установка. Будь у нас время и деньги, мы сделали бы что-нибудь получше. Внимание, я начну с цифр.

— Я могу кролика научить так считать, — презрительно сказал Христал.

— Потерпи минутку, — отозвался Флетчер. — Я попробую что-нибудь сложное. Я спрошу, кто его отравил.

— Один момент! — завопил Христал. — Таким способом тебе меня не поймать!

Бевингтон дотянулся до блокнота.

— Как вы будете задавать вопрос? Какие сигналы намерены использовать?

— Во-первых, вопрос, — сказал Флетчер. — Идея вопроса является абстракцией, которую дек еще не полностью понял. Мы установили соглашение выбора, или альтернативы, что-то вроде «как ты хочешь?». Может быть, он поймет, что я от него хочу.

— Очень хорошо — «вопрос», что дальше?

— Декабрах — получать — горячая — вода (горячая вода — кислота). Вопрос. Человек — дать — горячая — вода.

— Это достаточно ясно. Действуйте.

Сэм воспроизвел сигналы. Черное глазное пятно смотрело. Даймон безнадежно уронил:

— Он беспокоен — это очень сложно.

Сэм завершил передачу. Руки декабраха пару раз дернулись, выдали непонятный жест.

Флетчер повторил ряд сигналов, добавив дополнение: «Вопрос — человек».

Руки медленно двинулись.

— Человек, — прочитал Флетчер.

Бевингтон кивнул:

— Человек. Но какой человек?

Сэм попросил Мэрфи:

— Встань перед аквариумом. — И передал: «Человек — дать — горячая — вода — вопрос»

Руки декабраха двигались.

— Ноль — зеро,— прочел Флетчер.— «Нет». Даймон, подойди к нему.

Он повторил передачу.

— Ноль.

Потом повернулся к инспектору.

— Вы встаньте перед ним.

— Ноль.

Все посмотрели на Христала.

— Твоя очередь,— сказал Флетчер.— Вперед, Христал.

Тэд медленно вышел вперед.

— Я не глупец, Флетчер. Я насквозь вижу твою дурацкую затею.

Декабрах двигал руками. Флетчер читал сигналы, Бевингтон заглядывал в блокнот через его плечо. «Человек — дать — горячий — вода».

Обвиняемый запротестовал. Бевингтон вмешался:

— Христал, стой перед аквариумом.

И — Флетчеру:

— Спроси его еще раз.

Тот просигналил. Декабрах ответил:

— Человек — дать — горячий — вода. Желтый. Человек. Острый. Приходить. Дать — горячий — вода. Идти.

В лаборатории повисло молчание.

— Итак,— ровным голосом сказал Бевингтон.— Я думаю, ты предъявил свои доказательства, Флетчер.

— И не надейтесь, что меня легко заполучить,— заявил Христал.

— Спокойно,— проскрипел инспектор.— Мне совершенно ясно, что случилось.

— Ясно, что еще только случится,— хриплым от бешенства голосом возразил Тэд. Он выхватил пистолет Флетчера.— Я запасся им перед тем, как придти сюда. И посмотрим, что будет, если...— Он навел пистолет на аквариум, скосил глаза. Толстый белый палец лег на курок. У Флетчера замерло и похолодело все внутри.

— Эй! — заорал Мэрфи.

Христал вздрогнул. Мэрфи швырнул ведро. Тэд выстрелил в него, промахнулся, но к нему уже прыгал Даймон. Тэд дернул стволом. Горячая струя пронзила плечо Даймона. Взвизгнув, как раненая лошадь, Эжен заключил Христала в кольцо своих костлявых рук. Флетчер и Мэрфи завершили дело, отобрав пистолет и заломив ему руки за спину.

— Теперь у тебя проблема, — сурово сказал Бевингтон. — Даже если раньше ее не было.

— Он убил сотни и сотни деков, — вмешался Флетчер. — Опосредованно он виновен и в смерти Карла Райта и Джона Агостино. Ему за многое придется ответить.

Сменный экипаж выгрузился на платформу из LG-19. Флетчер, Даймон, Мэрфи и остальные из старой команды сидели в кают-компании. Перед ними было шесть месяцев отпуска.

Левая рука Даймона висела на перевязи, в правой он крутил чашку кофе.

— Я совершенно не знаю, что буду делать. Нет никаких планов. Фактически, я просто вишу в воздухе.

Флетчер отошел к окну, посмотрел на темно-алый океан.

— Я остаюсь здесь.

— Что? — воскликнул Мэрфи. — Я правильно тебя слышал?

Он вернулся к столу.

— Я не могу разобраться в себе.

Мэрфи тряхнул головой, испытывая всеобъемлющую нужду в понимании.

— Не может быть, чтобы ты это серьезно.

— Я инженер, рабочий человек, — сказал Сэм. — Я не особо жажду власти, не стремлюсь изменить мир, но если мы с Даймоном привели что-то в движение — что-то важное — то я хочу видеть, что будет дальше.

— Ты имеешь в виду обучение деков общению?

— Именно. Христал напал на них, заставил их защищаться. Он перевернул их жизнь. Даймон и я повернули жизнь одного дека на совершенно новый путь. Но мы только начали. Сколько еще впереди! Вообразите популяцию людей в плодородных землях — люди, подобные нам самим, не ожидают, что они когда-нибудь научатся говорить. Затем некто дает им контакт с новой вселенной — интеллектуальный стимул, подобного которому они даже не представляли. Подумайте об их реакциях, их новых взглядах на жизнь! Деки сейчас в этой самой ситуации — за исключением того, что мы уже сделали с ними. Кто догадается, чего они достигнут и как? Я хочу участвовать в этом. Даже если мне не удастся, я не мог бы жить, зная, что сделал лишь половину дела.

— Думаю, я тоже останусь,— вдруг сказал Даймон.

— Вы оба буйные психи,— заключил Джонс.— Но я, пожалуй, сумею убежать достаточно быстро.

LG-19 провел на планете три недели. Жизнь на борту платформы вошла в обычную колею. Смена следовала за сменой, закрома наполнялись новыми слитками, блоками драгоценного металла.

Флетчер и Даймон проводили долгие часы с декабром. Сегодня они ставили великий эксперимент.

Аквариум был установлен на край дока.

Флетчер передал еще раз свое последнее сообщение:

— Человек показал тебе сигналы. Ты приводишь много декабрахов, человек показывает сигналы. Вопрос.

Руки двигались, подтверждая согласие. Он отошел, аквариум подняли, опустили к воде, перевернули.

Декабрах всплыл, поплавал немного возле поверхности и скользнул в темную глубину.

— Вот идет Прометей,— провозгласил Даймон.— Несущий дар богов.

— Лучше скажи «дар болтовни»,— усмехнулся Флетчер.

Бледная фигура скрылась из виду.

— Ставлю десять к пятидесяти, что он вернется,— предложил Кальдур, новый управляющий.

— Я не ставлю,— отказался Флетчер.— Просто надеюсь.

— А если нет, что будешь делать?

Флетчер пожал плечами.

— Возможно, поймаю другого, научу его. После всего, что было, я просто обязан его поймать.

Прошло три часа. Начал оседать туман, и небо разрисовали полосы дождя.

Даймон, наблюдающий за океаном, всмотрелся.

— Я вижу дека. Но наш ли это дек?

Декабрах поднялся на поверхность. Его руки двигались.

«Много — декабрахи. Показать — сигналы.»

— Профессор Даймон! — провозгласил Флетчер.— Ваш первый класс.

ДОДКИН ПРИ ДЕЛЕ

Теория организации общества (развитая Кинчем, Колбигом, Пентоном и другими) содержит такое изобилие разнообразной информации, настолько многообразна и чудовищно сложна, что для более ясного ее понимания хорошо привести главную, достаточно простую предпосылку (согласно изложению Колбига):

«Когда самозародившиеся микрогруппы комбинируются, чтобы сформировать долговечную макрогруппу и поддерживать ее существование, имеет место неизбежное ограничение свободы действий индивидуума.

Это базовый принцип Организации.

Большой комплекс подвижных микрогрупп должен быть структурирован и функционировать в макрогруппе — отсюда глобализация элементов Организации».

(Из Лесли Пентона,

«Первый принцип Организации»)

Основное население города забыло об ограничении свободы, как змея, ползая на животе своем, не помнит, что ее предки имели ноги. Где-то кто-то установил: «Когда расхождение между теорией и практикой в культуре очень велико, это показывает, что в культуре грядут скорые изменения». Поэтому показателем культуры города была

стабильность, если не статичность. Население подчинило свою жизнь расписанию, классификации и примеру, вполне довольное мягким вознаграждением Организации.

Но в самой здоровой ткани существует болезнь, и даже маленькая трещина, если туда попадет грязь, может вызвать серьезные осложнения.

Люк Грогач был сорокалетним мужчиной, тощим и угловатым, с покатым лбом, ироничным изгибом губ и бровей и постоянно склоненной набок головой, как если бы у него всегда болели уши. Он был слишком хитер, чтобы открыто исповедовать Нонконформизм, слишком пессимистичен, чтобы домогаться улучшенного статуса, слишком извращен, придирчив, ироничен и несдержан на язык, чтобы удержаться на работах, которые находил. Каждая новая переклассификация понижала его статус, от каждой новой работы он отвращался со все возрастающей горечью.

В результате, классифицированный как Чернорабочий-Класс D-Неопытный, Люк был отправлен в Район 8892 Трубопроводного департамента и оттуда распределен в ночную смену Туннельной Бригады на Третью бурильную машину.

Прибыв к месту работы, Люк представился старшему смены, Федору Мискитмену, крупному, напоминающему буйвола человеку с льняными волосами и кроткими голубыми глазами. Мискитмен достал лопату и поставил Люка следовать за ковшом дробилки. Здесь, сказал Мискитмен, было его место. От Люка требовалось очищать дно тоннеля от остатков камней и гравия. Когда тоннель пробивал насквозь старую сточную трубу, здесь могли оказаться окаменевшие органические останки, и эту грязь, именуемую «мокрыми отходами», тоже нужно было убрать. Кроме того, Люку надлежало держать пылесборник чистым и следить, чтобы он работал в оптимальном режиме. В течение проходки он должен был смазывать его части, недоступные для автоматической смазочной системы, и по мере необходимости заменять сломанные зубья бура.

Громко и с иронией, которую бесхитростный Федор Мискитмен не сумел заметить, Люк спросил, имеются ли у него еще какие-либо обязанности.

— Это все, — сказал Мискитмен. Он вручил Люку лопату. — Самое главное — мусор. Дно должно быть чистым.

Люк попытался убедить шефа модифицировать само-разгружающуюся дробилку, чтобы она выкидывала мелкие части разбитых камней. Фактически, аргументы Люка сводились к тому, что зачем мучиться и делать лишнюю работу? Пусть камни лежат, где упали. Бетонная отделка тоннеля все равно будет замаскирована под обычную россыпь гравия.

Мискитмен отмахнулся: камень должен быть удален. Когда Люк спросил, почему, Мискитмен сказал:

— Так мы работаем.

Люк хмыкнул. Он примерился к лопате и недовольно мотнул головой. Черенок был слишком длинным, лопасть слишком короткой. Он не преминул довести этот факт до Мискитмена, который злобно сверкнул глазами и махнул оператору бурения. Машина, вращаясь, завизжала и с режущим уши ревом вгрызлась в камень. Отделение Мискитмена и Люк вернулись к работе.

В свою первую смену он обнаружил, что работать вполнаклона означает умирать от жары: труба пылеуловителя машины проходила над его головой. Сменяя режущие зубцы во время первого перекура, он заработал ожог на большом пальце левой руки. В конце смены только одна мысль удержала Люка от объявления себя недееспособным: он был бы деклассифицирован из Чернорабочего-Класс D-Неопытный в Подсобного Разнорабочего, с соответствующими купюрами в расходном счете. Такая деклассификация отправила бы его в самый низ Статусного Листа; его нынешнего расходного счета едва-едва хватало на питание по Типу RP Службы Жизнеобеспечения, спальное место в 22-м Подземном общежитии и 16 Специальных Купонов в месяц. Он имел 14-й Класс Эротических Удовольствий, и ему позволялось двенадцать часов в месяц проводить в оздоровительном клубе, с опциями пользования штангой, оборудованием теннисного стола, двумя миниатюрными дорожками для боулинга и любым из шести телеэкранов, постоянно включенных для Группы X. Люк частенько мечтал о более роскошной жизни: ААА питании, домашнем костюме для единоличного использования, кипе Специальных Купонов, 7-м Классе Эротических Удовольствий, или даже 6-м или 5-м. Гордо презирая Высокий Эшелон, он ничего не имел против сторонних доходов Высокого Эшелона. И всегда в конце полета мечты приходила уверенность, что он на самом

деле мог бы наслаждаться этими хорошими вещами. Он наблюдал, как скачут вверх его приятели, знал все уловки и приемы: усердие, коллективизм, клевета, косность... Почему он не пользовался этим знанием?

— Я лучше буду Чернорабочим Класса D, — усмехался Люк про себя.

Иногда в голову Люка все же просачивались сомнения. Возможно, ему просто нужна смелость для конкуренции, чтобы захватить мир! И дух сомнений оборачивался уловкой самоумаления. Он был настоящим Нонконформистом, и он нуждался в смелости, чтобы это признать!

Затем упрямство Люка снова утверждало его в собственных глазах. Зачем признаваться в нонконформизме, если это означает путешествие в Дом Анархии. Трюк дурака, а Люк дураком не был. Возможно, он действительно был нонконформистом, возможно — нет, на самом деле он никогда не задумывался об этом. Он предполагал, что находится под подозрением, иногда перехватывал странные косые взгляды и обмен многозначительными кивками среди своих коллег. Пусть себе косятся. У них нет никаких доказательств.

Но сейчас... он был Люк Грогач, Класс D, Чернорабочий, отделенный единственной строкой статуса от неклассифицируемых криминальных подонков, идиотов, детей и доказанных нонконформистов. Люк, который так мечтал о Высшем Эшелоне, гордости и независимости! На самом деле — Люк Грогач, Класс D, Чернорабочий. Выполняющий указания этого травоядного, работающий с полуквалифицированными чернорабочими одного с ним статуса.

Прошло семь недель. Отвращение Люка к работе переросло в отравляющий душу гнев. Работа была тяжелая, жаркая и вонючая. Федор Мискитмен тупо тарашил глаза на самые злобные гримасы Люка, хрюкал и пожимал плечами на его уверения и аргументы. «Так мы работаем» — его привычный ответ — звучал всегда и будет звучать всегда.

Федор Мискитмен получал ежедневную директиву от управляющего, которую зачитывал смене на первом перерыве. Эти директивы подробно расписывали такие вещи, как нормы работ, моральный облик и взаимоотношения в группе, конкретизировали поводы для штрафных санкций, предупреждали против потворства сверхурочным работам, которое вызывалось тупым энтузиазмом и понижало произво-

дительность труда. Люк обычно не обращал на все это внимания, пока однажды Федор Мискитмен, вытащив привычный желтый листок, не прочитал бесстрастным голосом:

**ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ,
ДИВИЗИОН КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ**

**АГЕНСТВО САНИТАРНЫХ РАБОТ РАЙОН 8892
СЕКЦИЯ ОТВОДА СТОЧНЫХ ВОД**

**Бюро Конструирования и
Эксплуатации Водосточных труб
Офис Поставок**

**Директива: 6511 Серия BV96
Порядковый код: GZP-AAR-REG
Ссылочный: G98-7542
Код даты: BT-EQ-LLT**

**Допуск: LL8-P-SC-8892
Контроль: 48
Контрконтроль: 92C**

**Откуда: Лавестер Лаймон, менеджер, Офис Поставок
Через: Все офисы по конструированию и поставкам
Кому: Всем управляющим по конструированию и поставкам**

Тема: Долговечность инструментов, всемерное совершенствование

Срок применения: Немедленно

Период актуальности: Постоянно

Содержание: В начале каждой смены следует получать все ручные инструменты со Склада Конструирования Водосточных труб Района 8892. После завершения каждой смены все ручные инструменты должны быть тщательно очищены и возвращены на Склад Конструирования Водосточных труб Района 8892.

Директива просмотрена и передана:

Батри Кегорн, Генеральный Управляющий по Конструированию, Бюро Конструирования водосточных труб.

Клайд Каддо, Управляющий по Эксплуатации водосточных труб.

Когда Федор Мискитмен прочитал раздел «Содержание», Люк, недоверчиво фыркнув, воздел бровь. Мискитмен закончил, осторожными движениями толстых пальцев сложил листок, оглядел свою смену.

— Это директива. Мы задержались на двадцать пять секунд. Следует вернуться к работе.

— Одну секунду, — поспешил Люк. — Объясните мне парочку моментов отсюда.

Мискитмен выпучил на Люка коровьи глаза.

— Ты что, не понял ее?

— Не все. Кто должен все это делать?

— Все расписано в должностной инструкции группы.

— Что подразумевается под «ручными инструментами»?

— Это инструменты, которые держат в руках.

— Означает ли это лопату?

— Лопата? — Мискитмен пожал дюжими плечами. —

Лопата — это ручной инструмент.

— Они хотят, чтобы я полировал мою лопату, нес ее четыре мили до склада, затем на завтра забирал ее обратно и снова относил туда? — с тихим удивлением в голосе спросил Люк.

Мискитмен развернул директиву, отвел ее на вытянутой руке и прочитал, шевеля губами.

— Это такой порядок. — Он опять сложил бумагу и убрал ее в карман.

Люк снова притворился изумленным.

— Здесь, конечно, ошибка.

— Ошибка? — Мискитмен смутился. — С чего бы здесь быть ошибке?

— Это не может быть серьезно, — уверял Люк. — Это не только смешно, это странно.

— Ничего не знаю, — сказал Мискитмен недоуменно. — Работать. Мы опаздываем на полторы минуты.

— Я так понимаю, что вся эта чистка и переноска делается в Организационное время, — стоял на своем Люк.

Мискитмен опять развернул директиву, отвел на длину рук, прочитал.

— Здесь так не сказано. Наша квота неизменна. — Он сложил директиву и положил в карман.

Люк опустил на каменный пол.

— Мне придется носить мою лопату. Пусть они сами таскают кругами свои драгоценные ручные инструменты.

Мискитмен почесал подбородок и еще раз перечитал директиву. Он недоумевающе качнул головой.

— Порядок говорит, что все ручные инструменты должны быть очищены и отнесены на склад. Независимо от того, кому они принадлежат.

Люк с трудом мог сдержать раздражение.

— Знаешь, что я думаю об этой директиве?

Федор Мискитмен не обратил на него внимания.

— Работать. У нас нет времени.

— Если бы я был генеральным управляющим...— начал Люк, но Мискитмен грубо рявкнул:

— Нам не добавляют льготы за разговоры. Работать. Мы опаздываем.

Завертелся бур, семьдесят два зуба вгрызлись в серо-коричневый песчаник. Буровая машина глотала куски породы, отправляя их в приемник транспортера, потом они черпаками выбрасывались вон. Случайные осколки, которые Люк Грогач должен был собирать и возвращать в приемник, дождем падали на пол. Позади Люка два сварщика устанавливали стальные кольца, сваривая их в длинную полосу быстрыми щипками пальцев, контактные платы их металлических рукавиц выстреливали требуемые порции энергии. Сзади шел бетонщик, напыляя жидкий бетон из вращающегося со свистом распылителя, следом два отделочника, которые работали с бешеной энергией, шлифуя бетон до блеска. Федор Мискитмен прохаживался взад и вперед, проверяя сварку, вымеряя толщину бетона, то и дело сверяясь с метками на карте на задней стенке бурмашины, где электронное устройство прокладывало курс тоннеля, вписывая его в систему каналов, проток, проходов, труб водяных, воздушных, газовых, почтовых, грузовых и коммуникационных, которые связывали город в единое целое.

Ночная смена заканчивалась в четыре часа утра. Мискитмен осторожно заполнял журнал, бетонщик свистел носом, сварщики собирали свои аппараты, аккумуляторы и изолирующую одежду. Люк Грогач выпрямился, потер больную спину и встал, грозно глядя на лопату. Он чувствовал, что Мискитмен с бычьим спокойствием испытывает его. Если он, как обычно, швырнет лопату в сторону и отправится по своим делам, его можно будет обвинить в дезорганизованном поведении. Наказанием, как Люк хоро-

шо знал, была деклассификация. Люк со злобой уставился на лопату. Смириться или быть деклассифицированным. Подчиниться — или стать Подсобным Разнорабочим.

Люк испустил глубокий вздох. Лопата была довольно чистой, один или два мазка тряпкой удалили бы пыль. Но еще оставалась поездка по переполненной транспортной ленте на склад, очередь к окошку, сдача, плюс дорога до общежития. Завтра процесс должен был повториться. Зачем нужно это дополнительное усилие? Люк довольно хорошо знал. Незвестный функционер, член какого-нибудь бюро или комиссии, оказался в затруднении, пытаясь продемонстрировать усердие. Что может быть лучше беспокойства о драгоценной городской собственности? Как следствие — абсурдная директива, дошедшая до Федора Мискитмена, и ультиматум Люку Грогачу, жертве. Хорошо бы встретить этого неизвестного функционера лицом к лицу, разбить его сопливый нос, пинками в трусливый зад прогнать по коридорам собственного офиса...

Голос Федора Мискитмена прервал его грезы.

— Чисти лопату. И сдавай смену.

Люк попробовал сопротивляться.

— Лопата чистая, — буркнул он. — Это самая абсурдная штука, к какой меня когда-либо принуждали. Если только я...

Федор Мискитмен сказал спокойным и беззлобным голосом:

— Если тебе не нравится политика, можешь опустить прошение в ящик для жалоб. Это общедоступная привилегия. Пока политика неизменна, ты должен соглашаться. Так мы живем. Это Организация, и мы организованные люди.

— Дай мне посмотреть эту директиву, — проскрежетал Люк. — Я добьюсь ее изменения. Я вобью ее в глотку типу, который ее сочинил. Я...

— Ты должен подождать, пока я ее зарегистрирую.

— Подожду, — сказал Люк сквозь стиснутые зубы.

Федор Мискитмен методично и вдумчиво производил финальную проверку работ, осматривая технику, режущие зубья головок, насадки спайдера, ленту транспортера. Он прошел к маленькой площадке в задней части бурмашины, отметил проходку, подписал приходно-расходные накладные, в самом конце зарегистрировал политическую

директиву на микропленку. Затем тяжеловесным движением руки передал желтый листок Люку.

— Что ты будешь с ним делать?

— Найду, кто оформил этот идиотский полис. Скажу ему, что я думаю об этом и о нем самом впридачу.

Мискитмен осуждающе покачал головой.

— Мы не должны делать таких вещей.

— Что сделал бы ты? — оскалился Люк.

Мискитмен подумал, пожевал губами, подергал щетинистыми бровями. Наконец, с превеликой важностью, изрек:

— Я бы так не делал.

Люк воздел руки и сиганул в тоннель. Голос Мискитмена ревел за его спиной:

— Ты должен взять лопату!

Люк остановился. Медленно обернулся, оглядел неуклюжую фигуру старшего смены. Повиноваться политической директиве или быть деклассифицированным. Медленным шагом, с опущенной головой и отворачиванием в глазах, он вернулся. Ухватив лопату, направился обратно в тоннель. Своими торчащими костлявыми лопатками он ощущал взгляд кротких голубых глаз Федора Мискитмена, следящих за ним. Эти глаза, казалось, скребли по нервам.

Впереди тоннель расширился — бледный, глянцеви-тый, уменьшающийся с расстоянием проход, который они пробурили. Из-за странных фокусов преломления света чередование ярких и темных кругов, охватывающих трубу, обманывало глаза, создавая гипнотическое подобие двумерности. Люк мрачно шаркал ногами, ослепленный стыдом и беспомощностью. Лопата как средство для загрузки отчаяния. Он ли идет здесь — Люк Грогач, прежде такой надменный в цинизме и насилу скрывающий неконформизм? Должен ли он унижаться до конца, рабски подчиняясь безумным правилам?.. Если бы только он был на несколько пунктов выше в этом листе! В грезах он рисовал прекрасный невероятный удар, которым мог бы приветствовать эту директиву, ироничное равнодушие, с которым позволил бы лопате упасть из расслабленных рук... слишком поздно, слишком поздно! Теперь он должен подчиняться клейму, должен ежедневно носить лопату на склад. Корчась от ярости, он метнул безвинный инструмент, загремевший об пол тоннеля перед ним. Ничего он не может! Негде свернуть! Нет пути назад!

Организация — нежная и неумолимая, Организация — громоздкая и инертная, терпимая к преданным, спокойно безжалостная к неверным... Люк дошел до лопаты, шепча непристойности, схватил ее и зарысил по смутно белеющему тоннелю.

Он выкарабкался через люк и вышел на поверхность 1123-го Узла Авеню, где был тотчас же захвачен толпой, толкающейся между транспортными лентами, которые расходились как спицы, и различными эскалаторами. Убрав лопату в чехол, Люк пробился на борт ленты Фонтенго, спешащей на юг, в направлении, противоположном общежитию. Он десять минут ехал до Узла Астория, опустил на пару уровней Эскалатором Колледжа Гримсби, и через мрачный сырой район, пахнущий старым камнем, пробрался к локальному транспортеру, который доставил его к Складу Эксплуатации Водосточных труб Района 8892.

Люк застал склад ярко освещенным. Здесь был центр значительной активности, круговращения сотен людей. Одни приходили и приносили инструменты, как Люк, другие уходили с пустыми руками.

Люк присоединился к образовавшейся очереди. Перед ним было пятьдесят или шестьдесят человек — лохматая многоножка с руками, плечами, головами, ногами и торчащими во все стороны инструментами. Многоножка медленно шевелилась, люди обменивались подшучиваниями и колкостями.

Наблюдая за ними, Люк заметил, насколько терпеливы эти люди. Они похожи на овец, прыгающих под шелест разворачивающейся директивы. Интересовались ли они причиной этого распоряжения? Задавали ли вопрос о его необходимости, о том, ради чего они терпят столько неудобств? Нет! Мужики стояли, хихикая и болтая, согласные с директивой, как с одной из не поддающихся вычислению превратностей жизни, чем-то изначальным и неоспоримым, как смена времен года... И он, Люк Грогач, чем он лучше или хуже их? Этот вопрос застрял в глотке Люка, подобно блевотине после перепоя.

Итак, лучше или хуже, из чего ему выбирать? Смирение или деклассификация. Небогато. Больше ничего не было в ящике для жалоб, о котором сказал Федор Мискитмен, может быть, пытаясь неуклюже пошутить. Люк не-

довольно ворчал. Недели спустя он может получить от специальной службы печатную форму с одним из стандартных вариантов ответа: «Ситуация, описанная вашим прошением, уже изучается соответствующими органами. Благодарим за внимание». Или «Ситуация, описанная в вашем прошении, временная, и может быть быстро изменена. Благодарим за внимание». Или «Ситуация, описанная в вашей петиции, является продуктом официальной политики и не подлежит изменению. Благодарим за внимание».

Новая мысль посетила Люка: он может постараться и реклассифицироваться вверх по листу... как только эта идея возникла, он отбросил ее. Начать с того, что он уже в среднем возрасте, слишком много молодежи пришло за ним. Даже если бы он отважился на соревнование...

Очередь медленно продвигалась. За Люком пухлый маленький человечек с лунообразным лицом клонился под тяжестью разметчика фирмы «Велстро». Прядь рыжих волос прилипла к его лбу, маленький рот сжался от напряжения в розовый бутон, в глазах застыла бессмысленная серьезность. На нем был довольно нарядный коричневый костюм с оранжевыми рукавами и голубой берет с тремя оранжевыми помпонами, представляющими корпорацию «Велстро».

Между надменным угрюмым Люком и коротким круглым человечком в наряде денди лежало такое различие, что неизбежно возникла немедленная взаимная неприязнь.

Выпученные серые глазки коротышки остановились на лопате Люка, пропутешествовали по его грязным брюкам и жакету. Он отвел взгляд в сторону.

— Издалека пришел? — злобно спросил Люк.

— Не очень, — буркнул круглолицый.

— Работал сверхурочно, да? — подмигнул Люк. — Куsocек тихого усердия, ничто не сравнится с ним — или как это там говорят?

— Мы завершили труд, — ответил толстяк с достоинством. — И усердие здесь ни при чем. Зачем тратить завтра полсмены на пятиминутную работу, которую мы могли сделать сейчас?

— Я знаю причину, — Люк прикинулся благоразумным. — Предстать хорошим парнем в своих глазах.

Круглолицый растянул рот в быструю протестующую улыбку, затем решил, что замечание было не смешным.

— Я не так работаю,— сказал он чопорно.

— Это должно быть трудно,— сказал Люк, замечая, как пухлые маленькие ручки воюют со стремящимся упасть несимметричным корпусом инструмента.

— Да,— пришел ответ.— Это трудно.

— Полтора часа,— подчеркнул Люк.— Вот сколько придется мне парковать эту лопату. И все потому, что кто-то с верхних строчек листа страдал бессонницей. А мы, бедные трудяги на дне, страдаем.

— Я не на дне. Я Оператор Технических Средств.

— Без разницы,— заметил Люк.— Все равно полтора часа. Всего лишь из-за чьей-то дурацкой записки.

— На самом деле это не глупо,— сказал круглолицый.— Мне думается, для полиса есть убедительная причина.

Люк кивком указал на лопату.

— И теперь я должен таскать ее взад-вперед по транспортным лентам три часа в день?

Маленький человечек поджал губы.

— Автор директивы несомненно хорошо знает свое дело. Иначе он не имел бы такой классификации.

— Только кто этот неизвестный герой? — язвительно хмыкнул Люк.— Хотел бы я его встретить. Хотелось бы знать, почему он решил отнять у меня три часа в день.

Коротышка уставился на Люка как на насекомое в тарелке ежедневного рациона.

— Ты говоришь как нонконформист. Извини, если это показалось обидным.

— Зачем извиняться за то, что от тебя никак не зависит? — спросил Люк и повернулся спиной.

Он бросил лопату клерку за окошечком, получил чек. Резким, неожиданным движением Люк повернулся к круглолицему человеку и сунул чек в грудной карман его коричневой униформы.

— Храни это. Будешь пользоваться лопатой вместо меня.

И гордо покинул склад. Великолепный жест, но — он затормозил перед транспортной лентой — что в нем умного? Лунолицый Оператор Технических Средств вышел из склада вслед за Люком, послал ему странный взгляд и поспешил прочь.

Люк оглянулся на склад. Если он сейчас вернется, еще можно все исправить, и завтра проблем не будет. Если он отправится бушевать в общежитие, это равнозначно деклассификации. Люк Грогач, Подсобный Разнорабочий. Люк полез в карман джемпера и вытащил директиву, которую он позаимствовал у Федора Мискитмена: кусочек желтой бумаги, обычнейшая вещь сама по себе; но она символизирует Организацию — громадную силу для подавления сопротивления. Люк нервно сжал бумажку и заглянул на склад. Оператор Средств назвал его нонконформистом — Люк искривил рот в короткой усталой улыбке. Это не может быть правдой. Люк не был нонконформистом, он не принадлежал ни к какой партии. И ему нужна была его кровать, его билет на довольствие, его весьма скромный расходный счет. Люк тихонько застонал — почти шепотом. Конец пути. Он зашел слишком далеко. Думал ли он когда-нибудь, что он сможет победить Организацию? Что, если он ошибается, а все остальные очень даже правы? Может быть, неуверенно думал Люк. Мискитмен казался вполне удовлетворенным, Оператор Технических Средств выглядел даже довольным. Поблескивая мокрыми от жалости к себе глазами, Люк прижимался к стене. Нонконформист. Катастрофа. Что же делать?

Он зло выпятил губу, шагнул вперед на транспортер. Дьявол всех побери! Пускай его деклассифицируют; он стал Подсобным Разнорабочим и смеется!

В таком состоянии духа Люк доехал до Узла Гримсби. Здесь, на лестнице эскалатора, он замер, блестя глазами и потирая длинный подбородок, продолжая обдумывать другие аспекты дела. Кажется, редкий шанс... — но нет. Едва похоже... и все же, почему нет? Он снова изучил директиву. Лавестер Лаймон, управляющий районным отделом по Поставкам, априори, выпустил эту директиву. Лавестер Лаймон может ее и отменить. Если Люк сможет уговорить на это Лаймона, его проблемы если и не исчезнут, то хотя бы начнут уменьшаться. Он сможет доложить на работе о потере лопаты, он сможет ответить ехидной ухмылкой на кроткую тихую улыбку Федора Мискитмена. Он сможет даже выяснить, где искать круглолицего маленького Оператора Технических Средств вместе с его разметчиком...

Люк вздохнул. К чему продолжать пустые мечты? Сначала нужно заставить Лавестера Лаймона отменить директиву — но каким образом?.. В конце концов, — размышлял Люк на эскалаторе по пути в общежитие, — директива была непрактичной. Она только снижала эффективность работы множества людей. Если удастся убедить в этом Лавестера Лаймона, если показать ему, что страдают его собственные престиж и репутация, он может согласиться выпустить отменяющую директиву.

Люк добрался до общежития вскоре после семи. Он сейчас же прошел в отдел связи, вызвал офис по Поставкам 8892-го Района. Ему ответили, что Лавестер Лаймон прибудет в восемь тридцать.

Люк тщательно умылся и облачился в новый комплект одежды: узкий черный жакет и синие штаны из ткани военного образца, значительно лучшего качества, чем его повседневный костюм. Изучив себя в зеркале в ванной, Люк обнаружил, что представляет собой вполне солидную фигуру. Недаром он отдал за это четыре Специальных Кулона.

Он получил утреннюю квоту питания в ближайшем Отделении RP Службы Жизнеобеспечения, затем поднялся на подуровень 14 и поехал по транспортной ленте к Бюро по Конструированию и Эксплуатации Водосточных труб.

Секретарша, девушка с темными волосами, падающими на лицо в модном стиле «атаман», провела Люка в офис Лавестера Лаймона. Перед дверью она обернулась со скромной улыбкой, и Люк порадовался, что догадался сменить одежду. Излучая решительность, он развернул плечи и уверенно промаршировал в офис Лавестера Лаймона.

Лавестер Лаймон, сидя за столом, коротко пристукнул каблуками в учтивом приветствии. Он казался приятным, этот человек среднего роста, с золотисто-рыжими волосами, тщательно зачесанными через веснушчатую и загорелую плешь, в золотисто-рыжем пиджаке и брюках из прекрасного золотисто-рыжего велюра. Глаза тоже были золотисто-рыжие, круглые и живые. Он показал рукой в сторону кресла.

— Не хотите присесть, мистер Грогач?

В происходящем было так много сердечности, что Люк расслабился и даже ощутил зарождающуюся надежду. Лаймон производил впечатление скромного порядочного че-

ловека. Возможно, директива была просто административной ошибкой.

Лаймон вопросительно поднял золотисто-рыжие брови.

Люк не стал напрасно тратить время на вступление. Он предъявил директиву.

— Мое дело касается этого, мистер Лаймон: полис, который, кажется, исходит от вас.

Лаймон взял директиву, прочитал, кивнул.

— Да, это мой полис. Что-нибудь неверно?

Люк почувствовал удивление и тоскливое предчувствие: казавшийся таким рассудительным человек должен был сразу же заметить глупость директивы!

— Это совершенно неэффективная директива, — очень мягко сказал Люк. — Фактически, мистер Лаймон, это полностью бессмысленно!

Лавестер Лаймон совсем не казался оскорбленным.

— Хорошо, хорошо! И почему вы это говорите? Случайно, мистер Грогач, вы...

Снова золотисто-рыжие брови изогнулись дугой.

— Я Чернорабочий, Класс D, в тоннельной группе, — сказал Люк. — Сегодня у меня ушло полтора часа на то, чтобы сдать лопату. Завтра я потрачу еще полтора часа, чтобы получить ее. Все это мое личное время. Я не думаю, что это разумно.

Лавестер Лаймон перечитал директиву, поджал губы, раз и два кивнул головой. Он сказал в настольный микрофон:

— Мисс Реб, я хотел бы видеть... — он справился по ссыльному номеру директивы — Номер семь-пять-четыре-два, документ G девяносто восемь.

Он рассеянно обратился к Люку:

— Сейчас все это станет довольно запутанным.

— Но вы измените директиву? — не стерпел Люк. — Вы согласны, что это неразумно?

Лаймон склонил голову на сторону, сделал нерешительную гримасу.

— Посмотрим, что на ссыльном. Если мне не изменяет память... — Его голос увял.

Прошло двадцать секунд. Лаймон барабанил пальцами по столу. Прозвучал мягкий звонок. Лаймон тронул кнопку, и на его настольном видеофоне высветился экземпляр, который он запрашивал: другая директива, похожая по форме на первую.

**ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ,
ДИВИЗИОН КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ**

**АГЕНСТВО САНИТАРНЫХ РАБОТ РАЙОН 8892
СЕКЦИЯ ОТВОДА СТОЧНЫХ ВОД**

Офис Директора

**Директива: 2888 Серия BQ008
Порядковый код: GZP-AAR-REG
Ссылочный: OP9 123
Код даты: BT-EQ-LLT**

**Допуск: JR D-SDS
Контроль: AC
Контрконтроль: CX McD**

**Откуда: Джудиат Рипп, Директор
Через:
Куда: Лавестер Лаймон, менеджер, Офис Проведения
Тема: Экономия операций
Срок применения: Немедленно
Период актуальности: Постоянно**

Содержание: Ваша ежемесячная квота на поставки для замещения издержек Типов А, В, D, F, H данным сокращается на 2,2%. Мы убеждены, что вы благоразумно примете это сокращение и предпримете меры для обеспечения строжайшей экономии. Замечено, что отдел использует поставки Типа D с перерасходом расчетных норм.

Рекомендация: Повысить заботу об индивидуально используемых инструментах, задействовав ночное хранение на складе.

— Тип D поставок,— сказал Лавестер Лаймон,— это ручные инструменты. Старик Рипп хочет усилить экономию. Я только руководствовался его словами. Это запись шесть-пять-один-один.

Он вернул директиву Люку и выпрямился в мягком кресле.

— Я вижу, как вам сложно, но...— он воздел руки в небрежном, почти непочтительном жесте.— Так работает наша Организация.

Разочарованный Люк продолжал сидеть.

— Так вы отмените директиву?

— Дорогой мой! Как я могу?

Люк попытался изобразить беспечное равнодушие.

— Ладно, для меня всегда найдется местечко Подсобного Рабочего. Потому что я уже выкинул свою лопату.

— Ммм. Смело. К сожалению, не могу помочь.— Лаймон с любопытством изучал Люка, и его губы кривились в слабой усмешке.— Почему бы вам не взяться за старого Риппа?

Люк с подозрением скосил глаза в сторону.

— Что хорошего может из этого выйти?

— Никогда не знаешь.— с легким вздохом сказал Лаймон.— Предположим, согласится — предположим, отменит свою директиву? Я не могу сам поддержать вас, у меня могут возникнуть проблемы — но нет причин, почему бы вам это не удалось.— Он одарил Люка быстрой, многозначительной улыбкой, и Люк понял, что его любезность, хотя и неподдельная, служит камуфляжем его собственных интересов и искусной игры удильщика.

Люк резко встал. Он таскал каштаны из огня не для одного себя. Он открыл рот, собираясь много чего сказать Лавестеру Лаймону. В этот момент ему вспомнилась сцена на складе, когда он презрительно сунул чек за свою лопату Оператору Технических Средств. Люк всегда был склонен к эффектным жестам, последствия которых не оставляли ему путей к отступлению. Когда он научится самоконтролю? В голосе Люка прозвучала неуверенность, но он все же спросил:

— Повторите, кто этот Рипп?

— Джудиа Рипп, Директор Секции Отвода Сточных Вод. Вам может быть нелегко добиться встречи с ним, он занудный старый козел. Подождите, я узнаю, есть ли он в офисе.

Он задал вопрос в настольный микрофон. Ему ответили, что Джудиа Рипп только что прибыл в офис Секции на Подуровне 3, расположенный под Брамблебургским парком.

Лаймон дал Люку тактический совет.

— Он холерик — гавкает по любому поводу. Открою секрет: не обращайтесь на него внимания. Он только изображает твердость, доска столешная. Рычите на него в ответ.

Если вы будете паинькой, он вас выставит. Устройте ему зуб за зуб, и он будет вас слушать.

Люк тяжело посмотрел на Лавестера Лаймона, хорошо зная, что искорки в золотисто-рыжих глазах означают злобную радость. Потом сказал:

— Хотелось бы копию этой директивы, чтобы он знал, о чем я говорю.

Лаймон немедленно протрезвел. Люк мог прочесть его мысли: «Затаит ли Рипп на меня зло, если я пошлю этого разрушителя? Очень может быть».

— Ладно,— сказал Люк.— Захвачу у секретарши.

Люк поднялся на Подуровень 3 и прошел сквозь красивую трехэтажную арку под Брамблебурский парк. Он миновал высокий стеклянный аквариум, открытый небу и освещенный солнечным светом, взошел на местную транспортную ленту, и после двух- или трехминутного путешествия остановился перед Агентством Санитарных Работ Района 8892.

Секция Отвода Сточных Вод занимала довольно претенциозное здание с маленьким садиком во дворе. Люк прогулялся вдоль перехода, выложенного голубой, серой и зеленой мозаикой, и вошел в комнату, обставленную в бледно-серых и розовых тонах.

За столом сидела секретарша, блондинка с пухлыми губами, искусственной костью в носу и ожерельем из поддельных зубов, обвивающим шею.

Она причесывалась, пытаясь сделать из головы сноп пшеницы, а ее лоб украшали древние руны, нанесенные черной краской.

Люк заявил, что хочет сказать несколько слов мистеру Джудияту Риппу, Директору Секции.

Возможно, от стеснения, но это прозвучало довольно резко. Девица, удивленно блеснув глазами, подозрительно уставилась на него. После минутного колебания она с сомнением покачала головой.

— Даже не знаю, что можно сделать? День мистера Риппа строго расписан. По какому поводу вы хотите его увидеть?

— Может быть вы скажете мистеру Риппу, что я здесь,— сказал Люк, предъявив убедительную улыбку. Он продолжал игру, несмотря на косой взгляд вполне определенного значения. Девица была откровенно испугана.— В одной

из его политических директив — вот в этой — имеются уклонения, или скорее злоупотребления...

— Уклонения? — девица, казалось, слышала только сигнальное слово. Она окинула Люка новым взглядом, изучая хрустящий новый черно-синий костюм квазिवоенного покроя. Какого сорта этот инспектор?

— Я вызову мистера Риппа, — она нервничала. — Ваше имя и статус?

— Люк Грогач. Мой статус... — Люк улыбнулся еще раз, и девица отвела глаза. — Это неважно.

— Я вызову мистера Риппа, сэр. Один момент, если вам угодно, — она обернулась, нежно мурлыкнула в микрофон, взглянула на Люка и повторила еще раз. Тонкий голос проскрипел в ответ. Девица качнулась обратно и кивнула Люку. — Мистер Рипп может сбересть несколько минут. Первая дверь, пожалуйста.

Люк, развернув плечи, прошел в высокую, отделанную деревянными панелями комнату, одну стену которой занимал аквариум с красными и желтыми рыбами. За столом сидел Джудиа Рипп, высокий, тяжеловесный человек, сам похожий на большую рыбу. Его лысая, бледная как макрель голова, казалось, едва держится на плечах. Сколько-нибудь заметный подбородок отсутствовал, шея поднималась прямо к рыбьему рту. Бледные глаза уставились на Люка поверх маленьких квадратных ноздрей. Жидкие пучки волос свисали с затылка, как сухая трава с песчаной дюны. Люк помнил словесную характеристику Риппа, данную Лавестером Лаймоном: холерик. Соотносится с трудом. Лаймон имел зуб на Риппа? Пытался использовать Люка как орудие злобной мести? Люк почувствовал себя неловко и неуютно.

Джудиа Рипп внимательно изучал его холодными тусклыми глазами.

— Чем могу помочь, мистер Грогач? Моя секретарша сказала, что вы следователь особого сорта.

Люк оценил ситуацию, его узкие черные глаза остановились на лице Риппа. То, что он сказал, было совершенной правдой:

— В течение семи недель я работаю в должности Чернорабочего Класс D в тоннельной группе.

— Какого дьявола искать в тоннельной группе? — спросил Рипп с холодным весельем.

Люк сделал тонкий жест, могущий означать много и ничего, смотря как его истолкуют.

— Нынче ночью начальник этой группы получил директиву, выпущенную Лавестером Лаймоном из офиса Постановок. Полный ее идиотизм не поддается выражению.

— Если это работа Лаймона, я легко поверю, — сказал Рипп сквозь зубы.

— Я видел его в офисе. Он отказался принять на себя ответственность и отправил меня к вам.

Рипп выпрямился в кресле.

— Что это за директива?

Люк отправил обе бумаги через стол. Рипп медленно прочитал, затем с отвращением вернул их.

— Я не помню точно... — он сделал паузу. — Я сказал бы, эти директивы отражают инструкции, полученные мной, которые я в точности исполнил. В чем здесь ошибка?

— Позвольте мне процитировать мое собственное впечатление, — сказал Люк. — Этим утром — как я сказал, в своей временной должности чернорабочего — я отнес лопату из тоннеля на склад и сдал ее. Эта операция заняла полтора часа. Если бы я постоянно работал на работе такого сорта, я был бы полностью деморализован.

Рипп казался спокойным.

— Я могу только послать вас к моему начальнику. — Он проговорил в сторону в настольный микрофон: — Пожалуйста, перешлите документ ОР девять, статья один-два-три.

Он повернулся к Люку.

— Я не могу принять ответственность ни за директиву, ни за отмену ее. Могу я спросить, какого сорта расследование привело вас в тоннель? И перед кем вы отчетываетесь?

Затрудняясь найти в равной степени уклончивые и убедительные слова, Люк принял позу надменного молчания.

Джудиат Рипп нахмурился.

— Я думаю об этом деле с возрастающим непониманием. Почему этот предмет является материалом для расследования? Кто именно...

Из прорези появилась директива, которую Рипп запрашивал. Он взглянул на нее и передал Люку.

— Вы увидите, что это совершенно освобождает меня от ответственности, — сказал он кратко.

Директива была стандартной формы.

**ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ,
ДИВИЗИОН КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ**

**АГЕНСТВО САНИТАРНЫХ РАБОТ РАЙОН 8892
СЕКЦИЯ ОТВОДА СТОЧНЫХ ВОД**

Офис комиссара по Коммунальным Услугам

Директива: 449 Серия UA-14-G2

Порядковый код: GZP-AAR-REF

Ссылочный: TQ9 1422

Код даты: BT-EQ-LLT

Допуск: PU-PUD-Org

Контроль: Г. Эван

Контрконтроль: Хернон Кланек

Откуда: Паррис де Викир, комиссар Коммунальных Услуг

Через: Все районные агентства Санитарных Работ

Куда: Руководителям всех отделов

Замечания:

Тема: Крайняя необходимость жесткой и немедленной экономии используемого оборудования и расходных материалов.

Срок Применения: Немедленно

Период актуальности: Постоянно

Содержание: Всем главам департаментов предписывается инициативно, эффективно и неустанно производить экономию в деле снабжения и укомплектования, особенно по статьям, включающим в себя или представляющим собой сплавы металлов или нуждающимся в функциональных композициях таковых, в зонах их ответственности, разграниченных официальным предписанием. Экономия в 2% определяется минимальной. Достижение показателей экономии будет в некоторой мере влиять на повышение Статуса.

Директива просмотрена и отправлена:

**Ли Джон Смит, Районный Агент Санитарных Работ,
район 8892**

Люк встал, думая сейчас только о том, чтобы как можно быстрее выйти из офиса. Указал на директиву.

— Это копия?

— Да.

— Я возьму ее, если можно.— Он присоединил ее к предыдущим двум.

Джудиат Рипп наблюдал с робким, но настойчивым подозрением.

— Я не могу понять, кого вы представляете.

— Иногда чем меньше знаешь, тем лучше,— сказал Люк.

Подозрение исчезло с рыбьего лица Джудиата Риппа. Только агент безопасности мог рискнуть использовать выражения такого сорта в разговоре с членом звена Высшего Эшелона. Он примирительно кивнул.

— Это все, что вам требовалось?

— Нет,— сказал Люк.— Но это все, что я могу получить здесь.

Он повернулся к двери, ощущая, как глаза Риппа сверлят его спину.

Голос Риппа внезапно остановил его:

— Минуточку.

Люк медленно обернулся.

— Кто вы? Можно мне взглянуть на ваше удостоверение?

Люк грубо расхохотался.

— У меня его нет.

Джудиат Рипп поднялся со сжатыми над столом кулаками. Тут Люк увидел, что и на самом деле, Джудиат Рипп — холерик. Макрельная бледность его лица сменилась розовостью лососа.

— Идентифицируйте себя,— угрожающе сказал он.— Или я позову охрану.

— Конечно,— сказал Люк.— Мне нечего скрывать. Я Люк Грогач. Я работаю как Чернорабочий Класс D тоннельной группы номер Три, в Бюро Водосточных труб Конструирования и Эксплуатации.

— Что вы делаете здесь, вы, ложнопредставившийся, отнимая мое время?

— Когда это я ложно представился? — спросил Люк довольным голосом.— Я пришел сюда, чтобы выяснить, чего ради я должен носить мою лопату на склад каждое утро. Это крадет у меня полтора часа времени. Это неразумно. Вы распорядились экономить два процента так, что я расходую три часа в день, таская взад-вперед лопату.

Джудиат Рипп смотрел на Люка секунд десять, потом резко сел.

— Вы Чернорабочий Класс D?

— Правильно.

— Хмм. Вы были в офисе Поставок. Вас послал сюда менеджер?

— Нет. Он дал мне копию своей директивы, так же как и вы.

Лососево-розовая краска покинула плоские щеки Риппа. Рыбий рот изогнулся в слабом намеке на смех.

— Конечно, это не опасно. Чего вы надеетесь достичь?

— Я не хочу носить взад-вперед эту проклятую лопату...

Джудиат Рипп холодно сжал бледный рот, преодолевая улыбку.

— Принесите мне соответствующую директиву от Парриса де Викера, и я буду рад сделать вам одолжение. Теперь...

— Вы устройте мне свидание?

— Свидание? — Рипп был поражен. — С кем?

— С комиссаром Коммунальных Услуг.

— Пфаф! — Рипп взмахнул рукой в холодном отказе. — Уходите.

Люк стоял в голубом мозаичном переходе, с ненавистью вспоминая Риппа, Лаймона, Мискитмена и всех замешанных в дело функционеров. Если бы только он был председателем на совете в течение всего двух часов (проходили бесчисленные мечты), как бы они забегали! Мысленным взором Люк видел Джудиата Риппа с тяжелой лопатой, подбирающего мокрую грязь за бурмашиной, которая вдвойне сильнее, чем обычно, грохочет, отбрасывая назад, в Риппа, горячую пыль и каменную крошку. И Лавестера Лаймона, меняющего раскаленные от работы зубы бура маленьким и ржавым универсальным гаечным ключом. И Федора Мискитмена, до и после смены таскающего лопату, гаечный ключ и все запасные зубья на склад и обратно.

Люк постоял в переходе минут пять, затем поднялся на поверхность, в Брамблебурский парк. Люк медленно шел по посыпанным гравием тропинкам, не замечая открытого неба из-за своих неотвязных проблем. Он уперся в тупик. Дальнейшие действия представлялись невозможными. Джудиат Рипп насмешливо уверял, что следует обратиться к Комиссару Коммунальных Услуг. Но даже если

каким-то невообразимым путем Люк добьется свидания с ним, что хорошего может выйти? Зачем бы комиссару отзывать политическую директиву такой очевидной важности? Разве что он смог бы убедить его — каким образом, Люк был не в состоянии угадать или даже представить — выпустить специальную директиву, изымающую Люка из-под действия данной директивы... Люк фальшиво рассмеялся, испугав голубей, рассказывающих по дороге. Что теперь? Назад в общежитие. Он имеет право на двенадцать часов пользования кроватью в день, и он еще не до конца исчерпал свой расходный счет. Но Люк не хотел спать. Когда он поднимал глаза на ряд башен, окружающих парк, он чувствовал мрачную веселость. Небо, чудесное открытое небо, голубое и сверкающее! Люк дрожал, потому что солнце было скрыто пиком Моргентау, и на воздухе было свежо.

Люк пересек парк, думая присесть. Полоса серенького света солнца прорывалась между башнями. Скамейки были заполнены седыми стариками, мужчинами и женщинами, но Люк все-таки нашел место. Он сидел, глядя на небо, наслаждаясь мягким естественным теплом солнца. Как редко он видел солнце! В юности он поднимался на высотные трансгородские путепроводы, гуляя меж простирающихся справа и слева пропастей. Близости облаков хватало для самопроверки на вшивость, солнечный свет сиял и ласкал кожу. Постепенно путепроводы отошли в сторону, он поднимался все реже и реже, и теперь мог с трудом припомнить, когда в последний раз бродил по дорогам ветра. Тогда он мечтал каждый день, и какое богатство видений посещало его! Он карабкался вверх по списку, обеспечивая себе хороший расчетный счет, превосходнейшие посторонние доходы, бесчисленные Специальные Купоны! Он строил планы на личный аэрокар, неограниченное питание, жилье высоко над землей... Мечты, мечты... Люк был жертвой своего языка, своего горячего темперамента, своего упрямства. В сердце он не был нонконформистом — нет, кричал Люк, никогда! Люк происходил из семьи магнатов, и поначалу, замолвленным словом здесь, намеком там, с высоким статусом был введен в Организацию. Но недостаток гибкости и хроническое упрямство привели его в оппозицию к предначертанным путям и опустили по Статусному Листу: через профессионального ученого, должность технического инструктора, ученика ремесленника,

все разновидности подмастерьев и техников-операторов. Теперь он, Люк Грогач, Чернорабочий Класа D Неопытный, — перед лицом последней деклассификации. Но тщеславие все еще не позволяло ему смириться с бесполезной переноской лопаты. Нет, Люк исправит себя. Он уничтожит тщеславие, вместе с глупыми мечтами. Все, что осталось, это гордость, право употреблять слово «Я» в соединении с самим собой. Если он согласен с политической директивой 6511, ему надлежит отказаться от этого права, раствориться в массах Организации как брызги пены падают и растворяются в океане... Люк нервно вскочил на ноги. Он теряет время, сидя здесь. Джудиат Рипп со злорадством морского угря поманил его директивой Комиссара Коммунальных Услуг. Очень хорошо, Люку стоит получить эту директиву и бросить ее под бледный рипповский нос.

Как?

Люк задумчиво поскреб подбородок. Он дошел до центра связи и уточнил направление. Как он и предполагал, Комиссия по Коммунальным Услугам помещалась в Центральной Башне Организации, на Сильверадо, Район 3666, в девяти милях к северу.

Люк стоял в вялом солнечном свете, надеясь на вдохновение. Бесполезные старики, обсиживающие скамейки, как воробьи в конце зимы, смотрели на него удивленно. Еще раз Люк мрачно наслаждался приобретением новой одежды. Он уверил себя, что представляет собой внушительную фигуру.

Как? — недоумевал Люк. — Как добиться встречи с комиссаром? Как убедить его изменить взгляды?

Никакого намека на ответ не приходило в голову.

Он взглянул на часы: была только середина утра. Достаточно времени для визита в Центр и возвращения вовремя для доклада дежурному... Люк слегка скривился. Получается, он столь бессилён? И в конце концов скользнет ночью в тоннель, неся ненавистную лопату? Люк медленно склонил голову. Он не знал.

На пересадочной станции Брамблебури Люк Грогач погрузился на скоростную магистраль на север до станции Сильверадо. Блестящая металлическая лента, свистя и повизгивая, текла вперед, на 13 уровень, на огромной скорости она неслась к северу, сверкая на солнце и в тени, сквозь тоннели, через бездны, между башнями, оставляя далеко внизу нервно кипящий город. Четыре раза эксп-

ресс останавливался на станциях: Университет IBM, Бремере, Великая Северная Развязка и, наконец, спустя три минуты от Брамблебури, на Сильверадо Централ. Люк вышел. Экспресс понесся дальше среди башен, гибкий, как угорь в толще воды.

Люк вошел в фойе на десятом уровне Центральной Башни, богато отделанной мрамором и бронзой. Толпы мужчин и женщин проходили мимо: улыбающиеся, широко шагающие магнаты, отмеченные печатью судьбы, личности Высшего Эшелона, их ассистенты, ассистенты ассистентов, функционеры ниже по списку, все послушно носящие одежды высокого статуса, малый народец, надеющийся сойти за начальников. Все торопливые, с резкими и напряженными лицами, спешашие по привычке. Люк вошел, продрался сквозь толпу и проложил путь до указателя, где уточнил маршрут.

Паррис де Викар, комиссар по Коммунальным Услугам, занимал офис на 59 уровне. Секретарь Общественных Дел, мистер Севелл Сепп, находился на 81 уровне. В этот раз я собираюсь на самый верх, подумал Люк. Если кто-нибудь может решить дело, так это Севелл Сепп.

Он сел в лифт и вышел в передней Департамента Общественных Дел — милом местечке, сверкающем строгим цветным псевдоантичным орнаментом. Стены были из полированного молочного стекла с разноцветными вставками, которые блестели хитрым калейдоскопом. Пол был покрыт голубовато-белым искристым камнем. В комнате доминировали несколько бронзовых статуй, массивные фигуры символизировали основные общественные службы: связь, транспорт, образование, водоснабжение, энергетику и санитарию. Люк прошелся вдоль пьедесталов и вышел к приемной, где через каждые шесть футов стояли по стойке «смирно» десять молодых женщин в коричневых нарукавниках и черной униформе. Люк выбрал одну из девушек, которая раздвинула губы в автоматической пустой улыбке.

— Да, сэр?

— Я хочу видеть мистера Сеппа, — надменно сказал Люк.

Улыбка девушки замерзла, хотя она продолжала смотреть на него ошарашенными глазами.

— Мистера кого?

— Севелла Сеппа, Секретаря по Общественным Дела.

Девушка мило спросила:

— У вас есть представление, сэр?

— Нет.

— Это невозможно, сэр.

Люк раздраженно кивнул.

— Тогда я хотел бы увидеть комиссара Парриса де Викера.

— У вас есть представление на прием у мистера де Викера?

— Нет, боюсь, что нет.

Девушка качнула головой, теперь с оттенком забавы.

— Сэр, вы не можете просто так пройти к этим людям. Они крайне заняты. Каждый посетитель должен иметь представление.

— О, минутку, — рискнул Люк. — Конечно, можно вообразить, что...

— Определенно нет, сэр.

— Тогда, — сказал он, — я хотел бы сделать представление. Я хотел бы видеть мистера Сеппа прямо сейчас, если возможно.

Девушка потеряла интерес к Люку. Она свела свои манеры до безличностного обращения.

— Я вызову офис секретаря мистера Сеппа по представлениям.

Она поговорила в микрофон, затем обернулась к Люку.

— На сегодняшнее утро открытых представлений нет, сэр. Вы хотите поговорить с кем-то еще? С кем-то из подчиненных?

— Нет, — сказал Люк. Уже готовый развернуться, он в последний момент спросил: — Кто выдает эти представления?

— Адъютант первого секретаря, который составляет список обращающихся.

— Тогда я поговорю с первым адъютантом.

Девушка вздохнула.

— Вам необходимо представление, сэр.

— Мне нужно представление, чтобы получить представление?

— Да, сэр.

— Нужно ли мне представление, чтобы сделать представление для получения представления?

— Нет, сэр. Просто пройдите направо.

— Куда?

— Кабинет сорок два, внутри ротонды, сэр.

Люк прошел через двенадцатифутовые стеклянные двери и спустился в небольшой холл. Летящие всплески света следовали за ним, как тени, вдоль обеих стен в гротесковом стиле кубизма, пародируя движения тела: причуда, которая удивила Люка, и которая могла бы доставить ему удовольствие в менее критичных обстоятельствах.

Он прошел сквозь другую пару хрустальных порталов в ротонду. Шестью уровнями выше разноцветное стекло потолка комплекса было разрисовано сценами из легенд. Позади кольцо из обитых диванной кожей дверей открывало путь в расположенные по кругу офисы. На одной из этих дверей, прямо напротив входа, были выдавлены слова:

**ОФИС СЕКРЕТАРЯ ДЕПАРТАМЕНТА
ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЛ.**

На диванах с различной степенью нетерпения ожидали полсотни мужчин и женщин. Они осторожно окидывали друг друга надменными взглядами, время от времени поглядывая на часы, показывая, что сожалеют, что тратят здесь время, и в любой момент готовы уйти.

Мягкий голос прозвучал из громкоговорителя:

— Мистер Артур Кофф, пожалуйста, в Офис Секретаря.

Полный джентльмен, периодически бросавший по сторонам сердитые экзаменующие взгляды, вскочил на ноги. Он дошел до двери из бронзы и черного стекла и вошел внутрь.

Люк завистливо посмотрел на него, затем повернул в сторону под арку, отмеченную как Кабинет 42. Швейцар в коричневой с черным униформе вышел вперед. Люк изложил свое дело, и его провели в маленькую квадратную комнатку.

Молодой человек за металлическим столом пристально смотрел на него.

— Садитесь, пожалуйста.— Он придвинул стул.— Ваше имя?

— Люк Грогач.

— А, мистер Грогач. Могу я поинтересоваться вашим делом?

— У меня есть что сказать Секретарю общественных дел.

— Касательно какого предмета?

— Личное дело.

— Сожалею, мистер Грогач. Секретарь более чем занят. Он связан с важнейшим делом Организации. Но если вы изложите ситуацию мне, я порекомендую вам, к кому из членов руководства обратиться.

— Это не поможет, — сказал Люк. — Я хочу проконсультироваться у Секретаря относительно выпущенной политической директивы.

— Выпущенной Секретарем?

— Да.

— Что является темой этой директивы?

Люку не хотелось говорить так много.

— Средства должны соответствовать процессу, — сказал адъютант решительно. — Если вы заполните эту форму — не здесь, а в ротонде — опустите ее в ящик для предложений справа от двери, куда вам выходить...

С внезапной яростью Люк схватил листок и бросил его обратно на стол.

— Неужели у него нет пяти свободных минут...

— Боюсь, что нет, мистер Грогач, — сказал адъютант ледяным голосом. — Если вы заглянете в ротонду, вы увидите сколько очень важных людей ждут — некоторые месяцами — пяти минут у Секретаря. Если вы желаете заполнить обращение, изложите ваше дело в деталях, я посмотрю, что можно сделать.

Люк вышел из комнатки. Адъютант посмотрел ему вслед с холодной улыбкой презрения. Этот нагловатый тип, очевидно, имеет неконформистские тенденции, думал он... следовало бы за ним присмотреть...

Люк стоял в ротонде, бормоча: «Что теперь? Что теперь? Что теперь?» почти гипнотическим шепотом. Он обошел вокруг ротонды, помпезного народа Высшего Эшелона, принимая на свой счет сочувственные взгляды и топот ног.

— Мистер Джеппер Принн! — позвал мягкий голос из репродуктора. — Офис Секретаря, к вашим услугам.

Люк наблюдал, как Джеппер Принн шел к порталу из бронзы и черного стекла.

Люк опустился в кресло, потер длинный нос, осторожно огляделся. Ближе всех сидел громадный человек с бычьей шеей и красным лицом, выпяченными губами ровно подстриженными светлыми волосами — магнат, излучающий ауру абсолютного авторитета.

Люк поднялся, прошел к столу, стоящему в удобном для ожидающих месте, взял несколько листков бумаги с логотипом Башни и тихо обогнул ротонду, пробираясь ко входу в Кабинет 42. Бычья шея не обратила на него внимания.

Люк подтянул ремень, застегнул воротничок, одернул жакет. Глубоко вдохнул, и, когда румяный человек скользнул в его направлении, с официальным видом пошел вперед. Он пристально оглядел кольцо стоек, заглянул в свои бумаги: затем захватил взгляд магната, с хмурым видом и косым взглядом спешащего мимо него.

— Ваше имя? — спросил Люк официальным голосом.

— Я Хардин Артур, — скрипнул магнат.

Люк кивнул, справился по бумагам.

— Время вашего представления?

— Одиннадцать десять. В чем дело?

— Секретарю хотелось бы знать, будет ли вам удобно провести с ним ланч в час тридцать?

Артур подумал.

— Кажется, это возможно, — буркнул он. — Мне придется передвинуть некоторые другие дела... Неудобно, но я могу это сделать, да.

— Отлично, — сказал Люк. — Секретарь чувствует, что за ланчем он сможет обсудить ваше дело более детально и более продолжительно, чем в одиннадцать тридцать, когда может уделить вам только семь минут.

— Семь минут! — негодуяще грохотнул Артур. — Я с трудом могу втиснуть мои планы в семь минут.

— Да, сэр, — сказал Люк. — Секретарь предвидит это, и убежден, что вы не откажетесь принять приглашение на ланч.

Артур резко хлопнул себя по ноге.

— Очень хорошо. Ланч в час тридцать, правильно?

— Правильно, сэр. Если вас не затруднит, подойдите прямо к офису Секретаря в это время.

Артур покинул ротонду, и Люк уселся на его место.

Время шло очень медленно. В десять минут двенадцатого мягкий голос вызвал «Мистер Хардин Артур, пожалуйста. В Офис Секретаря».

Люк встал, с огромным достоинством проследовал через ротонду, и вошел в заветную дверь из бронзы и черного стекла.

Секретарь восседал за длинным черным столом. Это был довольно незначительный человечек с серыми волосами и колючими серыми глазами. Он поднял брови, когда вошел Люк: он явно не соответствовал его представлению о Хардине Артуре.

Секретарь заговорил:

— Садитесь, мистер Артур. Я могу сказать вам прямо и откровенно, мы думаем, что ваш проект непрактичен. Под «мы» я подразумеваю себя и Совет Планирования, который, конечно, имеет доступ к документам. Во-первых, чрезмерная стоимость. Во-вторых, нет гарантий, что вы сможете согласовать ваш проект с другими магнатами. В-третьих, Совет Планирования сообщил мне, что вызывает сомнения, действительно ли нам нужно так много новых возможностей.

— А, — с умным видом кивнул Люк. — Вижу. Нет проблем. Это неважно.

— Неважно? — Секретарь подскочил в кресле, с удивлением уставясь на Люка. — Я не ожидал услышать такое от вас.

Люк сделал легкий жест.

— Забудьте. Жизнь слишком коротка, чтобы переживать из-за такой ерунды. Актуально другое дело, которое я хочу обсудить с вами.

— А?

— Оно может показаться тривиальным, но крайне запутанным. Мое внимание к нему привлек наш бывший сотрудник. Он теперь чернорабочий в одной из Тоннельных групп Секции Отвода Сточных Вод, замечательный парень. Вот ситуация. Несколько идиотов, клоунов на службе, выпустили директиву, которая заставляет человека каждый день, до и после работы носить лопату взад-вперед до склада. Я взялся рассмотреть эту проблему, и цепочка привела сюда. — Он показал три директивы.

Нахмурившись, Секретарь просмотрел их.

— Здесь все кажется совершенно правильным. Что вы от меня хотите?

— Выпустите директиву, отменяющую прежнюю директиву. Мы же не можем заставить этих бедолаг работать три часа сверхурочно из-за дурости.

— Дурости? — Секретарь был недоволен. — Трудно это, мистер Артур. Директива об экономии пришла ко мне из

Совета Директоров, от Председателя Совета лично, и если...

— Вы неверно меня поняли... — торопливо исправился Люк. — Я не против экономии, я просто хочу полиса, составленного разумно. Хранение лопаты на складе — где здесь экономия?

— Учтите, что лопат миллионы, мистер Артур, — холодно сказал Секретарь.

— Замечательно, их миллионы, — согласился Люк. — У нас миллионы лопат. Как много из этих миллионов лопат сохранится благодаря вот этому распоряжению? Две или три в год?

Секретарь разозлился.

— Очевидно, что в генеральных директивах такого сорта не все равнозначно. Я выпустил директиву в пределах своих полномочий, потому что мне указали это сделать. Если вы хотите ее изменить, консультируйтесь с Председателем Совета.

— Отлично. Могу я просить о представлении для меня?

— Давайте устроим дело даже скорее, — сказал Секретарь. — Вы правы. Мы поговорим с ним по видеофону, хотя, как вы говорите, это кажется тривиальным делом...

— Деморализация рабочей силы — это не тривиально, Секретарь Сепп.

Секретарь пожал плечами, тронул кнопку, сказал в микрофон:

— Председателя Совета, если он не занят.

Экран мигнул. Председатель Совета Директоров смотрел на них. Он сидел в удобном кресле на крыше своего пентхауза на вершине башни. В одной руке он держал стакан шипучего напитка. За его спиной открывался вид на залитый солнечным светом город.

— Доброе утро, Сепп, — сердечно сказал Председатель, и кивнул в сторону Люка. — Доброе утро вам, сэр.

— Председатель, вот мистер Артур оспаривает директиву об экономии, которую вы спустили нам несколько дней назад. Он заявляет, что буквальное исполнение приводит к трудностям и деморализации рабочих. Надо что-то делать с лопатами.

Председатель задумался.

— Экономическая директива? Я с трудом припоминаю, о чем именно речь.

Секретарь Сепп описал директиву, исходящий код и ссылочный номер, растолковал распоряжения, и Председатель кивнул, припоминая.

— Да, металлосодержащие вещи. Боюсь, я не могу помочь вам, Сепп или вам, мистер Артур. Это прислал Совет Планирования. Видимо, у нас осталось мало минералов, что мы еще можем сделать? Затянуть старые пояса? А кому легко? Так что там насчет лопат?

— В этом-то все и дело, — внезапно пронзительно крикнул Люк, так что Секретарь и Председатель испуганно переглянулись. — Беготня с лопатой взад-вперед, на склад и обратно — три часа в день! Это не экономия, это дезорганизующий фарс!

— Не так скоро, мистер Артур, — с улыбкой проворчал Председатель. — Раз не вам лично носить лопату, к чему волноваться? Эти рабочие — просто черти в своем деле. Пока Совет Планирования коллективно не передумал — как это часто бывает — слушаться его нам придется. Нельзя идти вопреки Совету Планирования, вы же знаете. Там люди, владеющие фактами и цифрами.

— Ни здесь, ни там, — пробормотал про себя Люк. — Таскай лопату три часа...

— Возможно, момент-другой для людей и затруднительны, — сказал Председатель с намеком на понимание. — Но нужно смотреть на вещи с дальним прицелом. Сепп, вы будете у меня на ланче? Чудесный день, ленивая погода.

— Спасибо, мистер Председатель. Разумеется, с большим удовольствием.

— Замечательно. В час или час тридцать, если вам удобно. Экран погас. Секретарь Сепп встал на ноги.

— Это все, мистер Артур. Я не могу сделать большего.

— Все хорошо, мистер Секретарь, — кисло сказал Люк.

— Сожалею, что не могу ничем больше помочь, но как я говорю...

— Это не имеет значения.

Люк развернулся, покинул элегантный офис, вернулся в ротонду сквозь двери из бронзы и черного стекла. Сквозь арку в Кабинет 42 он видел громадного человека с бычьей шеей и томатной краснотой на лице, перегнувшегося через стойку. Люк проворно устремился вперед, убираясь из ротонды, как раз когда туда направились настоящий мистер Артур и адъютант, увлеченные взволнованным разговором.

Люк остановился у информационной доски.

— Где находится Совет Планирования?

— Двадцать девятый уровень, сэр, в этом здании.

В Совете Планирования на 29 уровне Люк поговорил с вежливым и элегантным молодым человеком с шелковыми усами и должностью Координатора Плана.

— Конечно! — воскликнул молодой человек в ответ на вопрос Люка. — Авторитетность информации — основа авторитетности организации. Поступающий материал сворачивается и обрабатывается в Бюро Рефератов и посылается нам. Мы сводим его и представляем на Совет Директоров в форме ежедневного резюме.

Люк выказал интерес к Бюро Рефератов, и молодой человек сразу же поскучнел.

— Черви статистические, насилу способные сформулировать интеллигентную фразу. Если бы не было нас... — Его бровки, шелковые, как и его усы, намекнули на катастрофу, которая случилась бы, исчезни Совет Планирования из Организации. — Они работают внизу, на шестом уровне.

Люк спустился до Бюро Рефератов и обнаружил, что получить доступ в главный офис довольно просто. По контрасту с довольно туманным интеллектуализмом Совета Планирования, Бюро Рефератов показалось будничным и прозаичным. Веселая толстушка средних лет осведомилась о деле Люка, и когда Люк назвал себя журналистом, провела его по службам. Они вышли из главного фойе, оштукатуренного под старину в кремовые тона и увешанного позолоченными дипломами, прошли затхлые кабинетки, где за рабочими столами сидели клерки, просматривая нескончаемые строчки знаков. Извлечение последовательности идей, внесение поправок, объединение, перекрестные ссылки, окончательный вывод для подачи в Совет Планирования... Толстушка, водившая Люка по комнатам, заварила им по чашке чая. Она задавала вопросы, на которые Люк отвечал общими фразами, изо всех сил стараясь казаться искренним и компетентным. Он сам тоже задавал вопросы.

— Меня интересуют данные статистики по недостатку металлов, или руды, или еще чего-нибудь подобного, которые недавно передавались в Совет Планирования. Знаете ли вы что-нибудь об этом?

— Боже мой, нет! — ответила женщина. — К нам приходит так много материалов — со всей Организации.

— Откуда мог прийти такой материал? Кто послал его вам?

Дама изобразила смешную гримаску отвращения.

— Снизу, из Отдела Документов, с двенадцатого подуровня. Большого не могу сказать, потому что мы не общаемся с кем-либо персонально. У них низкий статус: клерки и тому подобное. Настоящие автоматы.

Люк выразил интерес к этим источникам информации Бюро Рефератов. Женщина пожала плечами, как если бы он выказал дурной вкус.

— Я вызову старшего клерка Отдела Документов, его я знаю, ничего примечательного.

Сташий клерк, мистер Сидд Ботридж, выглядел самодовольным и грубым, как будто зная о малом почтении, которое ему оказывали в Бюро Рефератов. Он отмел вопросы Люка с каменным лицом безразличия.

— Я действительно не имею понятия, сэр. Документы, индексы и кроссиндексы мы храним в Банке Информации, но очень мало интересуемся исходными данными. Мои обязанности, фактически, чисто административные. Я вызову одного из индексных клерков, он сможет сказать вам больше.

Индексный клерк, который ответил на призыв Ботриджа, был низеньким человечком с лицом, похожим на репу, и ярко-рыжими волосами.

— Проведите мистера Грогача во внешний офис, — раздраженно сказал старший клерк. — Он хочет задать вам несколько вопросов.

Во внешнем офисе, вне досягаемости ушей старшего, индексный клерк стал гораздо важнее и помпезнее, словно почуял уровень статуса Люка. Он представился как проводник, звание клерка явно казалось ему оскорбительным. Работа его состояла в сидении перед панелью, на которой мигали и светились тысячи оранжевых и зеленых лампочек.

— Оранжевые лампочки показывают информацию, уходящую в Банк, — сказал клерк. — Зеленые показывают, что кто-то из верхнего уровня выгружает информацию из Банка — обычно в Бюро Рефератов.

Люк окинул взглядом оранжевые и зеленые огоньки.

— Что за информация передается сейчас?

— Не могу сказать, — пробормотал клерк. — Все закодировано. Внизу, в старом офисе, у нас есть контролирующая техника, но мы никогда не пользуемся ей. Слишком много других дел.

Люк задумался. Индексный клерк начал проявлять признаки недовольства. Ум Люка торопливо работал. Он спросил:

— Так я правильно понял: вы храните информацию, но больше ничего с ней не делаете?

— Мы сохраняем ее и кодируем. Когда кто-нибудь хочет загрузить информацию в программу и поработать с ней, информация выдается ему. Мы никогда не увидим этого, если не пойдем и не посмотрим на контролирующую машину.

— Которая до сих пор внизу, в вашем старом офисе? Клерк кивнул.

— Это называют теперь камерой передачи. Там ничего нет, кроме труб ввода и вывода, монитора и сторожа.

— Где эта камера?

— Ниже всех уровней, за Банком. Это слишком низко для моей работы. У меня много амбиций, — для выразительности он сплюнул на пол.

— Вы сказали, там охранник?

— Старик, Подсобный Разнорабочий, по имени Додкин. Он там лет сто.

Люк проскочил тридцать уровней на скоростном лифте, затем перешел на эскалатор для других шести уровней до подуровня 46. Он вышел в мрачном подземелье со столовой для бедных на одной стороне и соответствующим общежитием на другой. Воздух нес знакомые испарения глубокого подземелья — густую смесь сырости, фенола, меркаптана и отдельных человеческих ароматов. Люк с горькой улыбкой заметил, что вернулся на родную территорию.

Следуя указаниям, неохотно детализированным индексным клерком, Люк шагнул на поверхность поскрипывающей транспортной ленты с надписью «902 — Хранилища». Теперь он прибыл на ярко освещенную платформу, на которой висел черно-желтый знак: «Информационное Хранилище. Техническая Станция». За дверью несколько механиков сидели на табуретках, болтая ногами, другие праздно шатались, перебрасываясь беззлобными шутками.

Люк перебрался на боковую ленту, еще более развалившуюся, почти не подлежащую ремонту. На втором соединении — здесь не было ни одного указателя — он оставил дорожку и повернул вниз в узкий проход к далекой желтой лампочке. В проходе было тихо, чуть ли не зловеще по контрасту с жизнью города.

Под одинокой желтой лампочкой была открывающаяся внутрь металлическая дверь, украшенная надписью:

**ХРАНИЛИЩЕ ИНФОРМАЦИИ
КАМЕРА ПЕРЕДАЧИ
НЕ ВХОДИТЬ**

Люк толкнул дверь и обнаружил, что она закрыта. Он постучал и подождал.

В переходе царило молчание, прерываемое только слабыми звуками с отдаленной бегущей дорожки.

Люк постучал еще, и теперь изнутри пришел намек на движение. Дверь скользнула назад, и мутный безжизненный глаз уставился на него. Довольно слабый голос спросил:

— Да, сэр?

Люк придал манерам некоторую солидность.

— Вы охранник Додкин?

— Да, сэр, я Додкин.

— Откройте, пожалуйста. Я хотел бы войти.

Мутный глаз мигнул с легким удивлением.

— Здесь только камера передачи информации, сэр. Здесь не на что смотреть. Комплексы хранилища перед вами, если вы пойдете к перекрестку...

Люк перебил поток слов.

— Я только что спустился из Отдела Документов, и хочу видеть именно вас.

Мутный глаз мигнул еще раз; дверь, скользая, открылась. Люк вошел в камеру передачи, длинную, узкую и с бетонным полом. Тысячи каналов спускались с потолка, сгибались, извивались, переплетались и уходили в стену, каждый был помечен качающимся металлическим ярлычком. В одном конце комнаты стоял древний диван, на котором Додкин, очевидно, спал; в другом был длинный черный стол; контролирующая машина? Сам Додкин был маленьким и сгорбленным, но двигался проворно, несмотря на солидный возраст. Седые волосы были грязны, но тща-

тельно расчесаны; пристальный взгляд, бессильный и водянистый, обнаруживал детскую бесхитростность. Он уперся в Люка с внимательностью астронома.

— Не часто оттуда приходят посетители. Это не какая-то ошибка?

— Нет, никакой ошибки.

— Сказали бы мне, если что-то неправильно, или может быть, был новый полис, которого я не заметил.

— Ничего подобного, мистер Додкин. Я просто посетитель...

— Я не выходил наверх столько, сколько сижу здесь, но на последней неделе я...

Люк притворился слушающим, хотя нытье Додкина было созвучно его горьким думам. Последовательность движения директив от Федора Мискитмена до Лавестера Лаймона, потом до Джудиата Риппа, передающего Паррису де Викеру для Севелла Сеппа и Председателя совета, затем возвращающихся вниз по классификациям, вниз по уровням, через Совет Планирования, Бюро Рефератов, Отдел Документов — эта последовательность наконец закончилась; нить, которую он прослеживал с такой жалкой надеждой, оказалась замкнута. Хорошо, сказал себе Люк, он принял вызов Мискитмена, он проиграл и теперь стоит перед тем же выбором. Подчиниться, носить треклятую лопату взад и вперед, или послать к чертям распорядок, выкинуть эту лопату, утвердить себя человеком свободной воли, и быть деклассифицированным, стать Подсобным Разнорабочим, подобно старому Додкину — который, вздыхая и сопя, все еще бормотал:

— ...Что-то неправильно? Я никогда не знаю, потому что кто же мне скажет? Год за годом я тихо сижу здесь, и нет никого, кто помог бы мне, и я только изредко могу отлучиться, да и то только по ночам. А мне бы очень хотелось увидеть небо, вдруг оно изменилось? И дивное солнце на нем...

Люк глубоко вздохнул.

— Я отслеживаю один пункт в документе, который достиг Отдела Документов. И надеялся, вдруг вы сможете помочь мне.

Мутные глаза Додкина блеснули.

— Что это за пункт, сэр? Естественно, я был бы рад помочь вам в вашем поиске, даже думаю..

— Пункт, имеющий отношение к экономии в использовании металлов и металлических инструментов.

Додкин кивнул.

— Я помню их все.

Это заставило Люка изумленно обернуться.

— Вы помните эти пункты?

— Конечно. Это же, если можно так сказать, одна из моих маленьких интерполяций. Личное наблюдение, которое я включил в другой материал.

— Не будете ли любезны объяснить?

Объясниться Додкин был только рад.

— На последней неделе у меня была возможность посетить старого друга по Клакстонскому аббатству, прекрасного конформиста, хорошо устроенного и общительного, несмотря на то, что он, увы, как и я, Подсобный Разнорабочий. Конечно, я не имел в виду неуважение к доброму Дэви Эвансу, который, подобно мне, готов хоть сейчас на пенсию — хотя мало оснований рассчитывать на это сегодня...

— Интерполяция?

— Да, конечно. По пути домой по транспортной ленте — на подуровень двадцать два, как я говорил, — я увидел рабочего с каким-то оборудованием — возможно, электротехника, — который по пути со смены бросил несколько инструментов. Я подумал, что это неряшливое действие — нехорошо! Предположим, человек забыл, где он спрятал инструменты? Они потеряются! Наши запасы необработанных металлических руд очень малы — это общеизвестно, — и с каждым годом морская вода становится беднее и жиже. Этот человек не заботится о будущем Организации. Нам нужно беречь наши природные ресурсы, вы не согласны, сэр?

— Я согласен, естественно. Но...

— В любом случае, я вернулся сюда и сделал маленькую вставку в текст, который шел вверх в Отдел Документов. Я подумал, что, возможно, индексный клерк обратит на это внимание и скажет слово кому-нибудь, кто имеет влияние — возможно, старшему клерку. Естественно, я постарался придать ей вес, ссылаясь на неизбежность уменьшения наших природных ресурсов.

— Я вижу, — сказал Люк. — И часто вы делаете такие вставки в информацию?

— Бывает, — сказал Додкин, — И иногда, я рад это сказать, люди важнее меня принимают мои взгляды. Только три недели назад я потерял семь минут на пути между Клакстоном и Киттисвиллем на подуровне тридцать. Я сделал замечание об этом, а неделю спустя заметил, что началась постройка новой восьмилинейной транспортной ленты между этими двумя точками, — действительно великолепное и современное предприятие. Месяц назад я заметил группу бесстыжих девочек, размалеванных, как дикарки, косметикой. Это не годится, сказал я себе, это тщеславие и глупость! Я многозначительно намекнул на это в маленьком сообщении, и оказалось, что я только один из многих, кто так думает, потому что два дня спустя Секретарем по Образованию было выпущено генеральное предписание, ограничивающее пользование косметическими средствами.

— Интересно, — проворчал Люк. — Действительно интересно. Как вы делаете эти «интерполяции» в информацию?

Додкин быстро заковылял к контролирующей машине.

— Вывод из хранилища проходит здесь. Я печатаю кусочек на пишущей машинке и вкладываю туда, где его увидит Помощник клерка.

— Удивительно, — выдохнул Люк. — Человек с вашим уровнем интеллекта должен бы иметь более высокий ранг по Статусному листу.

Додкин спокойно качнул старой седой головой.

— У меня нет ни амбиций, ни способностей. Я пригоден только для этой незаметной работы, и то с великим трудом. Я мог бы начать получать пенсию хоть завтра, только Старший клерк Отдела Документов просил меня задержаться немного, пока он не найдет человека на мое место. Но кому понравится тихо сидеть здесь.

— Возможно, вы получите свою пенсию скорее, чем думаете, — сказал Люк.

Люк неспешно шел по тоннелю. Впереди было движение, блеск металла, бормочущие голоса. Вся бригада Тоннельной группы номер три лениво стояла и отдыхала.

Федор Мискитмен потирал руки с необычной горячностью.

— Грогач! На место! Ты подводишь всю смену! — Его тяжелое лицо сделалось розовым. — Мы уже на четыре минуты вне расписания.

Люк не торопясь приближался.

— Кошмар! — бушевал Мискитмен. — Что ты думаешь, тебе здесь променад на свежем воздухе?

Люк вообще остановился. Федор Мискитмен нагнул большую голову и мрачно сконцентрировал на нем взгляд. Люк спокойно стоял перед ним.

— Где твоя лопата? — спросил Федор Мискитмен.

— Не знаю, — заявил Люк. — Я здесь, на работе. Это твое дело — обеспечить меня инструментами.

Федор Мискитмен недоверчиво уставился на него.

— Ты не взял ее со склада?

— Да, — подтвердил Люк. — Я оставил ее там. Если хочешь, иди и получи...

Федор Мискитмен открыл рот. Он прорычал:

— Вон с работы!

— Как скажешь, — согласился Люк. — Ты начальник.

— И не возвращайся! — ревел Мискитмен. — Я подам на тебя рапорт еще до конца дня. Ты не получишь у меня повышения статуса, я тебе говорю!

— Статус? — Люк рассмеялся. — Пошел ты. Срежь меня до Подсобного Разнорабочего. Думаешь, я испугался? Нет. И я скажу тебе, почему. Надо кое-что сделать. А когда произойдут важные перемены, вспомни меня.

Люк Грогач, Подсобный Разнорабочий, прощался с уходящим на пенсию Додкином.

— Не благодари меня, не за что, — сказал Люк. — Я здесь по собственной воле. Хотя на самом деле это все неважно. Иди наверх, сиди на солнышке, наслаждайся воздухом.

Наконец, Додкин, со смешанным чувством радости и сожаления, проковылял последний раз мрачным переходом к мерно стучащей транспортной дорожке.

Люк остался один в камере передачи. Вокруг него почти на пределе слышимости жужжали устройства, передающие потоки информации. От задней стены шло ощущение миллиона перекликающихся реле, соединенных проводами в сложную сеть каналов передачи. Вывод из контроли-

рующей машины шел на бобину с широкой желтой лентой. Рядом скучала пишущая машинка.

Люк уселся. С чего бы начать? Свобода для нонконформистов? Начальник тоннельной группы должен носить инструменты для всей бригады? Увеличение расчетного счета для Подсобных Разнорабочих?

Люк встал на ноги и потер подбородок. Власть... должна быть тонко приложена. Как он мог бы ее использовать? Обеспечить богатый доход для себя? Да, конечно, окольными путями это будет обязательно сделано. Но что еще? Люк подумал о миллионах мужчин и женщин, живущих и работающих в Организации. Он посмотрел на пишущую машинку. Он мог вертеть их жизнью, менять их мысли, дезорганизовать Организацию. Было ли это благоразумно? Или справедливо? Или хотя бы забавно?

Люк вздохнул. Мысленным взором он видел себя стоящим на высокой террасе и обзоревающим город. Люк Грогач, председатель Совета. Возможно, полностью исполнимо. Немного времени, правильные интерполяции... Люк Грогач, Председатель Совета. Да. Это для начала. Но необходимо действовать осторожно, с величайшей деликатностью.

Люк уселся за пишущую машинку и приступил к набору своей первой интерполяции.

УБЕЖИЩЕ УЛЬВАРДА

Брухам Ульвард пригласил на ланч на своем ранчо троих друзей: Теда и Равелин Сиихо и их дочь-подростка, Юджен. После радостной встречи Ульвард предложил гостям поднос пищевых таблеток, составлявших его богатство и приносивших ему немалый доход.

— Чудесно,— сказал Тед.— Правда, слишком много. Мне хватит одной. Водоросли абсолютно волшебны.

Ульвард с улыбкой легонько взмахнул рукой.

— Они настоящие.

Равелин Сиихо, довольно приятная молодая белолицая женщина восьмидесяти или девяноста лет, добралась до таблеток.

— Мне стыдно, но я, кажется, готова съесть все. Синтетику, которую мы получаем, с трудом можно назвать водорослями.

— Это проблема,— признал Ульвард.— Однако, мы с друзьями купили маленький кусочек моря Росса и выращиваем все свое собственное.

— Спасибо,— воскликнула Равелин.— Это же ужасно дорого?!

Ульвард сжал губы.

— Хорошие вещи в жизни достаются дорого. Мне повезло, я способен чуть-чуть угостить своих друзей.

— Что я все время говорю Теду,— начала было Равелин, но запнулась, натолкнувшись на обращенный к ней острый предупреждающий взгляд мужа.

Ульвард загладил неловкость.

— Деньги — это еще не все. У меня есть плантация водорослей, мое ранчо; у вас есть ваша дочь — я уверен, вы бы не торговались.

Тед похлопал Юджен по руке.

— Когда ты заведешь собственного ребенка, ламстер¹ Ульвард?

— Время пока еще не пришло. В списке передо мной тридцать семь биллионов.

— Жаль, — с чувством сказала Равелин Сиихо. — Ведь вы можете дать ребенку так много возможностей.

— Когда-нибудь, когда-нибудь, пока я еще не слишком стар.

— Стыдно, — сказала Равелин. — Что так должно быть. Другие пятьдесят биллионов людей, как и мы, не имеют никакой собственности! — Она с восхищением оглядела комнату, которая использовалась единственно для приготовления пищи.

Ульвард, слегка наклонившись вперед, опустил руки на подлокотники кресла.

— Может быть, вам бы хотелось осмотреть ранчо? — он говорил с безразличием в голосе, переводя взгляд от одного к другому.

Юджен захлопала в ладоши, Равелин вспыхнула.

— Если это не слишком вас затруднит.

— О, нам должно понравиться, ламстер Ульвард! — крикнула Юджен.

— Я всегда хотел посмотреть на твое ранчо, — добавил Тед. — Я так много о нем слышал.

— Я должна предупредить Юджен, мне не хотелось бы, чтобы она что-нибудь натворила, — сказала Равелин. Она погрозила Юджен пальцем. — Помни, мисс Киска, обращайся со всем очень осторожно, и ничего не трогай!

— Можно, я порисую, мама?

— Тебе следует спросить ламстера Ульварда.

— Конечно, конечно, — сказал Ульвард. — Почему же нет? — Он поднялся на ноги — человек более чем среднего роста, более чем средней комплекции, с прямыми волосами песочного цвета, круглыми голубыми глазами и орли-

¹ «Ламстер» — сокращенное от «лендмастер» — землевладелец, вежливая форма обращения для бытового употребления.

ным носом. Хотя ему было триста лет, он с великим энтузиазмом заботился о своем здоровье, и выглядел даже меньше, чем на двести.

Он прошагал к двери, поглядывая на часы, тронул пульт на стене.

— Вы готовы?

— Да, мы все готовы, — сказала Равелин.

Ульвард отодвинул стену, открыв вид на лесную поляну. Прекрасный дуб рос над прудом, и его тень полностью закрывала воду. Дорожка вела через поле к лесной долине, до которой казалось не меньше мили.

— Волшебнo, — сказал Тед. — Совершенно волшебнo!

Они вышли на улицу в солнечный свет. Юджен взмахнула руками, закружившись в танце.

— Смотрите! Я совсем одна. Я здесь сама с собой!

— Юджен! — резко окрикнула Равелин. — Будь осторожна! Стой на дорожке! Это настоящая трава, и ты не должна повредить ее.

Юджен побежала вперед к пруду.

— Мама! — обернулась она. — Посмотри на эти странные маленькие прыгающие штучки! И посмотри на цветы!

— Эти животные называются «лягушки», — сказал Ульвард. — У них очень интересная история жизни. Вы видите маленьких, похожих на рыбок, созданий в воде?

— Разве они не странные! Мама, да иди же сюда!

— Их называют «головастики», и они скоро станут лягушками, такими же как те, что перед вами.

Равелин и Тед вели себя с большим достоинством, но им тоже, как и Юджен, были интересны лягушки.

— Запах свежего воздуха, — сказал Тед Равелин. — Можно подумать, мы вернулись в прежние времена.

— Это абсолютно изысканно, — ответила Равелин. — Чувствуешь себя способной удивляться снова и снова.

— Пройдите вокруг, — позвал Ульвард из-за омута. — Здесь сад камней.

Гости с благоговением воззрились на лежащие камни, покрытые красным и желтым лишайником попеременно с зеленым мхом. Из расщелины росли папоротники и несколько хрупких розеток белых цветов.

— Понюхай цветы, если хочешь, — сказал Ульвард Юджен. — Но не трогай их, они держатся довольно непрочнo.

Юджен вдохнула.

— Мммм!

— Они настоящие? — поинтересовался Тед.

— Мох — да. Эта группа папоротников и вон те маленькие суккуленты настоящие. Цветы были разработаны для меня садоводом и точно повторяют настоящие древние виды. Правда, мы слегка улучшили запах.

— Чудесно, чудесно, — сказал Тед.

— Теперь пройдем по дорожке. Нет, не оглядывайтесь, я хочу получить общий эффект... — по его лицу пробежало выражение неудовольствия.

— В чем проблема? — спросил Тед.

— Проклятая долука, — сказал Ульвард. — Слышите этот звук?

Тед начал узнавать слабый равномерный грохот, низкий и почти неслышный.

— Ага. Звуки похожи на какой-то завод.

— Он и есть. На этаж ниже. Производство ковров. Один из ткацких станков производит этот ужасный шум. Я жаловался, но они не обращают внимания... О, пусть, игнорируйте это. Теперь встаньте здесь — и посмотрите вокруг!

Его друзья задохнулись в восторге. Под этим углом открывался вид на деревенскую хижину в альпийской долине, распахнутая дверь вела в столовую Ульварда.

— Какая иллюзия расстояния! — воскликнула Равелин. — Человек может почувствовать здесь одиночество.

— Прекрасно сделано, — согласился Тед. — Я присягнул бы, что вижу десять миль до горизонта — ну, в крайнем случае пять.

— У меня здесь много места, — гордо сказал Ульвард. — Целых три четверти акра. Не хотите ли взглянуть на них при свете луны?

— О, можно?

Ульвард добрался до скрытой панели управления, и им показалось, что солнце отправилось по небу вскачь. Горячее свечение заката затопило долину. Небо, как павлин, окрашивалось в голубое, золотое, зеленое, затем настали сумерки — и из-за холма появилась поднимающаяся полная луна.

— Это совершенно волшебно, — мягко сказала Равелин. — Как вы заставляете себя выходить отсюда?

— С трудом, — признался Ульвард. — Но я могу вдоволь налюбоваться после работы. Много денег — много места.

Он тронул кнопку, луна проплыла по небу, закатилась. Появились звезды, образуя древние группы. Ульвард называл созвездия и самые яркие звезды по именам, используя для указания лазерную указку. Затем небо умылось лавандовым и лимонно-желтым, и вновь появилось солнце. Невидимые каналы посылали струю прохладного воздуха через поляну.

— Сейчас я торгуюсь за участок за этой стеной, — он махнул в сторону горной страны. Иллюзия выглядела трехмерной и реальной, благодаря пластинкам внутри панели. — Там довольно большая площадь — больше сотни квадратных футов. Естественно, хозяин хочет целое состояние.

— Я удивлен, что у него есть желание продавать, — сказал Тед. — Сто квадратных футов — это вполне реальная собственность.

— У них в семье покойник, — объяснил Ульвард. — Четырежды дедушка хозяина скончался, и временно возник избыток места.

Тед кивнул.

— Надеюсь, тебе удастся его получить.

— Я тоже надеюсь. Амбиции мои непомерны — в конечном счете, я надеюсь стать собственником целого квартала — но на это нужно время. Людям не нравится продавать земли, зато все стремятся купить.

— Не мы, — бодро сказала Равелин. — У нас есть наш маленький дом. Там мило и уютно, и мы вкладываем деньги в сторонние инвестиции.

— Мудро, — согласился Ульвард. — Великое множество людей живет стесненно. Зато, когда появляется шанс сделать реальные деньги, они вкладывают их в капитал. Я, пока не сумел наладить производство пищевых таблеток, жил в одном-единственном арендованном шкафчике. Мне было тесно, но сегодня я не жалею об этом.

Возвращаясь обратно через поляну, они задержались под дубом.

— Это моя особая гордость, — похвалился Ульвард. — Настоящий дуб!

— Настоящий? — удивленно спросил Тед. — Я полагал, это симуляция.

— Такое-то у многих есть, — сказал Ульвард. — Нет, он не поддельный.

— Юджен, пожалуйста, нарисуй это дерево. Но не трогай. Ты можешь повредить кору.

— Кору вполне можно потрогать,— позволил хозяин.

Он посмотрел вверх на ветви, затем опустил глаза к земле. Наклонился, подобрал упавший лист.

— Это росло на дереве,— сказал он.— Теперь, Юджен, я хочу, чтобы ты пошла со мной.— Он прошел к саду камней, потянул симулятор камня в сторону, открыв маленький лабораторный шкафчик.

— Смотри осторожно,— он показал ей лист.— Заметила? Сейчас он коричневый, сухой и хрупкий.

— Да, ламстер Ульвард,— Юджен вытянула шею.

— Сперва я положу его в этот раствор,— он взял с полки колбу, полную темной жидкости.— Так. Это восстановит зеленый цвет. Мы смоем лишнее и высушим его. Теперь осторожно натрем по поверхности следующей жидкостью. Заметь, он стал гибким и прочным. Еще немного раствора — мы наносим пластиковое покрытие, и вот он, настоящий дубовый листок, вполне подлинный. Это тебе.

— О, ламстер Ульвард! Большое-пребольшое спасибо! — она побежала показать листок папе и маме, которые, уничтоженные ощущением пространства, стояли возле пруда и наблюдали за лягушками.— Смотрите, что мне дал ламстер Ульвард!

— Будь с ним очень осторожна,— сказала Равелин.— Когда придем домой, мы найдем прелестный маленький ящичек, и ты сможешь положить его в свой шкафчик.

Симулятор солнца переместился в западную часть неба. Ульвард подвел гостей к солнечным часам.

— Антиквариат, древность несчетных лет. Чистый мрамор. Резался вручную. Они даже работают — вполне функциональны. Заметьте. Три пятнадцать по тени на солнечных часах...— он сравнил с наручными, прищурился на солнце.— Извините, один момент.

Он добежал до контрольной панели, подрегулировал настройку. Солнце проскочило десять градусов по небу. Ульвард вернулся, сверил солнечные часы.

— Так-то лучше. Три пятнадцать по солнцу, три пятнадцать по моим часам. Разве в наше время это не нечто?

— Это удивительно,— серьезно сказала Равелин.

— Это самая красивая вещь, которую я когда-либо видела,— чирикнула Юджен.

Равелин оглядела ранчо, задумчиво вздохнула.

— Мы терпеть не можем прощаться, но думается, нам пора возвращаться домой.

— Это был чудесный день, ламстер Ульвард, — сказал Тед. — Чудесный ланч, и мы наслаждались, осматривая твое ранчо.

— Вы должны снова приехать сюда, — пригласил Ульвард. — Я всегда рад компании.

Он провел гостей в столовую, и через гостиную-спальню к двери. Семейство Сиихо бросило последний взгляд на просторный интерьер, завернулось в мантии, обуло дорожные туфли, сделало прощальные жесты. Ульвард затворил дверь. Сиихо крутили головами, ожидая, пока в движении появится промежуток. Они еще раз махнули на прощание, натянули на головы капюшоны, шагнули в коридор.

Дорожные туфли понесли их домой, автоматически выбирая нужные повороты, скользя в нужных подъемных и спускных шахтах. Направляющие поля втиснули их в передвигающуюся толпу. Все, как и Сиихо, были в мантиях и капюшонах, мягко отражающих действия устройств, охраняющих частную собственность. Вдоль потолка коридора иллюзионные панели создавали изображения башен, поднимающихся в ярком голубом небе.

Сиихо прибыли домой. Двести лет назад они сняли угол возле стены. Если бы они вдруг проскочили, им пришлось бы сделать круг вокруг блока и попытаться войти еще раз. Когда они оказались поблизости, их дверь плавно открылась. Пригнувшись, они нырнули в отверстие входа.

Они сняли мантии и дорожные туфли, с многолетним опытом умудряясь проскальзывать друг мимо друга. Юджен ввинтилась в ванную, а дальше была комната для Теда и Равелин, где можно было сидеть. Дом был довольно мал для троих. Если бы не непомерная арендная плата, им бы совсем не помешало еще, как минимум, двенадцать квадратных футов. Но, подумывая о будущем Юджен, они предпочитали сохранить деньги.

Тед удовлетворенно вздохнул, роскошно вытянув ноги под стулом Равелин.

— В гостях хорошо, а дома лучше.

Юджен высунулась из ванной.

Равелин оглянулась.

— Время пить лекарство, дорогая.

Юджен скорчила рожицу.

— Ох, мама! Почему я должна пить таблетки? Я совсем хорошо себя чувствую.

— Это для твоей пользы, дорогая.

Юджен утрюмо взяла таблетку из автомата.

— Руни сказал, ты заставляешь нас пить таблетки, чтобы мы не росли.

Тед и Равелин переглянулись.

— Просто пей лекарство, — сказала Равелин. — И не думай о том, что говорит Руни.

— Да, не думай, если мне уже тридцать восемь, а Эрмане Бурк всего тридцать два, и у нее уже фигура, а я как доска?

— Не спорь, дорогая. Бери таблетку.

Тед подпрыгнул.

— Сюда, детеныш, садись.

Юджен запротестовала, но Тед поймал ее за руку.

— Я сяду в нише. Мне нужно немного поговорить, что я и собираюсь сделать.

Он проскользнул за Равелин, уселся в нише перед экраном связи. Иллюзион-панель позади него была заказная — Равелин, фактически, разработала ее сама. Она симулировала уютную комнатку в древнем стиле — стены, задрапированные в красный и желтый шелк, чашка с фруктами на деревенском столике, гитара на скамейке, медный чайник, кипящий на низкой печи. Панель была довольно выразительной, и когда кто-либо связывался с Сиихо, она в первую очередь бросалась в глаза. Однако, здесь хозяйская гордость Равелин отказалась себя ограничивать.

Прежде чем Тед успел сделать вызов, замигала сигнальная лампочка. Он ответил; экран показал его друга Лорена Айгле, сидящего на открытом воздухе в арочной ротонде, на фоне пейзажа с пушистыми облаками — иллюзия, которую Равелин в свое время определила как пошлую и безвкусную.

Лорен и Элме, его жена, хотели услышать о визите Сиихо на ранчо Ульварда. Тед подробно описал день.

— Простор, простор, и еще больше простора! Изоляция чистая и простая! Абсолютное одиночество! Тебе трудно даже представить это! Ощущение словно в большой иллюзион-панели.

— Мило,— согласился Лорен Айгле.— Я скажу тебе кое-что, во что трудно поверить. Сегодня я регистрировал целую планету на одного человека.— Лорен работал в Бюро Сертификации Агентства Внеземной Собственности.

Тед был озадачен и ничего не понял.

— Целую планету! Как так?

Лорен объяснил:

— Он внештатный космонавт. Ему еще немного осталось.

— Но что он собирается делать с целой планетой?

— Жить там, он подал заявку.

— Один?

Лорен кивнул.

— Я немного побеседовал с ним. Он говорит, что на Земле все очень хорошо, но он предпочитает уединение на собственной планете. Можешь ты это представить?

— Откровенно говоря, нет! Как я не могу представить также и четвертое измерение. Я был уверен, такого не бывает!

Разговор закончился, и экран погас. Тед развернулся в жене.

— Ты слышала?

Равелин кивнула: она слышала, но не прислушивалась. Она была занята изучением меню, присланного сервисной службой фирмы, которая обслуживала их стол.

— Не хочется ничего тяжелого после такого ланча. А у них опять симулированные синтетические водоросли.

Тед буркнул:

— Ничего нет лучше живой синтетики.

— Но у нас всех был изобильный ланч...

— Не беспокойся обо мне, мам! — пропела Юджен.— Я иду гулять с Руни.

— О, ты идешь? И где вы собрались гулять, могу я спросить?

— Путешествовать вокруг земли. Мы ловим семичасовой экспресс, так что мне нужно поторопиться.

— Потом прямо домой,— сказала Равелин строго.— Не гуляй больше нигде.

— Ради неба, мама, ты что, подумала, я собираюсь бежать или вроде того...

— Запомни, что я говорю, мисс Киска. Я тоже когда-то была девочкой. Ты взяла с собой лекарства?

— Да, я взяла лекарства.

Юджен вышла, Тед опять ускользнул в нишу.

— Кого ты вызываешь теперь? — спросила Равелин.

— Ламстера Ульварда. Хочу поблагодарить его за прекрасный ланч.

Равелин согласилась, что водоросли с маргарином заслуживают изъявления вежливости.

Тед позвонил, выразил благодарность, а затем, как бы подумав, к случаю упомянул о человеке, ставшем собственником целой планеты.

— Целая планета? — переспросил Ульвард. — Она, должно быть, обитаема?

— Нет, я так понял, что нет, ламстер Ульвард. Подумайте об этом! Подумайте об уединении!

— Уединение! — воскликнул Ульвард. — Мой милый мальчик, что ты называешь этим словом?

— О, естественно, ламстер Ульвард — у вас-то ведь и без того есть настоящая достопримечательность.

— Планета, должно быть, очень дикая, — рассудил Ульвард. — Занятная идея, конечно — если есть вкус к подобного рода вещам. Кто этот человек?

— Не знаю, ламстер Ульвард. Но могу узнать, если хотите.

— Нет-нет, не беспокойся. Это не слишком интересно. Просто неожиданная мысль. — Ульвард рассмеялся непристанным смехом. — Этот бедняга, наверное, живет под куполом.

— Очень даже может быть, ламстер Ульвард. Ну вот, спасибо еще раз и доброй ночи.

Космонавта звали Кеннес Майл. Он был невысокий и тощий, жесткий, как синтетическая селедка, и коричневый, как жареные дрожжи. Седые пряди волос были коротко острижены. Голубые, искренние на вид глаза смотрели остро и пристально.

Он выказал учтивый интерес к ранчо, но Ульвард решил, что постоянное употребление гостем слова «сойдет» довольно бестактно.

Когда они вернулись в дом, Ульвард предоставил гостю паузу для выражения восхищения своим дубом.

— Он абсолютно живой, ламстер Майл! Настоящее дерево, выжившее с прошлых времен! Есть ли такие же прекрасные деревья на вашей планете?

Кеннес Майл улыбнулся.

— Ламстер Ульвард, это всего-навсего маленькое деревце. Давайте присядем где-нибудь, я покажу вам фотографии.

Ульвард уже упомянул о своем интересе к приобретению внеземной собственности. Майл нисколько не скрывал, что ему нужны деньги, и дал понять, что сделка в принципе может состояться. Они сели за стол, Майл открыл кейс. Ульвард уставился на стенной экран.

— Во-первых, я покажу карту,— сказал Майл.

На стене появилась проекция мира: океаны, огромный экваториальный материк, именуемый Гайа, более мелкие Аталанта, Персефона, Алкион. Раздел описательной информации гласил:

ПЛАНЕТА МАЙЛА

ЗАЯВКА ЗАРЕГИСТРИРОВАНА И УТВЕРЖДЕНА АГЕНСТВОМ ВНЕЗЕМНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Площадь поверхности: 0,87 Земной нормы

Гравитация: 0,93 Земной нормы

Суточный оборот: 22,15 земных часа

Годовой оборот: 2,97 земных года

Атмосфера: пригодная для жизни

Климат: целебный

Вредные условия и влияния: нет

Население: 1

Майл указал точку на восточном краю Гайи.

— Я живу здесь. Пока здесь просто грубый лагерь. Мне нужны деньги, чтобы построить себе что-нибудь лучшее. Я хочу сдать в аренду один из меньших континентов, или, если вы предпочтете, участок на Гайе, скажем от Туманных Гор к западу до океана.

Ульвард с вежливой улыбкой качнул головой:

— Участок — не для меня. Я бы купил весь континент, а лучше планету целиком. Если нет возражений, вы называете вашу цену, и я выписываю чек.

Майл отвел взгляд.

— Вы еще даже не видели фотографий.

— Хорошо,— деловым тоном сказал Ульвард.— Как бы то ни было, давайте фотографии.

Майл утопил кнопку проектора. Ландшафты дикой незнакомой красоты засветились на экране. Скалистые горы и ревущие реки, заснеженные леса, рассветы над океаном и закаты в прерии, зеленые холмистые равнины, луга с брызгами цветов, берега, белые, как молоко.

— Очень приятно,— сказал Ульвард.— Вполне мило.— Он извлек чековую книжку.— Ваша цена?

Майл усмехнулся и покачал головой.

— Не об этом речь. Я хочу всего лишь сдать в аренду участок, но вы должны будете принять мои правила. Это неперемное условие.

Ульвард крепко сжал губы. Он отклонил голову в резком коротком жесте. Майл начал вставать.

— Нет-нет,— быстро сказал Ульвард.— Я просто думаю... Давайте еще раз глянем на карту.

Майл вернул карту на экран. Ульвард тщательно изучил различные континенты, спрашивая о физиографии, климате, флоре и фауне.

Наконец, он пришел к решению.

— Я арендую всю Гайю.

— Нет, ламстер Ульвард! — заявил Майл.— Я зарезервировал землю восточнее Туманных Гор и реки Калиопы. Западнее участок открыт. Он, может быть, немного меньше, чем Аталанта или Персефона, но теплее по климату.

— В западном секторе нет гор,— запротестовал Ульвард.— Только невзрачный пик Скалистый Замок.

— Не такой уж невзрачный,— не согласился Майл.— Вы также получите Холмы Пурпурной Птицы, и ниже на юге есть гора Кариаско — действующий вулкан. Что вам еще нужно?

Ульвард оглядел свое ранчо.

— Я имею обыкновение думать о большем.

— Западная Гайя — красивый большой кусок собственности.

— Ну, хорошо,— сказал Ульвард.— Каковы ваши условия?

— Раз деньги идут, я не жадный,— оживился Майл.— За двадцатилетнюю аренду двести тысяч годовых, за первые пять лет — вперед.

Ульвард попытался протестовать.

— Да это же грабеж, ламстер Майл! Это почти половина моего дохода!

Майл пожал плечами.

— Я не пытаюсь стать богачом. Я хочу построить себе домик. Это стоит денег. Если вы не можете заплатить их, я поговорю с кем-нибудь другим, кто может.

В голосе Ульварда прозвучали металлические нотки:

— Все мое ранчо здесь стоит меньше миллиона.

— Итак, или вы хотите, или не хотите, — заявил Майл. — Я перечислю мои правила, затем вы сможете все обдумать.

— Какие еще правила? — потребовал Ульвард: его лицо заметно покраснело.

— Они просты и имеют единственной целью обеспечить уединение для нас обоих. Первое, — вы должны оставаться на собственной территории. Никаких экскурсий туда-сюда по моей земле. Второе, никаких субаренд. Третье, никаких постоянных жителей, кроме вас, вашей семьи и ваших слуг. Я не хочу появления никаких артистических колоний, никакой атмосферы шумного курорта. Естественно, вы можете приглашать гостей, но они должны подчиняться тем же условиям, что и вы.

Он посмотрел на мрачное лицо Ульварда.

— Я не стараюсь быть жестким, ламстер Ульвард. Хорошие соседи строят хорошие заборы, и лучше добиться взаимопонимания сейчас, чем прибегать к грубым словам и лучевым ружьям позже.

— Позвольте мне еще раз взглянуть на фотографии, — сказал Ульвард. — Покажите Западную Гайю.

Он смотрел, тяжело вздыхая.

— Хорошо. Я согласен.

Строительная команда отбыла. Ульвард был один на Западной Гайе. Он погулял вокруг нового домика, глубоко вдохнул чистый спокойный воздух, испытывая трепет абсолютного одиночества и уединения. Домик стоит состояние, но много ли других людей на Земле — собственников (ну, пускай арендаторов) чего-нибудь, что сравнится с этим?

Он прошелся перед террасой, гордо поглядывая на мили — настоящие, несимулированные мили — ландшафта. Для постройки дома он выбрал площадку в предгорье Хребта Ульварда (так он переименовал Холмы Пурпурной Птицы). Перед ним расстилалась бесконечная золотая саванна

с отдельными сине-зелеными деревьями, позади рос высокий серый кустарник.

Внизу из расселины в камне бежал ручей, прыгая, плескаясь, неся прохладу, и вливаясь, наконец, в прелестный чистый пруд, за которым Ульвард поставил купальную кабинку из красного, зеленого и коричневого пластика. У подножия скалы и в расщелинах росли группы колючих голубых кактусов. Сочные зеленые кустарники были покрыты красными трубчатыми цветками. Узкие листья белого дерева поднимались на одном стебле с белыми шарами.

Одиночество! Реальная вещь! Нет шума заводов, нет рычания дороги в двух футах от твоей кровати. Одна рука в сторону, другая на груди: Ульвард величаво исполнял на террасе маленькую джигу триумфа. Неужели он в состоянии, он может коснуться колеса фортуны! Когда человек совершенно один, для него нет абсолютно ничего запретного!

Ульвард спустился с террасы, чтобы бросить последний перед сном взгляд на линию горизонта. Солнце садилось за горизонт в окружении пламенеющих по краям облаков. Такая чудесная глубина цвета, эти переливающиеся тона могли бы быть получены только в самой лучшей иллюзион-панели!

Он вошел в дом, порылся в пищевом шкафчике. После неторопливой еды вернулся в гостиную. Постоял, немного подумав, затем вышел на террасу, побродил вверх-вниз. Чудесно! Ночь полна звезд, горящих подобно белым масляным лампам, почти так, как он всегда себе представлял.

После десяти минут восхищения звездами, он вернулся в дом. Что теперь? Стенной экран с его ассортиментом записей. В уюте и комфорте Ульвард посмотрел недавнее представление музыкальной комедии.

Действительность роскошна, сказал он себе. Жаль, он не может немедленно пригласить друзей провести вечер, принимая во внимание неудобство длительной поездки между Планетой Майла и Землей. Однако — только три дня до того, как придет первый гость. Ее звали Эльф Интри, молодая женщина, которая была более чем дружна с Ульвардом на Земле. Когда Эльф прилетит, Ульвард мог бы повернуть к предмету, который он обдумывал пос-

ледние несколько месяцев — фактически, с тех пор, как стал первым арендатором на планете Майла.

Эльф Интри прибыла в середине дня, спустилась на планету Майла в капсуле, выгруженной из еженедельного пакетбота Экспресса Внешнего Кольца. Женщина обычно хорошего настроения, она приветствовала Ульварда, кипя от негодования.

— Что это за хам на другой стороне планеты? Я думала, ты абсолютно один здесь!

— Это просто старый Майл,— уклончиво сказал Ульвард.— Что случилось?

— Придурок на пакетботе установил мне неправильные координаты, и капсула приземлилась на пляж. Я заметила дом, а потом увидела голого мужчину. Он прыгал на веревке за какими-то кустами. Конечно, я подумала, что это ты. Я подошла и сказала: «Буу!» Ты бы слышал язык, который он использовал! — она покачала головой.— Не понимаю, почему ты допустил такого грубияна на свою планету.

Зажужжал экран связи.

— Вот и Майл,— констатировал Ульвард.— Подожди здесь. Я объясню ему, как следует разговаривать с *моими* гостями!

Вскоре он вернулся на террасу. Эльф подошла к нему, поцеловала в нос.

— Улли, ты бледный от ярости! Надеюсь, ты не растратил весь свой темперамент.

Он провел Эльф по окрестностям, показывая купальный пруд, водопад, массу камней вокруг.

— Такого эффекта не достичь на иллюзион-панели! Это настоящий камень!

— Прелестно, Улли. Очень мило. Хотя, думаю, цвет мог бы быть чуть-чуть темнее. Это на камень не похоже.

— Нет? — Ульвард оценил скалу более критически.— Но я ничего не могу с этим сделать. Как насчет уединения?

— Чудесно! Здесь так тихо, почти таинственно!

— Таинственно? — Ульвард оглядел ландшафт.— Это не ко мне.

— Ты не чувствуешь подобных вещей, Улли. Все-таки, все очень мило, если только сумеешь вытерпеть этого неприятного типа Майла так близко.

— Близко? — запротестовал Ульвард. — Он на другой стороне континента!

— Правда? — сказала Эльф. — Я полагаю, все относительно. Как долго ты рассчитываешь здесь оставаться?

— Это зависит от... Пойдем внутрь. Я хочу поговорить с тобой.

Он усадил ее в удобное кресло, принес бокал Квази-Фруктового нектара. Для себя смешал этиловый спирт, воду и несколько капель ароматизатора.

— Эльф, где ты стоишь в репродукционном списке?

Она подняла прекрасные брови, качнула головой.

— Так далеко, что я бросила считать. Пятьдесят или шестьдесят миллиардов.

— Передо мной тридцать семь миллиардов. Это одна из причин, почему я купил эту землю. Выжидание очереди, фу! Никто не остановит размножение Брухама Ульварда на его собственной планете!

Эльф поджала губки, грустно помотала головой.

— Это не дело, Улли.

— А почему нет?

— Ты не сможешь взять ребенка обратно на Землю. Список следует соблюдать.

— Правильно, но подумай о жизни здесь, в окружении детей. Столько детей, сколько хочешь! И совершенное уединение впридачу! Чего еще ты могла бы потребовать?

Эльф вздохнула.

— Ты делаешь превосходные иллюзион-панели, Улли. Но я скажу: нет. Я люблю уединение и одиночество, но думается, здесь должно быть больше людей, имеющих частную собственность.

Пакетбот Экспресса Внешнего Кольца пришел неделю спустя. Эльф поцеловала Ульварда на прощанье.

— Здесь просто изысканно, Улли. Одиночество — это так волшебно, оно повергло меня в дрожь. Это был чудесный визит, — она поднялась в капсулу. — Увидимся на Земле.

— Одну минуту, — вдруг сказал Ульвард. — Я хочу, чтобы ты захватила парочку писем от меня.

— Торопись. Осталось только двенадцать минут.

Ульвард обернулся за десять.

— Приглашения, — задыхаясь, сказал он. — Друзьям.

— Хорошо, — она чмокнула его в нос. — До свиданья, Улли.

Она захлопнула вход, капсула понеслась вверх, навстречу пакетботу.

Три недели спустя прибыли новые гости: Фробешер Уорбек, Лиорнетта Стобарт, Харрис и Хила Кейб, Тед, Равелин и Юджен Сиико, Ювенал Аквистер и его сын Руни.

Ульвард, коричневый от лежания на солнце целыми днями, приветствовал их с огромным энтузиазмом.

— Добро пожаловать в мое маленькое убежище! Чудесно видеть всех вас! Фробешер, подлец ты розовощекий! И Юджен! Красивее, чем когда-либо! Берегись, Равелин, — я положил глаз на твою дочку! Но раз здесь Руни, догадываюсь, что я вне конкуренции! Лиорнетта, чертовски рад, что ты смогла добраться! И Тед! Как я рад видеть тебя, старый перечник! Это все твоих рук дело, ты знаешь! Харрис, Хила, Ювенал — пойдете! Мы будем пить, пить, пить!

Бегая от одного к другому, пожимая руки, подгоняя медлительного Фробешера Уорбека, он проводил гостей вверх к террасе. Здесь они приступили к осмотру панорамы. Ульвард слушал их замечания, едва удерживая губы, готовые расплыться в усмешке удовлетворения.

— Волшебнo!

— Грандиозно!

— Абсолютно подлинное!

— Небо так далеко, что я просто боюсь!

— Свет солнца такой чистый!

— Настоящие вещи всегда лучше, не так ли?

Руни сказал слегка задумчиво:

— Я думал, вы на берегу, ламстер Ульвард!

— Берег? Это горная страна, Руни. Земля широко открытых просторов! Полюбуйтесь на эту равнину!

Лиорнетта Стобарт оперлась на плечо Руни.

— Не на каждой планете есть берега, Руни. Секрет счастья содержится в том, чем мы владеем.

Ульвард весело рассмеялся:

— О, у меня есть берега, и не так далеко отсюда! Там прекрасный берег — ха-ха — в пятистах милях к западу. Все шаги по владениям Ульварда.

— Мы можем поехать? — возбужденно спросила Юджен. — Мы можем поехать, ламстер Ульвард?

— Конечно можем! Ниже по склону — штаб-квартира Ульвард Аэролайнс. Мы полетим к берегу, купаться в Океане Ульварда! Но теперь отдых! После этой набитой капсулы ваши глотки должны быть сухими как бумага!

— Там было не так уж тесно, — сказала Равелин Сиихо. — Нас было только девять, — она критически обвела взглядом скалу. — Если бы это была иллюзион-панель, я сочла бы это гротеском.

— Моя дорогая Равелин! — вскричал Ульвард. — Это впечатляет! Гипнотизирует!

— Все так, — согласился Фробишер Уорбек, высокий, крепкий мужчина с белыми волосами, красными губами, доброжелательными голубыми глазами и пристальным взглядом. — А теперь, Брухам, как насчет выпивки?

— Разумеется! Тед, я тебя знаю дольше всех. Разберешься с баром? Есть алкоголь, есть вода, есть ароматизаторы. Так, вы двое, — Ульвард подозвал Руни и Юджена. — Как насчет холодного содового тоника?

— А какие здесь есть? — спросил Руни.

— Все, на все вкусы. Здесь Убежище Ульварда! У нас есть глютамин метиламила, фосфат циклопродактерола, метатиобромин-4-гликоцитроз...

Руни и Юджена высказали свои предпочтения. Ульвард принес бокалы, затем поторопился накрыть стол и собрать стулья для вечеринки. Вскоре все были устроены и расслаблялись.

Юджена шепнула что-то Равелин, которая улыбнулась и разрешающе кивнула.

— Ламстер Ульвард, помните, какой прекрасный листок дуба вы подарили Юджена?

— Да, конечно.

— Он все еще свежий и зеленый, как тогда. Ничего, если Юджена возьмет один или два листика и от этих деревьев?

— Моя дор-рогая Равелин! — прорычал Ульвард со смехом. — Пусть берет хоть целое дерево!

— О, мама! Можно...

— Юджена, не говори глупостей! — зашипел Тед. — Как мы сможем взять его домой? Где бы мы его посадили? В ванной?

— Вы с Руни поищите несколько красивых листочков, но не забредайте слишком далеко, — сказала Равелин.

— Да, мама,— она поманила Руни.— Идем, живчик. Остальные разглядывали пейзаж.

— Прекрасный вид, Ульвард,— сказал Фробишер Уорбек.— Как далеко простираются твои владения?

— На пятьсот миль к западу до океана, шестьсот к востоку до гор, тысячу сто на север и двести на юг.

Уорбек задумчиво кивнул.

— Мило. Жаль, что ты не смог получить всю планету. Тогда у тебя было бы реальное одиночество!

— Я, конечно, пытался,— сказал Ульвард.— Хозяин отказался даже рассматривать эту идею.

— Жаль.

Ульвард вынес карту.

— Однако, как вы видите, у меня есть пять вулканов, несколько великолепных рек. Горный хребет, и ниже, в дельте Синнамоны, абсолютно туманное болото.

Равелин указала на океан.

— Смотри, это Одинокий океан! Я думала, он называется океан Ульварда.

Ульвард смущено рассмеялся.

— Это только фигура речи, так сказать. Я имею право на десять миль от берега. Больше, чем любой из нас может проплыть.

— Нет здесь свободы на море, а, ламстер Ульвард? — рассмеялся Харрис Кейб.

— Почти,— признал Ульвард.

— Жаль,— сказал Фробишер Уорбек.

Хила Кейб показала на карту.

— Посмотрите на этот чудесный горный хребет! Великолепные горы! И над ними — Райские сады! Я хочу увидеть их, ламстер Ульвард.

Ульвард в затруднении покачал головой.

— Боюсь, это невозможно. Не моя собственность. Я даже не имею права сам на них посмотреть.

Гости уставились на него в удивлении.

— Но разве...

— Это неотъемлемая часть контракта с ламстером Майлом,— пояснил Ульвард.— Он остается на своей территории, я на своей. Таким образом, соблюдается наше уединение.

— Смотри,— сказала Хила Кейб Равелин.— Невообразимые Пещеры! Неужели нет никакой возможности хотя бы просто увидеть их?

Аквистер поспешно сказал:

— Прелестно сидеть здесь и просто вдыхать этот чудесный свежий воздух. Ни шума, ни толпы, ни спешки, ни суеты.

Компания пила и болтала, нежась в лучах солнца, до самого вечера. С помощью Равелин Сиихо и Хилы Кейб Ульвард приготовил простую еду из дрожжевых шариков, обработанного белка, толстых кусков хрустящих водорослей.

— Разве здесь нет животного мяса, приготовленных овощей? — удивленно спросил Уорбек.

— Я попробовал их в первый день, — сказал Ульвард. — Ужасно. Болеет целую неделю.

После обеда гости посмотрели комедийную мелодраму на стенном экране. Потом Ульвард показал им разные комнаты, и после нескольких минут смешков и хождения взад и вперед на террасе стало тихо.

На другой день Ульвард приказал гостям надеть купальники.

— Мы едем на берег, будем резвиться на солнце, резвиться в волнах океана Одиночества Ульварда!

Гости радостно погрузились в аэрокар. Ульвард провозгласил:

— Все на борт! Полный вперед!

Они полетели на запад, сначала низко над равниной, потом высоко, обозревая панораму горы Скалистого Замка.

— Высочайший пик на севере — почти десять тысяч футов высотой. Заметьте, как выдается вверх, просто представьте массу! Солидный камень? Как тебе понравилось бы скатиться с него на зад, Руни? Не слишком хорошо, а? Секундочку, мы увидим пропасть глубиной в тысячу футов сверху донизу. Вот здесь! Замечательно?

— Конечно, впечатляет, — согласился Тед.

— Как должны быть красивы Великолепные Горы! — сказал Харрис Кейб с кривой улыбкой.

— Какой они высоты, ламстер Ульвард? — поинтересовалась Лиорнетта Стобарт.

— Что? Какие?

— Великолепные Горы.

— Я не знаю точно. Кажется, тридцать или сорок тысяч футов.

— Что за чудесный обзор должен быть там! — сказал Фробишер Уорбек. — Наверно, эти показались бы предгорьем.

— Здесь тоже прекрасно, — быстро вставила Хила Кейб.

— О, естественно, — сказал Фробишер Уорбек. — чертовски приятный вид! Вы счастливый человек, Брухам!

Ульвард коротко рассмеялся и повернул аэрокар на запад. Они пролетели над лесистой равниной, и вскоре в отдалении заблестел океан Одиночества. Ульвард пошел вниз, посадил аэрокар на берегу, и компания выгрузилась.

День был теплым, жарило солнце. С океана дул свежий ветер. Вода билась в песок массой ревущих барашков.

Компания стояла, оценивая сцену. Ульвард махал руками.

— Ну, для кого это? Не ждите приглашения! В вашем распоряжении целый океан!

— Он такой грубый! Смотрите, как вода рушится вниз! — сказала Равелин.

Лиорнетта Стобарт отвернулась с кивком головы.

— На иллюзион-панели поверхность моря всегда такая мягкая. А эта волна может поднять тебя высоко вверх и дать хорошего пинка!

— Я не ожидал ничего настолько мощного, — признал Харрис Кейб.

Равелин обернулась к Юджен.

— Держись подальше, мисс Киска. Я не хочу, чтобы тебя унесло в море. Ты нашла бы, что этот океан на самом деле Одинокий!

Руни подошел к воде, прошел вброд, осторожно ступая на пласты отступавшей пены. Гребень волны обрушился на него, и он быстро отпрыгнул на берег.

— Вода холодная, — доложил он.

Ульвард разделся.

— Ну, пойдете! Я покажу вам, как это делают! — он прорысил вперед, немного задержался, затем бросился лицом в белую пену.

Компания на берегу наблюдала.

— Где он? — спросила Хила Кейб.

Юджен указала.

— Я вижу что-то вон там. Нога или рука.

— Вот он! — крикнул Тед. — Уфф! Кто-нибудь, поймайте его. Кажется, некоторые люди называют это спортом...

Ульвард встал на ноги, махнул из отступающей воды.
— Ах! Круто! Бодрит! Тед! Харрис! Ювенал! Давайте сюда! Харрис покачал головой.

— Не думаю, что я попытаюсь сегодня, Брухам.

— Я тоже в следующий раз, — сказал Ювенал Аквистер. — Возможно, это не будет так резко.

— Но вас мы не останавливаем, — выдал Тед. — Плавайте сколько хотите. Мы подождем здесь.

— О, мне уже достаточно, — сказал Ульвард. — Извините, я пока переоденусь.

Когда Ульвард вернулся, он обнаружил гостей, сидящих в аэроаре.

— Привет! Все готовы лететь?

— На солнце жарко, — заметила Лиорнетта. — Мы подумали, что лучше насладимся видами из окна.

— Когда смотришь сквозь стекло, почти как иллюзион-панель, — сказала Юджен.

— О, я вижу. Что ж, возможно, вы готовы посетить другие части владения Ульварда?

Предложение встретили с одобрением. Ульвард поднял аэроар в воздух.

— Мы можем полететь на север над сосновым лесом, на юг над горой Кариаско, которая, к сожалению, не извергается прямо сейчас.

— Где вам нравится, ламстер Ульвард, — сказал Фробиндер Уорбек. — Не сомневаюсь, это все прекрасно.

Ульвард прикинул разнообразные развлечения в его владениях.

— Хорошо, тогда сначала Синнамонское болото.

Они летали в течение двух часов — над болотом, через дымящий кратер горы Кариаско, на восток к краю Туманных Гор, вдоль реки Калиопы до ее истока из озера Золотого Листа. Ульвард показывал достойные внимания виды, интересные перспективы. Ропот восхищения позади него уменьшался и, наконец, затих.

— Хватит? — весело бросил Ульвард. — Мы не можем осмотреть и половину континента за один день! Давайте оставим немного на завтра?

На мгновение все замерли. Затем Лиорнетта Стобарт сказала:

— Ламстер Ульвард, мы просто готовы умереть за пик Великолепных Гор. Я удивлена, неужели вы считаете, что

мы не можем просто бросить на них взгляд? Я уверена, ламстер Майл в действительности не это имел в виду.

Ульвард с застывшей улыбкой покачал головой.

— Он заключил со мной соглашение на вполне определенных условиях. У меня уже один раз были трения с ним.

— Как он сможет это обнаружить? — спросил Ювенал Аквистер.

— Он, может быть, и не найдет нас, но... — сказал Ульвард.

— Ему должно быть стыдно запирасть вас на этом бесцветном маленьком полуострове! — с негодованием сказал Фробишер Уорбек.

— Пожалуйста, ламстер Ульвард, — выпрашивала Юджен.

— Ох, ну ладно, — отважно сказал Ульвард.

Он повернул аэрокар на восток. Туманные горы пропали под ними. Компания прилипла к окнам, расхваливая чудеса запретного ландшафта.

— Как далеко до Великолепных Гор? — спросил Тед.

— Недалеко. Около тысячи миль.

— Почему вы прижимаетесь к земле? — спросил Фробишер Уорбек. — Выше в воздух, смелее! Давайте смотреть панораму!

Ульвард помедлил. Майл, может быть, спит. И, если как следует подумать, он действительно не имеет права запрещать невинную мелочь...

— Ламстер Ульвард, — позвал Руни. — Там аэрокар, справа за нами.

Аэрокар нарисовался метров на двадцать выше. Голубые глаза Кеннеса Майла встретили взгляд Ульварда через пустоту. Он послал Ульварда вниз.

Ульвард сжал зубы, идя на снижение. Сзади раздался ропот сочувствия и возмущения.

Под ними был темный сосновый лес. Ульвард приземлился на довольно маленькой полянке. Майл сел поблизости, прыгнул на землю, подзывая его. Двое мужчин отошли в сторону. Гости дружно перешептывались и качали головами.

Ульвард вскоре вернулся в аэрокар.

— Зайдите, пожалуйста, все, — сказал он кисло.

Они поднялись в воздух и полетели на запад.

— Что этот парень сказал тебе? — спросил Уорбек.

Ульвард пожевал губами.

— Не очень много. Хотел знать, не собираюсь ли я повернуть. Я сказал ему пару слов. Достигли взаимопонимания... — Его голос сел, затем поднялся во взрыве бодрости. — Мы продолжим вечеринку в домике. Что нам за дело до Майла и его дурацких гор?

— Вот это умно, Брухам! — крикнул Фробишер Уорбек.

Тед и Ульвард весь вечер вдвоем занимались баром. То один, то другой смешивали в коктейли гораздо больше алкоголя и гораздо меньше эссенций, чем рекомендуется. В результате, компания стала совсем громкой и веселой. Ульвард проклинал майловские палки в колеса, Уорбек перебирал общее право за последние шесть тысяч лет в попытке доказать, что Майл властный тиран, женщины хихикали, Юджен и Руни цинично смотрели на все, и вскоре куда-то ушли.

Утром компания встала поздно. Ульвард, шатаясь, вышел на террасу, пытаясь связать утро и вечер. Юджен и Руни где-то потерялись.

— Юный негодник, — стонал Уорбек. — Если они опоздают, им придется самим добираться обратно.

После полудня беглецы вернулись на ульвардовском аэрокаре.

— Милостивое небо, — прошипела Равелин. — Юджен, иди сюда сейчас же! Где ты была?

Ювенал Аквистер строго взирал на Руни.

— Где были твои мозги, когда ты брал аэрокар Ульварда без его разрешения?

— Я спрашивал его прошлой ночью, — оскорбленно заявил Руни. — Он сказал, берите все, кроме вулкана, потому что он там спит, когда у него ноги замерзнут, и болота, потому что он утопил там пустые контейнеры.

— Бесчувственный, — с отвращением сказал Ювенал. — Ты бы лучше совесть поимел. Где вы были?

Руни замялся. Юджен сказала:

— Ну, мы полетели на юг до берега, затем повернули и пошли на восток — я думаю, это был восток. Мы думали, если мы полетим низко, ламстер Майл нас не увидит. Так мы летели низко, через горы, и довольно скоро были

у океана. Мы пошли вдоль берега и добрались до домика. Мы приземлились посмотреть, кто там живет, но никого не было дома.

Ульвард издал стон.

— Что, интересно, можно делать с птицами в клетке? — спросил Руни.

— Птицами? Какими птицами? Где?

— У дома. Там в клетке было много больших птиц, но они как-то освободились, пока мы на них смотрели, и все улетели прочь.

— Во всяком случае, — продолжала Юджен живо, — мы решили, что это был дом ламстера Майла, так что мы написали записку, рассказали, что все о нем думают, и прикололи к двери.

Ульвард потер лоб.

— Это все?

— Да, практически все, — Юджен застеснялась. Она посмотрела на Руни, и оба нервно хихикнули.

— Еще что-то? — закричал Ульвард. — Что, во имя неба?

— Ничего особенного, — сказала Юджен, на цыпочках двигаясь к краю террасы. — Мы поставили над дверью ловушку — просто ведро с водой. И полетели домой.

Из домика раздался сигнал связи. Все посмотрели на Ульварда. Он тяжело вздохнул, поднялся на ноги и пошел в дом.

Ближе к вечеру пакетбот Экспресса Внешнего Кольца открыл для приема соединительный порт. Фробишер Уорбек вдруг резко засомневался, прав ли он, пренебрегая тем, что его дела страдают, пока он ради удовольствия задерживается вдали от дома.

— Но мой дорогой старый перечник! — воскликнул Ульвард. — Тебе полезно расслабиться!

— Правильно, — согласился Фробишер Уорбек. — Для того, кто не имеет понятия о возможности краха из-за беспечности подчиненных. — Он объяснил, что очень сильно сожалеет о такой необходимости, но, несмотря на свою склонность медлить, нашел в себе силы уехать — и ни минуты позже, чем сейчас.

Несколько человек также вспомнили о важных делах, за которыми обязаны проследить; остальные нашли, что

было бы стыдно и неэкономно посылать капсулу полупустой, и тоже решили вернуться.

Аргументы Ульварда встречали непробиваемые стены упорства. Довольно мрачно он спустился к капсуле попрощаться с гостями. Когда все взошли, то выразили свою особую благодарность:

— Брухам, это было абсолютно чудесно!

— Тебе никогда не узнать, как мы наслаждались этой прогулкой, ламстер Ульвард!

— Воздух, простор, одиночество — я никогда не забуду!

— Это было намного большим, чем можно сказать.

Вход закрылся. Ульвард стоял, довольно вяло махая.

Тед Сиихо потянулся нажать пусковую кнопку. Ульвард прыгнул вперед и застучал по люку.

— Подождите! — взревел он. — Есть несколько вещей, которые я должен сделать. Я еду с вами!

— Входите, входите, — сердечно говорил Ульвард, открывая дверь троим друзьям: Кобле и его жене Юлии Сансон, и юной, симпатичной кузине Кобле Ландине. — Рад вас видеть!

— И мы рады приехать! Мы так много слышали о твоём чудесном ранчо, что были просто на иголках и в нетерпении весь день!

— Ох, да заходите же! Здесь нет ничего волшебного!

— Возможно, нет для вас — вы здесь живете!

Ульвард улыбался.

— Да, должен сказать, я живу здесь, и пока мне это нравится. Не хотите ли приступить к ланчу, или, возможно, вы предпочтете несколько минут погулять вокруг? Я только что закончил небольшие изменения, но счастлив сказать, что уже все в порядке.

— Можно, мы сначала посмотрим?

— Конечно. Выход вот. Пока стоим так. Теперь — вы готовы?

— Готовы.

Ульвард щелкнул раздвижателем стен.

— О-о! — выдохнула Ландина. — Это прекрасно!

— Простор, открытость чувств!

— Смотри, дерево! Что за чудесная симуляция!

— Это не симуляция, — сказал Ульвард. — Это настоящее дерево!

— Ламстер Ульвард, вы говорите правду?

— Конечно, да. Я никогда не лгу прелестным юным леди. Пойдемте по этой тропе.

— Ламстер Ульвард, эта скала такая убедительная, она пугает меня.

Ульвард ухмыльнулся.

— Это хорошая работа. Теперь — обернитесь.

Гости повернулись. Они смотрели на огромную золотую саванну с отдельными сине-зелеными деревьями. Над панорамой царил деревенский домик, дверь открывалась в гостиную Ульварда.

Группа стояла в безмолвном восхищении. Потом Юлия вздохнула.

— Простор. Настоящий простор.

— Могу присягнуть, я вижу целые мили, — сказал Кoble.

Ульвард улыбался, чуть-чуть задумчиво.

— Рад, что вам понравилось мое маленькое убежище. Как насчет ланча? Настоящие водоросли!

ПЫЛЬ ДАЛЕКИХ СОЛНЦ

1

Генри Белт, прихрамывая, вошел в конференц-зал, поднялся на кафедру и удобно устроился за столом. Он быстро оглядел помещение и, не задержавшись ни на чем, обратился к сидящей напротив восьмерке молодых людей. Молодежь выглядела несколько оскорбленной его равнодушием. Он покопался в кармане, извлек карандаш и тонкую красную книжку, положил на стол. Восемь молодых людей следили за ним в полном молчании. Они казались очень похожими друг на друга: сильные, с одинаковым выражением бдительности и осторожности на энергичных лицах. Каждый слышал легенды о Генри Белте, у каждого были собственные планы и собственный путь.

Генри Белт был совсем другого сорта. На его плоском, открытом лице выдавались кости и мускулы. Цвет и текстура кожи напоминала копченую свиную грудинку. Череп покрывали серые, с сединой, жесткие волосы, глаза казались хитрыми щелками, нос — уродливым комком.

— Прежде всего, — возвестил Генри Белт, оскалившись, что означало усмешку. — Объясняю, что я и не ожидал, что вы хоть в чем-то будете похожими на меня. Если вы доберетесь до финиша, я буду удивлен и раздосадован. Это будет означать, что я задал вам слишком мало проблем.

Он откинулся в кресле, оглядел молчащую группу.

— Вы все наслушались историй обо мне. Почему меня не поперли со службы? Неисправимый, высокомерный, опасный Генри Белт. Пьяница Генри Белт. Последнее, разумеется, клевета. Генри Белт никогда в жизни не был пьяницей. Почему меня терпят? По одной очень простой причине: незаменимость. Нет желающих заняться моей работой. Только люди, подобные Генри Белту, могут за это взяться: год за годом в космосе, ничего не видя, теряя юных круглолицых парней. Он брал их с собой, но приводил обратно не всех. И не все из вернувшихся сегодня летают. Но любой, встретив его, перейдет на другую сторону улицы. Генри Белт, говорите? Кто побледнеет, кто покраснеет как рак. И никто не улыбнется. Некоторые сейчас на высоких постах. У них хватает власти выгнать меня отсюда. Спросите их, почему они этого не делают. Генри Белт — это ужас, скажут они вам. Он злодей, он тиран. Жестокий как топор, ветреный как женщина. Но поход с Генри Белтом сдувает пену с пива. Он сломал многих, он кого-то убил, но те, кто вернулись, с гордостью говорят «Я ходил с Генри Белтом»!

— Вы могли слышать еще одну вещь: Генри Белт удачлив. Не обращайтесь внимания. Удача переменчива. Вы — мой тринадцатый класс, и это уже неудачно. Двенадцать раз я возвращался. На моем счету семьдесят два салажонка, таких же, как вы. Странствие, в среднем, длится около двух лет — кто выдержит это? Есть только один: Генри Белт. Я провел в космосе больше времени, чем иной человек живет, и теперь открываю вам секрет: это — мой последний поход. Я начал просыпаться по ночам от странных снов. После этого выпуска я уйду. Надеюсь, вы парни не суеверные. Слепая гадалка предсказала, что я умру в космосе. Она предсказала мне много разных вещей, и все совершенно точно сбылось. Нам придется хорошо узнать друг друга. И вы будете удивляться, на основе чего я составляю рекомендации? Объективен ли я и честен? Отбрасываю ли личную неприязнь? Естественно, между нами не может быть никакой дружбы. Итак, вот моя система. У меня есть красная книжка. Вот она. Я запишу ваши имена сверху вниз и слева направо. Вы, сэр?

— Я кадет Левис Линч, сэр.

- Вы?
- Эдвард Кульпеппер, сэр.
- Маркус Верона, сэр.
- Видал Веске, сэр.
- Марвин Мак-Грас, сэр.
- Барри Острандер, сэр.
- Клайд фон Глюк, сэр.
- Йозеф Саттон, сэр.

Генри Белт занес имена в красную книжку.

— Вот система. Когда вы чем-нибудь досаждаете мне, я проставляю вам недостатки. В конце похода я обобщаю все эти пункты, случайным образом добавляю несколько штук и вывожу результат. Я уверен, ничего более честного просто не может быть. Что мне досаждает? Ах, это очень сложный вопрос. Если вы слишком много болтаете — недостаток. Угрюмо молчите — недостаток. Если вы медлительны и ленивы, и филоните на дежурстве — недостаток. Если вы слишком ретивы и постоянно торопитесь — недостаток. Подхалимаж — недостаток. Жестокость — недостаток. Любите петь и свистеть — недостаток. Если вы тупо, жестоко скучны — недостаток. Несложно заметить, как трудно нарисовать одну линию. Это вам намек, которым можно охранить себя от многих отметок. Я не люблю сплетников, особенно если речь идет обо мне. Я очень чувствительный человек, и всегда открываю мою красную книжку, когда мне кажется, что меня оскорбили.

Генри Белт снова откинулся в кресле.

— Вопросы?

Все молчали.

— Благоразумно, — заметил Генри Белт. — Не стоит щеголять независимостью в начале игры. Отвечаю на мысль, которая крутится у вас в головах: я не считаю себя богом. Но вы можете так считать, если хотите. И на это... — он поднял красную книжку, — вы можете молиться как на Краткий Курс Синкретики. Вот так. Вопросы?

— Да, сэр. — сказал Кульпеппер.

— Говорите, сэр.

— Есть возражения против алкогольных напитков на борту корабля, сэр?

— Для кадетов — разумеется, да. Я допускаю, что вода обязана быть всегда, что органические добавки можно подменить, но, увы, бутылки слишком много весят.

— Я понял, сэр.

Генри Белт встал.

— Последнее слово. Упоминал ли я, что считаю спяянной командой? Когда я говорю прыгать, я ожидаю от каждого из вас прыжка. Конечно, эта работа опасна. Я не гарантирую вам безопасность. Скорее наоборот, особенно, когда мы в свои 25 лет понимаем, как давно нам надлежало состариться. Здесь вас восемь. Только шестеро кадетов пойдут в поход. До конца недели я сделаю соответствующие объявления. Больше вопросов нет?.. Ну что ж. Дерзайте! — Хромая, словно у него была повреждена нога, Генри Белт удалился в коридор позади кафедры.

Секунду или две в стояла тишина. Потом фон Глюк сказал:

— Благодарю вас.

— Да он просто какой-то маниакальный тиран, — проворчал Веске. — Такого я еще никогда не слышал. Мегаломания!

— Легче, — сказал Кульпеппер. — Помни, не стоит болтать.

— Вах! — хмыкнул Мак-Грас. — Здесь свободная страна. Я имею право говорить все, что хочу.

Веске поднялся на ноги.

— Удивительно, что до сих пор никто не убил его.

— Я не хотел бы пытаться это сделать, — сказал Кульпеппер. — Он выглядит крепким. — Он неопределенно махнул рукой и встал, задумчиво наморщив лоб. Потом вошел в коридор, ведущий в апартаменты Белта. Здесь, прижавшись к стене, стоял сам Генри Белт.

— Да, сэр, — ласково произнес Кульпеппер. — Я забыл спросить, когда вы хотели собрать нас снова?

Генри Белт вернулся на кафедру.

— Можно прямо сейчас. — Он опустился в кресло, открыл красную книжку. — Вы, мистер фон Глюк, сказали «Благодарю вас» в оскорбительном тоне. Один недостаток. Вы, мистер Веске, употребили термины «маниакальный тиран» и «мегаломания» в отношении моей персоны. Три пункта. Мистер Мак-Грас, вы заметили, что свобода слова есть официальная доктрина этой страны. Это теория, обсуждать справедливость которой у нас сейчас нет

времени, но я уверен, что в данном контексте эта установка звучит нотой непослушания. И один пункт, мистер Кульпеппер, вы раздражили меня своей хладнокровной любезностью. Я предпочел бы увидеть неуверенность или даже замешательство.

— Извиняюсь, сэр.

— Однако, вы нашли случай напомнить вашим коллегам мое правило, так что я не стану проставлять вам минус.

— Спасибо, сэр.

Генри Белт развалился в кресле, разглядывая потолок.

— Слушайте внимательно, так как я повторяться не стану. Записывайте, если хотите. Заголовок: Солнечные парусные корабли, Теория и практика. Материал, с которым вы уже хорошо знакомы, но который я повторю, чтобы не допустить неверного толкования.

Во-первых, зачем мучиться с парусом, когда корабли с ядерным двигателем быстрее, более надежны, более управляемы, безопасны и просты для навигации? В ответе три пункта. Первый: парусное судно — это неплохой способ двигаться через космос с тяжелым грузом медленно, но дешево. Второй: размер паруса не ограничен, для начального толчка мы применяем механическое давление света, и далее — не нужно нести ни двигающую вперед технику, ни извергающееся вещество, ни источник энергии. Солнечный парусный корабль — более крупный лихтер, чем его ядерно-силовой дубликат, и может нести больше людей в большем корпусе. Третий: для тренировки будущего космонавта нет лучшего способа, чем управление парусным кораблем. Естественно, наклон паруса и курс вычисляет компьютер; фактически, без него мы были бы мертвыми пташками. Тем не менее, контроль за парусником позволяет прочувствовать накоротке работу с элементами космоса: светом, гравитацией, массой, пространством.

Существует два типа парусных судов: простые и составные. Первые рассчитаны только на солнечную энергию, вторые несут вторичный источник энергии. Назначенный нам № 25 — первого типа. Он состоит из корпуса, большого параболического отражателя — который одновременно служит радаром, радиоантенной и отражателем для силового генератора — и собственно паруса. Давление излучения, конечно, крайне слабое, порядка унции на акр на

этом расстоянии от солнца. Необходимо, чтобы парус был максимально большим и максимально освещенным. Мы используем флюоро-силиконовую пленку толщиной в десятую долю миллиметра, покрытую литием до состояния непрозрачности. Слой лития имеет в толщину тысячу две-сти молекул. Такая фольга весит около четырех тонн на квадратную милю. Она крепится к ободу тонкостенной трубы, от которой к корпусу идут монокристаллические железные опоры.

Мы стараемся достичь давления в шесть тонн на квадратную милю, которое дает ускорение между $1/100\text{ g}$ и $1/1000\text{ g}$, зависящее непосредственно от расстояния до солнца, угла наклона, орбитальной скорости, альбеда поверхности. Эти ускорения кажутся незначительными, но расчет показывает их гигантский кумулятивный эффект. $1/100\text{ g}$ приносит возрастание скорости на 800 миль в час за час, 18 000 миль в час за день, или пять миль в секунду за день. Из этого вытекает рыночная стоимость межпланетных расстояний — включая собственно управление кораблем, о чем мне тяжело, но необходимо сказать.

Достоинства парусника я упомянул. Он дешевле в постройке и легче в управлении. Он не требует ни топлива, ни двигателя. Когда он идет сквозь космос, большая площадь паруса захватывает различные ионы, которые могут быть собраны в мощную плазменную струю параболическим отражателем, что еще увеличивает ускорение.

Невыгодным парус становится на глайдерах, или прогулочных кораблях, на них мы должны использовать природное топливо для точности и тонкости.

На размер паруса особенных ограничений нет. На Двадцать пятом мы используем около четырех квадратных миль. Для предстоящего похода мы установим новый парус, так как старый износился и пострадал от эрозии. На сегодня все.

Закончив, Генри Белт тут же спрыгнул с кафедры и исчез в коридоре. На этот раз комментарии не последовало.

2

Восемь кадетов жили в общежитии, вместе посещали класс, ели за одним столом в кают-компании. В различ-

ных мастерских и лабораториях они собирали, разбирали и снова собирали компьютеры, насосы, генераторы, гироскопы, навигационные системы, оборудование для связи.

— Мало просто иметь искусные руки, — вещал Генри Белт. — Недостаточно ловкости. Важнее знание полнейшего набора всяческих запчастей, творчество, способность успешно импровизировать. Вас ждет проверочный тест.

И вот каждый из кадетов был приглашен в комнату, на полу которой были свалены в одну кучу корпуса, провода, разъемы, микросхемы, компоненты различных систем механизмов.

— Тест рассчитан на двадцать шесть часов, — объявил Генри Белт. — Каждому из вас нужно определить принадлежность этих частей и соединений. Обмена запчастями или информацией между вами не будет. Те, кого я в этом заподозрю, покинут класс навсегда. Итак, я хочу, чтобы вы построили, во-первых, стандартный компьютер Анимекс Марк-9. Во-вторых, сервомеханизм для ориентации массы в десять килограмм до Мю Геркулеса. Почему Мю Геркулеса?

— Потому что, сэр, солнечная система движется в направлении Мю Геркулеса, и здесь мы можем не учитывать ошибку параллакса. Может быть, это легкомысленно, сэр.

— Финальный комментарий — верх легкомысленности, мистер Мак-Грас, и служит только для отвлечения внимания от тех, кто пытается делать осторожные записи моих инструкций. Один пункт.

— Извините, сэр. Я только хотел показать, что я знаю, что для многих практических целей нет необходимости в такой степени аккуратности.

— Идея, что не следует быть тупым исполнителем, кадет, довольно банальна. Я ценю точность и краткость.

— Да, сэр.

— В-третьих, из этих материалов следует собрать систему связи, рассчитанную на одну сотню ватт, которая позволит осуществить разговор между базой Тихо и Фобосом, на тех частотах, которые вы посчитаете подходящими.

Начали все одинаково: сортировка материалов, затем калибровка и проверка тестовых инструментов. Дальше

пути разошлись. Кульпеппер и фон Глюк, решившие, что это тест частично на механическую изобретательность, частично на божественное озарение, провалились, стараясь сразу же продвинуться в каждом проекте насколько будет возможно. В результате некоторые необходимые компоненты оказались среди «лишних» запасных частей. Мак-Грас и Веске, начавшие с компьютера, вскоре дошли до бешенства и начали действовать наудачу. Линч и Саттон упрямо возились с компьютером, Верона с системой связи.

Кульпеппер в одиночку взялся комплектовать один из приборов. Распилив, очистив и скрепив вместе секции из двух разбитых кристаллов, он получил грубый, неэффективный, но работоспособный экземпляр мазера.

На другой день после теста из общежития исчезли Мак-Грас и Веске. Никто не знал, по своей ли воле или по указанию Генри Белта.

Тест был пройден, настал уик-энд. Увлечшийся коктейлями кадет Линч обнаружил себя разговаривающим с подполковником Тренчардом, который сочувствующе качал головой, услышав, что Линч тренируется у Генри Белта.

— Я сам ходил со Старым Кошмаром. Скажу тебе, просто чудо, что мы все же вернулись. Белт был пьян две трети похода.

— Как он избежал военного суда? — спросил Линч.

— Очень просто. Оказывается, все высокопоставленные люди обычно проходят тренинг под Генри Белтом. Естественно, они ненавидят его с потрохами, но надеются, что однажды какой-нибудь кадет отправит его на ту сторону.

— Кто-нибудь пытался?

— О да. Я однажды толкнул Генри. И удачно отделался сломанной шеей. Если ты вернешься живым, у тебя будет хороший шанс забраться наверх.

На следующий вечер Генри Белт произнес речь.

— Утром следующего вторника мы выходим. Поход займет несколько месяцев.

Во вторник утром кадеты расселись по местам в лихтере. Вскоре появился Генри Белт. Пилот пробубнил для отбывающих:

— Пристегните ремни. Отсчет...

Реактивные струи ударили в землю, лихтер взлетел и пошел рисовать полосу в небе. Часом позже пилот показал:

— Вон ваш корабль. Старина Двадцать пятый. И Тридцать девятый рядом с ним, справа, только что из космоса.

Генри Белт в ужасе уставился в иллюминатор.

— Что сделали с кораблем? Разрисовали? Красный? Белый? Желтый? Шахматная доска!

— Благодарите одного кретина из наземных придурков,— сказал пилот.— Пришел приказ приготовить старый корабль для пирушки конгрессменов.

Генри Белт повернулся к кадетам.

— Полюбуйтесь на этот идиотизм. Вот результат тщеславия и невежества. Нам придется несколько дней заниматься уничтожением всей этой красоты.

Они легли в дрейф под двумя парусниками: Тридцать девятый только что спускавшийся из космоса, стройный и изящный, рядом с разукрашенным корпусом Двадцать пятого. Группа людей уже ждала в выходном отсеке Тридцать девятого, они болтались в скафандрах на концах страховочных фалов.

— Обратите внимание на этих людей,— сказал Генри Белт.— Они веселятся. Они совершили приятное путешествие вокруг планеты Марс. Их плохо учили. Когда вы, джентльмены, вернетесь, вы будете тощими, отчаянными и хорошо тренированными головорезами. Теперь, джентльмены, присоедините ваши шлемы, и мы начнем.

Шлемы были укреплены. Голос Генри Белта доносился по радио:

— Линч, Острандер останутся здесь разгружать груз. Верона, Кульпеппер, фон Глюк, Саттон, прыгайте с веревками к кораблю; перехватывайте груз, загружайте его в нужные отсеки.

Генри Белт взял комплект своего личного груза, который состоял из нескольких больших чемоданов. Он вытащил их в космос, выстроил в линию, пихнул в сторону Двадцать пятого, прыгнул следом. Затем, втащив себя и кейсы в приемный порт, растворился в нем.

Разгрузка шла успешно. Тридцать девять контейнеров были доставлены к Двадцать пятому и пустыми отброшены к Земле.

Когда груз был переправлен, кадеты собрались в кают-компании перед Генри Белтом.

— Джентльмены, как вам нравится окружение? А, мистер Кульпеппер?

— Корпус вместительный, сэр. Обзор великолепен. Генри Белт кивнул.

— Мистер Линч? Ваши впечатления?

— Боюсь, я не могу в них разобраться, сэр.

— Вижу. Вы, мистер Саттон?

— Космос больше, чем я себе представлял, сэр.

— Верно. Космос непредставим. Хороший космонавт либо должен быть больше космоса, либо игнорировать его. И то и другое трудно. Итак, джентльмены, я сделаю несколько комментариев, затем удалюсь, и — счастливого похода. Так как я выхожу в последний раз, я собираюсь ничего не делать. Управление кораблем будет полностью в ваших руках. С меня будет довольно время от времени появляться, благосклонно сиять или, увы! — делать пометки в моей красной книжке. Формально я — в команде, но ваша шестерка может наслаждаться полным контролем над кораблем. Если вы невредимыми вернетесь на Землю, я сделаю одобрительную запись в моей красной книжке. Если вы разобьетесь или впилитесь в солнце, вы будете несчастливей меня, так как мне предсказали умереть в космосе, и я на это рассчитываю. Мистер фон Глюк, не вижу ли я тонкой улыбки на вашем лице?

— Нет, сэр, это чистой воды усмешка.

— Могу я спросить, что смешного в концепции моей кончины?

— Это будет величайшая трагедия, сэр. Я просто отражаю современную точку зрения. Это не исключение суеверий, но, позвольте сказать, осуждение веры в существование души.

Генри Белт сделал пометку в красной книжке.

— Я уверен, что не знаком ни с чем, обозначаемым этим варварским жаргоном, мистер фон Глюк. Ясно, что вы вообразили себя философом и диалектиком. Я не поставил бы вам это в вину, если бы вы не допустили высокомерной ноты злорадства и нахальства, к которым я экстремально чувствителен. Особенно сейчас, как упорствующий в суеверии. Вера в разум как в единственный источник и мерило абсолютного знания только истощает

ум. Гамлет говорил об этом Горацио, как я припоминаю, в хорошо известном труде Вильяма Шекспира. Я кажусь себе странным и ужасающим зрелищем. Это галлюцинации? Это манипуляции ума над душой или ума над самим собой — или что-то еще? Я не знаю. Поэтому я советую быть более гибким по отношению к материям, о которых истина до сих пор неизвестна. И вот почему: столкновение с необъяснимым опытом может разрушить разум, который слишком хрупок. Я достаточно ясно выразился?

— Несомненно, сэр.

— Очень хорошо. Тогда вернемся к тому, о чем я говорил. Мы установим систему вахт, так, чтобы каждый человек работал в контакте с каждым из остальных пяти. Этим я надеюсь не допустить возникновения дружбы по парам или партиям.

Вы должны изучить корабль. Корпус представляет собой слоеный бутерброд из литий-бериллия, изолирующей пены, волокна и внутренней обшивки. Очень легкий, он противостоит давлению воздуха лучше, чем любые изначально крепкие материалы. У нас, однако, хватит места, чтобы вытянуть ноги и жить в одиночестве.

Капитанская каюта налево. Никакие обстоятельства никому не дают пропуска в мои апартаменты. Если вы хотите мне что-то сказать, постучите в дверь. Если я открыл, хорошо. Если не открываю, убирайтесь прочь. Справа шесть кают, которые вы сейчас по жребии распределите между собой.

В вашем расписании два часа учебы, четыре часа на вахту, шесть свободных. Я не буду особенно требовательным, но замечу, что вы поступите хорошо, используя это время по назначению.

Наша цель — Марс. Скоро мы соберем новый парус, затем, хотя орбитальная скорость возрастет, вы будете проверять и тестировать все оборудование на борту. Каждый из вас рассчитает наклон паруса и курс, и вы сами будете решать любые проблемы, если они появятся. Я руки не приложу к навигации. Но я бы предпочел, чтобы вы не впутали меня в катастрофу. Если что-то такое случится, я буду выставять пункты по личной ответственности каждого.

Пение, свист, жужжание запрещены. Я не одобряю страх или истерию, и буду их отмечать. Никто не умирает дважды.

ды, мы все знаем о рискованности избранного нами занятия. Здесь практически не будет шуток. Драться вы можете, пока мне это не надоест или вы не сломаете какой-нибудь инструмент. Однако я советую избегать драк, так как из-за них возникают обиды. Я знал кадетов, поубивавших один другого. В личных отношениях лучше сохранять хладнокровие и отстраненность. Пользуйтесь проектором микрофильмов, если, конечно, он у вас есть. Вы не можете использовать радио, кроме как для отправки или получения сообщений. На самом деле, я отказался от радио, это моя практика. Неважно, тонем мы или находимся на плаву, мы должны рассчитывать только на наши собственные ресурсы. Есть вопросы?.. очень хорошо. Вы найдете, что если вы все будете держать себя предельно корректно и аккуратно, у нас будет шанс вернуться целыми и невредимыми, с минимумом повреждений и без несчастных случаев. Я много говорю, однако в двенадцати предыдущих походах неприятности случались. Сейчас вы выберете каюты, разберетесь с одеждой. Завтра грузовик доставит новый парус, и вы начнете работать.

3

Грузовик выгрузил огромную связку трехдюймовых труб со стенками толщиной в бумажный лист из лития, укрепленного бериллием и усиленного волокном монокристаллического железа, общей длиной в восемь миль. Кадеты подогнали трубы конец к концу, закрепили соединения. Когда труба протянулась на четверть мили, ее согнули наподобие лука натянутым между двумя концами шнуром и стали добавлять секции дальше. Процесс шел, свободный конец закруглялся, поворачивая обратно к корпусу. Когда последняя труба заняла свое место, ее соединили с первой, образовав гигантский обруч в две с половиной мили диаметром.

Генри Белт влез по этому поводу в скафандр, посмотрел и выдал несколько слов саркастического комментария, на который кадеты не обратили внимания. Их настроение изменилось: было весело парить в невесомости выше яркого, размеченного облаками глобуса с континентами и океанами, неторопливо поворачивающегося вниз. Все казалось возможным, даже учебный поход с Генри Белтом!

Когда он проверял их работу, все переглядывались со снисходительными усмешками. Генри Белт вдруг показался довольно жалким созданием, бедным бродягой, способным только на пьяный кураж. К счастью, они были не столь наивными, как его предыдущий класс! Они видят Генри Белта насквозь! Правильным будет сохранять чистые руки, работать и оставаться веселыми. Тренировочный поход — это еще не конец, всего несколько месяцев, а затем начнется реальная жизнь. Выкинь из головы, игнорируй Генри Белта насколько только возможно. Это правильно, это лучший путь оставаться над ситуацией.

Группа уже сделала комплексную оценку своих членов, навесила ярлыки. Кульпеппер: насмешливый, утонченный, легкий в делах. Линч: обидчивый, рассудительный, горячий. Фон Глюк: артистический темперамент, изящный в работе и чувствах. Острандер: чопорный, жеманный, чистюля. Саттон: угрюмый, подозрительный, азартный. Верона: в каждой бочке затычка, грубый шутник, но настойчивый и надежный.

Вокруг корпуса плавал блестящий обруч, и теперь грузовик привез парус, гигантский рулон темной сияющей ткани. Его распаковали и начали разворачивать, и разворачивали еще долго, прежде чем он стал прочной, сверкающей пленкой, легкой, как осенний листок. Развернутый на всю свою ширину, он представлял собой мерцающий диск, уже надувающийся под светом солнца. Кадеты прикрепили пленку к обручу, растянули туго, как барабанную кожу, закрепили все на местах. Теперь парус следовало осторожно удерживать ребром к солнцу, иначе под давлением около сотни фунтов он быстро унесся бы прочь.

Железные нити обшивки протянулись от каймы к кольцу в задней части параболического отражателя, и вот парус был готов к движению.

Грузовик доставил последний груз: воду, продукты, запасные части, новые кассеты для проектора микрофильмов, почту. Генри Белт скомандовал:

— Поднять парус.

Нужно было, пока корпус двигался вокруг Земли прочь от солнца, поворачивать парус на захват солнечного света, а когда корабль двигался в другую сторону на освещенном

солнцем участке орбиты, устанавливать его параллельно солнечным лучам, короче — создать орбитальную скорость, благодаря которой были бы разорваны узы земного притяжения, и послать «Парусник-25» к Марсу.

За это время кадеты проверили каждый элемент снаряжения на борту. Возле некоторых приборов они не могли удержать гримасы отвращения и стыда: Двадцать пятый был старым кораблем с антикварным оборудованием. Генри Белт, казалось, наслаждался их ворчанием.

— Это учебный поход, а не увеселительный круиз. Если вы хотите, чтобы вам утирали носы, нужно было выбирать должности на земле. И еще, мне не симпатичны критики. Если вам нужен образец, с кого бы сделать жизнь, можете посмотреть на меня.

Угрюмый, замкнутый Саттон, обычно самый скромный и лаконичный, неблагоразумно рискнул сострить.

— Если мы будем творить себя по вашему образу и подобию, сэр, придется не одну комнату заполнить виски.

На свет выползла красная книжка.

— Сверхординарная наглость, мистер Саттон. Как вы могли так легко поддаться злорадству?

Саттон раздумялся, его глаза блеснули, он открыл рот, желая что-то сказать, но передумал и решительно его закрыл. Генри Белт, выждав приличное время, повернул к выходу.

— Вы, джентльмены, почувствуете, что я неукоснительно повинуюсь моим собственным правилам поведения. Я точен как часы. Нет лучшего, более гениального корабельщика, чем Генри Белт. Нет человека справедливее среди живых. Мистер Кульпеппер, вы желаете сделать замечание?

— Ничего существенного, сэр.

Генри Белт вошел в рубку, грозно сверкая глазами на парус.

— Кто на вахте?

— Саттон и Острандер, сэр.

— Джентльмены, вы вообще смотрели на парус? Он шпатается вокруг да около и собирается показать солнцу спину. В следующие десять минут мы запутаемся в сотне миль крепежной проволоки.

Саттон и Острандер кинулись спасать ситуацию. Генри Белт презрительно качал головой.

— Вот что именно означают слова «небрежность» и «невнимательность». Вы оба допустили серьезную ошибку. Бедный корабль. Парус должен всегда быть в такой позиции, чтобы крепежная проволока была натянута.

— Мы считаем, что что-то не то с датчиком, сэр, — сказал Саттон. — Мы бы заметили, если бы парус отклонился.

— Сожалею, но я должен обременить вас добавочным пунктом за сделанное извинение, мистер Саттон. Это ваша обязанность: убедиться, что все контролирующие устройства все время функционируют нормально. Техника никогда не должна подменять бдительность.

Острандер возился с приборной панелью.

— Кто-то повернул переключатель, сэр. Я считаю это не извинением, а за объяснением.

— Степень благородства часто сложно определить, мистер Острандер. Пожалуйста, удержите в памяти мои замечания насчет бдительности.

— Да, сэр, но кто повернул ключ?

— Вы оба с мистером Саттоном теоретически находитесь на трудовой вахте на случай любых подобных случаев или происшествий. Вы не обследовали панель?

— Нет, сэр.

— В таком случае, я могу обвинить вас еще раз в невнимательности и небрежности.

Острандер послал Генри Белту долгий нерешительный косой взгляд.

— Единственная персона, которую я припоминаю крутящейся возле консоли, — это вы, сэр. Но я уверен, вы не могли бы сделать такую вещь.

Генри Белт печально покачал головой.

— В космосе вы никогда не должны полагаться на чье-либо разумное поведение. Не далее как вчера мистер Саттон безвинно инкриминировал мне аномальную жажду виски. Считаете, это был случай? Подумайте, в качестве примера настоящей иронии, что я на самом деле напился виски, что я был совершенно пьян?

— Я огорчусь, сэр, если что-то подобное возможно.

Генри Белт снова покачал головой.

— Это тип замечания, мистер Острандер, который я ассоциирую с мистером Кульпеппером. Лучшим ответом

было бы «В будущем я постараюсь быть готовым к любым постижимым случайностям». Мистер Саттон, вы произвели свистящий звук между зубами?

— Я выдохнул, сэр.

— Пожалуйста, выдыхайте с меньшей горячностью.

Генри Белт повернулся и побрел к камере хранения, обследуя чемоданы и хмурясь на грязные пятна на полированном металле. Острандер пробормотал что-то Саттону, оба четко видели Генри Белта, как он ходил, то и дело наклоняясь и что-то рассматривая. Вдруг Генри Белт обернулся к ним.

— Вы выражаете слишком пристальный интерес к моим передвижениям, джентльмены.

— Мы должны наблюдать за любыми неприятными случайностями, сэр.

— Очень хорошо, мистер Острандер. Зарубите это себе на носу. В космосе нет ничего неважного. Я лично поручусь вам за это.

4

Генри Белт послал все наличные силы счищать оставшуюся краску с поверхности параболического отражателя. Когда это было сделано, рассеянные солнечные лучи сфокусировали на батарее фотоэлектрических ячеек. Полученная таким образом энергия использовалась для дальнейшего ускорения корабля управляемыми струями плазмы, сдвигая его дальше на внешнюю орбиту. И наконец, однажды, в момент, вычисленный компьютером, корабль оторвался от Земли и поплыл по касательной в пространство, выдерживая угол, необходимый для достижения орбиты Марса. Они быстро набрали ускорение в $1/100$ g. Земля съезжилась за кормой. Одинокий корабль затерялся в космосе. Веселость кадетов исчезла, уступив место чуть ли не похоронной торжественности. Уменьшающийся и отступающий лик Земли являл собой страшный символ, эквивалентный вечной потере, акту самоубийства. Более впечатлительные кадеты — Саттон, фон Глюк, Острандер — не могли взглянуть назад без слез на глазах. Даже Кульпеппер испытывал благоговейный страх под воздействием такого зрелища. Скорбное мертвое солнце не оставляло равнодушным, круглая жемчужина Земли крутилась на чер-

ном бархате среди мириадов сверкающих бриллиантов звезд. Путь прочь от Земли, прочь от солнца оказывал возвышенное воздействие особого плана. Во-первых, кадеты стали смутно осознавать, что Генри Белт говорил правду о странных видениях. Здесь была смерть, здесь был покой, уединение, звездный блеск, величественная красота которого обещала не забвение, но вечность... Ближайшие созвездия, звезды с их полными гордости именами, представлялись подобиями героев: Орион, Фомальгаут, Садал, Сууд, Канопус.

Саттон не мог выдержать взгляда в небо.

— Это не то чтобы страх,— говорил он фон Глюку.— Или да, возможно, это страх. Он высасывает меня... Но думаю, в конце концов я привыкну...

— Я не настолько уверен,— сказал фон Глюк.— Я не удивился бы, если бы пространство стало психологической необходимостью — так что сколько бы ты ни пробыл потом на Земле, ты бы всегда возвращался обратно.

Жизнь постепенно входила в обычную колею. Генри Белт вскоре уже стал казаться не человеком, но непредсказуемым явлением природы, вроде шторма или северного сияния. Он не имел фаворитов, но не забывал обид. За исключением личных кают, ни одно место на корабле не оставалось без его внимания. Всегда он благоухал виски, что давало пищу для тайных дискуссий: каким способом он сумел пронести на борт так много виски. Но как бы он ни благоухал и как бы ни держался на ногах, глаза его оставались ясными и твердыми, голос чистым и благозвучным, а речь отчетливой.

Однажды, когда он выглядел еще более пьяным, чем обычно, он заставил всех влезть в скафандры и пойти проверять парус на предмет метеоритных повреждений. Приказ показался настолько странным, что кадеты не поверили.

— Джентльмены, вы медлите, вам не заставить себя, вы слишком ленивы. Воображаете себя на Ривьере? А ну в скафандры, по двое, и все в космос. Проверьте обод, парус, отражатель, опоры и датчики. На все вам два часа. Когда вернетесь, я хочу подробный отчет. Мистер Линч, по-моему, на вас бремя этой вахты. Вам и рапортовать.

— Да, сэр.

— Небольшой инструктаж. Вы заметите, что парус стал слегка выпуклым под постоянным давлением радиации. Он действует как фокусирующее устройство. Точка фокуса, предположительно, расположена над кормой. Это я не ради подарка вам говорю. Я видел человека, сгоревшего насмерть в таком нелепом несчастном случае. Держите в своей голове.

В течение двух часов кадеты болтались в открытом космосе, продувая баллоны для газа и прочищая трубы. Наслаждались все, кроме Саттона, который тонул в необъятности страха перед бесконечным пространством. Верона проверял парус с такой тщательностью, что даже Генри Белт был удовлетворен.

На следующий день сломался компьютер. Острандер, который стоял на вахте, постучал в дверь Генри Белта, чтобы доложить.

Генри Белт появился в проеме. Похоже, он только что встал.

— В чем затруднение, мистер Острандер?

— У нас проблема, сэр. Компьютер отказал.

Генри Белт поскреб свои седые патлы.

— Здесь нет ничего необычного. Всех кадетов готовят к такому случаю, обучая разбираться в устройстве и ремонте компьютеров. Вы нашли причину?

— Сломался переключатель, на котором висит диск с данными. Стержень гуляет на несколько миллиметров, и в результате полный беспорядок в данных, представляемых для анализа.

— Интересная проблема. Почему вы говорите об этом мне?

— Я подумал, вас следует известить, сэр. Я не помню, чтобы мы загружали запчасти специально для этого переключателя.

Генри Белт печально покачал головой.

— Мистер Острандер, помните ли вы мое объявление в начале похода — о том, что шесть джентльменов полностью отвечают за навигацию корабля?

— Да, сэр. Но...

— Это рабочая ситуация. Вы должны либо отремонтировать компьютер, либо считать сами.

— Вас понял, сэр. Я сделаю то, что сочту наиболее приемлимым.

5

Линч, Верона и Острандер разобрали механизм, вытащили изношенную деталь.

— Проклятая древность! — возмутился Линч. — Почему они не могли дать нам нормального оборудования? Или, если нас хотят убить, почему бы не расстрелять сразу и избавить от всех проблем.

— Мы еще не умерли, — сказал Верона. — Ты просмотрел запчасти?

— Естественно. Нет ничего даже отдаленно похожего. Верона посмотрел задумчиво.

— Полагаю, мы можем поставить маленький переходник, и машина вполне это съест. Вот и все, что мы должны сделать, пока парни по уши закопались в математику.

Саттон выглянул из иллюминатора, повернулся.

— Я прикидываю, что если нам разрезать парус...

— Зачем? — спросил Острандер.

— Мы же не хотим развить слишком большую скорость. У нас уже и так 30 миль в секунду.

— До Марса далекий путь.

— Но если мы слегка отклонимся от расчетного курса, то стремглав полетим дальше. И где же мы окажемся?

— Саттон, ты пессимист. Стыдно проявлять болезненные тенденции в твоем возрасте, — раздалась реплика фон Глюка.

— Лучше я буду живым пессимистом, чем мертвым клоуном.

Новый переходник был установлен. С нетерпением запустили на проверку диск данных.

— Так, — определил Верона. — Здесь вихляет. Настолько сильно, что заметно на глаз. Мы сможем частично погасить это муфтой из картона...

Поставили муфту, и видимые колебания затухли.

— Ну что — загружаем данные, — сказал Саттон. — Посмотрим, что мы тут науставливали.

В систему ввели координаты, индикатор замерцал.

— Наклон паруса увеличен на четыре градуса, — сказал фон Глюк, — Мы слишком уходим влево. Проектный курс... — он нажал кнопку, посмотрел на светящуюся линию, пересекающую экран, повернул вокруг точки, представ-

ляющей центр гравитации Марса. — Я сделаю траекторию эллиптической, примерно на двадцать тысяч миль. При нашем ускорении это должно отбросить нас вправо и назад к Земле.

— Великолепно. Просто великолепно. Вперед, Двадцать пятый! — это был Линч. — Я слышан о странниках, падавших ниц и целовавших Землю, когда они приземлялись. По мне, так я собираюсь остаток моей жизни прожить в пещере.

Саттон пошел посмотреть на диски данных. Колебания были слабыми, но ощутимыми.

— Милостивый боже! — его голос охрип. — Другой конец стержня тоже сломался.

Линч изрыгнул проклятие, плечи Вероны поникли.

— Давайте за работу, закрепим его.

Нашли другие запчасти, подогнали и установили. Диски скрипели и шатались. Красный шар Марса отсюда было видно гораздо яснее. При нестабильно работающем компьютере кадеты просчитали и вычертили курс вручную. Их результаты немного, но значимо отличались от тех, что прежде получила машина. Кадеты сурово поглядывали друг на друга.

— Хорошо, — буркнул Острандер. — Здесь ошибка. Это приборы? Наши расчеты? Чертежи? Или компьютер?

— Ну, во всяком случае, мы не разобьем голову, — хмуро отозвался Кульпеппер.

Верона вернулся к машине.

— Не могу представить, почему запчасти так плохо работают... Сборщики кронштейнов — откуда они брали штифт? — Он перебрался в камеру хранения, осмотрелся, что где лежит, и направился к чемодану для инструментов.

— Что ты собираешься делать? — спросил Саттон.

— Попытаюсь облегчить кронштейны. Думаю, в этом наша проблема.

— Оставь в покое! Ты затрахаеть машину так, что она вообще никогда не будет работать.

Верона сделал паузу, вопросительно осмотрел группу.

— Итак? Что мы решим?

— Может быть, лучше посоветоваться со стариком, — нервно предложил Острандер.

— Давайте сдадим карты. Туз пик идет задавать вопрос.

Туз достался Кульпепперу. Он постучал в дверь Генри Белта. Никто не ответил. Он хотел было постучать еще, но удержался.

Посланец вернулся к группе.

— Подождем, пока он покажется сам. Лучше я врежусь в Марс, чем вытащу Генри Белта с его красной книжкой.

Корабль пересек орбиту Марса далеко впереди туманной красной планеты. Вместо того, чтобы повернуть в вершине эллиптической кривой обратно к Земле, корабль ушел в сторону на тупую гиперболу и продолжал удаляться, теперь со скоростью пятьдесят миль в секунду. Марс остался в стороне за кормой. Перед ними лежала новая часть космоса. Солнце заметно уменьшилось. Землю нельзя было различить среди звезд. Марс отдалялся быстро и неуклонно, и пространство казалось заброшенным и пустынным.

Генри Белт не появлялся два дня. Наконец Кульпеппер отправился постучать в его дверь — однажды, дважды, трижды. Выглянуло нечто странное. Это был Генри Белт, но лицо его исхудало, кожа походила на мягкую ткань. Глаза были красны и блестели, волосы отросли на четверть дюйма и казались грязной паклей.

Но говорил он тихим, неожиданно ясным голосом.

— Мистер Кульпеппер, ваш беспардонный стук доставил мне неудобство. Я расквитаюсь, выставив вас отсюда.

— Прошу прощения, сэр. Мы боялись, что вы заболели.

Генри Белт промолчал. Он смотрел сквозь Кульпеппера, озирая круг лиц за ним.

— Вы, джентльмены, чересчур серьезны. Разве предположение о моей болезни является поводом для беспокойства?

Саттон произнес, словно бросаясь в воду:

— Компьютер не в порядке.

— Значит, вы должны отремонтировать его.

— Речь идет о возможности возвращения. Если мы сделаем что-то неправильно...

— Мистер Саттон, пожалуйста, не мучайте меня час за часом описанием движения корабля.

— Но, сэр, дело стало серьезным; нам необходим совет. Мы миновали орбиту Марса...

— Хорошо, я предполагаю, Юпитер все еще на месте. Должен ли я повторить вам базовые элементы астрогации?

— Но компьютер не в порядке, это факт.

— Тогда, если вы хотите вернуться к Земле, вы должны производить расчеты с карандашом и бумагой. Почему необходимо повторять очевидное?

— До Юпитера далеко, — сказал Саттон пронзительным голосом. — Почему мы не можем повернуть сейчас и отправиться домой? — В конце фразы он почти что визжал.

— Я вижу, что был слишком снисходителен к вашим плутням, — сказал Генри Белт. — Вы лениво стоите вокруг и разглагольствуете о невозможном, пока техника разваливается на куски, а корабль летит куда попало. Кто-нибудь в скафандре — проверить парус. Слушайте сюда. Что это вы все? Мертвецы ходячие? Вы, мистер Кульпеппер, почему медлите?

— Мне кажется, сэр, что мы приближаемся к поясу астероидов. Я, как старший вахты, думаю, что обязан наклонить парус, чтобы обвести нас вокруг этого района.

— Так и сделайте; затем до конца смены проверьте корпус и парус.

— Да, сэр.

Кадеты облачились в скафандры, причем Саттон — с величайшим отвращением. Они вышли наружу в темную пустоту, где теперь были действительно одни.

Когда они закончили, Генри Белт уже вернулся к себе.

— Как мистер Белт изволил заметить, у нас невеликий выбор, — сказал Острандер. — Мы промахнулись мимо Марса, так давайте ловить Юпитер. Повезло, что мы еще в хорошей позиции — иначе могли бы направиться к Сатурну или Урану...

— Они с другой стороны солнца, — сказал Линч. — Юпитер — наш последний шанс.

— Так давайте действовать. Я говорю, давайте сделаем последнюю попытку установить эти проклятые переключатели...

Но теперь выяснилось, что вибрация и стук исчезли. Диски крутились отлично, монитор дружелюбно мерцал зеленым.

— Великолепно! — завопил Линч. — Вот это драйв! Мы должны идти! Под всеми парусами на Юпитер! Мой бог, ну у нас приключение!

— Ждите еще больше, — сказал Саттон. Возвратившись с проверки паруса, он стоял в стороне, пощипывая щеки и блестя глазами. — Это еще не все. И может быть, не самое главное.

Остальные пять претендентов не слушали его. Компьютер выдавал расчеты. Их ждал еще биллион миль странствия. Из-за ослабления интенсивности солнечного сияния ускорение уменьшилось. В конце концов, через месяц должен был показаться Юпитер.

6

Корабль, ловя огромным парусом исчезающий солнечный свет, летел, как дух — все дальше и дальше. Каждый из кадетов собственноручно произвел расчеты, и все получили одинаковый результат. Если поворот вокруг Юпитера не будет произведен точно, если корабль не крутанется назад как камень на веревочке, им никогда не вернуться. Сатурн, Уран, Нептун, Плутон были далеко, на другой стороне от солнца. Корабль, несущийся со скоростью сотни миль в секунду, не может быть ни остановлен уменьшенным притяжением светила, ни развернут на правильную орбиту добавочным центростремительным ускорением от паруса и струи плазмы. Сама природа паруса делала невозможным использование его для остановки, он мог только уносить прочь.

Внутри корабля семь человек жили и размышляли, совместно работали и бродили подобно дрожжам в вазе с гнилыми фруктами. Они были совершенно уничтожены; осталось только отчаяние. Каждый казался другим просто голым набором характеристик. Один Генри Белт, который появлялся из своих апартаментов в непредсказуемое время, чтобы тихо бродить тут и там с отстраненной светлой усмешкой древнегреческого героя, был неохватной Вещью в Себе.

Юпитер ждал, громоздкий и туманный. Корабль, наконец достигнув зоны притяжения, устремился на встречу с ним. Кадеты проявляли еще более бдительное внимание к компьютеру, проверяя и перепроверя команды. Самым усердным был Верона, самым усталым и бесполезным — Саттон. Линч ворчал, сыпал проклятиями и потел, Острандер ныл тонким, брюзгливым голосом. Фон Глюк ра-

ботал со спокойствием пессимистичного фаталиста. Кульпеппер казался безучастным, хотя и вежливым, его мягкость бесила Острандера, разъяряла Линча, доводила до злобной ненависти Саттона. С другой стороны, Верона и фон Глюк, казалось, извлекали новые силы из его кроткого принятия ситуации. Генри Белт не говорил ничего. Иногда он возникал из своих покоев, чтобы прогуляться до камеры хранения, и к кадетам относился с отвлеченным интересом посетителя дурдома.

Открытие сделал Линч. Он объявил об этом смятенным стоном, в унисон которому пришелся истерический возглас Саттона.

— Мой бог, мой бог, — причитал Линч.

— В чем проблема? — спросил Верона.

— Смотри. Вот это устройство. Когда мы вставляли диски, мы расстроили одну засечку прибора. Этот белый пунтир и этот другой белый пунтир должны быть синхронизированы. Здесь они дают зубец. Все придется проверять и пересчитывать заново, потому что вот из-за этого все неправильно.

Верона подскочил в возбуждении. Не будет возвращения домой, не будет разнообразия земного общества. Он с ледяным спокойствием установил прибор обратно в правильное положение. Все кадеты столпились вокруг, наблюдая за его работой, кроме Кульпеппера, который в этот раз был старшим вахты.

Появился Генри Белт.

— Вы, джентльмены, конечно же, прилежны в вашей навигации, — сказал он. — Само совершенство.

— Мы прилагаем все силы, — сквозь зубы процедил Линч. — Чертовски позорно отправлять нас в космос с машиной, подобной этой.

Появилась красная книжка.

— Мистер Линч, я ставлю вам пункт не за ваши личные чувства, — это, конечно, ваше дело, — но за то, что вы высказали их вслух и тем самым содействовали нездоровой атмосфере отчаяния и истерического пессимизма.

Линча от самой шеи залила красная волна. Ничего не сказав, он склонился над компьютером. Но неожиданно раздался крик Саттона:

— А что еще вы ожидали от нас? Мы пришли сюда в космос учиться, а не страдать или погибнуть! — Он дико расхохотался.

Генри Белт терпеливо слушал.

— Подумайте об этом! — кричал Саттон. — Нас семеро в этой капсуле, навсегда!

— Боюсь, я должен поставить вам два пунктика за ваш взрыв, мистер Саттон. Хороший космонавт сохраняет достоинство любой ценой.

Линч поднял глаза от компьютера.

— Что ж, теперь у нас есть правильные результаты. Знаете, что они говорят?

Генри Белт обернулся к нему и взглянул с вопросительной учтивостью.

— Мы идем неправильно, — сказал Линч. — Мы промахнемся, точно так же, как мимо Марса. Юпитер закрутит нас и пошлет в пространство в направлении Ближнецов.

В комнате повисло молчание. Генри Белт обернулся к Кульпепперу, который, стоя у иллюминатора, фотографировал Юпитер.

— Мистер Кульпеппер?

— Да, сэр.

— Вы кажетесь несогласным с перспективой, которую предсказал мистер Саттон.

— Я надеюсь, это не неминуемо.

— Как вы предполагаете этого избежать?

— Мне кажется, что мы отправим радиogramму о помощи, сэр.

— Вы забыли, что я разобрал радио.

— Я помню упаковку, маркированную «радиодетали», она в пульте управления плазменным двигателем.

— Сожалею, что разочарую вас, мистер Кульпеппер. Этот ящик подписали неверно.

Острандер вскочил на ноги, кинулся на склад. Донесся звук отодвигаемой корзины. Затем тишина. Он вернулся. Злобно блеснул глазами на Генри Белта.

— Виски. Бутылки с виски.

Генри Белт кивнул:

— Я и так много сказал вам.

— Но теперь у нас нет радио, — сказал Линч скверным голосом.

— У нас никогда не было радио, мистер Линч. Вас предупреждали, что вы можете рассчитывать только на собственные ресурсы, чтобы добраться домой. Вы допустили ошибку, и этим приговорили себя и меня. А вам, мистер Острандер, я должен поставить все десять пунктов за несанкционированную проверку груза.

— Пункты, — мрачно повторил Острандер.

— Теперь, мистер Кульпеппер, — продолжал Генри Белт. — Что вы предлагаете дальше?

— Я не знаю, сэр.

Верона сказал умоляюще:

— Что бы вы делали, сэр, если бы были в нашем положении?

Генри Белт покачал головой.

— Я впечатлительный человек, мистер Верона, но здесь несомненно нужен полет ума, который превыше моих сил. — Он вернулся к себе.

Фон Глюк озадаченно воззрился на Кульпеппера.

— Как факт, ты совершенно спокоен.

— О, я беспокоюсь. Но я верю, что мистер Белт тоже хочет попасть домой. Он слишком хороший космонавт, чтобы не знать точно, что делать.

Дверь из каюты Генри Белта скользнула назад. Хозяин стоял в проеме.

— Мистер Кульпеппер, у меня появился шанс переписать ваши отметки, и сейчас я ставлю вам десять пунктов. Эта поза, выражающая внутреннее довольство, так же опасна, как крайний страх мистера Саттона. — Он оглядел комнату. — Не обращайтесь внимания на мистера Кульпеппера. Он ошибается. Даже если бы я мог отменить эту катастрофу, я не поднял бы руки. Потому что ожидаю смерти в космосе.

7

Угол наклона паруса уменьшили, развернув его ребром к солнцу. Пятно Юпитера осталось за кормой. Пятеро кадетов торчали на складе. Кульпеппер, Верона и фон Глюк сидели, негромко беседуя. Острандер и Линч лежали свернувшись, руки к коленям, лицом к стене. Саттон покинул их двумя днями раньше. Спокойно облачившись в скафандр, он шагнул в выходной люк и отправился в откры-

тый космос. Двигатели скафандра добавили ему скорости, и прежде чем кто-нибудь из кадетов смог вмешаться, он был далеко.

Вскоре после этого Линч и Острандер сдались безнадёжности: маниакально-депрессивному психозу в самой отупляющей стадии. Кульпеппер сохранил мягкость, Верона — прагматизм, а фон Глюк — чувствительность.

Они тихо разговаривали между собой, вне досягаемости ушей Генри Белта.

— Я верю, — сказал Кульпеппер, — что можно как-то выкарабкаться из этого дерьма, и Генри Белт знает как.

Верона сказал:

— Я хочу, но не могу так думать... Мы закончили бы все уже сто раз. Если мы установим парус для Сатурна или Нептуна или Урана, центробежная составляющая толчка плюс центробежная составляющая нашего движения закинут нас далеко за Плутон прежде, чем мы к чему-нибудь приблизимся. Плазменные двигатели могут остановить нас, если хватит энергии, но щит не может поставлять ее, а другого источника у нас нет...

Фон Глюк взял инициативу на себя.

— Джентльмены, — сказал он с мягкой радостью в голосе. — Я верю, что у нас в руках достаточно энергии. Мы будем использовать парус. Помните? Он выпуклый. Он может функционировать как зеркало. Площадь его поверхности — пять квадратных миль. Солнечного света здесь мало, но для нашей цели достаточно...

— Я понял! — сказал Кульпеппер. — Мы отодвинем корпус чтобы реактор оказался в фокусе паруса, и повернем на плазме!

Верона сказал задумчиво:

— Мы все еще будем под давлением радиации. И, что хуже, струи плазмы столкнутся с парусом. Результат — уничтожение. Нас больше не будет.

— Если мы вырежем центр паруса — столько, сколько нужно для пропуска плазмы — мы можем снять эту проблему.

— Что толку, что мы сможем использовать плазму? У нас нет направляющих.

— Что угодно, что можно покрыть железом. Радио, компьютер, твои туфли, моя рубашка, камера Кульпеппера, виски Генри Белта...

8

Лихтер пришел встречать «Парусник-25» на орбиту рядом с «Парусником-40», который только что подготовили к приему нового экипажа.

Грузовик приблизился, занял позицию. Три человека перепрыгнули на «Парусник-40», в нескольких сотнях ярдов позади Двадцать пятого, забросили фалы обратно на грузовик, потащили упаковки с грузом и оборудованием через пространство.

Пятеро кадетов и Генри Белт, облаченные в скафандры, шагнули в солнечный свет. Земля расстилалась внизу, зеленая и голубая, белая и коричневая, с очертаниями такими милыми и дорогими, что на глаза навернулись слезы. Кадеты, перемещающие груз на «Парусник-40», поглядывали на них, удивляясь. Наконец, они закончили, и шестерка с «Парусника-25» взошла на борт грузовика.

— Вернулся живой и невредимый, а, Генри? — сказал пилот. — Что ж, я уже удивлен.

Генри Белт не ответил. Кадеты забрали багаж и задержались на входе, чтобы напоследок взглянуть на «Парусник-25». Грузовик дал задний ход; два паруса, казалось, выросли перед ними. Лихтер затормозил в верхних слоях атмосферы, выпустил крылья и заскользил на посадку в Мохавской Пустыне.

Кадеты, чьи ноги вдруг подогнулись и ослабли от непривычной гравитации, следом за Генри Белтом прохромали к подъемнику, уселись и были доставлены к административному комплексу. Все вышли, и Генри Белт отозвал пятерку в сторону.

— Здесь, джентльмены, я вас покидаю. Сегодня ночью я изучу мою красную книжку и составлю официальный отчет. Но уверен, что могу представить вам неофициальный итог моих впечатлений. Мистер Линч и мистер Острандер, я чувствую, что вы плохо подходите для работы в команде и для любой ситуации, которая может вызвать длительное эмоциональное напряжение. Я не могу рекомендовать вас для работы в космосе.

— Мистер фон Глюк, мистер Кульпеппер, мистер Верона, вы все удовлетворили мои минимальные требования для рекомендации, хотя я и напишу слова «особенно реко-

мендую» только позади имен «Клайд фон Глюк» и «Маркус Верона». Вы привели парусник обратно к Земле, в общем-то, с безупречной навигацией. Итак, теперь наше сосуществование закончено. Я надеюсь, вы выиграли от него. — Генри Белт коротко кивнул каждому из пяти и пошел в обход здания.

Кадеты смотрели ему вслед. Кульпеппер полез в карман и вытащил четыре пары маленьких металлических предметов, которые высыпал на ладонь.

— Узнаете?

— Хм, — сказал Линч ровным голосом. — Запчасти для дисков компьютера. Оригиналы.

— Я нашел их в маленьком ящичке с запчастями. Прежде их там не было.

Фон Глюк заметил:

— Кажется, техника всегда отказывала сразу же после проверок паруса, как я могу припомнить.

Линч с резким шипением вздернул бровь. Потом повернулся и бросился прочь. Острандер последовал за ним. Кульпеппер пожал плечами. Он дал Вероне одну из запчастей, фон Глюку другую.

— На сувениры — или медали. Вы, парни, их заслужили.

— Спасибо, Эд, — сказал фон Глюк.

— Спасибо, — пробормотал Верона. — Поставлю на нее застужку.

Все трое, не в состоянии сейчас смотреть друг на друга, подняли глаза к небу, где в сумерках появлялись первые звезды, а затем перевели их на здание, где вернувшихся ожидали семьи, любимые и друзья.

ВОПЯЩИЕ КРИКУНЫ

Мой разум, во всем остальном вполне надежный инструмент, имеет серьезный недостаток — чересчур большую долю любопытства.

Магнус Ридолф

Магнус Ридолф мрачно смотрел на недавно приобретенную плантацию. Вечерний бриз шевелил его бороду, желтые лучи Наоса ласкали лицо. Пока что все шло хорошо; действительно, слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Он нахмурился и покачал головой. Все, что он видел до сих пор, соответствовало обещаниям Блентхейма: три тысячи акров превосходной, созревшей для сбора тичоламы, небольшой хорошо обставленный дом местной архитектуры, океан у порога, горы на заднем дворе. Почему же эта земля обошлась ему так дешево?

«Может быть, Блентхейм — филантроп? — размышлял Ридолф. — Или он что-то скрывает?»

Он погладил бороду тонкими холеными пальцами.

Наос медленно погружался в Несредиземный океан, и темно-зеленый вечер, густой как сироп, растекался по земле, наползая на плантацию с севера, из самого сердца бесплодных земель. Магнус, полуобернувшись, заглянул в дом. Чуук, его низкорослый слуга, подметал кухню, тихо похрюкивая с каждым взмахом метлы.

Сквозь зеленые сумерки Ридолф прошел мимо посадочной площадки для вертолетов до границы зарослей тичоламы и остановился, приподняв голову.

«Оу-оу-оу...», — долетел с противоположного края поля дикий визгливый вопль слившихся в странном хоре голосов.

Магнус замер, вглядываясь в сумрак. Бурлящая темная волна вырвалась из бесплодных земель, распадаясь на смутные расплзающиеся силуэты. Оливково-зеленая темнота распространялась по земле. Магнус Ридолф развернулся и зашагал к дому.

Магнус Ридолф спокойно отдыхал в своем отеле «Подгорная Гостиница» в Новом Неаполе на Наосе-пять, не имея ни предчувствий относительно ближайшего будущего, ни малейшего желания связать свою жизнь с сельским хозяйством. Именно в этот момент в его дверь постучал Блентхейм.

Внешний вид Блентхейма вызывал интерес сам по себе. Он оказался человеком лет сорока, среднего роста, узким в плечах и необъятно широким в талии. Бледный узкий лоб туго обтягивала тонкая кожа, небольшим холмиком торчал нос, круглые глаза располагались под висками, как у рыбы. На втором подбородке пробивались редкие черные волоски, а тонкую кожу на щеках пересекали розовые черточки. Широкие красно-коричневые вельветовые брюки в стиле «странник», бирюзовая блуза с брильянтовой застежкой и темно-синий плащ выглядели слишком вычурными на фоне простой белой с синим туники Ридолфа.

Магнус Ридолф прикрыл глаза, словно вежливая городская сова:

— Э-э-э, что?..

— Меня зовут Блентхейм — представился посетитель — Герхард Блентхейм. Мы с вами раньше не встречались.

Приподняв изящные седые брови, Магнус любезным жестом предложил ему войти.

— Полагаю, нет. Не желаете ли войти, присесть?

Блентхейм прошел в комнату, отбросив полу плаща.

— Благодарю вас, — он уселся на край кресла, не спеша переходить к делу. — Сигарету?

— Благодарю, — Магнус затянулся, нахмурился и начал внимательно осматривать сигарету.

— Прощу прощения, — извинился Блентхейм, доставая зажигалку. — Иногда забываю. Я не курю самозажигающиеся сигареты, сразу чувствую химический запах, он меня раздражает.

— Очень жаль, — отозвался Ридолф, зажигая сигарету. — Я нахожу их чрезвычайно удобными — видимо, у меня не столь тонкое обоняние. Чем я могу быть вам полезен?

Блентхейм изучал свои брюки.

— Я так понимаю, — он лукаво посмотрел на Ридолфа сверху вниз, — что вы заинтересованы в надежном вложении капитала.

— В определенной степени, — ответил Ридолф, рассматривая Блентхейма сквозь клубы сигаретного дыма. — Что вы предлагаете?

— Вот это, — Блентхейм достал из кармана маленькую белую коробочку. Щелкнув крышкой, Магнус обнаружил внутри гроздь блестящих пурпурных трубочек длиной около дюйма. Их покрывали длинные тонкие волокна. Он вежливо покачал головой.

— Боюсь, я не знаю, что это.

— Тичолама, — пояснил Блентхейм, — резилиан в естественном состоянии.

— В самом деле! — Магнус посмотрел на пурпурную гроздь с новым интересом.

— Каждая из этих палочек, — продолжал рассказывать Блентхейм, — состоит из бесчисленных спиралей молекул резилиана, которые растягиваются по мере роста растения. Эта особенность, естественно, и дает резилиану его невероятную эластичность и прочность.

Ридолф дотронулся до палочек, завибрировавших от прикосновения его пальцев.

— И?

Блентхейм выдержал паузу.

— Я продаю целую плантацию, три тысячи акров чистой созревшей для сбора тичоламы.

Магнус Ридолф прикрыл темно-голубые глаза и положил коробочку обратно.

— В самом деле?

Он задумчиво погладил бороду.

— Очевидно, участок находится на Наосе-шесть.

— Правильно, сэр. Тичолама может расти только там.

— И какова ваша цена?

— Сто тридцать тысяч мунитов.

Магнус продолжал раздумывать.

— Это сделка? Я плохо разбираюсь в сельском хозяйстве вообще, а в особенности — в тичоламе.

Блентхейм солидно кивнул.

— Это предложение. Акр дает тонну тичоламы. Цена продажи в Старпорте составляет пятьдесят два мунита за тонну, это текущий курс. Стоимость перевозки одной тонны тичоламы, включая упаковку — около двадцати одного мунита. И сбор стоит около восьми мунитов. Затраты в двадцать девять мунитов на тонну, чистого дохода — двадцать три мунита. Три тысячи акров дают шестьдесят девять тысяч мунитов. В следующем году вы окупите себестоимость, и после этого будете наслаждаться, получая чистый доход.

Магнус по-новому взглянул на своего собеседника. Может, Блентхейм решил обвести его — Магнуса Ридолфа! — вокруг пальца? Неужели в мире еще остались такие наивные оптимисты?

— Ваше предложение, — громко сказал Магнус Ридолф, — звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Блентхейм моргнул, кожа вокруг носа натянулась еще сильнее.

— Ну, видите ли, я владею еще тридцатью пятью тысячами акров. Плантация, которую я предлагаю на продажу, — половина полуострова Песочные часы, расположенная напротив материка. Я более чем занят, управляя оставшимися землями. К тому же, говоря откровенно, мне срочно нужны деньги. Против меня идет судебное разбирательство: вертолет, который вел мой сын, попал в аварию. Зрение жены становится все хуже, я должен оплатить дорогой трансплантат, а медицинская страховка не покрывает этого. Моя дочь уезжает в школу святой Бригитты, в Лондон, на Землю. Все сейчас так дорого. Мне просто очень нужны деньги.

Магнус Ридолф пристально посмотрел на собеседника из-под густых бровей и кивнул.

— Ясно. Вы стали жертвой несчастливого стечения обстоятельств. Сто тридцать тысяч мунитов. Вполне разумная цена, если, конечно, все так, как вы говорите.

— Именно так, — ответил Блентхейм.

— Может быть, не вся тичолама высшего качества, — предположил Ридолф.

— Вовсе нет,— заявил Блентхейм.— Весь урожай в прекрасном состоянии.

— Хм...— Магнус пожевал нижнюю губу — Полагаю, там нет жилых строений.

Блентхейм фыркнул, его губы округлились в смешное красное «о».

— Я забыл упомянуть про коттедж. Небольшой симпатичный дом — местной архитектуры, конечно, но со всеми удобствами. Абсолютно пригодный для жизни. Думаю, я захватил с собой фотографию. Да, вот она.

Ридолф взял карточку, изображавшую длинное строение из серого и зеленого сланца, с округлой крышей, изогнутыми углами и рядом готических арок. Поле позади дома простиралось вплоть до первых утесов.

— За домом видна часть плантации,— сказал Блентхейм.— Обратите внимание на цвет. Глубокий темный пурпур — самый лучший.

— Хм...— отозвался Магнус,— мне придется обставить коттедж. Это тоже входит в обсуждаемую сумму.

Блентхейм, улыбаясь, покачал головой.

— Только если вы изнеженный сибарит. Впрочем, я обязан дать вам верное представление. Во многих аспектах домик примитивен. Там нет видеоэкрана, дезинфектора. Мощность энергетической установки небольшая, поэтому нет холодильной камеры и стиральной машины. И если вы не привезете с собой робоповара, вам придется готовить в кастрюле над обогревательными элементами.

Нахмурившись, Магнус Ридолф взглянул прямо в глаза Блентхейма.

— Естественно, я найму слугу. Как насчет воды? Есть ли какие-нибудь приспособления?

— Превосходный опреснитель. Двести галлонов воды в день.

— Что ж, это звучит неплохо,— произнес Ридолф, возвращая фото.— А это что такое?

Он указал на часть поля у подножья горы.

Блентхейм изучил снимок.

— Тут мне нечего сказать. Очевидно, на этом участке бедная почва. Его размеры не существенны.

Магнус рассматривал фотографию еще с минуту.

— Вы нарисовали привлекательную картину. Согласен, с возможностью удвоить вложенный капитал практи-

чески сразу я сталкиваюсь **крайне** редко. Если вы оставите свой адрес, то я сообщу вам о своем решении завтра.

Блентхейм встал.

— Я остановился здесь, в **этом** отеле, господин Ридолф. Звоните в любое время. Не сомневаюсь, рассмотрев мое предложение, вы найдете его еще более привлекательным.

Удивительно, но посулы Блентхейма оказались правдой. Когда Ридолф рассказал о предложении Сэму Квину, своему приятелю-брокеру, тот даже присвистнул, покачивая головой.

— Похоже на воровство. Я прямо сейчас заключу с тобой договор на весь урожай.

Затем Ридолф проверил расценки на перевозки с Наоса-шесть в Космопорт и нахмурился, обнаружив, что стоимость перевозки тонны груза на полмунита меньше той, о которой говорил Блентхейм. По всем законам логики в его предложении есть подвох. Но где?

В конторе по найму рабочих он подошел к окошку, за которым сидел ридопиец с Фомальгаута-пять.

— Я хотел бы собрать урожай тичоламы на Наосе-шесть,— обратился к нему Ридолф.— Что бы вы могли мне посоветовать?

Ридопиец закачал головой.

— Фам нушшно договариватьсся на Наосе-шшшессть,— прошепелявил он.— Ф Гарссфане. Подрядчик уберет фессь урошшай. Очень дешшшефо. На Наосе-шшшессть. У него много ссборщщикоф. Очень дешшшефо.

— Понятно,— протянул Ридолф.— Благодарю вас.

Не торопясь, он возвратился в отель. Сверившись с базой данных, Магнус убедился в том, что акр земли во владениях Блентхейма дает урожай в тонну тичоламы, из которой после переработки получается пятьсот фунтов резилиана. Также он обнаружил, что спрос на резилиан намного превышает предложение.

Вернувшись в номер, Ридолф лег на кровать. После часового раздумья он встал и связался по коммуникатору с Блентхеймом.

— Господин Блентхейм, я решил принять ваше предложение.

— Отлично, отлично! — воскликнул Блентхейм.

— Конечно, перед окончательным заключением сделки я хотел бы осмотреть имущество.

— Безусловно, — последовал сердечный ответ. — Корабль межпланетного сообщения отправляется послезавтра. Вас это устраивает?

— Да, конечно, — отозвался Магнус Ридолф.

— Там, впереди, плантация на вашей половине полуострова, — показывал Блентхейм. — Моя половина находится сразу за тем утесом.

Ридолф молча смотрел в окно. Они летели над полуостровом Песочные часы. Внизу проплывали бесплодные земли — безводные скалы, расщелины, нагромождения камней. Позади оставался Несредиземный океан, испещренный разноцветными колониями планктона.

Вертолет приземлился у самого дома. Выйдя, Ридолф подошел к краю поля. Пышные гроздья пурпурных палочек слегка колыхались на длинных стеблях, достигавших колен. Выпрямившись, Магнус покосился на подошедшего сзади Блентхейма.

— Красиво, не правда ли?

Ридолф нехотя согласился. Все складывалось прекрасно. Документы Блентхейма в порядке, в этом он удостоверился в Гарсване. Подрядчик согласился на оплату в восемь мунитов за тонну тичоламы и должен был начать работу сразу же, как закончит сбор урожая на поле Блентхейма. Коротко говоря, сделка выглядела очень выгодной. Пока что.

Он взглянул на другой конец поля.

— Тот кусок бесплодной земли... Он кажется больше, чем на снимке.

Блентхейм умоляюще фыркнул.

— Не представляю, как это возможно.

Ридолф на мгновение застыл; ноздри его изысканного носа слегка подергивались.

Внезапно он вынул чековую книжку.

— Ваш чек, сэр.

— Благодарю вас. Документ о передаче имущества у меня в кармане. Сейчас я его подпишу, и собственность станет вашей.

Блентхейм вежливо удалился, а Магнус остался на плантации в надвигающихся сумерках. И вот — дикий визг

над полем, смутные тени, несущиеся к закату... Ридолф вернулся в дом.

Он заглянул на кухню, намереваясь поближе познакомиться с Чууком, бочкообразным антропоидом с Гарсванского нагорья. У Чуука была мешковатая серая кожа и бескостные, напоминающие веревки руки. На лице выделялись абсолютно круглые глаза цвета бутылочного стекла, рот скрывался под складками дряблой кожи. Он стоял, подняв голову, прислушиваясь к далеким крикам.

— А, Чуук,— произнес Ридолф.— Что ты приготовил нам на обед?

Чуук показал на исходящую паром кастрюлю.

— Тушеное мясо,— тяжело прогрохотал он. Его голос доносился из живота.— Тушеное мясо — это хорошо.

Порыв ветра донес нарастающий вой. Руки Чуука дернулись.

— Кто это так кричит? — с любопытством спросил Магнус Ридолф.

Чуук недоумевающе посмотрел на него.

— Это Вопящие Крикуны. Очень плохо. Убивать вас, убивать меня. Убивать все. Поедать тичолама.

— Теперь понятно,— Магнус невесело улыбнулся.— Понятно... Хм...

— Вам нравится тушеное мясо? — поинтересовался Чуук, держа наготове кастрюлю...

На следующее утро, встав по привычке рано, Ридолф прошел на кухню. Чуук лежал на полу, свернувшись серым кожаным клубком. Услышав шаги, он приоткрыл глаза, поприветствовав хозяина грохочущим утробным звуком.

— Я собираюсь прогуляться,— сказал Ридолф,— вернусь где-нибудь через час. Тогда и позавтракаем.

Чуук медленно кивнул.

Наос, похожий на сияющий огненный шлем, торжественно поднимался из океана, рассекая прямыми лучами холодную утреннюю тишину. Остановившись на пороге, Ридолф глубоко вдохнул, наслаждаясь свежим бодрящим воздухом. В глубине души он был уверен в благополучном исходе дела.

После получасовой прогулки по зарослям тичоламы он достиг подножья дальнего утеса. Здесь располагался бесплодный участок, вызвавший любопытство Ридолфа еще

во время обсуждения условий сделки. Тогда Блентхейм объяснил его возникновение бедной почвой. В действительности картина оказалась совершенно иной: повсюду валялись голые стебли растерзанной тичоламы. Ридолф печально покачал головой.

«Сто тридцать тысяч мунитов. Интересно, достаточно ли во мне здравого смысла и сообразительности, чтобы извлечь из этой ситуации прибыль?»

Он вернулся в дом. Чуук, колдовавший у плиты, встретил его урчанием.

— Привет, Чуук, — обратился к нему Магнус, — что у нас на завтрак?

— Тушеное мясо, — отозвался Чуук.

Ридолф поджал губы:

— Не самое чудесное блюдо. Но ты, видимо, считаешь его главным элементом любой диеты?

— Тушеное мясо — это хорошо, — пояснил Чуук.

— Как скажешь, — миролюбиво согласился Ридолф.

Продолжив после завтрака изучение ситуации, он позвонил в Гарсван по старому антикварному радиофону.

— Соедините меня с офисом СЗР.

Какое-то время в трубке слышались лишь жужжание и скрежет.

— Служба Земной Разведки, — наконец донесся мужской голос, — говорит капитан Солински.

— Капитан Солински, я буду очень признателен, если вы предоставите мне информацию касательно существ, известных как Вопящие Крикуны.

После небольшой паузы капитан ответил:

— Конечно, сэр. Могу я узнать, кто говорит?

— Меня зовут Магнус Ридолф. Я недавно купил плантацию тичоламы на полуострове Песочные часы. Сегодня я обнаружил, что эти самые Вопящие Крикуны уничтожают мой урожай.

В голосе появилось явное напряжение:

— Вы сказали — Магнус Ридолф?

— Так меня зовут.

— Минуточку, мистер Ридолф, я предоставляю вам всю информацию, которая у нас есть.

После недолгого молчания капитан вернулся:

— Не слишком много мне удалось найти. О них почти нет сведений. Крикуны живут в бесплодных землях Боу-

ро, их численность неизвестна. Существует предположение, что их совсем немного — всего лишь одно племя, поскольку их никогда не видели в нескольких местах одновременно. Возможно, они полумразумные обезьяны или антропоиды, но никто точно не знает.

— Этих существ никогда не изучали достаточно тщательно? — изумленно спросил Магнус.

— Никогда. Крикунов почти невозможно поймать. Они питаются созревшей тичоламой, и сами эластичны, словно одушевленная тичолама. Днем крикуны пропадают, никто не знает, где они скрываются, а ночью они похожи на огромную саранчу. Ученые из исследовательской группы Технического колледжа Карнеги пытались ловить их сетями, но Крикуны порвали сети на мелкие кусочки. Их невозможно отравить, пули отскакивают от их кожи, они уворачиваются от тепловых лучей и никогда не подпускают к себе охотников достаточно близко для того, чтобы использовать ультразвуковое оружие, но возможно, они его просто не замечают.

— Они кажутся совершенно неуязвимыми. По крайней мере, для обычного оружия, — прокомментировал Ридолф.

— Почти так, — согласился Солински, — думаю, мезонная граната могла бы помочь, но в таком случае вам почти нечего было бы исследовать.

— Мой интерес к этим созданиям достаточно практический. Они пожирают мою тичоламу — я хочу их остановить.

— Ну что ж, — нерешительно сказал Солински, — мне не хотелось бы этого говорить, мистер Ридолф, но боюсь, вы немного можете сделать. Они уйдут с выбранного поля не раньше, чем съедят всю тичоламу. К тому же они опасны. Они разрывают на клочки любого беднягу, который попадаете им на пути.

— Нет, я должен найти способ, — задумчиво протянул Ридолф.

— Надеюсь, вам это удастся. Пока что никому не удалось.

Ридолф вернулся на кухню, где Чуук чистил синие кустарниковые яблоки.

— Вижу, ты готовишь ланч, — обратился к нему Ридолф. — Это..? — Он вопросительно поднял брови.

Чуук утвердительно кивнул. Магнус мельком посмотрел ему через плечо.

— Ты когда-нибудь видел Крикунов вблизи? — спросил он.

— Нет, — пробормотал Чуук. — Когда я слышу их крики, я засыпаю, затаиваюсь.

— На что они похожи?

— Очень высокие, длинные руки. Безобразные, как люди, — он посмотрел на Магнуса светящимися зелеными глазами, задержав взгляд на его бороде. — Но без волос.

— Понятно, — кивнул Ридолф, прикоснувшись к бороде.

Магнус не торопясь вышел на улицу и уселся на скамейку, наслаждаясь теплым светом Наоса. Отыскав в кармане клочок бумаги, он начал что-то быстро писать. Приближающийся рокот нарушил мирную гармонию пейзажа, и вскоре вертолет Блентхейма приземлился перед домом. Блентхейм выпрыгнул из вертолета — оживленный, чисто выбритый, розовощекий. Заметив Ридолфа, он придал себе озабоченный вид, пытаясь скрыть довольный блеск сияющих глаз.

— Мистер Ридолф, сегодня утром до меня дошли крайне печальные вести. Я так понимаю, что эти чертовы Крикуны посетили вашу плантацию.

Магнус кивнул:

— Да, можно сказать и так.

— Я не могу передать словами, насколько виноватым себя чувствую, — сказал Блентхейм. — Поверьте, я бы никогда не посмел обременять вас такой собственностью, если бы только знал...

— Да уж, верю, — сухо согласился Ридолф.

— Я приехал, как только услышал о постигшем вас несчастье, чтобы исправить то, что в моих силах. К сожалению, я могу сделать немного. Видите ли, прошлой ночью, получив ваш чек, я поспешил раздать долги, поэтому теперь у меня осталось около пятидесяти тысяч мунитов. Так что если вы позволите избавить вас от тяжелой ноши... — он остановился, закашлявшись.

Магнус Ридолф смотрел прямо перед собой!

— Какое великодушное предложение, мистер Блентхейм! Немногие способны на подобное благородство. Однако, думаю, мне удастся сохранить часть имущества, я умею действовать решительно.

— Прекрасно, прекрасно,— быстро проговорил Блентхейм.— «Никогда не сдавайся». Меня всегда восхищали смелые люди. Но, думаю, мне лучше предупредить вас, что однажды придя на поле, эти отвратительные Крикуны не остановятся, пока не съедят все. Когда они доберутся до коттеджа, вы окажетесь в смертельной опасности. Они уже убили многих.

— Может быть, вы разрешите подрядчику начать сбор с моего поля?

Лицо Блентхейма печально вытянулось.

— Мистер Ридолф, с каким удовольствием выполнил бы я вашу просьбу! Но вы не знаете этих гарсванских подрядчиков. Они упрямы и совершенно не способны проявить гибкость. Если я предложу любые изменения в контракте, они могут вообще отказаться от него. Естественно, я должен защищать свою семью. С другой стороны, может оказаться, что лишь малая часть вашей тичоламы готова для сбора. Вы же знаете, Крикуны поедают только созревшие растения.— Он покачал головой.— Несмотря на самые лучшие намерения, я не вижу другого способа помочь вам, кроме того, что я уже предложил.

Магнус поднял брови:

— Продать вам плантацию за пятьдесят тысяч мунитов?

— Я неудачно назвал это продажей, я просто хотел...— Блентхейм вновь закашлялся.

— Естественно,— поддержал его Ридолф.— Однако давайте посмотрим на это дело с другой стороны. Забудем, что мы друзья, соседи, почти деловые партнеры, что каждый действует, руководствуясь исключительно совместными интересами. Предположим, что мы чужие друг другу прагматичные, бессовестные дельцы.

Блентхейм надул щеки:

— Это совершенно неправдоподобно, конечно, но продолжайте.

— Данное предположение позволяет нам прийти к новому соглашению.

— К какому?

— Позволяет нам заключить пари,— предложил Ридолф,— эту плантацию против, ну скажем, ста тридцати тысяч мунитов. Хотя — я забыл. Вы же потратили деньги.

— И какие были бы условия пари? — поинтересовался Блентхейм, изучая ногти.

— В процессе обсуждения продажи плантации упоминалась прибыль в шестьдесят тысяч мунитов. Появление Крикунов делает эти прогнозы слишком оптимистичными.

Блентхейм проворчал что-то сочувственное.

— Однако я думаю, — продолжал Ридолф, — что итоговая прибыль будет больше, поэтому хотел бы поставить плантацию против ста тридцати тысяч мунитов.

Блентхейм пристально посмотрел на него:

— От продажи тичоламы?

Ридолф скрестил руки на груди:

— Что же еще на этом поле может принести прибыль?

— Никаких минералов здесь нет, это точно, — пробормотал Блентхейм, — нет нефти или магнитных аномалий. — Он посмотрел через поле на разоренный участок. — Когда Крикуны приходят на поле, они не останавливаются, вы же знаете.

Магнус пожал плечами.

— Должно существовать средство, которое позволит защитить мою собственность.

— Вы выглядите очень уверенным, — Блентхейм внимательно посмотрел на него.

Ридолф сжал губы:

— Я считаю, что надо твердо противостоять трудностям.

Бросив еще один взгляд на разоренный участок, Блентхейм решительно посмотрел на Ридолфа:

— Я принимаю ваши условия.

— Прекрасно. В таком случае давайте полетим в Гарсван и оформим наше пари официально.

Выходя от нотариуса некоторое время спустя, Магнус Ридолф положил свою копию контракта в кошелек, в отделение для микрофильмов. Он обернулся к Блентхейму, который хитро посматривал на него сквозь маску вежливости.

— Думаю, я останусь в городе до конца дня, — пояснил Ридолф, — возможно, возникнет необходимость перевезти туда кое-какое снаряжение.

— Очень хорошо, мистер Ридолф, — Блентхейм отточенно кивнул, ловко драпируя плащом плечи. — Желаю вам всяческого успеха с вашей плантацией.

— Благодарю вас, — с той же формальной вежливостью ответил Ридолф, — желаю и вам того же.

Блентхейм откланялся, а Ридолф вернулся на главную улицу. Главная улица, выложенная местной глиной, обожженной до твердокаменного состояния, была единственным живописным местом в Гарсване, в остальном не слишком-то красивом городе. Она начиналась от Космопорта, расположенного под огромным откосом красного сланца, ныряла в джунгли змеящегося дюймового мха и нависших деревьев. Магазины и жилые постройки делились примерно поровну: построенные в местном стиле из сланцевых плиток — с изогнутыми фронтонами и извилистыми углами — и возведенные чужаками серые барачные здания. Вдоль улочки располагались склады, местный офис профсоюза космонавтов, многофункциональное общественное здание, аптека в барочно-барачном стиле, местный рынок и стоянка вертолетов.

Там Ридолф обнаружил шесть или семь машин, довольно потрепанных и слишком дорогих. После беглого осмотра он выбрал шестиструйную «Шпору». Измучившись от скрипа шестеренок, Магнус привел вновь приобретенное средство передвижения в гараж, где приказал провести тщательный техосмотр и смазать машину.

Затем Ридолф отправился в офис СЗР, где его весьма любезно приняли. Он послал запрос и получил допуск к работе с компьютерной базой данных. Удобно устроившись в кресле, Магнус ввел запрос на информацию о резилиане, внимательно просматривая факты, картинки, формулы, статистические данные, проплывающие по экрану. Он заметил, что прочность резилиана примерно равна прочности средней стали, и с интересом обнаружил, что пропитанные гексо-пентанолом куски резилиана мгновенно слипаются друг с другом.

Ридолф откинулся в кресле, задумчиво постукивая карандашом по записной книжке, после чего запросил информацию о процессе получения резилиана из сырой тичоламы. Оказывается, пурпурные трубочки замораживали в жидком кислороде, пропускали через мацератор, где продукт измельчали, замачивали в гексанитродифениламиновой кислоте, затем — в спирте, после чего сушили в центрифуге. В результате получался волокнистый материал, напоминающий войлок. Этот материал расчесывали до тех пор, пока волокна не ложились параллельно друг другу, пропитывали гексо-пентанолом и прессовали в гомогенное вещество — резилиан.

В задумчивости Магнус сидел, глядя в пустоту. Внезапно встав, он покинул офис и пересек улицу, направившись в главную контору местной строительной компании. Проведя там около часа, Ридолф вернулся в ангар и взлетел над джунглями, стараясь двигаться строго на юг. Беспорядочные нагромождения бесплодных земель Боуро пронеслись внизу. Вскоре перед ним возник полуостров Песочные Часы. Между его плантацией и оставшейся частью Блентхейма, где уже шла уборка тичоламы, пролегла четкая граница.

Наос уже касался океана, когда Ридолф наконец закончил осмотр и посадил вертолет у дома. Чуук стоял в дверях, рассматривая поле тичоламы, его руки почти касались земли.

— Добрый вечер, Чуук, — поприветствовал его Магнус, передавая пакет. — Здесь бутылка вина для улучшения пищеварения.

— Р-ры-ы. — услышал он в ответ.

Ридолф бросил взгляд на кухню.

— Вижу, ты уже приготовил ужин. В таком случае давай-ка съедим наше тушеное мясо. Только этого и не хватает, чтобы нынешний вечер идеально подходил для решения интеллектуальных головоломок.

Ужин закончился, зеленые сумерки медленно наполнили из бесплодных земель. Магнус Ридолф вышел на улицу, наслаждаясь вечерней тишиной. Открывавшийся вид доставлял ему удовольствие — по многим причинам. Оливковый горный массив возвышался слева, поле мерцало зеленоватым светом, сине-зеленое небо слегка разбавляли несколько лавандово-оранжевых облаков над океаном. Слабый визг достиг его ушей, отдаленный, жалобный, словно плач одинокого привидения. Затем послышался далекий хор: «Оу-оу-оу-оу».

Ридолф вернулся в коттедж и вскоре появился на пороге в инфракрасных очках. Крикуны спускались с утесов, прыгая очертя голову с огромной высоты, подскакивая, словно ужасные блохи. Неужели они могут быть разумными, как люди? От подобных мыслей противная дрожь пробежала по позвоночнику.

«Оу-оу-оу», — взывал отдаленный хор, Крикуны бросились на тичоламу Ридолфа.

Магнус мрачно покачал головой: «Следующей ночью, мои незваные гости, вы запоете совсем другую песню».

Строительная бригада прибыла на следующее утро на огромном вертолете, тащившем на крепком тросе бульдозер. Спешно проглотив остатки тушеного мяса, Магнус Ридолф отвел их на опустошенный участок поля и объяснил, что необходимо сделать.

Во второй половине дня работа была закончена. После установки последнего предмета оборудования Магнус проверил работу механизма.

Крепкое бетонное укрепление, выросшее на границе разоренного участка, представляло собой прямоугольное строение без окон, установленное на надежном фундаменте. В ста ярдах от него располагался десятифутовый цилиндрический бетонный блок, глубоко вкопанный в землю.

Мощный трос, закрепленный на электрической лебедке, кольцом охватывал якорный блок, проходя по специальному стальному желобу. Свободный конец троса также крепился к лебедке.

Магнус Ридолф удовлетворенно осмотрел маленькую комнату внутри бетонной коробки. Для детальной проверки не было времени, но лебедка крутилась гладко и легко тянула трос. Внутри были сложены пластины резилиана, каждая толщиной в дюйм. К каждой пластине крепилась трехфутовая цепь.

Ридолф, бросив последний взгляд на сооружение, спокойно уселся в вертолет и вернулся в коттедж.

Чуук стоял в дверях.

— Чуук,— обратился к нему Ридолф,— ты считаешь себя храбрым, решительным и изобретательным?

Бутылочно-зеленые глаза расплзлись в противоположных направлениях:

— Я — повар.

— Мээ...— Ридолф решил попробовать другой ход.— Конечно, но сегодня ночью я хочу поближе посмотреть на Крикунов. Мне бы хотелось, чтобы рядом находился какой-нибудь помощник, поэтому я выбрал тебя.

Глаза Чуука еще более расфокусировались:

— Чуук занят сегодня ночью.

— Что же это за неотложное дело?

— Чуук пишет письмо.

Ридолф разозлился, но оставил его в покое. Во время ужина он еще раз предложил Чууку поучаствовать в ночной вылазке, но тот упрямствовал. Так что за час до заката

Ридолф закинул за спину легкий рюкзак и отправился на охоту. Когда он добрался до места, тень крайнего горного хребта уже поглотила небольшое бетонное сооружение. Не теряя времени, он зашел в темное помещение и бросил рюкзак на пол.

Первым делом Ридолф проверил дверь. Она легко двигалась вверх и вниз и надежно закрывалась. Он передвинул реостат, управляющий лебедкой. Барабан повернулся, трос мягко скользнул вокруг него. Убедившись, что все работает, Магнус прицепил одну из пластин резилиана цепью к тросу и положил прямо перед дверью. Затем он опустил дверь, оставив лишь узкую щелку, уселся, закурил и стал ждать.

Полумрак пробирался по темно-пурпурному полю, синее-зеленое небо постепенно окрашивалось в глубокий цвет морской волны. Вокруг стояла абсолютная тишина.

Со стороны гор донесся далекий, но пронзительный визг, эхом отразившийся в горных каньонах. словно в ответ на этот сигнал, послышались другие крики, несколько отчетливее, отчасти терявшиеся на бесконечных просторах пустоши.

«Оу-оу-оу-оу».

На этот раз вопли были громче и ближе. Ридолф, устроившись у небольшого смотрового отверстия, осторожно наблюдал за происходящим снаружи, отмечая беспорядочные, стремительно спускающиеся с холма силуэты, чернеющие на фоне неба. Он немного приоткрыл дверь, осмотрелся и вытолкнул наружу пластину резилиана, плотно захлопнув створку. Затем он вернулся к своему наблюдательному пункту.

Наполненные новыми дрожащими резкими оттенками вопли окружили его со всех сторон, и Магнусу удалось мельком увидеть темную фигуру вблизи. Звук удара по крыше, крик прямо над головой. Магнус нервно стиснул руки.

Кто-то приземлился прямо перед дверью, трос натянулся. Вопль стал громче, выше, что-то застучало по крыше. Трос сильно дернулся и закачался туда-сюда. Магнус хмуро улыбнулся. Теперь снаружи доносился ужасающий вой, полный гнева, кто-то яростно рвал цепь. Он смог рассмотреть это существо: выше человеческого роста, с длинными руками и ногами и узкой головой, оно бешено бросалось из стороны в сторону, стремясь вырваться из ловушки.

Ридолф запустил лебедку, трос потянул пластину, и его пленник примерно на десять футов приблизился к якорному блоку. Смазав следующую пластинку гексопентолом, Магнус прицепил ее к тросу, приподнял дверь и выкинул пластину наружу. Ее буквально выхватили у него из рук. Он захлопнул дверь и вернулся к смотровому отверстию. Еще один темный силуэт танцевал, прыгая туда-сюда вокруг троса, который, благодаря возникшей слабине, при каждом прыжке грохал незадачливого обжору оземь.

Крики снаружи почти оглушили Ридолфа, крепость оказалась в осаде. Он приготовил другую пластину, приоткрыл дверь и выбросил ее. Снова ее вырвали из рук, но на этот раз черные пальцы проникли в щель, вцепившись в дверь с костедробительной силой.

Магнус Ридолф предусмотрел и такую возможность. Стальная дверь была снабжена специальным засовом. Пальцы появились снова, и Ридолф достал тепловой пистолет. Сталь поменяла цвет, накаляясь от теплового пучка, ужасающее зловоние повисло в воздухе. Нападающие мгновенно отступили. Магнус прикрепил к тросу следующую пластину резилиана.

Прошло два часа. Ридолф методично и последовательно бросал пластину за пластиной под дверь, их хватали. Иногда черные пальцы пытались проникнуть в помещение, но он пускал в ход свое оружие, и вскоре комнатка наполнилась едким густым оранжевым дымом. Он закреплял пластинку, смазывал ее, выбрасывал, захлопывал дверь, запускал лебедку и принимал к глазку. Лебедка скрипела, бетонная коробка содрогалась от яростных рывков. Ридолф отправил наружу последнюю пластину. По всей длине троса дико скакали ужасные существа, по крыше барабанили оставшиеся.

Ридолф сел, прислонившись к бетонной стене, нащупал в рюкзаке флягу и сделал долгий глоток.

Скрип лебедки прервал его отдых, и, с трудом распрямив старые затекшие кости, он прильнул к глазку.

Его продуманные действия дали желанный результат: трос был плотно облеплен черными фигурами. Они извивались, вскакивали, и барабан пронзительно скрипел. Магнус Ридолф отпустил тормоз лебедки и несколько раз подергал трос. Его пленники поневоле заколыхались следом. Внезапно, подобно стае черных призраков, они бросили трос и поскакали к зданию.

Огромная дикая сила с жутким лязгом заколотила в стальную дверь. Та слегка подалась под ударами. Магнус нервно погладил бороду. Дверь должна была выдержать, так же как и хорошо углубленный в бетон засов. Впрочем, конечно, не существует постройки, которую невозможно разломать. Глухие удары по стенам подняли тучу пыли.

Ридолф прыжком оказался у смотрового отверстия, как раз вовремя, чтобы заметить большую черную фигуру, несущуюся прямо ему в голову. Он инстинктивно пригнулся. Раздался громкий треск. Должно быть, где-то пошла трещина. Магнус тревожно ощупал стену.

Он вернулся к своему наблюдательному пункту. Возможно, Крикуны нашли кусок стального бруска, и теперь используют его в качестве осадного орудия. Что если их способность к самоорганизации больше, чем он предполагал? Ридолф снова уселся на пол и вернулся к фляге. Вскоре он уже мирно дремал.

Магнус проснулся. Вокруг клубился густой едкий дым. Красный свет проникал в строение через смотровое отверстие, снаружи доносился сильный треск. Мгновение Ридолф сидел в задумчивости, пока его легкие не потребовали кислорода. Он поднялся, посмотрел на красные и белые языки пламени, поднимавшиеся от горящей тичоламы. Отыскав место в центре комнаты, Ридолф уселся.

«Неужели я погибну здесь, запеченный, словно глина в печи? Нет, несомненно, после некоторого размышления я найду выход.»

Ридолф достал бутылку с водой и аккумулятор. Опустив провода в воду, он включил ток, и пузырьки кислорода и водорода заколыхались на поверхности. Он поднес бутылку к лицу и вдохнул синтетический воздух¹...

Вертолет Блентхейма приземлился на посадочной площадке. Очень элегантный в темно-сером и красном, Блент-

¹ С точки зрения физики — полный бред, поскольку водорода выделялось бы в 2 раза больше, чем кислорода, так что полученная смесь была бы не только непригодна для дыхания, но и в условиях бушующего пожара взрывоопасна. Автор, видимо, об этом не знал. — *прим. переводчика.*

хейм ловко выпрыгнул и пошел к дому. Магнус Ридолф, появившись на пороге, приветливо кивнул.

— Доброе утро, доброе утро,— Блентхейм изящно просеменял к нему.— Я летел мимо и решил спуститься, чтобы сообщить вам, что сборщики почти закончили уборку на моем поле и смогут приступить к работе на вашем в начале следующей недели.

— Превосходно,— ответил Ридолф.

— Очень жаль, что эти ужасные Крикуны принесли вам такой ущерб,— вздохнул Блентхейм, глядя в направлении пустоши.— Должен же существовать способ прекратить это безобразие!

Ридолф кивнул. Блентхейм изучающе посмотрел на него.

— Вы выглядите очень усталым. Трудно привыкнуть к особенностям местного климата?

— О, я уже полностью освоился. У меня очень беспокойные и невоспитанные гости.

— Понятно. А что это за два купола на поле? Вы их построили?

Ридолф махнул холеной рукой.

— Наблюдательные посты, образно говоря. Первый оказался слишком далеким и уязвимым во многих отношениях, так что я построил второй, побольше.

— Ясно,— сказал Блентхейм,— Что ж, мне пора. Похоже, Крикуны хорошо порезвились на вашем поле. Вы все еще надеетесь получить шестьдесят пять тысяч мунитов с вашей плантации?

Магнус позволил себе улыбнуться, спрятав улыбку в густой кудрявой седой бороде.

— Надеюсь, намного больше. Моя общая прибыль от нашей сделки составит более двухсот тысяч мунитов.

Блентхейм замер, его глаза превратились в синие стекляшки:

— Двести тысяч мунитов? Вы... Могу я узнать, как вы пришли к такой цифре?

— Конечно,— радушно пояснил Ридолф.— Во-первых, естественно, я продам урожай. Двести акров превосходной тичоламы принесут сорок шесть тысяч мунитов. Во-вторых, доход от продажи примерно двухсот сорока тонн первосортного резилиана, по четверть мунита за фунт, или пятьсот мунитов за тонну. Вычтем стоимость перевозки, и итоговая прибыль составит больше ста тысяч — скажем, сто десять.

— Но где вы возьмете резилиан? — пробормотал Блентхейм, запинаясь и багровея.

Ридолф скрестил руки на груди, посмотрев через поле:

— Я изловил некоторое количество Крикунов.

— Что? Но как?

— Изучил их привычки и образ действия, и, конечно, их питание. Я понял, что Крикуны состоят из резилиана или родственного ему вещества. Исследования подтвердили мое первое предположение. За последние две недели я поймал более четырех тысяч особей.

— Как же вам это удалось?

— Они любопытны и агрессивны, — сказал Ридолф и объяснил Блентхейму устройство ловушки.

— А как вы убили их? Они ведь не уступают в прочности металлу.

— Только не днем. Они не выносят света и сворачиваются в плотные шары. После этого можно точным ударом мачете перерубить ствол центральной нервной системы.

Блентхейм кусал губы, жуя свои усы.

— Получается только сто пятьдесят или сто шестьдесят тысяч. Как вы получите двести?

— Очень просто, — усмехнулся Ридолф. — Поскольку мои расчеты построены на умозрительном предположении, я занизил цифру. Я получу сто тридцать тысяч мунитов от вас, что позволит мне вернуть начальные вложения. И я смогу продать эту прекрасную плантацию за сто семьдесят или сто восемьдесят тысяч мунитов. На поимку Крикунов я потратил около двадцати тысяч. Так что я достаточно хорошо посчитал.

Блентхейм в ярости отвернулся и пошел к вертолету. Ридолф потер руки.

— Зачем же так спешить? Может быть, останетесь на ланч? Не могу предложить вам ничего особенного, только тушеное мясо, но ваше общество будет мне приятно.

Блентхейм, не поворачиваясь, ушел. Мгновение спустя его вертолет поднялся в сине-зеленое небо. Магнус Ридолф вернулся в дом. Чуук поднял голову:

— Есть ланч.

— Как пожелаешь, — усаживаясь, ответил Ридолф, — Что это? Где тушеное мясо?

— Чуук устал от тушеного мяса, — проворчал повар. — Теперь мы едим мясо под луковым соусом.

СОДЕРЖАНИЕ

СИНИЙ МИР (Перевод С. Фроленка)	5
ХОЗЯЕВА ДРАКОНОВ (Перевод А. Лидина).....	143
СЫН ДЕРЕВА (Перевод К. Фенлар).....	229
ДОМА ИЗЗООМА (Перевод К. Фенлар).....	349
ПОСЛЕДНИЙ ЗАМОК (Перевод К. Фенлар).....	459
ПЫЛЬ ДАЛЕКИХ СОЛНЦ	
Дар речи (Перевод О. Додоновой).....	521
Додкин при деле (Перевод О. Додоновой).....	580
Убежище Ульварда (Перевод О. Додоновой).....	622
Пыль далеких солнц (Перевод О. Додоновой).....	649
Вопящие крикуны (Перевод В. Маргович)	678

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
о также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Дониэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10 ;

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ
вы можете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязонь, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарино, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Коретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

**Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10**

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Вэнс Джек
СИНИЙ МИР
Сборник

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*

Ведущий редактор *В. Гончаров*

Редакторы *В. Иванов, А. Неманис*

Художественный редактор *О. Адашкина*

Компьютерная верстка: *Н. Накрайников*

Корректор *В. Чаленко*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»

115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Джек Вэнс (родился в 1916 г.) — один из ярких представителей американской фантастики XX в. лауреат премий «Хьюго», «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези за «общий вклад в развитие жанра».

Талант Джека Вэнса удивительно многогранен, ибо перу его в равной степени подвластны фантастика классическая, фантастика приключенческая, фэнтези во всех возможных ее проявлениях — и самые невероятные, но всегда удачные гибриды вышеперечисленных жанров.

В сборник включены следующие произведения:

- «Синий мир»,
- «Хозяева драконов»,
- «Сын Дерева»,
- «Дом Иззоома»,
- «Последний замок»,
- «Пыль далеких солнц».

ISBN 5-17-024205-0

9 785170 242054